This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

217567

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

367/68

160

Protiv smertnoi kazni.

Противъ смертной казни.

2249

Сборникъ статей подъ редакціей
М. Н. ГЕРНЕТА, О. Б. ГОЛЬДОВСКАГО
и И. Н. САХАРОВА.

Статьи: еп. Антонина, прив.-доц. Н. Баженова, Н. Бердяева, депут. Эд. Бернштейна, П. Д. Боборыкина, д-ра И. А. Богословскаго, Г. Брандеса, проф. С. Н. Булгакова, проф. Бутру, Бьёрнстерне Бьёрнсона, деп. Вандервельда, А. Вергежскаго, депут. Вильсона, В. Владимирова, Волжскаго, Л. Гавэ, прив.-доц. М. Гернетъ, О. Б. Гольдовскаго, проф. И. М. Громогласова, прив.-доц. Н. В. Давыдова, проф. Еллинека, Э. Карпентера, депут. Кейръ Гарди, П. Крапоткина, проф. В. Кузьмина-Караваева, проф. А. Круазе, проф. Лависса, проф. Лорана, депут. Макдональда, П. и В. Маргеритъ, Масарика, проф. Ц. Минакова, Октава Мирбо, арх. Михаила, Моода, Вас. Ив. Немировича-Данченко, И. Новикова, Эл. Ожешко, Ф. Пасси, О. Пергамента, свящ. Гр. Петрова, Б. Прусса, Вас. Розанова, проф. Сеньобоса, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстого, Уоллэса, А. Франса, проф. Энрико Ферри, Р. М. Хинъ, А. Хирьякова, проф. М. П. Чубинскаго, д' Эстурнель де-Костанъ.

Приложеніе: Списокъ приговоренныхъ къ смертной казни, сост. М. Гернетъ. Пренія въ Госуд. Думѣ по вопросу о смертной казни.

Изданіе второе дополненное.

L5

HV8698
P78
1907

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1907.

О смертной казни [1]).

I.

Учрежденіе смертной казни есть послѣдняя важная позиція, которую *варварское* уголовное право (прямая трансформація *дикаго* обычая) еще отстаиваетъ въ современной жизни. Дѣло можно считать рѣшеннымъ. Все болѣе и болѣе рѣдѣетъ еще недавно густая толпа защитниковъ, которую собралъ кругомъ себя ветхій полуистлѣвшій идолъ, еле держащійся на двухъ подбитыхъ глиняныхъ ногахъ: на теоріи возмездія и на теоріи устрашенія.

Въ любопытной сравнительно-статистической таблицѣ, которую проф. Н. С. Таганцевъ [2]) приводитъ изъ книги Гетцеля, наглядно представленъ быстрый прогрессъ науки относительно этого вопроса. Гетцель, котораго сочиненіе по этому предмету отличается своею библіографической полнотою, беретъ всю извѣстную ему (западную) литературу о смертной казни за столѣтіе слишкомъ (отъ появленія знаменитой книги Беккаріи Dei delitti e delle pene и до 1869 г.). Оказывается, что во второй половинѣ XVIII вѣка число защитниковъ смертной казни еще было значительнымъ и нѣсколько превышало число ея противниковъ (первыхъ—61, вторыхъ—45), но уже съ начала XIX вѣка устанавливается обратное отношеніе, которое за первую половину этого вѣка

---

[1]) Статья Вл. Соловьева (изъ Полн. Собр. Сочин.).

[2]) Лекціи по русскому уголовному праву, стр. 1424 (выпускъ 4. Спб. 1892 г.).

выражается въ такихъ цифрахъ: на 79 защитниковъ уже 128 противниковъ, а затѣмъ въ эпоху, современную Гетцелю (1848—1869 гг.), число противниковъ (158) слишкомъ *втрое* больше числа защитниковъ (48), при чемъ нужно замѣтить, что къ числу послѣднихъ Гетцель съ нѣмецкою «Billigkeit» относитъ и тѣхъ криминалистовъ, которые, отрицая въ принципѣ смертную казнь, допускаютъ только ея сохраненіе на практикѣ, какъ временную мѣру. Если не останавливаться на 1869 г., то результатъ былъ бы еще болѣе блестящимъ. Такъ, у насъ, въ Россіи, послѣ смерти Баршева и Лохвицкаго не осталось *ни одного* криминалиста съ нѣкоторымъ именемъ въ наукѣ, который бы защищалъ смертную казнь.

Этому прогрессу въ наукѣ или въ теоретическомъ правосознаніи соотвѣтствуетъ такой же прогрессъ въ жизни или въ юридической практикѣ, законодательной и судебной. Во-первыхъ, поразительно сокращается самый объемъ приложенія смертной казни по закону, или число тѣхъ родовъ и видовъ преступленій, за которыя полагается эта кара. Еще въ концѣ XVIII вѣка (передъ революціей) во Франціи, напримѣръ, сумма такихъ криминальныхъ категорій была 115 (въ томъ числѣ контрабанда, протестантская проповѣдь, блудъ при духовномъ родствѣ, печатаніе и сбытъ запрещенныхъ книгъ), уже по code pénal 1810 г. оно сократилось до 38, а затѣмъ еще значительно уменьшилось по законамъ 1832 и 1848 гг. Въ Германіи и Австріи по кодексу Карла V, дѣйствовавшему и въ XVIII вѣкѣ, смертной казни подлежали 44 рода преступныхъ дѣяній (между ними: сочиненіе пасквилей, порча межевыхъ знаковъ, двоебрачіе, кража плодовъ и рыбы), а въ настоящее время смертная казнь сохраняется только въ двухъ случаяхъ: при предумышленномъ убійствѣ (Mord) и при посягательствѣ на жизнь императора. Въ Англіи по статутамъ, дѣйствовавшимъ еще въ началѣ XIX вѣка, число всѣхъ подлежавшихъ смертной казни родовъ и видовъ пра-

вонарушеній съ различными казуистическими подраздѣленіями выражается чудовищною цифрой: 6789, которая кажется нѣсколько менѣе изумительною, когда мы узнаемъ, что смертной казни по этимъ законамъ подлежали между прочимъ: порубка деревьевъ, увѣчье чужого скота, воровство выше одного шиллинга при нѣкоторыхъ отягчающихъ обстоятельствахъ, простое воровство въ 5 шиллинговъ, кража писемъ, злостное банкротство, угрозы на письмѣ, окрашиваніе серебряной монеты въ золотую или мѣдной въ серебряную и т. п.

Съ первыхъ годовъ XIX в. начинается въ Англіи фактическое, а затѣмъ и законодательное ограниченіе этой уголовной безмѣрности; особенно быстро пошло дѣло въ первой половинѣ царствованія королевы Викторіи, и послѣ коренного пересмотра статутовъ въ 1861 г. отъ 6789 случаевъ остается только два: государственная измѣна и убійство. Съ тѣхъ поръ предложеніе о совершенной отмѣнѣ смертной казни неоднократно вносилось въ парламентъ, и принятіе его, уже имѣвшее за себя большинство въ одной парламентской комиссіи, есть только вопросъ времени. Вполнѣ отмѣнена смертная казнь законодательнымъ путемъ: въ Румыніи съ 1864 г., въ Португаліи съ 1867 г., въ Голландіи съ 1870 г. и въ Италіи съ 1890 г. Въ Швейцаріи, отмѣненная по конституціи 1874 г., она была черезъ пять лѣтъ законодательно возстановлена изъ 25 въ 8 кантонахъ, но и здѣсь остается на практикѣ почти безъ примѣненія. Въ Россіи законодательное движеніе противъ смертной казни началось раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, но не пошло прямымъ путемъ къ ея полной отмѣнѣ, какъ въ только что названныхъ странахъ. Хотя за преступленія противъ общаго права эта казнь de jure не назначается съ самаго начала царствованія императрицы Елизаветы Петровны, но болѣе ста лѣтъ она сохранялась фактически и притомъ квалифицированная—подъ

D-217567

367/68

160

II.

Разсматривая (въ третьей главѣ) воззрѣніе на уголовное наказаніе, какъ на воздаяніе зломъ за зло, мы обратили вниманіе только на два крайніе конца этого воззрѣнія—на terminus a quo: первобытный, грубый обычай кровавой мести, связанный съ родовымъ бытомъ, и на terminus ad quem: схоластически отвлеченную «абсолютную» теорію равномѣрнаго возмездія. Но есть еще въ уголовно-правовомъ развитіи третій элементъ, давно утратившій въ этой области прямое практическое значеніе, не лишенный, однако, скрытаго вліянія на умы консервативнаго направленія, и именно по вопросу о смертной казни.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отдѣльность нормъ и учрежденій политико-юридическихъ отъ нормъ и учрежденій религіозныхъ есть фактъ сравнительно поздній, а первоначально эти двѣ области сливались между собою, что порождало явленія и понятія совершенно на нашъ взглядъ неожиданныя. Если современный человѣкъ, знающій по-латыни, но незнакомый съ древностями, прочтетъ въ законѣ XII таблицъ при обозначеніи какого-нибудь преступленія, напри-

---

монографіямъ я долженъ присоединить весьма содержательное резюме вопроса въ упомянутомъ 4-мъ выпускѣ лекцій Н. С. Таганцева (стр. 1234 — 1253 и далѣе 1422 — 1450). Фактическія данныя взяты мною главнымъ образомъ у Кистяковскаго и Таганцева. Что касается до моего, безусловно отрицательнаго, взгляда на смертную казнь, то онъ предшествовалъ моему знакомству съ литературою предмета. Еще въ отрочествѣ, высказавъ какъ-то свое отвращеніе къ холодному убіенію безоружнаго человѣка, я услышалъ отъ моего отца такое внушительное опредѣленіе: „Смертная казнь—это мерзость, это измѣна христіанству!“ Съ тѣхъ поръ отрицаніе этой „мерзости“ сдѣлалось во мнѣ неподвижною идеей, потребовавшею затѣмъ только отчетливаго логическаго выраженія и фактическихъ подтвержденій.

мѣръ, ночной кражи плодовъ, такую краткую формулу наказанія: *sacer esto,* то онъ хотя и не переведетъ этого *да будетъ священнымъ* (вспомнивъ, быть-можетъ, auri sacra fames и французское sacré nom d'un chien), однако подъ вліяніемъ новѣйшихъ понятій не сразу догадается, что это собственно значитъ: *да будетъ зарѣзанъ* или да подлежитъ закланію. Во всякомъ случаѣ такая омонимія покажется ему очень странной. Между тѣмъ тутъ не было вовсе никакой омоніміи, т.-е. употребленія одного слова для различныхъ понятій, одному слову здѣсь отвѣчало одно понятіе, такъ какъ въ извѣстную эпоху подъ *освященіемъ,* когда дѣло касалось живыхъ существъ, ничего другого и не мыслилось, кромѣ предустановленнаго *умерщвленія* [1]). Вообще освящать значило: изъ суммы однородныхъ предметовъ (людей, животныхъ, плодовъ и т. д.) *отдѣлять* нѣкоторые, чтобы отдать ихъ божеству. Первоначальный, коренной способъ этого отдаванія состоялъ въ жертвоприношеніи, то-есть въ торжественномъ истребленіи отдѣленныхъ предметовъ, что и было ихъ окончательнымъ освященіемъ. Основаній, по которымъ именно такіе и эти, а не другіе, предметы подлежали освященію или истребленію, было много; главныя изъ нихъ были двоякаго рода: естественныя, каково *первородство* (приносились въ жертву *первенцы* людей и скота, *начатки* плодовъ и т. д.), и соціальныя, въ силу которыхъ приносились въ жертву чужеземцы (что было особенно лестно для національнаго божества), военноплѣнные и преступники. Такъ какъ нормы общежитія тѣснѣйшимъ образомъ связывались съ богопочитаніемъ, какъ прямыя выраженія высшей воли, то всякое нарушеніе этихъ нормъ понималось какъ оскорбленіе божества, которому нарушитель и выдавался головой: sacer esto!

---

[1]) По-сербски и теперь *осветите,* значитъ — *зарѣзать.*

Въ области библейскихъ представленій между двумя основаніями «освященія»: первородствомъ и преступленіемъ, просвѣчиваетъ мистическая связь, поскольку первенецъ рода человѣческаго, Адамъ, и его первенецъ, Каинъ, были оба и первыми преступниками—одинъ прямо противъ Бога, другой—противъ человѣка [1]). Не касаясь теологической стороны вопроса, замѣтимъ, однако, что именно Библія, разсматриваемая въ цѣломъ, высоко поднимаетъ человѣческое сознаніе надъ темною и кровавою почвою дикой религіозности и религіозной дикости, изъ которой языческіе народы лишь отчасти выбивались въ своихъ высшихъ классахъ, благодаря развитію греческой философіи и римской юриспруденціи.

Въ Библіи по нашему вопросу обозначаются три главные момента: 1) Послѣ перваго убійства *провозглашеніе нормы:* преступникъ, даже братоубійца, не подлежитъ казни человѣческой: «И отмѣтилъ Превѣчный Каина, чтобы кто-нибудь не убилъ его». 2) Послѣ потопа, вызваннаго крайними обнаруженіями зла въ человѣческой природѣ—*приспособленіе нормы* къ «жестокосердію людей»: «Кто прольетъ кровь человѣка,—человѣкомъ прольется кровь его»; это приспособительное положеніе подробно развивается и осложняется въ Моисеевомъ законодательствѣ. 3) Возвращеніе къ нормѣ: у пророковъ и въ Евангеліи. «Мнѣ отмщеніе,—говоритъ Превѣчный,—Я воздамъ». Чѣмъ воздастъ? «Милости хочу, а не жертвы». «Я пришелъ взыскать и спасти погибшее».

Библія есть многосложный, тысячу лѣтъ выраставшій духовный организмъ, совершенно чуждый внѣшняго однообразія и прямолинейности, но удивительный по внутреннему единству и стройности цѣлаго. Выхватывать произвольно изъ

---

[1]) Потомство же Каина, истребленное потопомъ, представляло собой третій типъ преступности — противъ природы, что впослѣдствіи въ малыхъ размѣрахъ повторилось въ Содомѣ и Гоморрѣ.

этого цѣлаго однѣ промежуточныя части, безъ начала и конца, есть дѣло фальшивое и пустое, а ссылаться на *Библію вообще* въ пользу смертной казни—свидѣтельствуетъ или о безнадежномъ непониманіи, или о безпредѣльной наглости. Тѣ, кто, подобно Жозефу де-Местръ, сближаютъ понятіе смертной казни съ понятіемъ искупительной жертвы, забываютъ, что искупительная жертва за всѣхъ уже принесена Христомъ, что она всякія другія кровавыя жертвы упразднила и сама продолжается лишь въ безкровной евхаристіи—забвеніе изумительное со стороны лицъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Поистинѣ допускать еще какія-нибудь искупительныя жертвы, значитъ—отрицать то, что сдѣлано Христомъ, значитъ—измѣнять христіанству.

III.

Негодная лже-религіозная замазка не можетъ исправить растреснувшуюся глину «абсолютной» метафизической криминалистики, требующей сохраненія смертной казни, какъ должнаго воздаянія за преступленіе. Посмотримъ, крѣпче ли другая глиняная нога этого гнуснаго кумира—утилитарное воззрѣніе, находящее смертную казнь самою цѣлесообразною мѣрою общественной обороны противъ важнѣйшихъ преступниковъ.

Лишь очень немногіе криминалисты, стоящіе на точкѣ зрѣнія пользы, понимаютъ пользу смертной казни въ прямомъ смыслѣ — какъ самаго простого и дешеваго способа отдѣлаться отъ преступника. Большинство писателей *стыдятся* этой простоты. А между тѣмъ, если стоять на точкѣ зрѣнія пользы и только пользы, то что можно противопоставить соображенію о надежности и дешевизнѣ висѣлицы сравнительно съ тюрьмой? И не ясно ли также, что если это средство выгодно относительно десяти или двадцати преступниковъ, то

оно тѣмъ болѣе выгодно относительно десяти тысячъ, и что всего выгоднѣе для общества вѣшать всѣхъ преступниковъ и всѣхъ людей, которые ему въ тягость. А если такого вывода стыдятся, то, значитъ, стыдятся и того принципа, изъ котораго этотъ выводъ съ логическою необходимостью вытекаетъ. Но какую же цѣну можетъ имѣть теорія, сторонники которой должны признать постыднымъ ея собственный принципъ?

Со времени Анзельма Фейербаха почти всѣ криминалисты утилитарнаго направленія признаютъ пользу смертной казни лишь въ косвенномъ смыслѣ—со стороны ея устрашающаго дѣйствія. Но именно относительно смертной казни этотъ взглядъ допускаетъ *опытную провѣрку*. Если (какъ мы признали въ предыдущей главѣ) вопросъ о цѣлесообразности устрашающихъ наказаній вообще остается на *эмпирической почвѣ* спорнымъ, то о смертной казни въ частности этого сказать нельзя: здѣсь, вслѣдствіе простоты и опредѣленности данныхъ, вопросъ можетъ получить безспорное опытное рѣшеніе.

Если бы защитники смертной казни въ смыслѣ необходимаго устрашенія, удерживающаго отъ совершенія преступленій, были серьезно и послѣдовательно убѣждены въ своемъ тезисѣ и признавали его полную силу, то они должны бы были задуматься надъ слѣдующимъ приведеніемъ ихъ взгляда къ абсурду. Производимое смертною казнью устрашеніе есть *необходимое* средство для удержанія отъ преступленій; слѣдовательно, по мѣрѣ неупотребленія этого необходимаго средства, число преступленій должно соотвѣтственно возрастать; независимо отъ этого, оно, конечно, возрастаетъ естественнымъ приростомъ (и увеличивающеюся скученностью) населенія. Приложимъ это къ фактамъ. При Генрихѣ VIII въ Англіи казнили ежегодно 5000 преступниковъ; съ тѣхъ поръ населеніе возросло въ 12 разъ, слѣдовательно, если бы

«необходимое» средство устрашенія продолжало примѣняться, то слѣдовало бы теперь казнить ежегодно 60,000 злодѣевъ; вмѣсто того теперь казнятъ среднимъ числомъ всего 15 человѣкъ, то-есть въ 4000 разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы; такое сокращеніе «необходимой» мѣры устрашенія должно бы соотвѣтственно повліять на увеличеніе числа преступленій, и если для царствованія Генриха VIII считать ихъ (чтобы быть великодушнымъ) столько же, сколько было казнимо, т.-е. по 5000 въ годъ, то теперь этихъ, уже болѣе не казнимыхъ, преступленій должно бы совершаться не менѣе 20 милліоновъ ежегодно, то-есть не только всѣ взрослые англичане должны бы оказаться поголовно профессіональными преступниками, но, пожалуй, и нѣкоторой части грудныхъ младенцевъ обоего пола пришлось бы для оправданія теоріи обкрадывать своихъ кормилицъ или дѣлать порубки въ чужихъ лѣсахъ.

Противъ такого абсурднаго вывода изъ ихъ теоріи приверженцы устрашенія имѣютъ только одинъ доводъ, который въ сущности есть отреченіе отъ ихъ принципа. Они могутъ сказать, что обиліе казней есть лишь условная необходимость и вопросъ времени: при Генрихѣ VIII нужно было по 5000 казней въ годъ, вслѣдствіе грубости и дикости нравовъ и неустойчивости общежитія, а теперь довольно и 15 для устрашенія наиболѣе опасныхъ преступныхъ стремленій; но если преступность до такой степени ослабѣла въ силу общественнаго прогресса или благопріятнаго измѣненія жизненныхъ условій, то на этой положительной почвѣ и нужно до конца бороться съ преступленіями, оставивъ разъ навсегда казни какъ безполезную жестокость.

Но есть ли въ самомъ дѣлѣ вопіющая безсмыслица утверждать, что вчера еще склонность къ воровству была такъ сильна въ обществѣ, что воровъ можно было напугать только висѣлицей, а сегодня эта склонность вдругъ почему-то ослабѣла, и для нихъ уже и тюрьма оказывается достаточно

страшной, а висѣлица должна оставаться только для убійцъ, которые почему-то тюрьмы не боятся?

Опытная провѣрка мнимой устрашающей силы смертной казни можетъ быть сдѣлана прямо безъ всякаго сопоставленія между собою отдаленныхъ эпохъ. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка сравнительно съ двадцатыми годами того же вѣка никакой существенной разницы въ соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ жизни не было, а потому если бы вообще смертная казнь имѣла вліяніе на проявленіе преступности, то послѣдовавшее въ это время, вслѣдствіе отмѣны старыхъ статутовъ, быстрое сокращеніе смертныхъ казней (со 115 въ годъ до 15 и даже 10) должно было бы сказаться значительнымъ увеличеніемъ злодѣяній, за которыя больше не грозила смерть. Между тѣмъ не только значительнаго, но и никакого увеличенія числа преступленій въ Англіи не произошло, а обнаружилось, напротивъ, нѣкоторое ихъ уменьшеніе [1]). Въ Тосканѣ, гдѣ смертная казнь была совершенно отмѣнена еще въ XVIII вѣкѣ (сначала фактически, потомъ и по закону), никакого увеличенія преступности не оказалось, и безполезность ея была такъ очевидна, что всѣ позднѣйшія попытки ея возстановленія (по соображеніямъ политическимъ) не имѣли успѣха: общественное мнѣніе не допускало исполненія смертныхъ приговоровъ. Въ Австріи въ самомъ Императорскомъ декретѣ (1803), которымъ возстановлялась смертная казнь, отмѣненная прежде Іосифомъ II, признается тотъ фактъ, что за время отмѣны число преступленій не увеличилось. И во всѣхъ другихъ случаяхъ отмѣны, кончая послѣдними, совершившимися на нашихъ глазахъ, результатъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: замѣтнаго увеличенія числа преступленій, какъ слѣдовало бы по теоріи устрашенія, въ дѣйствительности не происходитъ. Нельзя себѣ представить болѣе блестящаго

---

[1]) Archiv des Criaminalrechts, 1840, 1841. Кистяковскій, 40.

опытнаго опроверженія этой теоріи, послѣдній ударъ которой нанесенъ въ наши дни устраненіемъ публичнаго исполненія смертной казни. Ясно, что казнь, совершаемая секретно и стыдливо, не предназначена для устрашенія. Фактъ этой секретности довольно краснорѣчивъ, но еще краснорѣчивѣе его основаніе: было констатировано, что публичныя экзекуціи, производя деморализующее дѣйствіе на толпу, сопровождались подъемомъ преступности въ данной мѣстности.

Сравните теперь это робкое, краснѣющее, по возможности комфортабельное для жертвы, юридическое убійство украдкой, въ стѣнахъ тюрьмы, въ утреннія сумерки,—сравните его со всѣми великолѣпіями прошлыхъ временъ: торжественно по цѣлымъ днямъ на многолюдныхъ площадяхъ при колокольномъ звонѣ у сотенъ людей вытягивали кишки, сдирали кожу, жгли ихъ медленнымъ огнемъ, разрывали по суставамъ, заливали горло свинцомъ, варили въ кипяткѣ, въ горячемъ маслѣ и винѣ! Отъ всего этого пришлось отказаться, и если самъ адъ не устоялъ передъ проснувшеюся совѣстью, неужели устоитъ его блѣдная трепещущая тѣнь?

IV.

«Никто,—говоритъ извѣстный ученый, знатокъ этого вопроса,—никто даже изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ смертной казни не могъ въ защиту необходимости ея привести хотя малѣйшій фактъ, который бы доказалъ, что отмѣна ея въ упомянутыхъ государствахъ (въ Тосканѣ и др.) повлекла за собою увеличеніе преступленій, что она сдѣлала менѣе безопасными общественный порядокъ, жизнь и имущество гражданъ. Упомянутая отмѣна естественно низводила изслѣдованіе о смертной казни изъ заоблачныхъ сферъ теоріи на почву здраваго и нелживаго опыта» [1]). Благодаря этому

[1]) Кистяковскій, стр. 11.

опыту личное мнѣніе отдѣльныхъ передовыхъ умовъ *о безполезности* смертной казни для защиты общества стало теперь положительною истиной, экспериментально доказанною, и оспаривать эту истину могутъ только или незнаніе, или недобросовѣстность, или предвзятость.

Но безполезная матеріально для общества смертная казнь духовно вредна, какъ безнравственное дѣйствіе самого общества.

Это есть дѣйствіе нечестивое, безчеловѣчное и постыдное.

И, во-первыхъ, смертная казнь нечистива, такъ какъ, по своей безотносительности и окончательности, она есть присвоеніе человѣческою юстиціей того абсолютнаго характера, который можетъ принадлежать только суду Божію, какъ выраженію божественнаго *всевѣдѣнія*. Преднамѣренно и обдуманно вычеркивая этого человѣка изъ числа живыхъ, общество заявляетъ: *я знаю,* что этотъ человѣкъ безусловно виновенъ въ прошедшемъ, безусловно негоденъ въ настоящемъ и безусловно неисправимъ въ будущемъ. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ не только о будущей неисправимости этого человѣка, но и объ его прошедшей виновности, хотя бы лишь фактической, обществу и его судебнымъ органамъ ничего вполнѣ достовѣрнаго неизвѣстно, что достаточно доказывается многими обнаруживающимися судебными ошибками, то не есть ли это явно нечестивое посягательство на предѣлы вѣчные и слѣпое безуміе человѣческой гордости, ставящей свое относительное знаніе и условную справедливость на мѣсто всевидящей правды Божественной. Или смертная казнь совсѣмъ не имѣетъ никакого смысла или она имѣетъ смыслъ нечестивый.

Во-вторыхъ, смертная казнь *безчеловѣчна*—не со стороны чувства, а со стороны нравственнаго принципа. Вопросъ совершенно принципіальный: *должно* ли признавать въ человѣческой личности какой-нибудь предѣлъ для внѣшняго

2249

на нее дѣйствія, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извнѣ? Тотъ ужасъ, какой внушаетъ убійство, достаточно показываетъ, что *есть* такой предѣлъ и что онъ связанъ съ жизнью человѣка. Не самый фактъ физическаго существованія важенъ, а то, что въ узкія рамки этого факта вмѣщена для насъ теперь и имъ обусловлена вся безконечная судьба человѣка. Убійство возмутительно не разрушеніемъ видимой дѣйствительности, всегда ограниченной и большею частью неважной, а тѣми безграничными возможностями, которыя оно, не вѣдая ихъ, уничтожаетъ. Это есть преступленіе по преимуществу, потому что здѣсь переступается крайній предѣлъ между двумя существами и ниспровергается послѣднее основаніе всякихъ отношеній,—то, что есть необходимое условіе для всего остальнаго. Но вотъ страшное дѣло совершилось, человѣкъ превратилъ другого въ бездушную вещь. Допустимъ, что этому нельзя было помѣшать, допустимъ, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодуетъ, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушнымъ. Но, справедливо ужасаясь передъ убійствомъ, какимъ дѣломъ выразитъ оно свое чувство?—новымъ убійствомъ. По какой же это логикѣ повтореніе зла есть добро? Развѣ убійство возмутительно тѣмъ, что убитъ хорошій человѣкъ? Онъ былъ, можетъ-быть, негодяемъ. Но возмутительно самое дѣйствіе воли, переступающей нравственный предѣлъ, возмутителенъ человѣкъ, говорящій другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобою никакого значенія, никакого права, даже права на существованіе, и доказывающій это на дѣлѣ. Но вѣдь именно такъ и поступаетъ общество относительно преступника, и притомъ безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, безъ страсти, безъ порочныхъ инстинктовъ, безъ душевнаго разстройства. Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія фанатическая толпа, которая, подъ вліяніемъ безотчетнаго негодо-

ванія, убиваетъ преступника на мѣстѣ; но общество, которое дѣлаетъ это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имѣетъ извиненія.

Особое зло и ужасъ убійства состоитъ, конечно, не въ фактическомъ отнятіи жизни, а во внутреннемъ отреченіи отъ основной нравственной нормы, въ рѣшимости отъ себя, собственнымъ дѣйствіемъ, разорвать окончательно связь общечеловѣческой солидарности относительно этого дѣйствительнаго, передо мною стоящаго ближняго, такого же, какъ и я, носителя образа и подобія Божія. Но эта *рѣшимость покончить* съ человѣкомъ гораздо яснѣе и полнѣе, чѣмъ въ простомъ убійствѣ, выражается въ смертной казни, гдѣ, кромѣ этой рѣшимости и ея исполненія, совсѣмъ ничего нѣтъ. У общества по отношенію къ казнимому преступнику остается только animus interficiendi въ абсолютно чистомъ видѣ, совершенно свободный отъ всѣхъ тѣхъ физіологическихъ и психологическихъ условій и мотивовъ, которые затемняли и закрывали сущность дѣла въ глазахъ самого преступника, совершилъ ли онъ убійство изъ корыстнаго расчета, или подъ вліяніемъ менѣе постыдной страсти. Никакихъ такихъ осложненій мотиваціи не можетъ быть при смертной казни; все дѣло здѣсь выведено на чистоту: единственная цѣль—покончить съ этимъ человѣкомъ, чтобы его вовсе не было на свѣтѣ. Смертная казнь есть убійство, какъ такое, абсолютное убійство, то-есть принципіальное отрицаніе коренного нравственнаго отношенія къ человѣку.

Это въ сущности признаютъ и защитники смертной казни, которые иногда проговариваются самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, одинъ изъ нихъ на требованіе отмѣны смертной казни отвѣчалъ знаменитой фразой: «Пусть господа убійцы начнутъ первые!» Здѣсь казнь прямо приравнивается къ убійству, и казнящее общество ставится на одну доску съ «господами убійцами», то-есть съ единичными преступ-

никами, которымъ даже присвоивается привилегія быть образцами и руководителями цѣлаго общества въ его исправленіи.

Менѣе наивные сторонники гильотины и висѣлицы прибѣгаютъ къ уловкамъ, заслуживающимъ вниманія по своей непослѣдовательности. Смерть, говорятъ они, не есть окончательная потеря существованія, человѣческая душа живетъ и за гробомъ, смерть есть только переходъ, вовсе не имѣющій безусловнаго значенія и т. д. Но если конецъ видимаго, земного существованія такъ не важенъ, то почему же васъ до такой степени ужасаетъ убійство? А если, несмотря на загробную жизнь, есть основаніе ужасаться убійствомъ, то позволительно ли его повторять въ худшихъ условіяхъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ такъ легко смотрите на смерть, то относитесь легче къ убійствамъ, а если они васъ такъ возмущаютъ, то остерегайтесь подражать имъ въ этой жизни подъ предлогомъ ея продолженія за гробомъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ смертная казнь могла быть допущена только съ точки зрѣнія будущей жизни, то произносить и исполнять смертные приговоры было бы по совѣсти позволительно только лицамъ, вѣрящимъ въ безсмертіе души, что въ настоящее время есть, къ сожалѣнію, скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило, да и помимо этого совмѣстима ли съ понятіемъ закона и суда подобная обусловленность субъективными мотивами личной вѣры?

Будучи нечестивою и безчеловѣчною, смертная казнь имѣетъ и *постыдный* характеръ, который уже давно закрѣпленъ за нею общественнымъ чувствомъ, какъ это видно изъ всеобщаго презрѣнія къ *палачу*. Война, дуэль, открытое убійство могутъ быть безчеловѣчны, ужасны, съ извѣстной точки зрѣнія безсмысленны, но особаго, специфическаго элемента *постыдности* въ нихъ нѣтъ. Что бы ни говорили сторонники вѣчнаго мира, военный человѣкъ, сражающійся про-

тивъ вооруженныхъ противниковъ съ опасностью собственной жизни, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возбуждать къ себѣ презрѣнія. Хотя дуэль нельзя и сравнивать съ войною, хотя дуэлистъ справедливо вызываетъ негодованіе и преслѣдуется какъ за преступленіе, но все-таки человѣка, выходящаго на барьеръ, никто за одно это искренно не презираетъ и по той же причинѣ: этотъ человѣкъ возвышается, по крайней мѣрѣ, надъ инстинктивнымъ страхомъ смерти и показываетъ, что его собственная физическая жизнь сама по себѣ безъ извѣстныхъ нравственныхъ (хотя бы и ошибочно понятыхъ) условій не имѣетъ для него цѣны. То же до нѣкоторой степени можно сказать и про иные случаи убійства. Но вся эта сторона самопожертвованія или риска собственною жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая въ извѣстныхъ случаяхъ ужасъ прямого убійства,—въ смертной казни совершенно отсутствуетъ. Здѣсь заранѣе и завѣдомо обезоруженный и связанный человѣкъ убивается человѣкомъ вооруженнымъ, совершенно ничѣмъ не рискующимъ и дѣйствующимъ исключительно изъ низкаго своекорыстія. Отсюда специфически постыдный характеръ смертной казни и безграничное всеобщее презрѣніе къ палачу.

Лучше всякихъ отвлеченныхъ аргументовъ говоритъ здѣсь прямое нравственное сознаніе и чувство, которое такъ ярко выражено въ превосходномъ стихотвореніи Хомякова Rittersprüch — Richtersprüch:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ,
Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня ты, поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,

По градамъ и селамъ пожары простеръ, —
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!
А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете ль? О стыдъ и позоръ!

Странно было бы опровергать постыдность смертной казни и презрѣнность палача указаніемъ на тѣ древнія времена, когда смертная казнь была священнодѣйствіемъ и совершалась жрецами, а также и на ту болѣе позднюю старину, когда и свѣтскія высокопоставленныя лица не гнушались исполнять обязанности палача. Что же это можетъ доказывать? Было время, когда проституція, какъ въ естественныхъ, такъ и въ противоестественныхъ формахъ, была религіознымъ учрежденіемъ. Но изъ того, что женщины древняго Вавилона смотрѣли на блудъ съ иностранцами за деньги, какъ на священнослуженіе богинѣ Милиттѣ, не вытекаетъ никакого оправданія проституціи для нашихъ дней. Точно такъ же никакія воспоминанія о каннибальской старинѣ не помѣшаютъ тому, что на той ступени нравственнаго сознанія, которой уже достигъ теперешній средній человѣкъ, смертная казнь осуждена не только какъ нечестивое и безчеловѣчное, но и какъ постыдное дѣло.

Будучи противна первоосновамъ нравственности, смертная казнь вмѣстѣ съ тѣмъ есть отрицаніе *права* въ самомъ его существѣ. Мы знаемъ (см. во II главѣ), что это существо состоитъ въ равновѣсіи двухъ нравственныхъ интересовъ:

личной свободы и общаго блага, откуда прямой выводъ, что послѣдній интересъ (общаго блага) можетъ только *ограничивать* первый (личную свободу каждаго), но ни въ какомъ случаѣ не имѣть въ намѣреніи его полное упраздненіе, ибо тогда, очевидно, всякое равновѣсіе было бы нарушено. Поэтому мѣры противъ какого бы то ни было лица, внушенныя интересомъ общаго блага, никакъ не могутъ доходить до устраненія этого лица, какъ такого, чрезъ лишеніе его жизни или чрезъ пожизненное отнятіе у него свободы. Слѣдовательно, законы, допускающіе смертную казнь, пожизненную каторгу или пожизненное тюремное заключеніе, не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія юридической, какъ упраздняющіе окончательно данное правовое отношеніе чрезъ упраздненіе одного изъ его субъектовъ. Притомъ утвержденіе, что общее благо въ извѣстныхъ случаяхъ требуетъ окончательнаго упраздненія даннаго лица, представляетъ и внутреннее логическое противорѣчіе. Общее благо потому только и есть *общее*, что оно содержитъ въ себѣ благо всѣхъ единичныхъ лицъ безъ исключенія,—иначе оно было бы лишь благомъ большинства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы общее благо состояло въ простой ариѳметической суммѣ всѣхъ частныхъ интересовъ отдѣльно взятыхъ, или заключало въ себѣ сферу свободы каждаго лица во всей ея безпредѣльности,—это было бы другое противорѣчіе, такъ какъ эти сферы личной свободы могутъ сами по себѣ отрицать другъ друга и, дѣйствительно, отрицаютъ. Но изъ понятія *общаго* блага съ логическою необходимостью слѣдуетъ, что, ограничивая именно какъ общее (общими предѣлами) частные интересы и стремленія, оно никакъ не можетъ упразднять хотя бы одного носителя личной свободы или субъекта правъ, отнимая у него жизнь и самую возможность свободныхъ дѣйствій. Общее благо по самому своему понятію должно быть благомъ *и этого человѣка;* но когда оно лишаетъ его суще-

ствованія и возможности свободныхъ дѣйствій, слѣдовательно, возможности какого бы то ни было блага,—тѣмъ самымъ это мнимо-общее благо перестаетъ быть благомъ и для него, слѣдовательно, утрачиваетъ свой общій характеръ, само становится лишь частнымъ интересомъ, а поэтому теряетъ и свое право ограничивать личную свободу.

И въ этомъ пунктѣ мы видимъ, что нравственный идеалъ вполнѣ согласенъ съ истинною сущностью права. Вообще право въ своемъ особомъ элементѣ принужденія къ минимальному добру хотя и различается отъ нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, но и въ этомъ своемъ принудительномъ характерѣ, служа реальному интересу той же нравственности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей противорѣчить. Поэтому, если какой-нибудь положительный законъ находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ нравственнымъ сознаніемъ добра, то мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что онъ не отвѣчаетъ и существеннымъ требованіямъ права, и правовой интересъ относительно такихъ законовъ можетъ состоять никакъ не въ ихъ сохраненіи, а только въ ихъ *правомѣрной* отмѣнѣ.

Смертная казнь — преступленіе.

И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни. И сталъ человѣкъ душою живою (Быт. 2 гл., 7 ст.).

Не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать (Ев. Лук. 9 гл., 55—56 ст.).

Правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая послѣднему (слова Екатерины II).

Смертная казнь есть преступленіе. Преступленіе тяжкое. Преступленіе жестокое. Преступленіе безсмысленное.

1. Смертная казнь есть преступленіе. Она есть величайшее самоуправство, какое только можетъ быть совершено на землѣ. Она попираетъ права Божіи и убиваетъ, разрушаетъ самое дорогое на землѣ—жизнь человѣка.

Жизнь человѣка есть даръ Бога, и никакая человѣческая сила, никакая земная власть не въ правѣ этотъ даръ отнять. Жизнь есть Божій огонь въ человѣкѣ. Его зажигаетъ въ человѣкѣ Самъ Богъ. И Самъ Богъ только и воленъ этотъ огонь, это дыханіе души живой прекратить.

Мы считаемъ грубымъ разрушеніемъ, проявленіемъ дикаго варварства, если кто уничтожаетъ произведенія искусства, разбиваетъ статуи, превращаетъ въ прахъ картины, книги, изобрѣтенія и другія производства. Что сказать о казни человѣка? О разрушеніи совершеннѣйшаго произведенія природы?

И наука и религія говорятъ намъ о длинномъ пути творческихъ силъ, о постепенномъ, все болѣе премудромъ, все болѣе прекрасномъ раскрытіи и проявленіи ихъ. Образовы-

вались міры. Зажигались солнца. Возникала жизнь на землѣ. Появлялись животныя. Сначала простѣйшія, потомъ болѣе сложныя, болѣе развитыя. И наконецъ Господь вдунулъ въ лицо человѣка дыханіе жизни, озарилъ земное существо отблескомъ Своего Божества, даровалъ праху Свой образъ и Свое подобіе. На землѣ загорѣлась мысль. Душа человѣка наполнилась чувствомъ прекраснаго. Сердце стало волноваться самыми разнообразными чувствами.

Человѣкъ, явившійся въ концѣ мірового творенія, самъ сталъ творить. Творитъ науку, творитъ искусство, творитъ новыя, все лучшія и лучшія формы жизни. Раскрываетъ, разрабатываетъ заложенныя въ немъ высшія Божіи начала.

Нѣкогда древніе греки сложили сказаніе, что Прометей, жалѣя темную и холодную жизнь людей безъ огня, поднялся на небо къ богамъ, похитилъ тамъ священный огонь и принесъ его на землю, осчастливилъ человѣчество. Мы послѣ грековъ ушли много впередъ, стали лучше и глубже ихъ понимать и жизнь и человѣка. Мы знаемъ теперь, что каждый человѣкъ можетъ быть Прометеемъ, что въ каждомъ и въ каждой изъ насъ есть священный огонь внутри и что для блага человѣчества, для тепла и свѣта радости жизни этотъ священный огонь надо добыть; высѣчь, какъ изъ кремня, изъ человѣка. Надо добыть. Раздуть. Пробудить.

Раздуть, а не *задуть*. Оживить духъ человѣка, а не умертвить совсѣмъ душу живую. Когда ученики Іисуса Христа въ гнѣвѣ на обидчиковъ самарянъ хотѣли однажды молиться объ истребленіи виновныхъ, — Христосъ Спаситель остановилъ учениковъ и сказалъ:

— Не знаете, какого вы духа. Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать.

Кто же теперь въ правѣ губить человѣческую жизнь, обрекать ее на смерть? Какою силою и во имя чего кто-либо воленъ переходить отъ одного живого Божія свѣтильника

къ другому и грубою рукою тушить зажженный Богомъ огонь жизни? Огонь мысли? Огонь чувствъ? Самовластно разбить образъ Божій?

Богъ «вдунулъ дыханіе жизни», а мы задуваемъ. Богъ творитъ душу живу, а мы разрушаемъ. Развѣ это не преступленіе?

---

2. Смертная казнь есть преступленіе тяжкое. Это не просто только насильственное отнятіе жизни, какъ и всякое другое убійство. Нѣтъ, это въ сравненіи со всякимъ другимъ убійствомъ—преступленіе, такъ сказать, сугубое, усиленное, болѣе преступное.

Убійство обычное, убійство ли въ дракѣ, по злобѣ, изъ мщенія или другое какое, всегда есть преступленіе, совершонное человѣкомъ или людьми, въ неспокойномъ, въ раздраженномъ, въ возбужденномъ состояніи. Люди тутъ или совсѣмъ не разсуждаютъ или разсуждаютъ очень мало. Разсудокъ у нихъ помраченъ: они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ какой-либо страсти.

Иное дѣло—смертная казнь. Тутъ убійство совершается не въ запальчивости или раздраженіи. Не подъ вліяніемъ той или другой страсти. Тутъ смертный приговоръ произносится, убійство опредѣляется судомъ. Въ состояніи полнаго спокойствія. Съ яснымъ сознаніемъ. Безстрастно, безтрепетно. Какъ въ счетной машинѣ: одну-другую кнопку надавилъ, и получился итогъ. Плати или получай такую-то сумму. То же самое и со смертнымъ приговоромъ.

Судьи, произносящіе его, сами могутъ и не знать совсѣмъ подсудимаго, могутъ сочувствовать ему, могутъ, наконецъ, его любить и уважать, и все-таки должны будутъ обречь его на смерть. Таковъ существующій законъ. И, подчиняясь закону, судья творитъ беззаконіе. За нарушеніе подсудимымъ закона человѣческаго самъ нарушаетъ, грубо попи-

раетъ законъ Божескій,—законъ, который ясно и громко говоритъ:

— Не убій.

Дикая нелѣпица жизни. Крайнее смѣшеніе добра и зла. Высшее противорѣчіе между стремленіемъ удовлетворить правду и дѣйствительною справедливостью. Древніе римляне, лучшіе законники своего времени, чувствовали это противорѣчіе, почему и сказали:

«Summum jus — summa injuria», т.-е. высшій законъ, самое строгое, точное право бываетъ иногда величайшею несправедливостью.

Такимъ величайшимъ беззаконіемъ человѣческаго закона и является прежде всего смертная казнь, ибо она есть беззаконіе, возведенное въ законъ, что составляетъ уже не просто преступленіе, а преступленіе сугубое, наиболѣе преступное.

---

3. Смертная казнь есть преступленіе жестокое. Обрекая подсудимаго на казнь, смертный приговоръ попираетъ не только Божію заповѣдь: «не убій», онъ оскорбляетъ достоинство и человѣческаго закона. Говоритъ о жестокости этого закона, о злобности его, о безпощадной мстительности.

Въ печальной исторіи нашего далекаго прошлаго мы знаемъ, что когда при столкновеніи Руси съ татарщиной татары взяли верхъ, они не удовольствовались побѣдой. Имъ мало было, что они одолѣли враговъ. Имъ нужны были злое упоеніе побѣдой, злая потѣха надъ побѣжденными. Они связали всѣхъ захваченныхъ русскихъ князей, положили ихъ на землю, накрыли ихъ досками, а сами сѣли пировать на этотъ помостъ и такъ раздавили своихъ плѣненныхъ противниковъ.

Такимъ татарскимъ торжествомъ государства надъ личностью подсудимаго является и смертный приговоръ. Въ чемъ

заключается задача государства по отношенію къ тѣмъ, кто подпадаетъ осужденію законовъ? Если человѣкъ или люди опасны для общества или государства,—государство ихъ можетъ удалить изъ своей среды. Можетъ отправить въ ссылку. Можетъ изгнать изъ государства. У древнихъ грековъ и римлянъ нерѣдки были случаи такихъ изгнаній за предѣлы родины.

Если же государству кажется, что обвиняемые особенно опасны, что они могутъ бѣжать изъ ссылки, могутъ вернуться изъ изгнанія,—у государства все-таки достаточно средствъ оградить себя. Государство можетъ держать виновныхъ передъ его законами въ заключеніи. Держать, пока они не перестанутъ быть опасными. Зачѣмъ же убивать ихъ? Зачѣмъ казнить? Вѣдь опасные люди, которыхъ государство хочетъ уничтожить,—вѣдь они въ рукахъ государства. Они ужъ, стало-быть, не опасны. Опасность уничтожена. Зачѣмъ же безъ нужды уничтожать людей? Не будетъ ли это уничтоженіе ихъ мщеніемъ имъ со стороны государства? Злораднымъ торжествомъ надъ побѣжденными? Злобной потѣхой надъ безсильными и беззащитными? Такое торжество государства надъ виновнымъ передъ нимъ будетъ торжествомъ татаръ на Калкѣ. Торжествомъ преступнымъ. Возмутительнымъ.

Величіе и святость законовъ не допускаютъ мщенія. Имъ чуждо злорадство. Ихъ основаніе—правда и милость.

«*Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!*»

Предъ лицомъ же милости смертный приговоръ, отнятіе жизни по суду есть оскорбленіе суда, попраніе лучшихъ свойствъ его.

---

4. Смертная казнь есть преступленіе безсмысленное. Безсмысленное потому, что оно не достигаетъ своей цѣли. Цѣль всякой кары, всякаго наказанія есть устрашеніе, обузданіе

страхомъ. Предполагается, что наказаніями можно запугать людей и тѣмъ удержать ихъ отъ нарушенія закона. Глубокая ошибка, свидѣтельствующая о недомысліи всѣхъ вѣрящихъ въ спасительную силу угрозъ и суровыхъ, какъ вообще и всякихъ, наказаній.

Исторія человѣчества знаетъ въ прошломъ всякія времена. Были и времена жестокихъ, безпощадныхъ наказаній. И это не были времена добрыхъ нравовъ. Жестокія кары виновныхъ не улучшали людей. Наоборотъ. Жизнь грубѣла. Жестокости наказаній огрубляли людей. Люди грубѣли, привыкали къ жестокостямъ и сами легко творили жестокости.

Жизнь давно осудила жестокости наказаній. Признала, что онѣ не помогаютъ дѣлу. Не устрашаютъ виновныхъ и не исправляютъ нравовъ.

Императрица Елисавета еще полтораста лѣтъ тому назадъ говорила:

«Съ преступленіемъ надо бороться не суровыми наказаніями, еще менѣе смертными казнями, а исправленіемъ народныхъ нравовъ, просвѣщеніемъ и воспитаніемъ общества и народа».

На это, какъ послѣднее возраженіе, защитники смертной казни, съ сознаніемъ якобы своей правоты, замѣчаютъ:

«Хорошо. Государство не будетъ произносить никому смертныхъ приговоровъ, отмѣнитъ смертную казнь, но пусть господа преступники, за которыхъ хлопочутъ, жизнь которыхъ щадятъ, пусть они первые подадутъ благой примѣръ. Пусть убійцы перестанутъ убивать. Тогда государство перестанетъ казнить».

Это возраженіе, сдѣланное однимъ французомъ въ оправданіе смертной казни, имѣетъ, *какъ будто бы*, свою убѣдительность. Но именно только *какъ будто бы*. Оно падаетъ, теряетъ всякую силу, если мы вспомнимъ слова Екатерины

Второй, которая, разсуждая о смертной казни хотя бы только за убійство, сказала:

«Правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая ему».

Изреченіе великой государственной мудрости и государственной правды. Если признано, что убійствамъ надо положить конецъ, что отнятіе жизни кѣмъ бы то ни было и отъ кого бы то ни было преступно, то ясно, что правительство должно не ждать примѣра и почина отъ убійцъ, а само обязано дать примѣръ, само призвано положить начало должному признанію великой цѣнности человѣческой жизни. Что это было бы за правительство, которое ждало бы уроковъ и образцовъ отъ своихъ подсудимыхъ? Пусть люди злой или грубой, раздраженной воли творятъ зло, свершаютъ преступленія. Истинное правительство должно быть представителемъ разумной, благой и спокойной, ясной, сознательной воли. Для такой воли правительства смертная казнь осужденныхъ—не средство борьбы съ преступленіями, а новое преступленіе,—преступленіе тяжкое, постыдное и безполезное.

Нравственное чувство общества въ своемъ развитіи дошло уже до сознанія преступности смертной казни и въ своей совѣсти отвергло ее. Смертной казни въ Россіи произнесенъ смертный приговоръ. Остается приговоръ привести въ исполненіе, совершить послѣднюю смертную казнь,—казнь надъ смертною казнью, отмѣнить навсегда казнь.

Богъ вдунулъ въ лицо человѣка дыханіе жизни, — перестанемъ это дыханіе Бога въ человѣкѣ грубыми человѣческими руками задувать.

Священникъ Г. Петровъ.

Смертная казнь и убійства „по долгу службы".

(Ихъ психологія съ точки зрѣнія священника).

Каинъ, Раскольниковъ, Смердяковъ, „Губернаторъ" Андреева.

Зависть совершила первое убійство. Братъ убилъ брата. Какое впечатлѣніе оставило на душѣ убійцы его преступленіе, объ этомъ хорошо говоритъ намъ Библія. Съ этой поры клеймо проклятія легло на чело Каина. И онъ «стеняй и трясыйся» не находилъ себѣ мѣста на землѣ. Это клеймо на челѣ, которое въ Библіи представляется почти физическимъ пятномъ на его лбу, было, конечно, отраженіемъ клейма, легшаго на его совѣсти. Онъ стоналъ и трясся... А когда этотъ человѣкъ сталъ бояться, что за убійство ему будетъ отплачено его убійствомъ, Каину было обѣщано, что въ семь разъ отомстится убійство его, если кто-нибудь дерзнетъ наложить свою руку на жизнь человѣка... даже человѣка-убійцы.

И законъ «неприкосновенности чужой жизни» жилъ среди людей... Клеймо на братоубійцѣ до того было ужасно, что «боязнь такого же пятна» удерживала всякую мстящую руку.

Одинъ библейскій патріархъ, когда ему угрожали смертью за какое-то преступленіе, отвѣтилъ: «Если даже за Каина отомстится всемеро, то за меня (и Богъ и жизнь) отомстятъ въ семьдесятъ разъ всемеро».

Убійства были... Но эти убійства были между звѣрями, столкнувшимися въ погонѣ за одной и той же добычей. Время «ветхаго завѣта» богато убійствами.

Человѣкъ не умѣлъ справиться съ природой. Онъ былъ въ ея власти и отдался ея закону. А этотъ законъ былъ «война», пожираніе слабаго, борьба за добычу.

И вотъ законъ звѣрей сталъ закономъ человѣческимъ...

А отсюда, конечно, и убійство въ пьяной борьбѣ, въ экстазѣ звѣриной жестокости. Убивали, испытывая такъ же мало муки совѣсти, какъ мало испытываетъ мукъ совѣсти звѣрь, убивая свою добычу. Это въ сознаніи тѣхъ людей не было убійствомъ. И то, что они умѣли (Ламехъ) различать между своей звѣриной охотой и убійствомъ Каина, показывало, какая глубокая пропасть была между двумя видами уничтоженія жизни даже для дочеловѣческаго сознанія тогдашняго человѣка.

Однако ужасъ передъ убійствомъ Каина побѣдилъ въ ослабѣвшей, «испуганной» совѣсти человѣка ужасъ передъ его «клеймомъ».

Послѣ того, какъ природа и ея законъ побѣдили человѣка, Каинъ уже не могъ бы даже «стенай и трясыйся» бродить по землѣ. Онъ былъ бы уничтоженъ.

Постоянная боязнь за жизнь, ужасъ передъ смертью, созданный борьбою съ природой, страшной и мстительной, дала страшный законъ: «кровь за кровь».

Это былъ для человѣка законъ не моральный, а почти физическій.

Они его обожествили, отожествили его съ самой жизнью, природой, ея стихійнымъ законодательствомъ.

Кровь за кровь—это тотъ же, заложенный въ самой природѣ, притаившійся за каждымъ деревомъ, скрытый вездѣ, законъ общественной самоохраны противъ опасной для жизни *силы* одного. Это законъ, въ силу котораго, какъ говорятъ

легенды, даже въ мірѣ животномъ убійцу-звѣря убиваетъ стадо, сплотившись вмѣстѣ, недоумѣло испуганное, внутренне затронутое въ своей боязни за жизнь, уничтожающее убійцу, какъ народившуюся угрозу своей общей цѣлости.

И это не было еще ложью, настоящимъ убійствомъ, это было слишкомъ безсознательно, стихійно, чтобы назваться убійствомъ. Здѣсь было естественное жертвоприношеніе безъ злобы и мести, жертва богу—жизни, богу—природѣ. Рефлективный отвѣтъ: «Кровью за кровь», казался тогдашнему человѣку вѣчнымъ закономъ самой природы.

Тогдашнимъ людямъ казалось, что во всемъ, вездѣ голосъ этого закона—мстители. И тяжкія громады горъ въ вѣковомъ молчаніи хранятъ законъ возмездія и готовы своей тяжестью раздавить его грудь. И солнце, во имя того закона, «съ безпечнымъ смѣхомъ» выжигаетъ мозгъ убійцы...

(«Губернаторъ» Андрева. «Правда», 1906, 3 ок.)

Но человѣчество уже двигалось и въ то время къ убійству по суду.

Можно представить себѣ такой моментъ, когда въ первый разъ во власти людей оказался ихъ живой плѣнникъ. Конечно, они убили его съ такой же звѣриною хищностью и звѣриною яростью, какъ убивали во время битвы. Конечно, они разорвали его на куски. Но все же это было уже убійство по рѣшенію воли, т.-е. болѣе холодное и потому болѣе преступное, чѣмъ убійство звѣрей, и, вмѣстѣ, болѣе страстное и потому болѣе преступное, чѣмъ жертвенная стихійная казнь...

А еще немного далѣе явилось и самое это судебное холодное и законное убійство.

Одному человѣку—такъ я представляю рожденіе убійства по суду—понадобилось устранить изъ жизни другого человѣка, неугоднаго для него. Для того, чтобы его убить чужими руками, нужно было раздразнить противъ него народную ярость, нужно было натравить на него его сосѣдей, толпу

или народъ. И вотъ это удается... Народъ смущенный, не понимающій вины того, кого хотятъ убить, не сразу рѣшается наложить на него свою руку. Онъ колеблется. Его надобно убѣждать.

Даже тогда, когда удается убѣдить его, онъ лѣниво и вяло идетъ на убійство.

Но, наконецъ, убійство совершено, совершено съ большою тугою и напряженіемъ мятущейся совѣсти. Это убійство, по общему сговору съ колебаніемъ и нерѣшительностью, было первою смертною казнью. Смущеніе совѣсти, которымъ оно, несомнѣнно, сопровождалось, ненависть, которая, можетъ-быть, родилась на первый разъ и *противъ виновника убійства,* заставила выдумывать декоративную обстановку для будущаго убійства «по тому же порядку и чину».

И вотъ мысль слѣдующаго человѣчества въ этой области вся направляется на изобрѣтеніе декорацій.

И нельзя сказать, чтобы работали безуспѣшно... Цѣлый рядъ аргументовъ возводитъ убійство, въ концѣ-концовъ, не только въ позволительное, но даже въ добродѣтель. Убійство становится во многихъ случаяхъ заповѣдью. Нѣкоторыя морально-религіозныя построенія, какъ построеніе христіанства, не мирятся съ этимъ воззрѣніемъ, не допускаютъ убійства, какъ добродѣтели. Тогда постарались обезвредить міровоззрѣніе, добывая изъ него аргументы, по крайней мѣрѣ, въ пользу дозволенности.

Удалось и здѣсь... Крайнимъ апогеемъ и поруганія Христа и человѣческой изобрѣтательности въ оправданіе убійства явился этотъ крестъ и послѣднее увѣщаніе іерея предъ казнію, со слезами и восторженнымъ обѣщаніемъ будущаго царства, которое такъ остро и осмѣялъ и заклеймилъ Достоевскій. Шмидтъ, говорятъ, отказался отъ причастія, потому что оно не мирится съ его казнью, и онъ не можетъ принять

св. дара отъ тѣхъ, кто принимаетъ и этотъ проклятый даръ Каина,—«смертную казнь». Увы, онъ былъ правъ.

Мы сказали, что крестъ передъ казнью сталъ послѣдней кощунственной ступенью въ оправданіи преступленія.

Впрочемъ, кто знаетъ, было ли это послѣднею ступенью... Теоретическая мысль внесла даже въ вѣроисповѣдныя формулы, въ катихизисы, эту позорную фразу: «Не нужно считать преступленіемъ лишеніе жизни, когда это убійство, совершонное по суду, во исполненіе правосудія».

Но въ преступленіи и его освященіи есть предѣлъ, далѣе котораго мѣшаютъ итти спящія «клѣточки» совѣсти.

Одурманенная человѣческая совѣсть пытается дерзнуть еще дальше и... обрывается.

Сначала вопросъ рѣшается въ личной совѣсти тѣхъ, которые дерзнули законъ «дозволеннаго убійства» возвести въ догматъ для отдѣльной совѣсти. Говорю о Раскольниковѣ. Онъ рѣшилъ, что вообще можно перейти черезъ жизнь, принять убійство на одну личную совѣсть—можно уничтожить чужое сознаніе, волю, мысль, личность.

Это послѣдній выводъ, который сдѣлала человѣческая совѣсть изо всей предыдущей системы оправданія убійства, и она здѣсь, эта ищущая «новыхъ путей» совѣсть, должна была потерпѣть и потерпѣла крахъ, который и былъ моментомъ движенія въ обратную сторону.

Съ раздробленной отвѣтственностью за убійство, когда вина падала по частямъ на всѣхъ, можно было справиться... На одну совѣсть принять ужасъ «крови, разрѣшенной по совѣсти», оказалось слишкомъ тяжкимъ...

Раскольниковъ «не перешелъ» своего преступленія. Его совѣсть не могла съ нимъ справиться.

Наоборотъ, совершонное имъ убійство своимъ ужасомъ освѣтило до дна его человѣческую совѣсть. Раскольниковъ понялъ, что жизнь каждаго человѣка абсолютно и безусловно

священна, и никто не смѣетъ во имя какого угодно принципа, во имя даже спасенія всего міра, порвать нити самой ничтожной человѣческой жизни. Всякое убійство есть хула противъ духа. Нѣтъ ничего дороже человѣческой личности, человѣческаго «я».

И вотъ Раскольниковъ умеръ; цѣлыя семь лѣтъ онъ мертвъ подъ ужасомъ убійства, и даже его воскресеніе на концѣ кажется почти невозможностью, выдумкой.

Совѣсть Раскольникова была, конечно, исключительной, сверхординарной совѣстью. И процессъ, совершающійся въ его душѣ, почти не имѣлъ общечеловѣческаго интереса по своей индивидуальности. Съ другой стороны, этотъ процессъ не имѣлъ большого значенія и потому, что все-таки отношеніе Раскольникова къ его дѣлу, какъ намъ кажется (и это не будетъ противорѣчить предыдущему), было отношеніемъ обыкновеннаго убійцы. Это все-таки простой убійца, только совершившій «обычное» преступленіе по болѣе глубокимъ мотивамъ, чѣмъ жители «Мертваго дома», товарищи Достоевскаго по каторгѣ. Здѣсь все-таки было *личное дѣло Раскольникова*. Онъ дѣйствовалъ на свой страхъ, не имѣлъ за собой согласія, воли, *благословенія* всѣхъ—и слѣдовательно, и въ отношеніи къ факту убійства онъ стоялъ въ томъ же положеніи, какъ Орловъ и другіе жители «Мертваго дома». Онъ совершилъ убійство *изъ-за себя* и несетъ кару такъ же, какъ всѣ убійцы, въ *себѣ*. «Преступленіе и наказаніе» во второй половинѣ — это рядъ пытокъ смущенной совѣсти. Раскольникова преслѣдуютъ галлюцинаціи. Онъ видитъ свою жертву передъ собой. Для него муки его совѣсти воплощаются въ видѣ постоянно преслѣдуемаго его сыщика. Его тянетъ видѣть пролитую имъ кровь, и онъ остро переживаетъ ужасъ и муки старухи и ея сестры. Все это обыденно, развѣ болѣе остро и сложно.

Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ по суду, такъ какъ онъ разрѣшаетъ себѣ кровь по совѣсти, но, очевидно, также, что по самой сущности это преступленіе не имѣетъ такого страшнаго, холоднаго и такого преступнаго характера, какъ дѣйствительное судебное убійство.

Мы называемъ убійствомъ по суду такого рода убійство, гдѣ совѣсть убійцы совершенно и окончательно порѣшила вопросъ о моральной цѣнности дѣянія, признала убійство не преступнымъ или, вѣрнѣе, за нее рѣшило это *прошлое*. Не мучительность этого убійства основана на томъ, что дѣйствительный звѣриный самоохранительный характеръ и мотивъ убійства стушевался для сознанія индивидуума въ силу того, что здѣсь каждый убиваетъ за себя, *но вмѣстѣ съ другими*.

Жизнь и искусство должны были вынести судъ и надъ этимъ убійствомъ, а для этого нужно было заставить хоть одну совѣсть рѣшиться казнить по суду, для себя, но не на личный страхъ, а въ силу уже сложившагося въ совѣсти общечеловѣческаго разрѣшенія на убійство—разрѣшенія, которое человѣчество, какъ думается убійцѣ, уже дало, но не рѣшается «объявить» громко.

Это сдѣлалъ Смердяковъ.

Убійство по суду это—именно убійство Смердякова. И въ образѣ этого убійцы впервые, можетъ-быть, въ литературѣ обнаруженъ ужасъ холоднаго судебнаго убійства.

У Смердякова атрофирована его совѣсть. Когда Иванъ Карамазовъ подсказываетъ ему то же, что подсказалъ себѣ Раскольниковъ, что все позволено, всякое убійство разрѣшено, можно разрѣшить кровь по совѣсти, то Иванъ Карамазовъ отвѣчаетъ, въ сущности, на рѣшеніе воли, практически поставленное Смердяковымъ для себя, и рѣшеніе не личное, а заложенное въ крови по наслѣдству отъ прошлыхъ, постепенно привыкавшихъ къ убійству, по-

колѣній. Онъ не чувствуетъ никакого внутренняго ужаса предъ уничтоженіемъ чужой жизни, и потому въ словахъ Ивана Карамазова ему чудится только формулировка не только его внутреннихъ думъ, но и истиннаго, признаннаго человѣчествомъ закона жизни. И вотъ убійство совершается.

Смердяковъ осудилъ Ѳеодора Карамазова, призналъ, что для блага его (Смердякова) Карамазова должно убить. И свой судебный приговоръ исполнилъ.

А черезъ нѣсколько времени и самъ Смердяковъ *умеръ*. Убилъ себя. Такимъ образомъ даже эта атрофированная совѣсть не могла перенести факта.

Смердяковъ испугался того, что имъ было сдѣлано, но отношеніе его къ совершившемуся факту совершенно не то, что у Раскольникова. Оно гораздо ужаснѣе и гораздо сложнѣе. Его не мучилъ Ѳеодоръ Карамазовъ. Онъ не ходилъ за нимъ тѣнью, не являлся ему въ галлюцинаціи. Смердяковъ, несомнѣнно, ни разу не видѣлъ и не представлялъ себѣ крови, которую онъ пролилъ. Призракъ Ѳеодора Карамазова, если стоялъ передъ нимъ, то только трупомъ, тяжелою тушею, которая стояла на дорогѣ какъ что-то холодное, мѣшающее, скользкое. Въ то же время Смердяковъ видѣлъ и чувствовалъ, что, разрѣшивши себѣ кровь по совѣсти, онъ не могъ устранить этой тяжелой и скользкой туши. И онъ долженъ былъ устранить изъ жизни себя.

Это былъ уже второй протестъ, заложенный въ самыхъ глубинахъ души, даже совершенно разложившейся совѣсти противъ убійства, совершеннаго судомъ.

Развиваясь далѣе, психологія убійства даетъ третью форму протеста противъ убійства по суду въ яркой фигурѣ Андреевскаго «Губернатора».

За откровеніемъ Смердякова, убившаго за себя, должно было послѣдовать откровеніе убійцы, который убиваетъ за себя, но не за *себя* только, а вмѣстѣ и за другихъ и съ дру-

гими, которые убиваютъ «за себя» его руками, какъ руками палача.

Губернаторъ совершилъ казнь цѣлыхъ 47-ми человѣкъ, потому что это было, по его мнѣнію, необходимо. Онъ былъ обязанъ сдѣлать это, и сдѣлалъ только однимъ взмахомъ платка. Онъ помнитъ этотъ взмахъ надушеннымъ платкомъ и не можетъ стереть его изъ своей памяти. Онъ не понимаетъ, отчего на его совѣсть такъ тяжело легъ этотъ фактъ. Себя онъ считаетъ вполнѣ правымъ. Въ то же время онъ не испытываетъ никакой острой муки. Постоянно преслѣдующая его мысль—бѣлый платокъ и эти ряды вытянувшихся мертвыхъ фигуръ, которыя онъ видѣлъ въ больницѣ, совсѣмъ не напоминаютъ мукъ леди Макбетъ, которая старается отмыть свои запачканныя въ крови руки.

Нѣтъ, по отношенію къ этимъ тѣнямъ онъ почти то же, что Смердяковъ. Онѣ для его души лежатъ тяжелымъ, смутнымъ препятствіемъ. И онъ сознательно осуждаетъ себя на казнь. Онъ увѣренъ, что долженъ быть убитымъ, потому что этого требуютъ тѣ 47 тѣней. Ему почти не жалко ихъ. Еще больше,—можно сказать, что ему не больно отъ того, что онъ переживаетъ. «Онъ спокойно, какъ о фигурахъ изъ папье-маше, думалъ объ убитыхъ, даже о дѣтяхъ,—сломанными куклами казались они, и не могъ онъ почувствовать ихъ боли и страданій... Но онъ не могъ не думать о нихъ, онъ продолжалъ видѣть ихъ ясно, эти фигурки изъ папье-маше, эти сломанныя куклы, и въ этомъ была страшная загадка, почти чародѣйство»... «Заслоняя весь міръ, все неподвижно стоитъ окаменѣвшій изваянный образъ, взмахъ бѣлаго платка, выстрѣлы, кровь»... Его состояніе тупое, по-своему безболѣзненное и страшное. Если бы проанализировать сущность этого страшнаго состоянія, можно было бы сказать, что губернаторъ эстетически, неожиданно для самого себя, оцѣнилъ свое дѣло и увидѣлъ себя въ положеніи палача.

Мы улавливаемъ такой ходъ мыслей въ больной душѣ убійцы, характерный именно для убійствъ по суду... Для мысли губернатора нѣтъ средины между его бѣлымъ платкомъ и длиннымъ рядомъ фигуръ съ вытянутыми ногами въ больницѣ. У всякаго убійцы, обыкновеннаго убійцы, центръ тяжести падаетъ *на ту боль, на то насиліе, которое причиняется жизни и личности другого человѣка*, все дѣло въ томъ, что убійца *причиняетъ* боль, *наноситъ рану*, и затѣмъ смерть уже стоитъ отдѣльно отъ *этого насилія, особнякомъ*. Преступленіе убійцы все въ этихъ ударахъ, которые онъ наноситъ вблизи и издали, въ этомъ хищнически-звѣриномъ нападеніи на другого человѣка.

Здѣсь, у губернатора, не совсѣмъ такъ. Онъ совсѣмъ не чувствуетъ себя виновнымъ въ томъ, что эти 47 фигуръ пережили въ извѣстную минуту острую боль въ моментъ прекращенія ихъ жизни. Онъ совсѣмъ не переживаетъ и не представляетъ этого момента. Для него начало—платокъ; конецъ же—мертвыя, спокойныя, холодныя, страшныя фигуры уже «покойныхъ» покойниковъ. Середины нѣтъ.

Если вдуматься въ эту особенность психологіи губернатора, то, очевидно, можно вывести слѣдующее: губернаторъ увидѣлъ себя въ положеніи не убійцы, а именно палача, «казеннаго мастера».

Отношеніе палача къ убійству совершенно то же. Все предшествующее концу не существуетъ для него. Въ его дѣлѣ психически отсутствуетъ этотъ актъ причиненія боли, насилія надъ человѣкомъ. Здѣсь, съ одной стороны, судебный приговоръ—бѣлый платокъ губернатора, съ другой—уже готовый мертвый человѣкъ, «бывшій человѣкъ».

Понятно, какъ долженъ былъ оттолкнуться отъ своего «дѣла» губернаторъ, когда онъ прозрѣлъ, какъ онъ долженъ былъ эстетически оцѣнить совершившееся, послѣ того, какъ увидѣлъ себя палачомъ. Это было переживаніе самой страш-

ной муки, какую могъ чувствовать убійца. Онъ накладываетъ своими руками, хотя и чрезъ надушенный платокъ, петлю на шею; онъ механически двигаетъ веревку... и вотъ... тамъ лежитъ человѣкъ съ вытянутыми длинными ногами. Покойный... мертвый, бывшій человѣкъ. И вотъ съ этой поры губернаторъ не живетъ, онъ осудилъ себя и стоитъ внѣ жизни, ходитъ какъ мертвецъ, улыбается иногда, какъ мертвецъ. Онъ до такой степени понялъ ужасъ совершоннаго имъ убійства, что у него не является никакой мысли протестовать противъ того, что онъ будетъ убитъ. Это законъ, это фактъ, что то ужасное дѣло, которое онъ совершилъ, не можетъ быть искуплено иначе и не можетъ имѣть другого исхода. Это исходъ почти физическій. Смерть его—за смерть тѣхъ людей.

Итакъ, губернаторъ убитъ и осужденъ... А его судьи...

Они чисты ли отъ крови этого «неправеднаго»?

Мы рады были найти, что Андреевъ съ жалостью и страданіемъ вынужденъ обвинить и этихъ.

Убійцы губернатора «фатумъ» сомнамбулы, дѣйствующіе чужой волей...

Но посмотрите, какъ, однако, описываетъ убійство Андреевъ.

Эти руки, которыя съ трудомъ, съ усиліемъ вытаскиваютъ запутавшійся револьверъ. Эти ноги, которымъ «холодно». Зелено-блѣдное лицо... Глухой, пугающій самъ себя, голосъ... Шагаетъ неслышно, какъ босой... И прячется въ себя, и спина его словно смотритъ назадъ... И, наконецъ, эта неуловимая, тихая и покорная, тоскливая мольба о пощадѣ въ глазахъ губернатора.

Убійство—убійство всегда...

***

Такимъ образомъ въ разсказѣ Андреева психологія убійства, высшаго убійства, судебнаго убійства, нашла послѣднее свое выраженіе и послѣднее осужденіе.

Можно найти и причину, по какой можно считать это осужденіе убійства въ беллетристическомъ разсказѣ фактическимъ осужденіемъ въ жизни, въ сознаніи вообще человѣчества. Почти понятно, почему для губернатора долженъ былъ вдругъ освѣтиться весь ужасъ судебнаго убійства — смертной казни. Въ оправданіи убійства по суду люди перешли эстетическую мѣру. Для оправданія этого факта сдѣлано такъ много, можно сказать, такъ неумѣренно много, что, въ концѣ-концовъ, эта декоративная обстановка должна была обвалиться, упасть подъ тяжестью собственныхъ своихъ аксессуаровъ, собственной бутафоріи.

Губернатору просто даже надоѣло это со всѣхъ сторонъ *оправданіе факта, вплоть до возведенія факта въ гражданскій подвигъ, до архіерейскаго благословенія*. И вотъ, когда декоративная обстановка пала, фактъ стоялъ предъ совѣстью голый и открытый. И, конечно, не только предъ губернаторскою совѣстью. Съ тѣхъ поръ онъ долженъ встать предъ совѣстью всего человѣчества...

А христіанство какъ было, такъ и останется по отношенію къ факту со своимъ старымъ мнѣніемъ. Если преступно убійство, какъ актъ злой воли, направленный противъ жизни и личности другого, то этотъ преступный актъ становится тѣмъ преступнѣе, чѣмъ больше заложено въ немъ холодности и разсудительности воли. Чѣмъ больше дано въ оцѣнкѣ этого факта одобренія этому факту со стороны совѣсти, тѣмъ страшнѣе содержаніе этой совѣсти и тѣмъ преступнѣе человѣкъ. Поэтому, въ то время, какъ убійство въ аффектѣ есть низшій видъ и типъ убійства, убійство по суду есть высшій и наиболѣе преступный типъ.

Арх. Михаилъ.

Смертная казнь.

Когда христіанская совѣсть устами Церкви называетъ складъ быта тягостнымъ, это не значитъ, что она «мирно уживается» съ нимъ: она этотъ порядокъ жизни осуждаетъ. Матеріальная сопротивляемость отсутствуетъ, но нравственный судъ апеллируетъ своимъ приговоромъ. Христосъ и Его ученики не агитировали ни противъ рабства съ его безнравственностью, ни противъ общественнаго неравенства, которое тяготѣло надъ бѣдными, ни противъ деспотическихъ правительствъ, которыя давили міръ; но они не были ни солидарны съ этимъ складомъ ни въ совѣсти своей нейтральны.

Христосъ не издавалъ приказа объ упраздненіи палачей, но отъ дыханія Его любви исчезло варварство и пытки и сама смерть для несчастныхъ стала жалостливѣе въ орудіяхъ и формахъ своихъ, а на горизонтѣ насъ манитъ та страна, гдѣ нѣтъ мечей: ихъ перековали на орала (Ис. II, 4). Св. Павелъ подклонилъ голову свою подъ мечъ. Но можно ли сказать, что мирно уживаются Христосъ и спекуляторъ? Тамбовскій епископъ Иннокентій призываетъ дворянъ, служа родинѣ, «говорить правду, какъ говорилъ правду, хотя бы и горькую, въ глаза царю своему Іоаннъ Креститель» («Моск. Вѣд.» 1906 г. № 29). Но какъ квалифицируется образъ дѣйствій Іоанна Крестителя по уголовному уложенію абсолютизма?

Есть ли симпатія между требованіями—однимъ: «говори горькую правду въ лицо», и другимъ: «не смѣть касаться»? Не рискованно думать, что они полярны, а есть люди, которымъ кажется, что они «мирно уживаются» между собою. Провоцировать, возбудить Іоанновъ мы не прочь, но когда ихъ сажаютъ въ Махеронъ или ведутъ на эшафотъ, мы хватаемся за теорію мирной уживчивости и либо прячемся въ нейтралитетъ, либо готовы осуждать то, чему вчера рукоплескали.

«Стоя передъ Пилатовымъ судищемъ, Господь призналъ судейскую власть римскаго прокуратора».

Но какъ Онъ держалъ Себя передъ этой властью? Онъ не отвѣчалъ Пилату ни на одно слово (Матѳ. XXVI, 14). Это не было молчаніе безотвѣтности (срав. Матѳ. XXII, 14). Пилатъ обидѣлся и погрозилъ (Іоан. XIX, 10). Тогда Господь отверзъ уста Свои, чтобы изречь лицемѣрному судьѣ Свое осужденіе (Іоан. XIX, 11). И не у Христа, а у Пилата сыскалась мораль мирной уживчивости: осуждая на смерть, онъ всенародно умывалъ руки [1]).

Антонинъ Нарвскій.

---

[1]) Изъ статьи „Предѣлы Самодержавія".

Прискорбное молчаніе.

«Аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ». (Лук XIX, 40).

Среди многочисленныхъ голосовъ, сливающихся въ единодушномъ выраженіи протеста противъ смертной казни, не слышно одного, который въ дни великихъ испытаній для многихъ былъ бы, безъ сомнѣнія, авторитетнѣе и нужнѣе всякаго другого: не слышно голоса *Церкви*.

Я говорю, конечно, не объ отдѣльныхъ ея членахъ, духовныхъ и «мірскихъ», съ ихъ личными взглядами по данному вопросу. Никто не рѣшится оспаривать, что существуетъ не мало искренно вѣрующихъ людей, не только въ глубинѣ своего сознанія, но и открыто осудившихъ «узаконенныя убійства», какъ дѣло безбожное и противное христіанской совѣсти. Но какъ бы ни было значительно ихъ число, при вѣковомъ печальномъ потемнѣніи у насъ церковно-соборнаго сознанія этотъ, идущій отъ среднихъ элементовъ христіанскаго общества, протестъ не можетъ быть понятъ и оцѣненъ въ своемъ истинномъ значеніи. Мы слишкомъ привыкли къ рѣзкому разграниченію рядовой церковной массы отъ высшей іерархіи, которая одна усвоила себѣ право рѣшать и говорить отъ имени Церкви. И вотъ она-то, неумѣренно торопливая въ иныхъ случаяхъ, молчитъ теперь, когда къ ней со страхомъ и надеждой, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обращены взоры многихъ, ждущихъ своего рокового приговора.

Императорскаго Величества повелѣнію». Разумѣется, рѣчь идетъ здѣсь не о закономѣрности указанныхъ дѣяній съ точки зрѣнія существующихъ государственно-правовыхъ нормъ, ибо о содержаніи послѣднихъ едва ли было бы умѣстно дѣлать сообщенія въ книжкѣ, излагающей основы христіанской догматики и морали. Вопросъ могъ быть лишь объ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія *христіанскаго нравственнаго закона* тѣхъ или другихъ особенныхъ обстоятельствъ, когда насильственно прекращается человѣческая жизнь вопреки общему смыслу Божьей заповѣди. На этотъ вопросъ и дается отвѣтъ въ катихизисѣ, выносящій убійцамъ по «обязанности» — солдату и палачу — оправдательный приговоръ: *нѣтъ, не виновенъ*.

Какъ смотрѣть на это «офиціальное разъясненіе», упраздняющее для указанныхъ случаевъ вѣчный Божій законъ? Мы такъ привыкли съ школьныхъ лѣтъ покорно склонять свою религіозную мысль подъ иго формулъ филаретовскаго катихизиса, что помимо него для многихъ нѣтъ другого критерія церковной истины. Если ужъ *такъ* сказано у Филарета, то, значитъ, *такъ* оно и есть по ученію православной Церкви.

Однако такъ ли дѣйствительно? Вѣдь какъ бы ни былъ великъ личный авторитетъ знаменитаго іерарха, онъ—даже и подкрѣпленный двойнымъ одобреніемъ—напрасно будетъ пытаться подчинить себѣ вѣрующую совѣсть тамъ, гдѣ допустимо предположеніе, что чистота и цѣльность моральнаго принципа принесена въ жертву его практической удобоосуществимости. Въ подобныхъ случаяхъ нужно искать болѣе надежнаго руководства, какимъ является, въ примѣненіи къ вопросамъ христіанскаго сознанія, голосъ *церковной традиціи*. Существуютъ древніе *каноны*, не утратившіе своего обязательнаго значенія въ Церкви, равно какъ *имена* и *факты*, заботливо хранимые въ церковной

памяти; тѣ и другіе даютъ возможность провѣрить и оцѣнить силу вышеприведенныхъ ограничительныхъ поясненій, противопоставляемыхъ непосредственному смыслу Божьей заповѣди.

Для полноты сужденія коснемся обоихъ этихъ ограниченій, начавъ со второго, какъ возбуждающаго меньше споровъ и разногласій *).

При установленіи церковнаго взгляда на войну и соединенныя съ нею убійства за исходную точку можетъ быть принято 13-е правило св. Василія Великаго, гдѣ говорится слѣдующее:

> «Убіеніе на брани отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но, можетъ-быть, добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержалися отъ пріобщенія токмо святыхъ таинъ».

Довольно трудно сказать съ увѣренностью, кого именно нужно разумѣть подъ «отцами», упомянутыми въ началѣ правила; но несомнѣнно то, что этимъ отцамъ нельзя усвоять мысли, будто убійство на войнѣ не есть дѣло грѣховное. Изъ самаго канона видно, что рѣшенію подлежалъ вопросъ не о томъ, совершается ли чрезъ умерщвленіе врага въ бою нарушеніе Божьей заповѣди, запрещающей отнимать жизнь у себѣ подобныхъ, а о томъ, подлежитъ ли этотъ нравственный проступокъ такому же *вмѣненію*, какъ и

*) Извѣстно, напр., что даже такой убѣжденный поборникъ христіанской морали, какъ покойный Вл. С. Соловьевъ, принадлежавшій къ числу рѣшительныхъ противниковъ смертной казни, не отрицалъ *безусловно* войны, считая ее не только за неизбѣжное зло, но и за „относительное благо“ при данномъ состояніи человѣчества, еще очень далекаго отъ уровня идеальныхъ нравственныхъ требованій.

обыкновенное убійство. По справедливому замѣчанію проф. Н. А. Заозерскаго, «понятіе *вмѣненія* или *невмѣненія* на юридическомъ языкѣ означаетъ нѣсколько не то, что этими словами обозначается на языкѣ обиходномъ, общеупотребительномъ. На послѣднемъ весьма часто *не вмѣнять* означаетъ просто считать невиннымъ, на языкѣ же юридическомъ *не вмѣнять* означаетъ только освобождать отъ наказанія, опредѣленнаго за вину. Такъ точно и въ этомъ правилѣ» *). Основаніемъ для постановки вопроса о вмѣненіи является здѣсь вынужденность самаго проступка, совершаемаго ради защиты «цѣломудрія и благочестія». Принимая во вниманіе этотъ мотивъ, древніе «отцы» и находили возможнымъ не налагать на виновныхъ обычной канонической епитиміи за убійство. Но уже этимъ самымъ достаточно ясно дается понять, что тѣ же «отцы» не отнеслись бы съ подобнымъ снисхожденіемъ къ истребленію «враговъ» въ войнѣ, направленной къ захвату и порабощенію. А приведенное правило, оставаясь болѣе послѣдовательнымъ въ примѣненіи моральнаго принципа, не освобождаетъ отъ отвѣтственности и «поборниковъ цѣломудрія и благочестія», запятнавшихъ свои руки человѣческою кровью, совѣтуя удостоивать ихъ причащенія только послѣ трехлѣтней епитиміи.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ большого значенія вопросъ о томъ, имѣло ли это правило постоянное и широкое примѣненіе въ практикѣ церковной жизни. Важно не то, какъ осуществляли «совѣтъ» св. отца послѣдующіе іерархи, считавшіеся не съ одними идеальными требованіями, а самый этотъ совѣтъ, преподанный авторитетнѣйшимъ изъ древнихъ кормщиковъ церковнаго корабля, правила которыхъ вошли въ составъ вселенскаго кодекса.

---

*) См. „Богослов. Вѣстн.“ за 1896 г., октябрь, стр. 74.

Впрочемъ, исторія сохранила намъ извѣстіе объ одномъ весьма характерномъ случаѣ, когда ссылка на данное правило оказала существенную услугу тѣмъ, кто, по замѣчанію комментатора каноновъ Зонары, «защищали церковныя преданія». Покушеніе на послѣднія исходило отъ византійскаго императора Никифора Фоки (X в.), который требовалъ, чтобы убиваемые на войнѣ причислялись къ мученикамъ и подобно имъ были чтимы и прославляемы. Тогдашніе архіереи возстали противъ такого чрезмѣрнаго уваженія къ милитаризму, но, повидимому, безуспѣшно, пока не воспользовались вышеприведеннымъ правиломъ. «Какимъ образомъ,— говорили они, — причислимъ мы къ мученикамъ падшихъ на войнѣ, когда Василій Великій отлучилъ ихъ на трехлѣтіе отъ таинствъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки?» И передъ силою этого аргумента императоръ отказался отъ своего требованія *).

Разсказанный случай невольно наводитъ на сопоставленіе старыхъ и новыхъ «защитниковъ церковной традиціи». Безъ сомнѣнія, воинственный Никифоръ Фока встрѣтилъ бы не столь упорныхъ противниковъ своего замысла въ лицѣ нашихъ современныхъ іерарховъ, понимающихъ заповѣдь «не убій» въ духѣ филаретовскаго катихизиса. Но зато и катихизисъ Филарета едва ли былъ бы признанъ за выраженіе истинно-церковной традиціи по данному вопросу тѣми византійскими архіереями, которые отклонили домогательство императора, сославшись на правило св. Василія.

Представленныя справки и разъясненія дѣлаютъ почти излишней отрицательную аргументацію противъ мысли о томъ, что смертная казнь не есть «беззаконное убійство». Въ самомъ дѣлѣ, если съ чисто церковной точки зрѣнія не

*) См. „Правила св. отецъ съ толкованіями“, изд. Московск. Общества Любителей Дух. Просвѣщенія, стр. 211—212. М. 1884.

можетъ быть вполнѣ оправдано пролитіе крови врага, съ оружіемъ въ рукахъ угрожающаго «цѣломудрію и благочестію», то уже по одному этому легко опредѣлить, можетъ ли Церковь считать дозволительнымъ отнятіе жизни у преступника, находящагося въ распоряженіи властей и лишеннаго, вмѣстѣ съ свободой, физической возможности вредить кому-либо. Пусть это лишеніе свободы будетъ пожизненнымъ, если того требуютъ соображенія гражданскаго благоустройства и общественной безопасности; но жалкая нить существованія того, кто пересталъ быть опаснымъ для общества, не должна быть насильственно обрываема рукою палача, если власть хочетъ быть христіанскою и сообразоваться съ воззрѣніями Церкви. Послѣдняя знаетъ только одинъ грѣхъ, который не можетъ быть прощенъ,—грѣхъ «хулы на Святого Духа», или того безмѣрнаго отчаянія, въ какое повергается ожесточенная душа сознаніемъ невозможности путемъ покаяннаго подвига примирить отягченную совѣсть съ милосердіемъ Отца Небеснаго. И тотъ, кто преждевременнымъ осужденіемъ на смерть отдаетъ человѣка во власть безграничнаго ужаса, поистинѣ совершаетъ дѣло дьявола, который «искони былъ человѣкоубійцей» (Іоан. VIII, 44). Напрасно защитники смертной казни для оправданія ея съ религіозной точки зрѣнія стали бы ссылаться на ветхозавѣтный законъ, дававшій право требовать «око за око», «зубъ за зубъ» и «душу за душу». Древніе jus talionis, вмѣстѣ съ другими уступками человѣческому «жестокосердію» (Матѳ. XIX, 8), безусловно осуждено Тѣмъ, Кто завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ любить враговъ, благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ и молиться за обидчиковъ (Матѳ. V, 44). И Церковь Христова, вѣрная этому завѣту своего Основателя, видитъ въ убійцѣ-мстителѣ такого же нарушителя Божьей заповѣди, какъ и въ томъ, кто преступно отнимаетъ жизнь у ближ-

няго безъ всякаго повода съ его стороны. Въ противоположность гражданскому законодательству, не вмѣняющему совершеніе убійства въ состояніи необходимой самообороны, право церковное (43-е правило св. Василія Великаго) опредѣляетъ:

«Нанесшій ближнему смертный ударъ есть убійца, онъ ли первый нанесъ ударъ, или отмщалъ».

Въ приведенныхъ словахъ ближайшимъ образомъ имѣются въ виду послѣдствія рокового конфликта между отдѣльными лицами. Но странно было бы думать, что осуждаемое, какъ грѣхъ, въ частномъ лицѣ отнятіе жизни по мотиву *мести* становится нравственно-дозволительнымъ въ томъ случаѣ, когда совершается по приговору общественной власти. Задача послѣдней въ *христіанскомъ* обществѣ состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы поддерживать и закрѣплять своимъ примѣромъ пережитки древней жестокости, а въ установленіи общественныхъ условій, наиболѣе благопріятствующихъ осуществленію высшихъ нравственныхъ началъ во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ. На ней лежитъ обязанность нравственнаго перевоспитанія преступника, хотя и уклонившагося отъ прямого «пути жизни», но и на крайнихъ границахъ паденія не лишеннаго возможности «встать для Господа» (Римл. XIV, 4). Отказомъ отъ содѣйствія этому возрожденію человѣческой личности, имѣющей безконечную цѣнность въ христіанствѣ (Кор. VII, 23), общественная власть произноситъ собственное самоосужденіе и признаетъ полное банкротство общественной морали.

Если, такимъ образомъ, противно самой идеѣ христіанской власти отнятіе жизни даже у завѣдомаго преступника, то что сказать о массовыхъ казняхъ безъ предварительнаго разслѣдованія виновности, которыя еще такъ живы въ нашей памяти? Въ отвѣтъ на это умѣстно будетъ привести

здѣсь разсказъ объ отношеніи одного изъ великихъ іерарховъ древней Церкви къ христіанскому императору, допустившему нѣчто подобное. Я разумѣю кровавую расправу надъ жителями Өессалоники по распоряженію Өеодосія I. Правда, это была такая человѣческая гекатомба, которой могли бы позавидовать наши генералы Дубасовы и полковники Риманы — организаторы скорыхъ, но не правыхъ военныхъ судовъ и карательныхъ экспедицій. Но зато и громы церковнаго осужденія, разразившіеся надъ вѣнчанною головою ея виновника, были таковы, что даже слабый отголосокъ ихъ въ наши дни могъ бы поддержать изсякающую у многихъ вѣру въ нравственную мощь своихъ духовныхъ руководителей.

Въ 390 г. въ Өессалоникѣ произошелъ мятежъ, при чемъ былъ убитъ правитель Иллиріи Ботерихъ и многіе изъ главныхъ сановниковъ города, трупы которыхъ толпа со всевозможными оскорбленіями влачила по улицамъ. Императоръ пришелъ въ страшный гнѣвъ и послалъ въ мятежный городъ усмирителей съ приказомъ о жестокой мести. Спустя немного времени онъ одумался и отмѣнилъ свое распоряженіе, но было уже поздно. Расправа была выполнена съ возмутительнымъ коварствомъ, усугубляющимъ впечатлѣніе ея жестокости. Подъ предлогомъ грандіозныхъ состязаній народъ въ громадномъ количествѣ заманили въ циркъ, куда вошли и вооруженные солдаты императора, закрывъ за собою ворота. Послѣдовавшая затѣмъ сцена была одною изъ самыхъ ужасныхъ, о какихъ знаетъ исторія. Собравшійся въ циркѣ народъ былъ подвергнутъ избіенію, не различая виновныхъ отъ невиновныхъ, гражданъ отъ пришельцевъ. Человѣческая бойня продолжалась въ теченіе чрехъ часовъ. По меньшему исчисленію, при этомъ погибло до 7000 человѣкъ.

Быстро разнесшаяся по имперіи вѣсть о кровавомъ побоищѣ повергла всѣхъ въ недоумѣніе и ужасъ; но никто

не былъ пораженъ ею такъ глубоко, какъ медіоланскій епископъ Амвросій. Исполненный скорби и стыда за нехристіанское дѣло, допущенное христіаниномъ-императоромъ, онъ отправилъ ему письмо, властно призывавшее къ покаянію того, кто былъ виновникомъ гибели столькихъ человѣческихъ жизней. «Я не смѣю, — писалъ ревностный пастырь, — ни хранить молчанія ни снисходительно относиться къ твоему преступленію. Такая кровавая сцена, какая случилась въ Ѳессалоникѣ, не слыхана въ исторіи міра. Я предостерегалъ тебя противъ нея и умолялъ тебя; ты самъ сознавалъ ея жестокость; ты старался отмѣнить свой приказъ. И теперь я призываю тебя къ покаянію. Вспомни, какъ Давидъ раскаивался въ своемъ преступленіи. Неужели ты устыдишься сдѣлать то, что сдѣлалъ Давидъ? Ты можешь изгладить свой грѣхъ только слезами, покаяніемъ, уничиженіемъ души своей предъ Богомъ. Ты человѣкъ, и такъ какъ ты погрѣшилъ какъ человѣкъ, то и долженъ раскаиваться такъ же». Неизвѣстно, какъ отвѣтилъ императоръ на это письмо; повидимому, онъ не придалъ ему большого значенія и въ ближайшій день, когда епископъ совершалъ богослуженіе, явился въ храмъ въ сопровожденіи своихъ сановниковъ. Амвросій встрѣтилъ его въ портикѣ. «Видно, — сказалъ онъ, — что ты не раскаялся въ гнусности твоего убійства. Твоя императорская власть помрачила твой разумъ и стала между тобой и сознаніемъ твоего грѣха. Прими во вниманіе тотъ прахъ, изъ котораго ты происходишь. Не позволяй славѣ пурпура закрывать тебѣ глаза отъ немощности смертнаго тѣла, которое покрываетъ она. Ты погрѣшилъ противъ твоихъ ближнихъ, а у всѣхъ насъ одинъ Господь и Царь. Какими глазами будешь смотрѣть ты на храмъ Его? Какими ногами взойдешь ты во дворы Его? Какъ можешь ты воздѣвать въ молитвѣ руки, еще обагренныя кровью? или принять въ твои руки тѣло Го-

сподне? Удались, не прибавляй грѣха ко грѣху. Найди въ покаяніи средство, которое можетъ возстановить тебѣ здравіе души».

На этотъ разъ императоръ смирился. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ онъ въ качествѣ кающагося воздерживался отъ присутствія при богослуженіи, тяжело скорбя о своемъ отлученія отъ Церкви. Наконецъ, въ день праздника Рождества Христова онъ снова прибылъ въ храмъ, будучи не въ силахъ выносить долѣе свое религіозное отчужденіе. Амвросій заставилъ его стать въ церкви среди кающихся и открыто исповѣдать свой грѣхъ, а также возобновить прекрасный законъ императора Граціана, къ тому времени вышедшій изъ употребленія,—именно, что между приговоромъ и наказаніемъ долженъ всегда быть промежутокъ въ 30 дней. Императоръ принялъ эти условія. Онъ сложилъ съ себя регаліи и, простершись на полу, оплакивалъ свой грѣхъ. «Душа моя льнетъ къ праху, — взывалъ онъ, — Боже, оживи меня по слову Твоему» *).

Читая разсказъ объ этомъ далекомъ событіи, невольно хочется перенести святое воспоминаніе древности въ наши дни, далеко превзошедшіе своею общею жестокостью время ѳессалоникійскаго усмиренія. Теперь, какъ и тогда, многіе взоры съ мучительнымъ недоумѣніемъ и скорбью обращены къ предстоятелямъ Церкви, хранителямъ ея ученія и вождямъ человѣческой совѣсти. Что скажутъ они, когда рѣшатся, наконецъ, прервать свое прискорбно-долгое молчаніе? Услышимъ ли мы мужественныя и сильныя слова, близкія по духу обличеніямъ великаго медіоланскаго епископа, или это будетъ колеблющаяся «катихизическая» рѣчь,

*) Болѣе подробный пересказъ изложеннаго событія см. въ книгѣ *Ф. В. Фаррара* „Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви“, перев. А. П. Лопухина, стр. 555—559. СПБ. 1891.

тщетно пытающаяся примирить завѣты Христа съ торжествомъ произвола и насилія? Во всякомъ случаѣ послѣ всего доселѣ здѣсь сказаннаго намъ не трудно отвѣтить на вопросъ, каково *истинно-христіанское* воззрѣніе на смертную казнь, выясняющееся по даннымъ церковной традиціи.

Безусловное осужденіе всякаго насильственнаго отнятія человѣческой жизни въ интересахъ охраненія «общественнаго порядка» и «законности»,—вотъ то, чему должна настойчиво поучать въ наши дни церковная проповѣдь. Никакого иного сужденія о «легализированныхъ убійствахъ» не можетъ быть высказано отъ лица *Церкви* безъ противорѣчія ея основнымъ нравственнымъ принципамъ. Молчать же въ то время, когда безграничный произволъ охватываетъ жизнь и наполняетъ ее трепетомъ предсмертнаго ужаса, не въ правѣ тѣ, на комъ лежитъ долгъ быть провозвѣстниками и хранителями Божьей правды. Будемъ надѣяться, что и они присоединятся, наконецъ, къ общему хору голосовъ, осудившихъ смертную казнь, какъ дѣло безбожное и безчеловѣчное. Ибо какъ можно имъ еще хранить молчаніе, когда готовы возопить и камни?

И. Громогласовъ.

Смертная казнь и Евангеліе.

Когда священникъ предложилъ причаститься, Шмидтъ сказалъ: «Мы примемъ св. причастіе только тогда, если вы, батюшка, покажете въ Евангеліи, что можно убивать людей».

Телегр. изъ Очакова, «Руск. Вѣд.» № 66.

Однажды книжники и фарисеи, повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ (VIII гл.), привели къ Іисусу женщину, взятую въ прелюбодѣяніи. «Учитель,—вопрошали они,—эта женщина взята въ прелюбодѣяніи, а законъ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями (казнить). Что Ты скажешь?» Іисусъ, низко наклонившись, писалъ перстомъ на землѣ, а потомъ сказалъ въ отвѣтъ вопрошавшимъ: «Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень». Смущенные книжники и фарисеи отступились. Іисусъ, обратившись къ женщинѣ, сказалъ: «Гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя и Я не осуждаю. Иди»...

Такъ относился Христосъ къ смертной казни. Онъ не признавалъ ея.

Учитель любви и всепрощенія Онъ далъ человѣчеству новаго бога — бога любви (Богъ любы есть), заповѣдь служенія этому Богу — любовью; «Заповѣдь новую даю вамъ, любите другъ друга, какъ и Я полюбилъ васъ; пребудьте въ Моей любви. Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ и радость ваша будетъ совершенна»

(Іоан. XV, 9—12). Краеугольнымъ камнемъ всего ученія Его является практически нравственная дѣятельность, направляемая къ устроенію царства Божія—здѣсь, которое внутри насъ есть, исключающая всякую возможность и допустимость въ житейскомъ обиходѣ взаимныхъ отношеній, противорѣчащихъ его морали: не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаешь (Мѳ. VII, 12; Лук. VI, 31). Но кто же можетъ и имѣетъ право пожелать себѣ насильственной и преждевременной смерти?

Жизнь есть даръ Бога небеснаго; безъ воли Его никто не можетъ снять съ головы своей даже волоса; тѣмъ болѣе, поэтому, никто, кромѣ Отца небеснаго, не имѣетъ права отнять жизнь у человѣка (Мѳ. X, 29—31; Лук. XII, 7, 11—12, 25; Іоан. XVII, 2).

Миссія Христа была—спасеніе именно всѣхъ прегрѣшившихъ, призваніе къ покаянію грѣшныхъ. Потому-то и призывныя рѣчи Его о покаяніи раздавались, главнымъ образомъ, среди самаго дѣйствительно преступнаго элемента, самаго презрѣннаго въ обществѣ слоя—мытарей и блудниковъ (Мѳ. IX, 13). Между тѣмъ смертная казнь, преграждая преступнику возможность раскаяться въ его послѣдующей жизни, не только противорѣчитъ всему дѣлу миссіи Христовой, но допустимость ея въ христіанскомъ обществѣ «предполагаетъ въ человѣкѣ начало нераскаянности, т.-е. демонское начало, а не образъ Божій, а это есть уже хула на Сына Божія». Смертная казнь сама есть смертный грѣхъ.

Христосъ, осуждая смертную казнь и вообще убійство и насиліе, не могъ, слѣдовательно, видѣть въ смертной казни никакого нравственнаго смысла, которымъ прикрываются въ смертныхъ приговорахъ современные христіанскіе судьи. «Наказаніе преступнику!», но Онъ не зналъ иныхъ наказаній, кромѣ Божіихъ. «Не судите и не будете судимы,

не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете (Лук. VI, 37); если не прощаете, то и Отецъ вашъ небесный не проститъ вамъ (Мар. XI, 26); да взыщется... кровь всѣхъ, пролитая отъ созданія міра, отъ крови Авеля до крови Захаріи» (Лук. XII, 50—51). Наказаніе отъ человѣка человѣку и тѣмъ болѣе смертною казнью—это захватъ человѣкомъ себѣ недарованнаго. Не имѣетъ смертная казнь за собой смысла и какъ устрашеніе для другихъ. «Вѣдь кровь отъ руки чужой—это мученичество, а мученичество всегда рождаетъ чадъ себѣ»; кровь мучениковъ идеи,—кровь государственныхъ преступниковъ—это сѣмя идей ихъ. Если идея — зло, бороться съ ней надо добромъ. «Идея штыкомъ не улавливается», когда-то сказано было на русск. судѣ одной изъ революціонерокъ. «Не противься злу зломъ»...; «Поднявшіе мечъ отъ меча и погибнутъ» (Мѳ. XXVI, 52). Признаніе, наконецъ, смертной казни местью за преступленіе явно противорѣчитъ всей сущности ученія Христова. Развѣ мести училъ Тотъ, Который всю жизнь проповѣдывалъ воздавать за зло добромъ: «Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую» (Лук. VI, 29),—Который на слова учениковъ: «Господи, хочешь ли мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ?»—обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: «Не знаете, какого вы духа» (Лук. IX, 54 — 55)? Развѣ могъ мести учить Христосъ, когда Онъ и примѣромъ Своимъ наставлялъ всепрощенію; бывъ распятъ на крестѣ, молилъ за Своихъ палачей: «Отче! прости имъ» (Лук. XXIII, 34)?

Истинные христіане, свободные въ своемъ пониманіи ученія Христа отъ подчиненія временнымъ человѣческимъ установленіямъ, расходившимся съ духомъ Христова ученія, во всѣ вѣка, согласно съ Его заповѣдью: «если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди» (Іоан. XIV, 15),—не признавали смертной казни. Первые христіане, воспріявшіе чис-

тоту Христова ученія непосредственно изъ Его устъ или отъ Его апостоловъ, призываемые къ оружію въ ряды императорскихъ легіоновъ, отказываясь отъ оружія, говорили: «Нашъ мечъ—духовный мечъ, мы воюемъ словомъ правды и утѣшенія» (Цельсъ). Съ IV вѣка, съ постепеннымъ подчиненіемъ Церкви государству, ученіе Христово постепенно теряло свою полноту и чистоту, вызывая постоянные споры, кончавшіеся вселенскими соборами, не испросившими, однако, ученія Христова и не возстановившими его въ первоначальной чистотѣ, каковымъ оно потомъ исповѣдывалось лишь отдѣльными лицами.... Такъ, при Іоаннѣ Грозномъ, когда онъ залилъ всю страну кровью, нашелся одинъ лишь митрополитъ Филиппъ, который безпощадно обличалъ царя: «Мы приносимъ на алтарѣ Христовомъ безкровную жертву, а ты кругомъ проливаешь неповинную кровь христіанскую»... И Аввакумъ, сжигаемый на кострѣ, кричалъ своимъ палачамъ: «Когда и какой апостолъ приводилъ ко Христу кнутомъ, огнемъ да висѣлицей?» Офиціально до XIX столѣтія отъ Рождества Христова заповѣдь Его «не убій» трактовалась нашей Церковью въ ея очевидномъ прямомъ смыслѣ. Такъ, въ катихизисѣ митр. Платона (въ XVIII в.) въ такомъ смыслѣ (безусловнаго недопущенія какого бы то ни было лишенія человѣка драгоцѣннаго изъ его благъ—жизни) и объяснялась эта заповѣдь. И лишь 50—60 лѣтъ всего тому назадъ, въ правосл. катихизисѣ митр. Филарета (изданномъ съ благословенія Синода) широта означенной заповѣди сужена; по изъясненію Филарета, означенной заповѣдью якобы допустима, напр., казнь государственныхъ преступниковъ и т. д., что согласовалось съ его угодничествомъ высшей власти того времени.

Въ № 64 «Правды Божіей» и др. газетахъ приводились офиц. цифры пострадавшихъ въ одномъ только освободительномъ русскомъ движеніи съ янв. 1905 г. по янв. 1906 г.

Убито 14.130 ч., *казнено* 980 ч., ранено 19.524; въ янв. 1906 г. казнено 396 («Рус. Вѣд.» № 61), въ февр.—258 (№ 60 «Рус. Вѣд.»), въ мартѣ—до 80 ч....

Такова современная ужасная дѣйствительность русскаго христіанскаго общества! За одинъ январь мѣсяцъ 1906 г. въ Россіи казнено болѣе, чѣмъ во всей Европѣ за послѣднія 40 лѣтъ

«Миръ Мой оставляю вамъ и миръ Мой даю вамъ», почти 1900 лѣтъ тому назадъ говорилъ Христосъ передъ Своей смертью (Іоан. XIV).

Но что бы сказалъ Христосъ, этотъ величайшій изъ учителей любви и всепрощенія, чей кроткій ликъ свѣтитъ любовію вотъ уже второе тысячелѣтіе,—что сказалъ бы Онъ нынѣ, если бы пришелъ къ намъ и увидѣлъ, какъ кругомъ, вопреки Его завѣту, жертвой котораго Онъ палъ, но въ силу замѣнившихъ его положеній объ усиленной, военной и чрезвычайной охранѣ, проливается теперь человѣческая кровь въ именуемомъ христіанскимъ «православнымъ» обществѣ?!

И. А. Богословскій.

Лукавыя слова.

«И выпивъ *цикуты*, Сократъ сталъ ходить по комнатѣ, пока не почувствовалъ тяжести въ ногахъ. Тогда онъ легъ и сказалъ окружающимъ: «Не забудьте принести въ жертву (богу Асклептію) пѣтуха». Такъ записано въ «Федонѣ» Платона о смерти Сократа, умершаго по приговору несправедливаго аѳинскаго суда. «Жертвоприношеніе пѣтуха»... какою это древностью звучитъ! Какая несбыточность для насъ, христіанъ! Уже 2.400 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—мы именуемся «христіанами»: и вотъ христіанинъ-палачъ, окруженный для обезпеченія дѣла христіанами-воинами, по приговору христіанскаго суда и во исполненіе христіанскаго закона «святой» Руси, затягиваетъ петлю на горлѣ человѣка и давитъ его, какъ кошкодеръ на живодернѣ.

Эти живодерни именуются отчего-то и обставлены въ «дѣлопроизводствѣ» не своими словами, не собственными названіями, а уворованными чужими словами изъ лексикона добропорядочныхъ людей: «уголовный судъ», «приговоръ о смертной казни», «судъ приговорилъ такого-то къ повѣшенію», «приговорилъ къ разстрѣлянію». Когда нужно говорить просто «Мы, судьи, удавили сегодня Петра», «мы приказали солдатамъ Николаю и Ѳаддею застрѣлить мѣщанина Семена».

«Вѣшаютъ» платье въ гардеробъ, а человѣка давятъ. Кто же говоритъ о разбойникѣ: «онъ повѣсилъ домовладѣлицу такую-то и конфисковалъ ея имущество». Развѣ судъ говоритъ: «Ванька Каинъ повѣсилъ такого-то мирнаго обывателя и ограбилъ». Отчего же, когда вѣшаютъ Ваньку Каина, онъ обязанъ употреблять болѣе мягкіе термины: «Господа

судьи изволили приговорить меня къ повѣшенію». И онъ въ правѣ сказать: «Я удавилъ помѣщицу Киселеву, а меня завтра удавятъ судьи. И всѣ мы—душители: я—вчера, судьи—завтра». И уже читателю остается добавить: «И всѣмъ вамъ та же цѣна: отродья Сатаны, дьяволы».

Дьявольская эта вещь, при свѣтѣ дня, въ торжественной обстановкѣ, творится только государствомъ. Его «регалія»... Всѣ остальные, «послѣдніе люди», стыдятся этого: и «средь бѣла дня зарѣзалъ»—это звучитъ какъ жалоба на послѣднюю степень безстыдства, вызова человѣку и человѣчеству. Обыкновенно ночью, гдѣ-нибудь въ глубинѣ дома, въ гущѣ лѣса, въ тайгѣ «приканчиваетъ» человѣкъ человѣка... Бррр... ужасъ. Только государство, «милое отечество», «сѣдины» родины, барабанитъ въ барабанъ, сзываетъ народъ, душители надѣваютъ мундиръ, всѣ ордена, становятся, молчатъ, точно за обѣдомъ; и на глазахъ ихъ удавливаютъ человѣка.

Черная месса.

Такъ «удавливаютъ», а не «вѣшаютъ». Вѣшаютъ платье на гвоздь, и вообще это терминъ—привычный, нашъ, городской, невинный, и этимъ-то словомъ привычно-знакомымъ: «повѣсить *карточку на стѣну*», «повѣсить *сюртукъ въ гардеробъ*», прикрывается этотъ кошмаръ цивилизаціи, попраніе христіанства, отреченіе отъ всякаго Бога, передъ которымъ остановились язычники и теперь отскакиваютъ назадъ турки. «Чтобы своими руками задушить человѣка: нѣтъ, я не могу, я мусульманинъ», «не можемъ приговорить къ этому мы, правовѣрные турки[1]): есть Аллахъ!» «Ни мы,

[1]) Какъ и у древнихъ грековъ, султанъ избѣгаетъ „расправы своими руками", и имѣющему умереть посылается шелковый шнуръ. Не споримъ, ужасно, какъ и аѳинскій судъ; однако, *въ душѣ что-то было*: страхъ, протестъ, ужасъ; и *кровь не течетъ*, удавленный *не корчится въ судорогахъ* вотъ передъ глазами, какъ у насъ, людей безъ нравственнаго обонянія.

поклонники Аполлона и Деметры», вторятъ имъ изъ древности греки. Только статскіе и тайные совѣтники въ мундирѣ Министерства Юстиціи, посморкавшись въ мѣченный хорошей мѣткой платокъ, недоумѣваютъ: «Не понимаемъ!.. Почему не задушить?.. Суевѣріе язычества, тупость мусульманъ: мы сознательные христіане и спокойно душимъ. Потомъ спимъ. Между сномъ и удушеніемъ—обѣдаемъ. И пищевареніе—ничего и сновъ не видимъ».

Въ язычествѣ и теперь у турокъ посылаютъ *приговоръ* умереть; но мысль *самому* задавить человѣка, самимъ *офиціально* задушить, застрѣлить—это деретъ по кожѣ, проходитъ морозомъ по мысли древнихъ и новыхъ *не* христіанъ. Пропорціонально этому ужасу передъ «лишеніемъ человѣка жизни», тамъ это совершалось и совершается рѣдко, какъ что-то исключительное и выходящее изъ ряда вонъ. Не замѣчаете ли вы, что и у насъ, при «христіанскомъ братствѣ», смертные приговоры собственно обширно практикуются лишь въ отношеніи простонародья, которое гг. «привилегированные» не чувствуютъ какъ «своего брата», а приблизительно чувствуютъ какъ человѣкъ кота, котораго ему предстоитъ «ободрать» и онъ при этомъ ничего не чувствуетъ. Дворяне дворянъ не «обдираютъ» и, напримѣръ, чиновники чиновниковъ никогда не «вѣшаютъ», хотя бѣдствія отъ чиновниковъ, иногда ставящихъ государство на край гибели, превосходятъ вредъ отъ воровъ и разбойниковъ. Но «свой братъ»—и морозъ проходитъ по кожѣ при мысли. Ну какъ тайный совѣтникъ удавитъ тайнаго совѣтника? Но «тайный совѣтникъ» мѣщанина Иванова? Это—котъ, котораго можно ободрать, «чужая кровь, чужая душа», не «мы» и не «наше».

Мнѣ кажется, ужасъ смертной казни удерживается оттого въ качествѣ «особой привилегіи государства», что хотя мы и «сознательные христіане», а на самомъ дѣлѣ беремъ все цѣликомъ, въ комкѣ и не расчленяя, и вовсе не пости-

гаемъ живымъ воображеніемъ дѣлаемаго. И на первую ступень пониманія насъ не пускаютъ просто эти чужіе, не вѣрные, не фактичные слова и термины, которыми мы, какъ приличною капсюлею, обволокли вонючее и нестерпимое содержаніе.

В. Розановъ.

Ужасная тема.

Ужасная тема—смертная казнь и какъ-то странно, страшно затрогивать ее. Слишкомъ полная увѣренность трудно выливается въ слова, полнота и сила убѣжденности останавливаетъ, дѣлаетъ излишней рѣчь. Непререкаемость истины родитъ молчаніе. Противъ смертной казни, казалось бы, нечего говорить, самое сильное возраженіе здѣсь—молчаніе, потому что можно сказать все, все противъ смертной казни, отрицаніе ея—самоочевидная правда религіи и морали, философіи, науки и искусства. Все противъ смертной казни, и, однако, она существуетъ, она растетъ, получаетъ страшные, чудовищные размѣры въ наше время, и мысль отказывается вмѣстить фактъ, душа безсильна объять ужасъ совершающагося.

Смертная казнь не наказаніе, она всегда—преступленіе, и убійца, убивая чужими руками чужую жизнь, чужое тѣло, умерщвляетъ душу свою, вѣрнѣе — просто констатируетъ смердящую мертвенность души своей. Подписывающіе смертный приговоръ и попускающіе его исполненіе могутъ дѣлать это только потому, что холодъ сковалъ уже ихъ собственный духъ. Они не ощущаютъ, не сознаютъ того, что свершаютъ, и безсознательно, сами не вѣдая того, обнажаютъ свое полное духовное банкротство. Въ признаніи смертной казни, всегда лишенномъ всякой санкціи, кромѣ грубаго утилитарнаго, хищническаго расчета, всегда таится очень ося-

зательное религіозное безсиліе, нравственная немочь, здѣсь не только кроется цинически-нигилистическое отрицаніе безсмертія и правды суда Божія, здѣсь кроется просто кощунство, отрицаніе Бога въ человѣкѣ, поруганіе вѣчно цѣннаго образа Божія во имя политическаго идолопоклонства, дикаго, нерасчетливаго. Обороняющіеся смертною казнью отъ натиска исторіи не хотятъ усчитать простой психологической ариѳметики: смерть вызываетъ смерть, и кровь — кровь... Грубо-животный, тупой страхъ толкаетъ власть къ примѣненію смертной казни, обезумѣвшее отъ ужаса чудовище сбрасываетъ, наконецъ, маску своей мнимой божественности и обнажаетъ свою истинную звѣриную морду съ оскаленными зубами, съ искаженными чертами задыхающейся, отвратительной злобы. Съ опаленной шерстью несется это чудовище, надѣясь убѣжать отъ собственной гибели, но, въ концѣ-концовъ, ускоряя ее... Безсиліе палачей, таящееся за смертной казнью, преступность ея сказывается и въ томъ, какъ скоро и легко эта казнь переходитъ въ истязаніе, въ мучительство, въ инквизицію; самой смертной казни становится мало, и ожесточеніе идетъ дальше, цинизмъ силы власти оголяется больше и больше, посягая на все во имя «ничто», во имя пустоты...

На огненное безуміе революціоннаго пожара трусливая власть отвѣчаетъ холоднымъ безуміемъ смертной казни; въ фактѣ смертной казни безбожіе власти обнажается до послѣдней испытующей наготы, безсмыслица жизни достигаетъ страшнаго выраженія,—всѣми осужденная, никому не нужная, ничего не достигающая смертная казнь, какъ послѣднее отчаяніе, какъ проклятье, какъ дьяволова печать клеймитъ собой прибѣгающую къ ней власть. Примѣненіе смертной казни казнящіе своей человѣческой волей подписываютъ, въ сущности, собственный смертный приговоръ передъ судомъ Высшей Воли, вскрывая демоническое начало въ себѣ.

Смертная казнь отвратительнѣе, гаже всякаго убійства. Ужасъ ея въ оголенности, въ безчувственности убійцъ, въ отсутствіи живой человѣческой психологіи, трепетной, волнующейся, горящей,—здѣсь преступленіе совершенно безпсихологично, непостижимо холодно, мертво, механично. Достоевскій устами своего «Идіота» просто и страшно выразилъ эту мысль: «Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно;* тутъ приговоръ и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно,* и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: «Ступай, тебя прощаютъ». Вотъ этакій человѣкъ могъ бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Смертная казнь воистину безчеловѣчна, потому что человѣческая воля отдается здѣсь во власть чего-то бездушнаго, неживого, какому-то внѣличному руководительству адскихъ силъ... И чѣмъ глубже всматриваешься въ ужасъ смертной казни, тѣмъ ощутительнѣе погружаешься въ какую-то безпросвѣтную темь пустой бездны, и бездна эта губительнымъ

соблазномъ всасываетъ въ свою тайную глубь царей и царства, правительства и правителей, власть и силу суда человѣческаго, обращая этотъ судъ въ омерзительную дьявольскую игру, наполняя исторію какимъ-то сумасшедшимъ отвратительнымъ кошмаромъ... Кошмаръ этотъ душитъ насъ, мучительно хочется крикнуть, сбросить его, не видѣть, очнуться, проснуться...

И эти крики слышатся, крики спящихъ, которыхъ душитъ кошмаръ смертной казни. Голоса эти раздражаютъ власть имущихъ; голоса во имя Христово изъ церкви, изъ устъ пастырей пугаютъ ихъ и вызываютъ гоненіе, омертвѣвшая душа судей и палачей глуха къ голосу жизни, къ голосу правды, но вѣдь Христосъ зоветъ, поймите, Христосъ, и не минуетъ суда Его ни единый изъ васъ ни единый изъ насъ, очнитесь, проснитесь, остановитесь и... имѣйте же хотя страхъ Божій, если любви не имѣете...

Волжскій.

О смертной казни.

Всякое убійство есть дѣло ненависти. Не можетъ быть, чтобы человѣкъ убивалъ человѣка изъ любви къ нему. Смертная казнь есть одинъ изъ самыхъ ужасныхъ видовъ убійства потому, что она есть холодное, разсчетливое, сознательное, принципіальное убійство,— убійство безъ всякаго аффекта, безъ всякой страсти, безъ всякой цѣли, внѣ себя: убійство ради убійства. И въ этомъ главный ея грѣхъ и ужасъ. При всякомъ убійствѣ есть виноватый, есть тотъ, кто этого убійства хотѣлъ, кто его замыслилъ и взлелѣялъ, кто изъ-за него велъ съ собой ожесточенную иногда борьбу, кто принялъ его на свою совѣсть. При всякомъ убійствѣ есть убійца, живой человѣкъ, способный падать и возвышаться, грѣшить и каяться. При смертной казни нѣтъ убійцы, въ смыслѣ живого лица, есть отвлеченный убійца, законъ или государство. Убили Шмидта и трехъ матросовъ не тѣ солдаты, которые дали по нимъ смертельный залпъ и послужили лишь орудіемъ убійства, и не тотъ прокуроръ, который примѣнилъ къ нимъ статьи закона, какія онъ не могъ не примѣнить, стоя на его почвѣ, и даже не адмиралъ Чухнинъ, лишь конфирмовавшій этотъ не имъ поставленный и имѣющій силу закона приговоръ, вообще ни одному изъ звеньевъ этого бездушнаго аппарата, имѣющаго на одномъ концѣ параграфъ закона, а на другомъ — человѣческій трупъ, не можетъ быть вмѣнено цѣликомъ

убійство, хотя каждый виновенъ въ немъ: и стрѣлявшій солдатъ, и неумолимый прокуроръ, и жестокій, безпощадный адмиралъ. Никто изъ нихъ, можетъ-быть, искренно не хотѣлъ и не хочетъ убійства и тѣмъ не менѣе принимаетъ въ немъ участіе. Здѣсь есть какая-то ужасная логика событій и отношеній, есть зло сверхъ-индивидуальное, какимъ всегда является дурной, безбожный законъ, и это сверхъ-индивидуальное зло воплощается въ индивидуальные грѣхи. Но зато, это сверхъ-индивидуально, а слѣдовательно, и въ большей или меньшей степени всеобще, не можетъ принять вину цѣликомъ никто, ибо виноваты въ сущности *всѣ*. Да, всѣ, и тѣ, кто теперь заливаютъ Россію кровью казнимыхъ, и тѣ, которые на это негодуютъ, пишутъ «Письма въ редакцію» противъ смертной казни, всѣ, кто терпитъ этотъ строй и мирится съ нимъ.

Двоякое чувство въ людяхъ возбуждаетъ смертная казнь: въ однихъ ненависть и жажду мести, которыя въ соединеніи съ личной самоотверженностью вызываютъ отвѣтныя политическія убійства, ведущія къ новымъ смертнымъ казнямъ, — этимъ люди какъ бы облегчаютъ свою совѣсть, жертвуя собой, въ другихъ — безсильный ужасъ и чувство стыда, отвѣтственности, виновности, — соотвѣтственности и совиновности. Да, виновны всѣ мы и каждый изъ насъ въ отдѣльности: это я и вы и наши знакомые, вмѣстѣ съ несчастными молодыми матросами разстрѣляли Шмидта и безчисленное количество жертвъ, кровь ихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ, и эта солидарная отвѣтственность не пустая фраза. Я слышу самодовольные и негодующіе голоса: «Да развѣ мы не подписывали протестовъ, развѣ мы не негодовали, но мы безсильны». Однако, по чистой совѣсти, предъ лицомъ великаго таинства смерти, торжественность котораго только подчеркивается обстановкой

казни, можетъ ли каждый изъ насъ сказать, что онъ сдѣлалъ *все*, что́ могъ, а слѣдовательно, и что́ долженъ былъ, для борьбы съ этимъ зломъ, что онъ не былъ погруженъ въ себялюбивые интересы или житейскую суету, именно тогда, когда проливалась кровь, что онъ не *чувствовалъ* крови... А развѣ же мы чувствуемъ кровь? Развѣ могли бы мы теперь жить, какъ мы всѣ живемъ: пить, ѣсть, спать, ходить въ театръ, на службу, къ знакомымъ, если бы мы чувствовали кровь, которой захлебывается страна? Мы хотимъ отмахнуться отъ назойливаго безпокоющаго призрака, обезпечить свой покой, отъ котораго должны бы отказаться, отъ котораго не осталось бы и тѣни, если бы мы не были такъ безчувственны. А если мы внутренно не правы, если мы не сдѣлали того, къ чему обязываетъ насъ наша совѣсть, то какъ же мы можемъ утверждать, что мы безсильны, а отрицать свою совиновность, свое соучастіе въ смертной казни, въ убійствѣ. Я не знаю, какое чудо тогда совершилось бы, какъ распались бы стѣны темницы, какъ переродились бы сердца жестокихъ правителей, если бы совѣсть сдѣлала во всѣхъ насъ свое дѣло... Тѣ, которые казнены, умерли, удостоившись мученическаго вѣнца,—ихъ нечего уже жалѣть, имъ можно только завидовать и желать всякому той преданности идеи, того самоотверженія, которое увѣнчивается мученичествомъ. Быть готовымъ къ мученичеству, совершить актъ внутренняго самоотреченія — развѣ это не высшая свобода, не высшая сила, для которой не страшно ничто, и которой — и только ею одною — побѣждается зло. Но мы содрогаемся при извѣстіяхъ о смертной казни не только непосредственнымъ ужасомъ предъ происходящимъ, но и стыдомъ своего безсилія, своей неготовности, своей привязанности къ жизни, которая застилаетъ намъ глаза и притупляетъ совѣсть.

Будемъ бороться съ смертной казнью всѣми внѣшними средствами, какія существуютъ въ нашемъ распоряженіи: будемъ издавать сборники, принимать резолюціи, подписывать петиціи, говорить рѣчи. Но отъ всего этого въ глубинѣ души, предъ всевидящимъ окомъ совѣсти — чего-то стыдно, неловко, чувствуется какая-то ложь. И ложь эта въ томъ, что говорить мощнымъ и властнымъ голосомъ о смертной казни и громить ее можетъ только тотъ, кто самъ готовъ принять смертную казнь, и только тогда, когда онъ совершилъ внутренне эту казнь надъ собой, отрекся отъ себя. Только равный можетъ выступать за равнаго, и только эта защита неотразима и непобѣдима. Жертва за жертву! Вотъ почему такъ страшно и такъ стыдно только *писать* противъ смертной казни.

Внѣ этого условія мы не можемъ избыть своей собственной вины, своего соучастія, какъ бы мы ее ни устраняли словеснымъ негодованіемъ. Въ нравственной экономіи міра ничто не пропадаетъ даромъ, а кровь казненныхъ, эта драгоцѣннѣйшая влага изъ всѣхъ земныхъ влагъ, менѣе чѣмъ что-либо. И она должна научить насъ не только протестовать словесно противъ смертной казни, но и самимъ дѣлаться достойными этого протеста, пріобрѣсть на него право, внутренне его оправдать. И когда и если совершится это перерожденіе, смертная казнь будетъ, дѣйствительно, побѣждена—не внѣшне, хотя при этомъ условіи и внѣшняя побѣда станетъ легка и естественна, но внутренне,— переставъ страшить насъ самихъ, она дастъ намъ силы страшить наемныхъ, механическихъ, бездушныхъ, жалкихъ или презрѣнныхъ убійцъ.

Вотъ этой-то внутренней побѣды надъ смертной казнью прежде всего я желаю и себѣ и своимъ читателямъ. И *эта* побѣда зависитъ только отъ насъ самихъ, отъ нашихъ личныхъ усилій, за насъ ея никто не можетъ совершить, а

потому, поскольку это имѣетъ значеніе и для самаго существованія смертной казни, никто не можетъ исполнить за насъ того, что можетъ быть сдѣлано нами самими. Внѣшній успѣхъ или неуспѣхъ — дѣло внѣшнихъ силъ, внутренняя побѣда — наше собственное дѣло, и поскольку оно является условіемъ и внѣшняго успѣха, на нашу личную совѣсть ложится и существованіе смертной казни въ обществѣ.

С. Булгаковъ.

Казнь и убійство.

Кровь, которую проливаетъ русское правительство, убійства, которыя оно совершаетъ, не могутъ быть подведены подъ юридическій институтъ смертной казни. Этотъ криминальный институтъ давно уже признанъ нецѣлесообразнымъ наукой уголовнаго права, давно уже возстало противъ него моральное сознаніе человѣчества. Но ужасъ, который сейчасъ происходитъ, нельзя обсуждать съ юридической точки зрѣнія, какъ-то неумѣстно аргументировать противъ смертной казни, да и слишкомъ элементарный это вопросъ. Контръ-революція черной смертью пронеслась надъ Россіей, террористическую тактику примѣнила, передъ которой блѣднѣютъ всѣ революціонные терроры міра, убійство сдѣлала своимъ главнымъ, почти единственнымъ, орудіемъ. Всѣ черныя, звѣриныя силы страны мстятъ за то, что пошатнулось ихъ безбожное царство и что призваны они, наконецъ, исторіей къ отвѣту за вѣковыя свои преступленія. Контръ-революціонный терроръ, не знающій границъ, звѣрская месть, организованное убійство беззащитныхъ, — вотъ что называютъ у насъ въ эти дни смертной казнью. Совершаетъ эти преступленія государственная власть, мнящая себя христіанской.

Сказано было: «Взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ». Это про государство сказано было, такъ какъ государство не только первое взяло мечъ, въ кровавыхъ убійствахъ роди-

лось, но и убійство возвело въ законъ, смерть однимъ изъ законовъ жизни признало. Извѣстно, что смертная казнь исторически развилась изъ кровавой мести, что государство заботливо взяло на себя задачу организовать возмездіе, превративъ его въ безличное. Стихія кровавой мести — ирраціональная, въ ней первосозданный хаосъ шевелится, и безконечно благороднѣе, святѣе этотъ хаосъ, чѣмъ организованное, разумное, сознательно-звѣрское возмездіе государства, чѣмъ чудовищная его безличность. Страшна смерть и отвратительно убійство, но что сказать о смерти, возведенной въ законъ жизни, объ убійствѣ, организованномъ сознательно хозяевами жизни, во имя поддержанія призрачнаго въ ней порядка. Есть въ мірѣ правда высшая, чѣмъ эта кровавая месть, и не къ мести этой призываетъ наше сознаніе, но не государству объ этой правдѣ напоминать, не передъ государствомъ будетъ данъ отвѣтъ за ужасъ убійства. Человѣку было сказано: «Не убій», но государство, люди государственные, люди власти не приняли этого на свой счетъ, отнесли заповѣдь лишь къ подвластнымъ имъ и поддерживаютъ свое существованіе закономъ звѣринымъ, о Богѣ ничего не вѣдающемъ.

Смерть—самое крайнее, самое страшное выраженіе мірового зла, отпаденіе міра отъ Бога, и цѣлью религіи всегда была побѣда надъ смертью, утвержденіе жизни вѣчной. Если крестная смерть Христа была побѣдой надъ смертью, то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и самымъ властнымъ, религіознымъ осужденіемъ убійства. Казнящій смертью, утверждали истинные христіане, присоединяется къ дѣлу мучителей Христа, убиваетъ не только человѣка, но и Бога. Вл. Соловьевъ, который былъ въ то время еще славянофиломъ и вѣрилъ въ религіозное призваніе царя, сказалъ послѣ 1 марта вѣщія слова: «Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы царя на смерть. Царь можетъ про-

стить ихъ, и если онъ, дѣйствительно, чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божію за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: «Не убій». *Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа.* (Курсивъ мой.) Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія. Пусть царь и самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что онъ прежде всего — христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ».

Революціонеры, совершающіе политическія убійства, на которыя ссылается правительство для оправданія своихъ преступленій, не первые подняли мечъ, не «холодно» убиваютъ, не «безоружныхъ» убиваютъ. И эти убійства ужасны, мы жаждемъ выйти изъ кроваваго круга, въ который вступило правительство, но не всякій смѣетъ осуждать ихъ, не всякій имѣетъ на это право и менѣе всѣхъ, конечно, обагренная кровью невинныхъ государственная власть. Въ политическихъ убійствахъ, совершонныхъ отдѣльными героями, въ дуэляхъ, въ защитѣ чести личность человѣческая отдаетъ и свою жизнь, отвѣчаетъ за себя собою, а государство всегда безотвѣтственно по своей безличности. Убійство, изъ «хаоса» рожденное, невиннѣе, благороднѣе, для совѣсти нашей выносимѣе, чѣмъ убійство по «закону», холодно-звѣрское, разсудочно-мстительное. И смерть хаотическую и смерть законническую преодолѣетъ свободная гармонія, но вѣримъ, что передъ судомъ Божіимъ къ отвѣту будутъ призваны прежде всего убійцы-законники, мѣшавшіе смерть преодолѣть, и вѣчный ужасъ откроется передъ ихъ прозрѣвшимъ сознаніемъ, поймутъ они, кому служили.

Николай Бердяевъ.

Викторъ Гюго противъ смертной казни.

У насъ въ Россіи очень часто приходится наблюдать весьма странное отношеніе къ разрѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Разсматриваютъ вопросъ не по его существу, а по тому, какъ къ нему относятся представители тѣхъ или иныхъ партій. Такимъ образомъ самый серьезный вопросъ оказывается въ положеніи какого-то жалкаго просителя, къ которому экзекуторъ обращается съ недовѣрчивой миной: «А кто, молъ, за тебя, любезный, ходатайствуетъ?»

Въ такомъ именно положеніи у насъ въ настоящее время находится вопросъ о смертной казни.

Въ газетахъ промелькнуло какъ-то извѣстіе, что этотъ огромной важности вопросъ разсматривался въ Совѣтѣ Министровъ, и будто бы окончательно рѣшена отмѣна смертной казни. Къ сожалѣнію, очень скоро появилось компетентное разъясненіе, что, молъ, дѣйствительно, по поводу смертной казни разговоры были, но что вопросъ этотъ отнюдь не обсуждался господами министрами серьезно.

Такое *несерьезное* отношеніе къ такому серьезному вопросу до нѣкоторой степени можетъ быть объяснено тѣмъ, что на вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни у насъ въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ смотрятъ, какъ на вопросъ, состоящій въ исключительномъ вѣдѣніи либераловъ. Поэтому, молъ, уважающимъ себя консерваторамъ заниматься этимъ вопросомъ не слѣдуетъ, а если по долгу

службы и придется столкнуться съ этимъ вопросомъ, то въ пику господамъ либераламъ необходимо отнестись къ нему отрицательно.

Между тѣмъ казалось бы, что вопросъ о смертной казни есть вопросъ настолько существенный и важный, что его нельзя не признать выходящимъ за всякіе предѣлы тѣхъ партій, на которыя дробится то или иное человѣческое общество.

Когда заходитъ разговоръ о смертной казни, то многимъ кажется, что это что-то отвлеченное, академичное, доступное пониманію однихъ спеціалистовъ, что для правильнаго рѣшенія этого вопроса необходимы какія-то особыя познанія. Но вѣдь это совершенно не такъ. Вѣдь это вопросъ очень близкій для всѣхъ насъ, къ какимъ бы общественнымъ кругамъ мы ни принадлежали, на какихъ бы ступеняхъ общественной лѣстницы мы ни стояли.

Для того, чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ сдѣлать ссылку на сочиненія человѣка, бывшаго всегда ярымъ противникомъ смертной казни и возвышавшаго свой могучій голосъ въ защиту всякаго, кому эта казнь угрожала. Я говорю о Викторѣ Гюго.

Въ маѣ 1867 года жены приговоренныхъ къ смерти, такъ называемыхъ, политическихъ преступниковъ, ирландскихъ борцовъ за свободу — феніевъ, обратились къ Гюго, прося его заступничества. Великій поэтъ обратился къ Англіи съ горячимъ воззваніемъ, въ которомъ, между прочимъ, высказывалъ слѣдующія мысли:

«Слезы и тоска воцарились въ Дублинѣ. Смертные приговоры слѣдуютъ другъ за другомъ, и обѣщанныя милости медлятъ своимъ появленіемъ. Письмо, лежащее передъ нашими глазами, гласитъ: «Генералъ Буркъ будетъ повѣшенъ первымъ, за нимъ послѣдуютъ капитанъ Макъ Афферти, капитанъ Макъ Клюръ, Келли, Жуасъ и Сюлли-

манъ... Нельзя терять ни одной минуты... Женщины и молодыя дѣвушки умоляютъ васъ... Получите ли вы во-время наше письмо?» Мы читаемъ эти строки и отказываемся имъ вѣрить. Намъ говорятъ: плаха уже готова. Мы отвѣчаемъ: это невозможно. Казнь политическихъ преступниковъ невозможна въ Англіи. Довольно и того, что она существуетъ еще въ другихъ странахъ... Неужели въ одно майское или іюньское утро повѣсятъ человѣка только оттого, что онъ боролся, отстаивая интересы своего народа. Неужели сегодня или завтра будутъ стягивать петлю на шеѣ связаннаго человѣка до той минуты, пока онъ не умретъ — только оттого, что этотъ несчастный побѣжденъ силой въ неравной борьбѣ?..

«Ваше государство находится въ полномъ разсвѣтѣ политической зрѣлости и стремится къ великой реформѣ всеобщей подачи голосовъ, долженствующей увѣнчать зданіе самоуправленія, построенное могущественнымъ народомъ habeas corpus. Всѣ проявленія вашего духа свободны: печать, судъ, промышленность, личность—независимы и неприкосновенны въ вашей странѣ... И что же? къ этому великолѣпію вы хотите прибавить повѣшеннаго Бурка. Послѣ его казни вы, величайшій изъ народовъ, станете ниже всѣхъ...

«Капля безчестія омрачаетъ блестящую славу... Ужасенъ видъ солнца, лучи котораго несутъ землѣ тьму. Нѣтъ, нѣтъ, не таково назначеніе Англіи! Англія предназначена показать народамъ прогрессъ, трудъ, починъ, истину, право, разумъ, правосудіе, величіе свободы! Англія предназначена показать народамъ плодородное поле, гдѣ царитъ жизнь, а не холодное кладбище, надъ которымъ вѣетъ смерть...

«Англія не настроитъ у себя плахъ. Буркъ, Макъ Клюръ, Макъ Афферти, Келли, Жуасъ, Сюллиманъ не будутъ повѣшены. Жены и дочери, написавшія ко мнѣ, не должны себѣ шить черныхъ одеждъ. Качайте спокойно своихъ

дѣтей, мирно спящихъ въ уютныхъ колыбеляхъ; Англіей правитъ теперь женщина, одѣтая въ черное сукно и крепъ. Мать не осиротитъ вашихъ дѣтей; вдова не отниметъ у васъ мужей».

Голосъ великаго изгнанника тронулъ сердце королевы, и феніи не были казнены.

Не прошло еще и мѣсяца послѣ этого письма, какъ его автору пришлось снова взяться за перо для борьбы противъ смертной казни. Какъ и три недѣли тому назадъ, ему пришлось защищать человѣка, обвинявшагося въ политическомъ преступленіи, какъ и три недѣли тому назадъ, ему приходилось взывать къ лучшимъ чувствамъ власть имущихъ. Разница была только внѣшняя. Въ первомъ случаѣ обвиняемыми были представители политической партіи, во второмъ случаѣ обвиняемымъ былъ императоръ.

Изгнанникъ, лишенный родины насиліемъ и злобой одного императора, употребляетъ всѣ силы ума и таланта, чтобы спасти другого императора и обращается къ президенту Мексиканской республики Хуарецу съ просьбой помиловать взятаго въ плѣнъ мексиканскаго императора Максимильяна.

Гюго напоминаетъ Хуарецу о тѣхъ невѣроятныхъ трудностяхъ, борьбѣ и лишеніяхъ, которыя пришлось пережить освободителю Мексики.

«Пять лѣтъ,—восклицаетъ Гюго,—продолжалась эта безпримѣрная война, пять лѣтъ грохотали пушки, окутывая дымомъ всю Мексику. Наконецъ тучи дыма и пыли разсѣялись, и передъ глазами изумленныхъ народовъ предстали поверженныя во прахъ имперія и свобода, гордо поднявшая голову и опиравшаяся на Хуареца.

«Это величественное зрѣлище было дѣломъ вашихъ рукъ, Хуарецъ! Теперь васъ ждетъ болѣе великое дѣло.

«Слушайте, гражданинъ, президентъ Мексиканской республики!

«Вы доказали могущество республиканизма, заставивъ власть преклониться передъ народомъ; докажите же теперь его нравственную красоту... покажите тиранамъ, похищающимъ власть и уничтожающимъ мысль, народъ, равный и терпимый. Покажите варварамъ просвѣщеніе и принципы.

. . . . . .

«Еще никогда не представлялся болѣе удобный случай для указанія человѣчеству на вѣчно прекрасную истину.

«У кого поднимется рука казнить Березовскаго, хотѣвшаго убить императора, зная о пощадѣ Максимильяна, желавшаго уничтожить цѣлую націю?..

«Вотъ какое второе великое дѣло ожидаетъ васъ, Хуарецъ. Первое исчерпывалось словами: побѣда надъ узурпаторомъ; второе—пощада побѣжденному. Покажите же коронованному міру, обагрившему наши земли кровью убитыхъ, какъ надо щадить голову человѣка-императора. Пусть узурпаторы, опирающіеся на висѣлицы, изгнанія и ссылки, захватившіе Ирландію, Гаванну и Критъ, увидятъ милосердіе республики къ беззащитному человѣку. Да повѣетъ свѣжее дыханіе жизни надъ землями, гдѣ царятъ короли, повинующіеся судьямъ, судьи, управляемые палачами, и палачи, слѣпо служащіе смерти.

«О, Хуарецъ! Кровью сочатся тяжелые томы законовъ тирановъ, и не вамъ, республиканцу, руководствоваться ими. Вы должны поднести республикѣ книгу высшей правды и прочесть міру указанныя ею священныя слова: «не убій».

«Эти два слова составляютъ долгъ человѣка».

Это письмо было написано 20 іюня 1867 года. На другой день оно появилось въ газетахъ, и австрійскимъ посольствомъ въ Лондонѣ, по просьбѣ престарѣлаго Фердинанда I, бывшаго австрійскаго императора, немедленно отправлена телеграмма Хуарецу съ сообщеніемъ о воззваніи Виктора

Гюго. Къ сожалѣнію, телеграмма пришла слишкомъ поздно. Максимильянъ былъ уже разстрѣлянъ.

Общее правило для безпристрастнаго рѣшенія какого-либо дѣла, близко касающагося другихъ лицъ,—это поставить себя въ положеніе этихъ лицъ. Другими словами,—древняя этическая формула: «Поступай съ другими такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы поступали съ тобой».

Примѣните это правило къ политическимъ преступникамъ, примѣните къ преступникамъ уголовнымъ,—естественный инстинктъ самосохраненія подскажетъ вамъ простую, ясную мысль о нелѣпости и гнусности смертной казни.

Покойный Д. Григоровичъ за годъ или два до своей смерти, какъ-то говорилъ по поводу смертной казни: «Если бы вмѣсто смертной казни мнѣ предложили, что меня посадятъ въ каменный мѣшокъ, гдѣ будетъ абсолютная тишина и мракъ, такъ что я не буду ни видѣть ни слышать, не буду ничего знать, что дѣлается, я все-таки предпочту это заточеніе смерти. Только бы жить».

Какъ ни ужасно такое заточеніе, но я понимаю покойнаго писателя. Мракъ и безмолвіе тюрьмы все-таки можно побѣдить силой мысли, съ ними можно бороться, и въ концѣ-концовъ все-таки остается надежда. Но смерть... Это такая область мрака и безмолвія, передъ которой безсильна и мысль человѣка. И потому обрекать человѣка на смертную казнь могутъ лишь люди глубоко безнравственные, для которыхъ недоступно пониманіе высокой цѣнности человѣческой личности, или люди настолько ограниченные, что для нихъ невозможно представить себя въ положеніи человѣка, обреченнаго на смертную казнь.

А. Хирьяковъ.

Законное злодѣйство.

Ἡμῖν οὐκ ἔξεστιν ἀποκτεῖναι οὐδένα.
(Отъ Іоанна, 18, 31) [1]).

I.

Пробилъ, наконецъ-то, часъ, когда по всей Россіи пронесся могучій кличъ:

— «Долой смертную казнь!»

И вотъ, на склонѣ моего писательскаго пути, вношу я лепту уже въ цѣлый «сборникъ», гдѣ всѣ его участники, иностранцы и русскіе, движимы однимъ страстнымъ и непримиримымъ протестомъ...

Насильственное отнятіе жизни, холодное и разсчитанное убійство во имя государственнаго возмездія или какого-то іезуитскаго моральнаго равновѣсія, а въ сущности, варварскій пережитокъ... Какой позоръ!

Да еще полно, «пережитокъ» ли это эпохъ варварства? Древніе наши предки, и не они одни, смотрѣли на высшее преступленіе, на убійство, гораздо гуманнѣе и разумнѣе, а не съ той лицемѣрной кровожадностью, съ какой самые якобы культурные народы XX вѣка «караютъ» точно такую же вину передъ человѣчествомъ. Они брали «виру», заставляли убійцу или его родичей платить въ родъ убитаго денежную пеню, потому что для тѣхъ это былъ прежде всего

---

[1]) „Намъ никого не дозволено убивать“.

огромный матеріальный ущербъ. Ихъ понятіе о «возмездіи» было гораздо гуманнѣе и дѣльнѣе. Они всѣ были связаны родовымъ или общиннымъ бытомъ. Для нихъ всякая потеря «мужа», члена рода, общины или дружины была слишкомъ чувствительна. И они посмотрѣли бы, вѣроятно, какъ на величайшую нелѣпость и *нечестіе*, на такой актъ «правосудія», путемъ котораго, кромѣ убитаго, подвергался истребленію еще и другой членъ рода, общины, дружины. Такая очевидная нелѣпость не приходила имъ въ голову.

А вотъ мы, утонченныя дѣти общеевропейской культуры, не только терпимъ такой отвратительный обычай, но цѣлые вѣка строимъ теоретическія ученія, ведемъ философскія пренія на эту гнусную тему, силясь доказать всякими софизмами, что смертная казнь не только *гуманнѣе* другихъ видовъ уголовнаго возмездія, но и справедливѣе съ высшей *этической* точки зрѣнія.

Нечего грѣха таить: и такіе умы, такіе чистые характеры, какъ Дж. Стюартъ Милль и Эмиль Литтре, ученикъ Огюста Кòнта, поддавались также этой соблазнительной доктринѣ о гуманности смертной казни, не чувствуя того, что они сами дѣлались жертвами воздѣйствія кровожаднаго пережитка, который изощрялъ умы цѣлыхъ столѣтій на выискиванье доводовъ въ защиту этого чудовищнаго противорѣчія въ нѣдрахъ *христіанства*, проповѣдь котораго считается обязательной для самыхъ закорузлыхъ защитниковъ государственныхъ убійствъ.

Дѣло дошло и у насъ въ *настоящую минуту* до того, что фарисеи полицейской церковности ехидно спрашиваютъ:

«Гдѣ Іисусъ Христосъ говоритъ хоть одно слово *противъ* смертной казни?»

Имъ, вѣроятно, хотѣлось бы, чтобы Онъ осквернилъ Свои уста защитою *законнаго* злодѣйства. Про нихъ-то псалмопѣвецъ и сказалъ: «Ядъ василисковъ на устахъ ихъ».

Такіе кощунственные подвохи показываютъ, что пришелъ послѣдній день для защитниковъ смертной казни. Для меня это утѣшительный признакъ! Дальше въ іезуитскихъ пріемахъ итти уже нельзя.

II.

Мнѣ всегда были особенно симпатичны тѣ изъ защитниковъ свободы и гуманности, кто не хочетъ входить ни въ какія пренія *за* или *противъ* смертной казни.

«Она *не должна* существовать!»—вотъ что они знаютъ, во что вѣрятъ. И «ultima ratio» въ этомъ *лже*-вопросѣ, это простое голосованіе—«да» или «нѣтъ»—честныхъ и добрыхъ людей.

Не ученый, не законникъ, не философъ, не резонёръ,—діалектикъ написалъ около 80-ти лѣтъ назадъ: «Le dernier jour d'un condamné», а поэтъ и романистъ, Викторъ Гюго, создавшій своимъ воображеніемъ и трепетнымъ чувствомъ всю трагедію въ душѣ молодого, полнаго силъ, человѣческаго существа, осужденнаго на гильотину.

Этотъ эпизодъ, размѣромъ съ небольшой разсказъ, составилъ «эпоху» въ исторіи всемірной литературы, какъ я это показываю и въ моей книгѣ: «Европейскій романъ въ XIX столѣтіи».

Весь ужасъ душевной бури въ осужденномъ на гильотину переданъ былъ съ поражающей, особенно для того времени, силой, если и не съ безусловной психической правдой. Осужденный могъ быть и политическій преступникъ, хотя Гюго и не выбралъ именно этотъ мотивъ. Но тогда (въ концѣ реставраціи) смертная казнь за государственныя преступленія еще была въ полной силѣ. Франція «побила рекордъ», какъ многіе выражаются, въ жестокости политическихъ каръ. Великая революція обагрила себя потоками крови «революціонныхъ трибуналовъ», которые въ дни террора не знали

другого наказанія, кромѣ смертныхъ приговоровъ, въ чемъ имъ до сего дня подражаютъ военные суды. И у нихъ «сказъ» короткій: «Повѣсить!» А въ видѣ особой милости: «Разстрѣлять!»

Бойня въ дни французскаго террора воспитала въ народѣ, въ уличной толпѣ и въ болѣе образованномъ классѣ кровожадную *похоть* къ такимъ отвратительнымъ зрѣлищамъ. Палачи, рубя по нѣскольку десятковъ головъ сразу лучшихъ сыновъ родины, издѣвались надъ ними, а отвратительныя бабы, извѣстныя подъ прозвищемъ: «les tricotteuses», сидя подъ эшафотомъ, вязали чулки и провожали осужденныхъ циническими криками и ругательствами.

Политическіе взгляды и принципы (т.-е. то, въ чемъ нѣтъ и подобія какого бы то ни было «преступленія») сдѣлались въ культурной Европѣ главнымъ поводомъ къ безпощаднымъ казнямъ, и Франція только Наполеону III (уже настоящему *злодѣю* передъ народомъ и законной конституціей) была обязана отмѣной смертной казни за государственныя преступленія, что не помѣшало ему казнить Орсини, друга Герцена, когда дѣло дошло до собственной шкуры; а императоръ не былъ тогда при взрывѣ бомбы у Оперы даже раненъ!..

Французъ съ «традиціями»—настоящій буржуа; въ Парижѣ и въ провинціи всякій аристократъ клерикалъ и патріотъ, судейскій, даже адвокатъ, католическіе патеры и ихъ духовныя «дщери», милліоны француженокъ всѣхъ классовъ и слоевъ общества, крестьяне-собственники, военные,—всѣ стоятъ горой за гильотину, все равно, какъ за неприкосновенность красныхъ штановъ у солдатъ: «le pantalon garance!»

Будь это иначе,—развѣ смертная *казнь* за *общія* преступленія держалась бы еще въ республикѣ, имѣющей демократическое представительство и избравшей своимъ девизомъ: «liberté, égalité...» и въ особенности «fraternité?»

III.

Кто живалъ въ Парижѣ подолгу, какъ я, тотъ знаетъ, что это было за отвращеніе: публичныя казни, происходившія около тюрьмы «La Roquette». Гаже, гнуснѣе этого нельзя было ничего и вообразить!

Тысячи народа, отъ свѣтскихъ вивёровъ и первоклассныхъ кокòтокъ до отребья: «сутенеровъ», уличныхъ потаскушекъ, воровъ и бѣглыхъ каторжниковъ, проводили всю ночь въ окрестныхъ кабачкахъ, пьянствовали, пѣли похабныя пѣсни и съ разсвѣтомъ устремлялись къ кордону солдатъ, окружавшему площадку, гдѣ высились «les bois de la justice», какъ офиціально называютъ этотъ омерзительный аппаратъ.

Издали нельзя было хорошенько видѣть, но вся эта масса чувствовала себя въ восхищеніи только оттого, что она «была на казни», такъ лихо и весело провела ночь въ ожиданіи такого плѣнительнаго зрѣлища.

Я все это говорю на основаніи тѣхъ газетъ, тѣхъ отчетовъ, которые приходилось читать въ тѣ годы и всегда съ омерзѣніемъ. И чего я, грѣшный человѣкъ, никогда не могъ простить Тургеневу, это того, что онъ *по доброй волѣ* отправился на казнь Тропмана, какъ почетный гость и «знатный иностранецъ»,—того знаменитаго Тропмана, убійцы цѣлой семьи, которую онъ заманилъ и поодиночкѣ всѣхъ перерѣзалъ.

Какъ бы ни соблазнительно было для художника-писателя изобразить то, что онъ можетъ видѣть, ему *слѣдуетъ* сдержать въ себѣ это нездоровое любопытство. И описанная Тургеневымъ казнь Тропмана совсѣмъ не вызываетъ того отвращенія, какое она *сама по себѣ*, по своей идеѣ, должна бы вызывать въ каждомъ истинно-гуманномъ человѣкѣ. Каково бы ни было злодѣйство преступника, оно не ниже сор-

томъ *законнаго* злодѣйства власти, которая *такъ* понимаетъ и отправляетъ правосудіе.

Въ натурѣ средняго француза сидитъ еще много жестокости. Это всегда прорывается въ революціонныя эпохи, въ ужасахъ междоусобной войны.

Когда версальцы взяли Парижъ у коммунаровъ, въ 1871 г., каннибальская жестокость «карательныхъ» отрядовъ (которыхъ теперь столько расплодилось) дошла до апогея. Генералъ Галлифе, когда велъ плѣнныхъ коммунаровъ въ Версаль, остановивъ ихъ на пути, разстрѣливалъ цѣлыми сотнями. Это были не убитые на войнѣ, а *казненные* безъ подобія суда. Такимъ подвигамъ могутъ позавидовать и тѣ начальники, которые послѣ московскаго возстанія и въ Остзейскомъ краѣ *собственноручно* (если вѣрить газетнымъ отчетамъ) разстрѣливали рабочихъ, крестьянъ, машинистовъ и начальниковъ станцій.

И версальскіе правосудцы, обходя законъ, запрещавшій смертную казнь за *политическія* преступленія, нарядили военный судъ, который троихъ коммунаровъ и приговорилъ къ разстрѣлу. Я былъ на этихъ засѣданіяхъ въ августѣ 1871 г. и до сихъ поръ слышу гнусавый голосъ военнаго обвинителя, какого-то «бурбона», въ майорскомъ чинѣ, вижу его уродливую жестикуляцію, сопровождавшую выкрикиванья настоящаго «заплечныхъ дѣлъ мастера».

IV.

И у насъ казни давались, какъ всенародныя зрѣлища, вплоть до послѣдняго времени, когда ихъ стали немного стыдиться и производить кровавыя экзекуціи или безмолвныя вздергиванія на висѣлицы, келейно, на дворахъ крѣпостей и тюремъ въ такіе часы, когда все еще спитъ.

Картина Верещагина, запрещенная до сихъ поръ въ Россіи, обошла оба полушарія. На совѣсти покойнаго худож-

ника, такъ трагически погибшаго, осталась его склонность: присутствовать при казняхъ, чѣмъ онъ развлекался и въ Турецкую кампанію, но онъ взялъ главнымъ сюжетомъ своего громаднаго полотна не самую казнь—ее видно только издали, сквозь петербургскую мглу,—а публику. Но онъ поставилъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ зрителей спинами и бокомъ къ тѣмъ, кто смотритъ на картину. Пріемъ ловкій!.. А было бы лучше изобразить полную игру физіономій, показать, насколько всѣ эти обыватели всякаго ранга и званія *устрашены* казнью; а вѣдь это, т.-е. устрашающее воздѣйствіе публичныхъ казней, защитниками ихъ и считается все еще главнымъ аргументомъ въ пользу смертной казни вообще.

Въ этихъ фигурахъ въ полъ и четверть лица, со спинами, обращенными къ смотрящему на картину, нѣтъ никакого ужаса, а только пошлое любопытство, равнодушіе и кое у кого злорадство—у тѣхъ, кто при проѣздѣ осужденныхъ на казнь изъ крѣпости на плацъ зубоскалили надъ ними. И нашлись писатели «съ именемъ», которые подобрали тогда эти прибаутки толпы. Одинъ изъ нихъ недавно умеръ. Я не хочу называть его...Кто желаетъ это провѣрить — можетъ.

И нашъ народъ, мягко относящійся къ *осужденнымъ* преступникамъ, можно легко довести до озвѣрѣнія. Не нужно сентиментальничать!.. И въ немъ звѣрскіе инстинкты возмездія сказываются достаточно. И въ немъ не трудно разбудить звѣря. Самосудъ крестьянской толпы ужасенъ. То, что въ деревняхъ дѣлаютъ съ конокрадами, извѣстно всѣмъ и каждому, а вѣдь это не что иное, какъ народно-русскій законъ Линча.

Еврейскіе погромы и звѣрства черныхъ сотенъ (въ ужасные дни послѣ 17 октября), какіе учинялись и надъ природными русскими, надъ «интеллигентами», надъ юношами и подростками гимназій, курсовъ, университетовъ, достаточно показываютъ, что, если бъ всѣхъ этихъ защитниковъ

«истинно-русскихъ началъ» заставить голосовать по вопросу о смертной казни, они, какъ одинъ человѣкъ, стали бы *за нее*!

Но развѣ одни только «черносотенцы» изъ уличнаго сброда стоятъ за казни и экзекуціи? Развѣ петербургская газета, отличающаяся своимъ «откровеннымъ» направленіемъ, не печатаетъ апологій смертной казни своихъ почетныхъ сотрудниковъ, причисляющихъ себя также къ сливкамъ интеллигенціи?

И если вы знаете, *что* это за личности, что это за продукты нашего бюрократическаго болота, то одинъ тотъ фактъ, что *они* именно выступаютъ съ пѣной у рта *за* смертную казнь, самъ за себя говоритъ!.. Ихъ скандальная нравственная негодность, смрадъ и гниль ихъ душонокъ ждали только такого случая—распустить свое удушливое зловоніе... Защита законнаго злодѣйства никому не могла быть поручена съ большимъ правомъ, какъ такимъ приспѣшникамъ всякаго насилія, хищничества и распутства!..

V.

Что того же русскаго безобиднаго «мужичка», передѣланнаго въ живую машину, въ солдата, можно легко превратить въ полчище палачей, слишкомъ ярко показали позорные ужасы китайскихъ погромовъ, предтечъ такихъ же позорныхъ пораженій японской войны.

Эти бойни и массовыя потопленія мирныхъ обывателей въ Благовѣщенскѣ!.. Послѣ Ивана Грознаго, смирявшаго такимъ же способомъ новгородцевъ и псковичей, ничего подобнаго не происходило ни въ Западной Европѣ ни въ колоніяхъ, не исключая и жестокихъ расправъ англичанъ съ сипаями. Но тѣ были вооруженные инсургенты, а тутъ беззащитное стадо безоружныхъ китайцевъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ...

И эти человѣческіе «гекатомбы» были не что иное, какъ массовыя *казни* надъ населеніемъ цѣлыхъ городовъ и областей. Чтобы ихъ исполнять и офицерамъ и простымъ рядовымъ нельзя не таить въ себѣ задатковъ жестокости. Тутъ нечего оправдываться дисциплиной, исполненіемъ долга! Такіе факты въ странѣ съ развитымъ гуманнымъ чувствомъ должны были бы вызывать не единичные протесты въ газетахъ, а всенародное возмущеніе совѣсти *христіанской* націи.

А чѣмъ хуже собственноручныя экзекуціи въ Москвѣ, ея окрестностяхъ и въ Остзейскомъ краѣ? Эти *казни* даже спеціалисты по военносудной наукѣ называютъ въ печати «убійствами».

Бывшему профессору военно-юридической академіи г. Кузьмину-Караваеву дѣлаютъ большую честь слова его статьи («Русь», отъ 29 января 1906 г.), гдѣ онъ оцѣниваетъ такъ экзекуціи:

«Разстрѣлы безъ суда — *предумышленныя убійства* (курсивъ мой), за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и для каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь. Кто разстрѣливаетъ—*убійца* (курсивъ мой). Кто приказываетъ разстрѣливать—подстрекатель убійства».

А мы требуемъ, чтобы не было *никакихъ* разстрѣловъ, *никакихъ* казней *и по суду!* Мы живемъ въ государствѣ, гдѣ верховная власть еще полтора вѣка назадъ торжественно отмѣнила смертную казнь за какія бы то ни было преступленія. Но эта отмѣна была и остается по сегодня облыжной, существующей только на бумагѣ, да и то лишь для общихъ уголовныхъ дѣлъ. Политическія преступленія изъяты изъ категорій этихъ дѣяній, которыя смертью якобы не наказываются. Исключительные виды репрессіи, чрезвычайныя охраны и военныя положенія съ ихъ разстрѣлами и висѣ-

лицами, въ корень извращаютъ то, что было создано болѣе гуманнымъ настроеніемъ законодателя.

Рухнетъ казнь за гражданскую борьбу, за взгляды и принципы, за пропаганду, даже за насилія и кровь междоусобныхъ схватокъ, не будетъ больше и никакихъ другихъ «законныхъ» видовъ казни и за общія преступленія.

Въ этомъ лежитъ ядро постыднаго вопроса: имѣетъ ли государство право насильственно отнимать жизнь у своихъ гражданъ, т.-е. ограждать себя такимъ печальнымъ подражаніемъ... самымъ закоренѣлымъ злодѣямъ?

Настанетъ ли часъ, когда всѣ, кто считаетъ себя «людьми», крикнутъ: «Нѣтъ, *не* имѣетъ!»

П. Боборыкинъ.

Мартъ 1906 г.

Смертная казнь.

Смертная казнь значится еще и въ настоящее время въ уголовныхъ кодексахъ почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, какъ хотя и высшая, но нормальная мѣра наказанія за учиненіе наиболѣе тяжкихъ преступленій. И смертная казнь не только «значится», какъ иныя вышедшія изъ употребленія, но забытыя въ кодексахъ статьи закона, она не остается мертвой буквой; въ Англіи, Франціи, Германіи и въ иныхъ культурныхъ странахъ ежегодно судами приговариваются преступники къ смертной казни, и приговоры эти, хотя не всѣ, приводятся въ исполненіе. Существуетъ смертная казнь и въ Россіи.

Какъ объяснить, однако, такое чудовищное для непредвзятаго взгляда явленіе? Какимъ образомъ законодательная власть, избранная народомъ, можетъ допускать и санкціонировать положеніе, противное физической и духовной природѣ человѣка, осужденное наукой, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ вѣроученіемъ и нравственными воззрѣніями общества? Какъ можетъ опирающееся на общественное мнѣніе правительство не только допускать, но поручать своимъ агентамъ учиненіе во имя закона убійства?

Точныхъ данныхъ для отвѣта на поставленные нами, напрашивающіеся сами собой, вопросы у насъ нѣтъ. Едва ли мы ошибемся, утверждая, что такихъ данныхъ и не существуетъ и что смертная казнь санкціонируется дѣйствующими

въ Европѣ уголовными кодексами по недоразумѣнію, что она не отмѣнена только благодаря рутинѣ и подобному гипнозу давленію на настоящее историческаго прошлаго. Необходимая для изгнанія смертной казни изъ кодексовъ и юридической дѣйствительности иниціатива парализуется тяжестью многовѣковой практики. Современный законодатель приходитъ къ выводу, что смертная казнь противна Божескимъ велѣніямъ и высшему нравственному закону, что она не удерживаетъ, угрозой лишенія жизни, отъ совершенія караемыхъ ею преступленій, что дѣйствіе ея на населеніе безусловно вредно,— и все-таки не рѣшается разстаться навсегда съ этимъ варварскимъ, позорящимъ человѣчество, наказаніемъ, процвѣтающимъ въ Китаѣ, Кореѣ, Аннамѣ, у народовъ Африки и въ иныхъ некультурныхъ странахъ, но допускающимся и въ Европѣ. Разумъ, чувство, опытъ,—все говоритъ противъ смертной казни, а, тѣмъ не менѣе, она не вычеркивается изъ старыхъ кодексовъ и включается въ нѣкоторые новые. Государству и обществу какъ бы жаль разстаться съ правомъ безнаказанно, во имя закона, лишать жизни людей. И смертная казнь остается и осуществляется, свидѣтельствуя объ отсутствіи у насъ истинной христіанской культуры и о томъ, что инстинкты звѣрства еще не побѣждены въ современномъ человѣчествѣ.

Явленіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что эволюція нравственныхъ началъ, отвлеченной морали и этики въ человѣчествѣ сравнительно съ другими отдѣлами проявленія духовной мощи человѣка незначительна, особенно же въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни. До сихъ поръ общество и государство борются съ той сферой проявленія зла, которую мы именуемъ преступностью, почти тѣми же,—въ лучшемъ случаѣ палліативными,—средствами, которыя пускались въ ходъ и сто, и двѣсти, и тысячу лѣтъ тому назадъ. Средства эти: тюрьма, каторга, смертная казнь, въ недавнее еще время

плети, кнутъ и розги, и нынѣ еще примѣняющіеся въ исключительныхъ случаяхъ. Людской изобрѣтательности въ этомъ наиболѣе важномъ направленіи какъ бы положенъ предѣлъ. Борьба съ преступностью лишь въ самое недавнее время стала на раціональную точку зрѣнія, углубившись въ изученіе причинъ и условій, вызывающихъ и поддерживающихъ преступленія и стремясь достигнуть устраненія обнаруженныхъ факторовъ преступности оздоровленіемъ среды, въ которой она возникаетъ, и устраненіемъ условій ее вызывающихъ. Но все, что пока дѣлается въ этомъ отношеніи, незначительно: это—робкія попытки, несмѣлые шаги, встрѣчаемые къ тому же недовѣріемъ со стороны самого общества.

Несомнѣнная неуспѣшность начавшейся еще въ доисторическую эпоху борьбы съ преступностью въ значительнѣйшей степени зависѣла и зависитъ отъ однообразія мѣръ борьбы, сводившихся, какъ мы уже говорили, къ наказанію преступниковъ причиненіемъ имъ того или другого страданія, или лишенія, безъ заботъ о духовномъ воздѣйствіи суда на нихъ и на общество, между тѣмъ, какъ устрашающее значеніе такого наказанія по болѣе крупнымъ преступленіямъ оказалось, какъ то доказывается уголовной статистикой, въ общемъ недѣйствительнымъ. Такимъ же, не достигающимъ цѣли устрашенія, наказаніемъ надо признать и смертную казнь; она въ эпохи наибольшаго ея примѣненія не останавливала развитія преступности, противъ которой была направлена; преступность эта, колеблясь внѣ всякой зависимости отъ количества казней, сокращалась подъ вліяніемъ совершенно другихъ факторовъ, — историческихъ, культурныхъ, соціально-экономическихъ. Общеизвѣстно, что смертная казнь въ примѣненіи ея къ преступленіямъ государственнымъ (политическимъ и религіознымъ) не только не уменьшаетъ количество ихъ, но, напротивъ, какъ бы содѣйствуетъ ихъ учащенію, создавая мученичество, прозелитизмъ, увле-

кая, съ одной стороны, идеей геройства, а съ другой—возбуждая въ населеніи чувство озлобленія и мести...

Наука уголовнаго права и судебная практика допускаютъ необходимость «обезвреженія» закоренѣлаго преступника-рецидивиста, маніака, но лишь способами возможно гуманными. Смертная казнь есть тоже одинъ изъ способовъ обезвреженія и даже наиболѣе радикальный, простой и вѣрный, но настолько страшный и жестокій, что за послѣднее время этотъ институтъ постепенно вымираетъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Количество преступленій, караемыхъ смертной казнью, сокращается въ кодексахъ, смертные приговоры произносятся все рѣже и рѣже, и еще рѣже они конфирмуются; публичность смертной казни, считавшаяся прежде непремѣннымъ ея условіемъ, почти повсемѣстно отмѣнена, новые уголовные кодексы норвежскій и швейцарскій (проектъ профессора Штосса) исключили ее изъ лѣстницы наказаній, но все же смертная казнь еще существуетъ, и лишь немногія счастливыя государства вовсе не знаютъ ея (Голландія, Швеція, Румынія, Португалія, Санъ-Марино).

Въ Россіи до послѣдняго времени случаи примѣненія смертной казни были не часты. Такъ, въ періодъ времени съ 1866 по 1892 годъ было постановлено 134 смертныхъ приговора и изъ нихъ приведено въ исполненіе только 44. Изъ общаго количества 134 смертныхъ приговоровъ военными судами было произнесено 83, а гражданскими—51. Наибольшая цифра смертныхъ приговоровъ падаетъ на 1879 г., когда ихъ состоялось 22, а было осуществлено 16. Съ 1888 по 1892 годъ не состоялось ни одной смертной казни.

Редакціонная комиссія, выработавшая проектъ нашего новаго уголовнаго уложенія (частью введеннаго уже въ дѣйствіе), остановившись на вопросѣ о смертной казни, высказалась положительно противъ нея, признавъ, что она недѣйствительна, какъ мѣра устрашенія, развращаетъ населеніе и

опасна, какъ недопускающая исправленія возможной судебной ошибки. Къ тому же, по мнѣнію комиссіи, устраненіе смертной казни было бы «новымъ дальнѣйшимъ шагомъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія императрицы Елисаветы»; но, тѣмъ не менѣе, авторы проекта не рѣшились вычеркнуть смертную казнь изъ кодекса въ виду «политической стороны», а за комиссіей послѣдовалъ и Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ гуманный и разумный починъ императрицы Елисаветы Петровны, болѣе полутора вѣка тому назадъ,—въ 1754 году,—повелѣвшей «въ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать», до сихъ поръ не завершился.

Въ настоящее время, когда смертная казнь примѣняется у насъ небывало часто и дѣйствуетъ на населеніе особенно вредно, временно угнетая его, но въ то же время возбуждая въ немъ дурные инстинкты, чувства злобы, мести, ненависти къ правительству, что неизбѣжно приводитъ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, къ новымъ преступленіямъ,—особенно важно вспомнить завѣтъ милостивой императрицы и безповоротно, немедленно же, навсегда покончить съ офиціальнымъ, основаннымъ на законѣ, нарушеніемъ заповѣди «не убій».

Наука уголовнаго права въ лицѣ всѣхъ лучшихъ представителей ея давно осудила смертную казнь, какъ мѣру судебной репрессіи; въ сознаніи народныхъ массъ она является пережиткомъ тяжелаго прошлаго; законодатель теоретически высказывается противъ смертной казни, но существуетъ ложное представленіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она практически необходима, и хотя въ общемъ вредна, но въ особенные историческіе моменты служитъ единственнымъ орудіемъ борьбы государства со спеціальной преступностью. Это положеніе—очевидное заблужденіе, ибо абсолютное зло,

каковымъ нельзя не считать насильственное лишеніе жизни, никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ стать добромъ. Смертная казнь, примѣняющаяся въ данномъ государствѣ по суду, хотя бы во время народныхъ смутъ, по дѣламъ о политическихъ убійствахъ и о вооруженномъ возстаніи, столь же жестока, несправедлива, грѣховна и *безполезна*, какъ и въ спокойное время и по преступленіямъ общаго характера. Приводимый обычно въ защиту смертной казни аргументъ, что она не примѣняется, разъ населеніе живетъ мирно и не допускаетъ массовыхъ тягчайшихъ преступленій, что она является лишь возмездіемъ за убійства, грѣшитъ передъ логикой и этикой. Разъ государство воспрещаетъ своимъ подданнымъ убійства, считая ихъ преступными, то какъ же оно само можетъ ихъ совершать? Въ сущности — это прежняя кровавая месть, ужасный законъ таліона. Если слѣдовать такой посылкѣ, то государству надлежало бы за поджогъ наказывать поджогомъ, за насиліе—таковымъ же и т. д. Такъ оно и бывало въ тѣ времена, когда государство держалось только грубой физической силой и страхомъ. Но въ наше время авторитетъ государственной власти—не въ одной физической, но и въ духовной мощи, и не преступникамъ показывать государству примѣръ нравственнаго совершенствованія и терпимости. Извѣстное изреченіе Карра: «il faut que les assasins commencent», грѣшитъ въ своемъ основаніи: государству принадлежитъ иниціатива умиротворенія и обязанность нравственными, справедливыми мѣрами воспитывать въ населеніи добрыя чувства, а не наоборотъ. И обязанность эта остается въ силѣ и во времена смутъ и народныхъ волненій. Насиліе, творимое частью населенія надъ другой и надъ представителями власти, должно быть подавлено государствомъ; но затѣмъ не должны наступать репрессаліи, и власть не должна проявлять гнѣва и раздраженія. Казнями не успокоишь и не удовлетворишь страну; прошли времена, когда

казнь отдѣльнаго лица,—вождя, претендента, представителя династіи,—имѣла за собой хотя бы практическій смыслъ—устраненіе навсегда такого лица, вызывавшаго смуту, тѣмъ самымъ прекращавшуюся. Теперь отдѣльныя личности не имѣютъ такого рѣшающаго значенія: ихъ замѣнили идеи и принципы, не поддающіеся казни; въ силу этого на мѣсто одного казненнаго тотчасъ же становятся десятки другихъ лицъ.

Недостаточное развитіе моральныхъ идей въ обществѣ, отсутствіе искренняго религіознаго чувства, малая авторитетность нравственныхъ началъ проявляются, какъ мы говорили въ началѣ нашей замѣтки, между прочимъ, и въ примѣненіи государствомъ архаичныхъ и варварскихъ мѣръ борьбы съ нарушителями закона; та же причина вызываетъ тѣ многочисленныя насилія и политическія убійства, которыя въ настоящее время омрачаютъ общество. Группа населенія, отбросивъ, какъ излишній, стѣсняющій балластъ, непреложныя, всѣми въ глубинѣ души сознаваемыя велѣнія нравственнаго закона и Божественнаго откровенія (какъ въ христіанствѣ, такъ и во многихъ другихъ вѣроученіяхъ), борется съ противниками своими прежними варварскими способами,—убійствами какъ противниковъ своихъ, такъ и людей постороннихъ, если они становятся поперекъ дороги борцамъ. Страхъ предъ преступленіемъ, какъ грѣховнымъ дѣломъ, предъ собственною совѣстью исчезъ подъ вліяніемъ общественной страсти, массоваго психоза, благодаря которому люди, иногда даже мягкіе, стремящіеся къ добру, берутъ револьверъ и стрѣляютъ въ ничѣмъ передъ ними неповиннаго городового, предполагая, что они совершаютъ подвигъ и идутъ по пути «освобожденія народа». Остановить такое раскрѣпощеніе отъ узъ, налагаемыхъ высшимъ, неписаннымъ нравственнымъ закономъ, указать иной путь борьбы—дѣло той большей части общества, которой дороги духовные интересы человѣчества

и которая признаетъ обязательность христіанскаго ученія. Но государство обязано въ этомъ случаѣ оказать помощь обществу, доказавъ, что оно обладаетъ не одной физической, но и духовной силой, а первымъ, самымъ необходимымъ для того шагомъ является отмѣна смертной казни.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вся лучшая и просвѣщенная часть нашего общества стоитъ за отмѣну смертной казни; достаточно для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, проглядѣть въ любой день газеты (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» получено болѣе 22.000 протестовъ противъ смертной казни); а если такъ, то нѣтъ болѣе мѣста колебаніямъ и выжиданіямъ. Если признать, что съ юридической точки зрѣнія, для неоспоримой правомѣрности закона, отмѣняющаго навсегда и *при всякихъ условіяхъ* смертную казнь, необходима санкція нашего новаго законодательнаго органа—Государственной Думы, то изданіе такого указа надлежитъ отсрочить до первой сессіи Думы, а до тѣхъ поръ высшее правительственное учрежденіе—Совѣтъ Министровъ—можетъ издать распоряженіе о неконфирмированіи ни одного смертнаго приговора, если таковые будутъ еще постановляемы. Твердое рѣшеніе правительства теперь же вычеркнуть фактически смертную казнь изъ уголовныхъ кодексовъ внесло бы нѣкоторое успокоеніе въ общество и могло бы послужить началомъ новой эры общественной жизни—примиряющей и созидающей.

Н. В. Давыдовъ.

Вопіющее беззаконіе.

Разстрѣлы, разстрѣлы, разстрѣлы...

Разстрѣливаютъ мичманы, лейтенанты, поручики, штабсъротмистры... Разстрѣливаютъ «агитаторовъ», «мазуриковъ», уличенныхъ въ приготовленіи и храненіи «взрывчатыхъ снарядовъ», въ «вымогательствѣ» и «браконьеровъ». Разстрѣливаютъ дѣтей за то, что бѣжали и скрылись ихъ отцы... Разстрѣливаютъ по ошибкѣ и потомъ говорятъ: «печальное недоразумѣніе»... Разстрѣливаютъ по рѣшеніямъ миѳическихъ «полевыхъ» судовъ... Разстрѣливаютъ ежедневно въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Варшавѣ... Раньше разстрѣливали въ Москвѣ и подъ Москвой...

Разстрѣливаютъ десятки, сотни людей...

Задержали въ моментъ отъѣзда за границу революціонера. Его повели въ тюрьму. Оттуда его повели не къ слѣдователю и прокурору. Его повели въ отрядъ и тамъ разстрѣляли... Людей, задержанныхъ и посаженныхъ въ каменные мѣшки, выводятъ не на судъ, а на разстрѣлъ безъ суда... Да что же это такое? Государство во имя торжества права и закона мобилизовало всю мощь своей силы. Оно это могло и должно было сдѣлать: на то оно союзъ правовой. Государство не можетъ терпѣть произвольнаго нарушенія права. Но попирать право грубо и безчеловѣчно,— для государства во сто кратъ преступнѣе, чѣмъ для рево-

люціи. У него есть тюрьмы, суды, уголовный кодексъ. Тутъ нѣтъ никакого оправданія... Плакать, кричать хочется... Но пусть кричитъ безстрастный законъ. Не всѣ знаютъ, въ какой мѣрѣ онъ нарушается. Считаютъ, что военное положеніе, значитъ, конецъ юстиціи: военный судъ для всѣхъ и за все. А военный судъ, значитъ, смерть. Смерть кого угодно, за что угодно, кѣмъ угодно. Смерть безъ разбора, безъ права протеста. Это неправда! Это неправда!.. Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, полковники, генералы? Его нѣтъ. Никакихъ полевыхъ судовъ законодательство Россійской имперіи не знаетъ. Единственно компетентные органы для смертнаго приговора въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, суды военно-окружные, суды армій и временные военные. Всѣ три органа однородны по составу и дѣйствуютъ съ соблюденіемъ одинаковыхъ процессуальныхъ формъ. Единственное изъятіе въ военно-судебномъ уставѣ гласитъ буквально слѣдующее:

«Ст. 1301 [1]). Коменданту осажденной непріятелемъ крѣпости или укрѣпленнаго мѣста, а равно и начальнику отряда, при неимѣніи военнаго суда и невозможности командированія таковаго въ отрядъ вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи или по инымъ причинамъ, предоставляется въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, учреждать судъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ выше для временныхъ военныхъ судовъ, съ возложеніемъ обязанностей чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на офицеровъ отъ войскъ. При неимѣніи же въ отрядѣ или крѣпости достаточнаго числа соотвѣтствующихъ офицеровъ, для составленія суда на общихъ основаніяхъ, коменданту или начальнику отряда предоставляется при перерывѣ сообщеній

---

[1]) Приказъ по военному вѣдомству отъ 24 янв. 1906 г. № 61.

дѣлать отступленія отъ общихъ правилъ, по своему усмотрѣнію и подъ личной отвѣтственностью». Согласно этому изъятію, начальниками отрядовъ, допустимъ, даже поручиками и ротмистрами, въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ могутъ быть учреждаемы суды безъ участія чиновъ военно-судебнаго вѣдомства и, по второй части ст. 1301, вовсе произвольные по составу. Но, во-первыхъ, условіемъ для этого должно быть неимѣніе военнаго суда и невозможность командированія таковаго въ отрядъ, вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи или по инымъ причинамъ; во-вторыхъ, произвольность можетъ касаться исключительно состава суда, а не условій и порядка производства или дѣлъ, ибо цитируемый законъ находится въ отдѣлѣ о судоустройствѣ; въ отдѣлѣ же о судоустройствѣ никакихъ особыхъ правилъ для такихъ произвольныхъ судовъ не постановлено. Всѣ судопроизводственныя правила въ четвертомъ раздѣлѣ военно-судебнаго устава, трактующемъ о судѣ въ военное время, изложены въ формѣ дополненій къ нормальнымъ правиламъ мирнаго времени, которыя на основаніи ст. 1279 сохраняютъ свою силу и для военнаго времени, насколько онѣ не измѣнены. Сохраняетъ силу поэтому и заглавная ст. 213:

«Никто изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, изъ лицъ частныхъ, подсудныхъ военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава».

Суду должно предшествовать, если не предварительное слѣдствіе, то, во всякомъ случаѣ, облеченное въ письменную форму дознаніе (ст. 1334). Затѣмъ письменное же заключеніе военно-прокурорскаго надзора, преданіе суду (ст.

562 и 1355) и внесеніе въ судъ обвинительнаго акта, въ которомъ должны быть означены:

«1) Событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія; 2) время и мѣсто совершенія сего дѣянія, насколько это извѣстно; 3) званіе, имя, отчество и фамилія или прозвище обвиняемаго, а равно команда или часть, гдѣ состоитъ онъ на службѣ; 4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго, и 5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія (ст. 713).

Далѣе слѣдуетъ обязательное врученіе подсудимому обвинительнаго акта и списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора и предоставленіе ему суточнаго срока на заявленіе о выборѣ или назначеніи защитника, о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и объ отводѣ судей и прокурора (ст. 1379 и 1380). Судебное разсмотрѣніе производится на общихъ для мирнаго времени основаніяхъ, съ ограниченіями только въ отношеніи гласности и устности, и то не обязательными, а факультативными (ст. 1387 — 1390). Судомъ немедленно по разсмотрѣніи дѣла должна быть вынесена письменная резолюція, а въ теченіе двухъ сутокъ затѣмъ долженъ быть изготовленъ подробный приговоръ (ст. 922 и 1393).

«Ст. 921. Въ резолюціи суда означаются: 1) годъ, мѣсяцъ и число, когда происходило судебное по дѣлу засѣданіе; 2) составъ присутствія; 3) званіе, имя, отчество, фамилія или прозвище и лѣта подсудимаго, а если ихъ нѣсколько, то каждаго изъ нихъ, и 4) сущность приговора».

«Ст. 931. Въ приговорѣ, сверхъ указаннаго въ резолюціи, означаются: 1) предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ и въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ, по судебному слѣдствію, преніяхъ; 2) соображенія суда по предметамъ, относящимся до примѣ-

ненія законовъ, а заключеніе о винѣ или невиновности прописывается безъ указанія его основаній, и 3) подробное изложеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора».

Приговоръ къ смертной казни, прежде приведенія въ исполненіе, долженъ быть представленъ на усмотрѣніе главнокомандующаго или, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на усмотрѣніе командующаго арміи, а въ случаяхъ, упомянутыхъ въ приведенной выше ст. 1301, коменданта или начальника отряда (ст. 1409).

Вотъ процессуальныя формы, безъ соблюденія которыхъ ни одно присужденіе къ смерти по закону не можетъ состояться. И нигдѣ въ дебряхъ приложеній къ своду законовъ и къ своду военныхъ постановленій нѣтъ никакихъ, хотя бы временныхъ правилъ, допускающихъ отступленія отъ нихъ.

Въ Варшавѣ, какъ видно изъ телеграммъ, ссылаются на ст. 12 положенія о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Она гласитъ:

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ положеніи, то главнокомандующій, непосредственно или по представленію командующаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственной властью, донося о томъ Государю Императору».

Ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Сибири, ни въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ лицъ, въ законномъ порядкѣ облеченныхъ званіемъ и правами главнокомандующаго. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ ссылку абсолютно ничтожной. Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ «агитаторовъ», за приготовленіе и храненіе взрывчатыхъ снаря-

довъ, за браконьерство, за вымогательство? Его не существуетъ.

Въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, сохраняютъ силу и дѣйствіе опредѣленія общаго или военнаго уголовныхъ кодексовъ, поскольку они не измѣнены въ спеціальныхъ правилахъ.

Эти спеціальныя правила назначаютъ смертную казнь за слѣдующія преступныя дѣянія:

«1) За бунтъ противъ верховной власти и государственную измѣну; 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, либо приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего, принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража; 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе въ районѣ театра войны водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій или необходимыхъ для снабженія водою; 4) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе служащихъ тамъ же для правительственнаго пользованія: а) телеграфнаго, телефоннаго или иного снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и б) желѣзнодорожнаго пути, подвижного состава онаго или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія или судоходства, и 5) за нападеніе на часового или военный караулъ, за вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часового или чиновъ караула и полиціи» (ст. 17).

Сверхъ того, смертная казнь можетъ быть назначаема:

«Лицамъ, виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи обязан-

ностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджоговъ» (ст. 20).

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ назначеніе смертной казни составляетъ преступное убійство.

Ст. 90-я воинскаго устава о наказаніяхъ предоставляетъ главнокомандующему, лицамъ, пользующимся равной съ нимъ властью, и коменданту или начальнику осажденной крѣпости, укрѣпленія или города въ военное время, въ случаѣ чрезмѣрнаго увеличенія какихъ-либо преступленій или проступковъ, право усиливать временно строгость наказаній, въ законѣ положенныхъ, т.-е. самовольно повышать уголовную репрессію дѣяній, объявленныхъ закономъ преступными, но «не доводя только усиленія до назначенія смертной казни» (законъ 11 ноября 1899 г.).

Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ несовершеннолѣтнихъ за государственныя преступленія?

Отвѣтственность за государственныя преступленія съ іюня 1904 г. должна опредѣляться по новому уголовному уложенію, согласно ст. 55 и 57 коего никто изъ недостигшихъ совершеннолѣтія не можетъ быть присужденъ къ смертной казни.

Разстрѣлы безъ суда или по приговору фантастическихъ «полевыхъ» судовъ, разстрѣлы за то, что или неприступно вовсе или не обложено закономъ смертной казнью, напрасно называютъ превышеніемъ власти. И формально они не подходятъ подъ это понятіе. Глава пятая воинскаго устава о наказаніяхъ, предусматривая, какъ особые виды превышенія власти: употребленіе «при исполненіи обязанностей службы» истязаній и жестокостей (ст. 149) и причиненіе «безъ явной необходимости» ранъ или тяжкихъ побоевъ или увѣчья (ст. 150), и не упоминая вовсе о причиненіи, при исполне-

ніи служебныхъ обязанностей, смерти, тѣмъ самымъ исключаетъ причиненіе смерти военнымъ начальникомъ изъ числа дѣяній, относимыхъ къ превышенію власти.

А потому не можетъ имѣть примѣненія къ разстрѣламъ безъ суда п. 2, ст. 143, гласящій, что не почитается наказуемымъ превышеніе власти:

«Когда военный начальникъ или иное должностное лицо въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры и потомъ докажетъ, что оная, въ видахъ государственной пользы, была необходима или что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія».

Разстрѣлы безъ суда — предумышленныя убійства, за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь. А для военнослужащихъ положено, такъ сказать, вдвойнѣ, ибо усиленная репрессія имѣетъ въ виду, чтобы именно они при условіяхъ военной обстановки строго соблюдали законъ. Кто разстрѣливаетъ—убійцы. Кто приказываетъ разстрѣливать—подстрекатели убійства.

Ст. 277 воинскаго устава устраняетъ отвѣтственность за «смертоубійство», бывшее послѣдствіемъ употребленія оружія воинскими чинами, призванными для содѣйствія гражданскому начальству лишь тогда, когда смертоубійство совершено «при точномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и безъ всякаго отступленія отъ установленныхъ на сей предметъ правилъ».

Войска для того и посылаются, чтобы стрѣлять въ революціонеровъ. Стрѣлять, слѣдовательно, и лишать жизни. Но роль палача надъ обезоруженнымъ, бывшимъ революціонеромъ и съ момента захвата ставшимъ простымъ

преступникомъ, роль палача, который самъ же приговариваетъ къ смерти, недостойна войска.

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность и непоправимость ошибки.

Въ Голутвинѣ искали, нашли, арестовали и разстрѣляли Стопчука. Да, задержанный и разстрѣлянный былъ Стопчукъ... только не тотъ, а другой. Тоже Сапожкова: искали Николая, разстрѣляли Александра...

«Печальное недоразумѣніе»! Нѣтъ, преступное убійство безъ разбора тѣмъ, кто не имѣетъ права ни судить ни наказывать смертью...

Не только каръ на голову убивающихъ мы требуемъ. Мы требуемъ ни мести ни крови.

Общество въ правѣ требовать торжества закона и прекращенія беззаконія...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Смертная казнь и военные суды.

(Замѣтка изъ текущей жизни).

Переживаемая въ наши дни Россіей бурная эпоха отличается въ высшей степени характерными особенностями, изъ которыхъ, на нашъ взглядъ, самой характерной является полное несоотвѣтствіе между требованіями, диктуемыми выросшимъ общественнымъ правосознаніемъ, и тѣми мѣрами, которыя умирающій режимъ продолжаетъ примѣнять, несмотря на торжественное провозглашеніе началъ, необходимыхъ для водворенія спокойствія въ измученной и дезорганизованной странѣ.

Намъ твердо и категорически обѣщано настоящее народное представительство и свобода, но время осуществленія этого обѣщанія теряется въ туманномъ сумракѣ, а пока... законодательство идетъ старымъ бюрократическимъ путемъ, а практика управленія по прежнему не выплываетъ изъ омута произвола и насилія и въ ожиданіи грядущаго парламента все шире и шире покрываетъ Россію сѣтью военнаго положенія и усиленной охраны. Благодаря особенностямъ двухъ послѣднихъ институтовъ, этихъ единственныхъ въ мірѣ «хартій вольности наоборотъ», наступившая новая эра россійской жизни по справедливости можетъ быть названа эрою военныхъ судовъ и смертной казни.

Не проходило, кажется, ни одной недѣли безъ того, чтобы столбцы журналовъ и газетъ не принесли сообщеній о новыхъ смертныхъ приговорахъ и о новыхъ казняхъ, и конца этому мартирологу пока далеко еще не видно.

А между тѣмъ картина была бы совершенно иная, если бы правосудіе шло правильными путями, т.-е. если бы обыкновенные суды не замѣнялись чрезвычайными. Новое уголовное уложеніе, которое объявлено дѣйствующимъ по отношенію къ политическимъ преступленіямъ, во-первыхъ, сильно сократило сферу примѣненія смертной казни, а во-вторыхъ, *во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ* предоставило суду право при наличности смягчающихъ обстоятельствъ переходить отъ смертной казни къ каторгѣ. Мы далеки отъ признанія этого порядка идеальнымъ, но всякому ясно, какая пропасть лежитъ между нимъ и существующей мрачной дѣйствительностью.

Обратимся къ этой дѣйствительности. Источникомъ чрезвычайныхъ судовъ и произносимыхъ ими смертныхъ приговоровъ являются, прежде всего, 17 и 18 ст. положенія о мѣрахъ охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Въ силу этихъ статей, министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторамъ (а въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, сверхъ того временнымъ генералъ-губернаторамъ или военнымъ главноначальствующимъ) предоставлено право цѣлый рядъ преступленій общаго характера передавать для сужденія *по законамъ военнаго времени*, когда они признаютъ это неизбѣжнымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія.

Но не слѣдуетъ думать, что указанное право ограничено хотя бы твердыми территоріальными границами: по ст. 28 и 31 даже «въ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже *во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства*» можетъ

быть отданъ приказъ о примѣненіи военнаго суда; достаточно, значитъ, чтобы хоть *гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ* была введена усиленная охрана.

Если же мы поинтересуемся узнать, за какія вины грозитъ сужденіе по военнымъ законамъ, то увидимъ, что оно грозитъ виновнымъ «въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ».

Какъ видимъ, кругъ необычайно широкій и не вполнѣ точно опредѣленный, но и онъ еще не является послѣднимъ словомъ неопредѣленности; для военныхъ сверхъ этого существуетъ спеціальная 91 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, позволяющая главному военному начальству и въ мирное время предавать суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени «въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по особой важности обстоятельствъ, коими сопровождалось преступленіе, представляется необходимымъ для охраненія воинской дисциплины судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ.

Но этого мало. Нѣсколько неопредѣленное выраженіе ст. 17 — «сужденіе по законамъ военнаго времени» — не разъяснено въ законодательномъ порядкѣ. Когда рѣчь идетъ о человѣческой жизни, позволительны самыя щепетильныя сомнѣнія и необходимы самыя строгія ограничительныя толкованія; можно думать, что законодателемъ допущена въ этихъ случаяхъ лишь ускоренная и суровая процессуальная обстановка военно-полевого суда, а вовсе не примѣненіе каръ, диктуемыхъ военно-полевыми законами; но закона, раз-

рѣшающаго эти сомнѣнія, нѣтъ, а есть простое «разъясненіе» главнаго военнаго суда (1887 г., № 117), который заявилъ, что законы военнаго времени, о которыхъ идетъ рѣчь въ 17 статьѣ, «обнимаютъ собою нормы какъ процессуальныя, такъ и матеріальныя», а потому... допустилъ примѣненіе смертной казни и внѣ *исчерпывающаго* перечня 18 статьи! Итакъ, по самому широкому кругу дѣлъ (до нанесенія тяжкихъ побоевъ городовому включительно) высшая администрація можетъ, разъ гдѣ бы то ни было объявлена усиленная охрана, въ любомъ мѣстѣ отдать русскаго гражданина подъ военный судъ и предписать примѣненіе къ осужденному знаменитой 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, т.-е. смертной казни. Она, высшая администрація, рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему произволу, ибо законъ позволяетъ ей это дѣлать въ каждомъ случаѣ, когда она, «въ видахъ охраненія общественнаго порядка и спокойствія» (а чего нельзя подвести подъ эту категорію?), *сама* признаетъ это необходимымъ, не давая никому отчета и даже не спрашивая ни у кого совѣта.

Но, можетъ-быть, самая угроза смертной казнью не является категорической и абсолютной, хотя 279 ст. говоритъ только объ этомъ наказаніи?

Къ сожалѣнію, практика даетъ отвѣтъ отрицательный, хотя положительный отвѣтъ категорически диктуется и закономъ и здравымъ разсудкомъ.

По непреложнымъ началамъ всякаго уголовнаго суда, если только это все-таки судъ, а не застѣнокъ и не глухое и слѣпое орудіе власти, даже такъ называемое абсолютно-опредѣленное наказаніе (въ данномъ случаѣ смертная казнь) въ цѣломъ рядѣ случаевъ примѣнена быть не можетъ; военный судъ не имѣетъ въ своихъ законахъ цѣлаго ряда указаній и долженъ за ними обращаться къ общимъ

уголовнымъ законамъ, т.-е. въ наши дни къ новому уголовному уложенію. Тамъ ясно сказано, напримѣръ, что нельзя казнить малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ; казнить ихъ въ порядкѣ даже военно-полевого суда — это значитъ совершить не казнь, а убійство, а, между тѣмъ, цѣлый рядъ такихъ случаевъ на практикѣ имѣлъ мѣсто. Такъ тотъ самый главный военный судъ, который въ 1883 году (рѣшеніе № 8) призналъ, что для замѣны смертной казни каторгой вообще достаточно *одного* смягчающаго обстоятельства, теперь твердо и упорно отвергаетъ такое толкованіе во всѣхъ политическихъ процессахъ и, между прочимъ, упорно отказывается отъ кассаціи тѣхъ приговоровъ, которыми на казнь осуждены несовершеннолѣтніе.

Что значитъ это непонятное и беззаконное упорство? Отвѣтъ на это полученъ русскимъ обществомъ лишь случайно, благодаря опубликованію рѣчей Спасовича по политическимъ процессамъ, а также благодаря проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ о рѣчахъ въ главномъ военномъ судѣ прокуратуры. Оказывается, что военнымъ судамъ предписано путемъ *циркуляра*, и до сихъ поръ *неопубликованнаго* въ приказахъ по военному вѣдомству, примѣняя 279 ст., приговаривать *исключительно къ смертной казни*. Циркуляръ этотъ данъ министромъ Ванновскимъ и ссылается на словесное Высочайшее повеленіе отъ 11 августа 1887 года.

Но, если мы вспомнимъ, что по основнымъ законамъ «Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи существующихъ законовъ», и что «никакой законъ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ такимъ же закономъ», намъ станетъ ясно какъ день, что приведенный циркуляръ, отмѣняющій общій порядокъ, установленный уголовными законами, изданными въ надлежащемъ порядкѣ и съ Высочай-

шаго утвержденія, не можетъ быть признанъ закономъ; онъ есть беззаконіе и какъ таковое не можетъ имѣть силы. Не даромъ его облекли покровомъ тайны: чистое дѣло не боится свѣта.

Но рабское преклоненіе передъ циркулярами сыграло здѣсь свою роль, и на практикѣ мы видимъ, что военный судъ, разъ не можетъ оправдать обвиняемаго по 279 ст. по недостатку уликъ, *обязанъ* приговорить его къ смертной казни, каковы бы ни были смягчающія обстоятельства, и хотя бы эти обстоятельства сто разъ были указаны другими законами.

Такимъ образомъ преданіе суду въ порядкѣ статей усиленной охраны или военнаго положенія фактически есть приказаніе приговорить всѣхъ изобличенныхъ къ смертной казни. Такъ суды и поступаютъ и, напримѣръ, изъ свѣдѣній, проникшихъ въ печать по дѣлу объ убійствѣ бакинскаго губернатора Накашидзе, мы узнаемъ, что къ смертной казни въ числѣ другихъ былъ приговоренъ и юноша, которому (если даже, вопреки категорическому заявленію защиты, признать его участникомъ убійства) было *пятнадцать* лѣтъ во время совершенія преступленія. Дальше итти некуда. Очевидно, такіе суды съ судомъ дѣйствительнымъ и законнымъ ничего общаго, кромѣ имени, не имѣютъ.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ самый судъ. Какъ ни скудны свѣдѣнія, проникшія въ печать, но и они вопіютъ къ небу. Въ Двинскѣ по дѣлу Маньковскаго (см. «Право» № 24) судъ далъ *однъ сутки* для вызова свидѣтелей со дня врученія обвинительнаго акта, при чемъ судъ *не обязанъ* вызывать свидѣтеля, живущаго въ другомъ городѣ, а, слѣдовательно, подсудимый, оправданіе котораго зависитъ отъ ссылки именно на показанія такого свидѣтеля, заранѣе обрекается на погибель. Далѣе, въ дѣлахъ, разби-

раемыхъ военными судами, какъ видно, напримѣръ, изъ дѣла Накашидзе, фигурируютъ такъ называемыя агентурныя свѣдѣнія отъ агентовъ, на судъ *не являющихся*, и такія показанія, вмѣстѣ съ показаніями явившихся, но весьма сомнительныхъ элементовъ, иногда перевѣшиваютъ цѣлый рядъ показаній въ пользу подсудимаго, данныхъ на судѣ лицами вполнѣ почтенными и достойными уваженія.

Но вотъ смертный приговоръ готовъ. Судьи вынесли его, но ихъ судейская совѣсть неспокойна; они видѣли въ дѣлѣ рядъ смягчающихъ обстоятельствъ, а потому ходатайствуютъ о смягченіи наказанія. Это ходатайство поступаетъ къ главной мѣстной военной власти, которая не только въ теоріи можетъ не удовлетворить этого ходатайства, но нерѣдко фактически его не удовлетворяетъ и посылаетъ на казнь людей, даже вопреки убѣжденію того чрезвычайнаго суда, который, какъ и всякій чрезвычайный судъ, всегда по свидѣтельству исторіи клонится значительно больше въ сторону суровости, чѣмъ въ сторону милости. Особенно чудовищнымъ по своей несообразности является случай, извѣстія о которомъ недавно прошли въ печать: случай съ виновниками перваго бунта въ черноморскомъ флотѣ; въ своей конфирмаціи приговора адмиралъ Чухнинъ отказалъ въ смягченіи наказанія осужденнымъ на смертную казнь, несмотря на ходатайство суда и указаніе послѣднимъ цѣлаго ряда смягчающихъ обстоятельствъ, и они были немедленно казнены!

Но и это не все. Если осужденный можетъ подать кассаціонную жалобу на смертный приговоръ и исполненіе приговора этимъ задерживается, то открывается, во-первыхъ, возможность отмѣны приговора главнымъ военнымъ судомъ, а во-вторыхъ, возможность обращенія къ государю съ просьбой о помилованіи. Казалось бы, что такое право, право необходимое и неотъемлемое, ибо иначе приходится признать, что

военно-полевой судъ непогрѣшимъ, не можетъ впасть въ судебную ошибку и осудить невиннаго. Но и здѣсь невозможное оказывается возможнымъ; ст. 1041 и 1404 военносуд. устава главному военному начальству предоставляютъ право не давать хода кассаціоннымъ жалобамъ, когда они находятъ необходимымъ немедленное исполненіе смертнаго приговора «въ виду охраненія существенныхъ интересовъ арміи, военной дисциплины или общественной безопасности». Практика, какъ оказывается, не отстаетъ отъ закона: уже были неоднократные случаи отказа въ пріемѣ кассаціонныхъ жалобъ, а, между тѣмъ, если мы вспомнимъ, что осужденный въ Двинскѣ на смерть Маньковскій былъ оправданъ послѣ кассаціи о немъ приговора, мы имѣемъ твердое основаніе сказать, что *были* фактически *случаи осужденія невинныхъ*, что они возможны всегда, и что никто не можетъ поручиться за безусловную виновность тѣхъ поспѣшно казненныхъ, которымъ не дали права кассаціи, этой, хотя и слабой, но все же гарантіи отъ судебныхъ ошибокъ, *непоправимыхъ*, когда дѣло идетъ о смертной казни. Прибавимъ также, что въ печать проникли слухи, въ которыхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что были и такіе случаи, когда помилованіе, испрошенное у государя помимо мѣстнаго военнаго начальства, приходило слишкомъ поздно, благодаря поспѣшному совершенію казни по волѣ этого мѣстнаго начальства.

Какіе бы факты мы ни привели еще, они будутъ уже тонуть на черномъ и кровавомъ фонѣ развернувшейся передъ нами картины. Если мы хотимъ говорить о наказаніи виновныхъ, а не объ истребленіи ихъ во что бы то ни стало, если мы хотимъ, чтобы судъ имѣлъ право называть свою работу правосудіемъ, мы должны твердо сказать: при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ въ государствѣ, претендующемъ на титулъ культурнаго, нетерпимы чрезвы-

чайные суды и ихъ худшій видъ, суды военно-полевые, въ особенности, когда ихъ дѣятельность, какъ у насъ, выходитъ за предѣлы арміи и практикуется не на театрѣ войны, а на театрѣ гражданской жизни страны.

Мы почти ничего не говорили по существу о карѣ, являющейся обычной въ этихъ судахъ, т.-е. о смертной казни. Мы не считаемъ здѣсь нужной какую бы то ни было полемику, ибо указанная кара безповоротно осуждена исторіей и находится въ полномъ противорѣчіи съ умственнымъ, нравственнымъ и культурнымъ развитіемъ современнаго человѣчества. Эта кара повсемѣстно вымираетъ, но и тамъ, гдѣ она сохраняется, какъ историческій пережитокъ, она обычно примѣняется къ худшимъ элементамъ преступнаго люда (звѣрскимъ убійцамъ, поджигателямъ и т. п.), тогда какъ у насъ на казнь посылаютъ главнымъ образомъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, т.-е. людей, которыхъ на формально преступный путь ведетъ идея, людей, которыхъ въ одну эпоху казнятъ, а въ послѣдующую снабжаютъ нерѣдко именемъ героевъ и борцовъ за свободу. Такое положеніе дѣлъ терпимо быть не можетъ, и смертная казнь должна быть безповоротно вычеркнута изъ нашего законодательства. Это непреложное требованіе науки, это дружное требованіе всего сознательнаго русскаго общества. Это одно изъ дополненій къ указу объ амнистіи, которое необходимо не менѣе, чѣмъ доведеніе этой амнистіи до тѣхъ предѣловъ, когда она будетъ полной и безусловной.

Мы могли бы дополнить наше изложеніе данными о новѣйшей практикѣ казней и экзекуцій съ пародіей на судъ и даже безъ всякаго суда, но . . . . довольно. Мы твердо вѣримъ, что виновники этого моря беззаконій будутъ призваны къ отвѣту народными представителями, но, говоря о реформахъ, осуществленіе которыхъ необходимо въ *зако-*

нодательномъ порядкѣ, мы ничего не найдемъ для насъ пригоднаго тамъ, гдѣ не витала даже тѣнь законности.

Озираясь же на все, нами изложенное, мы можемъ сказать лишь одно: при современныхъ безпримѣрныхъ условіяхъ громко долженъ звучать голосъ безпристрастной науки; въ полной гармоніи съ общественнымъ правосознаніемъ онъ долженъ твердо настаивать на полной отмѣнѣ смертной казни и чрезвычайныхъ судовъ и на полной амнистіи всѣхъ осужденныхъ этими судами.

Проф. М. Чубинскій.

Смертная казнь и соціальный подборъ.

Въ настоящее время вопросъ о смертной казни рѣшенъ какъ въ области науки, такъ и практики.

Наука показала, особенно при помощи психологіи преступниковъ, что смертная казнь не является устрашительной въ большей степени, чѣмъ другія наказанія: страхъ парализуется здѣсь или силою страсти, опредѣляющей къ дѣянію, или надеждою на безнаказанность преступниковъ, задумавшихъ преступленіе и всегда разсчитывающихъ не быть обнаруженными.

Въ области практики Италія (съ ея громаднымъ количествомъ кровавыхъ преступленій) показала вмѣстѣ со Швейцаріей, Голландіей, Бельгіей и др., что послѣ отмѣны смертной казни (въ 1890 г.) число убійствъ продолжало постепенно уменьшаться, что является однимъ изъ слѣдствій нашей цивилизаціи, стремящейся замѣнить физическое насиліе обманомъ.

Съ другой стороны, единственный аргументъ практическаго свойства, который можно бы привести въ защиту смертной казни,—отборъ вырожденныхъ субъектовъ, ненормальныхъ и неспособныхъ къ общественной жизни (таковыми являются убійцы), при всей своей цѣнности, отпадаетъ вслѣдствіе нравственной невозможности примѣнять въ наши дни смертную казнь настолько часто, какъ это необходимо въ

цѣляхъ дѣйствительнаго подбора и какъ это практиковалось въ средніе вѣка.

Посылать на эшафотъ каждый годъ десятокъ или дюжину убійцъ, какъ въ Англіи, или пять-шесть, какъ во Франціи, это, значитъ, совершать дикую, глупую бойню и притомъ... безполезную. Между тѣмъ, чтобы сдѣлать подборъ дѣйствительнымъ, слѣдовало бы ежегодно казнить не менѣе 300 въ Англіи, 400—во Франціи и... 2.000—въ Италіи! Легальная бойня, которую наши нравы, къ счастью, дѣлаютъ совершенно невозможною!

И съ другой стороны, заточеніе на неопредѣленный срокъ наиболѣе опасныхъ и вырожденныхъ преступниковъ служитъ дѣйствительнымъ средствомъ замѣны смертной казни, чтобы остановить произведеніе потомства и повтореніе ихъ преступныхъ подвиговъ.

***

Но что можно сказать о смертной казни, отмѣненной для обыкновенныхъ преступниковъ, но сохраненной для политическихъ?!

Политическій преступникъ не имѣетъ особаго антропологическаго типа. Онъ можетъ быть *прирожденнымъ преступникомъ* точно такъ же, какъ и *сумасшедшимъ*, хотя чаще бываетъ *преступникомъ по страсти*.

И то, что отличаетъ, напримѣръ, обыкновеннаго убійцу отъ политическаго убійцы—это совокупность психологическихъ мотивовъ, побуждающихъ его къ дѣянію.

У обыкновеннаго убійцы—*эгоизмъ*, дикій и грубый, толкаетъ его на убійство человѣка.

У политическаго убійцы—это *альтруизмъ*, потому что онъ дѣйствуетъ не въ собственномъ интересѣ, не изъ чувства личной мести или ненависти и корысти. Онъ дѣйствуетъ ради идеала, который можетъ быть ошибочнымъ, но который все-

гда альтруистиченъ. Онъ вѣритъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ человѣчества или родины или какого-либо класса.

Буржуазная революція, поборовшая вмѣстѣ съ насиліемъ и кровью абсолютизмъ въ Западной Европѣ, насчитываетъ длинный рядъ «мучениковъ», начиная отъ француженки Шарлоты Кордэ, убившей Марата, и до итальянца Феликса Орсини, бросившаго въ 1857 г. бомбу въ Наполеона III за то, что этотъ императоръ не рѣшился помочь итальянцамъ противъ Австріи.

Итакъ, примѣнять смертную казнь къ политическимъ преступникамъ является абсурдомъ (если они сумасшедшіе) и грубою несправедливостью (если они воодушевленные альтруисты).

И во всякомъ случаѣ, это форма *обратнаго* общественнаго подбора—une selection sociale «à retours».

Присуждая къ смерти революціонеровъ (включая сюда политическихъ убійцъ), тѣмъ самымъ вызываютъ уменьшеніе числа наиболѣе возвышенныхъ и альтруистичныхъ и повсюду приводятъ къ преобладанію и господству душъ, наиболѣе низкихъ, отсталыхъ и эгоистичныхъ и т. п., страшно понижаютъ уровень души націи.

Испанія послѣ изгнанія дѣятельныхъ и развитыхъ мавровъ своими убійствами (инквизиціей) тысячъ тысячъ свободныхъ мыслителей, еретиковъ и др., осудила сама себя къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, ея національная душа и вся ея общественная жизнь стоятъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ народовъ, несмотря на традиціи и воспоминанія о политическомъ и соціальномъ величіи этой же Испаніи.

Этотъ примѣръ слѣдуетъ прибавить къ доводамъ науки и человѣческой справедливости, чтобы побудить всѣ законодательства къ отмѣнѣ смертной казни повсюду и особенно за политическія убійства, за которыя тѣ же самыя основанія

привели во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ къ исключенію возможности выдачи преступниковъ.

Конечно, политическое убійство всегда несчастіе, и было бы желательнѣе, чтобы общественное развитіе совершалось безъ пролитія крови.

Но это будетъ возможно лишь съ достиженіемъ прогресса гуманности всѣми народами послѣ мученичества и жертвъ, которыя, несмотря на ихъ внѣшніе признаки преступности, вызываютъ къ себѣ лишь уваженіе и очень часто преклоненіе всѣхъ людей съ сердцемъ.

Энрико Ферри.

Профессоръ уголовнаго права въ Римскомъ университетѣ.

Римъ, 28 марта 1906 г.

Наказаніе смертной казнью.

Нынѣ существующая система наказаній представляетъ собою пережитокъ понятій, сложившихся въ давно прошедшія времена. Въ ней есть слѣды *родовой мести*, *уплаты* за причиненное зло, установившейся въ эпоху общинъ, и, наконецъ, *системы устрашенія*, выработанной въ деспотическихъ монархіяхъ и теократіяхъ Востока. Но главнымъ образомъ выработана была нынѣшняя система наказаній съ цѣлью охраненія привилегій, захваченныхъ имущими и правящими классами. И уже въ силу этого къ ней нельзя относиться иначе, какъ съ самымъ безпощаднымъ отрицаніемъ.

По мѣрѣ того, какъ идею *мести* становилось все труднѣе защищать въ современномъ обществѣ, для оправданія нашей системы наказаній стали все болѣе и болѣе настаивать на томъ, что она необходима въ видахъ *устрашенія* людей съ преступными наклонностями, а также въ видахъ *устраненія преступниковъ изъ общества*. При этомъ наиболѣе лицемѣрные изъ ея защитниковъ прибавляютъ еще, что она имѣетъ цѣлью также и *исправленіе* преступниковъ. Несмотря на равнодушіе общества и даже реформаторовъ къ этому вопросу, за послѣднее время было сдѣлано, однако, не мало изслѣдованій, которыми доказано, что ни одной изъ названныхъ трехъ цѣлей наша система наказаній *не достигаетъ*. Тюрьмы не только не устрашаютъ заключенныхъ и не исправляютъ ихъ, но, напротивъ того, онѣ толкаютъ ихъ на новыя

и худшія преступленія, такъ какъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе неприспособленными къ жизни общественной, усиливаютъ въ нихъ неохоту или даже ненависть къ правильному труду и развиваютъ въ половомъ отношеніи такія наклонности, которыя прямо намѣчаютъ ихъ въ кандидаты на уголовное преслѣдованіе.

Изъ вора тюрьма дѣлаетъ виртуоза воровства или же грабителя; изъ человѣка, провинившагося въ чемъ-нибудь небольшомъ противъ общественной нравственности, она дѣлаетъ одного изъ типовъ, описанныхъ Крафтъ Эббингомъ, и т. д. Такъ что изъ моихъ личныхъ тюремныхъ наблюденій и многочисленныхъ бесѣдъ съ людьми изъ тюремной администраціи въ Европѣ и Америкѣ я могъ только вынести одно непреложное заключеніе: *тюрьма*—всякая тюрьма, въ силу *основныхъ* ея началъ, *есть университетъ преступности*. Кромѣ того, — и на это обстоятельство, совершенно упускаемое изъ вида, слѣдуетъ обратить особое вниманіе,— всякая тюрьма и всякій судъ, поощряя шпіонство, доносъ и провокацію, сыскную полицію и частныя сыскныя агентства *), становится центромъ распространенія въ обществѣ разврата въ самыхъ отвратительныхъ его формахъ.

Но если, говоря вообще, наша система наказаній не достигаетъ своихъ цѣлей исправленія и устрашенія, а, напротивъ того, наши тюрьмы постоянно ухудшаютъ формы преступности, то смертная казнь, точно такъ же, какъ и пытки, является совершенно лишнею жестокостью, которая, въ свою очередь, служитъ *только* къ распространенію и усиленію жестокости въ обществѣ.

---

*) Частныя сыскныя агентства такъ размножились въ Англіи, что во всѣхъ большихъ, особенно приморскихъ городахъ, ихъ считаютъ десятками, и есть газеты, въ которыхъ ихъ объявленія занимаютъ цѣлые столбцы. Средства, употребляемыя ими для провокаціи, обнаруживаются иногда на судѣ.

Извѣстно, что въ странахъ, уничтожившихъ у себя смертную казнь, количество преступленій, наказывавшихся смертью, *никогда* не увеличивалось. Извѣстно также, что въ Англіи и во Франціи наиболѣе звѣрскіе убійцы выходили именно изъ той толпы, которая въ ночь передъ казнью собирается вокругъ тюрьмы или на площади и проводитъ всю ночь въ пьянствѣ и развратѣ. Въ Женевской республикѣ смертная казнь была уничтожена послѣ того, какъ одинъ убійца сознался, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ присутствовалъ при одной смертной казни. Съ тѣхъ поръ мысль объ убійствѣ не покидала его. Извѣстно, наконецъ, что въ Англіи, гдѣ въ началѣ XIX вѣка казнили за множество проступковъ, напр., за кражу бѣлья, развѣшаннаго на заднихъ дворикахъ, число подобныхъ проступковъ послѣ уничтоженія казни за нихъ отнюдь не увеличилось, а, напротивъ того, вслѣдствіе дѣйствія общеизвѣстныхъ общихъ причинъ, шло уменьшаясь. Теперь по вторникамъ и по средамъ всѣ дворики въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ бываютъ завѣшаны бѣльемъ, и *много его остается на ночь въ самыхъ пустынныхъ улицахъ на границѣ* полей, не пропадая. Между тѣмъ въ Англіи, гдѣ вѣшаютъ до сихъ поръ съ библейскою свирѣпостью за убійство, убійства свирѣпѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Словомъ, имѣется громадная масса фактовъ, доказывающихъ *ненужность, зловредность* смертной казни. Только косность ума да трусость собственниковъ удерживаютъ этотъ пережитокъ варварскихъ временъ.

Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что фактъ существованія смертной казни поддерживаетъ въ обществѣ мысль, что убійство есть *хорошее средство возмездія* и представляетъ собою *дѣйствительное средство устрашенія* противъ злодѣяній лицъ, принадлежащихъ къ правительству и къ эксплуатирующимъ классамъ. И покуда смертная казнь будетъ су-

состояніе физическаго блаженства, оно въ существѣ сводится къ прекращенію страданій.

Piéron *) подтверждаетъ это объясненіе своими наблюденіями надъ нѣсколькими случаями агоній, въ которыхъ наблюдалось ощущеніе умирающими полета своего тѣла вверхъ, что обусловлено анестезіею подошвъ и что, какъ показали другіе ученые, можетъ быть даже вызвано искусственно экспериментальнымъ путемъ.

Наконецъ Féré къ этому толкованію эйфоріи умирающихъ присоединяетъ еще и предположеніе, что она объясняется своего рода наркозомъ подъ вліяніемъ самоотравленія организма продуктами патологическаго обмѣна веществъ.

Я думаю, что это предположеніе весьма основательно, особенно по отношенію къ тѣмъ хроническимъ смертельнымъ болѣзнямъ, которыя, не сопровождаясь особыми страданіями, связаны, однако, съ рѣзкимъ измѣненіемъ въ питаніи и въ обмѣнѣ. Такъ весьма вѣроятно, что именно этимъ состояніемъ, если можно такъ выразиться, своеобразнаго опьяненія должно объяснить то всѣмъ, даже и не врачамъ, знакомое душевное благополучіе многихъ чахоточныхъ, которые не теряютъ надежды до послѣдней минуты и наканунѣ кончины мечтаютъ о лучшемъ будущемъ и создаютъ планы на много лѣтъ впередъ.

Аміель (Journal Intime, II, 322), находясь уже въ послѣднемъ періодѣ своей предсмертной болѣзни, такъ характеризуетъ свое душевное настроеніе: «Это неопредѣленное состояніе, которое не жизнь и не смерть, имѣетъ свою прелесть, ибо оставляетъ возможность мыслить. Это — мирное сосредоточеніе въ себѣ, безболѣзненная мечтательность... Какъ человѣкъ, уже отъ всего отказавшійся, я

*) Piéron. Rev. Philosoph. 1902. XII.

смотрю, какъ чередой проходятъ мои впечатлѣнія, мои мечты, мысли и воспоминанія. Эта созерцательная неподвижность, должно-быть, родственна той, которую приписываютъ ангеламъ»...

Всѣмъ сейчасъ сказаннымъ, я, отнюдь, не хочу утверждать, что смерть всегда легка. Увы! «естественная физіологическая кончина», «евтаназія», еще долго останется только мечтою нѣкоторыхъ біологовъ, какъ, напр., Мечниковъ. Но я хочу подчеркнуть здѣсь, что въ послѣднемъ актѣ человѣческой трагедіи могутъ быть очень мучительны предсмертныя страданія, можетъ быть очень тягостна и продолжительна агонія, но *душевная боль*, но то, исполненное ледянящаго ужаса, психическое состояніе, которое свойственно послѣднимъ не только мгновеніямъ, но днямъ, иногда даже недѣлямъ и мѣсяцамъ приговореннаго къ смертной казни, у умирающихъ отъ болѣзни обычно отсутствуетъ, самый же моментъ конечнаго перехода отъ бытія къ небытію даже незамѣтенъ и потому легокъ.

«Тяжело умирать, хорошо умереть», сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ Некрасовъ и то, быть-можетъ, потому только, что онъ умиралъ отъ очень мучительной болѣзни. Вообще же процессъ умиранія отъ тяжелаго хроническаго заболѣванія, но не причиняющаго особыхъ мукъ, не такъ тяжелъ, какъ это намъ представляется и, во всякомъ случаѣ, въ немъ отсутствуетъ или очень ослабленъ психологическій элементъ страданія; въ немъ нѣтъ той моральной муки, которая, казалось бы, неизбѣжно должна возникнуть изъ сознанія утраты жизненныхъ силъ и близости неизбѣжной кончины. «Таковъ законъ природы,—говоритъ Гюйо *), — что умаленіе личности сопровождается пропорціональнымъ умаленіемъ желанія;

*) L'Irréligion de l'avenir. p. 477.

человѣкъ менѣе дѣятельно хочетъ того, на что онъ себя чувствуетъ менѣе способнымъ; болѣзнь и старость сначала обезцѣниваютъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ тѣ радости, которыя онѣ у насъ отнимаютъ. Прежде чѣмъ сдѣлать ихъ невозможными для насъ, онѣ вливаютъ въ нихъ каплю горечи. Послѣдняя радость, радость бытія, тоже постепенно умаляется вмѣстѣ съ приближеніемъ смерти».

Остается разсмотрѣть психологическое состояніе взрослаго и здороваго человѣка, внезапно оказавшагося вслѣдствіе несчастнаго случая или катастрофы лицомъ къ лицу со смертью.

Казалось бы, что его психическое состояніе должно быть подобно состоянію преступника, идущаго на эшафотъ.

Я надѣюсь, основываясь на точныхъ психологическихъ документахъ, показать, что даже въ столь, казалось бы, аналогичныхъ положеніяхъ эти два «я», «я» человѣка, неожиданно попавшаго на край, повидимому, неизбѣжной гибели, и «я», осужденнаго на смерть, несравнимы.

Швейцарскій профессоръ Heim, разсказывая о своемъ паденіи въ горахъ во время экскурсіи и сдѣлавшій по этому поводу анкету у лицъ, подвергавшихся той же опасности, утверждаетъ, что на ряду съ другими ощущеніями, о которыхъ я уже говорилъ выше по поводу наблюденій Sollier, съ момента паденія и до момента, когда счастливая случайность задерживаетъ на краю бездны, испытывается ощущеніе физическаго благосостоянія (bien-être); то же подтверждаетъ и Whymper, упавшій въ такой же горной экскурсіи съ высоты въ нѣсколькихъ сотъ футовъ, по счастью, въ мягкій снѣгъ. Ливингстонъ такимъ образомъ передаетъ ощущенія, пережитыя имъ, когда на него бросился левъ: «Онъ схватилъ меня за плечо и мы вмѣстѣ покатились. Онъ ревѣлъ у меня надъ ухомъ и трепалъ меня. Толчокъ ошеломилъ меня и вызвалъ состояніе оглушенія, въ со-

ставъ котораго не входили ни ужасъ ни чувство боли, несмотря на то, что я ясно сознавалъ все происходившее. Это было похоже на то, что испытываютъ нѣкоторые оперируемые подъ наркозомъ: не чувствуютъ ножа, но могутъ слѣдить за операціей. Страхъ былъ уничтоженъ шокомъ». Въ особенности много такихъ и подобныхъ примѣровъ можно бы было привести изъ относительно довольно нерѣдкихъ разсказовъ утопавшихъ и спасенныхъ въ послѣднюю минуту.

Но я не хочу утомлять этимъ вниманіе читателя; моею задачей было показать, что даже въ такихъ исключительныхъ положеніяхъ, какъ то, въ которомъ находились, напр., Heim или Ливингстонъ, трагизмъ неизбѣжной гибели не усугубляется ужасомъ смерти, а, напротивъ, смягчается особымъ состояніемъ, близкимъ къ наркозу.

Природа великодушнѣе людей!..

Посмотримъ теперь, что переживаютъ въ свои послѣднія минуты приговоренные къ смерти.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что такому приговору обыкновенно, если не исключительно, подвергаются люди въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ богатствѣ своихъ физическихъ и психическихъ силъ, съ очень ярко выраженнымъ «я».

Страхъ смерти, отсутствующій или ничтожный у ребенка, притупившійся или даже также отсутствующій у старца, у человѣка, полнаго силъ и не подготовленнаго къ смерти болѣзнью или исключительнымъ шокомъ, возникаетъ съ чрезвычайной интенсивностью именно изъ контраста между этою полнотой ощущаемой жизни, между этой яркостью «я» и неизбѣжнымъ грядущимъ разрушеніемъ его и обращеніемъ въ ничто.

Литература, изъ которой можно почерпать болѣе или менѣе достовѣрныя и точныя данныя о психикѣ казнимыхъ,

сводится, къ сожалѣнію, къ бѣглымъ репортерскимъ замѣткамъ о совершеніи смертныхъ казней, преимущественно во Франціи. Обращаясь за неимѣніемъ лучшаго къ этимъ количественно довольно обильнымъ *) документамъ, я выбираю оттуда наиболѣе цѣнныя наблюденія. Grison, описывая казнь Poirier и разсказывая о такъ называемомъ туалетѣ осужденнаго, говоритъ буквально слѣдующее: «Я стою отъ него на разстояніи не болѣе метра и я читаю на лицѣ его то ужасное разрушеніе личности, которое производитъ идея смерти. За эти двѣ минуты онъ постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Когда приступили къ связыванію его, ему было лѣтъ тридцать; ему — вѣрныхъ пятьдесятъ въ ту минуту, когда палачъ беретъ въ руки ножницы, чтобы отрѣзать воротъ его рубахи».

Онъ же, присутствуя при такомъ же туалетѣ осужденнаго Boudas, такъ описываетъ состояніе казнимаго: «Онъ шепталъ: «Невиненъ, невиненъ», повидимому, не сознавая, что онъ твердитъ, и въ это время глаза его стали стеклянными, и лицо исказилось неподвижно-ужасною улыбкою, тою улыбкою, которая описана Дарвиномъ и происходитъ вслѣдствіе судорожнаго сокращенія мышцъ лица» **).

Казнь Prévost у того же автора: «Отъ осужденнаго осталась только тѣнь его. Нѣтъ больше блестящаго гвардейца, красавца-сержанта, покорителя женскихъ сердецъ. Это уже не тотъ здоровякъ обвиняемый съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, котораго мы видѣли на судѣ. Онъ даже не

---

*) A. Bataille. Causes criminelles et mondaines. Grison. Sonvenirs de la place de la Roquette. Moreau successeur de l'abbé Crozes. Sonvenirs de la grande et petite Roquette. H. Sanson. Memoires des Sansons. Macé. Mon musée criminel и мн. др. того же автора, также отдѣльные факты изъ этой области въ обширной криминологической литературѣ, въ особенности въ изданіяхъ Лакассань.

**) Souvenirs de la grande et petite Roquette par l'abbé Moreau, successeur de l'abbé Crozes. vol. II. p. 432.

похожъ на самого себя, какимъ онъ былъ, когда его перевозили послѣ суда изъ одной тюрьмы (подслѣдственныхъ) въ другую (осужденныхъ), хотя онъ и тогда уже значительно измѣнился къ худшему. Теперь это дряхлый старикъ, аскетической худобы; кожа лба сморщена и похожа на пергаментъ, да и вообще цвѣтъ тѣла у него трупный».

Аббатъ Moreau, священникъ тюрьмы Grande Roquette, гдѣ содержатся приговоренные къ смерти, и въ обязанности котораго входило сопровождать ихъ до эшафота, такъ резюмируетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ при исполненіи своей тяжелой миссіи: «Это чудовищно. Дрожишь въ таинственномъ ужасѣ и испытываешь такое угнетенное состояніе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Я на моемъ вѣку напутствовалъ очень много умирающихъ; во время кампаніи 1870 года я былъ полковымъ священникомъ, потомъ священникомъ при большой парижской больницѣ; мнѣ часто приходилось служить единственной поддержкой и быть единственнымъ утѣшителемъ многихъ несчастныхъ, но никогда я не испытывалъ такого невыносимаго ужаса, никогда не требовалось такого напряженія воли, чтобы справиться со своими нервами, какъ въ первую минуту этой ужасной четверти часа, которая предшествуетъ казни. Моментъ пробужденія приговореннаго къ смерти исполненъ невыносимаго ужаса... Приговоренный спитъ. Его будятъ и говорятъ ему: «Ты сейчасъ умрешь!» О, это пробужденіе! О, это мгновенье! я его не забуду никогда, такъ же, какъ не забуду никогда эту мертвенную блѣдность, эти судорожныя подергиванья, искажающія его лицо».

Точно такія же указанія даетъ и Maxime du Camp *)

*) Maxime du Camp (Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie. Vol. III. p. 375): „Jusqu'à la dernière seconde, c'est là l'idée poignante qui les torture: aurai-je ma grâce? pourquoi ne l'aurai-je pas? см. также въ той же главѣ описаніе казни и дальше (p. 392—393) изображеніе психическаго состоянія нѣсколькихъ к

(кстати замѣтить, тотъ самый, которому Тургеневъ обязанъ тѣмъ, что присутствовалъ при казни Троппмана) и вообще почти всѣ авторы, писавшіе о смертной казни; цитаты, въ родѣ вышеприведенныхъ, можно въ изобиліи заимствовать изъ соотвѣтствующихъ литературныхъ источниковъ, но я не хотѣлъ бы загромождать ими эту статью мою. Я не могу также иллюстрировать ее личными впечатлѣніями, хотя мнѣ представлялся неоднократно случай присутствовать при смертной казни, такъ, напримѣръ, въ 1889 г. въ Парижѣ двойная казнь Allorto и Seillier едва ли не была даже отложена на нѣсколько дней, чтобы предоставить эту возможность членамъ собиравшагося въ 1889 г. въ Парижѣ конгресса криминальной антропологіи. Хотя я и врачъ по профессіи, притомъ старый *больничный* врачъ, т.-е. такой, которому зрѣлище агоніи и смерти не въ диковинку, и, смѣю думать, не отличаюсь особою нервностью или сонтиментальностью, я долженъ сознаться, что у меня не только не хватило мужества присутствовать при казни, но я даже не могу представить себѣ, какъ можно рѣшиться на это безъ опасенія создать себѣ на всю жизнь такой кошмаръ, такое подавляющее, назойливое и навязчивое воспоминаніе, отъ котораго едва ли можно отдѣлаться. Въ этомъ меня особенно убѣждаетъ мое единственное личное воспоминаніе, связанное со смертной казнью. Это было въ 1884 году въ Парижѣ; я работалъ въ то время въ антропологическомъ институтѣ Broca, занимаясь какъ разъ вопросомъ о краніологіи преступниковъ, и поэтому былъ своевременно предупрежденъ о казни Кампи, и явился въ тотъ день на разсвѣтѣ въ лабораторію, куда должны были немедленно изъ-подъ ножа гильотины быть доставлены смертные останки казненнаго. Насъ было въ лабораторіи всего нѣсколько человѣкъ: профессора Laborde и Manouvrier, тогда еще только завѣдующій лабораторіей антропологической школы, лабораторный служитель и я.

Все люди привычные къ трупамъ и вскрытіямъ, проводившіе цѣлые дни среди скелетовъ и череповъ. Но, очевидно, правъ великій поэтъ, утверждающій устами Мефистофеля, что «Blut ist ein ganz besondrer Saft», и я, какъ сегодня, помню нервное настроеніе, блѣдныя лица и трясущіяся руки присутствовавшихъ и участвовавшихъ въ опытахъ и кефалометрическихъ измѣреніяхъ.

У автора настоящей статьи не было иной цѣли, какъ на рядѣ психологическихъ документовъ обосновать и еще разъ подтвердить приведенное выше утвержденіе Достоевскаго, что смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несоизмѣримая даже съ самымъ страшнымъ преступленіемъ, и что, слѣдовательно, казня смертью, государство воздаетъ не «око за око», но творитъ, если даже допустить справедливость этого нехристіанскаго, а ветхозавѣтнаго принципа, нѣчто совершенно несправедливое и является несравненно болѣе жестокимъ, чѣмъ преступникъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, хотя бы даже самое звѣрское.

Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я оставилъ совершенно безъ разсмотрѣнія тѣ случаи смертной казни, которые въ душѣ казнимаго вызываютъ не отчаяніе и ужасъ передъ неизбѣжною смертью, но иныя эмоціи другого высшаго психологическаго порядка: героическое повышеніе душевнаго тонуса, счастье самопожертвованія за родину, гордую радость отдать свою жизнь за свои религіозныя вѣрованія или политическія убѣжденія.

Само собою разумѣется, что представленный мною выше анализъ психики казнимаго, не обнимаетъ психологическихъ феноменовъ этой категоріи.

Само собою разумѣется также, что въ послѣднюю роковую минуту содержаніе сознанія у Васьки Шибанова или графа Горна и Эгмонта, Шарлоты Кордэ или Софьи Перовской, христіанскихъ мучениковъ въ Колизеѣ или жиронди-

стовъ на эшафотѣ, совершенно иное, чѣмъ у обычныхъ жертвъ палача--все равно: парижской ли Grande Roquette или сахалинской каторжной тюрьмы.

Я умышленно не упоминалъ о той категоріи фактовъ и связанныхъ съ ними психологическихъ состояній и говорилъ только о послѣдней группѣ, чтобы трактовать тему, которой посвященъ этотъ этюдъ, въ ея, такъ сказать, простѣйшей формѣ, предполагая, что, если отрицаніе смертной казни справедливо даже по отношенію къ закоренѣлому и озвѣрѣвшему преступнику, то à fortiori этимъ отрицается допустимость смертной казни за преступленія идейныя.

Но теперь, въ ту минуту, когда я заканчиваю эту статью, меня охватываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы та узко-спеціальная точка зрѣнія, съ которой я разсматривалъ вопросъ о смертной казни, могла бы прибавить новые аргументы и дать новое оружіе въ руки той плеядѣ борцовъ противъ смертной казни, которые въ этомъ сборникѣ дѣлаютъ благородныя усилія, съ цѣлью избавить современное общество и государство отъ этого позорнаго и жестокаго средневѣкового пережитка. Я опасаюсь, что тѣ страницы, которыя я занялъ, могли бы съ большей пользой для этого дѣла, долженствовавшаго бы быть общимъ и одинаково важнымъ для всѣхъ безъ различія вѣры, степени культуры, національности и общественно-политическаго міросозерцанія, могли бы, говорю я, быть использованы другимъ, болѣе краснорѣчивымъ и въ вопросахъ этого порядка болѣе авторитетнымъ писателемъ. Если это такъ, то прошу читателя извинить мнѣ это, ибо у меня все-таки есть передъ нимъ та заслуга, что я въ началѣ этой статьи напомнилъ ему неизгладимое художественное изображеніе смертной казни великимъ мастеромъ, Достоевскимъ и что, можетъ-быть, мнѣ удалось въ подтвержденіе геніально угаданнаго имъ различія между психологіею казнимаго и психологіею всѣхъ другихъ умирающихъ при-

вести нѣсколько научно-обоснованныхъ данныхъ и точныхъ наблюденій. Важно, чтобы законодатели, судьи и политики, которые могутъ, пожалуй, совершенно bona fide заблуждаясь, думать, что казня смертью, они только ускоряютъ для даннаго человѣка все равно неизбѣжный для каждаго изъ насъ роковой часъ, важно, чтобы они знали, что ихъ приговоръ хватаетъ гораздо дальше цѣли, создаетъ нѣчто не только большее, но и иное, чѣмъ то, что они, добросовѣстно или лицемѣрно, имѣли въ виду.

Они не должны думать, что они просто только сократили данную жизнь, можетъ-быть, на нѣсколько десятилѣтій, а можетъ-быть, лишь на нѣсколько мгновеній и что они только заставили казнимаго раньше положеннаго ему естественнаго предѣла жизни переступить черезъ тотъ роковой порогъ, черезъ который и они въ свое время пройдутъ, даже, вѣроятно, съ бо́льшими страданіями. Они должны знать, что смертный приговоръ не есть просто рѣшеніе сократить чужую жизнь, имъ создается нѣчто гораздо болѣе значительное и несравненно болѣе ужасное.

Было когда-то въ обычаѣ пользоваться осужденными на смерть преступниками, какъ объектами для опытовъ, пробовали на нихъ яды и противоядія, прививали имъ заразительныя болѣзни и т. п. Теперь не только никакой судья, но и никакой палачъ не рѣшился бы предложить утилизировать такимъ образомъ чужую жизнь, хотя бы даже ради самыхъ благихъ цѣлей; они сочли бы это совершенно недопустимымъ надругательствомъ надъ человѣческою личностью и непозволительною аггравацiею самой казни. Съ этой точки зрѣнія во Франціи, напр., не считаютъ возможнымъ выдавать медицинскимъ учрежденіямъ тѣла казненнаго преступника, если онъ протестовалъ противъ этого передъ смертью.

А между тѣмъ смертнымъ приговоромъ, кромѣ санкціи легальнаго убійства, творится нѣчто еще болѣе гнусное и еще болѣе жестокое: производится, такъ сказать, экспериментально душевная болѣзнь, по всей совокупности симптомовъ и сопровождающей ихъ душевной боли сравнимая только съ тяжкими психозами, напр., съ рѣзко выраженнымъ меланхолическимъ состояніемъ. Можно съ увѣренностью сказать, что для того, чтобы найти въ окружающей насъ остальной жизни психическое состояніе, аналогичное состоянію человѣка, готовящагося къ смертной казни и идущаго на эшафотъ, было бы безполезно искать чего-нибудь подобнаго среди людей, охваченныхъ хотя бы и очень сильнымъ, но психологически нормальнымъ и отъ обычныхъ житейскихъ причинъ происходящимъ аффектомъ горя или даже отчаянія.

Только въ психіатрической больницѣ можно найти аналогичныя психопатическія состоянія, именно сочетаніе въ одной психикѣ смертной тоски, абсолютно безысходнаго ужаса и такое полное подавленіе сознанія однимъ до такой степени тягостнымъ и мучительнымъ представленіемъ, что рядомъ съ нимъ уже нѣтъ мѣста никакимъ другимъ контрастирующимъ или коррегирующимъ представленіямъ.

Пусть еще находятся защитники смертной казни, которые съ извѣстной точки зрѣнія (напр., нѣкоторые представители уголовно-антропологической школы—Garofalo и др.) могутъ считать, если не справедливымъ, то, по крайней мѣрѣ, цѣлесообразнымъ, въ интересахъ общества и государства, отнимать жизнь у неисправимо вреднаго члена этого общества, но кто осмѣлится сказать, что можно какими бы то ни было утилитарными соображеніями оправдывать это, создаваемое приговоромъ, мучительнѣйшее психопатическое состояніе?

И если они посягаютъ на тѣло, на жизнь другого человѣка, то съ какой точки зрѣнія оправдаютъ они посягательство на его душу? Съ какимъ преступленіемъ соизмѣрима та предсмертная моральная пытка, которая impliciter содержится въ смертномъ приговорѣ, и которая по напряженности душевной боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, ибо даже Богочеловѣкъ молилъ: «Да минетъ Его чаша сія!»

Н. Баженовъ.

Смертная казнь.

(Переводъ съ рукописи).

Когда мы слышимъ о преступникѣ, который изъ-за нѣсколькихъ копеекъ, съ умысломъ, убилъ невиннаго человѣка, въ насъ закипаетъ гнѣвъ и мы говоримъ: «Такого негодяя слѣдовало бы повѣсить».

Потомъ беретъ верхъ разумъ, и мы вспоминаемъ, что хотя отъ незапамятныхъ временъ примѣняютъ къ убійцамъ смертную казнь результаты ея ничтожны.

Несмотря на рафинированныя судебныя убійства, количество преступленій не уменьшается. Мало того, публичное исполненіе смертной казни пробуждаетъ въ зрителяхъ самые низкіе инстинкты, а иногда толкаетъ на новыя преступленія. И это еще не все: судъ иногда ошибается, приговариваетъ къ смертной казни людей невиновныхъ, и это ужасно. Чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ больше работаетъ мысль. Что такое преступникъ? Не продуктъ ли онъ общества?.. Не поражаетъ ли насъ несомнѣнный и ужасный фактъ, что въ человѣческомъ родѣ муссируетъ скрытая жажда крови и убійствъ? Не останавливаетъ ли нашего вниманія общій апоѳеозъ войны, прославленіе поединковъ, охоты, устраиваемыя для развлеченія, въ которыхъ принимаютъ участіе не только взрослые лѣнтяи, но даже юноши и женщины? Что, напримѣръ, думать о такомъ

развлеченіи, какъ стрѣльба въ голубей, купленныхъ и взращенныхъ для этой цѣли?

При наличности такихъ явленій трудно бороться противъ мысли, что почти каждый человѣкъ таитъ въ своемъ сердцѣ хищное животное: одинъ паука или скорпіона, другой медвѣдя или тигра. Вслѣдствіе этого одинъ убиваетъ ради забавы зайцевъ и голубей, другой ради жалкой выгоды — людей.

Заключеніе простое: устранить изъ міра убійцъ можно не при помощи смертной казни, которая уничтожаетъ только единицу, а воспитаніемъ молодого поколѣнія въ этическихъ началахъ. Только воспитаніе въ духѣ гуманности ослабляетъ хищные инстинкты, и одинъ изъ базисовъ такого воспитанія, несомнѣнно, — уничтоженіе смертной казни, всегда безполезной, а иногда вопіющей о возмездіи.

Въ Россіи нѣтъ смертной казни для уголовныхъ преступниковъ, но какъ бы въ насмѣшку ее тѣмъ щедрѣе примѣняютъ къ политическимъ преступникамъ. Благодаря этому, мы бываемъ свидѣтелями такихъ, напримѣръ, приговоровъ.

Двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, несправедливо заподозрѣнную въ кражѣ, участковый приставъ допрашивалъ слѣдующимъ образомъ: схвативъ ее за волосы, онъ ударяетъ ее головой о стѣну. Ребенокъ обливался кровью, падалъ въ обморокъ; въ результатѣ — глухота и идіотизмъ. Приставъ попалъ подъ судъ; судъ его оправдалъ... Нѣсколько дней спустя передъ судомъ, на этотъ разъ военнымъ, предсталъ человѣкъ, ударившій въ запальчивости солдата желѣзнымъ прутомъ въ руку, и его приговорили... къ повѣшенію.

Какой нравственный выводъ можетъ сдѣлать общественная совѣсть изъ этихъ двухъ приговоровъ?

Только одинъ: приставъ имѣетъ право пытать дѣтей безнаказанно, а человѣкъ, толкнувшій солдата, который

самъ могъ дать поводъ къ дракѣ, платитъ за это жизнью. Извѣстно, что уголовныя преступленія происходятъ чаще всего отъ злобы и жестокости человѣческой натуры. Но откуда берутся политическія преступленія, совершаемыя очень часто людьми, глубоко честными, иногда женственно мягкими?

Мнѣ кажется, что этотъ родъ преступленій создаетъ правительство. Во-первыхъ, притѣсняя общество, во-вторыхъ, терзая и убивая тѣ благородныя и чрезмѣрно впечатлительныя единицы, которыя дерзаютъ возмущаться противъ его гнета. Сколько тысячъ людей было сослано въ Сибирь, сколько десятковъ повѣшено за дѣйствія, которыя теперь дозволены и которыя оправдываетъ манифестъ 17 октября?

Преслѣдованіемъ и убійствомъ только сѣяли въ обществѣ ненависть къ правительству,—ненависть, принявшую въ настоящее время такіе ужасные размѣры.

Между тѣмъ политическія убійства, совершаемыя какъ правительствомъ, такъ и революціонерами, ни къ чему не ведутъ. Сколько людей правительство перевѣшало и перестрѣляло за покушенія, и все-таки покушенія не уменьшаются, а увеличиваются. То же самое съ революціонерами. Убили реакціонера Плеве, а теперь у насъ реакція еще хуже. Хотя покушеніе на Побѣдоносцева не удалось, намъ обѣщаны свобода совѣсти и школьная реформа. Плеве—это единица, а реакція если не общественное, то правительственное направленіе. Устраненіе единицы не можетъ затормозить политическое направленіе такъ же, какъ, выкачавъ изъ колодца стаканъ воды, нельзя исчерпать весь колодецъ. Повторяю: политическія убійства, именуемыя приговорами, равно какъ и покушенія, не даютъ положительныхъ результатовъ. Напротивъ, они еще сильнѣе возбуждаютъ озлобленіе и дразнятъ дремлющее въ человѣкѣ животное.

Что же дѣлать?.. Конечно, прекратить политическія убійства... Кто же долженъ подать примѣръ? Конечно, правительство, которое въ сравненіи не только съ единицами, но и съ цѣлыми революціонными организаціями имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ физическихъ силъ. Оно бы должно обладать тѣмъ паче нравственной силой и принять на себя иниціативу этой реформы.

Настоящая система не можетъ продолжать существовать, такъ какъ вызываетъ чудовищныя явленія. Говорятъ, что Абрамова подвергли медицинскому испытанію. Весьма справедливо. Этотъ человѣкъ не можетъ быть нормальнымъ. Самъ собой напрашивается вопросъ: почему Спиридонову тотчасъ послѣ покушенія не подвергли медицинскому испытанію, вмѣсто того, чтобы пытать ее такими пытками, которыя запятнали все общество и превратили эту несчастную, слишкомъ впечатлительную, издерганную дѣвушку въ мученицу, буквально въ мученицу, безъ аллегорій...

Резюмирую свое мнѣніе. Смертной казни за уголовныя преступленія нѣтъ въ Россіи. Это хорошо. Политическіе преступники, наоборотъ, подвергаются смертной казни и всяческимъ терзаніямъ. Это отвратительно и нелогично. Выходитъ такъ, будто правительство предпочитаетъ имѣть въ своемъ государствѣ убійцъ, чѣмъ людей, способныхъ къ протесту противъ самоволія и насилія.

Когда восторжествуетъ мудрая свобода и возможная при человѣческой природѣ справедливость, тогда исчезнутъ политическія преступленія. Вѣдь они только жатва посѣва. Уголовныя же преступленія будутъ еще долго существовать; ихъ питаютъ условія, озлобляющія человѣческую природу. Тамъ дурно зерно, тутъ дурна почва.

Болеславъ Пруссъ.

ществовать, будетъ существовать также и убійство со стороны угнетаемыхъ.

Вообще за послѣднее время человѣческая жизнь истребляется въ такихъ количествахъ и такъ безшабашно не только на войнѣ, но и въ видахъ устрашенія крестьянъ и рабочихъ и подчиненія ихъ богатымъ и правящимъ классамъ, что человѣческая жизнь перестаетъ считаться чѣмъ-то цѣннымъ. Достаточно вспомнить о массовыхъ избіеніяхъ въ Парижѣ послѣ паденія Коммуны, въ Миланѣ, въ крестьянскихъ бунтахъ въ Андалузіи и по всей Италіи и, наконецъ, въ послѣднее время въ Россіи. За бѣлымъ терроромъ всегда, однако, слѣдуетъ красный терроръ, и послѣдній является, такимъ образомъ, прямымъ порожденіемъ перваго.

Единственный выходъ для современнаго общества — это признаніе высшаго начала, чѣмъ месть и устрашеніе. Нужно признать открыто, что узаконенное устрашеніе, взведенное въ систему и производимое судомъ и палачами подъ предлогомъ охраненія общества, *оказалось ложнымъ началомъ*, недѣйствительнымъ для намѣченной цѣли и пагубнымъ для общественной нравственности. Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она *главный источникъ, который поддерживаетъ въ обществѣ жестокость нравовъ.*

П. Крапоткинъ.

18/31 марта 1906 г.
Лондонъ.

Психологія казнимыхъ.

«Подъявшій мечъ — отъ меча и погибнетъ», «Око за око», «Que messieurs les assassins commencent» — въ этихъ афоризмахъ резюмируется въ сущности вся аргументація защитниковъ смертной казни. Она же недавно повторена и гр. Витте въ его двухъ отвѣтныхъ телеграммахъ членамъ Государственной Думы отъ двухъ приволжскихъ губерній.

Въ этомъ сборникѣ, посвященномъ борьбѣ съ государственными убійствами, юристы и соціологи со всей силой своей спеціальной компетенціи подвергаютъ критическому анализу вопросъ о смертной казни съ точки зрѣнія права и общественной пользы.

Я же берусь за перо, чтобы вскрыть лицемѣрный софизмъ, кроющійся въ бутадѣ Альфонса Карра, перелицованный теперь графомъ Витте.

Я хочу доказать здѣсь, что въ смертной казни воздается не «око за око» и не «зубъ за зубъ», а воздается гораздо больше, несоизмѣримо больше... Можетъ-быть, это такъ и нужно, можетъ-быть и правомѣрно и нравственно не только примѣнять смертную казнь, какъ государственное мѣропріятіе, но даже усугубить ея значеніе, напр., замѣнить гильотину или висѣлицу четвертованіемъ, костромъ, колесованіемъ; я этого вопроса совершенно не касаюсь, на него отвѣтятъ другіе. Моя задача показать, что государство,

утверждающее, что, казня убійцъ смертью, оно воздаетъ имъ тою же мѣрою, какою они мѣрили, или грубо ошибается или лицемѣрно и преступно лжетъ.

Въ смертной казни необходимо различать два элемента кары: физическій элементъ — лишеніе человѣка жизни насиліемъ, и психическій элементъ — лишеніе человѣка надежды, опустошеніе его души мрачнымъ и безвыходнымъ отчаяніемъ,—словомъ, созданіе такой нравственной пытки, которая количественно и качественно несравнима съ самымъ актомъ физическаго насилія, совершаемымъ ради лишенія жизни.

Каждый изъ насъ приговоренъ къ смерти, но съ неопредѣленнымъ срокомъ. Если бы этотъ срокъ былъ опредѣленъ, если бы намъ былъ извѣстенъ день и часъ нашей смерти, то жить стало бы невозможно, люди стали бы прибѣгать къ самоубійству, только бы избѣжать мучительно навязчивой, все покрывающей и все заслоняющей мысли о роковомъ днѣ, о неизбѣжномъ срокѣ.

Солдатъ готовится къ весьма возможной и вѣроятной смерти, идя въ бой; больной предвидитъ возможность рокового исхода болѣзни и готовится къ кончинѣ... Но ихъ психологическое состояніе все-таки совершенно несравнимо съ состояніемъ приговореннаго къ смертной казни и казнимаго.

Какъ бы ни было опасно и рискованно военное дѣйствіе, на которое идетъ солдатъ, какъ бы ни былъ тяжелъ недугъ, который поразилъ больного, у нихъ все-таки остается надежда, у нихъ все-таки нѣтъ ощущенія той безусловной, абсолютной безпомощности, которая охватываетъ всю душу, весь мозгъ приговореннаго къ смертной казни и вытѣсняетъ изъ его сознанія всякое иное впечатлѣніе.

Все, что можетъ сказать по этому поводу психологъ по профессіи, каковъ пишущій эти строки, конечно, будетъ

очень скудно и блѣдно, хотя бы по тому одному, что у него не можетъ быть достаточныхъ матеріаловъ.

Только большіе художники, поднимающіеся въ своей творческой интуиціи до ясновидѣнія, могутъ дать живой и яркій образъ того душевнаго состоянія, въ которомъ живетъ приговоренный къ смертной казни.

Въ этомъ отношеніи совершенно исключительное мѣсто въ литературахъ всего міра занимаетъ Достоевскій, который и самъ стоялъ на эшафотѣ въ полной увѣренности въ томъ, что будетъ казненъ, и творческій геній его былъ, можетъ-быть, единственнымъ въ смыслѣ созданія художественныхъ изображеній, именно самыхъ исключительныхъ психологическихъ состояній.

Я цитирую здѣсь цѣлыя страницы изъ «Идіота», тѣ именно, гдѣ князь Мышкинъ разсказываетъ о видѣнной имъ въ Швейцаріи смертной казни; не говоря уже о томъ, что для созданія ихъ нашъ великій писатель воспользовался, конечно, автобіографическимъ матеріаломъ *), но эти страницы такъ сильны, производятъ на читателя такое ледянящее отъ ужаса впечатлѣніе, что ихъ не только должно было напомнить въ этомъ сборникѣ, но слѣдовало бы ихъ напечатать на зерцалѣ во всѣхъ судилищахъ, которыя полномочны выносить смертные приговоры.

---

*) Сравните въ Дневникѣ писателя (изд. Пантелеевыхъ, стр. 326): „Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ смертной казни, разстрѣляніемъ, прочитанный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, *десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти.*

— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что же, кричитъ?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ — плакалъ, бѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что̀ же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убій“, такъ за то, что онъ убилъ и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужъ мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ передъ глазами. Разъ пять снилось.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много,—замѣтилъ онъ,—когда голова отлетаетъ.

— Знаете ли что̀? — горячо подхватилъ князь. — Вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мнѣ тогда же пришла въ голову одна мысль: а что̀, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочитъ. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь.

А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что навѣрно.

Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. *Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе.* Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу, или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется или бѣжитъ или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно;* тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „Ступай, тебя прощаютъ". Вотъ этакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!"..

...„— Это ровно за минуту до смерти,—съ полною готовностію началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ и, повидимому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ, — тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ... Впрочемъ, вѣдь какъ это разсказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто-нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, если бы вы! Я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что̀ было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни, по крайней мѣрѣ, еще чрезъ недѣлю; онъ какъ-то разсчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойти и только чрезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ

приподнялся, облокотился, — видитъ свѣтъ: „Что̀ такое?“ — „Въ десятомъ часу смертная казнь“. Онъ со сна не повѣрилъ, началъ было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ, такъ разсказывали, потомъ сказалъ: „Все-таки тяжело такъ вдругъ“... и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей Богу, эти неневинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете, что̀ такое туалетъ преступника?), наконецъ, везутъ по городу до эшафота... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ, навѣрно, думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо... еще когда-то доѣдемъ до булочника!“ Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ, — все это надо перенести, а, главное, мысль: „Вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!“ Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ, — врядъ ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ сталъ всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно-быть, человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Въ низу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый, какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно, у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была, — какъ будто что̀ его давитъ въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно, — чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать — будь что̀ будетъ!.. Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ

подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный,—часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностью цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но врядъ ли въ эту минуту что-нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно-быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ-быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „Вотъ этотъ глядитъ — у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица [заржавѣла...“ а, между тѣмъ, все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непремѣнно услышишь! Я бы, если бы лежалъ, я бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ-быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорятъ, что, можетъ-быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ-быть, знаетъ, что она отлетѣла,— каково понятіе! А что́, если пять секундъ!.. Нарисуйте эшафотъ, такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное, какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ,—и *все знаетъ*. Крестъ и голова— вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ [служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу, все это можно нарисовать какъ бы на третьемъ планѣ; въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ какая картина *).

*) Такая — или почти такая — картина написана. Есть художникъ относительно мало извѣстный большой публикѣ, но по самобытности своего таланта, своеобразности своихъ художественныхъ замысловъ и оригинальнымъ, иногда фантастически дерзкимъ пріемомъ осуществованія ихъ на полотнѣ, — сравнимый развѣ только съ Гойа. Это — Wiertz. Въ музеѣ его имени въ Брюсселѣ находится его триптикъ, озаглавленный „мысли и видѣнія отрубленной головы“. Это — кошмаръ въ краскахъ; разсказать или описать его невозможно; его надо видѣть.

Есть еще книга — теперь, можетъ-быть, немного забытая и которую современнымъ поколѣніямъ, въ особенности въ такіе бурные историческіе моменты, какіе переживаемъ мы теперь, не худо бы освѣжить въ своей памяти,—это «Le dernier jour d'un condamné» Виктора Гюго.

Разсказъ, какъ извѣстно, ведется отъ имени самого приговореннаго къ смерти преступника. В. Гюго въ этомъ дневникѣ своего несчастнаго героя нарочито подчеркиваетъ именно эти, даже съ самой смертью несоизмѣримыя по степени психической боли и безнадежнаго отчаянія, душевныя страданія его.

«Теперь я въ плѣну. Тѣло мое въ кандалахъ и въ острожной камерѣ; душа моя, тоже какъ въ тюрьму, заключена въ одну идею, одну ужасную, кровавую, безнадежную идею. У меня нѣтъ иной мысли, иного убѣжденія, иной достовѣрности, кромѣ того, что я приговоренъ къ смерти! Что бы я ни дѣлалъ эта адская мысль всегда здѣсь, рядомъ со мной, она совершенно одинока и ревниво отгоняетъ отъ меня все, что могло бы меня разсѣять, она смотритъ мнѣ прямо въ глаза, и этотъ холодный призракъ встряхиваетъ меня своими ледяными руками, какъ только я попробую отвернуться и закрыть глаза...

«Правосудіе торжествуетъ, что оно нашло способъ казнить смертью, не причиняя физическаго страданья. Какъ будто это такъ важно! Развѣ можно сравнивать физическую боль съ нравственнымъ мученіемъ?!.. «Кассаціонная жалоба?.. Нѣтъ! Не надо! Это веревка, которая держитъ подсудимаго надъ бездной и трещитъ ежеминутно пока, наконецъ, не оборвется»...

«Теперь 10 часовъ, еще 6 часовъ и меня уже не будетъ въ живыхъ, отъ меня останется только какое-то грязное отребье, валяющееся на столѣ анатомическаго театра, и это сдѣлаютъ со мной люди... А вѣдь изъ нихъ нѣтъ

ни одного, который бы меня ненавидѣлъ, напротивъ, всѣ жалѣютъ и каждый могъ бы спасти!..»

«А все-таки они меня убьютъ, хладнокровно, съ соблюденіемъ церемоніала, въ убѣжденіи, что они дѣлаютъ нѣчто нужное и полезное... О, Боже!.. Неужели я долженъ умереть еще сегодня? Неужели именно я?!»

«Этотъ глухой шумъ, доносящійся до меня извнѣ, эти толпы народа, весело торопящагося вдоль набережныхъ, эти жандармы, которые теперь уже одѣваются въ казармахъ, этотъ священникъ въ черной ризѣ и тотъ, другой, этотъ ужасный человѣкъ съ красными руками,—все это ради меня, все это для меня. Это именно я долженъ умереть, я — тотъ самый, который сидитъ вотъ здѣсь, у этого стола, похожаго на любой другой столъ, я, который могъ бы быть не здѣсь, я, котораго я ощущаю, осязаю, который одѣтъ въ это платье»...

«О, помилованье! помилованье! Пусть лучше каторга, каторга, пять лѣтъ, двадцать лѣтъ, вѣчная каторга съ клеймомъ, но даруйте жизнь! Вѣдь каторжникъ все-таки дышитъ, ходитъ, видитъ солнце!»

«Я стараюсь собрать мои воспоминанья, я возвращаюсь мыслью къ моему преступленію. Я бы хотѣлъ раскаяться. До приговора меня мучила совѣсть... Теперь въ моей душѣ нѣтъ мѣста другимъ мыслямъ, кромѣ мысли о смерти... А я хотѣлъ бы, очень хотѣлъ бы раскаяться. Теперь въ эту самую минуту, кругомъ меня, вокругъ этой тюрьмы и той площади, гдѣ совершится казнь и во всемъ городѣ люди живутъ, движутся, шумятъ, хлопочутъ по своимъ дѣламъ, читаютъ газеты, дѣвушки готовятъ бальныя платья къ вечеру, матери играютъ съ своими дѣтьми».

«Уже четверть второго. Вотъ что я испытываю: мучительная головная боль, лобъ горитъ, спина мерзнетъ. Когда я встаю и наклоняюсь — такое ощущеніе, какъ будто у

меня въ головѣ жидкость, въ которой плаваетъ мой мозгъ, и она толкаетъ его о стѣнки черепа. Меня всего подергиваетъ, какъ будто меня пронизываютъ электрическія искры. Глаза ѣстъ, какъ будто дымомъ. Болятъ локти... Осталось еще два часа сорокъ пять минутъ и все это пройдетъ!»

«Помилуйте! Помилуйте! или ради Бога еще хоть пять минутъ жизни! Еще только одну минутку, чтобы дождаться помилованья, или я буду защищаться, я буду кусаться»...

«Четыре часа. На лѣстницѣ слышны шаги...»

Въ новѣйшей литературѣ этотъ же элементъ мрачнаго безысходнаго, опустошающаго душу безнадежнаго отчаянія, какъ основного и опредѣляющаго все содержаніе сознанія человѣка, приговореннаго къ смерти, психологическаго мотива, сжато и художественно изображенъ несчастнымъ Оскаромъ Уайльдомъ въ его «Балладѣ Рэдингской тюрьмы» *):

..... «Онъ не умретъ позорной смертью,
Онъ не умретъ, другой —
Не ощутитъ вкругъ шеи петлю
И холстъ надъ головой,
Сквозь полъ онъ не уронитъ ноги
Надъ страшной пустотой.

*

Молчащими не будетъ ночью
И днемъ онъ окруженъ,
Что все слѣдятъ, когда заплачетъ,
Когда издастъ онъ стонъ,
Слѣдятъ, чтобъ у тюрьмы не отнялъ
Тюремной жертвы онъ.

*

Онъ не увидитъ на разсвѣтѣ,
Что вотъ пришла бѣда,

*) Переводъ Бальмонта, стр. 5—6.

Пришелъ, дрожа, священникъ въ бѣломъ,
Какъ ужасъ навсегда,
Шерифъ и комендантъ весь въ черномъ,
Чей образъ — ликъ суда.

*

Онъ не надѣнетъ торопливо
Свой каторжный нарядъ,
Межъ тѣмъ, какъ грубый докторъ смотритъ,
Чѣмъ новымъ вспыхнулъ взглядъ,
Держа часы, гдѣ осужденья
Звучатъ, стучатъ, стучатъ...

*

Онъ не узнаетъ тяжкой жажды,
Что въ горлѣ — какъ песокъ,
Предъ тѣмъ, когда палачъ въ перчаткахъ
Прильнетъ на краткій срокъ,
И узника скрутитъ ремнями,
Чтобъ жаждать онъ не могъ.

*

Слова молитвъ заупокойныхъ
Не приметъ онъ, какъ гнетъ,
И, между тѣмъ, какъ ужасъ въ сердцѣ
Кричитъ, что онъ живетъ,
Онъ не войдетъ, касаясь гроба,
Подъ страшный низкій сводъ.

*

Не глянетъ онъ на вышній воздухъ
Сквозь узкій кругъ стекла,
Молясь землистыми губами,
Чтобъ боль скорѣй прошла,
Не вздрогнетъ онъ отъ губъ Кайафы,
Стирая потъ съ чела».

Въ основѣ презумпціи правомѣрности и справедливости смертной казни, которая предполагается ея защитниками, лежитъ допущеніе, что одна жизнь всегда равна другой жизни, и каждая смерть тождественна другой смерти.

Безъ всякаго сомнѣнія, съ точки зрѣнія этической каждая жизнь равноцѣнна каждой другой жизни, и смерть кого бы то ни было, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ есть фактъ, всегда себѣ равный и тождественный.

Но это не такъ съ точки зрѣнія психологической, съ точки зрѣнія содержанія сознанія.

«Я» умирающаго не тождественно у ребенка, взрослаго или старца. Оно не тождественно у человѣка, умирающаго отъ болѣе или менѣе продолжительной болѣзни или отъ внезапно надвинувшейся опасности; «я» казнимаго, приговореннаго къ смертной казни, ожидающаго ее и ведомаго на эшафотъ, и подавно совершенно особое.

Душа ребенка есть tabula rasa. У него нѣтъ сознанія опасности, нѣтъ смертнаго страха. Heim *) передаетъ, что 8-лѣтній мальчикъ, падая съ высоты въ 22 метра, сохранилъ отъ этой катастрофы, которая по счастливой случайности окончилась для него благополучно, только то воспоминаніе, что его озабочивала во время паденія одна мысль, какъ бы не потерять полученнаго имъ въ подарокъ перочиннаго ножа. Подобное же наблюденіе сообщаетъ Egger **) о ребенкѣ, тонувшемъ и забавлявшемся блескомъ рѣчныхъ ракушекъ и голышей, но испугавшемся, когда водоросли коснулись его лица.

Душевное содержаніе старца богато воспоминаніями, но скудно надеждами, радость бытія въ большей или меньшей степени уже утратила для него свою цѣнность, яркость со-

*) Rev. Philosoph. 1896. I.
**) Ibid.

знанія, его «я» поблекло и вотъ почему, — а это уже изъ области ежедневнаго нашего наблюденія и легко можетъ быть провѣрено даже en masse, напр., въ богадѣльняхъ — старикъ относится спокойно, иногда безразлично, нерѣдко даже съ вожделѣніемъ къ идеѣ о близости кончины *).

Его психологія близка къ психологіи человѣка, хотя бы и молодого, но умирающаго послѣ долгой болѣзни. По отношенію къ содержанію сознанія такихъ лицъ въ научной литературѣ существуетъ, какъ легко себѣ представить, очень мало точныхъ наблюденій, ибо требуется сочетаніе исключительныхъ условій, а именно: необходимо, чтобы субъектъ былъ уже на порогѣ могилы спасенъ отъ тяжкой болѣзни, грозившей близкой и неминуемой смертью, и, чтобы это лицо было достаточно пригодно по своему развитію и умѣло анализировать и передавать свои ощущенія такъ, чтобы они представляли дѣйствительную цѣнность для психологическихъ этюдовъ, и, наконецъ, чтобы около него нашелся въ такую минуту психологъ, который интересуется такими состояніями, изслѣдуетъ и опубликовываетъ ихъ.

Къ числу такихъ рѣдкихъ въ научной литературѣ данныхъ принадлежатъ слѣдующія наблюденія французскаго психіатра Sollier **). Въ первомъ изъ нихъ рѣчь идетъ о молодой женщинѣ, страдавшей тяжелымъ морфинизмомъ, и, вслѣдствіе лишенія ея привычнаго яда, впавшей въ коллапсъ (тяжелое обморочное состояніе съ упадкомъ сердечной дѣятельности, которое легко можетъ кончиться смер-

*) Мечниковъ (Etudes sur la nature humaine, Ch. XII) вообще опредѣляетъ прогрессъ, и самою цѣлью его полагаетъ уничтоженіе, благодаря развитію медицины и гигіены, существующихъ искаженій (désharmonies) человѣческой природы, что даетъ въ результатѣ людямъ возможность доживать до *физіологической* старости и *нормальной* смерти, при чемъ, конечно, уже не остается мѣста страху смерти.

**) Rev. Philosoph. 1896. III.

тью, если не принять немедленныхъ мѣръ); у нея мысль о близости смерти была совершенно ясна, всѣ чувства очень обострились, она слышала самый легкій шопотъ и различала малѣйшіе оттѣнки мимики на лицахъ окружавшихъ ее. Она совершенно не страдала. И даже въ тотъ моментъ, когда пульсъ очень упалъ, дыханіе стало поверхностнымъ и замедлилось, конечности похолодѣли, она утверждала, что чувствуетъ себя прекрасно и отказывалась отъ лѣкарствъ. Когда она пришла въ себя, она воскликнула: «О, какъ хорошо мнѣ было, изъ какого далека я вернулась». Она передавала потомъ, что въ ту минуту, когда она чувствовала, что теряетъ сознаніе, она испытывала состояніе необыкновеннаго блаженства, не ощущала себя больше на землѣ, хотя и продолжала слышать и видѣть все, что происходило вокругъ нея, и, сверхъ того, ея прошлая жизнь проносилась передъ нею, какъ въ панорамѣ. Въ другомъ случаѣ совершенно тождественномъ Sollier не наблюдалъ ни этого послѣдняго явленія, ни сознанія неизбѣжной смерти, но ощущеніе физическаго благополучія было такъ же рѣзко выражено, какъ и въ первомъ случаѣ. Третье наблюденіе Sollier относится до женщины, дважды бывшей на волосъ отъ смерти. Въ первый разъ она умирала отъ перитонита. Ее охватило состояніе благополучія, точнѣе, отсутствія всякаго страданія. Во второй разъ Sollier у нея же наблюдалъ коллапсъ при отученіи ея отъ морфія; у нея не наблюдалось ни мысли о смерти ни феномена яркихъ воспоминаній изъ прошлаго, но констатировано то же состояніе блаженства. Наконецъ еще у одной женщины Sollier сдѣлалъ слѣдующія два наблюденія: она, умирая отъ тифа, слышала, какъ врачи, приговоривъ ее къ смерти, сказали, что это вопросъ только нѣсколькихъ часовъ. Мысль о близости конца не вызвала у нея никакой душевной реакціи. Она же, подъ вліяніемъ сильнаго послѣродового кровоте-

ченія, снова испытала предсмертное состояніе, оно было опять связано съ ощущеніемъ блаженства, несмотря на совершенно ясное сознаніе близкой кончины.

Послѣ перваго изданія этого сборника, автору настоящей статьи было сообщено одной особой слѣдующее самонаблюденіе, которое пріобрѣтаетъ особую цѣнность, благодаря тонкости ея интеллекта и вообще ея высшей психической индивидуальности, исключающей возможность сознательныхъ и безсознательныхъ прикрасъ и обезпечивающей точность этого самонаблюденія.

Молодая женщина, мать двухъ еще маленькихъ дѣтей, погибаетъ отъ очень тяжелой формы дифтерита и ясно слышитъ, какъ консультирующіе въ сосѣдней комнатѣ врачи совѣщаются о томъ, слѣдуетъ ли предупредить ея мужа, что все кончено и что ей осталось жить не болѣе 20 минутъ. Несмотря на это, она остается совершенно спокойною и не испытываетъ ни страха смерти ни ужаса передъ фатальною и столь близкою минутою.

Egger *), котораго я уже цитировалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей ясно сознаніе неизбѣжной смерти, отмѣчаетъ слѣдующіе кардинальные психологическіе феномены: 1) ощущеніе физическаго благополучія, блаженства; 2) анэстезію (утрата осязательной чувствительности) и анальгезію (утрата болевой чувствительности) при сохраненіи нормальной остроты слуха и зрѣнія; рѣзкое ускореніе психическихъ процессовъ: дѣятельности мысли и воображенія; 3) во многихъ случаяхъ воспроизведеніе въ памяти воспоминаній прошлаго.

Sollier очень вѣрно указываетъ на вѣроятную причинную связь между первыми двумя психологическими феноменами: именно анэстезія и анальгезія и создаютъ это

*) Le moi des mourants. R. Ph. 1906.

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!

Я видѣлъ гдѣ-то картину изъ исторіи франко-прусской войны.

Черная ночь на исходѣ... На далекомъ краю горизонта забрезжили первые лучи разсвѣта, и занялась алая заря...

Огромное мертвое поле сраженія усѣяно трупами и костьми. Кровоточа изъ безчисленныхъ ранъ, лежатъ жертвы ошибокъ и честолюбія своихъ властителей. Но и въ смерти они живутъ. Въ застеклившемся взглядѣ застыло выраженіе безысходнаго страданія, ужаса и муки за настоящее, трогательной вѣры въ лучшее будущее...

Въ сжатыхъ губахъ—выраженіе непримиримой ненависти къ врагу, спокойное и величавое презрѣніе къ смерти. Даже черепа—и тѣ живутъ. Вы думаете, что мертвы впадины глазъ, вглядитесь—онѣ смотрятъ на васъ своими зіяющими отверстіями; вы думаете, что окостенѣлыя уста застыли въ холодномъ безразличіи смерти; всмотритесь—на нихъ та же улыбка презрѣнія, то же вдохновенное, спокойное безразличіе къ смерти...

Надъ тѣлами въ предутреннемъ туманѣ роится мгла. Чѣмъ внимательнѣе вы вглядываетесь, тѣмъ очертаніе ея опредѣленнѣе. Клубы предразсвѣтной мглы образуютъ складки широкаго бѣлаго одѣянія... Вырисовываются очертанія видѣнія,—то свѣтлый небожитель съ печальнымъ, но

строгимъ лицомъ, витающій свѣтлымъ призракомъ надъ чернымъ полемъ смерти. Въ десницѣ его лучезарный мечъ и на немъ огненными буквами, загорающимися въ лучахъ восходящаго солнца, великія слова угрозы и мести, надежды и утѣшенія:

«Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!»...

Меня неотступно преслѣдуетъ эта картина...

Это мертвое поле — Россія. Эти трупы—жертвы самовластія и гнета—вчера еще вмѣстѣ съ нами работали на священной нивѣ освобожденія отчизны. Эта ненависть къ насилію, это страданіе за настоящее, эта вѣра въ лучшее будущее, передъ которыми въ злобномъ безсиліи должна отступить сама смерть, вчера еще выливались въ вдохновенныхъ, пламенныхъ рѣчахъ, вчера еще одухотворяли ихъ дѣйствія. Жертвы организованнаго насилія, жертвы убійства, прикрытаго подобіемъ закона, вы пали мучениками за свои убѣжденія, за страстную любовь къ свободѣ и праву, за непримиримую ненависть къ беззаконію и произволу. Мертвые — вы остаетесь живымъ укоромъ отходящему, но, увы, еще не отошедшему строю; мертвые—вы остаетесь живыми вдохновителями тѣхъ, въ комъ ненависть ко злу и любовь къ правдѣ выше привязанности къ жизни; мертвые—вы остаетесь живымъ, бодрящимъ примѣромъ для тѣхъ, въ комъ въ часъ тяжелаго испытанія слабость плоти могла бы одолѣть силу духа... Это кровью вашей окрашена алая заря освобожденія; чѣмъ васъ больше, тѣмъ она ярче, тѣмъ горячѣе въ лучахъ восходящей свободы горятъ золотыя слова угрозы и мести, надежды и утѣшенія... Вы—живой протестъ противъ смертной казни, вы—яркое доказательство ея безцѣльной жестокости, необходимости исключенія изъ государственной жизни этого организованнаго убійства надъ безоружными. Смертью своей вы сказали: долой смертную казнь навсегда!

И пусть тѣ, на комъ лежитъ обязанность строительства жизни, услышатъ вашъ мощный призывъ, вашъ посмертный завѣтъ, ибо заря разгорается, и въ вооруженной десницѣ витающаго надъ вашими тѣлами печальнаго, но строгаго духа горитъ мечъ возмездія и сверкаютъ на немъ слова:

«Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!»...

О. Пергаментъ.

Современныя казни.

ГЛАВА I.

Казнь по суду.

Россія переживаетъ время пытокъ, время казней... Человѣческая жизнь приносится въ жертву будущему счастью народа. Руками правительственныхъ палачей проливается ежедневно кровь лучшихъ людей нашей родины.

Кровь льется ручьями. Каждый день приноситъ новыя извѣстія о новыхъ жертвахъ, о новыхъ казненныхъ черезъ повѣшеніе, черезъ разстрѣляніе... Иногда повѣшеніе замѣняется разстрѣляніемъ и обратно, за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ по спеціальности палачей (Шмидтъ разстрѣлянъ потому, что были налицо палачи-солдаты, но не было палача-арестанта). У правительства не хватаетъ теперь палачей: работа ихъ такъ горяча, спросъ на ихъ руки такъ великъ, что ему приходится или увеличить штаты и расширить институтъ своихъ палачей, или же придумать русскую гильотину. На чемъ же оно остановится?..

Какимъ образомъ создадутся эти новые палачи? Что нужно сдѣлать для того, чтобы человѣкъ подходилъ для своей роли, чтобъ онъ могъ спокойно творить свою ужасную работу? Что нужно для этого? Нужно убить прежде всего свою совѣсть, отнять у себя же свою душу, а потомъ уже убивать тѣло другого, прекращать другую жизнь. Нужно воспитаться такому человѣку, долго подготовляться къ этой работѣ, тренироваться. Не-

обходимо для этого, чтобы была соотвѣтствующая среда. Вѣдь работа палачей свободна; выборъ ихъ ничѣмъ не стѣсненъ. Нужно было охотникомъ, любителемъ человѣческой крови, и тамъ, гдѣ есть спросъ, является предложеніе. Современная политика казней и пытокъ, политика террора и анархіи, переживаемая нынѣ страною, рождаетъ нужныхъ ей для этой цѣли палачей. Правительству одинаково нужны палачи, какъ высшаго ранга: судьи, прокуроры и лица, конфирмирующія смертный приговоръ, такъ и низшаго — непосредственно трудящіеся, съ физической силой, которые своими знаніями, дѣломъ прекращаютъ жизнь человѣка.

Которая должность труднѣе, чья роль требуетъ большей работы надъ собой, больше усилій погасить въ себѣ искру Божію? Что легче, сдѣлаться ли палачомъ высшаго ранга, подписывающимъ смертный приговоръ, или же быть палачомъ-арестантомъ, накидывающимъ петлю на шею и саванъ на голову? Трудно сказать. Надо въ обоихъ случаяхъ убить свою душу, совѣсть, все чистое, прекрасное, что живетъ въ человѣкѣ. Тотъ, кто подписываетъ смертный приговоръ, или прокуроръ, оканчивающій громовую обвинительную рѣчь словами: «Я требую отъ васъ, господа судьи, во имя справедливости, смертной казни», развѣ оба они не знаютъ, что отнимать жизнь человѣка нѣтъ ни у кого права, и что такого права никто дать не можетъ? Жизнь дарована не ими, поэтому отнимать эту жизнь, то, чего не можетъ дать человѣкъ, никто не имѣетъ права. Жизнь — это безцѣнный даръ природы, которымъ владѣетъ каждый по праву, данному самой природой, и никто не можетъ его оспаривать. Поэтому, одинаково, какъ коллегія лицъ, подписавшихъ и конфирмировавшихъ смертную казнь, такъ и тѣ, кто приводитъ дѣло въ исполненіе, работаютъ совмѣстно, рука объ руку, какъ палачи, проливающіе человѣческую кровь. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково создаются правительственнымъ режимомъ, спросомъ на ихъ преступныя руки.

Меня интересовалъ вопросъ, какимъ путемъ создаются палачи-арестанты, истязующіе плетьми и убивающіе своего же брата, арестанта, одинаково заброшеннаго и загнаннаго. Я внимательно приглядывался къ этимъ страннымъ людямъ во время моихъ скитаній по тюрьмамъ; я наблюдалъ ихъ, разспрашивалъ сахалинцевъ, много разъ бѣжавшихъ съ каторги и потому неоднократно близко, спиной, сталкивающихся съ палачами. Что толкаетъ человѣка на это гнусное ремесло? Выгоды, преимущество положенія, деньги? Или недостатокъ въ задерживающихъ центрахъ, въ нравственной этикѣ, преступность и извращенность натуры?

Да, всѣ эти факторы участвуютъ въ этой сложной работѣ; вся совокупность сложныхъ человѣческихъ соотношеній порождаетъ въ немъ нравственное паденіе, подавленность, извращеніе человѣческой природы и толкаетъ его къ крови!

Когда являлась партія арестантовъ въ центральную сибирскую тюрьму, гдѣ она пересоставлялась и вновь разсылалась по мѣстамъ назначенія, палачъ считалъ барыши и потиралъ руки отъ удовольствія, если въ партіи было много лицъ, приговоренныхъ къ наказанію плетьми. Хорошая, настоящая партія арестантовъ давала ему дохода отъ полутора до двухъ, двухъ съ половиной тысячъ рублей. Среди арестантовъ всегда дѣлалась круговая складчина, которая подкупала жестокость и звѣрство палача и апеллировала къ его человѣческимъ чувствамъ; тогда милость палача сохраняла жизнь наказуемому, смягчала его муки и страданія; вѣдь съ пяти-шести ударовъ опытный палачъ можетъ перешибить спинной хребетъ, а на второмъ десяткѣ ударовъ лишить жизни человѣка; при милостивомъ же отношеніи палача послѣ двухсотъ плетей человѣкъ себя сносно чувствуетъ и даже забываетъ кричать во время бичеванія. Бывали въ такихъ случаяхъ напоминанія палача о предварительномъ уговорѣ между нимъ и наказуемымъ — кричать до потери сознанія, чтобъ окружающая тюремная администрація не догадывалась

«о снисхожденіи», и тогда однимъ, настоящимъ ударомъ онъ вышибалъ такіе мучительные, душу раздирающіе крики, которые не прерывались уже до конца истязанія. Палачъ-арестантъ, помимо крупнаго заработка, получаетъ, благодаря своей дѣятельности, большія преимущества по прохожденію въ тюрьмѣ наказанія, назначеннаго судомъ.

Тюремная администрація ему мирволитъ, оказываетъ разныя послабленія въ суровомъ тюремномъ режимѣ, не посылаетъ его на работы, держитъ не въ общихъ камерахъ, а отдѣльно, на привилегированномъ положеніи, сокращаетъ сроки наказанія, — однимъ словомъ, выдѣляетъ его, какъ своего радѣтельнаго служащаго, нужнаго и полезнаго, которымъ администрація дорожитъ.

Товарищи по тюрьмѣ ненавидятъ палача всей силой своей души. На ихъ жаргонѣ слово палачъ служитъ олицетвореніемъ всего самаго ужаснаго, сквернаго въ человѣкѣ. Это слово собирательное, въ которомъ группируется вся гадость и мерзость людская, и оно служитъ самымъ сильнымъ ругательнымъ словомъ.

Ненависть къ палачу настолько велика, что если его встрѣтятъ гдѣ-либо арестанты безъ охраны тюремныхъ надзирателей, то убиваютъ.

Меня удивляло, что его даже днемъ одного не пускали проходить по большому тюремному двору, гдѣ арестанты предавались играмъ и отдыху; рядомъ съ нимъ шелъ конвоиръ-надзиратель, и дворъ моментально оглашался свистками, ругательствами и хохотомъ.

Бывали минуты, когда у палача просыпалась совѣсть — рѣдкія минуты въ ихъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныя...

Такія пробужденія совѣсти, запросы души не проходятъ даромъ и стоятъ иногда жизни.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ пришлось мнѣ однажды сидѣть, въ центрѣ Сибири, потребовалось казнить приговореннаго военнымъ судомъ черезъ повѣшеніе татарина, по прозванію Бикъ-Бока. Въ то время

при тюрьмѣ палача не оказалось, такъ какъ партіи ссыльныхъ еще не приходили.

Тюремной администраціи предстояла трудная задача: создать этого палача, отыскать среди заключенныхъ такого подходящаго человѣка, который бы согласился на это дѣло. Задача трудная и сложная.

Всѣ поиски ни къ чему не приводили. Изъ состава всѣхъ заключенныхъ не находилось никого, кто бы согласился на эту работу.

Въ самый послѣдній день пришелъ въ контору начальника тюрьмы одинъ арестантикъ и предложилъ себя въ добровольцы. Раньше онъ былъ мало замѣтенъ среди другихъ арестантовъ, ничѣмъ не выдѣлялся изъ ихъ среды, былъ нѣсколько застѣнчивъ, скроменъ; въ его внѣшнемъ обликѣ было много смѣшного, товарищи любили смѣяться надъ нимъ и много обижали злыми шутками. Онъ безучастно переносилъ ихъ, не любилъ огрызаться.

Сѣрое невыразительное лицо, такое же сѣрое и однообразное, какъ весь его арестантскій сѣрый костюмъ, безцвѣтные мутные глаза, широкій некрасивый носъ, — все это мало обращало на себя вниманія окружающихъ. Его прозвали почему-то «Пронькой», имъ всѣ понукали, не позволяли вмѣшиваться въ вечернія бесѣды, устраиваемыя послѣ повѣрокъ, не принимали его въ карточныя игры, очевидно, считали неинтереснымъ человѣкомъ, не замѣчали, игнорировали.

И вотъ этотъ самый «Пронька» взялся быть палачомъ.

О своемъ намѣреніи онъ никому изъ товарищей не сказалъ ни слова. Молча прошелъ въ контору, долго мялся за рѣшеткой, прежде чѣмъ войти и категорически заявить о своемъ желаніи видѣть начальника тюрьмы.

Говорилъ онъ несвязно, не то просилъ, не то соглашался на услуги. Изъ его тона нельзя было ничего заключить, почему онъ, такой незамѣтный, такой тихій, вдругъ рѣшился на это страшное ремесло. Но какъ бы то ни было, начальникъ очень обрадо-

вался, приласкалъ, подбодрилъ его и перевелъ на другое положеніе, положеніе палача — нужнаго человѣка. Ему отвели отдѣльное помѣщеніе, тюремные надзиратели стали оказывать вниманіе, стали величать его уже не «Пронькой», а Иваномъ Матвѣевичемъ.

Товарищи его, арестанты, были страшно удивлены, узнавъ, что палачъ нашелся, и этотъ палачъ не кто другой, какъ «Пронька», — предметъ ихъ всеобщихъ насмѣшекъ и язвительныхъ шутокъ.

Тюремная администрація предварительно обучила его новому для него дѣлу, показала всѣ пріемы, необходимые для казни, и въ назначенный день «Пронька» явился во всей своей красѣ въ своей новой роли.

Съ методичностью, съ заученными пріемами онъ поставилъ подъ ноги Бикъ-Боку скамейку, накинулъ саванъ на голову, пеньковую петлю на шею, укрѣпилъ другой конецъ веревки у столба и рѣшительнымъ ударомъ ноги вышибъ скамейку изъ-подъ ногъ несчастнаго. Тѣло всей тяжестью повисло на веревкѣ, натянуло ее, затрепетало въ воздухѣ, и вдругъ «Пронька» совершенно ни къ чему, по собственной иниціативѣ, бросился къ повѣшенному, обхватилъ его за ноги, потянулъ книзу и всей тяжестью своего корпуса повисъ; тѣло перестало трепыхаться, конвульсіи кончились...

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Что побудило его употребить такой пріемъ, котораго ему администрація не показывала, который не входилъ въ программу его дѣйствій,—трудно сказать.

Результатъ ли это его жестокихъ инстинктовъ, жажда упиться сознаніемъ своего гнуснаго, жестокаго дѣла или, быть-можетъ, въ немъ вдругъ проснулась совѣсть, и, чтобы скорѣе прекратить муки несчастнаго, онъ потянулъ его книзу?

Какъ знать!...

Всѣ говорили про это, всѣ обсуждали на разные лады. Каково же было удивленіе тюрьмы, когда на утро нашли холодный трупъ «Проньки», болтающимся на той же самой веревкѣ...

Развѣ не то же самое наблюдается въ жизни палачей высшаго ранга? Развѣ не тѣ же самые факторы человѣческихъ воздѣйствій и вліяній участвуютъ въ созидательной современной работѣ нашего правительства? Какимъ образомъ вырабатываются высшіе судьи, высшіе палачи?

Выгоды, преимущество положенія, блескъ, почетъ, вниманіе со стороны высшей администраціи, быстрый ходъ по службѣ, извращенность человѣческой природы, отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ — вотъ причины, толкающія человѣка на ремесло палача. Онѣ же помогаютъ правительству вербовать нужныхъ агентовъ для пролитія человѣческой крови.

И у высшихъ палачей, какъ и у низшихъ, бываютъ моменты пробужденія совѣсти, когда они словно понимаютъ, какое гнусное и презрѣнное дѣло творятъ. Тогда они постановляютъ: «Заслуживаетъ снисхожденія, ходатайствовать о помилованіи».

Зачѣмъ имъ ходатайствовать о помилованіи, когда они сами судьи, когда въ ихъ власти помиловать? Зачѣмъ «ходатайствовать», когда они могутъ, на основаніи велѣнія своей совѣсти, вынести подсудимому другой приговоръ.

Но судьи-палачи не могутъ этого сдѣлать потому, что они продались правительству, и они отнимаютъ у безоружнаго человѣка жизнь не на основаніи постановленій совѣсти, а по требованію своего господина, купившаго ихъ душу, ихъ честь.

Прослѣдимъ на наиболѣе яркомъ и типичномъ представителѣ современныхъ палачей, созданныхъ усиліями правительства въ самый короткій срокъ, этотъ быстрый переходъ отъ скромнаго, честнаго труженика до крупнаго и жестокаго директора, заливающаго цѣлые округа кровью, около котораго стоны, плачъ и ужасъ несутся страшнымъ призракомъ по всей Россіи, вызывая среди измученнаго населенія проклятія своему мучителю.

Я говорю о Луженовскомъ, котораго убила Марія Спиридонова. Раньше онъ былъ скромный присяжный повѣренный.

Вся его дѣятельность, начиная со студенческихъ годовъ и кончая послѣдними полутора годами, носила характеръ стремленія проводить въ жизнь прогрессивныя начала освободительнаго движенія. Во время студенчества онъ якобы страдалъ за правду, какъ онъ самъ разсказывалъ, такъ какъ точно это никому неизвѣстно, и будто бы отсидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ.

Работая потомъ въ Тамбовѣ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, онъ держался всегда самыхъ передовыхъ взглядовъ и не находилъ нужнымъ передъ кѣмъ-либо скрывать ихъ.

Наоборотъ, онъ любилъ всегда выставлять свои либеральные взгляды на показъ, афишировать ихъ.

На одномъ изъ обѣдовъ въ честь almae matris, 12 января, во время застольной рѣчи одного изъ своихъ пріятелей, въ которой тотъ проводилъ взглядъ, что студенты совершенно напрасно занимаются рѣшеніемъ общеполитическихъ вопросовъ, что это не ихъ дѣло, что имъ нужна только академическая свобода, Луженовскій очень взволновался, не могъ дослушать ее до конца, началъ кричать, чтобы тотъ замолчалъ, наконецъ, не выдержалъ и бросился къ оратору со словами: «Я его побью, заставлю его замолчать». Съ трудомъ Луженовскаго удержали.

На одномъ изъ музыкальныхъ вечеровъ курсистокъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ распорядителя и тамъ, увлекаясь настроеніемъ и своей почетной ролью, совершенно даже не къ мѣсту, началъ говорить зажигательныя революціонныя рѣчи. Всѣ удивились, хотя и слушали его, но не вѣрили въ искренность его словъ.

Въ прошломъ году въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилось въ печати патріотическое стихотвореніе съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ одного крестьянина, въ которомъ тотъ пишетъ про себя, про свою темноту и благодаритъ

царя-батюшку за его реформы, такъ какъ, благодаря имъ, ему удалось выбраться изъ темноты.

При болѣе внимательномъ чтеніи оказалось, что это злой и грубый акростихъ на Сергѣя Григорьевича Кишкина (редакт. «Тамб Губ. Вѣд.»). Больше всѣхъ распространялъ это стихотвореніе самъ Луженовскій, онъ первый догадался, въ чемъ тутъ соль, и по городу ходили слухи, что онъ же его авторъ. Луженовскій этихъ слуховъ не отрицалъ и даже, смѣясь, соглашался съ ними.

Часто Луженовскій воевалъ съ своими коллегами, другими присяжными повѣренными, обвинялъ ихъ въ некрасивомъ веденіи увѣчныхъ дѣлъ и требовалъ суда надъ ними. Часто высказывался по поводу того, что они берутся за темныя, нехорошія дѣла, накладывая пятно и подрывая этимъ довѣріе общества ко всему институту присяжныхъ повѣренныхъ.

Относительно Луженовскаго въ Тамбовѣ составилось опредѣленное мнѣніе и репутація, какъ о честномъ и либеральномъ человѣкѣ, къ которому направлялось множество крестьянскихъ и рабочихъ дѣлъ.

Ему крестьяне вѣрили, охотно шли къ нему, зная, что онъ за нихъ, крестьянъ, заступится не изъ-за гонорара, не за вознагражденіе за свои труды, а для постановленія истины и справедливости, въ силу хорошихъ, честныхъ свойствъ своей души и запросовъ совѣсти.

Однажды по одному изъ такихъ дѣлъ онъ пришелъ за справкой въ канцелярію государственныхъ имуществъ относительно лѣса, и когда справка оказалась неисполненной, задержанной по какому-то пустяку изъ-за канцелярской волокиты, онъ пришелъ въ сильное волненіе и сказалъ: «Да у васъ у всѣхъ крестьянскія дѣла—послѣднія; какъ только хватаетъ у крестьянъ терпѣнія ждать. Я понимаю ихъ, если они пойдутъ на васъ, я самъ впереди ихъ понесу «кровавое знамя»...

Черезъ нѣсколько дней послѣ такого сильнаго заключенія, сказаннаго въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, онъ предложилъ въ собраніи членовъ Тамбовскаго клуба послать отъ лица всего клуба телеграмму съ глубокой надеждой на несокрушимость самодержавной власти, съ выраженіемъ любви и преданности и т. д., и сказалъ: «Кто не согласенъ, — прошу встать».

Это было во время «весны» Святополкъ-Мирскаго.

Этотъ вопросъ былъ дипломатично снятъ членами клуба съ обсужденія въ виду того, что онъ не былъ помѣченъ въ повѣсткѣ и что для его обсужденія не находилось въ засѣданіи достаточнаго количества членовъ. Тѣмъ не менѣе, Луженовскій послалъ таковую телеграмму отъ лица собранія за своею подписью.

Когда это узналось, было созвано новое собраніе, вопросъ о телеграммѣ былъ совершенно проваленъ, но депеша Луженовскаго была уже послана, и отвѣтная телеграмма на его имя «съ благодарностью» получена.

Послѣ телеграммы къ нему пріѣхалъ съ визитомъ сначала архіерей, затѣмъ губернаторъ и съ этихъ дней начала расцвѣтать слава и развиваться блестящая карьера Луженовскаго на новомъ его поприщѣ.

Когда отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ посылали петицію министру юстиціи Муравьеву съ ходатайствомъ вернуть судебные уставы 1864 года и собирали подписи, Луженовскій подписался послѣднимъ, сдѣлавъ слѣдующую оговорку: «Судебные уставы были отобраны правильно у русскаго общества, неумѣвшаго ими пользоваться на точномъ основаніи статей... Даръ отбирается, если одаренный оказывается неблагодарнымъ». Послѣ этого совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ хотѣлъ исключить его изъ своей корпораціи, но онъ предупредилъ совѣтъ и вышелъ самъ, не дожидаясь офиціальнаго постановленія.

Вскорѣ администрація назначила его совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ славу усердствующаго

цензора «Тамбовскаго Голоса», вычеркивающаго цѣлые номера газетъ.

Потомъ Луженовскій занялся усиленно организаціей черной сотни, для чего къ его услугамъ былъ предоставленъ губернскій органъ «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости». Тамъ онъ помѣщалъ статьи, удивительныя по своему цинизму, открытому порицанію всего того, чему онъ прежде вѣрилъ, поклонялся. На страницахъ этой газеты, бесѣдуя со вновь организованной бандой — черной сотней, которой онъ считается родоначальникомъ и патріархомъ,— Луженовскій торопливо сжигалъ свои корабли, сжигалъ безъ остатка, съ озлобленіемъ, подкидывая горючіе матеріалы, чтобы ускорить этотъ процессъ.

И, дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ былъ отмѣченъ высшимъ начальствомъ, какъ человѣкъ, вполнѣ преданный бюрократизму, готовый раздѣлить и участвовать во всѣхъ дѣяніяхъ его, какъ человѣкъ, достаточно убившій въ себѣ живую душу.

Правительство назначило его съ отрядомъ солдатъ усмирить крестьянъ и подавить аграрные безпорядки.

Здѣсь онъ развернулся во-всю, далъ выходъ всѣмъ своимъ жестокимъ инстинктамъ; не было границъ его безпредѣльной жаждѣ мучить, наносить страданья. Характерны слова Аврамова, обращенныя къ Спиридоновой во время пытокъ надъ ней: «У насъ цѣлыя села коровами ревѣли». — Дѣйствительно, ревѣли коровами, но въ то же время и проклинали своего палача, взывая къ отмщенію.

Крестьяне на сходахъ сговаривались, что если бы нашлась такая душа, которая бы избавила всю округу отъ этого звѣря, то они заранѣе берутся замолить вину передъ Господомъ Богомъ за содѣянный грѣхъ, принявъ на себя отвѣтственность за него, за эту пролитую кровь.

Не та душа будетъ отвѣчать передъ Господомъ, а всѣ они, крестьяне, всѣ измученные, изстрадавшіеся, судимые и засѣченные имъ...

Вотъ кто дастъ отвѣтъ передъ Богомъ.

Когда крестьяне селенія «Пески», находившагося недалеко отъ Борисоглѣбска, узнали, что недавній укротитель ихъ — Луженовскій кѣмъ-то убитъ, они послали въ городъ Борисоглѣбскъ трехъ крестьянъ, чтобы они точно узнали имя того человѣка, избавившаго ихъ отъ жестокаго мучителя, одно упоминаніе о которомъ вызывало кошмаръ среди населенія.

Имъ необходимо было узнать имя избавителя, чтобы поминать его въ церкви, при чемъ, если то лицо живо — то за здравіе, если же умерло — то за упокой души.

Теперь тамъ имя «Марія» занесено въ поминаніе, и все селеніе знаетъ и возноситъ свои горячія мольбы передъ Богомъ, когда священникъ произноситъ «о здравіи болящей Маріи».

Въ городѣ Борисоглѣбскѣ обыватели очень интересовались, сколькими пулями и куда былъ раненъ Луженовскій. Они настолько хотѣли его смерти, что когда узнали, что Луженовскій не убитъ, а только раненъ, то ходили спеціально къ доктору, чтобъ узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли Луженовскій останется живъ, возможно ли получить выздоровленіе послѣ двухъ пуль, попавшихъ въ животъ.

Когда получался отрицательный отвѣтъ, радовались и успокоивались.

Самъ Луженовскій — помѣщикъ Тамбовской губерніи, имѣнія Токаревки; среднихъ лѣтъ—32—35.

По своей внѣшности онъ былъ до смѣшного отвратителенъ: огромнаго роста, широкоплечій и непомѣрно толстый, настолько, что казалось, у него нѣтъ ни мускуловъ ни костей, а одинъ только жиръ.

Брюнетъ, курчавый, безъ бороды, съ небольшими усами. Лицо большое, опухшее, мягкое, желтое; большой мясистый носъ, глаза на выкатѣ. Толстыя губы были раскрыты, точно не было силъ закрыть ихъ; вѣки тяжелыя, опухшія, какъ тряпки повисшія надъ глазами.

Луженовскій—типическій для нынѣшняго времени горой-палачъ. Мы указали его быстрый, но правильный переходъ отъ порядочнаго человѣка къ позорному холопу реакціоннаго правительства.

Разница въ положеніи палачей между проведенными двумя параллелями только одна: палачей низшаго ранга всѣ ненавидятъ, открыто позорятъ, кричатъ имъ въ лицо «палачъ»; палачей же высшаго ранга окружаютъ почестями, вниманіемъ и благодарностью, какъ охранителей порядка и справедливости, защищающихъ лицъ, власть имущихъ, цѣлость ихъ награбленныхъ богатствъ, ихъ позорныя кровавыя дѣла, ихъ сытость.

Поэтому воздухъ не оглашается, какъ въ первомъ случаѣ, свистками и заслуженными кличками, а лишь въ глубинѣ сердецъ честныхъ гражданъ имена ихъ записываются, какъ въ скрижали исторіи, на вѣчное проклятіе и позоръ.

Канунъ сочельника.

Черный сводъ неба ярко усѣянъ мерцающими звѣздами. Темная холодная ночь опустилась на землю. Въ воздухѣ чувствуется глубокая прозрачность и чистота. Малѣйшій звукъ или шорохъ ясно отражаются въ немъ, и гулко отдаются шаги часовыхъ за стѣною, гдѣ сидятъ заключенные тамбовской тюрьмы... Снѣгъ хруститъ подъ ихъ мѣрными тяжелыми шагами на небольшой площадкѣ двора съ каменными стѣнами, съ каменнымъ заборомъ... Въ эту прекрасную темную ночь дышится легко, полной грудью.

Глядя изъ маленькаго окна подъ самымъ потолкомъ одиночной камеры на черное небо съ милліардами блестящихъ, яркихъ звѣздъ, въ душѣ узника воскресаетъ, цѣлый рой милыхъ, дорогихъ воспоминаній...

Грезится воля... семья, близкіе, родные люди... Вспоминаются всѣ тѣ, кто свободно гуляетъ на волѣ, кто смотритъ

на небо не черезъ желѣзную рѣшетку, а открыто; всѣ тѣ, кто живетъ тамъ, на свободѣ, за тюремною стѣною и готовится встрѣтить великій праздникъ Рождества Христова.

Въ эти минуты тихой предрождественской ночи человѣкъ испытываетъ приподнятое настроеніе; въ тюрьмѣ оно принимаетъ особенно острую форму: развивается неопредѣленная тоска, глубокія думы, обращеніе къ прошлому...

Хочется безъ помѣхи отвѣтить на свои внутренніе запросы, на самыя сокровенныя мысли. Это настроеніе у политическихъ тамбовской тюрьмы было рѣзко нарушено еще съ утра.

Они знали, что раннимъ утромъ были увезены изъ тюрьмы подъ чрезвычайной охраной два ихъ товарища—Катинъ и Кузнецовъ для присутствія на торжественномъ засѣданіи военнаго трибунала. Для всѣхъ понятно было, что этотъ трибуналъ, собранный на скорую руку изъ офицеровъ мѣстнаго баталіона, долженъ сыграть гнусную роль палачей съ заранѣе предписаннымъ рѣшеніемъ отъ высшихъ властей—приговорить двухъ лицъ къ смертной казни за убійство вице-губернатора Богдановича.

Никто не сомнѣвался, что приговоръ судей-палачей будетъ жестокій, безапелляціонный и скорый.

Апеллировать къ ихъ совѣсти было бы равносильнымъ апелляціи къ палачу въ тотъ моментъ, когда онъ затягиваетъ пеньковую петлю на шеѣ несчастнаго.

Рѣшеніе этого военнаго трибунала должно быть скорое, чтобъ не дать времени ни одуматься ни проявить колебанія малодушнымъ членамъ. Чѣмъ гнуснѣе предстоитъ кровавое дѣло, тѣмъ скорѣе убійца долженъ довести его до желаннаго конца. Всякое промедленіе опасно.

Когда Катина и Кузнецова утромъ выводили изъ «секретки» подъ вооруженнымъ конвоемъ и они проходили по узкому проходу тюремнаго двора мимо камеръ своихъ товарищей—политическихъ заключенныхъ, тѣ повскакали на окна, привѣтствовали борцовъ-мучениковъ радостными криками, пропѣли имъ по-

хоронный маршъ... Этой пѣснѣ вторила буря, и вѣтеръ съ неимовѣрной силой крутилъ и злился и обдавалъ снѣжной пылью разгоряченныя лица товарищей, высунувшихся въ открытыя форточки.

Эта расходившаяся непогода вторила настроенію; какъ будто злыми порывами, вихремъ, вздымая снѣгъ, она хотѣла выразить свой протестъ противъ судейской жестокости.

Вѣдь одинъ изъ тѣхъ, кого вели на засѣданіе трибунала, былъ совершенно не виновенъ. Всѣ улики сводились противъ него только къ тому, что онъ побѣжалъ послѣ того, какъ Катинъ выстрѣлилъ въ Богдановича, и при обыскѣ у него нашли револьверъ. Развѣ это доказательство виновности? А вѣдь судъ его присудилъ къ смерти!

Это понимали всѣ... Всѣ были увѣрены...

Въ 10 часовъ утра Катина и Кузнецова, окруженныхъ плотнымъ кольцомъ изъ казаковъ, промчали по улицамъ Тамбова къ зданію окружного суда. Эта кавалькада мчалась съ такой скоростью, какъ будто соперничала съ быстротою вѣтра, залѣплявшаго снѣгомъ глаза прохожихъ и мчавшихся всадниковъ.

Небо покрылось черными свинцовыми тучами, не пропускавшими солнца. Настроеніе было мрачное и тяжелое, какъ и въ самомъ залѣ суда, гдѣ должна была разыграться наглая игра въ справедливость, законность, въ то время, когда смертный приговоръ былъ уже заранѣе предрѣшенъ судьями.

Когда судъ начался и офицера-судьи заняли свои мѣста за краснымъ столомъ съ торжественными равнодушными лицами, явился на засѣданіе только что пріѣхавшій изъ столицы Кальмоновичъ, защитникъ невиновнаго Кузнецова. Поздоровавшись со своимъ кліэнтомъ, котораго онъ впервые увидалъ здѣсь, на судѣ, Кальмоновичъ занялъ свое мѣсто и приступилъ къ дѣлу.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ онъ былъ вызванъ кѣмъ-то изъ залы суда. Черезъ нѣсколько минутъ Кальмоновичъ возвратился и заявилъ военному суду, что сейчасъ его вызы-

валъ жандармскій офицеръ, который объявилъ ему, что пріѣхалъ его арестовать. Кальмоновичъ просилъ судъ не допускать этого, такъ какъ подсудимый Кузнецовъ останется безъ защитника; объяснялъ суду, что этотъ арестъ жандармы могутъ произвести позднѣе, послѣ суда, такъ какъ онъ обѣщаетъ не скрываться, не уклоняться отъ ареста.

Судъ сдѣлалъ перерывъ и ушелъ въ совѣщательную комнату.

Возвратившись и открывъ вновь засѣданіе, судъ вызвалъ въ залъ пріѣхавшаго за Кальмоновичемъ жандармскаго офицера и спросилъ его, имѣетъ ли онъ секретное предписаніе генералъ-губернатора Клавера объ арестѣ.

Послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

Заявленіе это занесли въ протоколъ, и судъ попросилъ защитника Кальмоновича покинуть залъ суда.

Возмутившись такимъ грубымъ нарушеніемъ правъ защитника на судѣ, возможностью вмѣшиваться въ дѣло защиты полицейскимъ чинамъ, Кальмоновичъ горячо отстаивалъ свои права, убѣждалъ судъ или отложить этотъ арестъ до окончанія разсмотра дѣла, или отложить засѣданіе суда, пока другой присяжный повѣренный не будетъ имѣть возможности принять на себя защиту.

Говорилъ сильно, убѣдительно...

Просилъ занести въ протоколъ суда отвѣтъ Кузнецова на заданный ему вопросъ—считаетъ ли онъ возможнымъ судопроизводство безъ защитника, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, указывалъ, что этимъ нарушаются основные принципы суда, его справедливость, уничтожается къ нему довѣріе общества.

Всѣ его слова были тщетны.

Его вывели изъ зала, посадили на лошадь чиновника особыхъ порученій Болдырева и, окруженнаго конвоемъ казаковъ, быстро умчали въ тюрьму.

За то, что добрый, хорошій человѣкъ хотѣлъ честно исполнить свой долгъ,—защищать невиновнаго человѣка предъ военнымъ

трибуналомъ, вырвать его изъ рукъ палачей, спасти ему жизнь, его самаго, какъ преступника, безъ объясненія причинъ, безъ всякаго повода посадили въ острогъ, въ одиночную камеру.

Безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ чужомъ далекомъ городѣ, ему пришлось встрѣчать рождественскіе праздники въ тюрьмѣ, за одну лишь попытку своимъ горячимъ честнымъ словомъ открыть преступнымъ судьямъ глаза, что тотъ, котораго они заранѣе предрѣшили по указанію властей казнить, не можетъ быть казненъ,—онъ не виновенъ...

Если же все-таки его казнятъ, то онъ имъ ясно, безошибочно докажетъ, что они—не судьи, а убійцы, что они — не честные люди, руководящіеся велѣніями своей неподкупной совѣсти, въ тогу которыхъ они нарядились.

И вотъ правительство испугалось этого и рѣшило смѣльчака спрятать, убрать подальше, чтобы голосъ его, какъ изъ гроба, не могъ быть никѣмъ услышанъ.

Подсудимаго Кузнецова тоже увели изъ зала суда, но потомъ черезъ нѣсколько времени вернули.

На судѣ Катинъ показалъ, что онъ убилъ Богдановича, онъ одинъ и больше никто... Кузнецовъ не виновенъ и никакого участія не принималъ.

Кузнецовъ показалъ, что онъ не убивалъ Богдановича, не принималъ участія, находился въ толпѣ совершенно случайно.

Но для этихъ судей всѣ доводы были неубѣдительны... Имъ нужно было только скорѣе довести свою роль до конца. Имъ нужно было разыграть эту гнусную комедію въ справедливость, въ защиту законности и права.

Въ воздухѣ уже чувствовалась смерть. Настроеніе на этомъ судбищѣ было кошмарное, тяжелое.

Невиновность Кузнецова чувствовалась всѣми, она доказана, неоспорима; защитникъ его увезенъ изъ зала въ тюрьму.

Смерть этого несчастнаго, невиновнаго человѣка, какъ призракъ бродила въ этомъ залѣ между креслами суровыхъ инквизиторовъ и торопила ихъ скорѣе прійти къ желанному концу.

Состояніе присутствующихъ было ужасное... Не хотѣлось вѣрить, чтобъ это былъ дѣйствительный судъ, переживаемый нынѣ, въ цивилизованной странѣ. Это даже не нашъ старинный Шемякинъ судъ, нѣтъ... Это — судъ средневѣковый; сколокъ съ испанской инквизиціи въ старыя времена. Та же тяжелая атмосфера, удручающая жестокость, несправедливость, жажда крови...

Одно лицо, присутствовавшее на этомъ трибуналѣ, разсказывало, что болѣе тяжелаго, страшнаго въ жизни ему не приходилось наблюдать; никакія картины, рисовавшіяся въ его воображеніи, не могли набросать ему такой суровой дѣйствительности, ни чтеніе книгъ ни разсказы не дѣйствовали на него такъ удручающе, какъ эта современная картинка суда равнаго для всѣхъ, справедливаго и скораго.

Всѣ знали, что во время судопроизводства губернаторъ Лауницъ сообщилъ прокурору, чтобъ онъ позаботился о приготовленіяхъ къ казни.

Къ чему же этотъ судъ, когда съ утра готовятся для двухъ лицъ столбы, вкапываются въ ямы, слѣдуютъ распоряженія...

Кого хочетъ этимъ обманывать правительство? Все равно преступленіе скрыть нельзя, оно будетъ взывать къ народу и потребуетъ возмездія... И оно скоро явится!..

Послѣ продолжительнаго совѣщанія судьи вынесли приговоръ: смертная казнь обоимъ, и тутъ же объявили имъ, что права кассаціи они не имѣютъ и что казнь будетъ немедленно приведена въ исполненіе.

Дѣйствительно, съ утра въ тюрьмѣ шли приготовленія къ казни.

Мимо оконъ политическихъ заключенныхъ сначала пронесли два деревянныхъ столба, потомъ прошло нѣсколько человѣкъ съ кирками, ломами... потомъ пронесли два деревянныхъ, некрашен-

ныхъ гроба. Въ этомъ узкомъ проходѣ было замѣтное оживленіе, сновали люди взадъ, впередъ, суетились...

Съ тревогой, съ тяжелымъ чувствомъ ожиданія товарищи слѣдили за развитіемъ ужасной картины приготовленія къ казни.

Черезъ открытыя форточки они ясно услышали звонкіе удары желѣза о мерзлую заледянѣвшую землю. Слышны имъ были сухіе, гулкіе звуки разворачиваемой земли... То вкапывали въ землю столбы, къ которымъ будутъ привязаны ихъ дорогіе товарищи, отдавшіе свою жизнь за счастье родины.

Слышались разговоры, отдѣльныя короткія распоряженія, отдаваемыя начальникомъ тюрьмы, замѣчанія, хохотъ...

Долетали до ихъ ушей циничныя шутки тюремщиковъ.

Въ срединѣ дня пріѣхалъ главный руководитель казни, главный тамбовскій палачъ реакціоннаго правительства — Луженовскій. Онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ приготовленія, сдѣлалъ кой-какія указанія, дополненія, спросилъ у начальника тюрьмы, отыскалъ ли онъ среди содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ палача для повѣшенія и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сердито насупился.

Проходя мимо оконъ политическихъ заключенныхъ и увидѣвъ въ окнахъ встревоженныя лица, приказалъ начальнику тюрьмы, когда прибудетъ въ тюрьму военный караулъ для казни, поставить противъ каждаго окна часового, съ наведеннымъ ружьемъ. Въ случаѣ какого-либо демонстративнаго протеста съ ихъ стороны приказалъ стрѣлять въ эти окна.

Отдавъ всѣ распоряженія самъ, онъ уѣхалъ къ воинскому начальнику для вызова изъ мѣстныхъ военныхъ командъ добровольцевъ для разстрѣла. Не даромъ насупился Луженовскій, получивъ отвѣтъ отъ начальника тюрьмы, что не находится палачей среди арестантовъ тамбовской тюрьмы. Каторжанамъ предлагали по 100 руб. за голову, но они дали начальству такой отвѣтъ: «Вотъ васъ мы даромъ повѣсимъ на собственныхъ кандалахъ и ничего не возьмемъ, а ихъ не хотимъ вѣшать».

Что дѣлать, если среди солдатъ также не найдется ни одного добровольца-палача, какъ быть тогда?

Немыслимо имѣть вопросъ заставить Лужановскаго непріятно нахмурить брови.

Остается тогда использовать ему, какъ усердному служакѣ, эту роль и самому затянуть петлю...

Правда, работа грязная, но... другого выхода нѣтъ!

Поиски его оказались успѣшными, и среди солдатъ нашелся добровольецъ, и даже много, больше чѣмъ нужно.

Въ 8 часовъ вечера заключенныя видѣли, какъ мимо ихъ тюрьмы окнами съ быстротой пронеслись казаки, съ рѣзкимъ гикамъ, какъ дикая орда, среди облака снѣга. Это они везли Катюшу и Кузнецова изъ суда для приведенія надъ ними въ исполненіе приговора. Ихъ посадили вновь въ «секретку».

Нужно было торопиться съ казнью: скоро наступятъ сочельники, а въ этотъ великій день даже у грѣшныхъ преступныхъ людей и то есть желаніе отдохнуть отъ крови, отъ своихъ злыхъ дѣяній.

На дворѣ было крайне шумно, казаки громко хохотали, если оживленныя бесѣды; всѣ суетились, къ чему-то готовились, точно къ праздникамъ, чему-то торжественному.

Окна «секретки», въ которой находились Катюша и Кузнецовъ, выходили на любое мѣсто, гдѣ были вкопаны въ землю два столба. Изъ оконъ они смотрѣли на всю эту оживленную толпу, на ихъ старательную работу.

Вотъ притащили мимо ихъ нѣсколько колодъ березовъ и бросили ихъ у подножія столбовъ.

Немедленно стали два простыхъ сосновыхъ гроба.

Рукотворства казаковъ, цинизмъ ихъ, сопутствующій обстоятельства предстоящей казни, довели до тупой несчастныхъ, приговоренныхъ къ смерти.

Приготовленія всѣ кончились... но почему-то ихъ не выводятъ, ждутъ чего-то.

Ждутъ начальства!.. Ждутъ палачей!..

Первымъ пріѣхалъ Луженовскій. Онъ подошелъ къ столбамъ, потолкалъ ихъ: убѣдился, что они вкопаны въ землю крѣпко, основательно, сказалъ: «Хороши столбы, но лучше было бы, если бъ на нихъ была перекладина. Жаль палача не нашлось, а то бы совсѣмъ хорошо было!»

Затѣмъ появились добровольцы-солдаты и нѣсколько представителей отъ черной сотни, получившихъ отъ губернатора билетъ на входъ для присутствія на мѣстѣ казни.

Буря утихла. Прекрасная ночь съ блестящими яркими звѣздами окутывала эту зловѣщую картину казни. Морозъ крѣпчалъ.

Вскорѣ собрались всѣ власти, и Катина и Кузнецова вывели изъ «секретки». Они шли безъ шапокъ, въ верхней одеждѣ; ихъ окружали четыре тюремщика съ факелами, дальше шли казаки; вдоль стѣны двора были разставлены часовые...

Наступила тишина.

Они приблизились къ столбамъ, ихъ привязали...

Подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ.

Они отказались, пославъ его къ тѣмъ, кто осудилъ и кто прольетъ ихъ кровь...

Имъ прочли смертный приговоръ... Они выслушали его твердо, молча.

Раздалась команда: «Ружья на плечо!..»

Прошла длинная пауза, затѣмъ: «пли»... второй залпъ... и все смолкло...

Въ морозномъ воздухѣ съ сухимъ трескомъ прострекотали пули. Звукъ растаялъ въ черномъ эѳирѣ ночи... И спокойныя, прекрасныя звѣзды все такъ же весело мигали и ярко свѣтили на землю, какъ будто не видали человѣческой жестокости, — пролитой крови.

На другое утро хмурый и пасмурный солдатъ угрюмо вынималъ пули, засѣвшія въ каменной стѣнѣ. Ихъ было много и сидѣли онѣ глубоко и часто.

***

По осмотрѣ врача, приглашеннаго констатировать смерть казненныхъ, оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ.

Присутствовавшія власти забезпокоились и готовы были подвергнуть умирающаго новому разстрѣлу, но врачъ на заданный ему вопросъ заявилъ категорически, что несчастный скоро умретъ самъ, такъ какъ раны смертельны.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени смерть прекратила его ужасныя мученія.

***

Наступила широкая масленица...

Но невесело въ этомъ году встрѣчаютъ и проводятъ на Руси любимые народные праздники. Всюду льется кровь, слышатся предсмертные стоны, со всѣхъ сторонъ несутся вопли засѣченныхъ нагайками, замученныхъ, разоренныхъ людей.

Особенно встревожились въ эти дни жители Верхнеудинска. 13 человѣкъ предстали, по распоряженію генерала Ренненкампфа, предъ военнымъ судомъ.

Что ихъ ждетъ? Какая участь будетъ рѣшена этимъ военнымъ трибуналомъ подъ предсѣдательствомъ командира стрѣлковаго полка Хрусталева и офицеровъ того же полка? Всѣ съ замираніемъ сердца ожидали страшнаго жестокаго приговора.

Суду было предписано окончить къ вечеру того же дня засѣданіе и вынести приговоръ, а вѣдь свидѣтелей нужно допросить болѣе чѣмъ 70 человѣкъ.

Этотъ судъ долженъ былъ вестись на скорую руку, такъ, для проформы только; развѣ можно было дѣйствительно выяснить истинную виновность 13-ти человѣкъ въ теченіе 12-ти часовъ при такой массѣ свидѣтельскихъ показаній?

Конечно, нѣтъ. Этотъ судъ такъ же, какъ и тотъ, который былъ описанъ выше, выполнялъ только свою гнусную роль подъ личиной присвоеннаго уваженія къ себѣ общества, того довѣ-

рія, которое воспиталось за многіе годы въ цивилизованныхъ странахъ.

Защищалъ всѣхъ тринадцать подсудимыхъ одинъ казенный защитникъ, назначенный военнымъ судомъ, — пѣхотный подпоручикъ Ослизловъ. Что могъ онъ одинъ сдѣлать, имѣя такъ много кліэнтовъ, вѣдь не судьба ихъ, а жизнь находилась въ рукахъ защиты. Отъ него, какъ отъ сильнаго, опытнаго защитника, могло зависѣть многое, если бы ему было подъ силу одному вести такое огромное и страшное отвѣтственное дѣло.

Но, очевидно, судъ рѣшилъ, что защита не нужна,—будетъ тормозить только дѣло; но такъ какъ офиціально устранить ее совершенно нельзя, то оставили ее въ такихъ размѣрахъ и поставили ее въ такія условія, въ которыхъ все равно защита не дѣйствительна.

Обвинительный актъ былъ врученъ всѣмъ обвиняемымъ за семь часовъ до начала суда, который былъ составленъ на основаніи жандармскаго дознанія ротмистромъ Плѣшаковымъ.

Какъ видитъ читатель, всѣ данныя такого судопроизводства говорятъ за то, что судьями были приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобы какимъ-нибудь путемъ намѣченныя генераломъ Ренненкампфомъ жертвы не могли избѣжать смерти. Это былъ не судъ, а лишь необходимая для обмана общества и всего народа лицемѣрная игра; это было верховное судилище испанской инквизиціи.

Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній были выслушаны и приняты во вниманіе только тѣ, которыя доказывали или косвеннымъ путемъ подтверждали виновность обвиняемыхъ.

Всѣ же показанія, которыя могли бы уничтожить первыя или показать невѣрность, сбивчивость ихъ и послужить къ оправданію человѣка, къ доказательству его полнѣйшей невиновности, совершенно не выслушивались, прерывались предсѣдателемъ, если защитникъ останавливалъ на нихъ вниманіе судей.

Въ числѣ свидѣтелей находился священникъ Климовичъ, показаніямъ котораго придавалось со стороны обвиненія большое значеніе: но при болѣе внимательномъ отношеніи его показанія могли быть отнесены только къ числу такихъ, которыя не имѣютъ никакой цѣны. Съ этимъ священникомъ произошелъ на судѣ любопытный инцидентъ. Показывая на одного рабочаго (Гордѣева), служащаго въ депо, добрый пастырь называлъ его лѣнтяемъ, бездѣльникомъ, бунтовщикомъ. Судъ спросилъ священника, почему онъ знаетъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и есть ли эта характеристика плодъ его собственныхъ наблюденій.

Батюшка отвѣтилъ, что ему часто приходится бывать въ депо, по нѣскольку разъ въ недѣлю, и потому онъ лично знаетъ всѣхъ рабочихъ.

Тогда изъ группы обвиняемыхъ вышелъ рабочій и спросилъ: «Скажите, батюшка, а кто я такой? — Знаете ли меня?»

Богобоязненный іерей осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, подумалъ и отвѣтилъ: «Какъ же васъ всѣхъ-то узнать! Много народу въ депо»...

«А я, батюшка, и есть тотъ самый Гордѣевъ, про котораго вы сейчасъ такія скверныя слова говорили. И не стыдно вамъ, не видавши человѣка въ глаза, напраслину на него возводить». Но тутъ рѣзко вмѣшался предсѣдатель и прекратилъ этотъ инцидентъ.

Отсюда ясно, дѣйствительно ли нужны были для суда свидѣтели, нужно ли было судьямъ доискиваться истины, или для нихъ было достаточно тѣхъ «агентурныхъ» данныхъ, которыя имъ доставила услужливая жандармская полиція. Сыскъ и шпіонство при современныхъ условіяхъ, очевидно, признается наивѣрнѣйшимъ путемъ для овладѣнія истиной, а потому судъ исключительно основывается на этихъ базахъ.

Засѣдали въ судѣ 5 судей; изъ нихъ одинъ былъ предсѣдателемъ.

Въ залѣ, въ коридорахъ, въ свидѣтельскихъ комнатахъ; у входовъ и вокругъ подсудимыхъ, всюду были разставлены солдаты съ ружьями и штыками. Этотъ видъ войска въ зданіи суда и судей, одѣтыхъ въ военные мундиры, производилъ удручающее впечатлѣніе; жутко становилось за подсудимыхъ, глядя на тупыя, суровыя физіономіи судей, совершенно не знакомыхъ съ кодексомъ судопроизводства и даже въ общемъ смыслѣ мало культурныхъ. Члены этого военнаго трибунала служили какъ бы олицетвореніемъ физической силы, права кулака и оружія. Мысль объ отвѣтственности судьи, а не мысли, во власти котораго казнить и миловать стоящихъ людей, очевидно, никого не смущала предъ нимъ.

Сознавая свою силу, предсѣдатель грубо и рѣзко обращался съ подсудимыми и свидѣтелями. Каждый свидѣтель, въ свою очередь, боялся попасть на скамью подсудимыхъ, разгнѣвавъ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ суровыхъ судей.

Три часа подсудимые стояли предъ судомъ, не получая разрѣшенія сѣсть, и послѣ того, какъ многіе не могли этого больше вынести, вслѣдствіе большой усталости, предсѣдатель разрѣшилъ.

Кто же эти преступники и въ чемъ заключается ихъ вина? За что ихъ судятъ такимъ суровымъ судомъ? За убійство, за грабежъ, за вооруженное нападеніе на мирныхъ гражданъ?

Нѣтъ! ихъ судятъ за «слово»! За то, что они повѣрили манифесту 17 октября, повѣрили въ возвѣщенную имъ «свободу слова» и свободно говорили на митингахъ, собраніяхъ, произносили рѣчи на современныя политическія темы. Наконецъ за то, что участвовали, а нѣкоторые руководили желѣзнодорожной забастовкой.

Вотъ вся ихъ вина!..

Всѣ они желѣзнодорожные служащіе: начальникъ депо инженеръ Медвѣдниковъ, завѣдующій матеріальнымъ складомъ Гольцсобель, машинистъ Малютинскій, рабочій Гордѣевъ, Шульцъ, начальникъ станціи Пашинскій и др.

Къ тремъ часамъ пополудни судъ закончилъ это дѣло. Разбирательство длилось всего 5—5$^1/_2$ часовъ. Точный исполнитель предписаній начальства, судъ, вынесъ слѣдующій приговоръ: для девятерыхъ человѣкъ—смертная казнь чрезъ повѣшеніе и для четырехъ — каторга.

Затѣмъ военная администрація сейчасъ еж распорядилась лицъ, приговоренныхъ къ смерти, отправить въ арестантскій вагонъ, стоявшій на запасномъ пути, а четырехъ счастливцевъ, избѣжавшихъ смерти, подъ конвоемъ препроводить въ тюрьму.

Въ числѣ приговоренныхъ къ повѣшенію находился начальникъ станціи Пашинскій. У него было четверо человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ младшему четыре года. Мать слегла въ постель подъ вліяніемъ всего пережитаго, а дѣтишки, по собственному почину, написали генералу Ренненкампфу письмо, въ которомъ своимъ дѣтскимъ лепетомъ молили суроваго генерала «пожалѣть папу» и не убивать его. Ночью бѣдныя дѣти были потребованы въ вагонъ къ Ренненкампфу, и нужно думать, дѣтское горе было безгранично велико, если смягчилось сердце этого жестокаго человѣка, и онъ замѣнилъ казнь каторгой... Говорятъ, онъ даже приласкалъ самую маленькую дѣвочку, сказавъ, что дѣтокъ очень любитъ.

Кромѣ Пашинскаго, Ренненкампфъ помиловалъ еще троихъ, приговоренныхъ къ смерти.

12 февраля, около 3 часовъ пополудни, т.-е. приблизительно черезъ 36 часовъ, казнь пятерыхъ осужденныхъ была приведена въ исполненіе... Подъ сильнымъ конвоемъ ихъ повели къ лѣсу около вокзала (фамиліи ихъ приведены выше въ спискѣ).

Собралось множество публики, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; съѣхались изъ сосѣднихъ деревень и селъ посмотрѣть на эту публичную казнь. Чтобы лучше было видѣть, многіе залѣзали на деревья, располагались на нижнихъ сучьяхъ. Нужно замѣтить, что послѣ казни на Семеновскомъ плацу въ Петербургѣ въ 81-мъ году больше ни одна казнь не производилась публично:

это было запрещено закономъ. За 25 лѣтъ это впервые казнили людей среди бѣлаго дня, при громадномъ стеченіи народа.

За неимѣніемъ палачей, исполненіе казни было возложено на офицера Верхнеудинскаго полка Галуба, а самое большое вниманіе техникѣ казни удѣлилъ гвардейскій офицеръ изъ штаба Ренненкампфа, Гулевичъ. Онъ завязывалъ петли на веревкахъ, пробовалъ ихъ прочность, давалъ всѣ необходимыя указанія, распоряженія.

Но, несмотря на большіе чины и громкія имена добровольцевъ-палачей, техника казни была отвратительно поставлена.

Не были приготовлены заранѣе необходимыя для повѣшенія скамейки, и осужденнымъ пришлось ждать болѣе часа.

Въ лѣсу было вырыто пять могилъ и поставлено столько же висѣлицъ. Въ ожиданіи приготовленія скамеекъ, осужденные бодро и съ большимъ достоинствомъ держали себя. Они разговаривали другъ съ другомъ, курили папиросы, разсматривали вырытыя для нихъ могилы. Окружавшая толпа хранила гробовое молчаніе. Картина была до ужаса грандіозна. Спокойствіе, равнодушіе къ смерти мучениковъ-героевъ, краткое слово, обращенное завѣдующимъ матеріальнымъ складомъ Гольцсобелемъ къ народу:

«Мы умираемъ за васъ, за вашу свободу. — Вы отомстите имъ!»

Все это наэлектризовывало нервы тысячной толпы... Эти минуты не забудутся никогда въ жизни, передадутся изъ устъ въ уста, перейдутъ отъ родителей къ дѣтямъ.

Въ сердцахъ запечатлѣется навѣки, что казнили не разбойниковъ и грабителей, а лучшихъ людей родины, самыхъ мужественныхъ, сильныхъ и прекрасныхъ.

Первымъ вѣшали рабочаго Гордѣева, но веревка оказалась длинна, и казненный, когда повисъ на ней, коснулся ногами земли. Начались страшные судороги. Со стороны было мучительно смотрѣть на несчастнаго, у котораго ноги при раскачиваніи корпуса цѣпляли землю. Въ толпѣ прошелъ какой-то зловѣщій шо-

потъ. Одинъ солдатикъ не смогъ перенести эту картину человѣческихъ страданій, по собственной иниціативѣ пристрѣлилъ его изъ ружья. Остальные четверо осужденныхъ смотрѣли на жестокую казнь своего товарища и съ поразительнымъ спокойствіемъ ожидали и себѣ такой же участи.

Второго стали вѣшать другимъ способомъ: солдаты подняли его на руки за туловище и просунули его голову въ петлю. Палачъ, стоя на табуретѣ, расправилъ эту петлю на шеѣ, затянулъ ее у затылочной части, а потомъ сразу, по указанью палача, солдаты разжали руки; въ то же время стоявшій на табуретѣ своей рукой прижалъ за плечи повѣшеннаго къ землѣ, такимъ образомъ удалось имъ избѣжать первой ошибки: ноги его не волочились по землѣ, и петля скоро сдѣлала свое дѣло. Послѣ небольшихъ конвульсій онъ скоро затихъ.

Когда вѣшали Гольцсобеля тѣмъ же пріемомъ, онъ самъ давалъ указанія палачу, какъ именно слѣдуетъ наложить петлю, чтобъ скорѣе задушить человѣка, объясняя, почему указываемыя имъ пріемы вѣрнѣе и быстрѣе достигаютъ своей цѣли.

Инженеръ-технологъ Медвѣдниковъ долго мучился въ судорогахъ, очевидно, петля была плохо положена на горловыя связки, здѣсь сказалась неопытность палачей. Его мученія были прекращены только тогда, когда солдатъ выстрѣлилъ ему въ високъ. Тогда конвульсіи прекратились, и трупъ спокойно повисъ на веревкѣ.

Послѣднимъ вѣшали машиниста Малютинскаго; когда его солдаты приподняли и, просунули голову въ петлю и разжали руки по слову палача, то Малютинскій, повисѣвъ нѣсколько секундъ, отъ конвульсій и судорогъ сорвался и грохнулся на землю.

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, вскрикнула: «Нельзя вѣшать! Нельзя!.. Самъ Богъ за него!..» Въ отвѣтъ на этотъ крикъ, по приказу военнаго начальства послѣдовала грозная команда: «Ружья на прицѣлъ! Пли!..» и грянули въ толпу два залпа.

Толпа въ страшной паникѣ разбѣжалась, къ счастью, большинство солдатъ стрѣляло въ воздухъ. Раненыхъ оказалось только трое.

Малютинскаго подняли съ земли... вновь просунули голову въ петлю... и покрѣпче затянули ее.

Больше онъ не срывался!

Безсердечность генерала Ренненкампфа пошла дальше... Онъ приказалъ семьямъ убитыхъ выѣхать за предѣлы Забайкалья въ 24 часа. Послѣ Гольцсобеля остались беременная на 8-мъ мѣсяцѣ жена и семь человѣкъ дѣтей; двухъ мальчиковъ, учившихся въ реальномъ училище, велѣлъ взять изъ училища...

***

Спиридонова была весела, улыбалась и привѣтливо качала головой при встрѣчахъ со своими знакомыми, когда ее везли въ судъ. Былъ одиннадцатый часъ утра; рядомъ съ ней сидѣлъ на извозчикѣ жандармъ, а кругомъ ея верхами гарцовали казаки.

Было хорошее утро, солнце ярко освѣщало пробуждающуюся весеннюю природу, оно своими мягкими, теплыми лучами нѣжно ласкало первые проблески новой жизни, ободряя души, вселяя надежды. На улицахъ было много народа, многіе хотѣли ее видѣть, поклониться ей, послать привѣтствія.

Она была блѣдна, только щеки неестественно горѣли красными пятнами, да темные круги подъ глазами придавали ей что-то воодушевленное, загадочное. Большіе глаза, казалось, смотрѣли откуда-то изъ глубины, изъ черной пропасти и оттуда горѣли прекраснымъ огнемъ. Эти глаза ощущали близость смерти. Она знала, что другого приговора, кромѣ того, который она получила, т.-е. смертной казни, и не могло быть.

Да, кромѣ того, смерть ей будетъ желаннымъ концомъ, выходомъ изъ настоящаго положенія...

Она много принесла уже на алтарь своей родины, она принесла свои муки, страданія. Она отдала ей свою чистоту, цѣломудріе дѣвушки, красоту, молодость.

Теперь же ей вѣчный покой будетъ лучшимъ концомъ, лучшимъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ послѣ ея мукъ. Все равно жить она не сможетъ. Она не переживетъ всего того, что перенесла за это время. Она умретъ счастливо... съ радостью...

Такъ говорили ея умные, выразительные глаза... Такъ говорило ея вдохновенное прекрасное лицо...

Судъ продолжался всего 3—3$^1/_2$ часа.

На судѣ Марія держала себя очень просто, объясненія давала въ живой, образной формѣ, много смѣялась хорошимъ безыскусственнымъ смѣхомъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій на судѣ Спиридоновой и раньше три мѣсяца назадъ на судѣ Катина и Кузнецова, приговоренныхъ также къ смертной казни, разсказывалъ, что на этомъ судѣ онъ вынесъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, бодрое, сильное... Насколько тогда въ воздухѣ чувствовалась смерть, пахло чѣмъ-то тяжелымъ, средневѣковымъ, кошмарнымъ, настолько теперь, благодаря обаятельному впечатлѣнію Маріи, этого не чувствовалось, онъ присутствовалъ какъ бы на митингѣ, гдѣ докладчицей была не приговоренная къ смерти дѣвушка, а одна изъ работницъ освободительнаго движенія.

Когда Марія сидѣла въ тюрьмѣ до суда, она съ громадными трудностями написала свою рѣчь для судебнаго засѣданія; это стоило ей огромнаго труда, такъ какъ надзоръ за ней велся со стороны тюремной администраціи и часовыхъ, поставленныхъ у дверей, самый тщательный, самый невозможный.

Ни одной минуты она не могла быть предоставленной самой себѣ, всюду глазокъ наблюдателя слѣдилъ за ней, за каждымъ ея движеніемъ. Послѣдній мѣсяцъ она ложилась въ кровать не раздѣваясь, такъ какъ не могла разоблачаться на глазахъ любопытствующаго солдата.

Если она заходила за край притолки тюремной двери и часовому ея не было видно черезъ форточку въ дверь, онъ окрикивалъ ее, говорилъ ей, чтобы она не пряталась, звонилъ въ контору къ начальству. Всѣмъ часовымъ было отдано приказаніе,

что если они увидятъ, что она что-либо пишетъ, даже если увидятъ карандашъ въ ея рукѣ, то чтобы немедленно звонили къ начальству. И, дѣйствительно, тюремная стража усердствовала и даже изъ ряда вонъ усердствовала: однажды, сидя на кровати, Марія глубоко о чемъ-то задумалась; глаза устремились впередъ; неясно, неопредѣленно блуждали они по сѣрой, штукатурной тюремной стѣнѣ; въ головѣ проносились мысли, воспоминанія о прошломъ, о волѣ... Въ эту минуту раздался грубый окрикъ часового: «Ей, ты! Куда уставилась-то?.. Перестань смотрѣть».

Марія улыбнулась.

Ей даже нельзя смотрѣть. Такъ почему же Аврамовъ оставилъ ей второй глазъ; если нельзя смотрѣть, то пусть выбилъ бы и этотъ глазъ, какъ выбилъ первый. И все-таки, несмотря на такой надзоръ, на надзоръ только въ смыслѣ шпіонскаго сыска, она пролеживала на полу безъ всякаго участія, безъ всякаго человѣколюбиваго вниманія, захлебываясь въ собственной крови, хлеставшей изъ горла; она падала въ безпамятствѣ на полъ даже въ послѣднее время, когда уже значительно поправилась, въ приступѣ сильнаго кашля и волненія. Полъ окрашивался кровью, и часовой успокоительно рѣшалъ, глядя на это состояніе черезъ форточку, что теперь она не опасна, ничего не напишетъ; въ такомъ положеніи можетъ пребывать сколько угодно, отъ этого никакого худа не выйдетъ ни для тюремщиковъ ни для администраціи.

И вотъ, несмотря на такой полицейскій надзоръ, она написала для суда свою рѣчь, тщательно прятала рукопись во французскую булку, оберегала ее всячески, и каковъ ея былъ ужасъ, когда однажды торжествующая надзирательница открыла мѣсто конспираціи и похитила рѣчь и булку. Послѣ такой утраты Марія захворала, усилилось кровотеченіе, боль въ груди. Ея послѣднія думы, ея мысли, которыя она хотѣла открыто сказать на судѣ, передъ всѣми, у нея похитили незаконно, какъ нѣчто преступное, опасное.

Около трехъ часовъ дня ее также провезли черезъ весь городъ изъ залы суда назадъ въ тюрьму.

Попрежнему по улицамъ гуляли толпы народа. Приговоръ суда—«смертная казнь черезъ повѣшеніе» какъ молнія облетѣлъ весь городъ. Всѣ знали, что теперь ее везутъ уже «приговоренную къ смерти».

Она попрежнему весело смотрѣла своими большими глазами на эту нарядную гуляющую толпу. На лицѣ ея этотъ страшный приговоръ ничѣмъ не отразился. Она ѣхала, какъ будто не было вблизи призрака смерти. Она такъ же улыбалась, такъ же привѣтливо и мило кивала головой своимъ знакомымъ...

И эта готовность къ смерти, такое равнодушное отношеніе къ жизни, въ то время, когда полной грудью вдыхаешь въ себя весенній кислородъ воздуха, когда нѣжные лучи ласкающаго солнца яркими красивыми бликами ложатся на щеки, на лицо, когда кругомъ шумъ, говоръ сытой и веселой толпы, съ ея животной потребностью хвататься за жизнь до послѣдней капли своей крови, до послѣдняго издыханія, — все это производило ужасное, потрясающее впечатлѣніе.

Ея прекрасная, обаятельная личность произвела глубокое впечатлѣніе на судей. Спокойная, плавная рѣчь, излагавшая во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства убійства Луженовскаго, со всѣми мелочами и деталями, искренность изложенія дѣйствовали подкупающимъ образомъ на слушателей на весь персоналъ суда.

Разсказывая о Луженовскомъ, рисуя картину тѣхъ дѣяній палача, отъ которыхъ жутко становилось судьямъ, обрисовывая личность того, кого она убила, въ яркихъ сильныхъ краскахъ, она завоевывала себѣ всеобщую симпатію.

Ея маленькая хорошенькая фигурка съ прекраснымъ одухотвореннымъ лицомъ выдѣлялась на этомъ судбищѣ среди окружавшихъ штыковъ, сѣрыхъ солдатскихъ шинелей и грубыхъ лицъ

судей, какъ свѣтлый лучъ, упавшій въ подземное царство, гдѣ господствуютъ темныя силы, произволъ и анархія.

Ея спокойствіе, веселый задушевный смѣхъ давали присутствовавшимъ внутреннее успокоеніе, что свѣтъ побѣдитъ царство тьмы, озаритъ эти инквизиціонные застѣнки, разрушитъ ихъ.

Подкупающимъ образомъ дѣйствовало на судей сознаніе того ужаса, тѣхъ мукъ, которые пришлось пережить этой хрупкой по внѣшности, но могучей по духу, прекрасной женщинѣ. Ея видъ, вся внѣшность говорили о тѣхъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, которыя она испытала. Протоколъ осмотра на тѣлѣ ея слѣдовъ истязаній, прочитанный на судѣ тюремнымъ врачомъ Финкомъ, уничтожилъ всякія сомнѣнія въ нихъ. Стало страшно и жутко судьямъ. Въ нихъ проснулась совѣсть. Неужели имъ придется добить эту несчастную дѣвушку, повѣсить ее?..

Вѣдь они созваны сюда правительствомъ, какъ вѣрные рабы своего повелителя, чтобы безъ милосердія, безъ колебаній казнить ее. А между тѣмъ рука не подымается. Красота духа, величіе ея образа, трагизмъ пережитаго тронули жестокія, холодныя сердца судей-палачей, и въ душѣ своей они готовы уже были вынести ей мягкій гуманный приговоръ, который подсказывала имъ совѣсть. Но запросы души, колебанія совѣсти были подавлены тотчасъ же въ одну минуту, какъ только поняли они, что сдѣлать этого они не могутъ, что они продались и теперь не свободны руководиться совѣстью. Минута борьбы была тяжелая и трудная. Они искали какого-нибудь выхода и нашли его въ слѣдующемъ: «заслуживаетъ снисхожденія, ходатайствовать о помилованіи»...

Но сколько новыхъ и сильныхъ страданій причинили они этимъ бѣдной, измученной Спиридоновой.

Знаютъ ли они, что должна была она пережить и перечувствовать за эти 16 дней ожиданія казни?

Вѣдь она ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что ее повѣсятъ. Она приготовилась къ смерти, ждала ее минутами,

часами, долгими днями... Она ждала смерти, 16 дней жизнь ея висѣла на волоскѣ; она не могла спокойно ложиться спать, такъ какъ каждую ночь ожидала, что раздадутся шаги въ коридорѣ, отворится дверь, и тюремная стража съ холоднымъ равнодушіемъ скажетъ: «Собирайтесь»... Она знала, что за этимъ предложеніемъ послѣдуетъ смерть.

Всѣ казни большею частью приводятся въ исполненіе по утрамъ, на разсвѣтѣ. При восходѣ солнца обыкновенно заканчивается жизнь приговоренныхъ къ смертной казни. Спиридонова встрѣчала утреннюю зарю съ предположеніемъ, что эта послѣдняя заря пробуждаетъ ее отъ сна.

Каждая минута приносила ей новыя ожиданія, новыя тревоги. Когда раздались шаги въ коридорѣ, топотъ многихъ ногъ, а затѣмъ ключъ завертывался въ замкѣ, она ждала увидѣть палача, и вмѣсто него входили мать и сестра. Онѣ раза два приходили къ ней на свиданіе. Два раза тревога ея, страшныя ожиданія смѣнялись безумной радостью встрѣчи съ своими родными, любимыми людьми.

Сестра каждый разъ убѣждалась, что ея бѣдная, дорогая Маруся таетъ съ каждымъ днемъ. Пытка ожиданія послѣ пытокъ палачей Аврамова и Жданова дѣлала свое страшное дѣло. Держать приговоренную къ смерти 16 дней, въ ожиданіи лишить ее жизни каждую минуту, каждый часъ,—это должно тяжело отразиться на психикѣ человѣка, на его нервахъ. Какъ ни будь сильна и богата натура, какъ ни будь приготовленъ человѣкъ къ смерти, но такое продолжительное, нервное, повышенное состояніе должно измучить его вконецъ, причинить ему такую массу страданій, что эта пытка надъ бѣдной страдалицей должна была окончательно убить ее.

Ее точно хотѣли казнить не при помощи веревки или пули, а пыткой, тонкой, психически точно разсчитанной, отъ которой смерть такъ же неизбѣжна, какъ неизбѣжна отъ веревки. Почему для конфирмаціи приговора понадобилось 16 дней раздумья?

Вѣдь если бы дѣйствительно хотѣли смягчить и не лишать человѣка жизни, то сдѣлали бы это быстро. При работѣ телеграфовъ, телефоновъ потребовалось бы на это не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Лучше было казнить ее, чѣмъ пытать и мучить и безъ того изстрадавшуюся дѣвушку.

Вѣдь теперь она все равно не жилица на этомъ свѣтѣ.

Здоровье ея вконецъ пошатнулось; ея смерть — это вопросъ нѣкотораго небольшого времени по заключенію врача. Она теперь умретъ... безъ веревки на шеѣ.

При свиданіи съ сестрой 20 марта, т.-е. на десятый день послѣ приговора, Маруся жаловалась, что силы ея падаютъ, куда-то уходятъ, она слабѣетъ каждый день... Аппетита нѣтъ, постоянныя сильныя лихорадки, глаза горятъ больнымъ неестественнымъ блескомъ, подъ глазами большіе черные круги. Безсонныя ночи, ежеминутныя ожиданія смерти издергали ея нервы до того, что кровь у нея изъ горла идетъ въ большомъ количествѣ, мокрота постоянно окрашена кровью; каждый день она смачиваетъ кровью не менѣе четырехъ платковъ; иногда она идетъ такъ сильно, что докторъ не можетъ остановить ее.

По словамъ доктора Финка, который ее теперь лѣчитъ, въ тюрьмѣ у нея развился туберкулезъ легкихъ въ жестокой формѣ, и она таетъ съ каждымъ днемъ на его глазахъ.

По его мнѣнію, она не въ состояніи будетъ перенести этапнаго пути въ каторгу и умретъ въ дорогѣ.

На судѣ ее защищали казачій есаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Тесленко.

Филимоновъ сказалъ характерную рѣчь для представителя той военной касты, которая въ дни переживаемой въ Россіи революціи играетъ гнусную и позорную роль насильниковъ и палачей.

Въ защиту Спиридоновой на судѣ первая рѣчь была произнесена защитникомъ по назначенію, кандидатомъ на военно-судебныя должности есауломъ А. П. Филимоновымъ.

Онъ сказалъ:

«Защитительное слово въ пользу Маріи Спиридоновой будетъ сказано моимъ болѣе опытнымъ и талантливымъ товарищемъ. Я же пользуюсь правомъ защитника, чтобы высказать одно соображеніе, одну мысль, которая всецѣло владѣетъ мной съ момента начала настоящаго засѣданія.

«Я впервые присутствую на судебномъ процессѣ подобнаго рода, не могу отрѣшиться отъ необычайности обстановки, въ которой совершается этотъ процессъ. Съ одной стороны я вижу блестящую коллегію строевыхъ офицеровъ, экстренно собравшуюся для сужденія по законамъ чрезвычайнаго времени политической преступницы. Съ другой стороны я вижу слабую, измученную, едва достигшую совершеннолѣтія молодую дѣвушку, почти дѣвочку, которой предъявили обвиненіе по статьѣ закона, знающей только одно наказаніе — лишеніе жизни. Съ одной стороны я слышалъ обвинительный актъ, безстрастный и суровый, требующій обсужденія и наказанія. Съ другой стороны у меня въ ушахъ стоитъ горячая, искренняя исторія — исповѣдь этой удивительной дѣвушки съ горячей головой и пылкимъ воображеніемъ, увлекшейся сладкой, но несбыточной мечтой, о счастіи дорогого намъ всѣмъ народа. Мы всѣ съ содроганіемъ и ужасомъ услышали отъ нея разсказъ о безбожныхъ и безчеловѣчныхъ истязаніяхъ ея во время ареста, подтвержденныхъ актомъ медицинскаго осмотра. Мы слышали, наконецъ, заключеніе врача-эксперта, удостовѣрившаго, что молодой организмъ охваченъ неизлѣчимымъ недугомъ, который особенно опасенъ для нѣжнаго возраста подсудимой.

«Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опу-

скается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія.

«Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него дастъ вамъ и законъ.

«Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ».

***

Какъ искра облетѣла всю Россію телеграмма изъ Севастополя, напечатанная въ «Руси»: «Если Петербургъ не сдѣлаетъ не медленнаго распоряженія, то приговоръ о Шмидтѣ завтра, въ субботу, будетъ приведенъ въ исполненіе. Дѣлаются грозныя приготовленія».

Эта телеграмма поразила всѣхъ...

Не хотѣлось вѣрить этому; всѣмъ казалось, что если правительство не казнило его сразу, сейчасъ же послѣ приговора суда, то не казнитъ его вовсе, помилуетъ. Каждый гражданинъ лелѣялъ въ душѣ своей глубокую увѣренность, что кровь не прольется, что правительство не проявитъ себя столь жестокимъ. Желаніе народа видѣть своего героя живымъ было настолько сильно, что особенно хотѣлось вѣрить и вѣрилось, что правительство не пойдетъ противъ него, будетъ считаться съ мнѣніемъ и желаніемъ всего народа.

Протестъ всего общества настолько ярко былъ выраженъ въ прессѣ, такія горячія пожеланія высказывались всѣми лицами

всѣхъ слоевъ, что послѣ этого каждому думалось, что лейтенантъ Шмидтъ и матросы должны остаться живы.

Но 6 марта грустная дѣйствительность показала другое.

Въ 4 часа утра, когда первые лучи восходящаго солнца озолотили широкій просторъ волнующагося моря и свѣтлыми переливами отразились въ свободныхъ шумныхъ волнахъ, была совершена казнь...

Шмидта и трехъ матросовъ казнили...

Эта казнь подѣйствовала на всѣхъ такъ тяжело, такъ удручающе, что изъ сердецъ ихъ вырвался стонъ проклятія.

Только силою оружія, силою штыковъ могла совершиться казнь, какъ издѣвательство надъ чувствами народа. Не «право» высшихъ руководящихъ сферъ, какъ органовъ, стоявшихъ во главѣ народа, а только физическая сила дала возможность бросить вызовъ своему народу и посмѣяться надъ его лучшими стремленіями и желаніями.

Но вѣдь это не есть побѣда правительства. Чего достигло оно, казнивъ Шмидта? Что доказало оно себѣ и другимъ?

Только свою слабость, безсиліе и жестокость!

Развѣ въ этомъ не видна слабость правительства, что, убивъ человѣка, оно тѣмъ самымъ создало въ сердцахъ всего народа память объ убитомъ человѣкѣ, какъ о любимомъ народномъ героѣ.

Оно уничтожило Шмидта, убило его тѣло, его физическую оболочку, но духъ его, образъ живы въ каждомъ человѣкѣ. Правительство не могло этого убить. Оно безсильно при помощи штыковъ убить въ душѣ людей близкій и дорогой имъ обликъ казненнаго. Народъ поставитъ ему, какъ борцу за свободу, дивный памятникъ на пустынномъ островѣ Березань. То, что живетъ въ душѣ людей, будетъ вылито въ видѣ исторической статуи, напоминающей потомкамъ, что сила не въ штыкахъ и въ нагайкахъ, а въ народѣ, въ его творческой силѣ. Это будетъ апоѳеозомъ пораженія правительства и побѣды народа.

Въ этомъ и есть слабость правительства.

Убить при посредствѣ физической силы матерію не трудно, это доступно нашему правительству; но убить духъ или создать себѣ добрую славу, заставить потомство чтить и съ любовью вспоминать себя, это не доступно палачамъ. Для этого не нужно нагаекъ. Въ этомъ правительство безсильно...

Въ 9 часовъ вечера наканунѣ казни въ казематъ, гдѣ содержался Шмидтъ, явился священникъ Бартеневъ; Шмидтъ исповѣдался, былъ сосредоточенъ и кротокъ. Не такъ держали себя со священникомъ остальные приговоренные. Когда онъ сталъ ихъ утѣшать и дѣлалъ ссылки на евангельское ученіе, они оборвали его и просили указать то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ сказано, что человѣку можно лишать жизни другого человѣка. Когда же священникъ не зналъ, что отвѣтить на это, они попросили его оставить ихъ въ покоѣ. Священникъ на это обидѣлся и жаловался на матросовъ Шмидту.

Всю ночь Шмидтъ бодрствовалъ, писалъ письма сестрѣ, сыну и другимъ роднымъ.

Въ 3 часа утра къ нему вошла стража и сообщила, чтобы готовился къ отъѣзду на казнь.

Черезъ потайныя двери приговоренные были сняты на баржу, и ихъ повезли на островъ Березань.

Море было тихо; сквозь густой мракъ ночи пробивались первые блѣдные проблески скораго утренняго разсвѣта, обѣщавшаго ясный теплый день.

Полной грудью вдыхали приговоренные свѣжій морской воздухъ, соленая влага съ легкимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ бодрила ихъ, они были рады видѣть передъ смертью любимую, родную имъ стихію. Ночью на островъ предварительно высадились войска, по взводу отъ минеровъ, пѣхоты и артиллеріи въ полномъ вооруженіи, при 13-ти офицерахъ.

Здѣсь были командиръ и офицеры «Прута», жандармскій ротмистръ, священникъ, четыре готовыхъ гроба, вкопанные столбы, лопаты...

Разстрѣливали ихъ матросы канонерской лодки «Терецъ» въ числѣ 60-ти человѣкъ. Они были выстроены въ 50-ти шагахъ отъ столба, имѣя въ тылѣ 3 взвода войскъ, поставленныхъ на всякій случай.

Шмидтъ быстро направился къ мѣсту казни, гдѣ стояли вкопанные въ землю столбы.

Онъ обратился съ прощаньемъ къ братьямъ-матросамъ, къ солдатамъ, просилъ не забывать лейтенанта Шмидта, проливающаго кровь за любимый народъ, за его свободу и счастье, за родину. — «Такихъ какъ я много, будетъ еще больше!»

Простился съ офицерами, расцѣловался съ командиромъ «Прута» и просилъ не привязывать себя къ столбу и не закрывать лица мѣшкомъ.

Онъ былъ безъ шапки, въ одномъ бѣльѣ. Стоялъ съ открытымъ благороднымъ лицомъ, съ высоко поднятой головой.

Первымъ съ правой стороны стоялъ Шмидтъ, затѣмъ Гладковъ, послѣднимъ Антоненко.

Затѣмъ Шмидтъ со слезами простился и поцѣловался съ дорогими товарищами по несчастью, приговоренными къ смерти.

Раздалась барабанная дробь... Еще минута... Матросы взяли ружья на прицѣлъ... Шмидтъ крикнулъ:

«Прощайте и убивайте!..» Затѣмъ «пли»—и залпъ, второй, третій... Всего было десять залповъ.

Послѣ четвертаго залпа пули перебили веревки, и Антоненко и Частникъ свалились.

Шмидтъ упалъ навзничь.

Гладковъ повисъ на веревкѣ.

Антоненко и Частникъ долго бились въ судорогахъ на землѣ, ихъ прикончили отдѣльными двумя выстрѣлами...

Яркимъ золотомъ свѣтлые лучи восходящаго солнца озарили печальную картину. Тѣла еще были теплы, кровь сочилась...

Пронесся съ моря утренній предразсвѣтный вѣтерокъ, набѣжалъ сердитый валъ и пѣнистыми брызгами окатилъ хмурыя лица палачей, когда они спѣшили сѣсть на судно и уплыть подальше отъ этихъ красныхъ пятенъ крови, отъ страшныхъ призраковъ убитыхъ.

Наступилъ день. Минеры уложили изрѣшеченныя тѣла въ простые гроба, опустили ихъ въ могилы и спѣшно забросали землей.

На этомъ мѣстѣ, политомъ человѣческой кровью, благодарный народъ воздвигнетъ своему любимому герою дивный монументъ, который будетъ говорить потомству о жестокости правителей и о народной любви.

ГЛАВА II.

Казнь безъ суда.

Для полноты картины современныхъ казней нельзя не отмѣтить упрощенныхъ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ отнималась жизнь человѣческая, когда власти рѣшали откинуть всякій стыдъ и страхъ и всю излишнюю ненужную комедію суда.

И тогда судъ упразднялся...

Казнили людей по спискамъ, по указаніямъ шпіоновъ и сыщиковъ, полицейскихъ и черносотенцевъ, казнили безъ суда и слѣдствія, безъ права сказать свое послѣднее слово, безъ возможности знать за минуту смерти, что будутъ убиты, безъ молитвы безъ покаянія, безъ послѣдняго «прости» своимъ дѣтямъ, женамъ, роднымъ.

Набросаю картину кровавыхъ дѣйствій на протяженіи ста слишкомъ верстъ по Моск.-Каз. жел. дорогѣ, которыми правительство отомщало народу за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ свѣту, къ улучшенію своего экономическаго быта.

Цѣлымъ рядомъ ужасныхъ жестокихъ казней безъ суда оно рѣшило оставить въ памяти мѣстнаго населенія неизгладимый слѣдъ кровавой вакханаліи съ безумными жестокостями, упиваясь ими въ своей дикой злобѣ.

И правительство достигло своего...

Это вселило ужасъ, который кровавымъ призракомъ гнался вслѣдъ за уходящимъ поѣздомъ, гдѣ жестокіе мстители праздновали свою кровавую побѣду подъ стоны умирающихъ, избитыхъ, израненныхъ людей; заглушаемые грохотомъ и лязганіемъ несущагося поѣзда и звономъ бокаловъ «веселаго пира».

***

Это происходило днемъ около 3 часовъ.

Совершенно случайно, проѣзжая на лошадяхъ черезъ Люберцы, машинистъ Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о пребываніи солдатъ на станціи. Когда его обыскали то нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили его къ офицеру на станцію.

На допросѣ онъ не говорилъ своей фамиліи.

Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ:

— Вы — машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны.

— Я такъ и думалъ, — хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

По внѣшности онъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго человѣка.

Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

Послѣ исповѣди его вмѣстѣ съ тремя рабочими люберцкаго тормознаго завода повели къ разстрѣлу.

На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна.

Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же какъ я исполнилъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте»...

Раздался залпъ... Рабочіе упали.

Ухтомскій остался недвижимъ со скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

Раздался второй залпъ, и онъ упалъ на снѣгъ... Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову.

***

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи «Голутвино», солдаты стали спрыгивать, не ожидая остановки, на тихомъ ходу съ площадокъ вагоновъ, заняли переѣздъ на Коломенскій заводъ, разсыпались по путямъ станціи, окружили всѣ запасные пути, станцію и близприлегающую дорогу.

Внутри окруженнаго пространства оказалось человѣкъ 300, которые были препровождены на станцію.

На платформѣ было много народа, но сразу всѣ отхлынули внутрь вокзала.

Затѣмъ вышелъ полковникъ Риманъ съ московскими жандармами, которые начали показывать всѣ двери и разсказывать, куда какая ведетъ, такъ что видно было, что они знали уже раньше расположеніе вокзала.

Ко всѣмъ ходамъ и выходамъ станціи были приставлены часовые, главный же выходъ на улицу былъ заколоченъ еще до пріѣзда семеновцевъ.

Дежурнымъ по станціи въ это время находился Тупицынъ. Его задержали въ дежурной комнатѣ, а дежурство сдали Климову. Тупицину не позволили выходить изъ этой комнаты.

На станціи въ это время случайно находился начальникъ станціи Надежинъ.

При обыскѣ у машиниста Варламова нашли револьверъ со сломаннымъ куркомъ, и онъ не хотѣлъ отдавать его солдатамъ, говоря, что этотъ револьверъ стрѣлять не можетъ, что онъ несъ его въ депо для исправленія.

Когда его привели въ дежурную комнату, къ полковнику Риману, Варламовъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ объясниться, ваше высокородіе, я — желѣзнодорожный машинистъ Варламовъ.

Полковникъ прервалъ: «Застрѣлить его», и приказалъ вести его на кухонное крыльцо.

Солдаты направились черезъ залъ III класса, сзади за ними послѣдовалъ Риманъ. Никто не вѣрилъ, что его разстрѣляютъ. Всего меньше вѣрилъ самъ Варламовъ и спокойно прошелъ черезъ толпу, наводнившую залу. Но какой ужасъ овладѣлъ всѣми, когда съ того крыльца явственно донеслись два револьверныхъ выстрѣла.

Сомнѣнья не могло быть.

Риманъ, возвращаясь въ залъ съ револьверомъ въ рукахъ, натолкнулся у буфетнаго прилавка на запасного фельдфебеля 1-ой роты Ильичева, только что возвратившагося изъ Маньчжуріи. Событіе совершилось слишкомъ быстро, внезапно... и трагично.

Одни утверждаютъ, что Ильичевъ не посторонился, другіе, что не отдалъ чести; нѣкоторые говорили, что Риманъ придрался къ его небрежному костюму, и въ отвѣтъ на какія-то слова Ильичева полковникъ крикнулъ:

— Посмѣй только кто слово сказать — разстрѣляю... — и послѣ этого послѣдовали 4 револьверныхъ выстрѣла.

Первая пуля попала ему въ високъ, а двѣ остальныя въ затылокъ, такъ какъ въ это время фельдфебель уже упалъ на полъ ничкомъ.

Раздалась команда: «Руки кверху», и начался обыскъ.

Риманъ съ солдатами всталъ въ коридорѣ, отдѣляющемъ телеграфную комнату отъ чернаго холоднаго выхода. Въ этомъ коридорѣ имѣются только двѣ двери. Дверь направо вела къ выходу на улицу. Черезъ эту дверь проходили всѣ тѣ, кто получалъ свободу.

Дверь налѣво вела въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала несчастныхъ смерть. Никто изъ входящихъ сюда не предполагалъ, что его ждетъ черезъ полчаса. Заключенные тамъ (10—12 человѣкъ) беззаботно разговаривали между собою, шутили. Они предполагали, что ихъ скоро выпустятъ.

Въ этой же комнатѣ были начальникъ станціи Надежинъ и помощникъ его Шелухинъ.

Къ 6 часамъ вечера закончились операціи полковника Римана на вокзалѣ. Никто, кромѣ активныхъ дѣятелей его, не зналъ о случившемся. Всѣ вдовы и сироты были твердо увѣрены до самаго утра, что ихъ мужья, отцы и братья арестованы и что поэтому они и не могли вернуться къ своимъ семьямъ на ночь. Заботливая вдова Дорфъ около 9 часовъ вечера подумала о своемъ мужѣ и остальныхъ гостяхъ, забранныхъ въ ея квартирѣ, погоревала о томъ, что они сидятъ весь день не ѣвши, приготовила имъ поужинать и со своимъ старшимъ сыномъ, мальчуганомъ лѣтъ 12, отослала на станцію ужинъ на 4-хъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени сынъ возвратился и сказалъ, что на станцію никого не пропускаютъ, и ужинъ принесъ назадъ. Съ легкой душой, со спокойнымъ сердцемъ легла въ эту ночь вдова Дорфъ, не зная о перемѣнѣ въ своей семьѣ.

Жена начальника станціи еще дня за три до этого происшествія перебралась въ квартиру ревизора движенія, расположенную во второмъ этажѣ вокзала надъ первымъ классомъ.

Изъ оконъ этой квартиры прекрасно видно то мѣсто, гдѣ разстрѣляли ея мужа и остальныхъ людей. Но, не предполагая о возможности разстрѣла, она не слѣдила за тѣмъ, что дѣлается вокругъ вокзала. Она такъ была увѣрена, что мужъ ея, будучи совершенно невиновнымъ, не могъ подвергнуться такой ужасной случайности.

Надежинъ служилъ на Московско-Казанской жел. дор. 39 лѣтъ; хорошо былъ извѣстенъ начальству какъ добрый и вѣрный служака; въ 30-лѣтній юбилей онъ получилъ отъ желѣзнодорожнаго начальства въ подарокъ золотые часы съ надписью и золотой цѣпочкой; а въ 35-лѣтній юбилей ему прислали золотой жетонъ, по которому онъ получилъ право разъѣзжать безплатно въ I классѣ по дорогамъ общества Моск.-Казан. жел. дор., и, наконецъ, въ январѣ 1905 года ему прислали изъ Петербурга свидѣтельство о дарованіи почетнаго гражданства за его отличную и усердную службу.

На слѣдующее утро казни никто не зналъ, гдѣ находятся арестованные, что съ ними случилось. Рано утромъ вдова Дорфъ послала своего сынишку сбѣгать на станцію и поразспросить солдатъ; они отвѣтили, что ничего не знаютъ, и мальчуганъ ни съ чѣмъ возвратился домой.

Вдова Надежина еще съ вечера посылала нѣсколько разъ на станцію своего старшаго сына-гимназиста провѣдать, гдѣ ея мужъ и что съ нимъ, и каждый разъ онъ приходилъ съ отвѣтомъ: «Ничего не узналъ, солдаты не говорятъ, на станцію не пускаютъ».

Всю ночь семья Надежиныхъ не ложилась спать, ожидая съ часу на часъ, что вотъ-вотъ сейчасъ вернется самъ Надежинъ, и тогда они спокойно уснутъ. Въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее; мертвая тишина на станціи, холодное равнодушіе ча-

совыхъ и гнетущая неизвѣстность невольно настраивали человѣка самымъ мрачнымъ и подавляющимъ образомъ.

Утромъ, когда еще было темно, Надежина послала вновь сына на развѣдки. «Ничего не узналъ», былъ его отвѣтъ. Нѣсколько разъ онъ ходилъ туда и все безрезультатно. Въ это время прибѣжала маленькая дѣвочка вдовы Шелухиной и говоритъ:

— У насъ папы нѣтъ со вчерашняго вечера.

— У насъ тоже нѣтъ,—отвѣтила Надежина.

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ сынъ-гимназистъ и съ возгласомъ «убили, всѣхъ убили» падаетъ на скамью въ передней.

Слово «убили» какъ искра разнеслось по всей мѣстности отъ одного къ другому, изъ жилища въ жилище.

Одни отъ ужаса не могли понять, гдѣ, кого, за что убили. Другіе, наоборотъ, содрогнулись отъ простоты и ясности представленія, что такъ должно случиться: «они» для того и прибыли сюда, чтобы пролить кровь... убить...

Многія вдовы пошли на станцію искать свои трупы, но и тутъ онѣ ошиблись; въ отвѣтъ получили, что всѣ закопаны въ ямѣ. Другія вдовы такъ и не ходили никуда. Въ нѣмомъ изступленіи оставались онѣ дома подъ гнетущей тяжестью рокового вопроса: «за что»?

Одна молодая барышня, Аврамова, разыскивая своего брата, рано утромъ отправилась по запаснымъ путямъ на станцію и, встрѣтивъ ремонтнаго рабочаго, спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ ея братъ?

— А вотъ сейчасъ его провезли на подводѣ вмѣстѣ съ остальными убитыми въ яму закапывать, — отвѣчалъ рабочій.

Она опрометью побѣжала по указанному направленію.

На краю голутвинскаго кладбища на чистомъ снѣгу ясно обрисовывалась яма, большая, глубокая. Въ длину двѣ съ половиной сажени, въ ширину сажень.

Около ямы остановились два воза съ трупами, на каждомъ по 13 человѣкъ. Около воза хлопотали ремонтные рабочіе. Присутствовали здѣсь солдаты, мѣстные жандармы и полицейская власть.

Двое рабочихъ брали трупы за ноги и за голову, подносили къ ямѣ и передавали двумъ другимъ рабочимъ, находившимся на днѣ ямы. Тѣ укладывали ихъ рядомъ, головой къ церкви. Въ каждомъ ряду улеглось по 10 человѣкъ.

Лица ихъ были искажены. Большія муки терпѣли они, прежде чѣмъ смерть пресѣкала ихъ жизнь.

Нѣкоторыя лица были окровавлены, особенно у помощника прис. пов. Тарарыкова.

Трупы въ большинствѣ случаевъ были прямы, за исключеніемъ трехъ, согнутыхъ такъ сильно, что ихъ пришлось положить сверху. Въ числѣ этихъ трехъ оказался старикъ-рабочій Зайцевъ.

Ихъ хоронили въ шубахъ, сверху побросали на нихъ галоши и шапки. Только одинъ трупъ былъ раздѣтъ, въ одной рубашкѣ, которая была вся въ крови.

Долго смотрѣла Аврамова на эту потрясающую картину. Она не могла двинуться, уйти, оторваться отъ этого ужаснаго зрѣлища, отъ этой молчаливой страшной работы — укладыванія рядами еще вчера живыхъ, полныхъ силъ и жизни ея знакомыхъ, ея родныхъ. Она не могла оторваться отъ этого, и когда послѣдній трупъ, Зайцева, былъ опущенъ въ яму, ей кто-то тихо сказалъ: «Идите домой».

Она пошла, ничего не понимая, не оглядываясь назадъ.

Придя домой, она ничего не сказала отцу и матери.

Только къ вечеру ея душевныя муки разразились рыданіями, и тогда она разсказала родителямъ все, что видѣла, пережила и перестрадала въ это ужасное утро.

Священникъ пришелъ служить панихиду, когда могила была уже зарыта.

Вещи, деньги, находившіяся при убитыхъ, никому не были возвращены.

Затѣмъ доблестные воины стали собираться въ дорогу и во вторникъ, т.-е. на третій день, уѣхали назадъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Послали за священникомъ Виноградовымъ, у котораго солдаты того же отряда убили сына. Онъ отказался и не пошелъ.

Не молебенъ надо было служить, а панихиду по убіеннымъ.

Вмѣсто него молебенъ служилъ отецъ Никифоръ, провозгласилъ многолѣтіе Семеновскому полку и въ словѣ, обращенномъ къ молящимся, воздалъ хвалу отряду полка, уничтожившему крамолу и водворившему миръ и спокойствіе.

Они уѣхали, оставивъ небольшую часть солдатъ еще дня на три.

Уѣзжая, поручили мѣстной полиціи искать крамольниковъ, значившихся въ ихъ спискахъ, и убивать ихъ. Въ числѣ такихъ крамольниковъ они указали на студента Николая Сапожкова, Бронислава Старкевича, рабочаго Криворотова и др. Криворотовъ имѣлъ неосторожность послѣ отъѣзда солдатъ возвратиться къ себѣ въ семью; нагрянула полиція, сдѣлала обыскъ и увела Криворотова. Онъ былъ убитъ и похороненъ.

***

Около 11 часовъ вечера 20 декабря, когда въ домѣ Криворотова всѣ спали, раздался сильный стукъ въ дверь. Старуха-мать подошла къ двери и спросила: «Кто тамъ?» Не получая отвѣта, она рѣшила не отпирать двери, но сынъ ея запротестовалъ и сказалъ ей, чтобы отперла. Тогда вошли трое мущинъ, хорошо зна-

комыхъ обывателямъ этого дома: старшій городовой Семенъ Ивановъ, сильно выпившій, младшій городовой Василій Коньковъ и желѣзнодорожный жандармъ. Послѣдній не хотѣлъ входить безъ огня и требовалъ, чтобы освѣтили квартиру. Болѣе храбрый Ивановъ подбодрилъ своего пріятеля, увѣривъ, что, кромѣ семьи Криворотовыхъ, здѣсь никого нѣтъ.

Надо думать, что, идя на это преступное дѣло, ихъ пугалъ кровавый призракъ готовящагося злодѣянія, и они подбадривали другъ друга.

Василій Криворотовъ лежалъ въ постели, когда они вошли къ нему въ комнату при свѣтѣ зажженной лампы. Онъ очень удивился, увидавъ ихъ; поздоровался съ ними за руку, такъ какъ хорошо былъ знакомъ, и спросилъ:

— Ивановъ, по какому дѣлу ты пришелъ ко мнѣ?

— Вставай, Василій, одѣвайся. Пойдемъ съ нами на станцію, — дѣло есть, — равнодушно отвѣтилъ Ивановъ.

Но отъ этихъ простыхъ словъ Криворотовъ пришелъ въ ужасъ, словно онъ увидѣлъ смерть. Отъ холодныхъ, равнодушныхъ словъ «пойдемъ на станцію» вѣяло могилой.

— За какими дѣлами мнѣ нужно на станцію итти? — съ дрожью въ голосѣ и съ ужасомъ спросилъ Криворотовъ.

— Ахъ, Вася, нужно итти къ допросу, тамъ ждутъ тебя,— сказалъ Ивановъ.

— Неправду говоришь, Ивановъ! Зачѣмъ обманываешь меня,— воскликнулъ Криворотовъ,— я вѣдь не маленькій; послѣ того, что совершилось здѣсь, и когда я знаю, что Семеновскаго отряда въ Голутвинѣ больше нѣтъ, то допроса тоже не можетъ быть на станціи; если же ты зовешь меня туда, значитъ, съ цѣлью убить. Скажи правду, Ивановъ. Не томи меня. Я догадываюсь, что хочешь убить... Если бы звали меня въ часть, тогда дѣло другое...

— Какой ты, Вася, дуракъ. Не слыхалъ, что ли, на молебнѣ говорилъ полковникъ, что больше никого убивать не станутъ. Ну, чего бояться. Какой тутъ разстрѣлъ!.. Одѣвайся-ка скорѣе, и идемъ.

— Нѣтъ, я не пойду, — категорически запротестовалъ Криворотовъ.

Не успѣлъ онъ кончить фразы, какъ къ нему съ злобнымъ лицомъ подскочилъ жандармъ, приставилъ револьверъ къ груди и сказалъ:

— Такъ ты не пойдешь?.. Не будешь одѣваться?..

Бѣдная старушка-мать такъ напугалась, что сама начала уговаривать своего Васю итти скорѣе на станцію, не сердить жандарма, такъ какъ тамъ ему ничего худого не сдѣлаютъ, а если будетъ сердить, то ему же хуже будетъ.

Она сама торопила своего сына итти подъ разстрѣлъ. Желая смягчить гнѣвъ жандарма, она, мать его, уговаривала его не прекословить и итти на смерть скорѣе, безъ борьбы, безъ сопротивленія...

Онъ началъ медленно одѣваться, а Ивановъ ему любезно помогалъ. Когда же онъ прощался со старухой и женой, Ивановъ предупредительно замѣтилъ ему:

— Чего такъ трогательно прощаешься? Чай не на смерть идешь!

Сколько въ этой хитрости скрыто лукавства и въ то же время жестокости. Знать, что человѣкъ черезъ 10 минутъ будетъ имъ убитъ, и благодушно бесѣдовать съ нимъ, не дать ему приготовиться къ смерти, проститься съ близкими!

Когда его повели изъ дома, жена не вытерпѣла, выбѣжала за нимъ и закричала, захлебываясь отъ рыданій; старуха-мать тоже бросилась во дворъ. Вася остановился и крикнулъ имъ:

— Саша! Маманя! не плачьте. Если что случится, знайте — я безвинный иду!

Больше его не видали.

Даже и трупа не видали.

Его привели на станцію, поставили на то мѣсто, гдѣ два дня тому назадъ было убито Риманомъ 26 человѣкъ, около угольной стѣнки брикетовъ, недалеко отъ семафорной будки.

Дали въ него нѣсколько выстрѣловъ. Семафорщики слышали эти выстрѣлы: показали, что это было въ 12 часовъ ночи. Утромъ въ 5 часовъ 21 декабря трупъ Криворотова свезли желѣзнодорожные сторожа на салазкахъ на кладбище и, говорятъ, похоронили его въ общей могилѣ сверху остальныхъ труповъ, для чего раскапывали братскую могилу.

***

На утро поѣздъ съ солдатами продвинулся впередъ и остановился у платформы Подосинки. Во главѣ съ Риманомъ солдаты направились къ дачѣ Михельсона, гдѣ онъ жилъ вдвоемъ съ женой и кухаркой.

Всѣ въ домѣ еще спали, и никто изъ нихъ не зналъ о предстоящемъ визитѣ. Въ эту ночь у него находились 2 дружинника съ револьверами, для охраны его дачи отъ грабежа мѣстныхъ хулигановъ. Обыкновенно каждую ночь къ нему приходило нѣсколько человѣкъ дружинниковъ.

При обыскѣ у него нашли два офицерскихъ револьвера, отобранныхъ имъ при разоруженіи маньчжурскихъ войскъ, потомъ прокламаціи и какіе-то списки. Имъ приказали скорѣе одѣваться и выходить на улицу. Они не предполагали, для чего ихъ требуютъ, были увѣрены, что ведутъ на допросъ. Михельсонъ одѣлся въ лучшую пару и вмѣстѣ съ солдатами вышелъ въ переулокъ, окаймленный лѣсомъ. Какъ только всѣ трое оказались у края лѣса, солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ нихъ, и они упали мертвые. Оба дружинника были совсѣмъ мальчики, одинъ изъ нихъ не старше 16-ти лѣтъ. Почему-то лицо одного было искажено страшными муками и все залито кровью.

Жена и кухарка въ это время были на дачѣ.

Услышавъ выстрѣлы и понявъ въ чемъ дѣло, жена выждала, когда уйдутъ солдаты, посмотрѣла на трупъ своего мужа, одѣлась и ушла куда-то. Кухарка осталась до глубокаго вечера сторожить трупы, но къ ночи не выдержала, заперла дачу и тоже ушла неизвѣстно куда.

Эти три трупа остались лежать цѣлую недѣлю на мѣстѣ казни, какъ нѣмые свидѣтели кровавой расправы. Птицы повыклевали имъ глаза, и собаки поживились ихъ мясомъ. Только черезъ недѣлю крестьяне деревни Жулебина выкопали имъ общую могилу и похоронили ихъ вмѣстѣ.

***

Солдаты, оставивъ поѣздъ за полторы версты, группами по 5—6 человѣкъ стали подходить съ разныхъ сторонъ къ станціи Люберцы. Когда шла первая группа, повстрѣчались имъ 3 заводскихъ слесаря, изъ которыхъ одинъ, Казаковъ, несъ подъ мышкой въ слесарную сломанный револьверъ. Солдаты ихъ остановили и велѣли поднять руки кверху; когда Казаковъ исполнилъ приказаніе, револьверъ выскользнулъ изъ подмышки и упалъ на снѣгъ. Тогда одинъ солдатъ съ размаху ударилъ Казакова штыкомъ, онъ упалъ въ тотъ моментъ, когда остальные выстрѣлили въ него. Пули просвистали мимо, а Казаковъ вскочилъ на ноги и давай Богъ ноги — наутекъ. По немъ было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ, но онъ успѣлъ забѣжать за домъ и укрыться въ одной частной квартирѣ, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Одна изъ пуль попала ему въ руку и раздробила кость, такъ что Казакову пришлось лечь въ больницу въ Красковѣ, гдѣ ему отрѣзали руку. Остальные же двое его пріятелей разбѣжались въ разныя стороны и остались цѣлы.

Придя на станцію, солдаты никого тамъ не встрѣтили, но черезъ нѣсколько минутъ пришелъ помощникъ начальника станціи, Смирновъ, и спросилъ ихъ: зачѣмъ они пріѣхали сюда и какого полка.

Въ свою очередь, тѣ тоже его спросили: кто онъ таковъ.

— Я — Смирновъ, — отвѣтилъ помощникъ начальника станціи.

— Васъ-то намъ и нужно, — сказали солдаты и арестовали его, посадивъ въ контору станціи. Когда пришелъ полковникъ Риманъ, онъ объявилъ Смирнову, что черезъ нѣкоторое время его разстрѣляютъ; уговаривалъ его назвать своихъ товарищей и тѣхъ лицъ, которые ѣздили съ поѣздомъ, уѣхавшимъ въ Фаустово и указать, гдѣ они теперь скрываются.

Его арестовали въ срединѣ дня и только на слѣдующее утро, часовъ около восьми, привели казнь въ исполненіе. Все время онъ томился въ ожиданіи смерти въ самой конторѣ, всю ночь онъ писалъ прощальныя письма къ своимъ родителямъ, знакомымъ и страшно нервничалъ.

Подъ утро онъ уже не могъ переносить дольше этихъ мукъ ожиданія смерти и обратился къ офицеру съ просьбой убить его сейчасъ же, на мѣстѣ. Тогда его вывели на платформу къ водокачкѣ, и Риманъ *самъ* выстрѣлилъ ему въ упоръ въ лицо; пуля попала въ шею, лицо исказилось въ страшныхъ мукахъ, но онъ все-таки оставался стоять на мѣстѣ; второй выстрѣлъ револьвера пришелся вскользь затылочной части, не убивъ его; и только третьимъ выстрѣломъ въ високъ были прекращены его страданія: онъ упалъ на снѣгъ.

Въ то время, когда Смирновъ сидѣлъ подъ конвоемъ въ конторѣ станціи, другая часть солдатъ производила обыски въ селеніи Люберцы. Недалеко отъ станціи, на углу, есть трактиръ, въ которомъ былъ арестованъ машинистъ Ухтомскій, тамъ же арестовали еще многихъ рабочихъ люберцкаго завода, которые, не предполагая ничего страшнаго, пошли туда чайку попить.

На квартирѣ при обыскѣ у крестьянина Киселева нашли револьверъ, и онъ началъ оправдываться. Офицеръ приказалъ ему молчать, но онъ не послушался; послѣ трехкратнаго повторенія его разстрѣляли на дворѣ станціи около 10 часовъ утра.

Послѣ Смирнова были убиты еще четверо рабочихъ, забранныхъ ночью во время обысковъ. Ихъ продержали на станціи до разстрѣла.

Послѣ 10 часовъ утра аресты все еще продолжались, и на станцію привели еще до 40 человѣкъ рабочихъ и крестьянъ. Въ числѣ ихъ находился и забранный Ухтомскій. Они всѣ готовились къ смерти, такъ были увѣрены, что ихъ убьютъ. Они знали теперь, что если привели кого-нибудь на станцію, того ожидаетъ смерть. Свидѣтельствомъ тому служила смерть Киселева съ 4-мя товарищами и передъ этимъ смерть Смирнова.

Когда къ двумъ часамъ дня явился Риманъ, чтобы привести казнь въ исполненіе, онъ началъ по списку выкрикивать фамиліи; оказалось налицо только пять человѣкъ, изъ нихъ рабочій Крыловъ, машинистъ Ухтомскій и еще трое, фамиліи которыхъ не установлены мною. Остальнымъ же лицамъ Риманъ предложилъ присягнуть и поклясться передъ иконой, что никогда въ жизни не будутъ участвовать или способствовать какимъ бы то ни было забастовкамъ и во всемъ будутъ подчиняться своему начальству. Тѣмъ же, кто не захочетъ присягнуть, онъ угрожалъ смертной казнью.

Конечно, всѣ присягнули, даже скорѣе спѣшили присягнуть, чтобы уйти и избавиться отъ грознаго призрака кровавой расправы.

Остальнымъ пятерымъ предложили исповѣдываться, что нѣкоторые и исполнили.

Потомъ въ четвертомъ часу дня ихъ повели вдоль платформы, вправо, на глазахъ публики, смотрѣвшей изъ оконъ; пересѣкли путь, вышли на слободскую улицу; въ концѣ этой улицы около бани Масляникова ихъ поставили спиной къ солдатамъ, лицомъ къ лѣсу, кромѣ Ухтомскаго, который смотрѣлъ по направленію слободки.

Послѣ двухъ залповъ всѣ были мертвы.

Смерть Ухтомскаго описана.

Убитыхъ похоронили въ общей могилѣ на люберцкомъ кладбищѣ.

Хоронилъ мѣстный священникъ, были допущены родственники и близкіе люди. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ лица сильно искажены.

Въ то время, какъ полковникъ Риманъ возвращался послѣ разстрѣла на станцію, попалась какая-то женщина и горько плакала. Обращаясь къ полковнику, она завывающимъ голосомъ причитала: «За что убили-то мово? Что онъ такое сдѣлалъ? Вѣдь вотъ такой же его товарищъ, вмѣстѣ всюду шлялся, пріятель-то его, Фунтовъ, живъ остался. А мово-то убили. Гдѣ же справедливость?!» и вновь залилась горькими слезами. Риманъ спросилъ: какой Фунтовъ. «А вонъ, батюшка, Фунтовъ — слесарь заводскій», и указала на молодого парня, находившагося недалеко отъ мѣста казни.

Риманъ приказалъ его арестовать и посадить съ собою въ поѣздъ.

Затѣмъ полковникъ Риманъ, сдавъ станцію на попеченіе капитана Мейера, съ частью отряда уѣхалъ дальше по направленію къ Голутвину. На 36-й верстѣ трупъ Фунтова съ прострѣленной головой былъ выброшенъ съ поѣзда и найденъ на линіи.

***

Закончивъ всѣ свои дѣла въ Голутвинѣ, полковникъ Риманъ спѣшно выѣхалъ въ Ашитково, чтобы казнить тамъ заранѣе намѣченныхъ трехъ лицъ: начальника станціи Сергѣя Виноградова, помощника Бунина и почтоваго чиновника Алексѣя Еремѣева. Пріѣхалъ онъ на станцію Ашитково въ 8 часовъ утра 19 декабря безъ испрашиванія пути и безъ увѣдомленія станціи о приходѣ поѣзда. Виноградовъ въ это время спалъ, но. услышавъ на станціи шумъ, проснулся и попросилъ жену посмотрѣть въ окно, что такое значитъ. Самъ онъ былъ боленъ и оставался въ постели. Жена сказала, что пришелъ изъ Рязани санитарный поѣздъ

съ солдатами. Въ это время постучали въ дверь его квартиры, и онъ велѣлъ прислугѣ отпереть. Вошли солдаты и ворвались къ нему въ спальню, заставъ его и жену въ одномъ бѣльѣ. Пришлось обоимъ одѣваться въ присутствіи солдатъ. Такъ какъ Виноградовъ былъ боленъ, плохо себя чувствовалъ и одѣвался крайне медленно, то черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ офицеръ и крикнулъ: «Скорѣе одѣвайтесь, идите внизъ». Отъ крика проснулась маленькая, 3-хъ лѣтъ, дочка и заплакала.

— Есть у васъ оружіе? — спросилъ офицеръ. Виноградовъ отдалъ ему свой револьверъ.

Одѣвшись, Виноградовъ спросилъ у жены лѣкарства, а у сестры табаку. Бѣдняга, онъ не догадывался, что его ведутъ разстрѣливать и что больше ему не нужно будетъ лѣчиться и не потребуется больше лѣкарствъ, не придется также выкурить папироски.

Жена очень взволновалась этими сборами; когда онъ прощался съ дочкой и женой, то сказалъ имъ, чтобы онѣ не скучали — скоро вернется, что, должно-быть, повезутъ его въ Москву на допросъ, и просилъ ихъ спокойно ждать возвращенія и на прощанье поцѣловалъ ихъ. Больше ни жена ни дочь не видали его.

Жена накинула на себя шубу и хотѣла послѣдовать за мужемъ, посмотрѣть, куда поведутъ его, но солдатъ, оставшійся въ квартирѣ у дверей, грубо оттолкнулъ ее:

— Куда лѣзешь, твоего мужа разстрѣливать повели, все равно не спасешь его! Прислушайся-ка лучше, выстрѣлы сейчасъ будутъ.

Она заметалась по комнатѣ какъ безумная, останавливалась, прислушивалась, молила солдата быть милосерднымъ къ ней, дать ей возможность выйти изъ квартиры, потомъ минутами не вѣрила его словамъ, зная, что такъ не убиваютъ людей, — сначала судятъ, выслушиваютъ преступника, потомъ даютъ приговоренному къ казни приготовиться къ послѣднимъ минутамъ жизни, углубиться въ свою совѣсть, исповѣдаться передъ духовникомъ,

сказать послѣднее «прости» женѣ, дочери. Нѣтъ, она не вѣрила минутами, что его разстрѣляютъ, казнятъ за что-то; рѣшила, что солдатъ сказалъ нарочно.

Черезъ нѣсколько времени солдатъ обратился къ ней: «Ну, теперь иди, готово». Она обезумѣла отъ радости, что сейчасъ увидитъ мужа, что страхъ, пережитый ею, былъ напрасный, выдуманный... Выстрѣловъ она не слыхала или не поняла, что былъ ружейный залпъ.

Она бросилась на колѣни.

Въ полной увѣренности, что своимъ участіемъ она поможетъ выяснить истинную виновность мужа, она подойдетъ прямо къ офицеру и скажетъ ему, что онъ членъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, докажетъ ему, что здѣсь нѣтъ ничего преступнаго и тѣмъ облегчитъ участь своего мужа.

Она не знала, что было уже поздно. Мужъ былъ убитъ, и трупъ его лежалъ на мѣстѣ казни, недалеко отъ станціи.

Она бросилась сначала въ контору станціи, никого тамъ не было, выбѣжала на платформу, никто не могъ сказать, гдѣ находится мужъ, куда его повели. Увидѣвъ на переѣздѣ и на линіи дороги по направленію къ Москвѣ солдатъ, она побѣжала туда въ горячей надеждѣ увидѣть офицера и отъ него узнать о готовящейся судьбѣ мужа. Солдаты не пустили, грубо оттолкнули ее, сказавъ: «Не лѣзь, обожди, сейчасъ уѣдемъ, тогда найдешь, что тебѣ нужно, съ собой не увеземъ», и при этомъ закончили слова циничной бранью.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ уѣхалъ.

Недалеко отъ переѣзда она увидала у края дороги, ведущей къ лѣсу, что-то темное, лежащее на снѣгу, въ родѣ человѣческаго тѣла. Какое-то страшное предчувствіе ее толкало туда, что-то заставляло ее, помимо воли, вглядываться въ этотъ темный предметъ. Она пошла по направленію къ нему безсознательно, какъ будто бы сверхъестественная сила руководила ею.

И вдругъ она разглядѣла, — ясно, безошибочно разглядѣла, что этотъ трупъ ея Сергѣя. Окрашенный кровью снѣгъ уничтожилъ въ ней всякую надежду...

«Не знаю, что было со мной. Я упала передъ нимъ на колѣни, начала цѣловать моего Сережу. Цѣловала лицо, губы; хотѣла поцѣловать его голову, сняла шапку — о, Господи! въ ней были мозги!! Тутъ я лишилась чувствъ, и что было потомъ со мною — не помню».

Выстрѣлы были направлены въ голову со стороны затылка и раскрошили черепъ.

Обстоятельства разстрѣла были таковы:

Въ то время, когда солдаты явились въ квартиру начальника станціи Виноградова, другая часть солдатъ направилась къ пом. нач. станціи Бунину и въ почтовую контору къ чиновнику Фадѣеву.

Бунинъ, пом. начальн. станціи, только что всталъ и оканчивалъ свой утренній туалетъ; онъ незадолго до описываемаго случая возвратился изъ Забайкалья (менѣе мѣсяца) и потому не успѣлъ фактически принимать участія въ начавшемся съ 7-го декабря движеніи; возвратился онъ крайне утомленный, изнервничавшійся вслѣдствіе усиленной и тяжелой работы во время военныхъ дѣйствій, и потому, желая отдыха, стремясь къ покою, онъ не хотѣлъ и не могъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ дружинѣ или желѣзнодорожномъ союзѣ.

Бунинъ быстро одѣлся и подъ конвоемъ солдатъ отправился на станцію. Подождавъ немного, явился вскорѣ, тоже подъ конвоемъ, начальникъ станціи Виноградовъ. Имъ приказали слѣдовать дальше къ переѣзду на запасный путь. Они шли въ полной увѣренности, что ихъ сейчасъ посадятъ въ вагонъ и отправятъ въ Москву на допросъ. Когда они дошли до переѣзда, полковникъ Риманъ приказалъ повернуть направо по дорогѣ, ведущей къ лѣсу. Они медленнымъ шагомъ направились туда: впереди шелъ Бунинъ, сзади Виноградовъ. Раздался залпъ подъ

командой, и оба они грохнулись на снѣгъ, за секунду передъ этимъ не ожидая такого конца.

Затѣмъ дали по нимъ нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, но они уже были мертвы.

У Бунина не оказалось никакого оружія; обысковъ въ квартирѣ ни у того ни у другого не дѣлали.

Въ то время, когда солдаты торопили Виноградова и Бунина одѣваться, другая часть солдатъ подъ командой офицера направилась въ почтовую контору, маленькое отдѣльное зданьице, стоящее неподалеку отъ станціи; тамъ занимался почтовый чиновникъ Алексѣй Еремѣевичъ Фадѣевъ.

Когда вошелъ офицеръ, онъ, увидавъ Фадѣева, спросилъ:

— Вы — Алексѣй Еремѣевъ, служащій въ здѣшней почтовой конторѣ?

Тотъ нашелся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не Еремѣевъ, а Фадѣевъ.

Онъ ни слова не сказалъ, что офицеръ принялъ отчество Фадѣева за его фамилію. Тогда офицеръ ушелъ, оставивъ Фадѣева въ покоѣ. Ему бы слѣдовало сидѣть въ конторѣ и никуда не выходить, а онъ пошелъ къ переѣзду и повернулъ влѣво отъ переѣзда въ тотъ моментъ, когда Риманъ возвращался къ тому же переѣзду, убивъ Бунина и Виноградова. Кто-то изъ стоящихъ здѣсь сыщиковъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему:

— Что же вотъ этого не убили? — и, указывая на Фадѣева. — Это здѣшній ораторъ.

Тогда офицеръ не спрашиваясь, кто онъ и что онъ, видя только одну спину идущаго и имѣя указанія какого-то шпіона, что есть ораторъ, скомандовалъ солдатамъ выстрѣлить.

Онъ былъ убитъ наповалъ, не пришлось даже тратить лишнихъ зарядовъ на дополнительные выстрѣлы.

Затѣмъ сейчасъ же всѣ солдаты и офицеры уѣхали въ поѣздѣ по направленію къ Москвѣ.

Эта расправа заняла времени у отряда всего только двадцать минутъ.

***

Про чертежника коломенскаго завода Аврамова свидѣтели показали, что онъ не участвовалъ ни на митингахъ, ни въ собраніяхъ, ни въ дружинѣ. Ему было всего 17 лѣтъ. Въ этотъ день онъ возвращался въ 3-мъ часу дня изъ заводской конторы къ себѣ домой въ деревню Боброво. Ничего не зная о пріѣздѣ солдатъ, онъ безпечно бесѣдовалъ со своимъ товарищемъ. Въ это время отъ него недалеко раздался окрикъ солдата: «Остановись. Руки кверху». Аврамовъ, не обративъ вниманія, продолжалъ путь. Солдатъ бѣгомъ догналъ его, схватилъ за шиворотъ и отправилъ въ телеграфную комнату. Потомъ онъ тоже былъ разстрѣлянъ.

Рабочій Пушковъ, проходя съ двумя своими товарищами черезъ переѣздъ, былъ остановленъ солдатами въ седьмой разъ. Каждый разъ его обыскивали и отпускали. Такая непріятная процедура начала его раздражать, и когда его обыскали въ послѣдній разъ и вновь отпустили, онъ не вытерпѣлъ и, чтобы посмѣяться надъ ними, сказалъ: «Вотъ 10 разъ меня обыскивали, а въ шапкѣ-то и не посмотрѣли, а тамъ бомба». Его сейчасъ же задержали и отправили въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала его смерть.

Сынъ помощника мастера коломенскаго завода Стопчукъ, прогуливаясь со своей женой, былъ остановленъ солдатами и подвергнутъ обыску. При немъ и женѣ ничего не нашли и хотѣли уже отпустить, но въ это время одинъ изъ солдатъ спросилъ его фамилію.

Услышавъ фамилію «Стопчукъ», его сейчасъ же арестовали и отправили въ телеграфную комнату. Жену отпустили домой. Прощаясь съ ней, Стопчукъ успокоивалъ ее, говоря, что

это недоразумѣніе, что его сейчасъ офицеръ отпуститъ, такъ какъ ни въ какихъ партіяхъ, союзахъ и митингахъ онъ не участвовалъ. Но онъ больше не возвратился.

По показанію свидѣтелей его разстрѣляли, дѣйствительно, по недоразумѣнію, по ошибкѣ, что подтвердилось на слѣдующій день, когда къ офицеру явился старикъ Стопчукъ и спросилъ его:

— За что убили моего сына?

— За то, что онъ участвовалъ въ стачечномъ комитетѣ, на митингахъ и собраніяхъ и въ союзахъ, — отвѣтилъ офицеръ.

Старикъ на это возразилъ, что убитый сынъ его совершенно не виновенъ въ этомъ, такъ какъ не только не принималъ никакого участія, но даже избѣгалъ всяческія собранія и шелъ противъ нихъ.

— А вотъ у меня есть другой сынъ, который дѣйствительно бывалъ на сходкахъ и митингахъ и даже ораторствовалъ.

На это Риманъ отвѣтилъ:

— Печальное недоразумѣніе. Тогда надо и того забрать и убить.

Но было уже поздно, такъ какъ тотъ уже скрылся; теперь его разыскиваютъ.

Про подобную ошибку — разстрѣла «по недоразумѣнію» свидѣтели говорятъ, называя студента Сапожкова. Убили Александра Сапожкова, который былъ совершенно ни въ чемъ не виновенъ. Мѣстная полиція была о немъ хорошаго мнѣнія, какъ о спокойномъ и неопасномъ человѣкѣ. Солдаты разыскивали Николая Сапожкова, его брата, который значился въ спискѣ охраннаго отдѣленія. Но солдаты его не нашли и передъ отъѣздомъ своимъ поручили розыски мѣстной полицейской власти.

По счастливой случайности Николай Сапожковъ избѣгъ смерти, которая была отъ него на волосокъ. Въ то время, когда солдаты громко кричали одному обывателю на улицѣ селенія

Боброва: «Гдѣ Сапожковъ. Укажи, гдѣ Николай Сапожковъ, а не то застрѣлю тебя», Сапожковъ въ это время проходилъ мимо нихъ, соблюдая удивительное хладнокровіе и спокойствіе.

Его не узнали мѣстныя полицейскія власти, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ длинную шубу и папаху.

Всѣ эти событія шли одно за другимъ съ поразительной быстротой. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ всѣ обыски были окончены. Въ телеграфную комнату доставлены 24 человѣка. Всѣ они не знали, за что ихъ арестовали и съ совершеннымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ относились къ своей участи. Они ожидали, что ихъ вызовутъ къ офицерамъ, и тѣ выяснятъ причину ареста.

Могъ ли предполагать заводскій чертежникъ Плотниковъ, возвращавшійся домой, что его убьютъ за пререканія по поводу многихъ обысковъ на пути его слѣдованія. Вѣдь онъ не совершилъ ничего преступнаго, и если вызвалъ раздраженіе въ солдатѣ, отправившемъ его въ телеграфную комнату, то только потому, что его самого солдаты раздражили безцѣльными, грубыми и многочисленными обысками.

Такъ и всѣ остальные. Не чувствуя за собой въ большинствѣ случаевъ никакой вины, которая произошла отъ довѣрія къ освободительнымъ реформамъ, возвѣщеннымъ царскимъ манифестомъ отъ 17 октября, всѣ арестованные ни минуты не предполагали, что они будутъ казнены безъ суда и слѣдствія, безъ молитвы и причастія, не простившись съ дѣтьми и женами, не высказавъ имъ своей послѣдней воли.

Въ 5 часовъ вечера въ началѣ шестого, полковникъ Риманъ выстроилъ солдатъ въ шеренгу по платформѣ вокзала, вызвалъ изъ телеграфной комнаты 12 человѣкъ и велѣлъ слѣдовать имъ подъ конвоемъ на запасные пути къ семафорной будкѣ. Несчастные предполагали, что ихъ ведутъ въ вагонъ, чтобы отправить въ Москву на дознаніе. Сторожъ Н., отворивъ дверь, пропустилъ несчастныхъ мимо себя, будучи увѣренъ, что ихъ

отправляютъ въ Москву. Они разговаривали между собою, держа себя весьма безпечно.

Послѣдовать за ними сторожъ не посмѣлъ, но, пріотворивъ дверь, слушалъ. Черезъ нѣсколько минутъ сторожъ услыхалъ два залпа и затѣмъ много частыхъ выстрѣловъ. Тогда онъ понялъ, что произошло.

Когда арестованные прошли саженей 70 отъ станціи вправо, по направленію къ Рузаевкѣ, туда, гдѣ на запасныхъ путяхъ стояли порожніе вагоны и поровнялись съ угольнымъ складомъ, немного не доходя до семафорной будки, раздался по нимъ по командѣ полковника залпъ, затѣмъ другой, и, когда всѣ упали и корчились на снѣгу отъ ранъ, ихъ добили отдѣльными выстрѣлами...

Когда все смолкло, и темная, безмолвная ночь скрыла отъ человѣческихъ глазъ совершонное убійство, старикъ-священникъ, окончивъ вечерню, выходилъ изъ храма, стоявшаго недалеко отъ мѣста преступленія, и, услышавъ выстрѣлы, перекрестился. Онъ не думалъ, что это убивали невинныхъ людей. Онъ не предполагалъ, что завтра такимъ же путемъ убьютъ его родного сына на станціи Ашитково. Но это все случилось. У отца Виноградова на другой день въ 10 час. утра убили сына, начальника станціи Ашитково.

Убили его еще проще: взявъ его изъ квартиры, обыскавъ, ничего не найдя, предложили ему слѣдовать за офицеромъ и солдатами. Его повели къ пустымъ вагонамъ, и, когда онъ поравнялся съ ними, ему приказали итти дальше по направленію къ лѣсу. Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, безъ команды, по мановенію руки полковника, солдаты дали залпъ, и несчастный упалъ мертвымъ.

***

Въ то время, когда пришелъ поѣздъ съ однимъ паровозомъ и двумя вагонами подъ управленіемъ поручика желѣзнодорож-

наго баталіона Костенки, на станціи Сортировочная дежурнымъ находился служащій Ладновъ.

Минутъ черезъ пятнадцать появился безъ испрашиванія пути поѣздъ съ солдатами Семеновскаго полка, которые, не доѣзжая до станціи, повыскакивали изъ вагоновъ и безъ всякаго предупрежденія открыли жестокій огонь направо и налѣво по запаснымъ путямъ, гдѣ находилось много народа.

Кто поближе оказался, тотъ поплатился своею жизнью; многіе залѣзли подъ вагоны и попрятались за колеса, садились на оси.

Въ это время офицеръ вышелъ на платформу, встрѣтилъ дежурнаго по станціи Ладнова и узналъ отъ него, что въ зданіи никого нѣтъ.

Осмотрѣвъ и убѣдившись въ этомъ, приказалъ произвести обыскъ въ нѣсколькихъ домахъ, находящихся поблизости отъ платформы. Когда вошли въ квартиру таксировщика Воронича, то дверь его квартиры нашли запертой.

Стали стучать, потомъ прикладами сшибли дверь съ петель. Войдя въ квартиру, застали старика 60 лѣтъ, крайне встревоженнаго и не понимающаго, что за событія происходятъ кругомъ. Онъ былъ глуховатъ на оба уха, и потому не слыхалъ стука въ дверь, когда же ее начали ломать, подумалъ, что это хулиганы пришли грабить его имущество. Онъ отыскалъ револьверъ и ждалъ, что за грабители такіе ломаютъ дверь и зачѣмъ они врываются въ чужую квартиру.

Жилъ онъ только вдвоемъ со старухой-женой, которая раньше, въ 1904 году, была душевно больной и лѣчилась въ Казани нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ она поправилась и послѣдніе два года жила съ мужемъ на станціи Сортировочная, гдѣ тотъ прослужилъ 10 лѣтъ.

Старуха, тоже ничего не понимая, что творится кругомъ, въ безпокойствѣ металась изъ угла въ уголъ и шептала молитвы.

Наконецъ дверь была сломана, и на порогѣ явились солдаты и офицеръ; старикъ, увидѣвъ ихъ, былъ очень изумленъ, растерянъ, потомъ отъ радости перекрестился, что тревога его напрасна, положилъ револьверъ на столъ и направился навстрѣчу желаннымъ гостямъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ офицеръ скомандовалъ: «въ штыки его».

И тутъ же въ квартирѣ началась кровавая, жестокая расправа. Съ четырехъ сторонъ воткнули штыки въ тѣло несчастнаго старика, а офицеръ собственноручно жестокимъ ударомъ раскроилъ ему черепъ; только раздался сухой трескъ расколотаго черепа и безумный вопль сумасшедшей женщины, которая въ одинъ мигъ, въ этотъ ужасный мигъ, снова потеряла разсудокъ.

Но солдаты не остановились, они приставили штыки къ груди сумасшедшей женщины и приготовились вонзить ихъ въ тѣло, но въ отвѣтъ почувствовали безумные, страшные глаза, устремленные на нихъ, и безумное спокойствіе несчастной и остановились, проколовъ только одежду.

Теперь она помѣщена на излѣченіе въ больницу св. Пантелеймона на ст. Удѣльной, близъ Петербурга.

Побывъ на станціи Сортировочная всего минутъ 40, главный отрядъ двинулся дальше, оставивъ здѣсь подъ командой офицера полуроту солдатъ, которые продолжали весь день стрѣлять по запаснымъ путямъ.

На слѣдующее утро около Сортировочной было подобрано служащими желѣзныхъ дорогъ при участіи солдатъ 8 труповъ, которые солдаты отправили въ товарномъ вагонѣ на станцію Москва, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы узнать личность убитыхъ.

Девятый трупъ былъ Воронича.

Кромѣ того, рождественниками ночью было подобрано и увезено 25 труповъ.

Итого убито здѣсь 34 человѣка.

Солдаты простояли на этой станціи дней 10, держали себя съ служащими станціи крайне грубо и рѣзко. Два характерныхъ разсказа пришлось услышать дежурнымъ тамъ, а именно: одинъ солдатъ со смѣхомъ разсказывалъ другому, какъ шли двѣ бабы по полю, влѣво отъ запасныхъ путей; онъ имъ крикнулъ: «стрѣлять буду». Бабы сломя голову бросились бѣжать, спотыкались, скользили по неровной дорогѣ, смѣшно взмахивали руками. Солдатъ взялъ на прицѣлъ одну, выстрѣлилъ, — она такъ и «сковырнулась», а другая убѣжала.

Говорилъ мнѣ это одинъ изъ слушателей этого разсказа. Сообщаю его для показанія той атмосферы, въ которой держали солдатъ карательнаго отряда.

***

Никакая пропаганда, никакая агитація среди голодныхъ и обездоленныхъ людей не достигла тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые приходилось наблюдать мнѣ въ районѣ дѣйствій отряда Семеновскаго полка. Я поражался, напримѣръ, видя старуху за 50 лѣтъ, всю свою жизнь глубоко вѣровавшую въ Бога и царя, готовую отдать всю свою жизнь за горячо любимаго монарха-миропомазанника, сразу переродившуюся послѣ кроваваго дѣйствія въ ея квартирѣ полковника Римана. Она съ такимъ ѣдкимъ анализомъ разбирала все, что произошло вокругъ и что творится еще теперь.

Не отвлеченнымъ путемъ дошла она до этого, не изученіемъ книгъ и исторіи пришла она къ тѣмъ выводамъ, а просто послѣ жестокаго потрясенія всего внутренняго ея существа съ болью и ужасомъ въ душѣ глаза ея увидѣли и поняли, что называютъ дѣятели бюрократизма подавленіемъ «крамолы».

Ея сынъ, 19-лѣтній парень, во время разговора старухи со мной, хитро посмѣивался и подтрунивалъ надъ ней:

— Хороша старуха стала. Бывало, съ ухватомъ бросалась когда подъ пьяную руку сболтнешь зрящее слово, а теперь поди же ты!?

Но старуха не унималась и, не обращая на его слова вниманія, продолжала раскрывать свою больную, изстрадавшуюся душу.

А велико, должно-быть, ея внутреннее потрясеніе, если пришлось ей въ одинъ мигъ, въ одну страшную минуту видѣть разстрѣлъ ея невиновнаго сына на ея же глазахъ, въ ея же комнатѣ, уставленной образами и украшенной царскимъ портретомъ со всей царской фамиліей.

«Посторонись, старуха», крикнулъ ей Риманъ и лѣвой рукой отстранилъ ее, а правой выстрѣлилъ въ лобъ ея любимца, ни въ чемъ неповиннаго, не понимающаго за что приставляется къ его лицу дуло револьвера. Онъ не шевельнулся, не сдѣлалъ даже попытки защититься; только черезъ мигъ грохнулся на полъ безъ звука, безъ вскрика кровавый трупъ.

Въ этотъ мигъ поняла старуха грозную дѣйствительность, и въ ея душѣ открылась бездна...

Не доѣзжая полутора верстъ до станціи, поѣздъ съ солдатами повстрѣчалъ на запасныхъ путяхъ много крестьянъ съ подводами, разбиравшихъ остатки товаровъ. Они, не торопясь, съ большой дѣловитостью выбирали предметы, наиболѣе необходимые имъ. Поэтому не обратили вниманія на проходившій поѣздъ. Правда, перовцы предупреждали ихъ, что съ вечера ожидаютъ казаковъ, но они не вѣрили, не могли понять къ чему это. Зачѣмъ нужны теперь казаки? Когда раньше, вначалѣ грабежа, не присылали никого, допустили все расхитить, а теперь и товаровъ-то ничего почти не осталось? Рѣшили по своей простотѣ, что перовцы нарочно придумали, чтобы попугать ихъ, посмѣяться надъ ними, сдѣлавшими конецъ на своей клячонкѣ съ сотню верстъ.

Но ихъ благодушіе скоро было разсѣяно залпами изъ оконъ медленно проходившаго поѣзда, отъ которыхъ попадали ихъ клячонки и съ крикомъ и стономъ грохнулись на снѣгъ раненые люди.

Стрѣльба началась ожесточенная; солдаты поспрыгивали съ вагоновъ, разсыпались по запаснымъ путямъ и стрѣляли по бѣжавшимъ вдоль путей. Другая часть крестьянъ бросилась влѣво, на поляну, употребляя всѣ усилія достигнуть лѣса, окаймляющаго поляну.

Но ихъ расчетъ былъ невѣренъ; пули были быстрѣе, и много людей полегло на этой полянѣ, только немногіе добрались до лѣса и избѣжали смерти.

Сколько было убито на этой полянѣ и на запасныхъ путяхъ, трудно сказать: точныхъ свѣдѣній нѣтъ и получить ихъ врядъ ли удастся; большинство изъ убитыхъ были пріѣзжіе изъ дальнихъ деревень, неизвѣстные мѣстному населенію.

По показанію сторожа М., трупы всѣхъ убитыхъ солдаты собрали и сложили въ два вагона, а потомъ вечеромъ отправили съ поѣздомъ по направленію къ Москвѣ. По его мнѣнію, было 53—57 убитыхъ.

О старикѣ К., который много ужасовъ видѣлъ передъ тѣмъ, пока не набросились на него солдаты и штыками нанесли ему 9 тяжелыхъ ранъ. Предполагая, что онъ убитъ, солдаты бросили его на снѣгу и ушли. Кто-то его поднялъ, и какимъ-то путемъ удалось его отправить въ Басманную больницу; тамъ онъ поправился и недавно выписался изъ больницы. Живетъ въ настоящее время въ Перовѣ. Три раза приходилъ я къ нему и каждый разъ встрѣчалъ рядъ подозрительныхъ вопросовъ: «Вамъ, батюшка, зачѣмъ его нужно? вѣдь онъ совершенно ни въ чемъ не виноватъ!» Я объяснялъ цѣль моего посѣщенія и указывалъ на необходимость его видѣть лично. Каждый разъ получалъ уклончивый отвѣтъ, что онъ только что уѣхалъ въ Москву, что онъ живетъ всегда въ Москвѣ; когда же я спросилъ его московскій адресъ, то оказалось, что его въ Москвѣ нѣтъ, такъ какъ живетъ въ Перовѣ. Я былъ удивленъ такимъ недовѣріемъ, и когда постарался выяснить причину, почему онъ прячется отъ меня, то оказалось, что онъ боится, что его добьютъ теперь до смерти,

такъ какъ тогда его били, да не добили, что я разыскиваю его съ цѣлью убить совсѣмъ, т.-е. исправить ошибку солдатъ, такъ какъ только по ошибкѣ и халатности ихъ онъ остался живъ. Боязнь этого старика такъ велика, что до сихъ поръ мнѣ не удалось его разыскать.

Такой страхъ имѣетъ до нѣкоторой степени реальную подкладку. Солдаты, стрѣляя въ бѣгущихъ людей, иногда на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей не убивали насмерть, а только ранили, и оставляли ихъ корчиться и страдать на снѣгу.

Правда, съ отрядомъ солдатъ пріѣхалъ ихъ собственный «красный крестъ» съ военнымъ врачомъ, но онъ предназначался для своихъ раненыхъ, такъ какъ начальниками войскъ ожидалось вооруженное сопротивленіе боевой дружины. Нужно замѣтить, что ихъ предположеніе не оправдалось, и изъ солдатъ никто не былъ раненъ.

Всѣхъ раненыхъ поднималъ и уносилъ къ себѣ санитарный отрядъ поѣздовъ Дальняго Востока, приходившихъ сюда въ желѣзнодорожную мастерскую для ремонта. Кромѣ того, нѣкоторыхъ раненыхъ относили въ мѣстную больницу. И вотъ изъ этой больницы 16 декабря вечеромъ солдаты унесли 3 тяжело раненыхъ, еще съ признаками жизни; зачѣмъ, куда и для чего ихъ взяли—неизвѣстно. Что стало съ ними потомъ—тоже неизвѣстно. Достовѣрно утверждаю только то, что раненые были сильно изуродованы, такъ что признать ихъ нельзя было и что этихъ раненыхъ, числомъ 3, солдаты унесли изъ мѣстной перовской больницы и что они были съ признаками жизни.

Во всякомъ случаѣ, свидѣтель К., которому я имѣю всѣ основанія довѣрять, слышалъ изъ прямыхъ офиціальныхъ источниковъ, что 3 раненыхъ были взяты по приказанію полковника, такъ какъ этимъ людямъ «не мѣсто быть въ больницахъ».

Относительно раненыхъ, помѣщенныхъ въ санитарныхъ поѣздахъ, упорно циркулируетъ въ населеніи ужасный слухъ, который передавался тѣми больными, получившими выздоровленіе,

которые сами это слышали. Въ санитарный поѣздъ явился Риманъ и потребовалъ выдачи ему дружинниковъ для разстрѣла, которые остались еще въ живыхъ. Комендантъ въ чинѣ полковника, завѣдующій санитарнымъ поѣздомъ, отвѣтилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ, что санитарный поѣздъ не для того существуетъ, чтобы въ немъ разстрѣливать раненыхъ; что это есть убѣжище для раненыхъ, признанное всѣми народами, установленное всѣми кодексами законоположеній, всѣми государствами.

И Риманъ ушелъ ни съ чѣмъ.

На платформѣ никого не было. Выстроивъ солдатъ на платформѣ, полковникъ крикнулъ:

— Кто есть на станціи — выходи.

Вышелъ станціонный жандармскій унтеръ-офицеръ Подгорный.

— Есть на станціи кто-нибудь? — спросилъ полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, окромя бабъ, съ испугу убѣжавшихъ укрыться сюда, никого нѣтъ.

Дѣйствительно, оказалось, что въ залѣ I класса находилось много бабъ, преимущественно женъ жандармовъ и станціонныхъ служащихъ. Собрались онѣ сюда съ ранняго утра, такъ какъ начальникъ станціи Фроловъ еще съ вечера предупредилъ, что пріѣдетъ московское начальство устанавливать порядокъ. Полковникъ приказалъ солдатамъ разогнать бабъ и никого на станцію не пускать.

— Кому принадлежитъ это оружіе, выходи на середину комнаты, — крикнулъ Риманъ.

Весь блѣдный, въ испугѣ вышелъ хозяинъ квартиры, станціонный жандармъ Подгорный, и сталъ увѣрять Римана, что онъ ни въ чемъ не виновенъ, а оружіе это находится у него потому, что онъ жандармъ. Офицеръ нацѣливаетъ въ него револьверъ и говоритъ:

— Всѣ вы, мерзавцы, чтобы спастись отъ смерти, готовы назваться жандармами. Чѣмъ докажете, не выходя изъ комнаты, что вы жандармъ?

Онъ вытащилъ свою одежду и думалъ, что такимъ неоспоримымъ вещественнымъ доказательствомъ онъ разсѣетъ всякія сомнѣнія. Но для полковника Римана это было неубѣдительно, и несчастному предстояла смерть. Къ счастью, жена его отыскала проѣздной билетъ съ фотографической карточкой.

Такимъ образомъ онъ былъ спасенъ.

Но и спасеніе было пока кажущемся, потому что Риманъ злобно крикнулъ ему:

— Ну, одѣвайся, мерзавецъ, въ жандармскую форму и бѣги на станцію.

Эти приказанія: «бѣги домой», «бѣги на станцію» въ понятіяхъ населенія равносильны: «готовься къ смерти»...

Много разъ приходилось убѣждаться перовцамъ, что приказаніе «бѣги домой» есть не что иное, какъ привычка хорошаго охотника никогда не стрѣлять по птицѣ, спокойно сидящей на суку. Онъ предварительно спугнетъ ее, а потомъ уже стрѣляетъ въ летъ. Такъ и тутъ: поймавъ свою жертву, руководитель «усмиренія» милостиво отпускаетъ его на свободу и, приказавъ ему—«бѣги домой, да поживѣй», слѣдитъ за нимъ, какъ тотъ на крыльяхъ счастья несется прочь отъ этого рокового мѣста, а затѣмъ... раздается залпъ, безъ команды, безъ словъ, и несчастный падаетъ на снѣгъ.

Разсказываютъ про одного смекалистаго солдатика Коновалова, котораго задержали вмѣстѣ съ двумя рабочими на улицѣ: ихъ обыскали и, ничего не найдя, приказали имъ — «бѣгите домой, да живо, безъ оглядки»... Они и бросились бѣжать...

Солдатикъ-то, хорошо зная, что теперь нельзя плошать, что его жизнь зависитъ отъ него самого, ударился въ бѣгъ, какъ звѣрь; онъ бѣжалъ зигзагами, дѣлая громадные скачки въ стороны, когда уставалъ — бросался въ канаву, въ снѣгъ, потомъ вновь бѣжалъ...

По немъ стрѣляли, какъ по дикому волку стрѣляютъ опытные охотники; пули свистали вокругъ него, не причиняя вреда.

И звѣрь ушелъ отъ нихъ... Коновалова ранили въ руку, и онъ остался живъ, а оба его товарища сразу полегли отъ перваго залпа, обливаясь кровью. Они были убиты.

Разсказываютъ, что когда Орловскій подходилъ къ станціи и уже поднялся на верхнія ступеньки, полковникъ приказалъ разстрѣлять его. Нѣсколько пуль сразили его, онъ упалъ еще живой, остальное было сдѣлано штыками. Потомъ отнесли его въ вагонъ, и только утромъ удалось служащимъ вмѣстѣ съ ремонтными рабочими доставить трупъ къ вдовѣ Орловской.

Онъ былъ такъ сильно изуродованъ, что если бъ не одежда, то нельзя было бы его признать. Все лицо было истыкано штыками; глазныя впадины были пробиты до мозга. Подбородокъ, щеки, носъ представляли изъ себя сплошную кровавую маску. «Только губы остались цѣлы», сказала вдова, молодая, красивая женщина, находящаяся въ послѣдней степени беременности. Что должна была она пережить въ эту минуту, когда ремонтные рабочіе принесли ей обезображенное тѣло, вмѣсто любимаго, вчера еще живого мужа. Съ дрожью въ голосѣ она спросила меня, когда я съ ней разговаривалъ: «Скажите, зачѣмъ это «они» такъ изуродовали его? Ну, убили бы, если это нужно. Лишили бы жизни человѣка и достаточно, но зачѣмъ такое издѣвательство? Зачѣмъ такъ истерзали его тѣло? Что это: злоба ли, месть ли проявлена на немъ? Какъ это ужасно! Не нахожу словъ, чтобъ передать вамъ, что я пережила за это время».

Покончивъ съ Орловскимъ, полковникъ Риманъ встрѣтился на платформѣ съ другимъ помощникомъ начальника станціи, Ларіоновымъ, который былъ дежурнымъ на станціи. Ларіоновъ возвращался съ запасныхъ путей, куда онъ отводилъ пріѣхавшій съ семеновцами поѣздъ. Риманъ, увидѣвъ его въ формѣ, спросилъ:

— Вы — помощникъ начальника станціи Ларіоновъ?

— Да.

— Идите ко мнѣ въ кабинетъ!

Черезъ нѣсколько минутъ они оттуда вышли, и полковникъ громко ему сказалъ:

— Слѣдуйте за мной.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до того мѣста, гдѣ стояли 4 солдата, около лѣсенки раздалась грозная команда:

— Въ штыки его.

Первый ударъ штыка пришелся въ позвоночникъ; Ларіоновъ упалъ въ страшныхъ мукахъ, началъ кричать, просить пощады, милосердія. На него посыпались удары штыками. Раздался отчаянный вопль, который разнесся далеко по окрестности. Свидѣтельница О. разсказывала, что, находясь далеко отъ станціи, она слышала душу раздирающій крикъ Ларіонова, когда, по ея выраженію, «его пороли штыками». Наконецъ его запороли до смерти, и офицеръ для успокоенія своей совѣсти, чтобы не оставить его въ живыхъ, выстрѣлилъ ему въ високъ. То, чего такъ долго молилъ бѣдняга Ларіоновъ, чтобы послѣднимъ выстрѣломъ прекратить его ужасныя страданія, онъ получилъ послѣ своей смерти.

***

Въ одну изъ частныхъ квартиръ пришелъ полковникъ Риманъ съ обыскомъ; вся семья въ это время была въ сборѣ, тутъ же находились оба его сына: одному было 20 лѣтъ, другому 22. Они работали въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ качествѣ токарей. Полковникъ, ничего не найдя, разспросивъ, кто они, гдѣ работаютъ, удовлетворился ихъ отвѣтами и съ миромъ ушелъ.

Ребята, посидѣвъ еще нѣсколько времени дома, пошли прогуляться по улицѣ и кстати поиграть на билліардѣ. Къ нимъ подошли еще двое пріятелей, и вчетверомъ они продолжали путь.

Когда они подошли къ переѣзду черезъ полотно желѣзной дороги, ихъ остановили солдаты и обыскали. Ничего не найдя,

хотѣли отпустить, но одинъ изъ солдатъ замѣтилъ: «Ребята, да вѣдь это забастовщики, въ штыки ихъ!» И, дѣйствительно, въ одно мгновеніе солдаты набросились на нихъ и начали пороть ихъ штыками; двое пріятелей бросились бѣжать, тогда ихъ уложили пулями, а два брата полегли тутъ же по краямъ дороги. Одинъ былъ исколотъ штыками, а другой раненъ пулей въ животъ и штыками.

Старикъ, ничего не зная о случившемся, пошелъ смотрѣть, что вообще дѣлается и, подойдя къ переѣзду, увидалъ лежащихъ по краямъ дороги своихъ сыновей.

Одинъ изъ нихъ еще былъ живъ, раненый пулей въ животъ; другой же—мертвъ, его трудно было отцу признать за своего сына. Ни одного зуба не было во рту, глаза, носъ, переносица,—все было испорото штыками. Раненаго сына подняли санитары маньчжурскихъ поѣздовъ, и къ 12 часамъ ночи онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ санитарномъ вагонѣ. Принеся трупъ другого сына къ себѣ домой, снимая съ него пальто, старики увидѣли примерзшихъ къ одеждѣ нѣсколько зубовъ, которые вылетѣли изъ его рта подъ жестокими ударами штыковъ.

— Я самъ солдатъ, — началъ старикъ, — служилъ царю вѣрой и правдой и готовилъ для его царской службы четырехъ сыновей. Но вотъ наши же солдаты убили у меня двоихъ!.. И какъ убили: терзали, мучили, пронзали штыками, все тѣло изуродовали до неузнаваемости. Зачѣмъ убили, за что? За что издѣвались надъ ними? Я самъ солдатъ, — старикъ выпрямился и суровымъ взглядомъ обвелъ кругомъ, — но на это у меня нѣтъ пониманія, нѣтъ указанія въ воинскомъ уставѣ. Я пойду къ царю и спрошу его, за что убили моихъ сыновей? И если это, дѣйствительно, убили ихъ солдаты по его приказанію, то не дамъ ему для царской службы двухъ другихъ сыновей, которыхъ я рощу, чтобы не сдѣлать ихъ такими же палачами. Лучше убью своими руками, нежели отдамъ ему въ солдаты.

***

Въ третьемъ часу дня путевой сторожъ Дрожжинъ, сидя у себя дома, обратился къ своей старухѣ съ просьбой, чтобы вмѣсто него пошла на Семеновскій путь для исполненія служебныхъ обязанностей.

«Мнѣ какъ-то жутко, ступай самъ», отвѣтила старуха.«Ну, ладно, попью чайку, схожу — успѣю еще», согласился сторожъ и, напившись чаю, отправился. Не успѣлъ онъ дойти до своего участка, какъ мѣткая пуля попала ему въ животъ, и, когда онъ упалъ, солдаты набросились на него и начали пороть штыками. Особенно пострадалъ животъ, такъ что кишки выпали наружу и примерзли къ одеждѣ. Солдаты, думая, что съ нимъ покончили совсѣмъ, пошли далѣе. Несчастный Дрожжинъ былъ живъ и пролежалъ на морозѣ 4 часа съ распоротымъ животомъ; въ седьмомъ часу вечера его подняли санитары и отнесли къ себѣ въ вагонъ; только въ первомъ часу ночи онъ умеръ на ихъ рукахъ, послѣ того, какъ они зашили ему кишки и животъ. На другой день старуха получила его трупъ и сама похоронила.

Разсказывая мнѣ исторію убійства мужа, она, какъ бы въ противовѣсъ милостивому отношенію солдатъ къ своему покойнику, привела случай, видѣнный ею изъ окна своей квартиры, расположенной близъ дорожнаго пути.«Это еще слава Богу, съ моимъ мужемъ-то милостиво обошлись. Попороли штыками да и бросили, а вотъ тутъ, недалеко отъ моихъ оконъ, шли двое, въ нихъ выстрѣлили, они упали; солдаты бросились и ну ихъ штыками!.. Пороли, пороли... потомъ бросили, видятъ еще идутъ двое— и тѣхъ также. Я кричу: «Батюшки, батюшки, да что же это такое дѣлается? Убили ихъ!» Въ это время я не знала, что съ моимъ-то также покончили. Не отхожу отъ окна и все смотрю. Солдаты недалеко отъ пути встали во фронтъ, съ ними офицеръ. Вдругъ вижу одинъ-то изъ четырехъ, лежащихъ на снѣгу, зашевелился, должно-быть, застоналъ еще, такъ какъ солдатъ очнулся, подошелъ къ нему, подергалъ за одежду — видитъ ше-

велится и ну его штыкомъ началъ пороть; поролъ, поролъ, — надо думать запоролъ совсѣмъ и опять отошелъ въ сторону. Не прошло и 20 минутъ, какъ этотъ-то опять зашевелился, головой замоталъ — страсть живучъ былъ, солдатъ всердцахъ опять подошелъ и штыкомъ докололъ его, а потомъ и офицеръ подошелъ и выстрѣлилъ ему въ голову. На Дальнемъ Востокѣ и то, должно, такъ не было!» закончила Дрожжина свой безыскусственный страшный разсказъ.

*
* *

Во всѣхъ домахъ происходили повальные обыски по 3 — 4 раза.

Во время одного изъ такихъ обысковъ въ квартирѣ семьи Оводовыхъ, послѣ того, какъ отъ удара прикладомъ слетѣла съ петель дверь кладовки, и вся одежда и бѣлье при помощи штыковъ оказались разбросанными по полу, старшій сынъ хозяйки квартиры, Иванъ Оводовъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, не грабить пришли, а обыскивать, такъ, пожалуйста, поделикатнѣе обращайтесь съ вещами.

По увѣренію старухи-матери онъ былъ выпивши, потому рѣшился такъ сказать.

Въ комнатѣ жильцовъ нашли 4 топора, какъ оказалось краденые изъ вагоновъ и два мѣшочка съ дробью.

Офицеръ пришелъ въ раздраженіе и сталъ угрожать присутствующимъ револьверомъ, который держалъ въ рукѣ. Когда же нашли сломанный револьверъ, то онъ злобно спросилъ:

— Чей это?

— Мой, отвѣтилъ сынъ Иванъ.

— Посторонись, старуха, — крикнулъ Риманъ, и выстрѣломъ изъ револьвера въ лобъ убилъ его.

*
* *

Обстоятельства смерти Яшукова таковы.

Къ нему пришли солдаты на квартиру съ обыскомъ и своимъ рѣзкимъ, безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ начали его

раздражать. Онъ все крѣпился и терпѣлъ. Когда же его имущество и вещи полетѣли въ разныя стороны, постель и подушки остались на полу вмѣстѣ съ добромъ изъ сундуковъ, онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе и, получивъ въ отвѣтъ за это грубыя ругательства со стороны солдатъ, вступилъ съ ними въ пререканія. Нѣсколько разъ офицеръ крикнулъ ему молчать, но тотъ все не унимался. Обыскъ приходилъ уже къ концу, никакого оружія не было найдено, но раздраженіе все расло другъ противъ друга. Передъ тѣмъ, какъ уходить солдатамъ, офицеръ приказалъ Яшукову слѣдовать за нимъ.

Выйдя на улицу, онъ скомандовалъ солдатамъ разстрѣлять его, и тутъ же на шоссе, ведущемъ къ Карачарову, нѣсколькими выстрѣлами его убили.

Онъ работалъ въ качествѣ молотобойца въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Другого рабочаго въ тѣхъ же мастерскихъ кузнеца Похомова взяли солдаты на штыки на улицѣ послѣ обыска въ его квартирѣ. Тамъ нашли у него револьверъ, который онъ призналъ своимъ. Почему-то офицеръ не убилъ его на мѣстѣ, а велѣлъ итти за нимъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, скомандовалъ: «въ штыки его». Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ однихъ только штыковъ.

* * *

Въ Перовѣ 10-лѣтняя дѣвочка, Настя, при видѣ, какъ револьвернымъ выстрѣломъ офицеръ убилъ ея родного брата на ея глазахъ, бросилась въ испугѣ къ матери и закричала: «Какіе они злые, какіе злые глаза; мама, они насъ убьютъ сейчасъ...» Потомъ выпрямилась блѣдная... на стройныхъ тонкихъ ножкахъ, приблизилась къ офицеру и крикнула въ глаза: «Зачѣмъ убили моего Ваню, убейте и меня».

Сколько трагизма, сколько ужаса въ этомъ дѣтскомъ крикѣ.

*
* *

Когда я велъ бесѣду съ отцомъ Иваномъ и разспрашивалъ его о подробностяхъ убійства полковникомъ Риманомъ его сына, Сергѣя Виноградова, на станціи Ашитково, гдѣ онъ служилъ начальникомъ станціи, и убійствъ, произведенныхъ здѣсь въ Голутвинѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Тяжело разсказывать о происшедшемъ, такъ тяжело, что вы не повѣрите. Когда утромъ 19 декабря прибѣжалъ ко мнѣ надзиратель и сказалъ:

— Батюшка, пожалуйте хоронить.

— Кого хоронить? — спросилъ я.

— Убіенныхъ, — отвѣтилъ и пояснилъ, — убіенныхъ, которыхъ вчера пріѣхавшіе солдаты убили; 26 человѣкъ — начальника станціи, помощника и многихъ другихъ.

Когда онъ мнѣ это сказалъ, я понялъ тогда, какіе выстрѣлы я слышалъ наканунѣ, когда въ церкви кончалъ свою вечернюю молитву. Именно въ этотъ моментъ разстрѣляли этихъ невиновныхъ, несчастныхъ людей. Тогда мнѣ стало такъ тяжело, такъ страшно передъ Богомъ и людьми, что пролита чистая, невинная кровь. Я ненахожу словъ, чтобы выразить вамъ, что я пережилъ въ эту минуту. Скажу вамъ, что когда къ вечеру того же дня я узналъ по телеграфу о таковомъ же разстрѣлѣ моего родного любимаго сына, Сергѣя, въ Ашитковѣ, я не былъ такъ глубоко потрясенъ, я не испыталъ и сотой доли тѣхъ мукъ и страданій, что пережилъ въ то утро, когда узналъ о казни невиновныхъ — Надежина и Шелухина.

Поймите, что сынъ мнѣ родной, самый близкій человѣкъ, любимый мой, но смерть его не перевернула мою душу, не ужаснула меня, потому что я слышалъ, что онъ былъ виновенъ, если считать за вину участіе во всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ. Я пожалѣлъ его, погоревалъ о невозвратимой утратѣ, но не былъ такъ убитъ и удрученъ, какъ извѣстіемъ о разстрѣлѣ невиновныхъ — Надежина и Шелухина.

Помолчавъ минуту, старикъ-священникъ продолжалъ:

— Убили безъ суда, безъ слѣдствія, убили невиновныхъ людей, какъ разбойниковъ, въ два-три часа, такихъ людей, за которыхъ я готовъ понести отвѣтъ передъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ я увѣренъ такъ же, какъ въ самомъ себѣ.

ГЛАВА III.

За что?

Этотъ простой вопросъ и въ то же время роковой, вслѣдствіе своей неразрѣшенности, всюду преслѣдуетъ меня, куда бы я не пошелъ, съ кѣмъ бы не встрѣтился въ своихъ бесѣдахъ о дѣйствіяхъ подъ Москвой усмирительнаго отряда.

«Скажите Бога ради, за что убили моего мужа? — встрѣтила меня такими словами Надежина, вдова убитаго начальника станціи въ Голутвинѣ. — Вы собирали свѣдѣнія, разспрашивали многихъ очевидцевъ случившагося, вы, навѣрное, теперь знаете, за что его убили. Скажите, не томите меня! Я страшно мучаюсь этимъ вопросомъ. Вѣдь не могли же его убить невинно? Я этому не вѣрю! Значитъ, было за что!.. Но за что же? За что? Не знаю!!. И, глубоко задумавшись, долго она не замѣчала моего присутствія. Я не хотѣлъ прерывать ея мрачныхъ мыслей и выжидалъ, когда она сама заговоритъ со мною.

Посѣщеніе этой несчастной семьи оставило во мнѣ глубокій слѣдъ; какъ живую, представляю себѣ эту блѣдную, худощавую женщину съ просѣдью густыхъ темныхъ волосахъ. На изстрадавшемся лицѣ чувствуется глубокій отпечатокъ ея тяжелыхъ думъ; грустные добрые глаза съ такой печалью, съ выраженіемъ такого безысходнаго горя обращались ко мнѣ съ вопросомъ: «Скажите, за что его убили?!» — что мнѣ казалось, весь ужасъ ея положенія, всѣ тяжкія страданія, переживаемыя ею, потому такъ

[illegible] [illegible] [illegible] [

тельство, онъ потому пошелъ на митингъ, чтобы своимъ словомъ повліять на рабочихъ въ хорошую сторону и удержать ихъ отъ грабежа, подобнаго тому, что былъ въ Перовѣ. Нѣтъ. Не за это его убили!.. Такъ за что же, за что?!.» воскликнула она съ новыми муками въ голосѣ и, вновь, не находя отвѣта, углубилась въ свои мысли.

«Быть-можетъ, за то, что у него въ карманѣ были служебныя депеши за подписью стачечнаго комитета?» спросила она меня, но вѣдь, знаете ли, онъ не могъ ихъ не получать, потому что каждый день приходили и отходили воинскіе поѣзда съ Дальняго Востока, которые требовали немедленной отправки, въ противномъ случаѣ грозили разнести всю станцію. Тогда волей-неволей приходилось открывать имъ станцію и запрашивать путь на сосѣднюю. Нѣтъ, это онъ долженъ былъ дѣлать, да, кромѣ того, онъ сейчасъ же телеграфировалъ о происходящемъ въ Москву своему начальству, но никакого отвѣта не получалъ. Нѣтъ, нѣтъ, за это не могли его убить! Здѣсь нѣтъ ничего преступнаго!»

«Такъ за что же? Я не знаю... Скажите, вы, быть-можетъ, вы что-нибудь знаете, слышали, скажите!.. Я готова услышать всю правду, какова бы она не оказалась!»

«За что?»

Но вопросъ ея оставался безъ отвѣта. Я не находилъ словъ, чтобы сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе, чтобы облегчить ея страданье, чтобы дать отгадку на ея неразрѣшимый вопросъ. Я не могъ сказать ей: «Вашъ мужъ убитъ невинно. Слышите, г-жа Надежина, я выяснилъ черезъ членовъ стачечнаго комитета, что вашъ мужъ убитъ невинно, какъ и многіе другіе; въ этомъ ручаюсь вамъ своею честью, чѣмъ хотите, что вашъ мужъ ни въ чемъ неповиненъ!»

Я не сказалъ ей этого, потому что она не поняла бы моихъ словъ, какъ не могла бы понять санскритскаго языка.

Никакіе доводы, никакія доказательства, убѣжденія не могли бы поколебать ея глубокой вѣры въ то, что правительство не могло разстрѣлять невиннаго человѣка.

Въ ея воображеніи рисуется, что офицеры судебнымъ порядкомъ разбирали преступность каждаго и послѣ явныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ приговаривали виновныхъ къ разстрѣлу. Такимъ оказался ея мужъ. Только вина его осталась тайной для несчастной женщины. Чтобы переубѣдить ее, ей слѣдовало видѣть судъ, происходившій въ Перовѣ. Тамъ каждый лично, своими глазами убѣждался, что тутъ убивали людей безъ суда, безъ вины, иногда въ силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздраженію. Убивали на глазахъ у всѣхъ открыто...

И убили въ оставшихся въ живыхъ ихъ вѣру въ человѣческій законъ, въ поддерживающую его государственную власть, вѣру въ правду на землѣ, ту вѣру, съ которой дожили до глубокой старости, которую унаслѣдовали отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ. Тамъ, въ Перовѣ, рѣдко приходилось слышать этотъ роковой вопросъ...

«За что?»

Наоборотъ, когда я спрашивалъ крестьянъ, за «что» убили сына или мужа, получался рѣзкій категорическій отвѣтъ.

Тамъ, въ Перовѣ, не осталось сомнѣнія, за что казнили столькихъ людей.

Многіе даже спѣшили забѣжать впередъ и вывести меня изъ возможности впасть въ ошибку и разъясняли мнѣ: «Не думайте, что такого-то убили за то, что онъ занимался расхищеніемъ товара изъ вагоновъ и что у него въ домѣ было награбленное имущество. Вовсе нѣтъ».

Когда однажды пришелъ полковникъ дѣлать обыскъ, то хозяинъ квартиры спросилъ его:

— Вы, ваше высокородіе, чего, собственно, ищете? Заранѣе скажу вамъ, что награбленнаго имущества въ домѣ много.

— Намъ этого не нужно, оставляйте у себя. Мы ищемъ оружія!

И, дѣйствительно, никакого товара не тронули; много банокъ стояло съ водкой, много другого товара было, — все оставили на своихъ мѣстахъ, ничего не тронули, а такъ какъ никакого оружія не было, то и ушли.

Но бѣдная вдова Надежина не въ состояніи понять того, что такъ ясно поняли перовцы, и въ продолженіе двухъ часовъ моей бесѣды съ ней слово «за что» не сходило съ ея устъ.

Много припоминала она «преступностей» своего мужа, но каждый разъ, задумавшись послѣ минутнаго молчанія, какъ судья, углубившійся въ свою совѣсть передъ тѣмъ, какъ вынести оправдательный вердиктъ, она съ оживленіемъ говорила: «Нѣтъ, нѣтъ! не за это... Навѣрно, есть другая вина. За это нельзя казнить человѣка!»

Не забыла она привести даже такой случай изъ его преступной дѣятельности. Когда онъ однажды обратился къ женѣ съ просьбой отдать старое пальтишко сына мальчику одного рабочаго, который долгое время находился безъ работы и чрезвычайно нуждался въ помощи. «Я отдала пальто, потому что самой было очень жаль мальчишку — такой онъ бѣдный выглядѣлъ, а у сына-то было хорошее новое пальто. Ну, я и отдала... Нѣтъ, за это не могли его убить. Что же изъ того, что это былъ сынъ рабочаго, и онъ пожалѣлъ бѣднаго мальчугана. За это не убиваютъ!..»

«Такъ за что же? Какъ это ужасно, я не знаю, за что? Все, что только я припомнила, все, что только я знала, все, что могло быть поставлено ему въ вину, я вамъ разсказала. Вѣдь, правда, за это его не могли приговорить къ смертной казни?»

Я съ ней согласился и хотѣлъ было уходить, но она остановила меня и сказала:

«Я хочу спросить вашего мнѣнія; вотъ я написала письмо къ одному изъ начальниковъ и спрашиваю его, «за что» убили моего мужа: я вамъ прочту, и вы посовѣтуете, послать ли его?»

Я выслушалъ это письмо.

Именемъ своихъ дѣтей она умоляла его сказать всю правду, сказать «за что» убили ея мужа? Она проситъ его потому, что когда дѣти подрастутъ, чтобы надъ ними не тяготѣла тайна страшнаго преступленія отца, за которое онъ былъ казненъ. Лучше выслушать горькую истину, нежели томиться въ постоянной неизвѣстности ужасной, страшной тайны преступленія. Кончивъ чтеніе, она спросила:

«Ну, какъ, совѣтуете послать это письмо. Получу я отвѣтъ на свой вопросъ?»

Что долженъ былъ сказать я измученной женщинѣ? Получитъ ли она отвѣтъ на свой роковой вопросъ: «За что?..» Пусть пошлетъ она это письмо полковнику Риману, и своей искренностью, тѣмъ безысходнымъ горемъ и страданьемъ, которыя чувствуются въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ, написанной подъ вліяніемъ глубокой вѣры въ правду, это письмо тронетъ сердце убившаго и онъ отвѣтитъ ей также искренне, что онъ убилъ ея мужа «невинно».

В. Владимировъ.

Двѣ казни.

I. Безъ суда.

Синія курмы китайцевъ мелькаютъ въ гаолянѣ. Только что мотыжившіе поля работники разбѣгаются во всѣ стороны—вѣрный признакъ того, что сейчасъ начнется бой. Вершины сопокъ на югѣ точно присыпало чѣмъ-то — тамъ уже появились японцы... Черныя точки ползутъ оттуда внизъ. Въ бинокль видны на пустынныхъ доселѣ дорогахъ струйки пыли. Никакого сомнѣнія: оттуда двигается непріятельская артиллерія. И въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ вѣтеръ относитъ эту пыль въ сторону, на какихъ-то черныхъ блестящихъ черточкахъ играетъ солнце. Мы угадываемъ хоботы орудій, и не прошло часу, какъ вдругъ далеко-далеко что-то глухо и зловѣще ахнуло. Высоту разсѣкъ громадный стальной бичъ, и съ визгомъ лопнула надъ ними и разсыпалась кругомъ первая шрапнель. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ наудачу. Еще нѣсколько минутъ — загрохотали орудія и передъ нами и позади насъ начали рваться «шимозы», взрывая съ желтыхъ полей бурые клубы убійственнаго газа и пыли. Точно отыскивая кого-то, завыли и засвистали чугунные осколки.

Генералъ осматривалъ мѣстность, на которой намъ надо было держаться.

— Растянись!.. Эй, растянись!..

велится и ну его штыкомъ началъ пороть; поролъ, поролъ, — надо думать запоролъ совсѣмъ и опять отошелъ въ сторону. Не прошло и 20 минутъ, какъ этотъ-то опять зашевелился, головой замоталъ — страсть живучъ былъ, солдатъ всердцахъ опять подошелъ и штыкомъ докололъ его, а потомъ и офицеръ подошелъ и выстрѣлилъ ему въ голову. На Дальнемъ Востокѣ и то, должно, такъ не было!» закончила Дрожжина свой безыскусственный страшный разсказъ.

* * *

Во всѣхъ домахъ происходили повальные обыски по 3 — 4 раза.

Во время одного изъ такихъ обысковъ въ квартирѣ семьи Оводовыхъ, послѣ того, какъ отъ удара прикладомъ слетѣла съ петель дверь кладовки, и вся одежда и бѣлье при помощи штыковъ оказались разбросанными по полу, старшій сынъ хозяйки квартиры, Иванъ Оводовъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, не грабить пришли, а обыскивать, такъ, пожалуйста, поделикатнѣе обращайтесь съ вещами.

По увѣренію старухи-матери онъ былъ выпивши, потому рѣшился такъ сказать.

Въ комнатѣ жильцовъ нашли 4 топора, какъ оказалось краденые изъ вагоновъ и два мѣшочка съ дробью.

Офицеръ пришелъ въ раздраженіе и сталъ угрожать присутствующимъ револьверомъ, который держалъ въ рукѣ. Когда же нашли сломанный револьверъ, то онъ злобно спросилъ:

— Чей это?

— Мой, отвѣтилъ сынъ Иванъ.

— Посторонись, старуха, — крикнулъ Риманъ, и выстрѣломъ изъ револьвера въ лобъ убилъ его.

* * *

Обстоятельства смерти Яшукова таковы.

Къ нему пришли солдаты на квартиру съ обыскомъ и своимъ рѣзкимъ, безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ начали его

раздражать. Онъ все крѣпился и терпѣлъ. Когда же его имущество и вещи полетѣли въ разныя стороны, постель и подушки остались на полу вмѣстѣ съ добромъ изъ сундуковъ, онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе и, получивъ въ отвѣтъ за это грубыя ругательства со стороны солдатъ, вступилъ съ ними въ пререканія. Нѣсколько разъ офицеръ крикнулъ ему молчать, но тотъ все не унимался. Обыскъ приходилъ уже къ концу, никакого оружія не было найдено, но раздраженіе все расло другъ противъ друга. Передъ тѣмъ, какъ уходить солдатамъ, офицеръ приказалъ Яшукову слѣдовать за нимъ.

Выйдя на улицу, онъ скомандовалъ солдатамъ разстрѣлять его, и тутъ же на шоссе, ведущемъ къ Карачарову, нѣсколькими выстрѣлами его убили.

Онъ работалъ въ качествѣ молотобойца въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Другого рабочаго въ тѣхъ же мастерскихъ кузнеца Похомова взяли солдаты на штыки на улицѣ послѣ обыска въ его квартирѣ. Тамъ нашли у него револьверъ, который онъ призналъ своимъ. Почему-то офицеръ не убилъ его на мѣстѣ, а велѣлъ итти за нимъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, скомандовалъ: «въ штыки его». Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ однихъ только штыковъ.

*
* *

Въ Перовѣ 10-лѣтняя дѣвочка, Настя, при видѣ, какъ револьвернымъ выстрѣломъ офицеръ убилъ ея родного брата на ея глазахъ, бросилась въ испугѣ къ матери и закричала: «Какіе они злые, какіе злые глаза; мама, они насъ убьютъ сейчасъ...» Потомъ выпрямилась блѣдная... на стройныхъ тонкихъ ножкахъ, приблизилась къ офицеру и крикнула въ глаза: «Зачѣмъ убили моего Ваню, убейте и меня».

Сколько трагизма, сколько ужаса въ этомъ дѣтскомъ крикѣ.

*
* *

Когда я велъ бесѣду съ отцомъ Иваномъ и разспрашивалъ его о подробностяхъ убійства полковникомъ Риманомъ его сына, Сергѣя Виноградова, на станціи Ашитково, гдѣ онъ служилъ начальникомъ станціи, и убійствъ, произведенныхъ здѣсь въ Голутвинѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Тяжело разсказывать о происшедшемъ, такъ тяжело, что вы не повѣрите. Когда утромъ 19 декабря прибѣжалъ ко мнѣ надзиратель и сказалъ:

— Батюшка, пожалуйте хоронить.

— Кого хоронить? — спросилъ я.

— Убіенныхъ, — отвѣтилъ и пояснилъ, — убіенныхъ, которыхъ вчера пріѣхавшіе солдаты убили; 26 человѣкъ — начальника станціи, помощника и многихъ другихъ.

Когда онъ мнѣ это сказалъ, я понялъ тогда, какіе выстрѣлы я слышалъ наканунѣ, когда въ церкви кончалъ свою вечернюю молитву. Именно въ этотъ моментъ разстрѣляли этихъ невиновныхъ, несчастныхъ людей. Тогда мнѣ стало такъ тяжело, такъ страшно передъ Богомъ и людьми, что пролита чистая, невинная кровь. Я ненахожу словъ, чтобы выразить вамъ, что я пережилъ въ эту минуту. Скажу вамъ, что когда къ вечеру того же дня я узналъ по телеграфу о таковомъ же разстрѣлѣ моего родного любимаго сына, Сергѣя, въ Ашитковѣ, я не былъ такъ глубоко потрясенъ, я не испыталъ и сотой доли тѣхъ мукъ и страданій, что пережилъ въ то утро, когда узналъ о казни невиновныхъ — Надежина и Шелухина.

Поймите, что сынъ мнѣ родной, самый близкій человѣкъ, любимый мой, но смерть его не перевернула мою душу, не ужаснула меня, потому что я слышалъ, что онъ былъ виновенъ, если считать за вину участіе во всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ. Я пожалѣлъ его, погоревалъ о невозвратимой утратѣ, но не былъ такъ убитъ и удрученъ, какъ извѣстіемъ о разстрѣлѣ невиновныхъ — Надежина и Шелухина.

Помолчавъ минуту, старикъ-священникъ продолжалъ:

— Убили безъ суда, безъ слѣдствія, убили невиновныхъ людей, какъ разбойниковъ, въ два-три часа, такихъ людей, за которыхъ я готовъ понести отвѣтъ передъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ я увѣренъ такъ же, какъ въ самомъ себѣ.

ГЛАВА III.

За что?

Этотъ простой вопросъ и въ то же время роковой, вслѣдствіе своей неразрѣшенности, всюду преслѣдуетъ меня, куда бы я не пошелъ, съ кѣмъ бы не встрѣтился въ своихъ бесѣдахъ о дѣйствіяхъ подъ Москвой усмирительнаго отряда.

«Скажите Бога ради, за что убили моего мужа? — встрѣтила меня такими словами Надежина, вдова убитаго начальника станціи въ Голутвинѣ. — Вы собирали свѣдѣнія, разспрашивали многихъ очевидцевъ случившагося, вы, навѣрное, теперь знаете, за что его убили. Скажите, не томите меня! Я страшно мучаюсь этимъ вопросомъ. Вѣдь не могли же его убить невинно? Я этому не вѣрю! Значитъ, было за что!.. Но за что же? За что? Не знаю!!. И, глубоко задумавшись, долго она не замѣчала моего присутствія. Я не хотѣлъ прерывать ея мрачныхъ мыслей и выжидалъ, когда она сама заговоритъ со мною.

Посѣщеніе этой несчастной семьи оставило во мнѣ глубокій слѣдъ; какъ живую, представляю себѣ эту блѣдную, худощавую женщину съ просѣдью густыхъ темныхъ волосахъ. На изстрадавшемся лицѣ чувствуется глубокій отпечатокъ ея тяжелыхъ думъ; грустные добрые глаза съ такой печалью, съ выраженіемъ такого безысходнаго горя обращались ко мнѣ съ вопросомъ: «Скажите, за что его убили?!» — что мнѣ казалось, весь ужасъ ея положенія, всѣ тяжкія страданія, переживаемыя ею, потому такъ

мучительны, такъ невыносимы для нея, что не находитъ она отвѣта на свой роковой вопросъ.

Ее не то убиваетъ, что она лишилась своего любимаго супруга, съ которымъ прожила всю свою жизнь, не то гнететъ ее, что она лишилась кормильца семьи въ шесть душъ дѣтей и теперь будетъ съ ребятками влачить свою голодную жизнь. Нѣтъ, ее мучаетъ страшная неизвѣстность о преступности мужа. Если бы онъ былъ доказанный преступникъ, ея горе было бы другое, оно вылилось бы въ другую опредѣленную, ясную форму; она страдала бы, но не такъ; она знала бы тогда, что онъ понесъ законную кару: «Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ»; но здѣсь ее мучаетъ предположеніе, что онъ преступникъ, тайный, страшный преступникъ, котораго казнили въ 2—3 часа, какъ разбойника, среди дороги, безъ исповѣди, безъ послѣдняго слова передъ смертью, обращеннаго къ дѣтямъ, къ семьѣ, къ обществу. А что преступленіе должно быть налицо, тому служитъ поручительствомъ ея глубокая вѣра въ то, что «невиновнаго» правительство не могло убить; это противно ея пониманію; понятіе «разстрѣляніе безъ вины и суда» не укладывается въ ея внутреннемъ существѣ, во всемъ томъ, что составляло до сихъ поръ ея жизнь, смыслъ внутренней жизни, душу и сердце...

«Нѣтъ, невиновнаго не могли убить, — за нимъ есть вина и вина страшная». И вотъ опять во всей грозной силѣ встаетъ передъ нею все тотъ же вопросъ: «За что?.. Онъ былъ на митингѣ въ театрѣ одинъ разъ и говорилъ слово, обращенное къ рабочимъ, въ которомъ указывалъ что, благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ, развился грабежъ, что рабочіе безобразничаютъ, расхищаютъ чужое имущество на вокзалѣ, что такъ нельзя поступать, что это противно пониманію порядочности, честности. Быть-можетъ, за это его убили?..» Она замолчала и углубилась въ свои думы, правой рукой нервно потирая лобъ, стараясь разрѣшить мучительный вопросъ. «Нѣтъ, нѣтъ. Не можетъ быть. За это не могли его убить. Онъ защищалъ прави-

тельство, онъ потому пошелъ на митингъ, чтобы своимъ словомъ повліять на рабочихъ въ хорошую сторону и удержать ихъ отъ грабежа, подобнаго тому, что былъ въ Перовѣ. Нѣтъ. Не за это его убили!.. Такъ за что же, за что?!.» воскликнула она съ новыми муками въ голосѣ и, вновь, не находя отвѣта, углубилась въ свои мысли.

«Быть-можетъ, за то, что у него въ карманѣ были служебныя депеши за подписью стачечнаго комитета?» спросила она меня, но вѣдь, знаете ли, онъ не могъ ихъ не получать, потому что каждый день приходили и отходили воинскіе поѣзда съ Дальняго Востока, которые требовали немедленной отправки, въ противномъ случаѣ грозили разнести всю станцію. Тогда волей-неволей приходилось открывать имъ станцію и запрашивать путь на сосѣднюю. Нѣтъ, это онъ долженъ былъ дѣлать, да, кромѣ того, онъ сейчасъ же телеграфировалъ о происходящемъ въ Москву своему начальству, но никакого отвѣта не получалъ. Нѣтъ, нѣтъ, за это не могли его убить! Здѣсь нѣтъ ничего преступнаго!»

«Такъ за что же? Я не знаю... Скажите, вы, быть-можетъ, вы что-нибудь знаете, слышали, скажите!.. Я готова услышать всю правду, какова бы она не оказалась!»

«За что?»

Но вопросъ ея оставался безъ отвѣта. Я не находилъ словъ, чтобы сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе, чтобы облегчить ея страданье, чтобы дать отгадку на ея неразрѣшимый вопросъ. Я не могъ сказать ей: «Вашъ мужъ убитъ невинно. Слышите, г-жа Надежина, я выяснилъ черезъ членовъ стачечнаго комитета, что вашъ мужъ убитъ невинно, какъ и многіе другіе; въ этомъ ручаюсь вамъ своею честью, чѣмъ хотите, что вашъ мужъ ни въ чемъ неповиненъ!»

Я не сказалъ ей этого, потому что она не поняла бы моихъ словъ, какъ не могла бы понять санскритскаго языка.

Никакіе доводы, никакія доказательства, убѣжденія не могли бы поколебать ея глубокой вѣры въ то, что правительство не могло разстрѣлять неповиннаго человѣка.

Въ ея воображеніи рисуется, что офицеры судебнымъ порядкомъ разбирали преступность каждаго и послѣ явныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ приговаривали виновныхъ къ разстрѣлу. Такимъ оказался ея мужъ. Только вина его осталась тайной для несчастной женщины. Чтобы переубѣдить ее, ей слѣдовало видѣть судъ, происходившій въ Перовѣ. Тамъ каждый лично, своими глазами убѣждался, что тутъ убивали людей безъ суда, безъ вины, иногда въ силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздраженію. Убивали на глазахъ у всѣхъ открыто...

И убили въ оставшихся въ живыхъ ихъ вѣру въ человѣческій законъ, въ поддерживающую его государственную власть, вѣру въ правду на землѣ, ту вѣру, съ которой дожили до глубокой старости, которую унаслѣдовали отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ. Тамъ, въ Перовѣ, рѣдко приходилось слышать этотъ роковой вопросъ...

«За что?»

Наоборотъ, когда я спрашивалъ крестьянъ, за «что» убили сына или мужа, получался рѣзкій категорическій отвѣтъ.

Тамъ, въ Перовѣ, не осталось сомнѣнія, за что казнили столькихъ людей.

Многіе даже спѣшили забѣжать впередъ и вывести меня изъ возможности впасть въ ошибку и разъясняли мнѣ: «Не думайте, что такого-то убили за то, что онъ занимался расхищеніемъ товара изъ вагоновъ и что у него въ домѣ было награбленное имущество. Вовсе нѣтъ».

Когда однажды пришелъ полковникъ дѣлать обыскъ, то хозяинъ квартиры спросилъ его:

— Вы, ваше высокородіе, чего, собственно, ищете? Заранѣе скажу вамъ, что награбленнаго имущества въ домѣ много.

— Намъ этого не нужно, оставляйте у себя. Мы ищемъ оружія!

И, дѣйствительно, никакого товара не тронули; много банокъ стояло съ водкой, много другого товара было, — все оставили на своихъ мѣстахъ, ничего не тронули, а такъ какъ никакого оружія не было, то и ушли.

Но бѣдная вдова Надежина не въ состояніи понять того, что такъ ясно поняли перовцы, и въ продолженіе двухъ часовъ моей бесѣды съ ней слово «за что» не сходило съ ея устъ.

Много припоминала она «преступностей» своего мужа, но каждый разъ, задумавшись послѣ минутнаго молчанія, какъ судья, углубившійся въ свою совѣсть передъ тѣмъ, какъ вынести оправдательный вердиктъ, она съ оживленіемъ говорила: «Нѣтъ, нѣтъ! не за это... Навѣрно, есть другая вина. За это нельзя казнить человѣка!»

Не забыла она привести даже такой случай изъ его преступной дѣятельности. Когда онъ однажды обратился къ женѣ съ просьбой отдать старое пальтишко сына мальчику одного рабочаго, который долгое время находился безъ работы и чрезвычайно нуждался въ помощи. «Я отдала пальто, потому что самой было очень жаль мальчишку — такой онъ бѣдный выглядѣлъ, а у сына-то было хорошее новое пальто. Ну, я и отдала... Нѣтъ, за это не могли его убить. Что же изъ того, что это былъ сынъ рабочаго, и онъ пожалѣлъ бѣднаго мальчугана. За это не убиваютъ!..»

«Такъ за что же? Какъ это ужасно, я не знаю, за что? Все, что только я припомнила, все, что только я знала, все, что могло быть поставлено ему въ вину, я вамъ разсказала. Вѣдь, правда, за это его не могли приговорить къ смертной казни?»

Я съ ней согласился и хотѣлъ было уходить, но она остановила меня и сказала:

убитаго, не явились... Они вѣдь страшно боятся. Ни за что на судъ не придутъ. Даже жена этого Хо куда-то убѣжала...»

И Жидкихъ и Педько̀ совершенно спокойны. Только еще шаршавѣе стали.

— Ежели на высидку, съ полнымъ удовольствіемъ, — бормочетъ Жидкихъ.

Судъ выходитъ, мы всѣ встаемъ.

— По указу ..... и т. д. Рядовыхъ Педько̀ и Жидкихъ...—идетъ какое-то сплошное бормотанье. Лица полковника и его ассистентовъ равнодушны до послѣдней степени. Прокуроръ на часы смотритъ: ѣсть хочется. На лицѣ у любителя винта: «подлецы, вѣрно, не дождались, безъ меня сѣли»... И вдругъ, точно неожиданный ударъ, слышу: «...лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе».

— Ежели на высидку, я согласенъ, — лопочетъ Жидкихъ.

Педько̀ смотритъ тупо. Видимо, ничего не понимаетъ...

Черезъ нѣсколько дней я опять съ боевыхъ позицій пріѣхалъ сюда. Захожу въ судъ. Тѣ же и казакъ Дубяга, весь оплывшій и одурѣвшій отъ ханшина. Онъ занимаетъ мѣсто, на которомъ недѣлю назадъ стояли Жидкихъ и Педько.

— Ты убилъ китайца Хо?

— Такъ точно, выше в-іе. Виноватъ.

— Прикладомъ по головѣ?

— По башкѣ, по самой.

— За что?

— Пьянъ былъ.

— Введите свидѣтелей.

Робко входятъ китайцы и вдова Хо, опоздавшіе къ прошлому процессу. Ихъ съ трудомъ отыскали и еще съ бо́льшимъ трудомъ убѣдили явиться въ судъ.

Озираются, кланяются во всѣ стороны, присѣдаютъ.

Они узнали казака, пьянствовавшаго у нихъ.

Ханшинъ только на китайскій желудокъ ничего. Наши отъ него безумѣютъ. Стоитъ на другой день послѣ выпить простой воды, и пьяный наканунѣ дѣлается сумасшедшимъ сегодня...

Опять перерывъ, вновь мы выходимъ къ той же прохладной лощинѣ.

Синяя ночь кругомъ ласкаетъ нѣжною прохладою.

— Значитъ, теперь Жидкихъ и Педько̀ освободятъ?— встрѣчаю я защитника.

— Какъ?

— Да вѣдь не два же раза убивали этого Хо?

— Разумѣется, одинъ. Только... Нѣтъ, знаете, слава Богу, завтра состоится приказъ о моемъ переводѣ въ строй. Лучше съ японцами драться, чѣмъ...

— Что чѣмъ?

— Да вѣдь и Педько̀ и Жидкихъ разстрѣляли...

— Когда?

— Третьяго дня.

Вас. Немировичъ-Данченко.

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Такой я видѣлъ ее три раза.

Первый разъ она смѣялась и прыгала.

Второй разъ—плакала и была одна между всѣми, которыя...

Третій...

Но разскажу по порядку.

Невинныя, чистыя дѣти холодно-прозрачныхъ высотъ окутали землю причудливой нѣжною тканью; искрились въ длинныхъ дрожащихъ лучахъ невысокаго солнца, неслышно и грустно скользившихъ по грудамъ сокровищъ; и крыши, и стѣны, и землю окутали бѣлымъ пушистымъ покровомъ... И черные сучья корявыхъ деревьевъ—тоской изможденныя души — и тѣхъ обманули сверкающимъ смѣхомъ надежды и имъ обѣщали отраду, тихонько шепнули, что есть разрѣшеніе черныхъ скорбей въ бѣломъ, пушистомъ, сверкающемъ...

Цѣлый вечеръ вчера и всю ночь и сегодня весь день кружились и падали мягкія бѣлыя звѣзды. А къ вечеру вдругъ проглянуло нежданное солнце...

И вмѣстѣ съ косыми лучами—звонкая искристость нѣжныхъ малютокъ и легкая грусть у порога стоящаго вечера.

Шелъ по бульвару безъ цѣли одинъ; искрились звѣзды мечтаній. Небо, низко склонившись, глядѣло съ улыбкой въ просинь-просвѣтъ межъ пушистыхъ сказочныхъ путниковъ,

легкой гурьбой уплывавшихъ въ просторъ. Бѣлыя птицы надежды вѣяли крыльями, лаской нездѣшней манили.

Хотѣлось итти далеко—къ закатному, близкому солнцу. Вѣрилось, можно ступить за кривую черту горизонта къ свѣтлымъ отшельникамъ, въ царство вечернихъ улыбокъ.

И все это тамъ, за бульваромъ... Тамъ, гдѣ кончается онъ, начиналось волшебное царство лазури.

Шла впереди меня.

Давно, еще издали, глазъ мой отмѣтилъ ее:

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Шла она быстро. Головкой качала чуть-чуть. Небольшая и тонкая.

Дѣвочка? Дѣвушка?

Не все ли равно?..

Шла она быстро, походкой упругой и радостной. Сразу отчетливо видно: радость торопитъ ее.

Небогато одѣта: потертая шапочка и воротникъ ужъ несвѣжій... Но улыбался и онъ вмѣстѣ съ нею.

Шла она быстро, но я шелъ быстрѣй, и только почти догнавъ, замедлилъ шаги,—жаль вдругъ стало разстаться съ этимъ наивнымъ и радостнымъ образомъ: слегка опушенная все еще падавшей, тихо кружась, небесною благостной вѣстью, вся въ поцѣлуяхъ нѣжно скользящихъ вечернихъ лучей, съ какой-то робко смѣющейся радостью—быть-можетъ, самой ей невѣдомой — въ чистой дѣвичьей душѣ своей...

Шелъ я сзади, въ тактъ ея легкимъ шагамъ, неслышно, чтобы не спугнуть дѣтскихъ грезъ. Что-то въ душу вошло вмѣстѣ съ чистою прелестью облика этой незнаемой—дѣвочки, дѣвушки...—не все ли равно, кто она?..—той, что шла впереди, въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ... Гдѣ-то въ самыхъ нетронутыхъ, въ самыхъ юныхъ и дѣв-

ственныхъ глубинахъ глубинъ всталъ ея образъ, вошелъ туда тою же легкой и радостной поступью.

Я невольно замедлилъ шаги.

Дорога ты мнѣ стала, близка мнѣ невѣдомо, милая, легкая дѣвочка!..

Сяду здѣсь на скамью. Пусть никогда не узнаешь ты ласковой близости того человѣка, что шелъ за тобой и вотъ сѣлъ на скамью.

Иди все быстрѣй и воздушнѣй въ лазурное царство надеждъ,—со мной остается твой обликъ вечерній...

Вотъ она у обрыва... Я знаю,—тамъ дальше обрывъ за тонкой чертой горизонта, крутая дорожка къ рѣкѣ... Встала на самой чертѣ. Точно кто вырѣзалъ легкіе контуры въ небѣ...

На минутку тамъ замерла на порогѣ... Вотъ опустилась, подняла какую-то палочку и, нагнувшись, чертила ей тайные знаки. Потомъ подняла свои руки, развела широко-широко—на полнеба, точно къ груди прижала воздушную ласковость нѣжащихъ тайнъ, и вдругъ... засмѣялась... Недолго, но слышно—сверкающе, ясно, какъ эти алмазы... Смѣхъ покатился внизъ по обрыву, падалъ, звеня, замирая... И вдругъ, точно рѣшившись, бросилась книзу сама, расправила крылья и ринулась внизъ—въ безконечный просторъ.

Я невольно вскочилъ, побѣжалъ, и когда добѣжалъ до тонкой кривой черты горизонта, то была далеко-далеко уже—скакала и прыгала, и смѣялась опять, и сама обгоняла свой смѣхъ... И искрился онъ, какъ алмазы, какъ невинныя, чистыя дѣти холодно-прозрачныхъ высотъ...

Чему ты смѣялась? Какая весна на душѣ у тебя?

И вдругъ увидалъ на снѣгу эти тайные знаки:

«Сергѣй на свободѣ и будетъ здѣсь завтра...»

Назадъ шелъ одинъ. Погасли вечернія ласки закатнаго солнца, и мягко ложились, безъ блеска, пушистыя рѣдкія

звѣзды, и близкая, — рядомъ... — пошла одинокая, вѣрная грусть.

Но все еще смѣхъ твой звенѣлъ въ душѣ... Грустный, улыбку тебѣ посылаю, дитя мое! Тебѣ и Сергѣю... Хотя и одинъ...

Назадъ шелъ одинъ...

Другой разъ...

Странный, волнующій вечеръ былъ въ этихъ нетопленныхъ комнатахъ. Чья-то пустая большая квартира въ глуши, на окраинахъ города. Хозяева сами не жили въ ней, но разрѣшили собраться безъ нихъ.

Было тоскливо и грустно въ душѣ, когда я вошелъ. Такъ безнадежно-тоскливо... Казалось, не будетъ просвѣта надолго...

Знакомыя лица, знакомыя рѣчи... Въ подполье отъ жизни проклятьемъ забитые люди...

Сердце болитъ... Не сердце, а каждая клѣточка кровью больною отравлена,—кровью, несущею ядъ... За что же? За что эти муки и ужасы, о которыхъ слышу опять? Отъ одного отраженія ихъ разрывается сердце... Какая безумная, злостная сила нависла надъ жизнью людей?

Но слушаю дальше.

Былъ рефератъ о кровавыхъ безумствахъ въ далекой, громадой набросанныхъ зданій давящей столицѣ...

Говорилъ очевидецъ. Говорилъ такъ, что слышна была между пальцами липкая кровь. Густая и липкая.

Груды набросанныхъ тѣлъ, этихъ недавно горѣвшихъ и рвавшихся всѣмъ напряженіемъ трепетныхъ силъ... На голыхъ камняхъ, между тумбами...

Довольно! Довольно!..

Но все еще выстрѣловъ трескъ сухой и бездушный... Все еще слышится... Топотъ чугунныхъ шаговъ — сомкнутый строй—завернулъ въ переулокъ отрядъ. И опять и опять...

Это самъ дьяволъ орѣхи грызетъ—сухіе и хрупкіе... Хрустятъ черепа...

Новыя жертвы... Новая кровь... Кто же погибъ и кого пощадила судьба?..

Тише! Слушайте!.. Тише...

Цѣлый синодикъ...

. . . . . .

...Сергѣй Рагозинскій...

Боже! Не онъ ли?..

И тотчасъ увидѣлъ въ углу...

Все та же... Все въ томъ же... Какъ вошла,—не раздѣлась. Черная шапочка и воротникъ приподнятъ... Закрыла руками лицо и, молча, согнувшись, застыла...

Вотъ оно что!.. Вотъ оно что!..

Но дальше и дальше синодикъ...

Молчаніе, но въ нѣдрахъ его загорается буря. Все ближе и ближе гроза. Все ярче, все напряженнѣй задержанный взрывъ...

Слушали всѣ, затаивши дыханіе... Блѣдныя лица, сжатыя губы, сдержанный взглядъ. Эта сдержанность больше таитъ, чѣмъ порывы; властная сила владѣетъ порывами, они на уздѣ, они дисциплинѣ послушны; но это гроза безъ грома, безъ блеска пока; это грозящее будущее стоитъ у порога и ждетъ, чтобы властно войти; тишина, затаившая силу... только изрѣдка нервный изломъ пробѣгающихъ молній, рябь надъ бездонною пропастью океана неисчерпаемыхъ безднъ въ душѣ человѣка,—губы скривятся въ больную улыбку... но сжаты опять, но опять затаенная сила въ грозномъ плащѣ тишины...

И грусть и тоска, точно пепелъ, сотлѣли на этомъ вулканѣ огня... Нельзя не отдаться пылающей силѣ его, покоряющей власти. И дышала въ этой пустой, въ этой нетопленой комнатѣ одна только общая грудь—раскаленно зловѣ-

щая, жгучая; и становились упругими ноги, подняться хотѣлось куда-то, итти, чтобы воздухъ, просторъ охладили ее... Это вѣчно зовущая, дѣвственно чистая, недосягаемо чистая, только одна ты, свобода, потушишь сжигающій пламень... Нѣтъ, не потушишь, ты разольешь его въ тысячи благостныхъ искръ; въ вихрѣ сверкающихъ брызгъ ты озаришь новымъ свѣтомъ просторы міровъ; ты въ сокровенныя тайны укажешь пути; ты, свѣтозарное солнце, дашь новую жизнь, ты пробудишь міры еще ждущихъ разсвѣта созданій, нѣжныхъ и тонко глубокихъ, благоуханныхъ и свѣтлыхъ... тамъ, на пути въ безконечность...

Да, велика наша жажда!

Да, горяча наша жажда!

Да, необузданъ порывъ нашъ! И все, что стоитъ на пути, все, что мѣшаетъ...

Вдругъ чей-то, какъ молній изломъ, хриплый, сухой, нечеловѣческій голосъ:

— Господа, здѣсь шпіонъ!..

И моментально у всѣхъ—я убѣжденъ былъ, что это у всѣхъ: всѣ мы дышали одною грозой—также сжалось и высохло горло, и хриплый и дикій вырвался крикъ. И опять та же мертвая, гробовая, зловѣщая, жгучая, какъ пропасть глубокая и темная, какъ могильные ходы въ подземныхъ пещерахъ, слѣпымъ и невидящимъ окомъ смотрѣла межъ насъ тишина. Но уже были зарницы, но ужъ поплыли предъ вѣками закрывшихся глазъ кровавыя пятна...

Этотъ возгласъ былъ первый рокочущій, глухой и тяжелый, съ гнетущимъ усиліемъ нашедшій свой голосъ — первый предвѣстникъ грозы, громъ, углубившій, открывшій какія-то новыя бездны во тьмѣ; точно отхлынули волны и обнажили несказанныя тайны и глуби морей, и отъ этихъ невиданныхъ тайнъ зажглись кровожадныя точки, кровь от-

лила отъ глазъ, опустошила блѣдныя вѣки, но предчувствіе набѣгающей мощи прилива родило эти факелы...

И вотъ началось... Загорѣлось и вспыхнуло и разразилось грохотомъ словъ и проклятій, бѣшенымъ натискомъ крови. Все залила она, все поглотила, вырвались волны, бунтуя, и плещутъ и все растутъ еще, все растутъ... И молній изломы купаются въ волнахъ, и тучи все ниже склоняются къ нимъ, и дикая пѣсня хаоса изъ бездны временъ доноситъ внѣмірные звуки... И изъ клубящихся тучъ чей-то невѣдомый обликъ готовъ воплотиться въ реальность. Чей это ликъ?

Крики, шумъ голосовъ, искаженныя лица... Месть безпощадно кровавая близко... Гдѣ же враги? На кого же обрушить ударъ? Гдѣ они? Гдѣ же я самъ? На волнахъ вспѣненной стихіи, гдѣ мое я? Смутно колеблются гдѣ-то границы души, вотъ-вотъ поглотитъ ихъ общая пляска стихій... Гдѣ же враги?

Вижу почти фантастически, точно съ границы міровъ, но ясно, отчетливо...

Вижу:

Прижавшись въ углу, сталъ человѣкъ.

Да, онъ былъ человѣкъ.

Такой же, какъ всѣ...

Но губы дрожали, и челюсть, въ припадкѣ животнаго страха, прыгала, громко стуча, ударяясь въ верхніе зубы; блѣдный—не блѣдный, а бѣлый; маленькій; жидкіе волосы; полуспущены вѣки; бѣгаютъ робко глаза—безцвѣтные, тоже блѣдные, бѣлые тоже...

Да... человѣкъ...

Но на минуту видѣнье.

Снова волна... и мутно кровавыя брызги спадаютъ съ изгиба спины ея... съ крутого изгиба...

Вотъ гдѣ враги, вотъ гдѣ то самое подлое, самое гнусное, что родила незаконно земля; это дѣти разврата ея, дѣти тьмы,

это позоръ ея, это плѣсень, зловонный и гнусный ядъ, отравляющій землю; это поганая жаба на молодомъ и прекрасномъ лицѣ...

Какъ надъ омутомъ, волны людскія все ближе смыкали свой кругъ надъ этимъ... надъ тѣмъ, что въ углу... человѣкомъ... Все ярче, мрачнѣе всплески огня... Все слышнѣе, все липче... здѣсь, между пальцами...

Что это—кровь?

Кто-то ударилъ...

И еще и еще поднялись, замелькали упругія молоты-руки...

— Постойте!..

Тонкій, звенящій, но сильный и свѣтлый лучъ солнца прорѣзалъ вдругъ комнату...

Солнце? Откуда же солнце?..

Ночью?.. Здѣсь?.. Надъ хаосомъ?

Но правда: лучъ солнца. Я тотчасъ увидѣлъ ее...

Я тотчасъ узналъ ее:

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Чудо на землю сошло, нѣжное, хрупкое чудо... Это она была чудо—та, что только что, сидя въ углу, услышала страшныя вѣсти,—та, что скакала тогда, скакала и прыгала... та, что смѣялась... блѣдная, свѣтлая—улыбка вечернихъ небесъ... Вспомнилъ тотчасъ же пушистыя, мягкія звѣзды, ласку закатныхъ лучей... И тамъ надъ обрывомъ она, точно кто вырѣзалъ контуры легкіе... разъ навсегда... въ душѣ моей вырѣзалъ... руки раскрыла... хотѣла обнять безпредѣльную ширь... Слова ея: «Сергѣй на свободѣ и будетъ здѣсь завтра»...

Сергѣй на свободѣ... Сергѣй Рагозинскій...

И вотъ это ты — наше солнце... И вотъ это ты — наше чудо...

Это она была чудо...

Я тотчасъ увидѣлъ и тотчасъ узналъ ее...

Гдѣ же твой смѣхъ, гдѣ же звонкость его, бѣгущая съ камня на камень уступами, вперегонку съ тобой?.. Или гдѣ твои слезы, тѣ, что ты скрыла въ ладоняхъ своихъ... только что... сидя, согнувшись, въ углу... Гдѣ онѣ?

Точно изъ мрамора высѣкъ ее вдохновенный рѣзецъ, высѣкъ и бросилъ священный огонь въ тайники ея глазъ. Словно застыло лицо, застыла сама, стоитъ безъ движенья... Но въ глазахъ ея власть... Но въ глазахъ ея сила...

Но въ глазахъ ея свѣтлая сила глубоко скорбящей души...

Все оборвалось вокругъ. Всѣ сразу опомнились. Всѣ опустили глаза. Всѣ тихо, неслышно, отхлынувъ, продвинулись къ двери. Рефератъ былъ оконченъ. Всѣ расходились. Вышелъ и я. И не ждалъ ея выхода. Зачѣмъ мнѣ,—онъ вѣдь со мной... ея образъ... Со мной навсегда. Вижу: стоитъ...

Въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Домой шелъ одинъ.

Послѣ того былъ еще длинный рядъ дней, тяжелыхъ и мрачныхъ и поднимающихъ бодростью духъ. Я жилъ и дышалъ вмѣстѣ съ этими днями и такъ же окрашенъ былъ, какъ и они. Жилъ и дышалъ одинъ, какъ всегда... Ея я не встрѣтилъ ни разу. Все также не зналъ, кто она.

И наконецъ насталъ этотъ единственный день, одинъ, ни на что не похожій, день свѣта и ужаса вмѣстѣ...

Самый счастливый и самый ужасный изъ дней моей жизни. Тотъ день, когда самое чистое, такъ безконечно желанное, долго и трепетно жданное, сосудъ, драгоцѣннѣй котораго нѣтъ, сотканный изъ свѣта, изъ нѣжныхъ лучей, богиню, улыбкой своей освѣщавшую плаху дѣтей ея, цвѣтокъ изъ небесныхъ садовъ, первые проблески солнца свободы... когда все святое втоптали въ позорную грязь, и полили кровью обильно, и нагло, безстыдно смѣялись, и били такъ грубо и дико, хлестали расцвѣтшія души, что къ солнцу открылись довѣрчиво...

Этотъ кошмарный, безумный, горячечный бредъ, эта дѣйствительность, превзошедшая мѣру вещей, дикій, безумный хаосъ, для передачи чего нѣтъ человѣческихъ словъ,—все это было въ тотъ день...

Рано съ утра загорѣлась, какъ свѣчка, душа, первая мысль, первый привѣтъ мой былъ ей. Она и свобода... Сестры родныя... Гдѣ же она? Она тоже, вѣрно, на улицахъ, въ этихъ ликующихъ толпахъ, въ красномъ лѣсу изъ знаменъ...

Но не встрѣтилъ весь день ея: гдѣ же она? Здѣсь ли? Или уѣхала вовсе? Что на душѣ у ней? Есть ли сквозь раны кровавыя улыбка нездѣшней, небесной весны?

Къ вечеру встрѣтилъ...

Встрѣтилъ?..

Это было уже позднею ночью, послѣ всего... Было тогда, когда самъ невидящій Ужасъ съ глазами слѣпыми, съ одеждой, промокшей въ крови, промокшей насквозь, ходилъ между нами по улицамъ... Это было тогда, когда всюду звенѣлъ уже стонъ отъ разбитыхъ сердецъ и нельзя было сдѣлать ни шагу, чтобы острый обломокъ отъ нихъ не рѣзалъ ноги, чтобы безумная боль не пронзала зачѣмъ-то живого еще, зачѣмъ-то все еще цѣлаго сердца...

Я повернулъ въ переулокъ и сразу увидѣлъ ее... Въ полутѣни у фонаря... Но лицо ея ясно свѣтлѣло.

Лежала, раскинувши руки, и была все такая же, все въ томъ же... Даже черная шапочка какой-то невѣдомой силой держалась на головѣ ея, и воротникъ ея кофточки все такъ же былъ поднятъ... Лежала, откинувши голову навзничь. Въ ногахъ ея темный, недвижный комокъ. Нельзя разобрать, что такое...

Все вынесло сердце. Все вынесъ разсудокъ. Даже по виду спокойно къ ней подошелъ. Ноги шли сами. Но ужасъ, но боль, но отчаянье были отъ этого только сильнѣе. Если бы можно было заплакать или закричать голосомъ, равнымъ без-

умной тоскѣ... Но тогда бы пронесся надъ всею вселенною вихрь сокрушающей силы, небо въ оковахъ безстрастной, вѣчно безстрастной, лазури дало бы—должно было дать!—отвѣтъ мнѣ на стоны души, земные устои должны были бы дрогнуть...

Но нѣтъ, все спокойно. Все тихо. Все на своихъ мѣстахъ...

И она лежала такъ смирно...

Было блѣдно лицо, чисто и нѣжно, и только узкая черная рана пониже виска—небольшая и узкая... немного косая... Кровь запеклась тонкой шершавой струей... Ноги прикрыты, будто оправила, падая...

Вотъ и все. Вотъ и вся ея жизнь передо мною. Склонился, хотѣлъ поднять ее, взять. Пусть хоть мертвой, пусть тѣлу ея буду я близокъ. Тамъ, въ моей комнатѣ, ты будешь лежать у меня, и душа твоя будетъ близка мнѣ... Я, твой товарищъ невѣдомый, закрою глаза тебѣ... Я окажу тебѣ эту послѣднюю печальную услугу, которую можетъ дать сынъ земли отходящимъ съ нея...

Всю мою жизнь я прожилъ одинокимъ. Но теперь въ этотъ единственный мигъ, когда ты передо мною мертва, ты моя, ты со мной... Ты мой звонкій, смѣющійся вечеръ, ты блѣдное чудо, ты скорбь моя, безпредѣльная, вѣчная скорбь...

Низко склонился надъ трупомъ... Руку съ прощальнымъ привѣтомъ поднесъ къ пересохшимъ губамъ. Коснулся прикрытыхъ колѣнъ, чтобы поднять ея тѣло...

И вздрогнулъ невольно.

Безумнымъ и тусклымъ огнемъ горѣли глаза; тонкая, призрачно блѣдная кожа; жидкіе рыжіе волосы...

Выросъ изъ тьмы, возлѣ ногъ ея, этотъ полуночный призракъ. Это онъ былъ застывшей и странно безформенной грудой.

— Не троньте! Не троньте ея...

Это... Вѣдь это?..

Узналъ и его...

Гдѣ-то метнулась въ изсохшемъ мозгу фантастически ярко та же фигура...

Въ углу... Да, въ углу... Въ этой нетопленной комнатѣ... Красныя волны и толпы народа...

Только стучала тогда въ нервномъ припадкѣ и била о зубы нижняя челюсть...

Да, это онъ! Это тотъ, кто могъ быть растерзанъ. Это тотъ, кого спасла она... та, что лежала передъ нами... его спасла и другихъ... всѣхъ насъ спасла отъ пятна на одеждѣ... небольшого, кроваваго пятнышка въ родѣ того, что у ней на вискѣ...

Что же онъ дѣлаетъ здѣсь?..

— Стойте!.. Не троньте ея... Это святая лежитъ...

Святая?.. Да, да... Онъ правъ...

Какъ?.. Для него?.. И для насъ?.. И для меня?.. Вмѣстѣ святая для насъ?

Или святые—святые для всѣхъ?

Или... Или и онъ уже нашъ?..

— Не троньте ея... Это святая... Она спасла меня...

— Да, я знаю... Я видѣлъ... Я былъ тамъ, когда защитила она...

— Вы были? Вы были?

— Да, былъ. И я видѣлъ... Она спасла вашу жизнь.

— Душу,—не жизнь...

Настало молчаніе.

Душу?..

Онъ нашъ; онъ нашъ.

Душу у сыщика, душу шпіона, душу Іуды спасла?..

Да, да... Спасла...

Это она, та, что лежала—дѣвушка, дѣвочка... не все ли равно?..—та, что всегда была та же, что здѣсь, такъ, какъ

видѣлъ ее я всегда... да... да... она сдѣлала это чудо—великое, свѣтлое чудо.

Здѣсь, посреди безумія дьявольской оргіи, когда готовы были, какъ ржавыя нитки, порваться всѣ струны души, когда единственной вѣрой готова была остаться лишь новая вѣра въ Великаго Дьявола, что въ пурпурныхъ отъ крови одеждахъ возсѣдаетъ на тронѣ, свободномъ отъ Бога... въ этотъ часъ крушенія свѣтлыхъ основъ мірозданія,—словно улыбка далекихъ, тоскующихъ свѣтлой великой тоскою небесъ, эта лежащая дѣвушка явила намъ чудо...

— Не троньте... Не троньте...—молилъ онъ меня, и бережно, точно святыню, тронулъ ей платье у ногъ.

Это онъ такъ оправилъ ей... Онъ ей оправилъ и сѣлъ недвижимый.

— Надо взять ее...—тихо промолвилъ я.

Онъ промолчалъ, точно не понялъ.

— Взять ее надо...

— Да... Да... Да? Вы мнѣ поможете?

Всталъ.

— Я помогу? Куда же? Куда помогу отнести я?

— Здѣсь недалеко.

Къ нему?..

Взяли тихонько. Пошли переулками.

Къ нему? Да, быть-можетъ, и правъ онъ. Быть-можетъ, такъ и должно быть.

Въ тѣни простояли, прождали патруль. Бережно ношу несли. Онъ шелъ впереди, позади—я, между нами—она.

Да; такъ рѣшилъ я. Пусть будетъ такъ. Пусть снова одинъ я пойду. Назадъ я пойду одинъ. Какъ и тогда... Какъ и всегда.

Пусть этотъ спасенный тобой человѣкъ послѣднее скажетъ прости на землѣ... Для него ты, быть-можетъ, нужнѣй... Да будетъ такъ!

Но ты не его, не Сергѣя, ничья. И не моя, одинокаго, носящаго образъ твой свѣтлый въ глубинахъ души... Пусть снова одинъ я пойду. Ты все же со мной, ибо ты—для всѣхъ: и для меня, и для Сергѣя, и для этого... Да... И для нихъ ты должна свѣтить. Божье великое чудо, гори все сильнѣй, согрѣй, растопи, обойми своимъ свѣтомъ весь міръ...

Дѣвушка... Дѣвочка... Ты что качаешься легко и послушно въ нашихъ неловкихъ, въ нашихъ недостойныхъ рукахъ... ты, что и въ часъ твоей святости, вся та же русская средняя дѣвушка—въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Ночь... Ночь кругомъ.

Два дома осталось?

Пусть такъ.

Божье, великое чудо, гори намъ въ кромѣшномъ, кровавомъ хаосѣ... Великое, свѣтлое пламя, гори!

Иванъ Новиковъ.

Она придетъ!..

... Обѣдали, кромѣ своихъ, сенаторъ Чуринъ, старушка-француженка, женихъ Ани...

Викторъ Иванычъ противъ обыкновенія молчалъ, ѣлъ медленно, точно наказывая каждый кусокъ. Катерина Петровна по обыкновенію говорила много, громко, на одной нотѣ, и все объ «этомъ»...

— Ихъ нельзя щадить... Они сами ничего не щадятъ... Для нихъ нѣтъ святынь... Я не считаю себя жестокой женщиной... Когда пришлось усыпить «Миньону», я, помните, mademoiselle Marie, прорыдала всю ночь...

— Elle etait si douce, — пробормотала француженка.

— Très douce,—подтвердила Катерина Петровна,—милое благодарное животное! Ужъ двигаться не могла, а подойдешь къ ней, бывало, скажешь: Миньонъ! и она сейчасъ же полижетъ руку...

Растроганная Катерина Петровна умолкла и въ два глотка выпила большую рюмку вина.

Викторъ Иванычъ съ брезгливой гримасой поглядѣлъ на запрокинутую, жирную шею жены съ нависшимъ, рыхлымъ подбородкомъ, и по какой-то странной ассоціаціи идей ему представилась на этой шеѣ веревка.

— Не пей,—сказалъ онъ,—вѣдь тебѣ вредно.

— Бѣлое ничего, — возразила она, и хотѣла продолжать, но ее перебилъ сенаторъ Чуринъ.

— Меня,— началъ онъ,— больше всего въ этихъ дѣлахъ возмущаютъ «гг. защитники». Къ чему они? Вѣдь измѣнить они все равно ничего не могутъ! А между тѣмъ смущаютъ... И насъ и подсудимыхъ. Сегодняшній, напримѣръ! Чего онъ только не наговорилъ Виктору Иванычу.

— Я его остановилъ,— сказалъ Викторъ Иванычъ.

— Ну, пока вы его остановили, онъ успѣлъ вамъ столько всыпать...

— Нахалъ, — воскликнула Катерина Петровна. — Это потому, что Викторъ Иванычъ слишкомъ слабъ. Его считаютъ либераломъ и пользуются...

— А какъ держалъ себя подсудимый?—спросилъ женихъ Ани, выхоленный, гладковыбритый, изящный молодой человѣкъ съ розовой лысинкой и такимъ мягкимъ голосомъ, словно онъ былъ ватный.

— Изображалъ героя, но видно было, что струсилъ,— сказалъ сенаторъ Чуринъ.

Викторъ Иванычъ вдругъ оживился.

— Вотъ этого я не понимаю,— началъ онъ.— Зачѣмъ искажать истину? Вѣдь мы тутъ у себя!.. Безъ публики... Зачѣмъ же говорить неправду?.. Вѣдь мальчика этого ужъ все равно, что нѣтъ... Почему не признать! Держалъ онъ себя удивительно... Ни одной пустой фразы... Фанатикъ, опасный... все, что хотите!.. но, не трусъ... А васъ онъ осадилъ подѣлóмъ.

Викторъ Иванычъ немного помолчалъ и продолжалъ, повысивъ голосъ, точно поучая:

— Долгъ, присяга обязываютъ насъ ставить висѣлицы, но ставить передъ висѣлицей безтактные вопросы — это ужъ «немножко много»...

И, довольный своимъ каламбуромъ, Викторъ Иванычъ совсѣмъ повеселѣлъ...

видѣлъ ее я всегда... да... да... она сдѣлала это чудо—великое, свѣтлое чудо.

Здѣсь, посреди безумія дьявольской оргіи, когда готовы были, какъ ржавыя нитки, порваться всѣ струны души, когда единственной вѣрой готова была остаться лишь новая вѣра въ Великаго Дьявола, что въ пурпурныхъ отъ крови одеждахъ возсѣдаетъ на тронѣ, свободномъ отъ Бога... въ этотъ часъ крушенія свѣтлыхъ основъ мірозданія,—словно улыбка далекихъ, тоскующихъ свѣтлой великой тоскою небесъ, эта лежащая дѣвушка явила намъ чудо...

— Не троньте... Не троньте...—молилъ онъ меня, и бережно, точно святыню, тронулъ ей платье у ногъ.

Это онъ такъ оправилъ ей... Онъ ей оправилъ и сѣлъ недвижимый.

— Надо взять ее...—тихо промолвилъ я.

Онъ промолчалъ, точно не понялъ.

— Взять ее надо...

— Да... Да... Да? Вы мнѣ поможете?

Всталъ.

— Я помогу? Куда же? Куда помогу отнести я?

— Здѣсь недалеко.

Къ нему?..

Взяли тихонько. Пошли переулками.

Къ нему? Да, быть-можетъ, и правъ онъ. Быть-можетъ, такъ и должно быть.

Въ тѣни простояли, прождали патруль. Бережно ношу несли. Онъ шелъ впереди, позади—я, между нами—она.

Да; такъ рѣшилъ я. Пусть будетъ такъ. Пусть снова одинъ я пойду. Назадъ я пойду одинъ. Какъ и тогда... Какъ и всегда.

Пусть этотъ спасенный тобой человѣкъ послѣднее скажетъ прости на землѣ... Для него ты, быть-можетъ, нужнѣй... Да будетъ такъ!

Но ты не его, не Сергѣя, ничья. И не моя, одинокаго, носящаго образъ твой свѣтлый въ глубинахъ души... Пусть снова одинъ я пойду. Ты все же со мной, ибо ты—для всѣхъ: и для меня, и для Сергѣя, и для этого... Да... И для нихъ ты должна свѣтить. Божье великое чудо, гори все сильнѣй, согрѣй, растопи, обойми своимъ свѣтомъ весь міръ...

Дѣвушка... Дѣвочка... Ты что качаешься легко и послушно въ нашихъ неловкихъ, въ нашихъ недостойныхъ рукахъ... ты, что и въ часъ твоей святости, вся та же русская средняя дѣвушка—въ черной шапочкѣ, съ поднятымъ воротникомъ...

Ночь... Ночь кругомъ.

Два дома осталось?

Пусть такъ.

Божье, великое чудо, гори намъ въ кромѣшномъ, кровавомъ хаосѣ... Великое, свѣтлое пламя, гори!

Иванъ Новиковъ.

Она придетъ!..

... Обѣдали, кромѣ своихъ, сенаторъ Чуринъ, старушка-француженка, женихъ Ани...

Викторъ Иванычъ противъ обыкновенія молчалъ, ѣлъ медленно, точно наказывая каждый кусокъ. Катерина Петровна по обыкновенію говорила много, громко, на одной нотѣ, и все объ «этомъ»...

— Ихъ нельзя щадить... Они сами ничего не щадятъ... Для нихъ нѣтъ святынь... Я не считаю себя жестокой женщиной... Когда пришлось усыпить «Миньону», я, помните, mademoiselle Marie, прорыдала всю ночь...

— Elle etait si douce, — пробормотала француженка.

— Très douce,—подтвердила Катерина Петровна,—милое благодарное животное! Ужъ двигаться не могла, а подойдешь къ ней, бывало, скажешь: Миньонъ! и она сейчасъ же полижетъ руку...

Растроганная Катерина Петровна умолкла и въ два глотка выпила большую рюмку вина.

Викторъ Иванычъ съ брезгливой гримасой поглядѣлъ на запрокинутую, жирную шею жены съ нависшимъ, рыхлымъ подбородкомъ, и по какой-то странной ассоціаціи идей ему представилась на этой шеѣ веревка.

— Не пей,— сказалъ онъ,— вѣдь тебѣ вредно.

— Бѣлое ничего, — возразила она, и хотѣла продолжать, но ее перебилъ сенаторъ Чуринъ.

— Меня,— началъ онъ,— больше всего въ этихъ дѣлахъ возмущаютъ «гг. защитники». Къ чему они? Вѣдь измѣнить они все равно ничего не могутъ! А между тѣмъ смущаютъ... И насъ и подсудимыхъ. Сегодняшній, напримѣръ! Чего онъ только не наговорилъ Виктору Иванычу.

— Я его остановилъ,— сказалъ Викторъ Иванычъ.

— Ну, пока вы его остановили, онъ успѣлъ вамъ столько всыпать...

— Нахалъ, — воскликнула Катерина Петровна. — Это потому, что Викторъ Иванычъ слишкомъ слабъ. Его считаютъ либераломъ и пользуются...

— А какъ держалъ себя подсудимый?—спросилъ женихъ Ани, выхоленный, гладковыбритый, изящный молодой человѣкъ съ розовой лысинкой и такимъ мягкимъ голосомъ, словно онъ былъ ватный.

— Изображалъ героя, но видно было, что струсилъ,— сказалъ сенаторъ Чуринъ.

Викторъ Иванычъ вдругъ оживился.

— Вотъ этого я не понимаю,— началъ онъ.— Зачѣмъ искажать истину? Вѣдь мы тутъ у себя!.. Безъ публики... Зачѣмъ же говорить неправду?.. Вѣдь мальчика этого ужъ все равно, что нѣтъ... Почему не признать! Держалъ онъ себя удивительно... Ни одной пустой фразы... Фанатикъ, опасный... все, что хотите!.. но, не трусъ... А васъ онъ осадилъ подѣлóмъ.

Викторъ Иванычъ немного помолчалъ и продолжалъ, повысивъ голосъ, точно поучая:

— Долгъ, присяга обязываютъ насъ ставить висѣлицы, но ставить передъ висѣлицей безтактные вопросы — это ужъ «немножко много»...

И, довольный своимъ каламбуромъ, Викторъ Иванычъ совсѣмъ повеселѣлъ...

— Позвольте, въ чемъ же безтактность? — возразилъ Чуринъ.—У меня мелькнула мысль...

— Какъ въ чемъ? (Викторъ Иванычъ не то вздохнулъ, не то поперхнулся.) Спрашиваетъ у мальчика, уже облаченнаго, такъ сказать, въ саванъ: «Вы незаконорожденный?» Ну, тотъ и отвѣтилъ: «А вы, господинъ сенаторъ, вполнѣ увѣрены въ законности своего рожденія?»

— Bien tapé, — произнесла Аня.

— Просто дерзкій хамъ, — проворчалъ Чуринъ.

Катерина Петровна поднялась. Кофе пили у нея въ будуарѣ.

— А какой *онъ* красивый!.. — неожиданно выпалила Аня.

Катерина Петровна взволновалась.

— А ты почему знаешь?

— У меня есть портретъ... Мнѣ ужасно хотѣлось... И онъ (она кивнула на жениха) принесъ.

— Какъ вы... (Катерина Петровна хотѣла сказать «смѣли», но во-время вспомнила, что женихъ Ани — богачъ, и сказала: ее балуете!)

Аня засмѣялась, торжественно вытащила изъ сумочки фотографическую карточку и поднесла ее Чурину.

— Похожъ?

— Не знаю-съ. Для меня эти «сверхчеловѣки» всѣ на одно лицо. Гдѣ вы достали? — спросилъ Чуринъ жениха Ани.

Тотъ запнулся, покраснѣлъ и промолвилъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— У меня цѣлая коллекція... начиная съ Екатерины... потомъ декабристы... поляки... и... позднѣйшіе. Есть замѣчательные экземпляры... Уники!..

— Гмъ... любопытно взглянуть... — процѣдилъ Чуринъ.

— Ахъ, если бъ можно было достать его автографъ,— воскликнула Аня. — Папа... нельзя?

Викторъ Иванычъ отстранилъ руку дочери и, словно стряхивая съ себя что-то, сказалъ:

— Оставь. Нехорошо...

Чуринъ откланялся. Катерина Петровна съ Аней и Аниным женихомъ поѣхали смотрѣть скандинавскую актрису. Викторъ Иванычъ остался одинъ. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ было темно и холодно. Онъ хотѣлъ было позвонить лакею, чтобы затопили каминъ, но раздумалъ и легъ на диванъ. Вообще онъ любилъ эти минуты полнаго уединенія. Но сегодня ему было не по себѣ. Мигрень. Болевые круги жгутъ темя, захватываютъ скулу, високъ, глазъ... И опять... это гложущее чувство... *Страхъ смерти*... не бомбы!.. Что бомба!.. глупая случайность... а именно смерти... Вѣдь вотъ, мальчишка... ребенокъ!.. смотритъ *ей* прямо въ глаза... Да, но *онъ... знаетъ*... Да и что ему терять!..

Сегодня *этотъ*... присяжный повѣренный... описывалъ жизнь русскаго революціонера. Какая это жизнь! Сплошной ужасъ...

Викторъ Иванычъ вздохнулъ, но мысли его невольно возвращались къ сегодняшнему засѣданію. Этотъ... присяжный повѣренный узналъ его... Они были вмѣстѣ въ университетѣ... Онъ и тогда, студентомъ, былъ краснобай... Хорошо говоритъ. Но чувства мѣры нѣтъ. Смотритъ прямо въ глаза и вѣщаетъ: если бы господа сенаторы на одну минуту могли вообразить, что они сами реально должны выполнить надъ обвиняемымъ смертный приговоръ, ни одна рука не рѣшилась бы его подписать... Ну, что это за тонъ!.. Какой англійскій адвокатъ рѣшится такъ оскорбить высшій судъ страны!.. А нашимъ все нипочемъ... Никакихъ традицій...

Валяй вовсю... Не понравилось (Викторъ Иванычъ самодовольно усмѣхнулся), когда я его осадилъ.

А хорошенькій *этотъ* мальчикъ... И кого-то ужасно напоминаетъ... Я положительно встрѣчалъ это лицо...

— Но гдѣ?.. — проговорилъ вслухъ Викторъ Иванычъ и самъ испугался.

— Не надо думать... не надо!..—Онъ повернулъ винтъ стоявшей на столикѣ у дивана электрической лампы, всталъ, отыскалъ на этажеркѣ «Mannequin d' Osier» А. Франса, опять улегся на диванъ и сталъ читать. Онъ любилъ изысканную манеру France'а и находилъ, что между главнымъ героемъ романа и имъ, Викторомъ Иванычемъ, масса «точекъ соприкосновенія». Онъ умѣетъ думать!.. Не то что это животное, Чуринъ, для котораго «всѣ они» на одно лицо... Но лучше не думать!.. Викторъ Иванычъ почувствовалъ, что у него тяжелѣютъ вѣки и обрадовался. Заснуть... заснуть крѣпко...

Онъ погасилъ лампу, и, какъ это часто бываетъ, сонъ точно убѣжалъ отъ него. Но онъ не сдавался, прижался щекой къ подушкѣ, мысленно считалъ: разъ, два, три... десять... сто... А мысли проползали между счетомъ и, какъ тонкія иголки, вонзались въ мозгъ... «Жизни — мышья бѣготня»... Да!.. Пушкинъ — единственный поэтъ... Единственный русскій геній... А всѣ эти «алости», «бѣлости» — вздоръ... Il pleut sur la ville... Il pleut... Дождь идетъ... Идетъ дождь...

Какая неприличная прическа у Ани... Этотъ локонъ на носу... Кокотки тоже такъ... Неужели ея жениху это нравится... Какъ зовутъ Анинаго жениха?.. Я всегда забываю. Нехорошо. Надо записать... *Я положительно знаю это лицо!..* Господи, сколько Катерина Петровна говоритъ! Неужели она никогда не перестанетъ?.. Хоть бы она умерла... Вѣдь умираютъ же у другихъ жены... Почему же это моя жена не можетъ умереть...

Въ эту минуту дверь неслышно раскрылась, и въ комнату не вошла, а какъ-то вплыла Катерина Петровна и опустилась на диванъ рядомъ съ мужемъ. Такое наглое вторженіе вывело изъ себя Виктора Иваныча. Онъ грубо закричалъ на жену:

— Неужели я никогда не могу быть одинъ!.. Чего вы отъ меня хотите? Пожалѣйте, вѣдь я тоже человѣкъ...

Но вдругъ онъ увидалъ, что это не Катерина Петровна, а другая женщина, чужая, бѣлая, холодная и безъ глазъ... Неумолимымъ, жгучимъ, какъ ледяная струя, шопотомъ она прошептала:

— *Ты сдѣлаешь это самъ...*

Онъ мгновенно понялъ, *чего* она требуетъ отъ него.

— Пойми, — промолвилъ онъ, — вѣдь на это есть палачъ. Я не имѣю даже права... Я сенаторъ, судья...

— *Ты самъ ему сказалъ, что онъ долженъ умереть... Ты самъ, своими руками затянешь на его шеѣ веревку,*— шептала безглазая женщина.

Холодный потъ покрылъ лобъ Виктора Иваныча...

— Я не могу!.. Вѣдь я его знаю... Я только не могу припомнить... Гдѣ палачъ, — пролепеталъ онъ, съ невыразимымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ...

— Бѣлая женщина сжала его въ своихъ неумолимыхъ объятіяхъ.

— *Палачъ — ты!* — словно рухнуло въ его сердце.

Викторъ Иванычъ напрягъ всѣ свои силы, крикнулъ:

— Помогите!.. — и вырвался изъ страшныхъ объятій.

Лампа полетѣла на полъ. Викторъ Иванычъ проснулся, вскочилъ и сѣлъ въ кресло.

— Какой дурацкій кошмаръ, — проговорилъ онъ, тяжело дыша. — Никогда не надо спать послѣ обѣда.

Онъ позвонилъ и велѣлъ лакею подать содовой воды.

Р. М. Хинъ.

*
* *

— Палачъ, онъ всегда въ красномъ кафтанѣ. Это, говорятъ, имѣетъ историческое происхожденіе.

Солдатъ произноситъ эти слова отчетливо, и подъ пушистыми русыми усами, около яркаго нѣжнаго рта, чуть замѣтно дрожитъ удовлетворенность собой. Нѣжные сѣрые глаза съ длинными рѣсницами быстро пробѣгаютъ по поблѣднѣвшимъ опечаленнымъ лицамъ молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ стоятъ въ углу сводчатой, похожей на гробъ, камеры и смотрятъ на узенькое окно. Неба не видно. Только стѣна сѣрая, покрытая зелеными струпьями старыхъ мховъ. Къ стѣнѣ тѣсно-тѣсно прижалась, точно проситъ у нея защиты отъ чего-то страшнаго, тоненькая береза съ длинными гибкими, какъ дѣтскія руки, вѣтками. Зима. Вѣтки покрыты блестящей ледяной шкуркой. Онѣ тихо звенятъ, не то шепчутъ, не то поютъ.

— Всегда на этомъ дворѣ казнятъ? — низкорослый, приземистый студентъ спрашиваетъ рѣзкимъ, грубымъ голосомъ; хочетъ стряхнуть съ себя власть суровой тишины, которая ползетъ откуда-то изъ глубины старыхъ камней.

— Нѣтъ, по большей части на главномъ дворѣ. А только такъ какъ господина Иванова держали очень серьезно, то ихъ здѣсь казнили. Тогда начальство все чего-то опасалось...

Снисходительная усмѣшка морщитъ яркія губы солдата.

— Вы видѣли, какъ его казнили? — молодой голосъ звучитъ еще рѣзче, еще грубѣе.

— Всенепремѣнно. Я при всѣхъ казняхъ присутствовалъ, — онъ поглаживаетъ рукой усы и расправляетъ плечи. — Господина Иванова въ этой камерѣ сначала и держали. Только какъ начали матерьялъ для эшафота на дворъ таскать, такъ ихъ въ кордегардію на ночь перевели. Не хотѣлъ,—говоритъ: «Не все ли мнѣ равно? Вѣдь знаю, что для меня строите?» Но все-таки увели. Такъ оно приличнѣе.

Въ голосѣ звучитъ неожиданная степенность.

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, тонкая и гибкая, прижимается крѣпче къ холодной стѣнѣ и гладитъ узкой, бѣлой рукой кружевныя голубоватыя узоры плѣсени. На маленькомъ лицѣ глаза становятся все больше. Она отвела ихъ отъ рѣшетки и смотритъ немигающимъ взглядомъ на пригожее лицо солдата.

— Онъ передъ казнью говорилъ?

Приземистый студентъ впивается глазами въ то же пригожее солдатское лицо, точно хочетъ вырвать отъ него что-то безконечное, важное, нужное, цѣнное.

— Нѣтъ, ничего. Только когда палачъ на него сталъ саванъ надѣвать, такъ господинъ Ивановъ разсердился. Зачѣмъ, говоритъ, это шутовство? Даже убить не можете просто, все... вотъ ужъ не помню, какъ сказалъ, въ родѣ, какъ лицемѣры или злодѣи. А только большого спокойствія былъ человѣкъ. Вѣдь совсѣмъ молодой... Должно-быть, не больше какъ двадцати трехъ лѣтъ.

— Да вы навѣрно знаете?

Студентъ молча кивнулъ головой и протянулъ костлявую руку къ окну.

— Гдѣ его?.. Около самой стѣны?

— Да, да... — услужливо подтвердилъ солдатъ. — Посрединкѣ. Тутъ и зарыли, около самой березки. Красивый былъ человѣкъ. Кудрявый, широкоплечій, румяный,

даже у насъ съ лица не перемѣнился. Вотъ ужъ, какъ въ пѣснѣ говорится, брови соболиныя, очи соколиныя... Черные такіе глаза...

— Нѣтъ. Голубые, — женскій голосъ глухой и твердый звучалъ откуда-то изъ темнаго угла, точно сама камера заговорила.

Всѣ шевельнулись и, подчиняясь этому голосу, обратили въ его сторону блѣдныя лица. Тамъ стояла высокая, еще не старая женщина. Ея лицо сливалось съ лиловатой тѣнью. Только глаза, громадные, молодые синіе глаза, выступали изъ мрака, жили какой-то мучительной, жуткой жизнью.

Солдатъ, недовольный, что его прервали, вѣжливо сказалъ:

— Голубые? А вы изволили когда-нибудь видѣть господина Иванова?

— Это... мой сынъ.

Пригожее лицо жандарма вдругъ стало жалкимъ, приниженнымъ, растеряннымъ. Онъ медленно выпрямился, опустилъ руки и съ легкой хрипотой въ увѣренномъ голосѣ сказалъ:

— Точно такъ-съ.

А. Вергежскій.

Борьба русскаго народа противъ смертной казни.

Никогда и нигдѣ протестъ противъ смертной казни не достигалъ такой страшной силы, какъ за послѣднее время у насъ, въ Россіи. Начиная съ октября мѣсяца прошлаго года, положительно не проходило дня, чтобы въ лицо институту юридическаго убійства и его сторонникамъ не были брошены позорные упреки и тяжкія обвиненія. Населеніе громадной страны все слилось въ одномъ крикѣ: «Долой смертную казнь!» Съ одинаковою силою изъ самой глубины сердца вырвался этотъ крикъ у рабочаго, крестьянина, учащейся молодежи, доктора, учителя, адвоката, священника, земца, писателя, желѣзнодорожнаго служащаго, газетнаго работника... Точно по заранѣе выработанному плану многочисленные союзы, корпораціи и собранія, при обсужденіи положенія Россіи и своихъ нуждъ, считали необходимымъ заявить правительству то въ формѣ рѣшительнаго требованія, то въ видѣ ходатайства о своемъ глубокомъ отвращеніи къ смертной казни и о необходимости ея полной и немедленной отмѣны.

Послѣ декабрьскихъ, январскихъ и февральскихъ казней и разстрѣловъ, особенно послѣ осужденія лейтенанта Шмидта, снова поднялась буря народнаго негодованія. Лишенные возможности собираться, какъ прежде, на свободные митинги, русскіе граждане прибѣгли на этотъ разъ къ печати и телеграфу. Страницы газетъ наполняются письмами протеста. «Довольно крови, не надо казней», пишетъ уважаемый профессоръ и ректоръ университета. «Не обагряйте страну не-

винною кровью защитниковъ свободы!» телеграфируютъ предсѣдателю очаковскаго суда рабочіе фабрикъ и заводовъ С.-Петербурга отъ имени группы петербургскаго пролетаріата. «Не нарушайте заповѣди о правдѣ и милости,— просятъ петербургскіе студенты духовной академіи, — мы именемъ Христа, заложившаго краеугольный камень любви и соціализма, призываемъ судъ къ сознанію своего долга и отвѣтственности передъ родиной»... А тѣ, кто сидятъ теперь въ переполненныхъ тюрьмахъ, тѣ, кто вмѣстѣ со свѣтомъ и воздухомъ лишены возможности обратиться къ оставшемуся у насъ средству протеста—къ печати, протестуютъ противъ казней объявленіемъ голодовки. Если у кого-нибудь могла оставаться хотя бы тѣнь сомнѣнія объ осужденіи массой русскаго народа смертной казни, то послѣ того, какъ пролилась кровь Шмидта и его товарищей-матросовъ, всякое сомнѣніе этихъ недовѣрчивыхъ людей должно было исчезнуть. Чтобы остановить стихійное проявленіе протестовъ потребовалось спѣшное изданіе особаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ: священникамъ было строго запрещено служеніе панихидъ по казненнымъ; предписывалось арестовывать всѣхъ манифестантовъ; изъять изъ продажи портреты Шмидта. Противъ волновавшихся флотскихъ экипажей въ Севастополѣ выставили двѣнадцать пушекъ. Какъ будто пушками можно выбить изъ сердца лучшихъ русскихъ людей и всего народа глубокое отвращеніе къ юридическому убійству!

Какъ бы въ отвѣтъ на эти требованія русскаго народа, пронесся слухъ о законодательной отмѣнѣ смертной казни. Указывали даже день и часъ, когда будто бы былъ подписанъ этотъ актъ—вечеръ 17-го февраля. Указывали даже день, когда появится и манифестъ объ этомъ—19-е февраля. День освобожденія народа отъ рабства долженъ былъ стать днемъ освобожденія борцовъ за его свободу отъ смерти. Но прошло

19-е февраля, прошло много недѣль послѣ того, и русское общество не дождалось подтвержденія желанной вѣсти. Наоборотъ, въ печати было сообщено, что законъ объ отмѣнѣ смертной казни, хотя и одобренный правительствомъ, долженъ пройти черезъ Государственную Думу, а до тѣхъ поръ dura lex-sed lex, и торопится вершить свое кровавое дѣло смертная казнь...

Но русскій народъ уже высказалъ свое мнѣніе по этому вопросу, и если въ Государственную Думу соберутся дѣйствительно *его* представители, то ихъ первымъ дѣломъ, ихъ первымъ закономъ будетъ отмѣна смертной казни. Такъ было вездѣ: когда какой-нибудь народъ принималъ участіе въ дѣлѣ управленія родной страною, онъ всегда начиналъ съ отмѣны смертной казни за политическія преступленія, за которыя у насъ, въ Россіи, она почти исключительно и примѣняется. Такъ, во Франціи послѣ революціи конвентъ рѣшилъ 14 брюмера IV года отмѣнить смертную казнь со дня опубликованія общаго мира. Революція 1848 года въ той же Франціи отмѣнила смертную казнь за политическія преступленія. Въ Германіи въ революціонный 1848 годъ смертная казнь была отмѣнена въ цѣломъ рядѣ германскихъ государствъ (по парагр. 9 «Основныхъ правъ» 27-го декабря 1848 года), и лишь торжество реакціи привело въ этихъ государствахъ къ ея возстановленію. Въ Швейцаріи установленіе конституціи 1874 года привело къ объявленію отмѣны смертной казни за всѣ преступленія, а по закону 28-го марта 1879 года она осталась безусловно отмѣненной во всей республикѣ за политическія преступленія.

Въ настоящее время въ однихъ государствахъ смертная казнь совершенно отмѣнена или не примѣняется, а въ другихъ назначается лишь за самыя важнѣйшія преступленія, обыкновенно противъ личности. По общему правилу политическія преступленія не подлежатъ наказанію смертью.

Тамъ, гдѣ смертная казнь еще не отмѣнена, въ парламентахъ ведется горячая борьба за ея отмѣну. Сторонниками отмѣны обыкновенно являются представители рабочаго класса; ихъ поддерживаютъ радикалы и либералы, но такъ какъ численное господство въ парламентахъ не всегда на сторонѣ этихъ представителей то обыкновенно предложенія объ отмѣнѣ смертной казни отвергаются палатами. Такъ, напримѣръ, 10-го декабря 1904 года во французской палатѣ депутатовъ, при обсужденіи бюджета Министерства Юстиціи, соціалистъ Жоресъ сдѣлалъ предложеніе не включать въ бюджетъ 1906 года ассигновокъ по приведенію смертныхъ приговоровъ въ исполненіе. Эти расходы достигаютъ во Франціи 37.000 франк. на жалованье палачу, на ремонтъ и храненіе гильотины и пр. Такое же предложеніе было сдѣлано и относительно бюджета 1905 года, но также было отвергнуто палатою. Впрочемъ, правительство заявило, что оно занято вопросомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Не прошло предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни и въ Швеціи, внесенное въ 1900 году депутатомъ Нистремомъ.

Защитниками смертной казни выступаютъ на Западѣ представители консервативныхъ, наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія. У насъ, въ Россіи, кромѣ представителей администраціи, широко пользующейся правомъ преданія смерти, открытыми сторонниками смертной казни заявили себя весьма немногіе. Такъ, въ засѣданіи московской думы 29 ноября такимъ сторонникомъ заявилъ себя одинъ изъ членовъ монархической партіи, назвавшій измѣнниками тѣхъ гласныхъ, которые предложили просить объ освобожденіи отъ казни севастопольскихъ матросовъ. Самымъ рѣшительнымъ и жестокимъ образомъ высказываются въ защиту смертной казни и наши аграріи. По сообщенію газетъ, собраніе землевладѣльцевъ на недавнемъ московскомъ съѣздѣ «хладнокровно выслушало кровожадную

рѣчь своего члена, который даже наше военное положеніе находилъ игрой въ солдаты и предлагалъ вѣшать всякаго, кто потушитъ фонарь на улицѣ».

Какая страшная жестокость, какое страшное ослѣпленіе! Неужели сторонники смертной казни не видятъ, что ручьи насильственно проливаемой человѣческой крови безсильны потушить давно вспыхнувшій пожаръ, что каждая новая капля падаетъ на этотъ костеръ масломъ, что пламя разгорается все сильнѣе, что вмѣсто одной погибшей головы вырастаютъ двѣ новыхъ? «Долой смертную казнь!»—таково единодушное требованіе русскаго народа. Безчисленные, появившіеся въ печати, протесты, изъ которыхъ мы помѣщаемъ здѣсь лишь очень немногіе, громко кричатъ объ этомъ. И да будетъ услышанъ скорѣе этотъ мощный вопль народа!

Мих. Гернетъ.

Протесты противъ смертной казни.

Петербургская группа „союза писателей".

«Смертная казнь идетъ по всей Россіи. Смертная казнь стала повседневнымъ явленіемъ, стала буднемъ русской жизни. Смертную казнь выноситъ военный судъ съ лишеніемъ подсудимыхъ права обжалованія, она производится безъ суда по приказу перваго попавшагося офицера. Мы дожили, наконецъ, до того, что смертная казнь назначается за печатное слово, за свободное мнѣніе, высказанное въ газетной статьѣ. Въ Верхнеудинскѣ осуждены на смертную казнь директоръ реальнаго училища Окунцовъ, докторъ Шикманъ и писатель Мирскій, — всѣ трое за статьи въ мѣстныхъ газетахъ, членами редакціи которыхъ они состоятъ. Какъ передаетъ телеграмма, адвокаты не были допущены къ защитѣ. И хотя военный прокуроръ не требовалъ смертной казни, судъ вынесъ смертный приговоръ. Это — не судъ, это — убійство.

Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ есть правда и совѣсть, въ комъ не потухли еще негодованіе и гнѣвъ, мы предлагаемъ присоединиться къ нашему протесту. Довольно смертныхъ казней! Довольно разстрѣловъ и висѣлицъ! Довольно жертвъ! Пора прекратить эту правительственную бойню! Ножъ казни надъ новыми жертвами не можетъ, не долженъ опуститься. Уполномоченные общаго собранія членовъ петербургской группы союза писателей. 1 марта 1906 г. Подписали: предсѣдатель собранія Н. Ф. Анненковъ и члены комитета.

Союзъ писателей.

Собраніемъ «союза писателей» была принята 14 октября 1905 г. слѣдующая резолюція: признать смертную казнь преступленіемъ, опубликовать имена всѣхъ участниковъ военныхъ судовъ, признавая ихъ преступниками, подвергнуть ихъ бойкоту со стороны общества.

Союзъ фармацевтовъ.

Исполнительный комитетъ московскаго союза фармацевтовъ-служащихъ, принимая во вниманіе, что на общихъ собраніяхъ союза единогласно была принята резолюція, требующая отмѣны смертной казни, какъ явленія варварскаго, противорѣчащаго здравому смыслу и элементарному праву человѣка на жизнь, присоединяетъ и свой голосъ къ громовому голосу всей великой мученицы, стремящейся къ свободѣ, Россіи. Фармацевты, какъ корпорація лицъ, обслуживающихъ интересы народнаго здравія и работающихъ для поддержанія жизни людей, не могутъ не возмущаться той смѣлостью, съ какой бюрократія, скрываясь подъ тогой правосудія, расправляется съ лучшими сынами Россіи и отнимаетъ у нихъ лучшее ихъ достояніе — жизнь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнительный комитетъ выражаетъ свой протестъ противъ тѣхъ жестокихъ насилій и

изувѣрствъ, коимъ подверглись русскія женщины — Спиридонова и Измаиловичъ.

Долой смертную казнь! Долой современную инквизицію!

Исполнительный комитетъ моск. союза фарм.-служ.

Моряки торговаго флота.

«Позвольте намъ, морякамъ всего торговаго флота, выразить ту безконечную симпатію, обширную, какъ наша родная стихія — океанъ, лейтенанту Шмидту, котораго постигло незаслуженное наказаніе. Шмидтъ и окружающіе его намъ дороги какъ моряки-коммерсанты, а онъ — какъ человѣкъ, поднявшій крестъ, безстрашно ставшій за нашего Монарха и за его народъ. Онъ — невинная жертва всеобщаго политическаго психоза, и мы, любящіе въ немъ правду всѣми помыслами нашими, возстаемъ противъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ. За что же его казнить?.. За любовь къ Царю и народу? Неужели тѣ, кому нужна наша кровь, кровь тружениковъ моря, еще не упились ею, столь обильно наводнявшей всю нашу многострадальную, истерзанную, дорогую намъ всѣмъ Россію! Нѣтъ, довольно крови по произволу! Мы просимъ, умоляемъ, наконецъ, требуемъ прекращенія самосуда и вѣримъ, даже убѣждены, что ропотъ пробудившагося гиганта-океана слышенъ далеко за предѣлы человѣческаго христіанскаго терпѣнія». Союзъ моряковъ русскаго торговаго флота, общество каспійскихъ судоводителей, редакція журнала «*Рѣка и Море*», редакція журнала «*Маякъ*». Кромѣ того, отдѣльныя подписи, числомъ 64.

Телеграмма гражданъ Ялты и Алупки.

«Ваше Императорское Величество! Во время судебнаго разбора дѣла о возстаніи лейтенанта Шмидта и матросовъ на крейсерѣ «Очаковѣ» прокуроръ военнаго суда заявилъ,

что онъ не требуетъ смертной казни. Однакоже военный судъ приговорилъ Шмидта къ повѣшенію, троихъ подсудимыхъ — Частника, Антоненко и Гладкова — къ разстрѣлу, Ваше Величество! Существуютъ приговоры выше военнаго суда: это — приговоры человѣческой совѣсти, этотъ приговоръ и не позволилъ прокурору требовать смертной казни, такъ какъ нельзя отнимать у человѣка то, что не можетъ быть ему возвращено вновь. Съ этимъ мнѣніемъ согласны лучшіе люди нашего народа и наши лучшіе пастыри. Ваше Величество! Мы обращаемся къ Вамъ со всеподданнѣйшей просьбой о помилованіи лейтенанта Шмидта, трехъ подсудимыхъ: Частника, Антоненко, Гладкова и объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи».

Два протеста Пироговскаго общества врачей.

1. «Правленіе Пироговскаго общества беретъ на себя смѣлость *за всѣхъ русскихъ врачей* горячо протестовать противъ смертной казни, этого позорнаго насилія, противорѣчащаго даже русскимъ законамъ; правленіе увѣрено, что всѣ русскія медицинскія общества и врачебныя организаціи единодушно поддержать правленіе въ этомъ протестѣ противъ позорной казни, косвенными исполнителями которыхъ являются и врачи, обязанные при нихъ присутствовать».

2. «Правленіе Пироговскаго о-ва врачей высказало уже ранѣе свой протестъ противъ всякой смертной казни вообще. Казнь лейтенанта Шмидта и другихъ осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ, при всѣхъ тѣхъ глубоко возмутительныхъ нарушеніяхъ права, которыя допущены судомъ, была бы величайшимъ незабываемымъ преступленіемъ со стороны властей и тяжкимъ позоромъ для страны. Отъ имени русскихъ врачей правленіе взываетъ о необходимости сохранить жизнь осужденнымъ».

2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ въ Кіевѣ 4 — 11 сент. 1905 года.

«Признавая актомъ величайшаго позора для человѣчества смертную казнь, 2-й съѣздъ отечественныхъ психіатровъ выражаетъ свое негодованіе и протестъ противъ примѣненія ея въ Россіи».

Группа гласныхъ г. Москвы.

«Тяжелое время, переживаемое Россіей, омрачилось новымъ грознымъ событіемъ, совершившимся въ Севастополѣ. Городъ, увѣнчанный славой доблестныхъ подвиговъ русскихъ войскъ, сталъ скорбнымъ свидѣтелемъ ужасовъ братоубійственной борьбы.

«Русское общество, подавленное кровавой междоусобицей, полно пламеннаго стремленія внести въ страну спокойствіе и умиротвореніе. Кровью истекающая страна можетъ быть исцѣлена лишь любовью и милосердіемъ.

«Въ скорбные дни Москва должна возвысить свой голосъ и заявить правительству, что ужасы кровопролитія измучили страну и что братоубійственное истребленіе затихнетъ и страна вернется къ созидательному труду, если милосердіе будетъ отвѣтомъ на ужасы распри.

«Предлагаемъ городской думѣ представить правительству, что, въ цѣляхъ предотвращенія дальнѣйшей междоусобной борьбы, виновникамъ севастопольскихъ событій должно быть оказано милосердіе, въ видѣ освобожденія отъ смертной казни».

Заявленіе подписали: П. А. Столповскій, С. Н. Мамонтовъ, В. А. Абрикосовъ, С. В. Пучковъ, М. С. Зерновъ, А. И. Геннертъ, С. В. Ганешинъ, Г. А. Мейнгардтъ, В.К. Ротъ, С. А. Поповъ, Н. С. Остроуховъ, М. В. Челноковъ, С. С. Протопоповъ, А. Г. Голиковъ, Л. Л. Катуаръ, М. Л. Лосевъ, А. А. Мануйловъ, Н. М. Кишкинъ, М. Г. Комиссаровъ, П. А. Вишняковъ, Н. И. Астровъ и П. Н. Финляндскій.

Союзъ союзовъ.

«Согласно газетнымъ извѣстіямъ, сегодня совершается военно-полевой судъ надъ кронштадтскими матросами и солдатами. Сотни людей обвиняются въ возстаніи, и судъ угрожаетъ имъ только одной мѣрой наказанія—смертной казнью. Слѣдствіе по столь многосложному дѣлу закончено въ какіе-нибудь три дня, но самъ судъ будетъ располагать сутками-двумя для рѣшенія вопроса о столькихъ жизняхъ. Наконецъ въ силу недавняго постановленія гражданская защита совершенно устранена отъ возможности вступить въ огражденіе интересовъ обвиняемыхъ солдатъ и матросовъ. Въ отношеніи матросовъ, составляющихъ большинство обвиняемыхъ, это будетъ первый случай суда при подобныхъ условіяхъ. Въ виду этого мы заявляемъ: 1. Что обвиненіе этихъ людей въ указанномъ порядкѣ идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны, давно и категорически высказавшимся противъ смертной казни. 2. Что вся обстановка суда совершенно исключаетъ правомѣрное и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ. Мы видимъ въ участникахъ кронштадтскаго бунта прежде всего людей, возставшихъ противъ невыносимаго гнета нашихъ военныхъ уставовъ и обычаевъ во имя своего человѣческаго достоинства и самыхъ элементарныхъ человѣческихъ потребностей. Это достоинство ежечасно оскорблялось. Эти потребности совершенно игнорировались, какъ признано, между прочимъ, и офиціальнымъ сообщеніемъ 31-го октября въ отношеніи военно-сухопутныхъ частей. Возстаніе въ Кронштадтѣ не имѣло характера насилія противъ частныхъ лицъ; если отдѣльные участники движенія и совершали грабежи и насилія, то все же эти грабежи и насилія, какъ показываетъ масса свидѣтелей, производились за рѣдкими исключеніями не матросами. Считая, что это движеніе кронштадтскихъ матросовъ есть только одно изъ проявленій

всенароднаго освободительнаго движенія противъ гнета отжившаго режима, мы видимъ въ жестокихъ репрессіяхъ противъ участниковъ его лишь новое доказательство, что обѣщаніе ликвидировать самодержавный полицейскій режимъ на дѣлѣ совершенно не выполняется».

Собраніе делегатовъ московскихъ союзовъ 22 ноября 1905 г.

Собраніе отправило къ гр. С. Ю. Витте и военному министру слѣдующія телеграммы: «Представители мѣстныхъ союзныхъ организацій, получивъ телеграмму о предстоящей, по приговору коменданта крѣпости Кушка, смертной казни инженера Соколова и другихъ, поражены этимъ новымъ беззаконіемъ и обращаютъ вниманіе ваше на непоправимыя послѣдствія такой жестокости, возлагая на правительство всю отвѣтственность, если приговоръ не будетъ отмѣненъ, пока еще не поздно». Гр. С. Ю. Витте была отправлена еще телеграмма слѣдующаго содержанія: «Если вѣрно извѣстіе о намѣреніи примѣнить полевой судъ и смертную казнь надъ севастопольскими матросами и прочими обвиняемыми въ возстаніи, считаемъ необходимымъ еще разъ напомнить о безуміи такой мѣры, которая окончательно уничтожитъ всякую надежду на мирный исходъ освободительнаго движенія и создастъ новыя совершенно непреодолимыя затрудненія правительству».

Собраніе служащихъ и рабочихъ М.-Яр.-Арх. ж. д.

Собраніе служащихъ и рабочихъ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги въ количествѣ 3.000 человѣкъ единогласно постановило отправить слѣдующую телеграмму: «Экстренно. Петербургъ, графу Витте, министру путей сообщенія Немѣшаеву, военному министру Редигеру, копія въ главный штабъ, Кушка, коменданту крѣпости. Са-

мара, Асѣеву и по всѣмъ станціямъ и службамъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Получена копія телеграммы Руина о полевомъ судѣ въ Кушкѣ надъ желѣзнодорожными служащими въ цѣляхъ смертной казни. Требуемъ немедленной отмѣны смертной казни надъ ними или опроверженія подлинности извѣстія. Встревожены свыше всякой мѣры. При неполученіи немедленнаго отвѣта будемъ вынуждены забастовать, несмотря на единодушное желаніе избѣжать забастовки. Предупредить послѣднюю и самыя ужасныя, связанныя съ ней послѣдствія возможно лишь немедленнымъ отвѣтомъ. Всѣ послѣдствія забастовки будутъ лежать на васъ».

Собраніе городскихъ служащихъ.

«Собраніе городскихъ служащихъ въ количествѣ 5.000 человѣкъ, выслушавъ сообщеніе о смертномъ приговорѣ надъ инженеромъ Соколовымъ и другими лицами, выражаетъ свое глубокое негодованіе новому произволу правительства и требуетъ немедленной отмѣны смертной казни. Въ противномъ случаѣ немедленно начнетъ агитацію за всеобщую политическую забастовку».

С.-Петербургскіе рабочіе.

Въ виду невозможности должнымъ образомъ откликнуться на приговоръ суда надъ Шмидтомъ и другими севастопольскими героями, рабочіе фабрикъ и заводовъ С.-Петербурга отъ лица группы петербургскаго пролетаріата послали на имя предсѣдателя суда въ Очаковъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Не обагряйте страну невинной кровью гражданина Шмидта и другихъ защитниковъ русской свободы. Помните, что имена ихъ дороги для Россіи. Долой смертную казнь!»

Студенты С.-Петербургской духовной академіи.

Группа студентовъ Петербургской духовной академіи на частномъ собраніи 21-го февраля постановила послать въ Очаковъ на имя прокуратуры военнаго суда слѣдующую телеграмму:

«Вся христіанская этика и міровая мораль основаны на одномъ великомъ принципѣ—любви къ ближнему. Приговоръ военнаго суда въ Очаковѣ надъ лейтенантомъ Шмидтомъ является новымъ позорнымъ клеймомъ на страну, исповѣдующую Христа и Его ученіе. Не нарушайте заповѣди о правдѣ и милости въ судахъ. Совершеніе казни надъ Шмидтомъ будетъ равносильно нравственной и моральной смерти правосудія. Мы, студенты духовной академіи, именемъ Христа, заложившаго краеугольный камень любви и соціализма, призываемъ судъ къ сознанію своего долга и отвѣтственности передъ родиной и говоримъ ему: «Страна—за Шмидта, и имѣетъ ли онъ право пренебрегать голосомъ страны?»

Курсисты строительныхъ курсовъ.

Слушатели первыхъ московскихъ строительныхъ курсовъ, собравшись въ частномъ собраніи, единогласно постановили: «Мы, слушатели, протестуемъ противъ ужаснаго убійства, совершоннаго бюрократіей надъ великимъ борцомъ за свободу, лейтенантомъ Шмидтомъ.

«За что казненъ Шмидтъ?

«За то, что онъ хотѣлъ провести въ жизнь манифестъ, изданный Государемъ; за то, что онъ боролся съ бюрократіей, которая всячески старалась и старается оттянуть минуту проведенія въ жизнь манифеста.

«Мы, слушатели строительныхъ курсовъ, присоединяемъ свой голосъ къ тѣмъ прогрессивнымъ партіямъ, которыя

требуютъ полной отмѣны смертной казни во всѣхъ ея видахъ.

«Желая почтить память лейтенанта Шмидта и его товарищей, объявляемъ трехдневную забастовку. *Курсисты*».

Московскій городской комитетъ партіи „народной свободы".

Московскій городской комитетъ партіи «народной свободы» (конституціонно-демократической), обсудивъ вопросъ о смертномъ приговорѣ, произнесенномъ надъ лейтенантомъ Шмидтомъ, и рѣшительно осуждая смертную казнь, какъ дикую и варварскую расправу, постановилъ выразить свой негодующій протестъ.

Хирургическое общество.

Въ засѣданіи хирургическаго общества подъ предсѣдательствомъ проф. Ѳ. И. Синицына большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного голоса предсѣдателя принята была слѣдующая резолюція по поводу смертной казни: «Истязанія, пытки и смертная казнь переполнили русскую землю изъ конца въ конецъ. Цѣнность человѣческой жизни пала. Весь цивилизованный міръ содрогнулся передъ ужасами, совершающимися въ странѣ, давшей великихъ ученыхъ и мыслителей. Хирургическое общество въ Москвѣ, поставившее на своемъ знамени изысканіе средствъ охраненія драгоцѣннаго блага людей — ихъ здоровья и жизни и развитіе научной мысли въ странѣ, несовмѣстимое съ безправіемъ и потоками крови, не можетъ оставаться спокойнымъ и безразличнымъ къ происходящимъ ужасамъ. Оно сливаетъ свой голосъ съ другими обществами, учрежденіями и гражданами въ общемъ протестѣ: на зарѣ новой жизни нѣтъ мѣста и обычаямъ варварства. Довольно крови. Не истязайте братьевъ и сестеръ. Въ насиліи — гибель страны, гибель цивилизаціи. Конецъ истязаніямъ и пыткамъ! Долой смертную казнь!»

Руская группа международнаго союза криминалистовъ. Съѣздъ въ Кіевѣ.

«Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ политическихъ преступленій, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе».

Второй съѣздъ адвокатовъ въ г. Москвѣ окт. 1905 г.

1) Принимая во вниманіе, что смертная казнь, сама по себѣ осужденная наукой и современнымъ правосознаніемъ, у насъ, въ Россіи, примѣняется не только къ тяжкимъ, но и менѣе важнымъ преступленіямъ, какъ-то: нанесенію ранъ, увѣчій, побоевъ, которыя по общему закону не влекутъ за собою даже лишенія правъ;

2) что она примѣняется у насъ не по общему равному для всѣхъ закону, а по спеціальному для каждаго отдѣльнаго случая абсолютно безконтрольному и безапелляціонному усмотрѣнію административныхъ властей;

3) что роль военныхъ судовъ при обсужденіи преступленій, переданныхъ имъ на основаніи этихъ статей, благодаря ст. 18 пол. объ охранѣ, 279 воинск. уст. о наказан. и секретнаго Высочайшаго повелѣнія 11 августа 1887 г., является совершенно формальной, и смертный приговоръ вполнѣ предрѣшенъ властью, передавшей дѣло военному суду;

4) что такимъ образомъ смертная казнь является у насъ исключительно произволомъ административныхъ властей,

что находится въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи съ началами законности, обѣщанными указомъ 12 декабря.

Съѣздъ находитъ примѣненіе смертной казни у насъ явленіемъ позорнымъ, не имѣющимъ оправданія, возмущающимъ общественную совѣсть и отрицающимъ всякое понятіе законности, и постановляетъ:

1) провозгласить въ настоящемъ собраніи образованіе лиги борьбы противъ смертной казни;

2) избрать комитетъ лиги изъ пяти членовъ союза съ правомъ кооптаціи безъ различія профессій и политическихъ убѣжденій;

3) объ открытіи лиги объявить во всеобщее свѣдѣніе и открыть подписку въ члены лиги черезъ газеты;

4) поручить избранному комитету, совмѣстно съ центральнымъ бюро союза, войти въ соглашеніе съ различными обществами и союзами, какъ въ Россіи, такъ и за границей, объ объединеніи для борьбы противъ смертной казни путемъ изданія листковъ, воззваній, сочиненій, организаціи публичныхъ лекцій и вообще использовать всѣ пути проявленія общественнаго мнѣнія для борьбы со смертной казнью;

5) считая дѣятельность всѣхъ лицъ (военныхъ судей, прокуроровъ, секретарей и т. д.), участвующихъ въ постановленіи по требованію администраціи смертныхъ приговоровъ и причастныхъ къ дѣлу исполненія смертной казни легализированной формой убійства, съѣздъ приглашаетъ всѣ органы союза составлять періодически списки означенныхъ лицъ, публиковать эти списки для преданія этихъ лицъ суду общественнаго мнѣнія. Предложить всѣмъ членамъ союзовъ и обществъ подвергнуть ихъ всевозможному бойкоту; предложить всѣмъ партіямъ и союзамъ выставить требованія о политической отвѣтственности тѣхъ же лицъ».

СПИСОКЪ

различныхъ обществъ, организацій и собраній, протестовавшихъ въ печати противъ смертной казни.

Собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Районныя собранія партіи *«народнй свободы»* въ Москвѣ, собранія партіи «народной свободы» въ Костромѣ, Владимирѣ (губернскомъ), Вышнемъ - Волочкѣ, Казани, Клину, Пензѣ, Нижнемъ - Новгородѣ, Нахичевани, Ржевѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ, Суджѣ, Симферополѣ, Екатеринбургѣ, Черниговѣ, Красноярскѣ, Харьковѣ, Рыбинскѣ, Яранскѣ и др.

200 избирателей крестьянъ и казаковъ с. Плиски, Борзненскаго уѣзда, Чернигов. губ.

Предвыборное собраніе въ г. Тотьмѣ.

Предвыборное собраніе въ Москвѣ.

Предвыборное собраніе въ Уральскѣ.

Предвыборное собраніе въ Курскѣ.

Предвыборное собраніе въ Саратовѣ.

Предвыборное собраніе въ Ярославлѣ.

Предвыборное собраніе въ посадѣ Клинцы, Чернигов. г.

Предвыборное собраніе въ Черниговѣ.

Предвыборное собраніе въ г. Борзны, Чернигов. губ.

Члены Государственной Думы отъ Самары, Одессы, Москвы и др.

Казанскій отдѣлъ лиги женскаго равноправія.

Московскій отдѣлъ союза равноправія женщинъ.

Симферопольскій союзъ равноправія женщинъ.

Воронежскій союзъ равноправія женщинъ.

Кружокъ женщинъ с. Великаго.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета.

Педагогическій персоналъ Яронской женской гимназіи.

Педагогическій персоналъ Маріинской женск. гимназіи.

Орловское педагогическое общ., 4 марта.

Зубцовское общ. взаимопомощи учащимъ и учащимся, 16 марта.

Общ. попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ начальн. учил. г. Москвы, 5 марта.

Учредительное собраніе лиги образованія, 4 марта.

Младшая группа Казанскаго отдѣла академич. союза.

Харьков. группа младш. препод. Акад. союза.

Студенты С.-Петербургской духовной академіи.

Студенты Московской духовной академіи.

Общ. взаимопомощи русскихъ техниковъ, 26 февраля.

Воронежскій отдѣлъ Высочайше утвержд. русскаго общества охраненія народнаго здравія.

39 участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей г. Москвы.

Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты.

Консультація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ Ялтѣ.

Моряки торговаго флота.

Слесаря Міусскаго парка въ Москвѣ.

Рабочіе и служащіе въ Нарвской мануфактурѣ.

С.-Петербургскіе рабочіе и мн. др.

Городскіе служащіе въ Москвѣ.

Рабочіе вагонныхъ мастерскихъ казеннаго Александровскаго завода.

Служащіе и рабочіе М.-Я.-А. жел. дор.

110 заключенныхъ во Владимир. исправ. арест. отдѣл.

Крестьянскій союзъ.

Митингъ протеста 23 ноября въ Москвѣ.

Союзъ писателей.

Митингъ всѣхъ войскъ Иркутскаго гарнизона 28 ноября.

Митингъ русской колоніи въ Лондонѣ.

Первый всероссійскій делегатскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, 9 октября.

Соединенное засѣданіе членовъ центральнаго бюро «союза союзовъ» всероссійскихъ и мѣстныхъ петербурскихъ бюро, союзовъ, 17 — 18 октября 1905 г.

Пироговское общество врачей.

Саратовское отдѣленіе врачебнаго общества взаимопомощи.

Москов. терапевт. общ.

Общ. взаимопомощи ветеринарныхъ фельдшеровъ въ г. Москвѣ, 15 марта.

Московское правленіе общества врачей, практикующихъ на кавказскихъ минер. водахъ.

Ветлужскій врачебно-санитарный совѣтъ.

2-ой съѣздъ психіатровъ.

Саратовское одонтологическое общ.

Общ. тульскихъ врачей.

Общ. смоленскихъ врачей.

Курское общ. врачей.

Коломенское медицинское общ.

Харьковское медицинское общ.

Общ. врачей въ гор. Баку.

Общ. врачей Уфимской губ.

Общ. врачей въ Харьковѣ.

Общ. дантистовъ въ Москвѣ.

Макарьевскій врачебный совѣтъ Нижегородск. губ.

Служащіе въ Шадринскомъ уѣздномъ земствѣ.

Служащіе въ Михайловскомъ двор. зем. банкѣ.

Владимирское губернское земское собраніе, 1 декабря.

Воронежская земская управа.

С.-Петербургская дума, 22 октября.

Московская городская дума, 29 ноября.

Тверская городская дума.

Редакціи почти всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

Послѣсловіе.

Въ то время, когда редакція сборника «Противъ смертной казни» усиленно работала и хлопотала, чтобы выпустить и распространить эту книгу среди широкихъ массъ, въ Ригѣ дѣлались приготовленія къ казни...

Въ тотъ день, когда этотъ сборникъ вышелъ въ свѣтъ, казнены восемь человѣкъ...

Эта казнь была такъ жестока, такъ близко связана кровавымъ образомъ съ выходомъ самой книги, что позвольте мнѣ, читатель, разсказать вамъ въ видѣ послѣсловія къ ней послѣднія минуты этихъ жизней и тронуть ваши сердца послѣдними муками несчастныхъ.

Какая жестокая иронія судьбы!.. Въ тотъ моментъ, когда вышла эта книга, когда всѣ строки, буквы въ ней слилось въ одинъ мучительный крикъ: «Долой смертную казнь», въ отвѣтъ на этотъ крикъ, на этотъ стонъ, въ видѣ эха раздались выстрѣлы, прострекотали пули, и красная теплая кровь невинныхъ людей окрасила послѣднія страницы сборника «Противъ смертной казни».

Итакъ, казнили восемь человѣкъ въ Ригѣ по приговору военнаго трибунала; кассація не была пропущена и сейчасъ же, какъ приговоръ вошелъ въ законную силу, казнь была немедленно приведена въ исполненіе. По заявленію присяжныхъ повѣренныхъ, защищавшихъ это дѣло, 6 человѣкъ казнены невинно; alibi ихъ установлено свидѣтельскими показаніями.

Въ этомъ процессѣ, также какъ и въ другихъ, обвиненіе было построено на «чистосердечныхъ признаніяхъ», добытыхъ въ рижскихъ застѣнкахъ заплечными мастерами. Двое изъ пытаемыхъ оказались наиболѣе слабыми—Виндетсъ и Таркшъ, которые и оговорили другихъ подсудимыхъ, а также и себя.

Ихъ «чистосердечныя признанія» были добыты все-таки съ большимъ трудомъ. Много пытали всѣхъ подсудимыхъ, въ особенности Виндетса и Таркша; на судѣ фигурировало, какъ вещественное доказательство, окровавленное бѣлье подсудимаго Эглита, котораго истязали до такой степени, что все его бѣлье окрасилось кровью.

Особенно дѣятельное участіе въ добываніи «признаній» проявилъ околоточный надзиратель Висмонтъ. Онъ отличался особеннымъ звѣрствомъ и безчеловѣчностью.

На судѣ тюремный фельдшеръ показалъ, что часто бывали такіе случаи, что приводятъ въ тюрьму избитыхъ. «Помню,—говоритъ онъ,—ко мнѣ обратился одинъ подсудимый Виндетсъ, у него были совсѣмъ расшатаны зубы».

Свидѣтель Янсонъ показалъ, что подсудимаго Мейера избили такъ, что голова и спина были въ крови.

Свидѣтель Вейнбергъ показалъ, что подсудимаго Зауля такъ били въ полицейскомъ застѣнкѣ, что онъ не могъ спать, такъ какъ голова и спина были страшно избиты.

Тотъ же свидѣтель показалъ, что подсудимый Виндетсъ имѣлъ синюю спину.

Свидѣтель Андрей Калнитъ показалъ, что у подсудимаго Зауля ухо и глазъ были синіе, что видѣлъ своими глазами, а у подсудимаго Сиполя зубы были выбиты.

Свидѣтель Иванъ Голецъ показалъ, что Зауля страшно били въ участкѣ и требовали, чтобъ онъ чистосердечно во всемъ признался; при этомъ говорили, если онъ признается,

то его больше бить не будутъ, въ противномъ случаѣ будутъ бить до тѣхъ поръ, пока не раскается во всемъ.

Свидѣтельскія показанія тюремнаго врача Вибе, дѣлавшаго медицинскій осмотръ избитыхъ въ застѣнкахъ подсудимыхъ, подтверждаютъ все сказанное здѣсь.

Теперь всякому можетъ быть понятно, каковъ матеріалъ «чистосердечныхъ признаній» фигурировалъ на судѣ, и можно ли было на основаніи этого матеріала приговорить 8 человѣкъ къ смертной казни, и затѣмъ казнить ихъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что защита установила для шестерыхъ изъ нихъ alibi, но тѣмъ не менѣе это обстоятельство не остановило руку палача.

Два брата Калли были невинно казнены только на основаніи того, что въ толпѣ, гдѣ обезоруживали полицейскаго, кто-то изъ находившихся тамъ ясно сказалъ: «кали». Когда же защитникъ обратился къ переводчику и спросилъ его, что означаетъ по-латышски слово «кали», то оказалось, что «кали» есть кузнецъ.

И все-таки, несмотря на возможность того обстоятельства, что слово «кали» было отнесено не къ фамиліи, а къ мастерству и, несмотря на то, что alibi обоихъ братьевъ было установлено свидѣтельскими показаніями, ихъ обоихъ казнили.

Изъ свидѣтельскихъ показаній было видно, что всѣхъ больше пытали Мейера; заплечные мастера почему-то обратили на него самое большое вниманіе, и надо думать много потрудились надъ нимъ въ своемъ застѣнкѣ.

Мейеръ крайне мужественный и сильный человѣкъ; онъ упорно отказывался признавать себя виновнымъ, несмотря на всѣ пытки, которыя къ нему примѣнялись. Истязали его съ упорствомъ, много разъ, и все-таки не вырвали ни одного слова «чистосердечнаго признанія» ни по

адресу другихъ подсудимыхъ ни по отношенію къ самому себѣ.

Военная коллегія тоже отвела ему самое видное мѣсто въ обвиненіи его главаремъ преступленія; судъ приписалъ ему главное участіе и главную роль въ совершеніи проступка.

Несмотря на установленное alibi, его тоже приговорили къ смертной казни.

Изъ числа другихъ подсудимыхъ обратилъ на себя особенное вниманіе нѣкій Сиполь. Онъ былъ очень меланхоличенъ и страшно подавленъ. На всѣ вопросы, обращенные къ нему со стороны обвиненія или защиты, онъ твердилъ свое неизмѣнное: «Я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь вамъ!»

Отъ природы чрезвычайно тихій, робкій, онъ производилъ впечатлѣніе, что не можетъ быть активнымъ элементомъ въ совершеніи преступленія.

Онъ возбуждалъ большую жалость къ себѣ и невольный страхъ за то, что неужели и эта невинная кровь будетъ пролита?

Защита установила, что Сиполь былъ въ моментъ совершенія преступленія у себя дома въ городѣ, тогда какъ само преступленіе совершено въ 5—6 верстахъ отъ города.

Наступило 14-е мая—царскій день!

Всѣ восемь приговоренныхъ къ смертной казни, слушая увѣренія и надежды пришедшихъ къ нимъ на свиданіе близкихъ родныхъ, утѣшавшихъ, что ихъ помилуютъ въ царскій день, невольно поддались этому чувству ожиданія.

Вѣдь вины за ними нѣтъ никакой! Кажется и милосердымъ тутъ не приходится быть, а только лишь справедливымъ!

И надежда ихъ росла! Надежда крѣпла въ томъ, что, быть-можетъ, въ царскій день высшая администрація отне-

сется къ нимъ справедливо и не прольетъ ихъ невинной крови.

Прошелъ день и ночь; наступилъ второй день... ихъ не везутъ на казнь...

А тѣмъ временемъ надежда все росла и крѣпла!.. Наступила темная, глубокая ночь! Вся тюрьма крѣпко спала.

Утомившись, настрадавшись безконечно долгими часами ожиданія смерти, всѣ уснули безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ и не ожидали, что палачи уже близко, подходятъ къ тюрьмѣ... торопятся!

Впереди шелъ офицеръ, поручикъ Петровъ, и велъ за собой 16-ю роту Мало-Ярославскаго полка.

Эти солдаты, ничего не зная, еще съ вечера получили распоряженіе быть готовыми перевести въ эту ночь политическихъ арестованныхъ изъ одной тюрьмы въ другую. Они не знали, что идутъ казнить людей, проливать ихъ невинную кровь...

И вотъ, войдя въ главный корпусъ, гдѣ содержались приговоренные къ смерти, обычная мертвая тишина тюрьмы была нарушена топотомъ сотни ногъ и грохотомъ оружія; шаги солдатъ гулко отдались въ этомъ могильномъ склепѣ.

И вмигъ тюрьма проснулась!..

Какъ электрическій токъ проскочилъ черезъ спавшія тѣла заключенныхъ, и они всѣ повскакали со своихъ постелей...

Имъ ясно было, что означаетъ этотъ роковой шумъ въ такой необычный часъ.

И въ эту страшную минуту сознанія, какъ переходъ отъ тяжелаго, кошмарнаго сна, къ еще болѣе кошмарной и страшной дѣйствительности произошло нѣчто дикое, чудовищное.

Тюрьма, какъ мощный, зловѣщій тиранъ, огласилась безумнымъ, нечеловѣческимъ ревомъ. Тамъ въ тюрьмѣ со-

держалось, кромѣ восьми приговоренныхъ къ смерти, еще нѣсколько сотъ политическихъ заключенныхъ, которыхъ, быть-можетъ, не сегодня, завтра ожидаетъ та же роковая участь.

Раздались отдѣльные яростные крики: «Товарищи, сопротивляйтесь!.. Не отдавайтесь живыми въ руки палачей!.. Сопротивляйтесь!.. Мы васъ всѣ поддержимъ!..

Пусть васъ убьютъ здѣсь, въ борьбѣ... но не идите на казнь... на бойню... какъ живое мясо!..

Сопротивляйтесь!..

Тюрьма гудѣла!

Тутъ впервые солдаты поняли, для какого страшнаго и несправедливаго дѣла ихъ позвали. Имъ стало жутко!..

Поручикъ Петровъ, увидя угнетенное настроеніе солдатъ, тотчасъ же скомандовалъ имъ пойти къ указаннымъ камерамъ и силой брать приговоренныхъ.

Защелкали замки, послышался стукъ отворяемыхъ дверей... и началось нѣчто страшное, жестокое, невообразимое...

Приговоренные къ смерти бросились на солдатъ въ рукопашную, завязался бой!

Крики усилились!.. Тюрьма дрожала отъ нечеловѣческихъ воплей, предсмертныхъ мучительныхъ криковъ... какъ будто въ одинъ общій безумный стонъ слились страданія тысячъ людей!..

Многіе, находя борьбу съ солдатами безцѣльной, бросились къ желѣзнымъ рѣшеткамъ на окнахъ и головами стали биться, желая найти скорую смерть; другіе пытались броситься внизъ головой съ верхней галлереи, но солдаты не допустили ихъ.

Одинъ только Сиполь не оказывалъ сопротивленія; онъ какъ-то безумно оглядывался кругомъ, ничего не понимая и шопотомъ твердилъ самому себѣ: «Я невиновенъ, я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь!» Самое большое и стойкое со-

противленіе было проявлено Мейеромъ. Силачъ, громаднаго роста, онъ долго боролся съ солдатами.

Небольшіе размѣры камеры не давали палачамъ окружить его со всѣхъ сторонъ, и онъ, пользуясь выгодой такого положенія побѣдно отражалъ нападенія солдатъ.

Онъ дрался съ ними изъ послѣднихъ силъ, надѣясь въ этой неравной борьбѣ геройски встрѣтить смерть лицомъ къ лицу!

Эта борьба была чудовищна: съ одной стороны были направлены штыки, пущены въ ходъ приклады десятка безчеловѣчныхъ людей, съ другой—одинъ мощный страдалецъ, невинно умирающій, который прекрасно сознавалъ, что нѣтъ ему спасенья, что онъ долженъ тутъ разстаться съ жизнью, сражался, имѣя въ своихъ рукахъ табуретъ, столъ и крѣпкіе, здоровые кулаки.

Но борьба была неравна. Силы его ослабѣли; его повалили на полъ, и... стали жестоко бить!.. Били въ отместку за то, что сопротивлялся. Били прикладами по лицу, по груди, по животу...

Затѣмъ его связали по рукамъ и ногамъ.

Каждаго изъ восьми человѣкъ окружили кольцомъ солдатъ: Мейера подняли, развязали ему ноги и всѣхъ подъ конвоемъ вывели изъ тюрьмы.

Оставшимся тамъ въ живыхъ, въ своихъ одиночныхъ камерахъ, быть-можетъ, было несравненно хуже, нежели тѣмъ, которыхъ повели на казнь. Ихъ участь должна сейчасъ рѣшиться, смерть сейчасъ прекратитъ ихъ страданія.

Но тѣ, которые остались въ живыхъ, увидятъ вновь и вновь переживутъ эти безумныя минуты, когда на-дняхъ поведутъ еще 18 человѣкъ на казнь... А потомъ еще и еще, а тамъ, быть-можетъ, и остальныхъ казнятъ.

Восьмерыхъ, приговоренныхъ къ смерти, вывели на дворъ тюрьмы; со всѣхъ сторонъ ихъ окружили суровыя лица солдатъ.

Свѣтлая полоска предразсвѣтнаго утра озарила горизонтъ, прогоняя тьму ночи и привѣтствуя зарю восходящаго дня.

Небо стало окрашиваться нѣжными розовыми тонами; легкій вѣтерокъ пробѣжалъ и обдалъ ночной свѣжестью разгоряченныя и измученныя лица невинныхъ страдальцевъ. Ихъ повели черезъ весь городъ къ стоянкѣ миноноски на Двинѣ. Эта миноноска принадлежитъ Усть-Двинской крѣпости, расположенной въ устьѣ рѣки Двины, въ верстахъ 16-ти 18-ти отъ города Риги. Управляется она 4-мя минерами.

Приговоренныхъ размѣстили на миноноскѣ; нѣкоторые попытались броситься въ воду, а Мейеръ вновь вступилъ въ борьбу. Его снова повалили на полъ и связали ему ноги.

Нѣсколько разъ часовой ударялъ его головой объ полъ, чтобъ тотъ лежалъ спокойно, но Мейеръ не поддавался, употребляя всѣ усилія, чтобъ освободиться отъ веревокъ; онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго. Глаза налились кровью; лицо, какъ у безумнаго, обращалось на своихъ палачей съ готовностью растерзать ихъ.

Солдаты говорили, что онъ дѣйствительно съ ума сошелъ и не былъ похожъ на остальныхъ приговоренныхъ.

Сиполь попрежнему, держась въ сторонѣ отъ другихъ, тихо несвязно говорилъ, какъ бы самому себѣ: «Я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь!»

Остальные пѣли революціонные гимны, бодрили другъ друга.

Уже совсѣмъ разсвѣло, только солнце еще не показывалось изъ-за горизонта, когда миноноска пристала къ острову Манусгольмъ на рѣкѣ Двинѣ, недалеко отъ моря.

Этотъ островъ небольшой, въ южной своей части заселенъ рыбаками, а въ сѣверной застроенъ фортами, принадлежащими Усть-Двинской крѣпости.

Тамъ имѣется церковь.

Миноноска причалила къ сѣверной части острова, около форта и высадила своихъ измученныхъ плѣнниковъ.

Подъ тѣмъ же конвоемъ ихъ повели къ пескамъ, которые расположены въ той части острова, которая обращена къ морю.

Было тихое, роскошное утро; показавшіеся первые утренніе лучи веселымъ блескомъ озарили водную широкую гладь и мелкими блестящими искрами отразились въ легкой зыби волнъ.

Песокъ, окаймленный серебристой водой, тоже весело отражалъ въ своихъ песчинкахъ золотые лучи пробудившагося майскаго утра.

Природа ликовала! Она не замѣчала и не хотѣла замѣчать людской жестокости, неправды, злобы и хотѣла своими неподкупными ласками, тепломъ, своей нарядной красотой вознаградить несчастныхъ въ эти тяжелыя минуты ихъ разставанья съ жизнью.

Но особенно тяжело было разставаться именно въ это прекрасное утро! Особенно сильно протестовала противъ насильственности смерти молодая, полная огня и жизни натура человѣка; особенно сильно хотѣлось жить и бороться!

Ихъ торопили къ мѣсту казни!.. Палачи запоздали; все выше подымалось ласковое весеннее солнце, а это кровавое дѣло надо было окончить еще въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ. Не вдалекѣ уже показались 8 столбовъ, вкопанныхъ въ песокъ; тутъ же около нихъ были вырыты ямы. Гробовъ не было.

Ихъ подвели къ мѣсту казни и стали привязывать къ столбамъ.

Наступила ужасная минута. Сиполь съ безумнымъ взглядомъ бросился на привязывавшихъ его усть-двинскихъ пѣхотинцевъ, что-то кричалъ имъ, слышались его отдѣльныя слова: «Я невиновенъ! За что? За что!..» Но когда веревки все туже обхватывали его тѣло, и узелъ окончательно былъ затянутъ, и уже готовились накинуть на его голову мѣшокъ, онъ въ припадкѣ безумія набросился зубами на одного солдата, не понимая, что дѣлаетъ.

Въ эту страшную минуту онъ сошелъ съ ума!.. Пѣна выступила около губъ, и онъ корчился, затянутый веревками въ страшныхъ мукахъ.

Другіе приговоренные просили солдатъ не привязывать ихъ къ столбу и не надѣвать на головы мѣшка.

Солдаты отвѣтили, что не имѣютъ права этого сдѣлать, и продолжали свою работу.

Не такъ-то просто дѣло обошлось съ Мейеромъ, его могучая натура протестовала противъ гнуснаго насилія, и потребовалось употребить большую силу и побои, чтобы притянуть его веревками къ позорному столбу.

Солдатамъ-пѣхотинцамъ онъ крикнулъ: «Помните, вамъ, солдаты, будетъ гораздо хуже, чѣмъ намъ; наша кровь отзовется на палачахъ!..» Съ большимъ трудомъ удалось усть-двинскимъ пѣхотинцамъ накинуть ему на голову мѣшокъ; онъ такъ же, какъ и Сиполь, зубами бросался, хватая ихъ руки, привязывавшія къ столбу.

Затѣмъ прочли имъ приговоръ, выстроили передъ столбами 16-ю роту Мало-Ярославскаго полка, и поручикъ Петровъ скомандовалъ: «Пли!..»

Раздались три залпа...

И кровавое дѣло окончилось, обагривъ невинной кровью руки жестокихъ палачей... Тѣла ихъ вмѣстѣ со стол-

бами побросали въ яму и засыпали ихъ рѣчнымъ пескомъ. Слѣды всѣ скрылись, песокъ попрежнему искрился подъ лучами ярко озарившаго солнца, а веселыя волны все также катились къ морю, рѣзвясь и обгоняя другъ друга.

Не скрылись только слѣды этого кроваваго преступленія въ душахъ солдатъ Мало-Ярославскаго полка, подневольно разстрѣливавшихъ невинныхъ людей. Проливъ эту кровь, они сильно пріуныли духомъ.

Уходя отъ лобнаго мѣста, въ ихъ ушахъ еще раздавались крики разстрѣливаемыхъ; предъ ихъ глазами неотступно стояли безумные взгляды сумасшедшаго Сиполя и всѣ детали этой ужасной картины современной казни.

Они не могли сдержать въ себѣ всего пережитаго, видѣннаго, перечувствованнаго за эту ночь и, чтобъ отвести душу, разсказали о своихъ пережитыхъ страданіяхъ и сомнѣніяхъ въ своемъ поступкѣ другимъ товарищамъ-солдатамъ.

Отъ одного изъ этихъ солдатъ, слышавшихъ исповѣдь товарищей, но который состоитъ въ революціонной организаціи, мнѣ удалось узнать о тяжеломъ настроеніи ихъ и о всѣхъ подробностяхъ казни.

Онъ говорилъ: «Настроеніе солдатъ было такое тяжелое, сомнѣнія такъ сильно овладѣли ими, что если бы нашелся среди разстрѣливающихъ хотя бы одинъ смѣльчакъ, который бы крикнулъ: «Ребята, не стрѣляйте!» То никто бы не выстрѣлилъ. Да,—продолжалъ солдатъ,—если бы нашелся такой храбрый изъ насъ и сдѣлалъ бы это, то потомъ мы бы всѣ его благодарили; не пришлось бы терпѣть на своей душѣ эту тяжесть».

В. Владимировъ.

Смертная казнь предъ судомъ Европы.

Редакція сборника «Противъ смертной казни» предприняла анкету, результаты которой оказались блестящими. Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго,—редакція обращалась не къ той Европѣ, которая на ростовщическихъ условіяхъ ссужаетъ капиталами русское правительство за нѣсколько дней до открытія Государственной Думы; та Европа, быть-можетъ, мало смущается карательными экспедиціями и смертными казнями.

И тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что передъ нами общественное мнѣніе *всей* Европы, выраженное ея признанными авторитетами, знаменитыми учеными, писателями и политическими дѣятелями. Единодушіе и быстрота, съ которой эти лучшіе люди нашего времени откликнулись на призывъ сборника, доказываютъ, что поставленная имъ задача отвѣчаетъ завѣтнымъ и глубочайшимъ стремленіямъ всей мыслящей Европы. Единодушіе отвѣтовъ доходитъ до того, что въ письмахъ, пришедшихъ изъ разныхъ странъ, встрѣчается сходство не только въ основной мысли, но въ стилѣ и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Разница только въ темпераментѣ отвѣта, въ оттѣнкахъ общаго, подчасъ несдержаннаго негодованія противъ жестокости, которая стала очевидной всему міру, благодаря махровому ея расцвѣту на нашей несчастной родинѣ.

Отъ сухого ученаго юриста Іеллинека до изысканныхъ феминистовъ, братьевъ Маргеритъ, отъ дипломата д'Эстурнеля де-Констана до Макдональда, представителя рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ, и итальянскаго соціалиста Ферри, — всѣ въ одинъ голосъ, кто съ мольбой, кто съ

угрозой, обращаются къ намъ съ «того берега», требуя уничтоженія смертной казни за политическія преступленія. То, что смертная казнь, уничтоженная въ Россіи за общія преступленія еще въ XVIII вѣкѣ, примѣняется такъ свободно за преступленія политическія, является въ глазахъ европейцевъ особенно вопіющимъ контрастомъ.

Приговоръ Европы, если можно такъ выразиться, постоянно возвращается, прямо или скрыто, къ основному аргументу сторонниковъ смертной казни, выраженномъ въ знаменитой фразѣ Альфонса Карра: «Que Messieurs les assassins commencent». Въ качествѣ журналиста (онъ былъ съ 1839 г. редакторомъ «Фигаро» и сатирической газеты «Les Guêpes») А. Карръ пріобрѣлъ особую извѣстность своими нападками на адвокатуру и «смягчающія обстоятельства». Какой самодовольной мѣщанской сытостью вѣетъ отъ этого: «Que Messieurs les assassins commencent!»—«Пусть господа убійцы начнутъ». Эта фраза сдѣлалась ходячимъ афоризмомъ, лозунгомъ въ оправданіе смертной казни.

Почти во всѣхъ письмахъ изъ-за границы мы встрѣчаемъ самую безпощадную критику этого любезнаго приглашенія къ «господамъ убійцамъ». Разсуждая практически, въ немъ—центръ вопроса. Кто же долженъ начать? Доведенные до отчаянія вооруженнымъ, организованнымъ произволомъ, энтузіасты, или государство, проявляющее въ своихъ репрессіяхъ жестокость, доходящую до садизма.

Іеллинекъ, знаменитый нѣмецкій юристъ и изслѣдователь государственнаго и международнаго права, учитъ, что воля государства отличается отъ всякой другой однимъ свойствомъ, которое называется господствомъ; съ этимъ свойствомъ прочно связана и обязанность самоограниченія; въ противномъ случаѣ мы придемъ къ неизбѣжному отрицанію всякаго публичнаго права. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ правовомъ порядкѣ заключается минимумъ требованій обществен-

ной нравственности, Іеллинекъ, въ полномъ согласіи съ своей доктриной, рѣшительно возстаетъ въ своемъ письмѣ противъ смертной казни. Какъ бы въ отвѣтъ на эту научную точку зрѣнія Бьернсонъ - Бьернстьерне, этотъ давно оцѣненный и любимый въ Россіи писатель, спрашиваетъ: «Неужели же думаютъ, что возможно внушить уваженіе къ власти въ странѣ, гдѣ понятія о добрѣ и злѣ, о томъ, что низко и что возвышенно, до такой степени перевернуты?..»

Какъ бы продолжая ту же мысль, Октавъ Мирбо восклицаетъ съ свойственной ему пылкостью: «Какъ оно (общество) смѣетъ наказывать за убійство, подавая само примѣръ убійствъ, — примѣръ дикій и ежедневный... Говорятъ, что оно защищается. Неправда! Оно провоцируетъ... Въ противоположность А. Карру я скажу: «Пусть господа законодатели начнутъ первые...»

Въ болѣе спокойномъ тонѣ, хотя столь же непоколебимо, подаютъ свои голоса противъ смертной казни другіе соотечественники Октава Мирбо. Они стоятъ на болѣе практической точкѣ зрѣнія.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить д'Эстурнель де-Констана, извѣстнаго дипломата, иниціатора и дѣятельнаго члена первой Гаагской конференціи. Несмотря на дипломатическую сдержанность, офиціальное положеніе и почтенный возрастъ, располагающій человѣка къ осторожности, д'Эстурнель, сдѣлавъ оговорку, что онъ разсматриваетъ вопросъ съ практической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что «въ интересахъ русскаго же правительства разумнѣе было бы сохранить чувство мѣры и проявить больше мягкости... Нисколько не устрашая, казнь достигаетъ прямо противоположныхъ результатовъ, зажигая въ ихъ (революціонерахъ) сердцахъ жажду мести». Этотъ добрый совѣтъ очень похожъ на урокъ. Характеренъ конецъ письма д'Эстурнеля: «Кровь жертвы страшнѣе, чѣмъ заговоръ революціонера; са-

мая дѣйствительная противоправительственная пропаганда— это пропаганда мертвыхъ...»

Къ д'Эстурнелю примыкаетъ Сеньобосъ, историкъ-профессоръ Сорбоны, авторъ хорошо извѣстной у насъ «Политической исторіи современной Европы». Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ рѣшительно предсказывалъ побѣду оппозиціи на выборахъ въ первую русскую Думу, несмотря на возмутительный избирательный законъ и репрессіи, онъ былъ такъ увѣренъ въ негодности нашей бюрократіи и всеобщемъ противъ нея возмущеніи, что считалъ это лучшимъ залогомъ успѣха оппозиціи. Въ связи съ этимъ взглядомъ на бюрократію онъ пишетъ по поводу смертной казни: «Это не наказаніе, а средство управленія... Что же можетъ думать французъ о режимѣ, совершенно идущемъ въ разрѣзъ съ понятіями о правосудіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ».

Членъ Института, Луи Гаве (Louis Havet) находитъ, что смертная казнь питаетъ жестокость власть имущихъ и ожесточеніе слабыхъ. Привѣтствуя усилія, направленныя къ уничтоженію ея, онъ замѣчаетъ: «Если это вамъ удастся, власть въ первый разъ получитъ возможность показаться передъ русскимъ народомъ и передъ Европой съ необагренными кровью руками»... Вспоминая объ уничтоженіи крѣпостного права, онъ считаетъ будущій день отмѣны смертной казни не менѣе счастливой и не менѣе славной эрой для нашего отечества.

А Круазе, деканъ филологическаго факультета Сорбонны, категорически заявляетъ: «Масса порядочныхъ людей не вѣритъ ни въ виновность жертвъ ни въ безпристрастіе судей... Какое же это наказаніе, если оно покрываетъ судей позоромъ, а казненныхъ—славой. Это въ одно и то же время и преступленіе и глупость».

«Президентъ «Лиги Мира», Фредерикъ Пасси тоже ставитъ вопросъ на реальную почву и напоминаетъ, что «мертвецы

возвращаются, и тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ грознѣе, шире, безсердечнѣе примѣнялась смертная казнь»...

Пройдемъ мимо проф. философіи Бутру и прелестнаго письмеца Лависса (директора Ecole normale) и, прежде чѣмъ перейти къ писателямъ и политическимъ дѣятелямъ соціалистическаго направленія, остановимся не надолго на Брандесѣ и англійскихъ либералахъ.

Георгъ Брандесъ знакомъ европейской и русской читающей публикѣ. Онъ знаетъ и любитъ «загадочную» Россію. Въ 80-хъ годахъ онъ читалъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и Москвѣ. За этимъ появилась надѣлавшая много шума его книга «Очерки путешествія по Польшѣ и Россіи», послѣ которой, какъ онъ самъ признавался, онъ считалъ бы легкомысліемъ перешагнуть границу нашего отечества раньше, чѣмъ тамъ не кончится царство дикаго произвола.

Недавно въ «Politiken» была напечатана статья Брандеса о сіонизмѣ. Разбирая это движеніе, авторъ приводитъ слова, сказанныя Плеве въ одной частной бесѣдѣ: «Я держу Россію въ рукѣ, какъ этотъ карандашъ» (министръ во время бесѣды вертѣлъ карандашъ). Сангвиническаго Брандеса эти циническія слова привели въ ярость.

Продолжая любить загадочную страну «черной земли», онъ всѣми силами души ненавидитъ ея варварскій, далеко еще не отошедшій въ вѣчность, строй. Письмо его отъ начала и до конца дышитъ этой ненавистью. Поэтому мы не дѣлаемъ выдержекъ и отсылаемъ читателей прямо къ письму.

Англійскіе либералы, Клиффордъ, а также Гейри Вильсонъ, Аильменъ Моодъ (переводчикъ Л. Толстого) и Карпентеръ, авторъ извѣстной книги: «Тюрьма, полиція и наказаніе», высказываются опредѣленно и рѣшительно.

Моодъ удивляется, что «правительства такъ медлятъ и такъ боятся подать хорошій примѣръ подданнымъ, выказавъ уваженіе къ человѣческой жизни»... Онъ считаетъ сохра-

неніе смертной казни непрерывнымъ позоромъ для всѣхъ странъ, въ которыхъ она примѣняется. Карпентеръ находитъ, что «отмѣна смертной казни должна стоять въ наши дни на очереди всякаго уважающаго себя народа... потому что двѣ неправды не создаютъ правды, и что не умѣть найти другого средства для выраженія осужденія убійству, кромѣ совершенія другого убійства, значитъ, обнаруживать свое безсиліе и наивность».

Это доводы англійскаго «общества пропаганды противъ смертной казни», представляющаго собой организованную борьбу противъ этого варварскаго института.

Къ умѣреннымъ надо отнести и извѣстнаго бельгійскаго криминалиста антропологической школы, Лорана, который особенно возмущается противъ правительственнаго террора. «Что касается московскихъ и всѣхъ другихъ убійствъ, послѣдовавшихъ за попытками къ возстанію, то намъ трудно себѣ представить возможность чего-нибудь подобнаго гдѣ-либо, кромѣ Турціи. Вотъ, что думаю я и что, будьте увѣрены, думаютъ у насъ люди, наиболѣе умѣренные и наиболѣе консервативные о смертной казни, какъ ее примѣняетъ ваше правительство, или, вѣрнѣе, о безуміи, обуявшемъ кровожадныхъ звѣрей»...

Такъ пишутъ не молодые утописты и фантазеры (большинство приведенныхъ нами авторовъ находится въ возрастѣ около или свыше 50 лѣтъ), а люди умѣренные, буржуазнаго склада и привычекъ, консервативнаго и либеральнаго лагеря. Напомнимъ читателю, что послѣдніе два термина на Западѣ имѣютъ иное значеніе, чѣмъ въ Россіи. У насъ консерватизмъ почти всегда идетъ рядомъ съ реакціонностью; въ странахъ конституціонныхъ консервативныя партіи, являясь представительницами крупнаго землевладѣнія, какъ въ Англіи и Германіи, или, сливаясь съ клерикальнымъ направленіемъ, какъ въ Бельгіи, всегда конституціонны, не

взываютъ къ насилію и разбою и борятся исключительно парламентскими средствами. Точно такъ же и либерализмъ русскій, всегда олицетворявшій собою стремленіе къ правовому порядку, безъ какой-либо опредѣленной политической программы, не совпадаетъ съ либерализмомъ англійскимъ, на знамени котораго написаны: свобода торговли, законодательное покровительство рабочимъ, гомруль, неразрывно связанный съ именемъ Гладстона и т. д. При всемъ различіи внутренняго содержанія этихъ терминовъ у насъ и въ Европѣ они сходятся на одномъ отрицательномъ признакѣ: *не* пролетарскомъ характерѣ міровоззрѣнія и программы. И это обстоятельство дѣлаетъ представителей того и другого направленія авторитетами въ тѣхъ кругахъ нашего отечества, гдѣ на всякую пролетарскую программу смотрятъ, какъ на опасную и революціонную. А между тѣмъ нигдѣ протестъ противъ смертной казни не достигаетъ такой ясности и не находится въ такомъ гармоническомъ единеніи съ міровоззрѣніемъ, идеалами и программой, какъ въ партіи рабочей, все равно, будетъ ли она называться соціалистической, какъ во Франціи и Бельгіи, независимой рабочей партіей, какъ въ Англіи, или соціалъ-демократической, какъ въ Германіи.

Эту часть нашей анкеты открываетъ А. Франсъ, писатель скорѣе соціалистическаго *настроенія*, чѣмъ партіи.

Нельзя не вспомнить о его дѣятельномъ участіи въ устройствѣ народныхъ университетовъ, его лекціяхъ рабочимъ, предсѣдательствѣ на митингахъ протеста противъ погромовъ. А. Франсъ не хладнокровный наблюдатель или теоретикъ. Въ его словахъ слышенъ крикъ ужаса, негодованіе художника, возмущеніе оскорбленнаго гуманиста. «Пусть ваши судьи одумаются; они не судятъ, а убиваютъ... Напрасно они станутъ утирать свои окровавленныя руки о тексты законовъ, болѣе смертоносныхъ, чѣмъ японскія пушки»...

Обратимся теперь къ представителямъ рабочей партіи. Кейръ Гарди, бывшій рабочій въ шахтахъ, глава упомянутой нами партіи въ англійскомъ парламентѣ, назвавъ смертную казнь ужаснымъ остаткомъ варварства, въ концѣ своего письма прибавляетъ: «По-моему, совершеніе этого наказанія съ соблюденіемъ всѣхъ предписываемыхъ закономъ и религіей церемоній, болѣе безчеловѣчно, чѣмъ самое хладнокровное убійство изъ всѣхъ, когда-либо совершонныхъ».

Макдональдъ, секретарь рабочей партіи, окончательно строитъ свой протестъ на соціалистическомъ міросозерцаніи.

«Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ Макдональдъ, что смертная казнь разжигаетъ преступныя страсти людей и содѣйствуетъ огрубѣнію общественныхъ нравовъ. А такъ какъ рабочее движеніе можетъ имѣть успѣхъ лишь въ просвѣщенномъ государствѣ, то *(по мнѣнію рабочей партіи)* должно быть безотлагательно упразднено все, что дѣлаетъ сердца болѣе черствыми и питаетъ грубые инстинкты. Мы, члены рабочей партіи, не можемъ понять, какимъ образомъ христіанская цивилизація поддерживаетъ такое ужасное «законное» преступленіе, какимъ является смертная казнь».

Отсылая читателей къ письму Вандервельде, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о статьѣ Энрико Ферри. Одинъ изъ величайшихъ современныхъ ораторовъ, глава итальянской соціалъ-демократической партіи, онъ болѣе извѣстенъ въ Россіи, какъ криминалистъ соціологической школы. Единственно правильной борьбой съ преступленіемъ онъ считаетъ борьбу на почвѣ соціальнаго прогресса, а смертная казнь, по его мнѣнію, есть безполезное варварство. «Но что можно сказать,—восклицаетъ Ферри,—о смертной казни, отмѣненной для обыкновенныхъ преступниковъ и сохраненныхъ для политическихъ!... Дикій, грубый *эгоизмъ* толкаетъ обыкновеннаго убійцу на убійство другого человѣка. У политическаго убійцы другой стимулъ — *альтру-*

измъ; вѣдь онъ дѣйствуетъ не въ собственномъ интересѣ, не изъ чувства личной мести, ненависти или корысти. Онъ дѣйствуетъ ради идеала, который можетъ быть ошибочнымъ, но который всегда альтруистиченъ. Онъ вѣритъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ человѣчества, родины или угнетеннаго класса...

... Присужденіе къ смерти революціонеровъ (включая сюда и политическихъ убійцъ) ведетъ къ уменьшенію числа наиболѣе возвышенныхъ и альтруистическихъ натуръ, оно благопріятствуетъ преобладанію и господству натуръ наиболѣе низкихъ, отсталыхъ и эгоистичныхъ. А это страшно понижаетъ уровень души націй».

Таковы въ самыхъ существенныхъ чертахъ результаты нашей анкеты. Закончимъ этотъ краткій очеркъ словами братьевъ Маргеритъ: «Общество не будетъ болѣе палачомъ и перестанетъ дѣлать зло ради зла... Все это скоро уйдетъ въ прошлое, исчезнуть дикари, рабы, человѣчество крови и грязи.

«Будемъ и мы крѣпко надѣяться, что посланные русскимъ народомъ въ первую Думу излюбленные ими люди услышатъ несущіеся къ нимъ со всѣхъ сторонъ голоса лучшихъ людей—своихъ и чужихъ—слившіеся въ одинъ кличъ: «Долой смертную казнь!»

«Къ нимъ, излюбленнымъ людямъ русской земли, направлена эта книга. Пусть они помнятъ, что пора положить предѣлъ кровавой оргіи, что каждый день передъ вооруженными убійцами трепещутъ безоружныя жертвы»...

О. Гольдовскій.

Примѣчаніе: Редакція приноситъ глубокую благодарность І. С. Мельнику, С. Л. Полякову, Н. Н. Полянскому и Е. П. Семенову за энергичное содѣйствіе, благодаря которому удалось въ короткій срокъ получить помѣщенные въ сборникѣ отвѣты иностранныхъ писателей и политическихъ дѣятелей.

Письма, полученныя редакціей сборника отъ иностранныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей*).

Письмо Георга Еллинека.

Гейдельбергъ, 4 апрѣля 1906 г.

На ваше письмо отъ 20 марта отвѣчаю слѣдующее:

Вы желали бы, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о допустимости смертной казни съ точки зрѣнія событій, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ Россіи. Вы полагаете, что мнѣнія людей мысли могутъ оказать вліяніе на образъ дѣйствій правительства. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Врядъ ли въ какомъ-либо другомъ изъ современныхъ государствъ завѣты гуманности такъ беззастѣнчиво попираются, какъ въ Россіи, гдѣ одна часть населенія занята лишь мыслью о томъ, какъ бы истребить другую. Управляющіе и управляемые въ одинаковой степени обагрены кровью. Что пользы въ протестахъ тамъ, гдѣ люди не имѣютъ ушей, чтобы слышать? Какъ горько, даже издали, слышать о непрекращающемся поруганіи человѣчества въ странѣ, которая все же выражаетъ притязаніе на принадлежность къ семьѣ цивилизованныхъ государствъ.

Проф. Гейдельбергскаго университета

Еллинекъ.

Къ вопросу о смертной казни.

Смертная казнь не является ни самымъ жестокимъ ни самымъ безчеловѣчнымъ изъ наказаній, придуманныхъ человѣкомъ, но изъ всѣхъ наказаній — это самое неразумное. Будучи грубымъ и неудачнымъ, какъ средство возмездія за противообщественные по-

*) Подлинники печатаемыхъ писемъ приложены на стр. 353—384.

ступки или, по крайней мѣрѣ, принимаемые за таковые, смертная казнь тамъ, гдѣ она еще примѣняется, свидѣтельствуетъ о неспособности даннаго общества отказаться отъ тѣхъ средствъ защиты, къ которымъ прибѣгали во времена дикаго варварства. По самому существу своему противорѣча мысли объ исправленіи, это наказаніе нецѣлесообразно съ точки зрѣнія устрашенія. Для достиженія послѣдней цѣли оно должно было бы быть связано со всѣми тѣми ужасами, которыми оно сопровождалось въ стародавнія времена; нужна была вѣра въ вѣчныя мученія ада, вѣра, господствовавшая нѣкогда въ христіанскомъ мірѣ. Но эта вѣра отходитъ въ область преданія; несмотря на всѣ старанія церковной ортодоксіи, этому позорному порожденію злого духа противится сознаніе даже малокультурныхъ классовъ населенія. Даже самое отсталое изъ европейскихъ государствъ не осмѣливается прибѣгать къ тѣмъ жестокостямъ, которыми сопровождалась въ средніе вѣка смертная казнь, равно какъ и отмѣнены тѣ дикія зрѣлища, въ которыя превращали нѣкогда — и для своего времени вполнѣ логично — приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. И въ основѣ этого стремленія опустить завѣсу тайны надъ зрѣлищемъ убійства во имя закона лежитъ сознаніе, что этотъ родъ наказанія противорѣчитъ всѣмъ нашимъ культурнымъ понятіямъ.

Тамъ, гдѣ отпадаетъ мотивъ исправленія, равно какъ и мотивъ устрашенія, приводятъ иногда въ оправданіе смертной казни принципъ возмездія. Но если бы мы желали платить равнымъ за равное, то мы должны были бы требовать смертной казни за убійство, совершонное подъ вліяніемъ аффекта, чего, какъ извѣстно, мы не дѣлаемъ. Наши уложенія о наказаніяхъ говорятъ лишь мало о дѣйствительномъ возмездіи, а если и проводятъ практику возмездія, то въ сильно измѣненномъ видѣ, при чемъ видоизмѣняющимъ факторомъ является, какъ нашъ взглядъ на то, что воля не свободна, такъ и наше культурное сознаніе, которому противно всякое убійство, совершаемое по холодному рас-

Письма, полученныя редакціей сборника отъ иностранныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей*).

Письмо Георга Еллинека.

Гейдельбергъ, 4 апрѣля 1906 г.

На ваше письмо отъ 20 марта отвѣчаю слѣдующее:

Вы желали бы, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о допустимости смертной казни съ точки зрѣнія событій, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ Россіи. Вы полагаете, что мнѣнія людей мысли могутъ оказать вліяніе на образъ дѣйствій правительства. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Врядъ ли въ какомъ-либо другомъ изъ современныхъ государствъ завѣты гуманности такъ беззастѣнчиво попираются, какъ въ Россіи, гдѣ одна часть населенія занята лишь мыслью о томъ, какъ бы истребить другую. Управляющіе и управляемые въ одинаковой степени обагрены кровью. Что пользы въ протестахъ тамъ, гдѣ люди не имѣютъ ушей, чтобы слышать? Какъ горько, даже издали, слышать о непрекращающемся поруганіи человѣчества въ странѣ, которая все же выражаетъ притязаніе на принадлежность къ семьѣ цивилизованныхъ государствъ.

Проф. Гейдельбергскаго университета

Еллинекъ.

Къ вопросу о смертной казни.

Смертная казнь не является ни самымъ жестокимъ ни самымъ безчеловѣчнымъ изъ наказаній, придуманныхъ человѣкомъ, но изъ всѣхъ наказаній — это самое неразумное. Будучи грубымъ и неудачнымъ, какъ средство возмездія за противообщественн

*) Подлинники печатаемыхъ пис

ступки или, по крайней мѣрѣ, принимаемые за таковые, смертная казнь тамъ, гдѣ она еще примѣняется, свидѣтельствуетъ о неспособности даннаго общества отказаться отъ тѣхъ средствъ защиты, къ которымъ прибѣгали во времена дикаго варварства. По самому существу своему противорѣча мысли объ исправленіи, это наказаніе нецѣлесообразно съ точки зрѣнія устрашенія. Для достиженія послѣдней цѣли оно должно было бы быть связано со всѣми тѣми ужасами, которыми оно сопровождалось въ старыя давнія времена; нужна была вѣра въ вѣчныя мученія, такая вѣра, господствовавшая нѣкогда въ христіанскомъ мірѣ. Но эта вѣра отходитъ въ область преданія; несмотря на всѣ старанія церковной ортодоксіи, этому позорному порожденію нашего [illegible] противится сознаніе даже малокультурныхъ классовъ населенія. Даже самое отсталое изъ европейскихъ государствъ не можетъ [illegible]вается прибѣгать къ тѣмъ жестокостямъ, которыми сопровождалась въ средніе вѣка смертная казнь. [illegible] отмѣнены тѣ дикія зрѣлища, въ которыя превращались [illegible] и для своего времени вполнѣ логично — [illegible]ніе смертныхъ приговоровъ. И въ основѣ этого [illegible] завѣсу тайны надъ зрѣлищемъ убійства [illegible] сознаніе, что этотъ родъ наказанія противорѣчитъ [illegible] культурнымъ понятіямъ.

Тамъ, гдѣ отпадаетъ мотивъ исправленія [illegible] тивъ устрашенія, приводятъ иногда къ [illegible] принципъ возмездія. Но если бы [illegible] равное, то мы должны были бы [illegible] убійство, совершонное подъ [illegible] вѣстно, мы не дѣлаемъ. Наш[illegible] лишь мало о[illegible] практику возм[illegible] [illegible]ери [illegible] когда

чету, будь то въ интересахъ отдѣльной личности или цѣлаго общества. Пока мы будемъ убивать именемъ закона, мы будемъ санкціонировать убійство во имя частныхъ интересовъ. Мы тѣмъ самымъ отрицаемъ то основное положеніе, что жизнь человѣка неотъемлема.

Отсюда вытекаетъ вся безсмысленность выраженія шута Карр'а: «que messieurs les assassins commencent!» Не отдѣльный индивидуумъ, а все общество отвѣтственно за то, что произошло. Только тогда убійство найдетъ свое полное осужденіе въ открытомъ сознаніи всѣхъ, когда мы вообще перестанемъ убивать во имя общества. Совершаетъ убійство все же рука человѣка, хотя и направляемая велѣніемъ закона. Законъ — твореніе рукъ человѣка, и его правосудіе служитъ выраженіемъ человѣческихъ интересовъ и страстей.

Берлинъ, 28 марта 1906 г.

Эдуардъ Бернштейнъ.

Письмо Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ.

Ни въ одной, конечно, странѣ законодательство не заключаетъ въ себѣ такой безсмылицы, какую мы находимъ въ русскомъ законодательствѣ, уничтожившемъ смертную казнь за уголовныя преслѣдованія, но оставившемъ ее за политическія преступленія.

Не значитъ ли это сказать жителямъ этой злополучной страны:

«Если ты нарушаешь законъ съ цѣлью обогащенія, удовлетворенія ненависти, мщенія, низменныхъ аппетитовъ, похоти, жажды крови, — ты останешься въ живыхъ.

Но —

«если ты нарушаешь законъ, чтобы спасти общество, проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ, что служишь милліо-

намъ людей, не заботясь объ опасности, какой себя подвергаешь, то за это ты умрешь.

Неужели же думаютъ, что возможно внушить уваженіе къ власти въ странѣ, гдѣ понятія о добрѣ и злѣ, о томъ, что низко и что возвышенно до такой степени перевернуты?..

Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ.

Письмо Брандеса.

Я врагъ всякаго доктринерства вообще; тѣмъ болѣе въ настоящій моментъ мнѣ кажется было бы непростительнымъ доктринерствомъ видѣть въ протестѣ противъ смертной казни средство борьбы съ современной русской дѣйствительностью.

Не стоитъ, право, прибѣгать къ этимъ окольнымъ путямъ. Если бы смертная казнь, какъ таковая, и имѣла право на существованіе, то въ томъ видѣ, въ какомъ она примѣняется въ Россіи, она представляется «horor of horors» (сплошнымъ ужасомъ), самымъ гнуснымъ и отвратительнымъ варварствомъ. Пока во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ весь цвѣтъ молодежи воспитывается для войны, чтобы десятками тысячъ быть въ одинъ моментъ разорванными гранатами, быть пронзенными пулями, быть истерзанными, изувѣченными, быть искромсанными въ полевыхъ госпиталяхъ на операціонныхъ столахъ или покинутыми на произволъ судьбы на полѣ битвы, — до тѣхъ поръ будетъ простымъ доктринерствомъ ратовать противъ смертной казни. Допустимъ даже, что въ это время будутъ подвергнуты смертной казни съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, по всѣмъ правиламъ современной техники въ крупныхъ государствахъ десятки преступниковъ, въ мелкихъ — единичные, — преступники, подобные тѣмъ, которые растлили 6-лѣтнихъ дѣвочекъ и разрѣзали ихъ потомъ на мелкіе кусочки или перерѣзали матери горло рабочими ножницами. Стоитъ ли въ такую минуту, когда

намъ приходится разрѣшать болѣе серьезные вопросы, останавливаться на томъ, будетъ ли подобный субъектъ осужденъ на двадцатилѣтнюю каторгу или же сразу вычеркнутъ изъ списка живыхъ?

Въ Скандинавскихъ государствахъ обезглавливаютъ только такихъ преступниковъ и то рѣдко. За послѣднія десять лѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе одинъ смертный приговоръ.

Самое ужасное въ Россіи не то, что подобные приговоры существуютъ, а то, что смерть превратилась въ орудіе *политической* борьбы, что достойныя уваженія люди приговариваются къ смерти военными судами, т.-е. беззаконно, безъ судей, безъ защитниковъ, безъ присяжныхъ, безъ разслѣдованія, или, что еще хуже, къ пыткамъ, или отдаются на грубый произволъ офицеровъ и солдатъ.

Россія покрылась позоромъ. Среди какого другого народа нашлось бы столько палачей? Народъ состоитъ изъ жертвъ и палачей, и, несмотря на всѣ попытки къ возстанію, палачи удерживаютъ власть въ своихъ рукахъ, что возможно только при полной деморализаціи населенія.

Георгъ Брандесъ.

Письмо Эмиля Бутру.

Парижъ, 25 марта 1906 г.

Я, какъ и многіе другіе, читалъ не мало авторовъ, высказывавшихся за и противъ смертной казни. Я принималъ участіе въ серьезныхъ дебатахъ по этому сложному вопросу, который такъ страстно волнуетъ меня и моихъ товарищей по профессіи, и я долженъ сознаться, что несомнѣнной очевидности для меня нѣтъ ни на одной ни на другой сторонѣ; нерѣдко логика доводовъ одной и другой стороны меня смущала. Одни утверждаютъ, что жизнь исходитъ отъ Бога, отсюда они выводятъ заключеніе, что человѣкъ не имѣетъ права лишать себя жизни, но это можно

дѣлать по отношенію къ другимъ. Другіе придерживаются того взгляда, что какъ жизнь, такъ и совѣсть не что иное, какъ временное, преходящее сочетаніе молекулъ, не имѣющихъ цѣнности сами по себѣ: и отсюда они выводили заключеніе, что жизнь человѣка неприкосновенна. Сбитый съ толку подобными разсужденіями, я предпочелъ обратиться къ голосу чувства, которое говоритъ мнѣ, что человѣколюбіе, что милосердіе прекрасно и достойно человѣка.

Но въ то же время мнѣ приходятъ въ голову и другія мысли.

Смертная казнь — гнусное наказаніе, но съ другой стороны отмѣна смертной казни встрѣчаетъ много вѣскихъ возраженій. Тюрьма только портитъ преступниковъ, но оставлять ихъ на свободѣ невозможно. Я гдѣ-то читалъ, что въ Даніи снова введены розги въ уложеніе о наказаніяхъ. Къ какому бы заключенію ни прійти, всегда будешь противорѣчить самому себѣ, всегда будешь осмѣивать самого себя. Репрессіи всегда кончаются плохо, но, безъ сомнѣнія, ихъ приходится терпѣть, пока не нашли ничего лучшаго; но это не значитъ, что человѣческой мысли не слѣдуетъ искать выхода изъ этого положенія. Если по поводу какого-либо вопроса, говоритъ Кантъ, можно съ одинаковымъ правомъ высказываться за и противъ, это значитъ, что вопросъ поставленъ неправильно.

Несомнѣнно, насиліе — самый скверный исходъ. Не слѣдуетъ огорчаться, что не удается найти такой системы репрессій, которая имѣла бы несомнѣнныя преимущества по сравненію съ существующей. Если бы удалось придумать такую удовлетворительную систему, то мы свыклись бы съ мыслью, что таковъ естественный порядокъ вещей, что должны существовать (бунтовщики) нарушители порядка и усмирители, и что подвергать обсужденію вопросъ о репрессіяхъ, значитъ, поколебать самыя устои общества.

Но такъ какъ ни одна система репрессій не раціональна и не даетъ рѣшенія вопроса, умѣстно спросить себя, не поступитъ ли общество лучше, если вмѣсто того, чтобы восхищаться усиліями отдѣльныхъ ученыхъ, стремящихся къ невозможному, оно будетъ стараться измѣнить тотъ порядокъ вещей, который приводитъ его къ репрессіямъ. Чтобы люди научились не вредить другъ другу, они должны научиться быть терпимыми. А для того, чтобы быть терпимыми, они должны научиться примѣнять въ жизни тѣ добродѣтели, безъ которыхъ, по словамъ древняго мудреца, не можетъ существовать никакое общество: а именно, справедливость и умѣренность. Люди должны перевоспитать себя, они должны стать лучше. Вотъ истинный исходъ. Сила сильна до тѣхъ поръ, пока она справедлива. Люди уважаютъ правосудіе только тогда, когда они въ него вѣрятъ. Двигаться по пути къ прогрессу заставляетъ человѣка не изобрѣтеніе болѣе суровыхъ или болѣе мягкихъ каръ, а нѣчто другое, болѣе дѣйствительное, а именно, умѣнье господствовать надъ самимъ собой, чувство справедливости и долга. Вопросъ политическій остается такимъ же, какимъ онъ былъ въ глазахъ Платона: вопросомъ морали и воспитанія.

Эмиль Бутру.

Письмо Луи Гавэ.

Вотъ уже цѣлый годъ, какъ вся Европа страстно слѣдитъ за событіями, происходящими въ вашей странѣ; всѣ мыслящіе люди привѣтствовали усилія людей мысли, подобныхъ вамъ, и издали лелѣяли вмѣстѣ съ вами мечту о нарожденіи новой свободной Россіи, которая будетъ, наконецъ, въ состояніи водворить внутренній миръ и которая въ союзѣ съ болѣе старыми по свободѣ націями будетъ работать на благо всего человѣческаго рода. Эту прекрасную мечту нарушили сперва безчисленныя убійства, ружейные и пушечные выстрѣлы, звѣрское изувѣченіе случай-

ждаетъ однихъ и возвеличиваетъ другихъ, окружая послѣднихъ ореоломъ мученичества.

Что же это за наказаніе, которое безчеститъ судей и прославляетъ осужденныхъ? Это въ одно и то же время и преступленіе и безсмыслица.

Альфредъ Круазе.

Письмо Лависса.

Изучая прошлое, наши современники удивляются, открывая учрежденія и нравы, которые они называютъ варварскими и которые, тѣмъ не менѣе, казались нашимъ предкамъ вполнѣ разумными и естественными. Когда наше настоящее станетъ прошлымъ, наши потомки найдутъ его менѣе дикимъ, чѣмъ времена нашихъ отцовъ, но все же оно будетъ имъ казаться жестокимъ и отвратительнымъ.

Удивительную картину нарисуютъ наши будущіе историки-философы, если, просвѣтленные знаніемъ прошлаго, они возстановятъ перечень нашихъ ошибокъ, которыя будущее несомнѣнно осудитъ. Они освѣтятъ и ускорятъ движеніе человѣчества къ прогрессу. Безконечно длиненъ будетъ этотъ перечень. Тамъ найдутъ себѣ мѣсто и смертная казнь за нарушеніе частнаго права, т.-е. попросту самый несложный, звѣрскій первобытный законъ возмездія: «око за око, зубъ за зубъ». Въ примѣненіи къ дѣяніямъ, такъ называемымъ противообщественнымъ, это будетъ месть, пресѣченіе, сознаніе своего безсилія защищать себя помощью разума и непреложнаго права; это будетъ злоупотребленіе силой и низость.

Проф. Лависсъ.

Письмо П. и В. Маргеритъ.

26 марта 1906 г.

Смертная казнь должна исчезнуть изъ цивилизованнаго міра. Вотъ ужъ цѣлое столѣтіе, какъ раздается мощный голосъ Виктора Гюго противъ этой гнусности — убивать убійцъ именемъ право-

судія. Общество перестанетъ быть палачомъ и платить зломъ за зло. Оно ссылается на примѣръ и само даетъ примѣръ, внушающій отвращеніе. Все это скоро канетъ въ вѣчность, гдѣ также исчезнетъ рабство, варварство и гуманность, основанная на крови и грязи. Ночь смѣнится разсвѣтомъ, а разсвѣтъ смѣнитъ надъ обновленнымъ краемъ золотая заря. Будемъ надѣяться!

Поль и Викторъ Маргеритъ.

Письмо Октава Мирбо.

Когда хоть на минуту задумаешься надъ тѣмъ, что самоуправляющіяся и даже демократическія общества все еще оставляютъ за собою во главѣ своихъ правъ право убивать кого имъ вздумается или кто имъ не нравится, то поистинѣ приходишь въ ужасъ и спрашиваешь себя со страхомъ и отчаяніемъ, въ какое варварское время мы живемъ и къ чему были всѣ революціи, которыми мы такъ гордимся?

Какъ можетъ общество надѣяться уничтожить когда-либо убійство? Какъ оно даже смѣетъ наказывать за него, если оно само даетъ примѣръ убійствъ, — примѣръ дикій и повседневный? Какъ можетъ оно безъ смѣха заставлять насъ чтить эту жизнь человѣческую, которую оно за одно слово уничтожаетъ съ такой удивительной дикостью? Говорятъ, что оно защищается? Неправда. Оно провоцируетъ.

Во Франціи [1]) мы все еще носимся съ безсмысленной фразой, написанной во время оно плохимъ писателемъ, который неспособенъ былъ стать даже порядочнымъ садовникомъ, невѣжественнымъ и глупымъ Альфонсомъ Карромъ: «Пусть гг. убійцы первые подадутъ примѣръ». Эта фраза и по настоящее время остается сильнѣйшимъ аргументомъ,—аргу-

---

[1]) Во Франціи смертная казнь за политическія преступленія не существуетъ больше съ 1848 г.

ментомъ побѣдоноснымъ противъ тѣхъ, кто требуетъ уничтоженія смертной казни.

Если я нахожу чудовищнымъ право, присвоиваемое себѣ обществомъ, убивать убійцъ вмѣсто того, чтобы ихъ воспитывать или лѣчить, то что сказать о правѣ, которое оно захватило — убивать тѣхъ, кого оно называетъ своими врагами, т.-е. тѣхъ, которые не раздѣляютъ его взглядовъ на многіе соціальные, моральные, философскіе и политическіе вопросы?.. То-есть тѣхъ, кто, видя человѣческую скорбь, мечтаетъ о пришествіи въ міръ нѣсколько большей справедливости, нѣсколько большаго счастья.

До тѣхъ поръ, пока общество сохранитъ за собою пользованіе правомъ убивать, несчастный индивидъ, недовольныя коллективныя единицы, мечтатели, поэты, апостолы, порабощенныя и угнетаемыя массы, даже честолюбцы уже по одному этому будутъ имѣть то же право,—право необходимое, безусловное—защищаться убійствомъ... На гильотину, на повѣшеніе они будутъ отвѣчать ножомъ; на массовыя казни—бомбой, пожаромъ, убійствами... И такимъ образомъ увѣковѣчится между людьми духъ варварства. Можно думать, что законы какъ будто только для того и созданы...

Въ противоположность Альфонсу Карру я скажу: «Пусть господа законодатели подадутъ примѣръ».

Увы! Законодатели...

Октавъ Мирбо.

Письмо Фредерика Пасси.

25 марта 1906 г.

Милостивый Государь!

Вы предприняли анкету по вопросу о смертной казни и оказали мнѣ честь, предложивши мнѣ высказать свое мнѣніе по этому поводу. Я охотно и безъ колебанія испол-

пяю ваше желаніе, [illegible] какъ это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, надъ которымъ я много разъ задумывался и относительно котораго я составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе. По моему мнѣнію, смертная казнь осуждена безповоротно со всякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія гуманности, съ точки зрѣнія правосудія, съ точки зрѣнія соціальнаго самосохраненія и, наконецъ, съ точки зрѣнія уменьшенія преступности; и уже простой расчетъ долженъ былъ давно продиктовать, какъ правительствомъ, заботящимся о своемъ самосохраненіи, такъ и философамъ, уважающимъ человѣческое достоинство, необходимость отказаться отъ этого рода наказанія.

Я не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право вообще, принципіально, изъ чувства самозащиты убивать себѣ подобныхъ (своихъ противниковъ); я не буду разбирать теоріи о непротивленіи злу,— теоріи, проповѣдуемой, на мой взглядъ, черезчуръ прямолинейно вашимъ великимъ соотечественникомъ Толстымъ. Я разсматриваю вопросъ съ практической точки зрѣнія и утверждаю, что въ настоящій моментъ, при тѣхъ способахъ пресѣченія преступленій, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, смертная казнь ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ она не необходима, и, представляя сомнительныя выгоды и мнимыя гарантіи, она служитъ источникомъ большихъ неудобствъ и великихъ несчастій.

Первое и самое очевидное — это ея безповоротность и въ случаѣ ошибки ея непоправимость.

Человѣческое правосудіе, къ несчастію, не непогрѣшимо, и нерѣдко, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приговоръ былъ вынесенъ на основаніи самыхъ неопровержимыхъ уликъ, приходится, иногда спустя много времени, убѣдиться, что судьи были введены въ заблужденіе. Какъ бы несовершенно подобное запоздалое удовлетвореніе ни было, оно все же,

если только осужденный живъ, возможно, и какъ попранная невинность, такъ и возмущенная общественная совѣсть могутъ быть, хоть отчасти, удовлетворены. Если же жертвы нѣтъ больше въ живыхъ, — ничего ужъ невозможно, и сознаніе этой непоправимости, усиливая народную скорбь и угрызенія совѣсти судей, въ то же время вызываетъ всеобщее негодованіе противъ приговора и противъ учрежденія, вынесшаго его, — негодованіе, иногда не основательное и подрывающее уваженіе, на которое эти учрежденія въ правѣ разсчитывать. А отсюда одинъ шагъ до ненависти къ суду и правительству, отъ имени котораго онъ выноситъ свой приговоръ; и нерѣдко народныя волненія являлись лишь отголоскомъ возмущенной народной совѣсти, возставшей противъ несправедливости.

Смертная казнь имѣетъ и другую отрицательную сторону: съ перваго взгляда она кажется одинаковой для всѣхъ; на дѣлѣ же это не такъ: смертная казнь не страшная для однихъ, очень страшна для другихъ и въ то же время поражаетъ разно, въ зависимости отъ того, имѣетъ ли осужденный семью, жену, дѣтей, для которыхъ потеря непоправима.

Но самый вѣскій доводъ противъ смертной казни — это то, что она совершенно не достигаетъ своей цѣли. Смертная казнь, по словамъ приверженцевъ ея, необходима, потому что это — единственное наказаніе, способное устрашить закоренѣлыхъ преступниковъ, — единственное наказаніе, котораго они, дѣйствительно боятся. Опытъ доказываетъ противное, и всѣ выдающіеся криминалисты это подтверждаютъ. Если что и удерживаетъ преступниковъ, утверждаютъ всѣ въ одинъ голосъ, начиная съ Беккарія и кончая Росси, такъ это не суровость кары, а ея неизбѣжность. Мало того, и это тоже фактъ, подтверждаемый всѣми криминалистами: чѣмъ суровѣе наказанія, чѣмъ преслѣдованіе

преступленій болѣе проникнуто гнѣвомъ и ненавистью, вмѣсто того, чтобы сохранить необходимое для подобной тяжелой обязанности спокойствіе и хладнокровіе, — тѣмъ нравы становятся ожесточеннѣе и грубѣе, какъ бы изъ стремленія къ согласованію. Эшафотъ, висѣлица, разстрѣлъ, говорятъ,—мѣра, правда, слишкомъ суровая; но зато вѣрно поражающая: одни только мертвецы не возвращаются. Заблужденіе, грубое заблужденіе!.. Мертвецы возвращаются, и тѣмъ въ большемъ количествѣ и тѣмъ болѣе грозные, чѣмъ шире и чѣмъ безсердечнѣе примѣнялась смертная казнь. Многіе злодѣи (фактъ этотъ доказанъ) присутствовали при приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, и вмѣсто того, чтобы внушить имъ спасительный страхъ, этотъ актъ научилъ ихъ относиться съ циничнымъ презрѣніемъ къ жизни, и съ какимъ-то дикимъ самохвальствомъ они свыкаются съ мыслью, что когда-либо они сами явятся дѣйствующими лицами подобной же кровавой церемоніи. Кровь рождаетъ кровь, жестокость вызываетъ жестокость. Эта истина доказана съ несомнѣнностью для убійцъ, для поджигателей и отравителей. Тѣмъ болѣе справедливо это правило по отношенію къ такъ называемымъ политическимъ преступникамъ, поступки которыхъ квалифицируются какъ политическія преступленія, будутъ ли они жестокими кими или нѣтъ, будутъ ли они носить характеръ правонаній или нѣтъ. *Sanguis martyrum semen Christianorum*— кровь мучениковъ создала христіанъ, говорили во времена Діоклетіана и Нерона. Природа человѣка съ тѣхъ поръ не измѣнилась: желаютъ потопить въ потокахъ крови идею, проповѣдь, вѣру, будь она хороша или дурна,—значитъ, сдѣлать ея приверженцевъ апостолами, а если они погибнутъ, — мучениками. Это значитъ, придать имъ въ глазахъ толпы, а иногда и избраннаго общества, ореолъ мученичества; это значитъ, быть принужденнымъ выслушать отъ

общества, бывшаго, можетъ-быть, до того времени индиферентнымъ, изреченіе древняго философа: «Ты сердишься, значитъ, ты не правъ».

Со всѣхъ точекъ зрѣнія смертная казнь — мѣра дикая, не достигающая цѣли, и опасная. Ея недостатки извѣстны, преимущества ея отмѣны тоже извѣстны, такъ какъ ужъ существуетъ много государствъ, гдѣ осуществленъ опытъ отмѣны этой казни. И трудно понять, какимъ образомъ народы, считающіе себя цивилизованными, стремятся сохранить этотъ проклятый пережитокъ древняго варварства. Сила, какъ гласитъ загадка Самсона, по поводу меда, въ его сладости. Жестокость, рано или поздно, родитъ жестокость. Мечомъ убивающій, отъ меча и погибнетъ!

Фредерикъ Пасси.

Письмо профессора Ш. Сеньобоса.

Трудно французу понять вашъ вопросъ, а еще труднѣе отвѣтить на него.

Во Франціи пока еще примиряются съ тѣмъ, что власти рубятъ головы людямъ, осужденнымъ за преступленіе противъ человѣчества: поэтому отъ времени до времени допускается казнь разбойника, убившаго съ цѣлью грабежа. Однако этого стыдятся, такъ какъ казнятъ въ темнотѣ, на разсвѣтѣ, скрывая гильотину отъ взоровъ присутствующихъ... Но и здѣсь сочли бы глупостью, если бы правительство употребляло гильотину, чтобы избавиться отъ противника. Смертная казнь по политическимъ дѣламъ по единодушному соглашенію уничтожена въ 1848 году, и никто никогда съ тѣхъ поръ не заикался о ея возстановленіи.

Въ Россіи смертная казнь была уничтожена еще въ XVIII вѣкѣ по отношенію къ убійцамъ и разбойникамъ, и ее при-

мѣняютъ только къ противникамъ бюрократіи! Это не наказаніе, а средство управленія!

Что же можетъ думать французъ о режимѣ, совершенно идущемъ въ разрѣзъ съ понятіями о правосудіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ?!..

24 марта 1906 г. *Ш. Сеньобосъ.*

Письмо Анатоля Франса.

Какъ! Послѣ Манджуріи надо еще совѣтовать вашимъ палачамъ-бюрократамъ щадить кровь Россіи?

Неужели же спустя сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ Беккаріи и Ж.-Ж. Руссо приходится еще провозглашать передъ европейцами гнусность смертной казни? Пусть судьи ваши одумаются: они не судятъ, а убиваютъ. Они обвиняютъ свои жертвы за покушенія на «общественное благо». Но вѣдь въ Россіи еще не установлено общественное благо.

Напрасно они станутъ утирать окровавленныя руки о тексты законовъ, болѣе смертоносные, чѣмъ японскіе снаряды. Эти законы гнета и насилія заранѣе оправдываютъ всякое возмущеніе. Они даютъ русскому народу право законной самозащиты противъ дикаго безумія агонизирующаго стараго порядка.

Анатоль Франсъ,
членъ французской академіи.

Письмо д' Эстурнель де-Констана.

Сенатъ. Парижъ, 27 марта 1906 г.

Наравнѣ со всѣми здравомыслящими людьми всѣхъ странъ я непримиримый врагъ смертной казни вообще, а въ особенности за политическія преступленія. Я не ста-

новлюсь на точку зрѣнія морали, а тѣмъ болѣе — чувства: вѣдь встрѣчаются люди, противопоставляющіе разуму и чувству интересы общества. Я разсматриваю вопросъ съ точки зрѣнія политики. Я полагаю, что въ интересахъ русскаго же правительства разумнѣе было бы сохранить чувство мѣры и проявить больше мягкости. Суровыя кары вызываютъ лишь жажду мести и порождаютъ ненависть. Казня одного революціонера, правительство разсчитываетъ устрашить остальныхъ, но оно достигаетъ прямо противоположныхъ результатовъ, зажигая въ ихъ сердцахъ жажду мести. Кровь одной жертвы болѣе опасна, чѣмъ всѣ подготовленія къ возстанію. Наиболѣе дѣйствительной противоправительственной пропагандой является пропаганда мертвыхъ.

д'Эстурнель де-Констанъ.

Письмо Лорана.

Я считалъ смертную казнь уже давно отмѣненной въ вашей странѣ для уголовныхъ преступниковъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о чувствахъ ужаса и отвращенія, которыя мнѣ внушаютъ, какъ и всякому цивилизованному человѣку, столь многочисленныя казни, отмѣчающія начало конституціоннаго (!) режима и совершающіяся въ большинствѣ случаевъ даже безъ всякаго подобія правильнаго суда. Что касается московскихъ убійствъ и всѣхъ другихъ, послѣдовавшихъ за попытками возстаній, которыя стихійно родились изъ правительственной анархіи, то намъ въ наше время трудно себѣ представить ихъ возможность, кромѣ какъ только въ Турціи. Но письма, которыя мы получаемъ отъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Россіи, не оставляютъ, къ сожалѣнію, никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Де-

спотическая Россія никогда не имѣла права на названіе цивилизованнаго государства, несмотря на противоестественный союзъ, которымъ ее почтила Французская республика. Но отдавая все, что она имѣетъ лучшаго и наиболѣе цивилизованнаго на растерзаніе солдатчинѣ, полиціи, бюрократіи и всѣмъ лакеямъ палачей, изъ которыхъ состоитъ ея чиновничья іерархія, деспотизмъ падаетъ ниже даже варварскихъ народовъ. Что меня удивляетъ, такъ это то, что въ Европѣ еще считаютъ возможнымъ принимать въ обществѣ уважающихъ себя людей, всѣхъ этихъ ..... чиновниковъ, начиная съ министровъ, которые покрыты гораздо бо́льшимъ количествомъ крови, чѣмъ всѣ палачи тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ еще смертная казнь, но гдѣ она приводится въ исполненіе согласно закону и обставлена всѣми юридическими гарантіями. Когда въ 1849 году гнусный Гейнау, подвергшій сѣченію венгерокъ, осмѣлился показаться въ Брюсселѣ, на концертѣ, въ публикѣ произошло такое движеніе ужаса, что негодяй долженъ былъ оставить Бельгію и бѣжать въ Лондонъ. Сознаюсь, что не могу понять, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ появленіе вашихъ ..... чиновниковъ не вызываетъ такого же эффекта.

Вотъ что я думаю и что—будьте увѣрены—думаютъ у насъ люди, наиболѣе умѣренные и наиболѣе консервативные о смертной казни, какъ ее примѣняетъ ваше правительство или, вѣрнѣе, о безуміи, обуявшемъ кровожадныхъ звѣрей, когда для нихъ стала очевидной невозможность дальнѣйшаго существованія деспотизма—этой самой невозможной изъ политическихъ утопій. Примите съ пожеланіемъ вашей родинѣ покончить поскорѣе съ этими ужасами и стать, наконецъ, рядомъ съ цивилизованными націями выраженіе моей преданности.

Лоранъ.

О смертной казни.

Вотъ уже 50 лѣтъ въ Бельгіи никого не казнятъ. Смертная казнь еще вписана въ наши законы, но нѣтъ людей, которые могли бы приводить въ исполненіе смертные приговоры. Послѣдніе палачи давно уже умерли, и потому каждый разъ, когда судъ произноситъ по буквѣ закона смертный приговоръ, министръ спѣшитъ его замѣнить каторжными работами.

Этимъ я хочу сказать, что въ Бельгіи трудно найти хоть одного человѣка, который не дрожалъ бы отъ ужаса, узнавъ, что въ томъ или другомъ городѣ общество людей совершаетъ коллективное убійство, приговаривая своихъ членовъ къ смерти.

Я никогда не присутствовалъ при казни и желаю отъ всей души никогда не присутствовать. О казни я сужу по описанію вашего Толстого. Послѣдній, описавъ казнь одного преступника, говоритъ, что испытанныя имъ при этомъ чувства отвращенія и возмущенія сдѣлали то, что вопросъ о смертной казни пересталъ быть для него вопросомъ.

То же чувство испытываю я, воспроизводя въ своемъ воображеніи тотъ, созданный коллективнымъ могуществомъ, механизмъ, который служитъ для казни виновнаго, еще хуже—для казни побѣжденнаго и безоружнаго противника; послѣдній въ этомъ случаѣ обращается уже въ настоящаго мученика...

Долженъ ли я сказать, о комъ думаю, когда пишу эти строки?

Во всякомъ же случаѣ, какъ бы слабы ни были мои слова, пусть они помогутъ вашему великодушному усилію.

Эмиль Вандервельде.

Брюссель.

Письмо Кейръ Гарди.

Апрѣля 7-го 1906 г.

Я сожалѣю, что не могъ раньше отвѣтить на ваше письмо, и теперь затрудняюсь сдѣлать это иначе, какъ лишь въ очень краткой формѣ.

Я смотрю на отнятіе жизни во имя закона или на смертную казнь, какъ принято называть такое отнятіе жизни, какъ на ужасный остатокъ варварства. Въ пользу смертной казни нельзя сказать, что она какимъ-либо образомъ способствуетъ исправленію преступника. Поэтому она должна быть разсматриваема, какъ актъ мести со стороны общества индивидуму, который, быть-можетъ, въ минуту страсти лишилъ жизни своего ближняго. Смертная казнь вовсе не дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на другихъ. По-моему, совершеніе этого наказанія, съ соблюденіемъ всѣхъ предписываемыхъ закономъ и религіей церемоній, болѣе безчеловѣчно, чѣмъ самое хладнокровное убійство изъ всѣхъ, когда-либо совершонныхъ. Изъ этихъ очень краткихъ замѣчаній вы заключите, что я высказываюсь за немедленную отмѣну смертной казни, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Кейръ Гарди.

Письмо Генри Вильсона.

Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ относительно смертной казни я долженъ сказать, что я недостаточно компетентенъ въ этомъ предметѣ; тѣмъ не менѣе мое личное мнѣніе—рѣшительно противъ нея. Было время, когда въ Англіи вѣшали за кражу 5 шиллинговъ. Когда стали распространяться болѣе гуманныя идеи, многіе предсказывали, что отмѣна смертной казни повлечетъ за собою значительное увеличеніе преступности. Этого не случилось; напротивъ, она уменьшилась.

Я не думаю, что смертная казнь имѣетъ такое устрашающее значеніе, какое нѣкоторые придаютъ ей.

По-моему, заслуживаетъ вниманія вопросъ, не было ли бы болѣе правильнымъ видѣть въ убійцѣ больного. Мнѣ кажется, что страхъ быть заключеннымъ, можетъ-быть, на всю жизнь въ домъ для умалишенныхъ преступниковъ многихъ могъ бы удержать отъ совершенія преступленія, и скорѣе, чѣмъ страхъ быть повѣшеннымъ.

Генри Вильсонъ.

29 марта 1906 г.

Письмо Эдуарда Карпентера.

Отмѣна смертной казни должна стоять въ наши дни на очереди у всякаго уважающаго себя народа, потому что (не говоря уже о другихъ соображеніяхъ) общество теперь переросло вѣру въ воздаяніе, а правило «око за око, зубъ за зубъ», какъ бы оно ни удовлетворяло человѣчество эпохи варварства, *не* выражаетъ нашего теперешняго отношенія къ вопросу о смертной казни, потому что намъ ясно, что двѣ неправды не создаютъ правды, и что не умѣть найти другого средства для выраженія своего осужденія убійства, кромѣ совершенія другого убійства, это значитъ обнаружить свое безсиліе и наивность; потому что мы начинаемъ понимать сложность человѣческихъ побужденій и значеніе незамѣтнаго вліянія среды и ярко представляемъ себѣ всю чудовищность смертнаго приговора въ тѣхъ очень частыхъ случаяхъ, когда выполненіе его технически мало чѣмъ отличается отъ умышленнаго убійства; потому что безсмысленно и жестоко возлагать на одного человѣка,—какъ у насъ при теперешней системѣ на министра внутреннихъ дѣлъ,—сверхчеловѣческую задачу отдѣленія такихъ случаевъ, гдѣ смертная казнь должна быть примѣнена, отъ тѣхъ, гдѣ она не должна имѣть мѣста;

потому что достоинство и величіе націи,—если только можно говорить о достоинствѣ и величіи въ примѣненіи къ ней,—инстинктивно отвращаютъ отъ идеи пользованія ея огромной властью для уничтоженія индивидуума, который согрѣшилъ противъ нея, какъ бы ни былъ великъ грѣхъ и какъ бы ни было развращено лицо, совершившее его; потому что при очевидномъ фактѣ большей или меньшей отвѣтственности общества за жизнь, развитіе и поведеніе каждаго изъ сыновъ его, единственно возможною цѣлью наказанія представляется исправленіе, соединенное съ такою благородной суровостью, въ которой опредѣленно выражалось бы осужденіе обществомъ преступленія.

Эдуардъ Корпентеръ.

Письмо Рамзея Макдональда.

Рабочая партія въ англійской палатѣ общинъ единодушно высказывается противъ смертной казни. Она представляетъ собою остатокъ варварскихъ временъ, когда за смерть воздавали смертью. Многіе придерживаются взгляда, что только смертная казнь гарантируетъ отъ частыхъ убійствъ. Но лица, которыя такъ думаютъ, не видятъ всей чудовищной преступности смертной казни. Убійство совершается или въ припадкѣ душевной болѣзни, или въ страстномъ порывѣ, или подъ вліяніемъ ненависти, дѣйствующей съ такой силой, что человѣкъ не въ состояніи предвидѣть послѣдствій. Человѣкъ, убивающій своего ближняго, дѣйствуетъ нерасчетливо. Съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что смертная казнь разжигаетъ преступныя страсти людей и дѣлаетъ болѣе грубыми общественные нравы. А такъ какъ рабочее движеніе можетъ имѣть успѣхъ только въ просвѣщенномъ государствѣ, то (по мнѣнію рабочей партіи) должно быть безотла-

гательно упразднено все, что дѣлаетъ сердца болѣе черствыми и питаетъ грубые инстинкты.

Не имѣя устрашающаго значенія, смертная казнь въ то же время дѣйствуетъ какъ искра. Болѣе того, ничто такъ не возмущаетъ, какъ зрѣлище эшафота. Это — позорное сознаніе общества, что оно безсильно предохранить индивидуума отъ нравственной гибели. Это—обнаруженіе банкротства общественной морали.

Отъ того, что это преступленіе (т.-е. смертная казнь) совершается во имя закона, общество не очищается; семья же казненнаго подвергается обезчещенію, отъ нея отворачиваются, на нее налагается неизгладимое пятно позора, надъ нею произносится приговоръ, подобный тому, который нѣкогда былъ произнесенъ надъ Измаиломъ.

Мы, члены рабочей партіи, не можемъ понять, какимъ образомъ христіанская цивилизація поддерживаетъ такое ужасное «законное» преступленіе, какимъ является смертная казнь.

Рамзей Макдональдъ,

членъ парламента

(главный секретарь рабочей партіи).

Письмо Айльмена Моода.

Я всѣмъ сердцемъ симпатизирую протесту противъ смертной казни. Странно, въ самомъ дѣлѣ, что правительства такъ медлятъ и такъ боятся дать хорошій примѣръ своимъ подданнымъ, выказавъ уваженіе къ человѣческой жизни.

Одинъ изъ доводовъ, имѣющихъ для меня рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ, заключается въ указаніи на невозможность избѣжать ошибокъ и на невознаградимость этого

наказанія. Въ маленькомъ городѣ Чельмефордѣ, близъ котораго я живу, на памяти современниковъ дважды была примѣнена смертная казнь черезъ повѣшеніе, на основаніи приговора суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые судили совершенно безпристрастно и искренне хотѣли быть справедливыми; въ обоихъ случаяхъ впослѣдствіи было обнаружено, что казненные были совершенно невинны. Въ одномъ случаѣ правда сдѣлалась извѣстной, благодаря предсмертному покаянію настоящаго убійцы, много лѣтъ спустя послѣ совершенія преступленія.

Это соображеніе, что люди могутъ ошибаться и что смерть невознаградима,—не единственный и не самый важный аргументъ противъ смертной казни, но одинъ изъ многихъ аргументовъ, дѣлающихъ сохраненіе этого наказанія постояннымъ позоромъ для всѣхъ странъ (Англіи и Россіи въ томъ числѣ), въ которыхъ она терпится и примѣняется.

Айльменъ Моодъ.

Гельмсфордъ, 2 апр. 1906 г.

Письмо Альфреда Уоллэса.

Я всю жизнь былъ и теперь остаюсь рѣшительнымъ противникомъ смертной казни по слѣдующимъ (а также и по нѣкоторымъ другимъ) соображеніямъ:

1) потому что тотъ же самый принципъ неприкосновенности человѣческой жизни, который наполняетъ насъ ужасомъ передъ убійствомъ, какъ передъ самымъ большимъ преступленіемъ, равнымъ образомъ запрещаетъ намъ отнимать жизнь у убійцы;

2) потому что признакъ заранѣе *обдуманнаго намѣренія*, которое мы всегда разсматриваемъ какъ отягчающее вину обстоятельство, какъ нельзя въ большей степени имѣется налицо, когда отнимается жизнь у преступника;

3) потому что въ большей части случаевъ, если не всегда, въ самомъ обществѣ лежитъ первопричина убійства. Мы никогда не знаемъ всѣхъ особенностей характера, — всего комплекса силъ и вліяній, которыя привели виновнаго къ роковому поступку;

4) потому что, отнимая у преступника жизнь, мы причиняемъ зло и страданіе, неизмѣримыя по своимъ послѣдствіямъ, которыя могутъ сказаться въ далекомъ будущемъ, благодаря вліянію, оказываемому безплотнымъ духомъ на воплощенныя души;

5) потому что наши доказательства виновности, когда дѣло идетъ объ убійствѣ, по общему правилу, менѣе совершенны, чѣмъ въ дѣлахъ о другихъ преступленіяхъ. Далеко нерѣдко случается, что невинный человѣкъ предается смертной казни по ошибкѣ, откуда слѣдуетъ, что судьи, которымъ свойственно ошибаться, никогда не должны бы назначать этого жестокаго и неотмѣнимаго наказанія;

6) потому что аргументъ, что смертная казнь устрашаетъ другихъ, даже если бы онъ былъ вѣрнымъ, не можетъ служить оправданіемъ преступленія юридическаго убійства.

Наконецъ я представляю себѣ, что если бы общество было раціонально устроено, если бы всѣмъ прививались нравственные навыки взаимнаго сочувствія, и всѣ имѣли бы одинаковую возможность наслаждаться полной и счастливой жизнью, то убійства совершались бы рѣдко, а можетъ-быть, и никогда не совершались бы. Наше унизительное и нехристіанское отношеніе къ виновникамъ преступленій, совершаемыхъ почти всецѣло благодаря нашему же нерадѣнію,—одно изъ самыхъ явныхъ доказательствъ несостоятельности нашей прославленной цивилизаціи.

Альфредъ Уоллэсъ.

Письмо Э. Оржешко.

Раньше, чѣмъ отвѣчу на предложенный мнѣ вопросъ «что я думаю о смертной казни?» — да будетъ мнѣ дозволено взглянуть на этотъ предметъ болѣе широко, разобрать его основательно, остановивъ на минуту свое вниманіе надъ тѣмъ, что я думаю вообще о наказаніи людей людьми.

Мое убѣжденіе, что всякія законныя установленія, основанныя на наказаніи, — беззаконны.

Они беззаконны въ виду двухъ законовъ, которымъ подчинена человѣческая природа.

Первый изъ этихъ законовъ основанъ на томъ, что человѣческій разумъ, даже самый проницательный, всегда близорукъ, и въ качествѣ близорукаго никогда не можетъ обрѣсти увѣренности, что, замѣчая даже многое, онъ все замѣчаетъ.

Съ тѣмъ, чтобы, взвѣшивая поступокъ человѣка, на вѣсахъ правосудія получить точный и вѣрный вѣсъ, надо въ его жизни, въ его сердцѣ, въ его крови, въ его мозгу примѣтить и распознать каждый день, каждый ударъ, каждое обращеніе, каждый атомъ, то-есть нужно въ нихъ все примѣтить и все разобрать. Это еще не все,—нужно уловить и разобрать всѣ комбинаціи столкновеній, вліяній и соединеній, которымъ подверглись эти подробности, пока образовали общій итогъ, создавшій положенный на вѣсы правосудія поступокъ человѣка. Если какая-нибудь подробность или какая-нибудь комбинація ускользнетъ отъ взгляда того, кто въ рукахъ своихъ держитъ вѣсы, то вѣсъ долженъ сдѣлаться неточнымъ, а во многихъ случаяхъ — совершенно невѣрнымъ.

Есть ли во всемъ мірѣ судья, обладающій такимъ всевидящимъ окомъ разума? Для этого онъ долженъ бы быть Богомъ, сосчитавшимъ на людской головѣ всѣ волосы и прочитавшимъ каждую мысль, родившуюся подъ каждымъ волосомъ!

Итакъ, во-первыхъ, человѣкъ не обладаетъ правомъ суда и наказанія надъ другимъ человѣкомъ вслѣдствіе близорукости своего разума.

А второй законъ, управляющій человѣческой природой— это то, что каждый человѣкъ, безъ исключенія, содержитъ въ себѣ зародышъ зла, который въ какомъ-нибудь направленіи и въ какой-нибудь мѣрѣ доводитъ его до того, что на человѣческомъ языкѣ называется дурнымъ поступкомъ.

Людей абсолютно невинныхъ нѣтъ на свѣтѣ. По отношенію къ нравственной ошибкѣ, такъ же, какъ по отношенію къ страданіямъ и смерти, мы всѣ—братья. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который отъ перваго до послѣдняго дня своей жизни имѣлъ бы право ходить въ бѣломъ— одеждѣ невинности.

Сколько разъ мнѣ случалось видѣть зрѣлище, представляющее человѣка, который судитъ, и человѣка судимаго, я всегда спрашивала себя мысленно, смотря на перваго изъ нихъ: «А каковы твои настоящіе или бывшіе проступки? А ты что дѣлаешь внѣ стѣнъ этого зданія, или ты что дѣлалъ передъ часомъ, который бьетъ сегодня на часахъ времени? Какія на твоей одеждѣ пятна крови, если непролитой, то отравленной чужими слезами или грязью?»

Слѣпой, приговаривающій къ наказанію человѣка за то, что онъ такой же слѣпой! Хромой на одну ногу бѣдняга, наказывающій другого бѣднягу за то, что тотъ хромаетъ на другую! Одѣтый въ запятнанное платье, который приговариваетъ къ мукамъ обладателя платья, покрытаго пятнами другого цвѣта! Какой абсурдъ! Какая иронія!

Пока основаніемъ судовъ надъ преступниками останется идея наказанія, не будетъ въ нихъ, какъ нѣтъ и сейчасъ, и капли того, что называется истинной справедливостью.

Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы я была поклонницей непротивленія злу или дозволенія людямъ, проникнутымъ злой или слабой волей, причинять обиду или убытокъ отдѣльнымъ лицамъ или обществу.

Это было бы источникомъ вопіющихъ несправедливостей; тогда наступила бы анархія отношеній и понятій.

Но противленіе злу, по отношенію къ вреднымъ членамъ общества, должно исходить изъ намѣренія предотвратить длительность и ростъ зла, съ совершеннымъ исключеніемъ идеи наказанія и мести надъ человѣкомъ, сотворившимъ зло. Все, что общество имѣетъ право сдѣлать относительно находящагося въ его средѣ слуги и поборника зла, это обезоружить его и отнять возможность вредить обществу и отдѣльнымъ личностямъ.

Обезоруженный и удерживаемый отъ служенія злу, преступникъ не долженъ терять своихъ правъ на братство съ остальнымъ человѣчествомъ; наоборотъ, братство это должно выражаться по отношенію къ нему удвоенной заботливостью со стороны братьевъ. Поступленіе на службу ко злу, — это тяжкое несчастье или тяжелая болѣзнь. Какъ назвать намъ братьевъ, терзающихъ глубоко несчастнаго и больного брата, тѣмъ болѣе, что сами они подвержены несчастіямъ и болѣзнямъ, и что это общее несчастіе дѣлаетъ ихъ братьями?

Заботливость и доброжелательство, положенныя въ основу лѣчебной и педагогической системы, должны поставить себѣ цѣлью возвращеніе преступнику нравственнаго здоровья и той частицы счастья, которая на землѣ можетъ выпасть на его долю.

Въ достиженіи этой цѣли или, по крайней мѣрѣ, въ стремленіи къ ней, — награда, которую общество обязано дать преступнику за временное лишеніе свободы.

Но если преступникъ неизлѣчимъ, то лишеніе свободы не всегда составляетъ послѣднюю границу, къ которой имѣетъ право приблизиться общество въ своей самообороне, не совершая, въ свою очередь, преступленія.

Внѣ этой границы всякое причиненіе страданій кому бы то ни было, всякое мученіе тѣла или пренебреженіе душой превращается въ наказаніе, слѣдовательно, въ безправіе, то-есть въ преступленіе.

Всякое наказаніе преступниковъ, терзаніе ихъ какимъ бы то ни было образомъ, не что иное, какъ нагроможденіе преступленія на преступленіе, при чемъ наказующіе становятся часто во сто кратъ преступнѣе наказуемыхъ.

Таково мое убѣжденіе о наказаніи людей вообще, а отсюда легко угадать, что я думаю о смертной казни.

Она — пережитокъ варварскихъ временъ человѣчества, остатокъ той каменной палицы, которой Троглодитъ разбивалъ черепъ жителя сосѣдней пещеры.

Существованіе ея до нашего времени—ясное доказательство тонкости слоя политуры, которою культура покрыла родъ человѣческій, оставляя нутро его въ дикомъ состояніи.

Она доказываетъ, какъ поверхностно, и только по имени, міръ сдѣлался христіанскимъ, и какъ далекъ онъ отъ того, чтобы въ побѣдномъ тріумфѣ на голубыхъ высяхъ неба ярко могла заблистать надъ нимъ надпись: Gallilei vicisti!

Она доказываетъ, кромѣ того, не только нечувствительность человѣческихъ сердецъ къ прикосновенію добра, но и тупость головъ для воспріятія истины. Ибо разумъ указываетъ, что зрѣлище чинимыхъ варварствъ не можетъ облагораживать зрителей, что указанныя преступленія не могутъ уменьшить количества преступленій, и что если бы

даже онѣ были въ состояніи достигнуть этого, то, подъ угрозой увеличить зло на свѣтѣ и злую долю міра сего, нельзя изъ-за какихъ бы то ни было полезныхъ видовъ ломать и топтать высшія основы нравственности.

Смертная казнь — преступленіе передъ лицомъ нравственнаго добра, а передъ лицомъ разума и добытаго имъ знанія — кровавая глупость. А если она такова по отношенію къ обыкновеннымъ преступникамъ, побуждаемымъ страстями или личной пользой, то въ примѣненіи къ людямъ, которые, противъ очевиднѣйшихъ своихъ личныхъ интересовъ, дѣйствуютъ подъ наитіемъ какихъ-нибудь убѣжденій, идеи, вѣры или абстрактной любви, смертная казнь заслуживаетъ названія самой великой изъ тѣхъ гнусностей, на которыя еще смотритъ земное солнце.

Элиза Оржешко.

1906 г. 9 марта.
Гродно.

---

* *
*

Hdlg., 4 april 1906.

Ihren Brief vom 20 März d. Jahres beantworte ich folgendermassen.

Sie wünschen, dass ich mich über die Zulässigkeit der Todesstrafe im Hinblick auf die jüngsten Vorgänge in Russland äussere. Sie glauben, dass die Ansicht von Männern des Geistes von Einfluss auf die Praxis der Regierung sein könne. Ich bezweifle dies. Ich sehe mich vergebens nach einem Staate der Gegenwart um, wo die Gebote der Humanität mit solchem Hohne missachtet werden, wie in Russland, wo die eine Hälfte des Volkes damit beschäftigt ist, die andere zu massakriren. Regierung und Regierte haben sich gleicherweise mit Blutschuld beladen. Was helfen da Proteste, wo Niemand Ohren hat, zu hören? Aber schmerzlich ist mir der Gedanke, noch fernerhin von ununterbrochener Entweihung der Menschheit und Menschlichkeit in einem Lande zu hören, das trotz alledem den Anspruch erhebt, einen Bestandteil der gesitteten Welt zu bilden.

Iellinek.

Die Todesstrafe ist weder die härteste, noch die brutalste Strafe, welche die Menschen ersonnen haben, aber sie ist von allen Strafen die unintelligenteste. Plump und roh als

Mittel der Ahndung von gesellschaftsfeindlichen oder als gesellschaftsfeindlich deklarirten Handlungen zeugt sie, wo sie geübt wird, nur von der Unfähigkeit der betreffenden Gesellschaft, sich der Zufluchtsmittel barbarischer Zeitalter zu entschlagen. Dem Gedanken, durch die Strafe Besserung zu erzielen, schlägt sie direkt ins Gesicht, aber sie ist selbst unter dem Gesichtspunkt der Abschreckung unsinnig. Um wirklich abzuschrecken, müsste sie mit all den Grausamkeiten verbunden sein, mit denen sie in früheren Zeitaltern verbunden zu sein pflegte und zur Ergänzung den fürchterlichen Glauben an ewige Höllenqualen haben, der einst in der Christenheit vorherrschte. Dieser Glaube ist aber im schnellen Aussterben begriffen, troz aller Bemühungen der kirchlichen Orthodoxie sträubt sich selbst das Denken sonst unwissender Klassen immer mehr diesen schändlichen Auswuchs einer missleiteten Phantasie. Zu den Grausamkeiten des mittelalterlichen Vollzugs der Todesstrafe zurückzugreifen, wagt selbst die rückständigste der europäischen Regierungen nicht, und ebenso sind heute überall die brutalen Schaustellungen verpönt, die einst—und für ihre Zeit logischerweise—mit der Todesstrafe verbunden waren. Man tötet heute hinter verschlossenen Türen, gewissermassen verschämt, und in dieser Ausschliessung der Öffentlichkeit vom Schauspiel der Tötung von Gesetzeswegen liegt bereits das Zugeständniss, dass diese Strafart unseren Kulturbegriffen schroff in's Gesicht schlägt.

Wo das Moment der Besserung und das Moment der Abschreckung so hinwegfallen, könnte man noch das Moment der Vergeltung zu Gunsten der Todesstrafe anführen wollen. Aber wenn wir Gleiches mit Gleichem vergelten wollten, müssten wir auch den im Affekt begangenen Totschlag mit der Todesstrafe ahnden, was wir bekanntlich nicht tun. Unsere Strafgesetze lassen von wirklicher Vergeltung nur noch wenig merken, sie bringen nur eine sehr modifizirte

Vergeltungspraxis zum Ausdruck, bei der den modifizirenden Faktor neben unserer Erkenntniss von der Abhängigkeit des Willens eben unser Kulturempfinden bildet, das der mit kühler Überlegung vorgenommenen Tödtung von Menschen widerstrebt, gleichviel ob das Selbstinteresse eines Individuums oder ein vermeintliches Interesse der Gesellschaft dahinter steckt. Solange wir von gesellschaftswegen töten, geben wir dem Mord aus Privatinteresse eine gewisse Sanktion. Wir negiren damit den Grundsatz, dass das Leben unantastbar sein soll.

Daher die unsägliche Albernheit des Ausspruchs des Witzlings Karr: „Que messieurs les assassins commencent!". Nicht einzelne Individuen, sondern die Gesellschaft hat zu erklären, was gelten soll. Dann erst wird der Mord seine tiefste Missbilligung im öffentlichen Gewissen finden, wenn wir völlig aufgehört haben werden, von gesellschaftswegen zu morden. Es ist immer Menschenhand, die tötet,—auch wenn sie formell vom Arm des Gesetzes geführt wird. Das Gesetz ist Menschenwerk, es und seine Handhaben sind allen menschlichen Interessen und Leidenschaften unterworfen.

Berlin. 28. III. 06. *Eduard Bernstein.*

En större meningslöshed opviser vel intet lands lovgivning end den russiske, naar den ophaever dödsstraffen for almindelige forbrydelser; men lar dem bestaa for de politiske!

Er det ikke saa at sige til invaanerne av dette ulykkelige land: hvis du bryder loven for at berige dig selv, for at maette dit had, din haevnlyst, dit begjaer, din brunst, din mordlyst, da skal du faa leve. Men hvis du bryder loven for at redde samfundet, av dyb overbevisning om derved at gagne millioner, uden hensyn til hvad du selv derved udsaetter dig for, da skal du dö!

Tror nogen, der kan rejses autoritet i et land, der begreberne om godt og ondt, om lavt og höjt, saa dybt forvirres.

Björnstjerne Björnson.

Ich bin ein Hasser jedes Doctrinarismus, und es scheint mir über die Maassen doktrinär, den jetzigen Zuständen Russlands dadurch zu Leibe gehen zu wollen, dass man gegen die Todesstrafe im Allgemeinen protestirt. Man braucht wahrlich den Umweg nicht. Wenn auch die Todesstrafe noch so berechtigt wäre, ist die Lage in Russland *horror of horrors*, die niedrigste und verabscheuungswürdigste Barbarei.

So lange noch in allen civilisirten Ländern die ganze Blüte der männlichen Jugend für den Krieg erzogen, und ausgesetzt wird, zu Zehntausenden auf einmal mit Granaten und Kugeln durchbohrt, zerrissen, zerquetscht, verstümmelt, dem Operations tisch auf freiem Felde preisgegeben oder verwundet allein gelassen werden — so lange ist es nur doktrinär, sich darüber zu ereifern, ob gleichzeitig in den grösseren Ländern ein Dutzend, in den kleineren alle sechs Jahre Einer, der an kleinen Mädchen von 6 Jahren Notzucht verübt und sie danach in Stücke geschnitten, oder seiner eigenen Mutter mit einer Stickereischeere die Kehle geöffnet hat—öffentlich, unter Beobachtung aller Regeln, möglichst schmerzlos geköpft wird. Ob ein solcher Schatz zwanzig Jahre im Zuchthause aufbewahrt oder schnell aus der Welt befördert wird, ist zu einer Zeit, wo wir *Ernstes* zu bedenken haben, keiner Erörterung wert. Und im skandinavischen Norden werden andere als solche nie geköpft, und kaum diese. In zehn Jahren ist hier vielleicht ein Todesurteil ausgeführt worden.

Das Empörende in Russland ist nicht, dass Todesurteile gefällt werden, sondern dass *politisch* mit dem Tode operirt wird, und das *kriegsgerichtlich,* d. h. ungesetzlich, ohne Gerich-

te, ohne Verteidiger, ohne Jury, ohne Verhör wertvolle Menschen dem Tode und, was schlimmer ist, dem Folter, der Roheit der Offiziere und Soldaten übergeben werden.

Mit Schmach hat sich Russland bedeckt. In welchem anderen Volke hätte man soviele Henker gefunden? Das Volk besteht aus Opfern und Henkern, aber die Henker haben trotz aller Empörungsversuche die Macht, was sie ohne eine fürchterliche Demoralisation der Bevölkerung nicht hätten behalten können.

Georg Brandes.

Paris, 25 mars 1906.

J'ai lu comme tout le monde, un grand nombre de plaidoyers, pour et contre la peine de mort, j'ai pris part à des discussions approfondies sur cette grave question, qui nous passionait si fort, moi et mes compagnons d'étude; et je dois avouer, que je n'ai trouvé de véritable évidence ni d'un côté ni de l'autre, j'ai même parfois été déconcerté par la logique de certains tenants de l'une et l'autre cause. Ceux-ci déclarent que toute vie humaine vient de Dieu et qu'on n'a pas le droit de s'enlever la vie à soi-même: ils-en concluent, qu'on peut l'enlever aux autres. Ceux-là professent que la vie et la conscience ne sont qu'un arrangement passager de molécules, sans conséquence et sans valeur: ils en concluant que toute vie humaine est sacrée. Un peu étourdi par les raisonnements, je suis disposé à me réfugier dans le sentimant, qui me dit, que l'humanité, la bonté sont des choses belles et très dignes d'un homme. J'ai pourtant fait d'autres réflexions.

La peine de mort est détestable; l'abolition de la peine de mort est sujette à de sérieuses objections. La prison ne fait que du mal aux malfaiteurs; les laisser vivre en liberté est

impossible. J'ai lu quelque part que le Danemark avait rétabli le fouet dans sa législation pénale. Quelque solution qu'on adopte, on se contredit, on se bafoue soi-même. La répression tourne toujours mal. Sans doute il faut la subir tant qu'on n'á pas trouvé mieux. Mais il est permis à l'esprit humain de ne pas s'y tenir. Quand sur une question, disait Kant, le pour et le contre sont egalement demonstrables c'est un signe que la question est mal posée. Sans doute reprimer n'est-il qu'un pis-aller. Il n'est pas trés fâcheux, qu'on ne puisse trouver un système de répression, qui vaille sensiblement mieux que le systéme contraire. Si l'on en trouvait un qui fût satisfaisant, on s'habituerait à croire qu'il est dans l'ordre qu'il y ait des rebelles et des punisseurs, et que discuter la question de la répression — c'est ébranler la société dans ses fondements. Mais puisque nulle repression n'est rationnelle et salutaire, il y a lieu de se demander si, au lieu de s'admirer dans ses savants efforts pour réaliser l'impossible, la société ne ferait pas mieux de modifier l'état des choses qui l'accule à l'expèdient de la répression. Pour que les hommes travaillent un peu moins à s'entrenuire, il faut qu'ils se supportent. Pour qu'ils se supportent, il faut que les uns et les autres apprennent à pratiquer les vertus sans lesquelles, disait le sage antique, il n'y a point de société: la justice et la modération; il faut qu'ils s'élevent, il faut qu'ils deviennent meilleurs. C'est à ce terme qu'on est toujours amené. La force n'est forte que si elle est juste. Les hommes ne respectent la loi que s'ils y croient. Ce qui fait avancer l'humanite ce n'est pas l'invention d'une peine plus redoutable ou plus ingénieuse, c'est un motif, plus èfficace d'empire sur soi, d'honnêtété et de dévouement. La question politique demeure, ce qu'elle était aux yeux de Platon: une question de morale et d'èducation.

Emile Boutroux.

Toute l'Europe, depuis plus d'un an, suit avec passion les affaires de votre pays; tous ceux qui pensent ont applaudi aux efforts des hommes de pensée comme vous, et ont rêvé de loin, avec vous, l'avenement d'une Russie libre, qui découvrirait enfin la possibilité de la paix intérieure, et qui, avec les ainées en liberté, travaillerait, à l'oeuvre commune du genre humain. C'est ce beau rêve qu'ont interrompu d'abord les vastes massacres, les fusillades et canonnades, les éxécutions bruyantes de passants des rues, ensuite la têrreur discrète, les pendaisons quotidiennes à l'ombre des prisons, les mystêrieuses disparitions d'hommes sur lesquelles les journaux du dedans et ceux du dehors se taisent, et, dans ce vaste empire où la douceur de la loi ménage le sang vil des assassins, l'éffusion lente et suivie du sang le plus chaud et le plus noble.

Ce régime de silencieuse horreur peut-il durer, et par suite se tempérer de lui-même, pour aboutir à une période de calme matériel et de résignation des esprits, qui semblerait tolérable après tant de souffrances, et que les optimistes pourraient comparer à un sommeil réparateur? Ce que le bon sens prévoit plutôt, c'est une nouvelle crise de révolution sanglante et de violence fébrile, qui sera horrible même si elle réussit à fonder une vie normale du peuple russe, plus horrible encore si elle ne fait que préparer d'autres années d'interminable, d'impitoyable et pourtant de vaine répression. Plus profond est le silence du jour, plus semblent épouvantables les menaces du lendemain.

Comment les conjurer, ne fût-ce qu'en partie? Ce n'est pas à des étrangers qu'ils appartient de le découvrir. Pour-

tant, a un penseur et à un patriote comme vous, ils ne peuvent taire ni la vive sympathie dont ils accompagnent les espoirs, ni leur conviction qu'il est dans le vrai et que sa voix est celle de la clairvoyance et de la sagesse.

En poursuivant l'abolition de la peine de mort en matière politique vous attaquez directement à la plus funêste des institutions, celle qui entretient l'esprit de cruauté chez les puissants et qui suscite l'instinct de férocité chez les faibles; vous tendez à moraliser dans sa source la politique russe, puisque, si vous réussisez l'autorite pourra, pour la première fois, se montrer les mains pures de sang au peuple russe et à l'Europe. Ce serait là un changement, une nouveauté, je dirais presque une surprise, d'une portée considérable. Et pourtant, vos amis et vous, vous auriez agi dans le sens de la tradition nationale, puisque dépuis longtemps la Russie a supprimé la peine de mort en matière de droit commun, puisqu'elle a donné par là une leçon aux nations d'occident, puisqu'enfin, ne faisant que revenir à un de ses titres d'honneur, elle tirerait de son propre passé un remède du présent et une garantie de l'avenir.

Je me rappelle, avoir entendu dans mon enfance à travers le continent européen, le joyeux échos de l'abolition du servage. Ce sera une date non moins heureuse et non moins mémorable pour votre patrie, que celle où vous aurez obtenu la disparition de la peine de mort.

Louis Havet.

Membre de l'Institut de France.

Paris, 2 avril 1906.

La peine de mort est en soi une chose horrible. Même a l'égard des assassins plusieures nations civilisées l'ont supprimé les autres la rendent de plus en plus rare ou la dérobent aux

regards du public, comme une chose honteuse. En matière politique elle est odieuse et stupide: car une foule d'honnêtes gens ne croient ni à culpabilité des victimes ni à l'impartialité des juges. L'opinion publique condamne ceux-ci et exalte ceux-là, qu'elle appelle martyres. Qu'est ce qu'une peine qui déshonore les juges et glorifie le supplicies. C'ést à la fois un crime et une sottise.

Alfred Croiset.

Les hommes d'aujourd'hui, quand ils étudient le passé, sont etonnés d'y trouver des institutions et des moeurs qu'ils appellent barbares et qui semblaient à nos pères raisonnables et naturelles. Quand notre prèsent sera devenu le passé, nos descendants y trouveront une barbarie, moindre qu'au temps de nos pères, mais terrible encore et honteuse. Ce serait une belle chose que feraient nos historiens philosophes, si, éclairés par la connaissance du passé, ils dressaient le catalogue des erreurs prêsents, que l'avenir condamnera certainement. Ils éclairciraient et hâteraient la marche de l'humanité. Très long, très long serait ce catalogue. On y verrait la peine de mort, appliquée au crime privé. C'est tout simplement la simpliste et bête vieille loi du talion: „Oeil pour oeil, dent pour dent". Appliquée aux actes publiques c'est une vengeance et une précaution, un aveu de l'impuissance de se défendre par la raison et par le bon droit, un abus de la force, une lâcheté.

Lavisse.

26 Mars 1906.

La peine de mort doit disparaître du monde civilisé. Tout un siècle, la grande voix de Victor Hugo a reclamé contre cette monstruosité, d' assassiner les assassins au nom de la

justice. La Société cessera de se faire bourreau et de rendre le mal pour le mal. Elle invoque l'exemple et en donne un odieux. Tout cela s'anéantira bientôt dans le passé où disparaîtront les barbares et les esclaves, l'humanité de sang et de boue. Après la nuit le crépuscule, après le crépuscule l'aube d'or sur la cité nouvelle. Esperons!

Paul et Victor Margueritte.

Quand on refléchit une minute que les sociétés autocratiques et même démocratiques, maintiennent toujours en tête de leurs droits, le droit de tuer qui leur plait et qui leur déplait, on est vèritablement épouvanté et l'on se demande avec découragement et avec horreur, dans quels temps anciens nous vivons et pourquoi nous avons fait toutes ces révolutions dont nous sommes si fiers?

Comment la société peut-elle ésperer abolir jamais le meurtre? Comment ose-t-elle même le punir puisque c'est elle qui en donne l'exemple, un exemple sauvage et quotidien? Comment peut-elle, sans rire, nous obliger â respecter cette viè humaine, que pour un oui, pour un non, elle supprime avec une si belle désinvolture? On dit, qu'elle se défend? Ce n'est pas vrai. Elle provoque.

En France nous en sommes toujours à cette phrase imbécile, écrite, jadis, par un mauvais êcrivain qui ne fut même pas un bon jardinier, par l'ignorant et stupide Alphonse Karr: „Que messieurs les assassins commencent", et qui reste encore comme l'argument suprême, l'argument victorieux contre ceux qui réclament l'abolition de la peine de mort.

Si je trouve monstrueux le droit que prend la société de tuer les assassins au lieu de les êduquer ou de les soigner, que dire du droit qu'elle s'arroge de tuer ce qu'elle appelle ses ennemis, c'est à dire ceux qui ne sont pas du même avis

qu'elle sur nombre de questions sociales, morales, philosophiques et politiques c'est á dire ceux qui devant la douleur humaine, rêvent la venue, de par le monde, d'un peu plus de justice et d'un peu plus de bonheur.

Tant que la société conservera, pour son usage, le droit du meurtre, l'individu malheureux, les collectivistes mécontents, le rêveur, le poète, l'apôtre, les foules asservies, l'ambitieux même auront pour cela seul, le même droit, le droit necessaire, le droit absolu de se défendre par le meurtre à la guillotine, à la pendaison, ils répondront par le couteau; aux exécutions, en masse par la bombe, l'incendie, le massacre... Et ainsi se pérpétuera parmi les hommes l'esprit de barbarie. On dirait d'ailleurs que les lois ne sont faites que pour cela... Au contraire d'Alphonse Karr, je dirai: „Que messieurs les lègislateurs commencent. Hélas! le législateur".

Octave Mirbeau.

Neuilly, 25 mars 1906.

Vous ouvrez, Monsieur, une enquête sur la valeur de la peine de mort, et vous me faites l'honneur de désirer mon avis. Je vous le donne bien volontiers et sans embarras, car c'est une question dont j'ai eu maintes fois déjà à m'occuper, et il n'en est pas sur la quelle j'hésite moins à me prononcer. A tous les points de vue, au point de vue de l'humanité, au point de vue de la justice, au point de vue de la préservation sociale, enfin, et de la diminution des désordres et des crimes, la peine de mort est, à mes yeux, condamnée, et le moindre souci de leur intérêt bien entendu aurait dû depuis longtemps la faire répudier par tous les gouvernements désireux de durer, aussi bien que par les philosophes respectueux de la dignité humaine.

Je ne rechercherai pas si, d'une façon absolue, et dans tous les cas, il est interdit de se débarrasser, pour sa défense, de ses ennemis, et je ne discuterai pas ici la théorie de la non résistance au mal, prêchée, non sans exagération, à mon sens, par votre grand compatriote Tolstoï. Je prends les choses où elles en sont, et je dis qu'à l'époque actuelle, et avec les moyens de détention dont on dispose, l'usage de la peine capitale est injustifiable, parce qu'il n'est pas nécessaire et parce qu'il offre, en échange d'avantages douteux et de garanties illusoires, les plus graves inconvénients et les plus grands dangers.

Le premier, et le moins contestable, c'est le caractère définitif et, en cas d'erreur, irréparable, du châtiment. La justice humaine, malheureusement, est faillible, et tous les jours, dans des cas où son verdict avait paru imposé, par la plus manifeste évidence, on est obligé de reconnaître après de longs délais parfois, qu'elle a été trompée. Si imparfaite que puisse être, dans la plupart de ces cas, une tardive réparation, cette réparation, quand le comdamné est vivant, n'est pas impossible, et une certaine satisfaction peut être donnée à l'innocence méconnue et à la conscience publique outragée. Quand il a été supprimê, rien n'est plus possible pour lui, et la constation de cette impossibilité, en même temps qu'elle rend plus lourde la douleur commune et le remords des juges, soulève, contre le verdict et contre les institutions qui l'ont permis, une indignation, parfois injuste, qui tend à compromettre le respect auquel elles prétendent. De là, au mépris de la justice et du gouvernement au nom duquel elle est rendue, il n'y a qu'un pas, et bien des colères populaires n'ont été que des répercussions de ce soulèvement de la conscience publique contre des injustices qui les révoltaient.

La peine de mort a un autre inconvénient; elle semble être la même pour tous, et, en réalité, elle est inégale, insignifiante pour les uns, affreuse pour les autres, et frappant très différement aussi, à côté d'eux, selon qu'ils ont ou n'ont pas une famille, une femme, des enfants qu'elle atteint d'une façon irremédiable.

Mais son plus grand tort, c'est d'être tout à la fois inéfficace et contraire à son but. La peine de mort est indispensable, disent ses défenseurs, car c'est la seule qui arrête les grands criminels, la seule dont ils aient vraiment peur. L'expérience prouve le contraire et les plus grands criminalistes l'ont démontrê. Ce qui arrête les malfaiteurs, disent-ils à l'envi, de Beccaria à Rossi, ce n'est pas la dureté de la répression; c'est sa certitude. Il y a plus, et c'est encore une constatation faite par les criminalistes: plus les supplices sont terribles, plus la vindicte publique, comme on l'appelle, au lieu de garder le calme et le sang froid que commande l'exercice d'un devoir pénible semble empreinte de colére et de haine, plus les moeurs, comme par une tendance naturelle à se mettre à l'unisson, deviennent violentes et féroces. L'échafaud, la potence ou la fusillade, dit-on, sont des remèdes un peu durs, mais héroïques et auxquels rien ne résiste. Il n'y a que les morts qui ne reviennent pas. Erreur, et erreur grossière: les morts reviennent, et d'autant plus nombreux et terribles qu'ils ont été plus largement et plus impitoyablement fauchés. Il n'y a (le relevé en a été fait) presque pas un assassin de droit commun qui n'ait assisté à une exécution, et la plupart, loin d'en avoir conservé une salutaire terreur, y ont appris le cynique mépris de la vie, et se sont accoutumés, parfois avec une farouche jactance, à l'idée de figurer un jour à la même sanglante cérémonie. Le sang appelle le sang et la violence appelle la violence.

Cela est vrai, indiscutablement démontré, encore une fois, pour les condamnés de droit commun, pour les meurtriers, les incendiaires et les empoisonneurs. Mais combien plus vrai encore pour les condamnés dits politiques, pour ceux dont les actes, violents ou non, empruntant ou non la forme des crimes de droit commun, sont qualifiés de crimes politiques *Sanguis martyrum semen Christianorum*; le sang des martyrs enfante des Chrétiens, disait-ou au temps des Dioclétien et des Néron. La nature humaine n'a pas changé; et vouloir étouffer une idée, une propagande, une foi, bonne ou mauvaise, dans le sang de ses défenseurs, c'est transformer ceux-ci en apôtres et, quand ils tombent, en martyrs. C'est leur donner aux yeux de la foule, et parfois de l'élite, l'auréole de la persécution, et s'exposer à se voir adresser, par l'opinion, jusqu'alors indifférente peut-être, le mot du philosophe antique: „Tu te fâches, donc tu as tort".

A tous les points de vue, la peine de mort est un procédé barbare, impuissant et dangereux. Ses méfaits sont connus, connus aussi les avantages de sa suppression, puisque nombreux déjà sont les pays où a été faite l'expérience de cette suppression. Et l'on a peine à comprendre qu'il y ait encore des peuples dits civilisés qui s'obstinent à conserver ce legs maudit de l'ancienne sauvagerie. La force, comme le disait l'énigme de Samsom à propos du miel, est dans la douceur, Et la violence, tôt ou tard, suscite la violence. *Qui frappe de l'épée périra par l'épée.*

Fredéric Passy.

Il est difficile à un Français de comprendre votre question et plus difficile encore d'y répondre.

En France on accepte encore que l'autorité fasse couper la tête à un condamné qui a commis un crime contre l'huma-

nité; on laisse donc de loin en loin mettre à mort un assassin, quand il a assassiné pour voler· Encore en a-t-on un peu honte, piusqu'on l'exécute au petit jour, en cachant la guillotine aux assistants.

Mais on trouverait abominable que le gouvernement employât la guillotine pour se débarrasser d'un adversaire. La peine de mort en matière politique a éte aboliè en 1848 d'un avis unanime et personne n'a jamais parlé de la rétablir. En Russie la peine de mort a été abolie dés le XVIII siècle pour les assassins et les brigands, on ne l'applique plus qu'aux adversaires de la bureaucratie. Ce n'est pas une pénalité, c'est un moyen de gouvernement.

Quelle opinion un Français peut il avoir sur un regime qui lui apparait au rebours de justice de tous les pays civilisés?

Ch. Seignobos.

27 mars 1906

Quoi! après la Mandchourie il faudra conseiller à Vos bureaucrates-bourreaux d'être plus ménagers du sang de la Russie!.. Cent cinquante ans aprés Beccaria et J. J. Rousseau il faudra crier l'infamie des executions capitales á des Européens! Que vos magistrats prennent garde: ils ne jugent pas— ils assassinent. Ils accusent leurs victimes d'attentat contre la chose publique. Eh! en Russie vous n'avez pas encore de chose publique. C'est en vain qu'ils essuyeront le sang de leurs mains à des textes de lois plus homicides que les obus japonais. Ces lois de contrainte et d'agression justifient toutes les rêvoltes. Elles mettent le peuple Russe en état de légitime défense contre le délire féroce du tsarisme agonisant.

A. France.

SÉNAT. *Paris, le 27 mars 1906.*

Je déplore profondément, d'accord avec tous les êtres conscients de tous les pays, les exécutions à mort en général et particulièrement pour crime politique. Je ne me place pas au point de vue moral et encore moins sentimental, puisque il est de mode encore d'opposer au sentiment et à la raison la Raison d'Etat; je me place au seul point de vue politique. Je crois que le Gouvernement Russe, dans son propre intérêt, agirait, sagement en usant de modération et de clémence. Les rigueurs ne servent qu'à enraciner des ressentiments et des haines. On exécute un révolutionnaire et on croit décourager les autres alors qu'on allume au contraire dans leurs âmes le désir ou plutôt la vocation de la vengeance. Le sang d'une victime est plus redoutable que les conspirations d'un révolté; la plus efficace des propagandes anti-gouvernementales est celle des morts.

d'Estournelles de Constant.

Je croyais la peine de mort abolie depuis longtemps dans votre pays pour les criminels de droit commun. Je n'ai pas besoin de vous dire les sentiments d'horreur et de dégoût que m'inspire, comme à tout homme civilisé, les exécutions si nombreuses qui marquent l'avénement du régime constitutionnel (!) et semblent bien, le plus souvent, n'avoir été précédées de rien qui ressemble à un jugement régulier. Quand aux massacres de Moscou et ceux, qui ont suivi les tentatives de l'insurrection nées spontanément de l'anarchie gouvernementale, ce sont lá des choses que nous avons peine à imaginer comme possible à notre époque, ailleurs qu'en Turquie, mais sur lesquelles les lettres que nous re-

cevons de nos compatriotes établis chez vous ne laissent, malheureusement, pas doute possible. La Russie despotique n'ajamais cu droit au titre d'Etat civilisé, malgre l'alliance contre nature dout l'a honorée la Republique française; mais en livrant ainsi ce qu'elle a de meilleur et de plus civilisé à la brutalité de la soldatesque, de la police de la bureaucratie et de tous les valets de bourreaux dont se compose sa hiérarchie administrative, elle descend an dessous même des, peuples barbares. Ce qui nous étonne c'est qu'en Europe, on puisse encore considérer comme susceptible d'être reçus dans une société d'hommes qui se respectent ces officiers et fonctionnaires, à commencer par les ministres counverts de plus de sang que n'ont versé ensemble tous les bourreaux des pays, où il existe encore la peine de mort mais où elle n'est du moins appliqueé qu'en exécution de la loi, et avec toutes les garanties qu'elle comporte.

Quand en 1849 le sinistre Heinau, le fouetteur des Hongroises, osa se montrer à Bruxelles dans un concert public, il y eut parmi les assistants un tel mouvement d'horreur, que le misérable dût quitter la Belgique et s'en aller à Londres. J'avoue que je ne parvicns pas à comprendre comment à Paris l'arrivée de vos généraux et fonctionnaires ne produit pas le même effet. Voilà, ce que je pense et ce que, croyez le bien, pensent chez nous les hommes les plus modérés et les plus conservateurs, de la peine de mort telle que la pratiquent vos gouvernants ou plutôt de la folie de brutes sanguinaires dont ils semblent pris, devant l'évidence de l'impossibilité de la continuation du despotisme, la plus impossible des utopies politiques.

Recevez l'expression de voeux que je fais pour que votre malheureux peuple puisse bientôt mettre fin à ces horreurs et s'elever au niveau des nations civilisés, l'expression des sentiments sout devoués de *E. Lorand.*

Bruxelles 27 mars 1906.

Il y a cinquante ans, qu'en Belgique, on n'exécute plus personne. La peine de mort est encore inscrite dans nos lois, mais il n' y a plus de bourreau pour l'appliquer. Le dernier „exécuteur des hautes oeuvres“ est mort depuis longtemps, et chaque fois que la cour d'assises prononce, pour la „forme“ une con-damnation capitale, le ministre s'empresse de commuer le peine en travaux forcés.

C'est vous dire, que l on trouverait difficilement en Belgique un seul homme qui ne frémisse d'horreur lorsqu' il apprend qee, dans l'une on l'autre ville d'Europe, la société vicnt de commettre un assassinat collectif sur la personne d'un condamné à mort.

Je n'ai jamais assisté a une exécution et j'espère de tout mon coeur n'y assister jamais. Mais je conserve un inoubliable souvenir de votre pays — de votre Tolstoï où il raconte qu'ayant vu exécuter un criminel il en éprouva un tel degoût que, depuis lors, la question de la peine de mort n'est plus une question pour lui. Tout mon être se souleva à la pensée que froidement, avec tout l'appareil de force que donne la puissance collective, on puisse mettre à mort un coupable, et, á plus forte raison, un vaincu, un adversaire désarmé, dont l'éxecution fait un martyr.

Ai je besoin de dire à qui je songe en écrivant ces lignes?

Puissent elles seconder, si faiblement que ce soit, votre génereux effort.

Wandervelde.

Dictatect April 7 th 1906.

Y regret not having been able to reply earlier to your letter and at now being under the necessity of doing so very briefly.

Death at the hands of the law, or Capital Punishment as it is called, I regard as an outragoous relie of barbarism. It cannot be said that it in any way aims at the reform of the criminal and can only be regarded as an act revenge perpetrated by society upon some individual who in a moment of passion may have taken away the life of an other. There is nothing deferrent upon others in the punishment of hanging. J consider the carrying out of this punishment with all paraphernalia of the law and of religion to be more inhuman than the most cold-blooded murder ever perpetrated.

From this very brief statement you will gather that I am in favour of its immediate abolition everywhere and under all circumstances.

Keir Hardie.

March 29/4 1906.

On reference to your request about Capital Punishment I must tell you Y am not an expert on this subject, but my own opinion is strongly against it. There was a time in this country when men were hanged for stealing 5/—and when more humane ideas began to prevail it was predicted by some that were hanging abollished crime would vastly increase. That was not the case. On the contrary it diminished, and I do not believe that hanging is as deterrent as some people suppose.

J think it is worth considering whether the better course would not be to regard a murderer as insane and I think that the fear of being shut up, perhaps for life, in a Criminal Lunatic Asylum, would deter many people from committing offences, more than hanging does at the present time.

Henry Wilson.

„The abolition of the Death-penalty is the only course open to any self-respecting nation at the present day; because (among many other reasons) society has passed beyond its belief in Revenge; and 'an eye for an eye, or a tooth for a tooth' however appropriate a maxim for a barbaric age does *not* express our feeling on these matters now; because we see that two wrongs do not make a Right, and that it is only feeble and childish to find no other way of expressing our disapproval of Murder than by committing another murder; because we begin to understand the complexity of human motives and the subtle influence of environment and to realize the monstrosity of the death-sentence in a vast number of cases which technically are indistinguishable from wilful murder; because it is senseless and outrageous to put the superhuman strain of sorting out those cases which *are* to be counted worthy of death from those which are not, on any one man — as on our Home Secretary in the present system; because the dignity and greatness of National Life— if there is any dignity and greatness about it—turns instinctively away from the idea of using its enormous power to crush the individual that has sinned against it — however great the sin may be, or however perverted the individual; and because, in view of the fact that Society is more or less responsible for the life and growth and conduct of all its children, Reform is and can be the only rational and practical object of punishment, combined with such dignified stringency as may distinctly mark society's disapproval of the crime".

Carpenter.

The Labour Party in the British House of Commons is unanimously opposed to Capital Punishment. It is a relie of the barbaric ages when murder was paid for on murder. There is an idea held by many people that Capital punishment is the only safeguard against frequent murder. But the people who believe that, fail to recognise the enormity of the crime. Murder is done either in a fit of madness or passion or in a determination of hate which is so powerful that consequences are disregarded. The man who kills his neighbour is a man who does not count costs. On the other hand there can be no doubt but that the capital penalty tends to inflame the homicidal passions of men brutalises society and as the Labour movemènt can succeed only in an enlightened state, it must weed out from the present everything which coarsens men's hearts and nourishes instinc. So far from acting as a deterrent capital punishment acts as an incentive. Moreover the spectacle of the scaffold is most revolting. It is an awful confession of the impotence of society to protect the individual from moral wreck. It is a plea put in society that it is bankrupt of moral restraint. And when the crime in the name of law has been committed instead of society having been purified, a family has been disgraced, has been outcast, has been branded in its very soul, has had the sentence of shame pronounced upon it.

We of the Labour Party cannot understand how christian civilisation can nourish in it's breast the ghastly legal crime of capital punishment.

Ramsay Macdonald.

Member of Parliament for Leicester
(chief secretary of the Labour Party).

The protest against Capital Punishment has my cordial sympathy. It is strange that Governments should be so to slow, and so reluctant to settle a good example to their subjects by showing respect for human life.

Among many considerations shoviug me in this matter, one is the impossibility of avoiding mistakes and the irreparibility of this punishment. In the small town of Chelmsford, near which Y live, during the life time of people still alive, it has twice occured that men have been hung after being condemned by a Judge and a jury who were quite impartial and truly anxious to do justice and in both these cases it has been discovered ultimately that the man executed was quite innocent. In one case the truth only became known by the death bed confession of the real murderer, a many years after the crime had been committed. The consideration that men are fallible and that death is irreparable is not the only, argument nor is it even the strongest argument against Capital Punishment but it is one of the many which continne to make the retention of this punishment a standing disgrace to every country to England and to Russia among the rest that tolerates and maintains it.

Aylmen Moude.

Brondstone, Winiborne, England April 1 os. 1906.

On reply to your request J will briefly state my views on the question at issue.

Y am, and have been throughout life, absolutely opposed to Capital punishment for-the following and other reasons.

1) Because the very principle of the sanctity of human life, which gives us a horror of murder as being the greatest of crimes, equally forbids us to take the life ot the murderer.

2) Because the quality of *deliberate intention*, which we always consider an aggravation of the crime of homicide pertains in the highest degree to *our* action in taking the life of any criminal.

3) Because in most, perhaps in all cases, Society itself is the primary cause of the murder. We never can know all the peculiarities of mind all the complex forces and influences—which drove the guilty man to the fatal deed.

4) Because by taking the criminal's life we are the cause of evil and suffering incalculable in amount and perhaps, through the action of discarnate upon incarnate minds extending far into the future.

5) Because our proofs of guilt are, as a rule, less complete in the case of alleged murder than in that of any other offences. Mistakes have, not unfrequently been made, and innocent men have, been barbarously done to death, teaching as that fallible judges should never inflict this cruel and irrevocable punishment.

6) Because the argument that the death-penalty deters others, even if it were true, cannot justify us in committing the crime of judicial homicide. Lastly, J submit that in a rational form of society in which all received a sympathetic ethical training and had equal opportunities of a full and happy life, the crime of murder would rarely perhaps never occur. The degrading and unchristian treatment we accord to criminals whose offences are almost wholly due to our neglect, is one, of the most glaring indication of the failure of our much vaunted civilisation.

Alfred R. Wallace.

Es ist mir nicht möglich Ihnen eine systematische Abhandlung über das Thema zu liefern, davon hält mich schon unser Dostojewsky ab; wenn Sie diese kurze Note hinnehmen werden, bin ich gern bereit. Und zwar würde ich (ich bin eben ganz von Dostojewsky erfüllt) an die Szene im Kapitel: Бунтъ in den Karamasows erinnern, wie dort Iwan den armen Aljoscha mit der Erzählung von den Türken und besonders von dem russischen General das Urteil abzwingt: niederschiessen! Dostojewsky applicirt nur da mit seiner eigentümlichen Kunst nicht nur eine moralische, sondern geradezu eine körperliche Züchtigung; wenigstens giebt Aljoscha sein Zugeständnis unter dem Drucke der Tortur, die ihm Iwans argumenta ad hominam verursachen. Ich fühle an dieser Stelle all'die seelische und körperliche Qual, die Dostojewsky am Semenowsky Platz, dann in Sibirien und in Russland überhaupt durchlitten hat und vermag es darum zu würdigen, wie ernst es ihm war, wenn er sich für die Todesstrafe entscheidet—und doch, gerade jene Pein, die uns Fedor Michailowitsch in den „Записки изъ мертваго дома“ und in allen übrigen Werken mitzuleiden zwingt, stimmt und entscheidet mich gegen die Todesstrafe überhaupt und selbstverständlich gegen die Todesstrafe für politische Verbrechen.

Die Frage über Wesen und Bedeutung des Verbrechens und der Strafe wird jetzt so allgemein besprochen, dass es mir genügen mag, wenn ich vorerst die Ansicht ausspreche, dass die Verbrecher und die Wirkungen der Strafe endlich einmal auch richtig und gründlich *beobachtet* werden müssen. Das ist die erste und eigentliche Bedingung einer wahrhaft wissenschaftlichen Behandlung der Frage. Also keine Deduktionen: Gott ist so und so, also muss gestraft werden. I. Der Mensch ist frei, also verantwortlich, also muss gestraft werden. II. Es gibt geborene Verbrecher, also müssen sie unschädlich

gemacht werden, ich verlange ein genaues Beobachten der Tatsachen. Wie ist X, Y. zur Verübung dieses bestimmten Verbrechens gekommen, welche waren die näheren und entfernteren Ursachen und Motive u. s. w.; und wie hat das Bestrafen gewirkt? Man macht soviel Gerede über die Notwendigkeit und Natürlichkeit der Strafe—wie viele Strafenden haben sich nach der Bestrafung die Mühe genommen, ihre Behauptungen zu revisiciren? Wer beobachtet denn die Sträflinge in den Staatsgefängnissen? Haben die Gefängnissaufseher, höheren und niederen Ranges, die notwendige Bildung, um in der Strafpädagogik mitreden zu dürfen? Haben diese Bildung die Richter? Es ist geradezu kläglich, wie bei uns, und wohl überall, die künftigen Richter herangebildet werden!

Ich überzeuge mich immer wieder, dass das Strafen als einfachstes, bequemstes, billigstes Mittel betrachtet wird, mit dem Verbrechen sich abzufinden und das Gewissen zu beruhigen. Um zu strafen, muss man sich nicht den Kopf zerbrechen; und alle Theorie über die Natürlichkeit, Notwendigkeit, Sittlichkeit und Heiligkeit der Strafe stammen aus der Zeit, in der man mit den Strafen umso freigiebiger war, je weniger man die Wirkungen des Strafens beobachtet und je weniger man über den Zusammenhang von Strafe und Verbrechen nachgedacht hat. Ich sehe einen bedeutenden Fortschritt darin, dass man in neuerer Zeit das Strafen oder Nichtstrafen als Mittel der Taktik und Politik anzusehen beginnt. Man spricht richtig von der Kriminaltaktik oder—Politik. Natürlich ist die Kriminalpolitik wiederum ein Teil der allgemeinen worunter ich die Aufstellung und Verwirklichung der sozialen Ideale verstehe, die wir uns nach Massgabe der Einsicht in den historischen Entwicklungsgang der Gesellschaft aufstellen.

Wer viel saft, erzieht schlecht. Die Erfahrung lehrt jedenfalls, dass bisher zu viel und ungerecht gestraft wurde, dass

das Strafen viel weniger genützt und erreicht hat als die Strafenden geglaubt haben. Davon kann sich jeder überzeugen, der sich und die Menschen beobachtet hat. Ob die Strafe ganz überflüssig sei, dass habe ich nicht zu beantworten — wahrscheinlich; aber jedenfalls ist richtig, dass das Strafen seltener und weniger hart sein kann und soll.

Die Strafe ist nur Mittel zum Zweck, nicht Zweck. Nach meiner Erfahrung erreicht man durch Tadeln und Strafen weniger als durch Lob und Belohnen; und oft habe ich darüber nachgedacht, warum man die Menschen so einseitig nur straft und nicht auch belohnt oder wenigstens belobt wenn sie Gutes leisten? Wohl werden auch Lob und Belohnungen öffentlich erteilt, aber es scheint mir, das unrichtiges und ungerechtes Loben und Belohnen, das Tadeln und Strafen umso verdächtiger macht. Man wird darum nicht nur über die Kriminalpolitik, sondern auch über die Honorirpolitik nachdenken müssen, denn so wie die Menschen unbedacht, unvernünftig und falsch tadeln und strafen, so unbedacht, unvernünftig und falsch loben und belohnen sie.

Aus allen diesen Gründen und Motiven ist besonders die Todesstrafe abzuschaffen. Meine Überzeugung ist überdies, dass kein Mensch das Recht haben könne, seinen Mitmenschen das Leben zu nehmen—homo homini sanctus; wenn nicht—was anderes soll und kann uns heilig sein? Der Witz, den der französische Schriftsteller machte, als er die Herren Verbrecher einlud den Anfang zu machen, hat seinen guten Sinn und bedeutet bei dem innigen Consensus des Gesellschaftslebens, denn so lange es Henker, es auch Mörder geben werde, also beide, Verbrecher und Henker abgeschafft werden müssen.

Mir ist im letzten Kriege zu vollen Bewusstsein gekommen, wie die russische Kriegsverwaltung mit dem sogenannten Menschenmaterial gar nicht gespart hat; in der unnötigen Opferung von Soldaten, in der mangelhaften Vorbere itu n

für die Verwundeten etc. in allem ist mir der Leichtsinn aufgefallen, mit welchem die Russen mehr als die Japaner das Leben missachteten. Ich glaube in Russland hat die Schule, die Kirche, die Staatsverwaltung, die Schriftsteller kurz alle in ihrem Wirkungskreise die grosse Pflicht, sich und ihre Umgebung zur Achtung vor dem Menschen heranzubilden. Todesstrafe und allgemeine Missachtung des Menschen bedingen einander.

Die Abschaffung der Todesstrafe wird darum dauernd durch die Reform des ganzen Strafwesens erreicht. Ich habe mir notirt, dass die russische Justizverwaltung sich für die bedingte Verurteilung ausgesprochen hat; im Jahre 1899 ist in Moskau eine Schule zur Erziehung der Gefängnisswärterinnen begründet worden—das sind Einzelreformen, die koncentrisch in ganzem Umfang unternommen, in der Abschaffung der Todesstrafe ihre eigentliche Begründung finden. Wenn Достоевскій nicht nur für die Todesstrafe, sondern auch für die körperliche Züchtigung der Schuljugend seine Gründe findet, so ist das nur ein Beweis, wie das ganze System von Strafen organisch zusammenhängt.

Man wird in Russland von konservativer und reaktionärer Seite auf die mangelnde Volksbildung u. s. w. hinweisen, um die Todesstrafe zu rechtfertigen. Allein Kenner des russischen Volkes und der russischen Verhältnisse werden gegen diese Stimmen viele beweisende Tatsachen anführen können; ich erinnere mich z. B. an die Fälle, die Л. Н. Толстой in einer Skizze „Стыдно!“ erbracht hat. Darnach haben die Offiziere des Semenovski'schen Regiments (Семеновскаго полка) schon in den 1820-er Jahren durch ihre Menschlichkeit das Strafen unnötig gemacht—was damals ging, wird heute auch und noch leichter gehen.

Die Todesstrafe für Politische nicht besser begründet als für andere Verbrechen; zwar hat man die Todesstrafe gerade

aus dem politischen Grunde' angeblickt zur Erhaltung der öffentlichen Ordnung und Sicherheit, am meisten befürwortet, aber die Erfahrung zeigt unwiderleglich, dass die öffentliche Ordnung und Sicherheit dort ordentlicher und sicherer ist, wo weniger gestraft, dagegen besser unterrichtet und erzogen wird. Das politische Verbrechen wird in einem unfreien und gewalttätigen Staate durch die Todesstrafe nicht vernünftiger. Der Absolutismus hat aus dem Staate einen Götzen gemacht und vor diesem Götzen haben die politisch geknechteten Völker den politischen Götzendienst verrichten müssen; und die Erfahrung zeigt, dass überall da die meisten politischen Verbrechen begangen werden, wo der Absolutisums den politischen Aberglauben erhält. Es ist nicht nur Pflicht, sondern Selbstinteresse der Herrschenden den politischen Aberglauben überhaupt auszurotten—das vermag nur die politische Freiheit zu leisten. Der politische Aberglaube wurzelt natürlich nicht nur in den Beherrschten, sondern auch in den Herrschenden. Der bisherige Staat ist ein sehr unvollkommenes Menschenwerk; eine Institution, die zu ihrer Erhaltung das Schnapstrinken, die Coterie, die Prostitution u. dgl. Mittel legalisirt und mit seiner Autorität deckt, kann kein Recht zu töten haben, dieses Recht giebt es überhaupt nicht, es war und ist nur eine von den mangelhaften Institutionen, die in ihrer Gesamtheit den unvollkommenen Staat ausmachen.

Ganz besonders ist auch das sogenannte Kriegsrecht mit seinem summarischen Verfahren ganz offenbar ein Überlebsel barbarischer Zeiten und Sitten; in allen vorgeschritteneren Staaten wird darum die Revision des Militärstrafgesetzes angestrebt. Im Civilverfahren ist die Möglichkeit des Irrtums seitens des Richters nicht ausgeschlossen—das summarische Kriegsrechtliche Verfahren ist der legalisirte Mord.

Ich schliesse mit dem Ausdruck meiner moralischen Überzeugung, dass kein Mensch das *Recht* haben kann, seinen Mit-

menschen zu töten; ich gebe zu, das wir uns zum Notwehr setzen und *im äussersten Falle, wo absolut kein anderes Mittel möglich ist,* dem Töten durch Töten erwehren müssen— aber ein Recht ist das nicht, sondern eine traurige Notwendigkeit. Daraus lässt sich die Todesstrafe als ständige öffentliche und legalisirte Recht-Institution nicht ableiten. Sie lässt sich überhaupt weder moralisch noch rechtlich begründen, denn sie hat sich nicht bewährt, sie ist nur die Sanction der Barbarei und der moralischen Stagnation.

Prag. *Professor T. G. Masaryk.*

Peine de mort et selection sociale.

La question de la peine de mort est decidée desormais soit sur le terrain scientifique soit dans ses applications pratiques.

La science a demontré, surtout avec les données de la psychologie des criminels, que la peine de mort n'a pas une puissance d'intimidation plus forte que les autres peines, car elle est paralysée soit par le vèhémence de la passion qui determine au fait, soit par l'espoir de l'impunité chez les criminels qui prémiditent et qui pensent toujurs de n'etre pas decouverts.

Dans la pratique, l'Italie (qui a une fréquence très grande de crimes de sang), a demontrée—avec la Suisse, la Hollande, la Belgique etc.—qu'après l'abolition de la peine de mort (en 1890) les meurtres ont continué leur diminution progressive qui est un des contrecoups de notre civilisation, tendant à substituer la fraude à la violance musculaire.

D'autre part le seul argument pratique qu'on pourrait donner pour la peine de mort c'est à dire la selection des hommes dégénerés, anormaux et incapables de vie sociale—

tels que les assassins,—par toute sa valeur de l'impossibilité morale d'appliquer, de nos jours, la peine de mort avec la fréquence qui serait nécessaire pour faire une séléctiun sensible, telle qu'on l'a pratiquée au moyen âge.

Envoyer à l'échofaud, chaque année, dix au douze assassins comme en Angleterre ou cinq, six comme à France ce n'est qu'une tuerie sauvage, stupide et... inutile: tandis que pour faire une selection sensible il faudrait en exécuter chaque année au moins 300 en Angleterre, 400 en France et... 2000 en Italie! Boucherrie légale que nos moeurs rendent, heusensement, absolument impossible.

Et d'autre part la réclusion indeterminée des criminels plus dangereux et dégénéri és est un substitutif efucace de la peine de mort, pour en empecher la procréation des descendants et la repétitions de leurs emplois criminels.

* * *

Mais que dire lorsque la legislation a aboli la peine de mort pour les criminels communs et l'a conservée pour les criminels politiques?!

Le criminel politique n'est pas un type anthropologique special. Il feut être *un criminel né* aussi bien qu'un *criminel oliené,* quoiqu's, il **soit,** plus frequemment un *criminel* possioné.

Et ce qui sépare par exemple le meurtrier commun du meurtrier politique est l'ensemble des motifs psychologiques, qui le poussent au fait. Chez le meurtrier commun c'est *l'égoisme,* sauvage et violent, qui le défermine à tuer un homme.

Chez le meurtrier politique c'est l'altruisme, car il n'agit pas dans son interet personnel ni pour un sentinent de vengera ou de haine ou de cupidité personnelle. Il agit pour un

ideal, qui pent même être erroné, mois qui est toujours *altruite*, ce qu'il croit dans l'interet de l'humanité ou de la patrie ou d'une classe.

La revolution bourgeoise, qui avec la violence et le sang, a abattu dans l'Europe occidéntale, l'absolutisme, compte une longue série de „mortyrs" depuis la francaise Charlotte Cordais, qui tua Marat jusqu'à l'italien Felice Orsini qui en 1857 lanca les bombes contre Napoleons III, parce que empereure ne se dèccidait pas à aider les italiens contre l'Austriche.

Or, appliquer la peine de mort aux meurtriers politiques n'est qu'une absorduté (s'ils sont des aliénés) et n'est qu'une injustice sauvage (s'ils sont des passionnés altruistes).

Et c'est surtout une forme de sèléction *à retours*.

En condamnant a mort les révolutionnaires (y compris les meurtriers politiques) on provoque la decimation des esprits les plus élevés et altruistes, et partout on provoque la survivance et la prèdominance des esprits les plus serviles et arrièrés et egoistes, c'est à dire qu'on abaisse terriblement le niveau de l'âme nationale.

L' Espagne avec l'expulsion des Maures actifs et intelligents et avec les tuerries par milliers et milliers des libres penseurs hérétiques etc. (par l'inquisition religieuse) *s'est condamnee à mort elle même*. En éffet l'ame nationale de l'Espagne et partout la vie sociale sont à un niveau bien inferieur aux autres nations voisines, malgrè le traditions et les survivances de la grandeur politique et sociale de la même Espagne.

Cet exemple devrait *done s'adjoindre* aux raisons scientifiques et de justice humaine, pour determiner tous les lègislations à l'abolition de la peine de mort, partout et avant tout pour les meurtriers politiques, pour lesquelles les mêmes raisons ont fout exclure, chez tous les pays civilisés, la possibilité de l'extradition.

Certes, le meurtre politique est toujours un meurtre et il serait bien prèferable que l'evolution sociale se rèalise sans repandre du sang.

Mais cela ne peut être que le point d'arrivée du progrés humain, pour chaque nation, à travers les mortyres et les sacrifices, qui, malgrè leurs apparences criminelles ne peuvent avoir que le respect et bien souvent l'admiration de tous les hommes de coeur.

Enrico Ferri,

prof. de droit criminel à l'université de Rome.

Rome, 28 mars 1906.

Приложеніе.

ПОИМЕННЫЙ СПИСОКЪ

приговоренныхъ къ смертной казни русскими судами въ періодъ съ 1826 по 1906 гг. *).

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1. Кн. Трубецкой, полков. . .	По дѣлу «декабристовъ» 1825 года. Къ смертной казни отсѣченіемъ головы.	Смертная казнь замѣнена другими наказаніями.
2. Кн. Оболенскій, поруч. . .		
3. Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, полковникъ.		
4 и 5. Братья Борисовы, подпоручики		
6. Горбачевскій, подпоруч. .		
7. Спиридовъ, майоръ.		
8. Кн. Борятинскій, шт.-ротм.		
9. Кюхельбекеръ, кол. ас. . .		
10. Якубовичъ, кап.		
11. Поджіо, подполковн.		
12. Муравьевъ, Артамонъ, полков.		
13. Видковскій, прапор.		
14. Бечасновъ, прапорщ. . . .		
15. Давыдовъ, полков.		
16. Юшневскій, 4-го класса. .		
17. Бестужевъ, Алекс., шт.-кап.		
18. Андреевичъ, подпор.		
19. Муравьевъ, Никита, капит.		
20. Пущинъ, коллеж. ас.		
21. Кн. Волконскій, г.-майоръ.		

*) Настоящій списокъ составленъ: 1) по даннымъ, сообщеннымъ В. Богучарскимъ въ его статьѣ «Кровавый синодикъ» (напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Міра Божьяго» за 1905 г.) и въ его сборникѣ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.»; 2) по свѣдѣніямъ изъ полнаго собр. закон. 1834 г.; 3) по газетнымъ сообщеніямъ; 4) по ст. д-ра Жбанкова: Русскій мартирологъ («Современникъ» 1906 г.). 5) по изд. «Послѣднія слова казненныхъ», С.Пб. 1906 г. Въ него вошли имена приговоренныхъ *судами* за преступленія изъ политическихъ мотивовъ. Къ сожалѣнію, списокъ является далеко не полнымъ.

Прив.-доц. *М. Гернетъ.*

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
22. Якушкинъ, капит.	По дѣлу «декабристовъ» 1825 года. Къ смертной казни отсѣченіемъ головы.	Смертная казнь замѣнена другими наказаніями.
23. Пестовъ, подпор.		
24. Арбузовъ, лейтенантъ . . .		
25. Завалишинъ, лейтенантъ .		
26. Повалло - Швейковскій, полков.		
27. Пановъ, поручикъ.		
28. Сутгофъ, поручикъ.		
29. Кн. Щепинъ - Ростовскій, шт.-кап.		
30. Дивовъ, мичманъ		
31. Тургеневъ, Н. И., литерат.		
32. Пестель, полков.	Къ смертной казни чрезъ четвертованіе.	Повѣшены 13 іюля 1826 г.
33. Рылѣевъ, поэтъ, подпор. .		
34. Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй, подполков.		
35. Бестужевъ - Рюминъ, подпоручикъ		
36. Каховскій, отставн. поруч.		См. казнь замѣнена друг. наказаніями.
37. Бар. Соловьевъ, шт.-кап. .		
38. Сухиновъ, Ив. Ив., пор. .		
39. Мазалевскій, прап.	Крестьянскій бунтъ 1826 г. въ Кіевской губерн.	
40. Семеновъ, рядов.		Казненъ.
41. Сухиновъ, Ив. Ив.		Повѣсился.
42. Бочаровъ	Заговоръ поднять возстаніе въ Сибири.	Разстрѣляны въ Сибири.
43. Голиковъ		
44. Бондоревъ		
45. Птицынъ.		
46. Непомнящій	*)	
47. Высоцкій, Петръ, подпор.	**)	
48. Мальчевскій, Францъ, »	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
49. Нѣмоевскій, Вицентій, обыватель		
50. Пршибыльскій, Ѳома, рядовой.		
51. Громанъ, Клементій, ун.-о.		
52. Бышинскій, Ив., у.-о. . . .		
53. Банчакевичъ, Люд., подпр.		
54. Чарковскій, Леонъ, »		
55. Рачинскій, Леонъ, »		

*) Лица, помѣченныя въ этомъ спискѣ №№ 47—308, были заочно осуждены за участіе въ польскомъ возстаніи къ смертной казни. Манифестомъ 4 сент. 1834 г. всѣ они «обращены въ изгнаніе навсегда». Въ случаѣ возвращенія должны были подлежать смертной казни.

**) Въ 1830 г. въ іюнѣ послѣ севастопольскаго бунта казнено семь человѣкъ. Намъ ихъ имена неизвѣстны.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
56. Пончевскій, Клемен., подпр.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
57. Зелинскій, Ив., у.-о.		
58. Козьмянъ, Адамъ, у.-о. . .		
59. Энглертъ, Владиславъ, у.-о.		
60. Китлинскій, Феликсъ, „		
61. Лѣщинскій, Войцехъ, „		
62. Мацѣіовскій, Казиміръ, „		
63. Вержбицкій, Ремигій, „		
64. Смолинскій, Станисл., „		
65. Поплавскій, Викентій, „		
66. Боярскій, Антонъ, у.-о. . .		
67. Троинскій, Ѳаддей, фельдф.		
68. Сташевскій, Вацлавъ, у.-о.		
69. Махнацкій, Камиллъ, у.-о. .		
70. Верпезобре, Эдуардъ, у.-о.		
71. Ольшевскій, Ив., у.-о. . .		
72. Фальковскій, Ант., „		
73. Мацѣіовскій, Евстаѳій, у.-о.		
74. Обуховичъ, Францъ, „		
75. Гарчинскій, Осипъ, у.-о. .		
76. Минишевскій, Карлъ, фельд.		
77. Нько, Аппол., подпор.. . .		
78. Малянкевичъ, Ѳома, у.-о. .		
79. Плохецкій, у.-о.		
80. Непомуценъ - Млодецкій, Иванъ, у.-о.		
81. Добжелевскій, Мартынъ . .		
82. Фальковскій, Ив., фельд. .		
83. Пѣховскій, Осипъ, у.-о. . .		
84. Бризенмейстеръ, Августинъ, у.-о.		
85. Полянскій, Игнатій, у.-о. .		
86. Свѣркоцкій, Ѳома, фельд.		
87. Клоссъ, Карлъ, фельд. . .		
88. Запасникъ, Ант., у.-о. . . .		
89. Обремскій, Каз. у.-о.		
90. Радлицкій, Апрр., у.-о. . .		
91. Карчевскій Ѳед. у.-о. . . .		
92. Зджарскій, Войцехъ, фельд.		
93. Хельмонскій, Францъ, подпрапорщикъ.		
94. Скочевскій, Юліанъ, подпр.		
95. Вашкевичъ, Осипъ, фельд.		
96. Япушинскій, Ант., у.-о. . .		
97. Раевскій, Мартынъ, у.-о. .		
98. Скальскій, Ант., фельд. . .		
99. Фитинскій, Симонъ, у.-о. .		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
100. Бернацкій, Ксаверій, у.-о.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 г.	Не были разысканы.
101. Кулаковскій, Зенонъ, ф.		
102. Павловскій, Ив., у.-о. . .		
103. Войцеховскій, Осипъ, у.-о.		
104. Шаблицкій, Сильвестръ, ун.-оф.		
105. Ковальскій, Осипъ, у.-оф.		
106. Карпинскій, Викентій, ф.		
107. Колачинскій, Гаспоръ, у.-о.		
108. Трушковскій, Станисл. у.-о.		
109. Виславскій, Маркелъ, ф.		
110. Скридскій, Людовикъ, ф.		
111. Гулевичъ, Өедоръ, фельд.		
112. Зомбковскій, Валент., ф.		
113. Елинскій, Өедоръ, у.-о. .		
114. Литостанскій, Максимиліанъ, у.-о.		
115. Дембицкій, Іороминъ, ф.		
116. Лисѣцкій, Францъ, ф. . .		
117. Добржинскій, Леонъ, у.-о.		
118. Манускій, Маркелъ, у.-о.		
119. Павловскій, Феликсъ, подпрапорщ.		
120. Пихельскій, Ив., подпр. .		
121. Словяновскій, Михаило, подпрапорщикъ.		
122. Боровскій, Ант., фельд.		
123. Пепловскій, Павелъ, у.-о.		
124. Массальскій, Осипъ, ф. .		
125. Мильцеръ, Францъ, ф. . .		
126. Лясота, Адамъ, у.-о. . . .		
127. Гротовскій, Андрей, у.-о.		
128. Баерскій, Осипъ, у.-о. . .		
129. Зветковскій, Людов., у.-о .		
130. Мейснеръ, Фердин., у.-о.		
131. Лисѣцкій, Францъ, у.-о.		
132. Саскій, Доминикъ, у.-о. .		
133. Морачевскій, Гаврило, у.-о.		
134. Консиновскій, Матвѣй, у.-о.		
135. Кѣтлинскій, Леопольдъ, унт.-оф.		
136. Лубенскій, Феликсъ, у.-о.		
137. Новосельскій, Андрей, »		
138. Ковецкій, Констант., »		
139. Пательскій, Осипъ, ф. . .		
140. Мазурчевичъ, Станиславъ, ун.-оф.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
141. Бачевскій, Антонъ, у.-о. .	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 г.	Не были разысканы.
142. Шимановскій, Феликсъ, у.-оф.		
143. Липинскій, Леонъ, у.-о. .		
144. Рыдецкій, Станисл., у.-о.		
145. Козловскій, Венед., у.-о.		
146. Янушевскій, Ив., у.-о. . .		
147. Вержбицкій, Антонъ, у.-о.		
148. Мыстыковскій, Мих. ф. .		
149. Чайковскій, Станисл., ф.		
150. Бржезинскій, Ив., ф. . . .		
151. Шамота, Францъ, у.-о. . .		
152. Мшанецкій, Степанъ, у.-о.		
153. Любовицкій, Осипъ, »		
154. Глашинскій, Францъ, »		
155. Пенчиковскій, Иванъ, »		
156. Яворскій, Кастанъ, »		
157. Остророгъ, Михаилъ, »		
158. Модзелевскій, Викентій, подпрапорщикъ.		
159. Берльеръ, Эдуардъ, у.-о.		
160. Пьяновскій, Андрей, »		
161. Скомпскій, Францъ, »		
162. Паѣнцкій, Іоронимъ, »		
163. Коперскій, Лукьянъ, ф. .		
164. Козловскій, Осипъ, ф. . .		
165. Хрусцинскій, Вильг., у.-о.		
166. Гускій, Ксаверій, у.-о. . .		
167. Барженцкій, Эразмъ, у.-о.		
168. Парисъ, Антипъ, у.-о. . .		
169. Радзѣіовскій, Викторъ, у.-о.		
170. Ражицкій, Людовикъ, у.-о.		
171. Гаучъ, Викентій, у.-о. . .		
172. Добровольскій, Іосифъ, подпоруч.		
173. Зѣлинскій, Осипъ, рядов.		
174. Трашсковскій, Конст., ф.		
175. Кобылинскій, Карлъ, у.-о.		
176. Тыльскій, Викторъ, у.-о.		
177. Попинскій, Станисл., отст. подпоруч.		
178. Циховскій, Северинъ, отст. подпрапорщикъ		
179. Пашкѣвичъ, Карлъ, отст. ун.-оф.		
180. Набѣлякъ, Людовикъ, редакторъ газетъ		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
181. Гощинскій, Северинъ, редакторъ газетъ	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
182. Рупневскій, Рохъ, студентъ Варш. университ. .		
183. Орнишевскій, Людов., студентъ.		
184. Насіоровскій, Валент., студентъ.		
185. Тризцинскій, Эд., студ. .		
186. Янковскій, Люд., студ. . .		
187. Свентославскій, Александ., студентъ.		
188. Красновскій, Валент., студентъ.		
189. Реттель, Леонардъ, бывш. ученикъ Варш. лицея. . .		
190. Заливскій, Осипъ, подпор.		
191. Чарнецкій, Ант., подпор.		
192. Грабовскій, Яковъ, фельд.		
193. Росляковскій, Ант., капитанъ.		
194. Слубицкій, Викентій, пор.		
195. Свенцицкій, Осипъ, пор.		
196. Сицинскій, Маркелъ, подпоруч.		
197. Косицкій, Алексѣй, подпоручикъ.		
198. Пршерадскій, Адамъ, подпоручикъ.		
199. Пршерадскій, Титъ, подпоручикъ.		
200. Кршиштонорскій, Осипъ, подпоручикъ.		
201. Заіончковскій, Юліанъ, подпоручикъ.		
202. Лоссовскій, Матвѣй, подпоручикъ.		
203. Гавронскій, Андрей, капитанъ		
204. Госфортъ, Рудольфъ, подпоручикъ.		
205. Карспицкій, Карлъ, подпоручикъ.		
206. Долингеръ, Станиславъ, подпоручикъ.		
207. Шиндлеръ, Антонъ, у.-о.		
208. Урбанскій, Петръ, поруч.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
209. Человскій, Леонъ, подпор.	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
210. Лоскій, Александръ, подпоручикъ.		
211. Балинскій, Людовикъ, подпрапорщикъ.		
212. Михайловскій, Людовикъ, подпоручикъ.		
213. Боркѣвичъ, Люд., подпор.		
214. Яблковскій, Люд., »		
215. Лазовскій, Ив., »		
216. Стрненскій, Александръ, подпоручикъ.		
217. Вендроговскій, Адамъ, у.-о.		
218. Волошинскій, Игнатій, подпоручикъ.		
219. Бетковскій, Леонъ, подпоручикъ.		
220. Герникъ, Игнатій, ф. . .		
221. Лобановскій, Ив., поруч.		
222. Орловскій, Александръ, подпоручикъ.		
223. Маврикій-Гауке, графъ, подпоручикъ.		
224. Ольшевскій, Антипъ, у.-о.		
225. Гаевскій, Альбертъ, у.-о.		
226. Новосельскій, Феликсъ, подпоручикъ.		
227. Іокишъ, Осипъ, подпр. .		
228. Гартпель, Викентій, подпр.		
229. Пухальскій, Алексѣй, подпрапорщикъ.		
230. Бѣлявскій, Осипъ, подпр.		
231. Василевскій, Осипъ, у.-о.		
232. Жарскій, Ант., подпр. . .		
233. Борковскій, Карлъ, у.-о. .		
234. Глембоцкій, Осипъ, у.-о.		
235. Липскій, Антипъ, у.-о. . .		
236. Пѣнтко, Игнатій, у.-о. . .		
237. Допивскій, Александръ, подпрапорщикъ.		
238. Раковскій, Люд., у.-о. . .		
239. Штиковскій, Ант., у.-о. .		
240. Дорнфельдъ, Северинъ, у.-о.		
241. Коссъ, Леонъ, у.-о.		
242. Бржезинскій, Андрей, подпрапорщикъ.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
243. Фрезе, Станисл., подпр. .	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
244. Венчленскій, Ксаверій, подпрапорщикъ		
245. Сколимовскій, Ант., у.-о.		
246. Дорантовичъ, Ѳаддей, подпрапорщикъ.		
247. Прешель, Христофоръ, подпрапорщикъ		
248. Гриффель, Юліанъ, подпрапорщикъ.		
249. Графъ Платеръ, Эдуардъ, подпрапорщикъ		
250. Звѣржховскій, Леопольдъ, подпр.		
251. Заржецкій, Викентій, у.-о.		
252. Яшовскій, Александр., у.-о.		
253. Прошковскій, Матвѣй, подпрапорщикъ.		
254. Бартковскій, Ив., студен.		
255. Гевартовскій, Леопольдъ, студентъ		
256. Фалинскій, Станисл., студ.		
257. Пивоварскій, Ад., студ. .		
258. Шиманскій, Напол., студ.		
259. Кобылинскій, Викентій, студентъ		
260. Лидке, Александръ, студ.		
261. Бацевичъ, Ан., студентъ.		
262. Сухорскій, Поликарпъ, студентъ		
263. Міончинскій, Александръ, студентъ		
264. Швейцеръ, Мих.		
265. Мейзнеръ, Осипъ.		
266. Витковскій, Кастанъ, студ.		
267. Модлинскій, Игнатій, студ.		
268. Яроновскій, Конст., быв. ученикъ 6 кл. варш. уч.		
269. Домбскій, Юліанъ, студ.		
270. Горженскій, Леонъ, студ.		
271. Пашковичъ, Казим., подполковникъ		
272. Островскій, Іосафатъ Болеславъ, студентъ		
273. Бронниковскій, Ксаверій, патронъ при гражд. трибуналѣ		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
274 Мохнацкій, Маврикій, магистръ правъ	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
275. Графъ Малоховскій, Густавъ, быв. посолъ		
276. Графъ Гуровскій, Ад., . . помѣщикъ		
277. Гржимала, Францъ, ред. газетъ.		
278. Бабскій, Напол., писецъ при редакціи газеты . . .		
279. Дембинскій, Мих., увол. помощ. секр. правит. комис. финансовъ.		
280. Корманскій, Влад. Казим., отст. подпоруч		
281. Штольцманъ, Карлъ, пор.		
282. Радзѣіовскій, Александръ, отст. у.-о.		
283. Трищинскій, Францъ, б. посолъ Орл. повѣта. . . .		
284. Циховскій, Адольфъ, отст. подпоручикъ		
285. Мнѣвскій, Александр., пом.		
286. Пршиборовскій, Конст., житель Калиш. воев. . .		
287. Понинскій, Нап., житель Краков. воев.		
288. Кн. Четвертинскій, Янутъ, подпор.		
289. Корженіовскій, Онуфрій, ун.-оф.		
290. Нѣшокоцъ, Викентій, пор.		
291. Антонини, Яковъ, майоръ.		
292. Графъ Солтыковъ, Романъ, б. посолъ повѣта. .		
293. Звѣрковскій, Валентинъ, членъ комит. кред. общ.		
294. Графъ Островскій, Владиславъ, б. пос. повѣта.		
295. Гр. Островскій, Антипъ, быв. сенаторъ.		
296. Гр. Ледуховскій, Ив., быв. посолъ повѣта		
297. Воловскій, Францъ, быв. депутатъ Варш. округа. .		
298. Лущевскій, Ад., быв. посолъ повѣта.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
299. Лелевель, Іох., быв. посолъ повѣта	За участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года.	Не были разысканы.
300. Кн. Чарторыжскій, Ад., б. сенаторъ, воевода		
301. Моравскій, Ѳеофилъ, быв. посолъ		
302. Баржиковскій, Станис., б. посолъ		
303. Скршинецкій, Ив., полков.		
304. Нѣмоіовскій, Бонавентура, помѣщикъ		
305. Моравскій, Ѳедоръ, пом.		
306. Бернацкій, Алонзій, б. пос.		
307. Свирскій, Іосифъ, б. пос.		
308. Шанѣцкій, Ив. Ольрихъ, быв. депутатъ.	*)	
309. Канарскій	Заговоръ	Казн. 15/II 1839 г.
310. Потоцкій	Вооруж. возстан.	Казнены 5/III 1846 г.
311. Жарскій		
312. Косцишскій		
313. Петрашевскій, Михаилъ. .	По дѣлу «Петрашевцевъ» 1849 г. приговорены къ разстрѣлянію.	Смертная казнь замѣнена другими наказаніями.
314. Спѣшневъ, Николай. . . .		
315. Момбели, поруч.		
316. Григорьевъ, поруч.		
317. Львовъ, капит.		
318. Филипповъ, студ.		
319. Достоевскій, Ф. М., писат.		
320. Ахшарумовъ, канд.		
321. Дуровъ, отст. кол. ас. . .		
322. Ханыковъ, студ.		
323. } Дебу, братья, чинов. . .		
324. }		
325. Толль, учит.		
326. Ястржембскій, пом. инсп.		
327. Плещеевъ, поэтъ.		
328. Кашкинъ, чинов.		
329. Головинскій, чинов. . . .		
330. Пальмъ, поруч.		
331. Тимковскій, чинов.		
332. Европеусъ, от. кол. сек. .		
333. Шапошниковъ, мѣщ. . . .		
334. Петровъ, Антипъ, кр . . .	Въ 1861 г. къ разстрѣлу. (Крестьян. волнен.).	Разстрѣлянъ.

*) Съ 25 апр. по 18 ноября 1833 г. казнено за польское возстаніе 24 человѣка. Ихъ имена намъ неизвѣстны.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
335. Арнголдъ, офицеръ. . . .	Въ 1862 г. приговорены къ разстрѣлу за хран. и распространеніе между солдат. брошюръ возмутител. содерж.	Разстрѣляны.
336. Сливицкій, офицеръ. . . .		
337. Ростковскій, юнкеръ . . .		
338. Красовскій, подполковн. .	Тоже.	Смертн. казнь замѣн. каторг.
339. Яковлевъ, студентъ		
340. Волковъ, канц. сл. 20 л. .		
341. Васильевъ, п. гр. 18 лѣтъ		
342. Ушаковъ, офицеръ	Въ 1863 г. за пропаганду между фабрич. рабочими.	Замѣнена каторгой.
343. Иваницкій, шт.-кап.	Въ 1864 г. приговорены къ разстрѣлянію по дѣлу о «казанск. заговорѣ».	Разстрѣляны.
344. Мрочекъ, поруч.		
345. Станкевичъ, подпор. . . .		
346. Кеневичъ, дворянинъ. . .		
347. Орловъ, Ив., студ.	Тоже.	Замѣнена кат.
348. Новицкій, дворянинъ. . .		
349. Госцевичъ, »		
350. Алехновичъ, »		
351. Маевскій, мѣщ.		
352. Чернякъ, офицеръ *). . .	Въ 1865 г. по тому же дѣлу.	Разстрѣлянъ.
353. Каракозовъ, Дмитр., быв. студ., 25 л.	Въ 1866 г. за покушеніе на убійство Императора Александра II.	Повѣшенъ. 4 окт. 1866 г.
354. Ишутинъ, пот. поч. гр. 26 л.	По тому же дѣлу.	Замѣн. каторг.
355. Вашковскій	Польское востаніе.	Казнены 5 дек. 1866 г.
356. Шафранчикъ **)		
357. Райнеръ	За участіе въ возстаніи на Круго-Байкальск. дорогѣ.	Всѣ казнены въ 1866 г. въ Иркутскѣ.
358. Шаромовичъ		
359. Цѣлинскій		
360. Котковскій.		
361. Еліашевичъ		
362. Карповъ, мѣщ.	241 и 242 ст. 7 л. нак. Госуд. Сов. 1870 г.	Замѣнена.

*) Въ 1876 г. были приговорены къ смерт. казни двое (казнены); въ 1877 г.—четверо (казнены); въ 1878 г.—23 (казнены); намъ имена ихъ неизв.

**) Съ 1862 г. 14 іюня до 5 дек. 1866 г. казнено за участіе въ польскомъ возстаніи до 1500 человѣкъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
363. Ковальскій, Иванъ	Въ 1878 г. за вооруженное сопротивленіе жандармамъ.	Казненъ 2 авг. 1878 г.
364. Дубровинъ В. А., офиц. .	Въ 1879 г. воор. сопр.	Казненъ 13 апр. 1879 г.
365. Бранднеръ.	Въ 1879 г.	Повѣшены 14 мая 1879 г.
366. Антоновъ.		
367. Осинскій, Валер.		
368. Лешеринъ, Софья.		Замѣн. каторг.
369. Горскій.	Въ 1879 г. въ Кіевѣ.	Повѣшены. 18 іюля 1879 г.
370. Бильчанскій.		
371. Ѳедоровъ (Гобстъ).		
372. Чубаровъ, С. Ф.	Въ 1879 г. 5 авг. пригов. въ Одессѣ за приготовл. къ убійст. Алексан. II.	10 августа 79 г. всѣ повѣшен. въ Одессѣ.
373. Лизогубъ, Д. А.		
374. Давиденко, І. Я.		
375. Виттенбергъ, С. Я.		11 авг. 79 г. пов. въ Николаевѣ.
376. Логовенко, матросъ		
377. Малинка	Въ 1879 г., приговорены въ Одессѣ къ смерт. каз. чрезъ повѣшеніе.	7/XII повѣшены.
378. Дробязгинъ		
379. Майданскій		
380. Соловьевъ		
381. Мирскій	Покуш. на уб. Александра II.	Казн. 28 мая 79 г.
382. Розовскій	Въ 1880 г. приговор. въ Кіевѣ за разбрас. прокламацій.	Замѣн. каторг. 5/III повѣшены.
383. Лозинскій		
384. Поповъ, Михаилъ		Смерт. каз. замѣнена кат.
385. Ивановъ, Игнатъ.		
386. Млодецкій	Пок. на Ларисъ-Мел.	22 февр. повѣш.
387. Сабуровъ (Оболешовъ) . .	Въ 1880 г. въ С.-Петербургѣ.	Смерт. каз. замѣнена кат.
388. Михайловъ, Адріанъ . . .		
389. Квятковскій А. А.	Въ 1880 году въ С.-Петербургѣ по процессу 16-ти.	4/XI повѣшенъ.
390. Ширяевъ		Смерт. казнь замѣнена катор.
391. Прѣсняковъ, А. К., рабочій.		4/XI повѣшенъ.
392. Тихоновъ, » . . .		Замѣнена каторгой.
393. Окладскій, » . . .		
394. Желябовъ		
395. Михайловъ, Тимоѳей . . .	*) Въ 1881 г. за убійство Императора Александра II приговорены къ повѣшенію.	Повѣшены 3 апрѣля 1881 года.
396. Кибальчичъ		
397. Рысаковъ		
398. Перовская, Софья.		
399. Гельфманъ, Геся.		Умерла въ Петропав. крѣп.

*) Въ 1879 г. были приговорены къ смертной казни, кромѣ указанныхъ лицъ, еще четверо, имена которыхъ намъ неизвѣстны.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
400. Щедринъ.	Въ 1881 г. въ Кіевѣ.	Замѣн. каторг.
Онъ же (Щедринъ)	Въ Иркутскѣ за оскор. дѣйств. тюрем. инсп.	Замѣнена прикованіемъ къ тачкѣ.
401. Легкій	За убійство тюремн. надзирателя.	Повѣшенъ.
402. Соньковскій	Въ 1881 г. за покуш. на жизнь Черевина.	Замѣнена каторгой.
403. Михайловъ, Ал., дв. 25 л.	Народовольцы. Въ 1882 году приговорены въ С.-Петербургѣ къ повѣшенію.	Замѣнена каторжными работами.
404. Колодкевичъ, 31 г.		
405. Фроленко, сынъ фельд. 33 л.		
406. Исаевъ, сынъ почт. 24 л.		
407. Емельяновъ, сынъ пс. 20 л.		
408. Клѣточниковъ		
409. Тетерка, столяръ.		
410. Сухановъ, отст. лейт. . .		Разстрѣлянъ.
411. Лебедева, Татьяна, 29 л.		Замѣнена каторгой.
412. Якимова, дочь свящ. 26 л.		
413. Нагорный	Въ 1882 г. за убійство шпіона Прейма.	Замѣнена каторгой.
414. Евсѣевъ		
415. Поливановъ	Въ 1882 г. въ Саратовѣ.	
416. Новицкій.	По тому же дѣлу.	Замѣнена.
417. Желваковъ, студ.	Въ 1882 г. въ Одессѣ за уб-о военн. прокур.	Повѣшены 22/III 1879 г.
418. Халтуринъ, раб.		
419. Кутитонская, Марія	Въ 1883 г. за покушеніе на жизнь губернатора.	Замѣнена каторгой.
420. Клименко	Въ 1883 г. приговорены въ С.-Петербургѣ къ повѣшенію.	Замѣнена заключен. въ Петропавлов. крѣпость, гдѣ всѣ и умерли.
421. Богдановичъ Юлій		
422. Буцевичъ, лейтен.		
423. Грачевскій.		
424. Теллаловъ		
425. Златопольскій Савелій . .		
426. Неустроевъ, учит. гимназ.	Въ 1883 г. за пощечину ген.-губернат.	Разстрѣлянъ 9/XI.
427. Мышкинъ, Ип. Ник. . . .	Въ 1884 г. за оскор. надз. въ Шлис. крѣп.	Разстрѣляны.
428. Минаковъ		
429. Рогачевъ, офицеръ	Въ 1884 г. въ С.-Петербургѣ, къ повѣшенію.	Повѣшены. 10 окт. 1884 г.
430. Бар. Штромбергъ, офиц.		
431. Ашенбренеръ, офицеръ .		Замѣнена заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.
432. Похитоновъ, офицеръ . .		
433. Тихоновичъ, офицеръ . .		
434. Юначевъ, офицеръ		
435. Фигнеръ, Вѣра Ник. . . .		
436. Волькенштейнъ, Людм. .		
437. Лисянскій, С. А.	Въ 1885 г. уб-о окол. надз. въ Харьк.	Повѣшенъ 21 іюня 1885 г.
438. Манучаровъ	Въ 1885 г. въ Ростовѣ-на-Дону.	Замѣн. каторг.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
439. Бордовскій, миров. судья.	Въ 1885 г. въ Варшавѣ къ повѣшенію.	Повѣшенъ 16 янв. 1886 г.
440. Люри, офицеръ		Замѣн. каторг.
441. Куницкій, быв. студентъ.		Повѣшенъ 16 янв. 1886 г.
442. Шмаусъ, рабочій.		Замѣн. каторг.
443. Петрусинскій, рабочій . .	Дѣло «Пролетаріата»	Повѣшены 16 янв. 1886 г.
444. Оссовскій, рабочій.		
445. Ковалевскій, рабочій . . .	Въ 1886 г. въ Варш. Пок. на уб-о шпіона	Повѣшенъ.
446. Лопатинъ	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ къ повѣшенію.	Замѣнена каторгою.
447. Салово . . . , ...		
448. Ивановъ, Сергѣй.		
449. Стародворскій		
450. Канашевичъ.		
451. Сухомлиновъ		
452. Якубовичъ, П. Ф.		
453. Генераловъ, В., студ. . .	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ за покушеніе на жизнь Императора Александра III.	Всѣ повѣшены.
454. Осиповъ, В., студ.		
455. Ульяновъ, А., студ.		
456. Андрюшкинъ, П.		
457. Шевыревъ И.		
458. Оржихъ.	Въ 1888 г.	Замѣн. каторг.
459. Зотовъ Н. Л.	Въ 1889 году за вооружен. сопротивл. властямъ.	Повѣшены.
460. Коганъ-Бернштейнъ Л. М.		
461. Гаусманъ А. А.		
462. Гинцбургъ, Софья.	Въ 1890 г.	Замѣн. каторг.
463. Балмашевъ, С.	Убійство министра.	Повѣшены.
464. Лекертъ.	Покуш. на уб-о.	
465. Качуръ	Покуш. на убійство.	Замѣн. катор.
466. Гершуня	Участіе въ боев. орган.	
467. Мельниковъ		

За 1905 годъ.

468. Пиляшекъ, кр.	Въ Варшавѣ.	Замѣн. каторг.
469. Каляевъ, Иванъ	Въ апр. уб-о В. Кн. Сергѣя Александров.	Повѣш. 10 мая.
470. Дейчъ.	За покушеніе на убійство пристава.	Замѣн. каторг.
471. Маньковскій.	6 іюня въ Двинскѣ за покуш. на жизнь полицмейстера.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.
472. Окржея.	11 іюня въ Варшавѣ (бомба въ участокъ).	Повѣшенъ.
473. Зелинскій	За покуш. на убійство окол. надзир.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
474. Евлагинъ.	За убійство тюрем. надзир. и покуш. на уб-о начал. тюрьмы.	
475. Крыжановскій.		
476. Рогачевъ, рядов	За покуш. на уб-о начальн. дисциплинарнаго бат. полковника Давыдова въ г. Херсонѣ.	Разстрѣляны четверо 24/VIII.
477. Пархоменко, рядов.		
478. Ермаковъ, рядов		
479. Бурименко, рядов		
480. Харчукъ, рядов.		Повѣшенъ 6/X.
481. Мочедлоберъ, рядов. . . .	За покуш. на убійство команд. полка 20/VII.	Замѣн. каторг.
482. Сидорчукъ.	За уб-о житом. пристава Куярова; 19/VII.	Повѣш. 20/VIII.
483. Васильевъ, рабоч.	За уб-о окол. надзир.	Замѣн. каторг.
484. Комаровскій.	За нанес. раны город.	Казненъ 20/VIII.
485. Гершковичъ.	За покуш. на убійство пристава Стаховича и дворника 18/VII.	
486. Гурджизде.	За уб-о окол. надзир.	
487. Куликовскій.	За уб-о москов. градонач. гр. Шувалова.	Замѣн. каторг.
488. Тевзадзе, рабоч. 17 лѣтъ.	За уб-о тифлис. кондитера Алихванова.	
489. Николаишвили		
490. Друя, мѣщ.	За покуш. на убійство городового.	
491. Персицъ	За покуш. на уб-во.	Замѣн. катор.
492. Прокопе		
493. Петровъ, матр.	Безпорядки на «Прутѣ» въ Севастополѣ.	Разстрѣляны. 24/VIII.
494. Афименко, матр.		
495. Черный, матр.		
496. Дорофѣевъ.	Безпорядки въ портѣ Александра III. Приговорены 12/VIII въ Либавѣ.	Замѣнена каторжными работами.
497. Шпаковскій		
498. Ткачевъ.		
499. Анненковъ.		
500. Субботинъ.		
501. Лазаревъ.		
502. Тарашевъ.		
503. Колесниковъ.		
504. Каспржакъ, 65 лѣтъ. . . .	Убійство 2-хъ офиц., 2-хъ городовыхъ, въ Варшавѣ.	Повѣш. 26/VIII.
505. Хмельницкій.	За покуш. на убійство солдата въ Варшавѣ.	Повѣш. 28/VIII.
506. Никифоровъ.	Уб-о нач. охран. отд. въ Нижн. Новг.	Повѣш. 12/VIII.
507. Дайнего, матр.	Въ Севастополѣ.	Разстрѣл. 3/IX.
508. Кушуба, матр		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
509. Лаго, 20 лѣтъ.	За пок. на уб-о нѣжинск. пристава Крещаповскаго, 17/IX.	Замѣнена кат.
510. Зьяньянцъ.	За уб-о быв. бакинскаго губерн. кн. Накашидзе.	Замѣнена кат.
511. Майрамовъ.		
512. Саханьянцъ		
513. Артюновъ		
514. Агасеньянцъ, малолѣт. . .		Дѣло направл. къ дослѣдов.
515. Краузе		
516. Алешкеръ	За пок. на уб. город.	Повѣшенъ.
517. Орыма.	За пок. на уб. сыщика	Замѣнена кат.
518. Саламъ Оглы	За уб-о казака. За уб-о страж., воор. сопротивл. 25/IX.	Казненъ 30/IX въ Варшавѣ.
519. Джорджій	Въ Баку 22/IX за уб. околот. надзир.	
520. Лупандинъ рабоч, ...	Вооруж. нападеніе; къ повѣш.	
521. Тахчогло, кандит. естест. наукъ.	Воор. сопротивл.	Замѣнена.

1906 годъ.

522. Соколовъ, инж.	Въ крѣп. Кушка	Приговоръ отмѣненъ.
523. Катинъ, раб.	Уб-о в. г. Богдановича въ Тамбовѣ.	Казнены.
524. Кузнецовъ, кр.		
525. Розенцвейгъ	Въ Варшавѣ, за принадлежность къ боевой организаціи анархистовъ коммунистовъ.	Разстрѣл. 3/I.
526. Гольшаинъ		
527. Рифкиндъ		
528. Шаеръ		
529. Пфеферъ		
530. Марковскій	За убійство начал. жел.-дор. станціи въ Люблинѣ.	Разстрѣлянъ.
531. Озоль, владѣлецъ книжной лавки	По приг. воен. суда въ Венденѣ, Лифл. губ.	Разстрѣлянъ.
532. Заславскій, 16 лѣтъ . . .	Попытка освободить арестованнаго.	Зам. безср. кат.
533. Штеймбергъ, мѣщ. 20 л. .	Приговорены 28/I къ повѣш. въ Ригѣ.	Повѣш. 28/II.
534. Задзе, мѣщ. 21 г.		
535. Струнинъ, кочегаръ (Петрунинъ).	Покуш. на убійство коменданта Кушкин. крѣп. Прасолова.	Замѣнена кат.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
536. Пулиховъ, Ив.	Покуш. на убійство минск. губ. Курлова. и полиц. Нарова, къ повѣш. 16/II.	Повѣш. 25/II. Замѣнена кат.
537. Измайловичъ, Анна. . . .		
538. Оксенкрухъ, 20 лѣтъ. . .		
539. Якуновичъ.	Покуш. на убійство окол. надз. въ Вильно.	Замѣнена кат.
540. Баташевъ, раб..	Нанесеніе раны жандарму въ Тулѣ.	Замѣнена кат.
541. Цвѣтковъ, канониръ . . .	Глав. воен. судъ 13/II.	Бѣжалъ.
542. Бушуевъ.	Покуш. на уб-во уф. в.-губ. Келеповскаго (февр.).	Замѣнена кат.
543. Борзинъ, Янъ	Уб-о казака въ Ригѣ.	Казненъ.
544. Джорбжіашвили	Уб-во генер. Грязнова въ Тифлисѣ.	Казненъ 1/III.
545. Окунцовъ, дир. реал. уч.	изд. «Революц. газеты», по 99, 100, 103 п. 3 ст. уг. ул.	Замѣнена кат.
546. Шинкманъ, докторъ . . .		
547. Мирскій, ссыльный. . . .		
548. Неизвѣстная.	Уб-во ген-ад. Сахарова въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
549. Бакмановъ. (Бакшановъ?) раб.	Покуш. на уб-во в. губ. въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
550. Орыма.	Вооруж. напад. на патруль въ Варшавѣ, къ повѣш.	
551. Барышевичъ.		
552. Намиръ	За избраніе его революціонерами волост. старшиною въ Приб. краѣ.	Разстрѣлянъ въ январѣ.
553. Скурчко	Въ Варшавѣ за участіе въ противозаконномъ сообществѣ.	Всѣ разстрѣляны въ январѣ 1906 г.
554. Шпиро.		
555. Криштамъ		
556. Нурцангъ		
557. Кернбайеръ		
558. Грауманъ		
559. Мендзелевскій		
560. Пугачъ.		
561. Игансонъ.		
562. Блуменфельдъ		
563. Глѣбовскій, Ар.	Покуш. на уб-о. стражника.	Замѣнена.
564. Штраусъ.	Агитаторъ.	Повѣшенъ.
565. Лейбъ Вендеръ.	Покуш. на уб-о околоточнаго.	Замѣнена.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
566. Петровъ, Сергѣй	По дѣлу бобруйскаго дисципл. баталіона приговорены къ смертной к. Мартъ 1906 г.	
567. Петровъ, Николай		
568. Кошинъ, Иванъ		
569. Быстровъ, Василій		
570. Сарниковъ, Николай . . .		
571. Гребешковъ, Михаилъ . .		
572. Казанцевъ, Степанъ . . .		
573. Кодырсь, Кодіоръ		
574. Калашниковъ, Ден.		
575. Гуревичъ, Леонидъ . . .		
576. Васильевъ, Ив.		
577. Мочалинъ, Пав.		
578. Ѳедоровъ, Вас.		
579. Тицъ, студ.	Заочно приг. за агитацію въ Приб. краѣ.	
580. Григоровичъ, техникъ . .	Забастовки.	Казн. 2 марта въ 3 ч. дня въ Читѣ.
581. Цупоманъ (Цукерманъ?), пом. нач. ст.		
582. Столяровъ, раб.		
583. Вайнштейнъ, жел.-д. служ.		
584. Кузнецовъ, директ. музея въ Читѣ		Замѣнена кат.
585. Кларкъ, жел.-дор. служ. .		Замѣнена кат.
586. Кривоносенко, мѣщ. . . .		
587. Фабричный, ряд.	За у-во командира батальон. въ Вяткѣ (приг. 8/II).	
588. Шмидтъ, лейт.	Вооруж. возстаніе. 18/II.	Разстрѣляны.
589. Частникъ, кондукт.		
590. Антоненко, командоръ . .		
591. Гладковъ, машин.		
592. } Чекальскіе, братья. . . .	За пок. 21 дек. 1905 г. на уб-о земск. страж. Варш. губ.	Одинъ изъ нихъ казн. въ февр.
593. }		
594. Зерницкій	За уб-о 23/XII 1905 г. зем. стр. въ Заверцъ.	Казненъ 24 фев.
595. Бауманъ, Янъ, кр.	За уб-во городового въ Ригѣ.	
596. Темансъ (Шетантъ?), пр. п.	Заочно къ повѣш. въ Ревелѣ.	Не разысканъ.
597. Пяцъ, тов. гор. головы. .	То же.	
598. Слиндеръ, несоверш. . . .	За пок. на уб-о жанд. въ Вильнѣ.	Не разысканъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
599. Синцкъ	Въ Прибалтійскомъ краѣ.	Изъ этихъ десяти семь разстрѣляны.
600. Саулитъ		
601. Цируль		
602. } Два брата Крапаровскіе		
603. }		
604. Кажоцинъ		
605. Андерсонъ		
606. Яунозоль		
607. Зиланъ		
608. Меднисъ		
609. Замошниковъ	По 51 ст. и 1 ч. 100 ст. угол. улож. (почт. забастовка).	Замѣна каторгой.
610. Хмелевъ		
611. Костылевъ		
612. Андреевскій		
613. Рыбинъ		
614. Бергманъ	По 51 ст. и 3 ч. 102 ст. угол. улож. (участіе въ почтов. союзѣ). Въ Читѣ.	Замѣн. каторг.
615. Розовъ (?)		
616. Дмитріевъ, Іосифъ		
617. Аѳанасьевъ		
618. Мейлунъ		
619. Грековъ		
620. Сосновскій		
621. Богоявленскій		
622. Коротковъ, кр.	Въ Екатеринославѣ за участіе въ сообщ. съ цѣлью ниспроверженія существ. строя.	
623. Жуковъ, рядов. дисц. бат.	Покуш. на уб-о генер.	Замѣнена кат.
624. Финовскій	За нападеніе на патруль въ Люблинѣ.	
625. Боришевскій		
626. Михельсонъ	Стрѣльба въ чиновъ пол., напад. на ювелирн. магазинъ.	Казненъ.
627. Конаржевскій	Выстрѣлъ въ патруль.	Повѣш. въ март.
628. Спекъ	За пок. на уб-о полиц.	Казнены.
629. Бисенокъ	Стрѣльба въ драгуна въ Митавѣ.	
630. Берденниковъ	За уб. надз. въ Томскѣ.	Казненъ 1/III.
631. Земгалъ	За нападеніе на городового въ Ригѣ.	Дѣло кассировано.
632. Іогансонъ, несоверш.		
633. Хойнатскій, Ив.	Разгромъ гминнаго управл. и оскорбленіе порт. Государя.	Повѣшены въ Варшавѣ.
634. Гузинскій, Владиславъ		
635. Случче		Разстрѣл. 6/II.
636. Пумпуръ, учитель	Въ Прибалт. краѣ.	Повѣш. 30/I.
637. Кронбергъ, вол. пис.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
638. Клопи, сыроваръ.	Въ Прибалт. краѣ.	Растрѣляны.
639. Чиче.		
640. Данбергъ, сѣдельникъ . .		
641. Зарницкій		
642. Кабельяни.	Уб-о пристава.	Разстрѣлянъ.
643. Спиридонова..	Уб-о Луженовскаго.	Заменена кат.
644. Коровинъ, фельд.	Дѣло «саперовъ» въ Кіевѣ, къ разстрѣлу, апрѣль 14.	Замѣнена.
645. Квашнинъ,		
646. Рябый, у.-о.		
647. Глонти, несоверш	За уб-о кассира.	Казненъ.
648. Томасъ, кр.	Покуш. на уб-о полиц. въ Варшавѣ въ мартѣ.	
649. Рольникъ, раб..	Вооруж. нападеніе въ Варшавѣ.	
650. Талбанскій.	Покуш. на уб-о полиц.	Разстрѣл. 11/III.
651. Гольдбергъ, кр..	Пок. на уб-о двухъ городовыхъ.	Разстрѣл. 1/II 1906 г.
652. Короткій	За уб-о полиц. и пораненіе полицмейст., Вильна, къ повѣш.	
653. Гордѣевъ, раб.	Въ Верхне-Удинскѣ воен. суд. въ февралѣ.	Повѣш. 12/II.
654. Гольсобель.		Повѣш. 12/II.
655. Медвѣдниковъ, инж.-тех.		Повѣш. 12/II.
656. Малютинскій, машин. . .		Повѣш. 12/II.
657. Пашинскій, нач. стан. . .		Замѣнена кат.
658. Шульцъ		Казненъ 12/II.
659. Микишинъ.		Замѣнена.
660. Носовъ, слесарь		
661. Лиморенко, заур. прап. . .		
662. Жоховъ	За нападеніе на отдѣл. Госуд. Сбер. кассы въ Спб.	
663. Калмыковъ.		
664. Семеновъ.		
665. Третьяковъ.		
666. Кубицкій.		
667. Фидлеръ несовер.	Покуш. на уб-о жанд.	
668. Андерсенъ	Ограб. оруж. магаз. въ Либавѣ.	
669. Ротенбергъ.		
670. Краузе.	Покуш. на уб-о город. въ Ригѣ.	Казненъ.
671. Чигочизде, кр. 17 л. . . .	Уб-о капит.	Замѣнена.
672. Широковъ, инж.	Ст. Тулунъ, Сиб. ж.-д.	
673. Никаноровъ, врачъ		
674. Яроновскій, кр.	Пок. на уб-о солд.	
675. Іанстбелехъ (Гансъ Делехтъ?).	Въ Ревелѣ, разгром. помѣстья и уб-о.	Казненъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
676. Деркачъ	Анархистка; уб-о городъ. въ Одессѣ. Май.	
677. Ментранъ, кр.	Вооруж. сопрот. въ Варшавѣ.	Повѣшенъ.
678. Марковскій, мѣщ.	Риж. воен. судъ за грабежъ.	Казненъ 22/VII.
679. Завіановъ, Ѳед., мѣщ. . .	Одес. воен. суд. за уб-о съ цѣлью граб.	
680. Виндрезе, раб.	102 ст. Уг. Ул. и 279 ст. воен. уст.	Всѣ казнены.
681. Таркней, раб.		
682. Андрей Калей, раб. . . .		
683. Юліусъ Калей, раб. . . .		
684. Зебокъ, раб.		
685. Сиппель, раб.		
686. Мейеръ, раб.		
687. Эринъ (Эрикъ), раб. . . .		
688. Вейландъ 18 л. (учен. эл.-тех. уч.), мѣщ..	Нападеніе на купца съ треб. денегъ.	
689. Эрдельская 29 л., мѣщ. .	Вооруж. сопрот. въ Одессѣ.	
690. Глямже.	3 мая по 279 ст. св. в. п. въ Шавляхъ.	Казн. 27 мая.
691. Фоскрупникъ.		
692. Захарченко.	Вооруж. напад. въ г. Николаевѣ.	Замѣнена.
693. Марчевскій, кр.	Вооруж. сопрот. въ Варшавѣ.	Казненъ 27 мая.
694. Герштейнъ.	Вооруж. напад. въ Одессѣ.	Замѣнена.
695. Добринскій.	Вооруж. сопрот.	
696. Захаровъ 30 л., раб. . . .	Приговорены въ Ригѣ 27 мая.	
697. Шейнбергъ 20 л., раб. . .		
698. Рубинштейнъ 22 л., помощ. провизора.		
699. Верба 22 л., ж. д. служ. .		
700. Грунебергъ 21 г., раб. . .		
701. Озоль 21 г., раб.		
702. Павше 19 л., раб.		
703. Новаковскій, Андр., раб. .	Въ Варшавѣ 26—27 мая за разграбл. гминной кассы.	Замѣнена друг. наказаніемъ.
704. Зейперовичъ, Эд., раб. . .		
705. Доманскій, Алекс., раб. . .		
706. Ярошевскій, Іос., раб. . .		
707. Папай 18 лѣтъ	За убійство.	Казн. 17 іюня.
708. Сигинейшвили, кр..		Казн. въ іюнѣ.
709. Антоновичъ, Робертъ . .	Стрѣльба въ солдатъ. Воен. судъ въ Ригѣ.	
710. Гавриленко, Никол. . . .	Ограбленіе лавки.	Замѣнена.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
439. Бордовскій, миров. судья.	Въ 1885 г. въ Варшавѣ къ повѣшенію.	Повѣшенъ 16 янв. 1886 г.
440. Люри, офицеръ		Замѣн. каторг.
441. Куницкій, быв. студентъ.		Повѣшенъ 16 янв. 1886 г.
442. Шмаусъ, рабочій.		Замѣн. каторг.
443. Петрусинскій, рабочій . .	Дѣло «Пролетаріата»	Повѣшены 16 янв. 1886 г.
444. Оссовскій, рабочій.		
445. Ковалевскій, рабочій . . .	Въ 1886 г. въ Варш. Пок. на уб-о шпіона	Повѣшенъ.
446. Лопатинъ	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ къ повѣшенію.	Замѣнена каторгою.
447. Салово . . . , ...		
448. Ивановъ, Сергѣй.		
449. Стародворскій		
450. Канашевичъ.		
451. Сухомлиновъ		
452. Якубовичъ, П. Ф.		
453. Генераловъ, В., студ. . .	Въ 1887 г. въ С.-Петербургѣ за покушеніе на жизнь Императора Александра III.	Всѣ повѣшены.
454. Осиповъ, В., студ.		
455. Ульяновъ, А., студ.		
456. Андрюшкинъ, П.		
457. Шевыревъ И.		
458. Оржихъ.	Въ 1888 г.	Замѣн. каторг.
459. Зотовъ Н. Л.	Въ 1889 году за вооружен. сопротивл. властямъ.	Повѣшены.
460. Коганъ-Бернштейнъ Л. М.		
461. Гаусманъ А. А.		
462. Гинцбургъ, Софья.	Въ 1890 г.	Замѣн. каторг.
463. Балмашевъ, С.	Убійство министра.	Повѣшены.
464. Лекертъ.	Покуш. на уб-о.	
465. Качуръ	Покуш. на убійство.	Замѣн. катор.
466. Гершуня	Участіе въ боев. орган.	
467. Мельниковъ		

За 1905 годъ.

468. Пиляшекъ, кр.	Въ Варшавѣ.	Замѣн. каторг.
469. Каляевъ, Иванъ	Въ апр. уб-о В. Кн. Сергѣя Александров.	Повѣш. 10 мая.
470. Дейчъ.	За покушеніе на убійство пристава.	Замѣн. каторг.
471. Маньковскій.	6 іюня въ Двинскѣ за покуш. на жизнь полицмейстера.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.
472. Окржея.	11 іюня въ Варшавѣ (бомба въ участокъ).	Повѣшенъ.
473. Зелинскій	За покуш. на убійство окол. надзир.	Оправданъ при вторичномъ разборѣ дѣла.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
474. Евлагинъ.	За убійство тюрем. надзир. и покуш. на уб-о начал. тюрьмы.	
475. Крыжановскій.		
476. Рогачевъ, рядов	За покуш. на уб-о начальн. дисциплинарнаго бат. полковника Давыдова въ г. Херсонѣ.	Разстрѣляны четверо 24/VIII.
477. Пархоменко, рядов.		
478. Ермаковъ, рядов		
479. Бурименко, рядов		
480. Харчукъ, рядов.		Повѣшенъ 6/X.
481. Мочедлоберъ, рядов. . . .	За покуш. на убійство команд. полка 20/VII.	Замѣн. каторг.
482. Сидорчукъ.	За уб-о житом. пристава Куярова; 19/VII.	Повѣш. 20/VIII.
483. Васильевъ, рабоч.	За уб-о окол. надзир.	Замѣн. каторг.
484. Комаровскій.	За нанес. раны город.	Казненъ 20/VIII.
485. Гершковичъ.	За покуш. на убійство пристава Стаховича и дворника 18/VII.	
486. Гурджизде.	За уб-о окол. надзир.	
487. Куликовскій.	За уб-о москов. градонач. гр. Шувалова.	Замѣн. каторг.
488. Тевзадзе, рабоч. 17 лѣтъ.	За уб-о тифлис. кондитера Алихванова.	
489. Николаишвили		
490. Друя, мѣщ.	За покуш. на убійство городового.	
491. Персицъ	За покуш. на уб-во.	Замѣн. катор.
492. Прокопе		
493. Петровъ, матр.	Безпорядки на «Прутѣ» въ Севастополѣ.	Разстрѣляны. 24/VIII.
494. Афименко, матр.		
495. Черный, матр.		
496. Дорофѣевъ.	Безпорядки въ портѣ Александра III. Приговорены 12/VIII въ Либавѣ.	Замѣнена каторжными работами.
497. Шпаковскій		
498. Ткачевъ.		
499. Анненковъ.		
500. Субботинъ.		
501. Лазаревъ.		
502. Тарашевъ.		
503. Колесниковъ.		
504. Каспржакъ, 65 лѣтъ. . . .	Убійство 2-хъ офиц., 2-хъ городовыхъ, въ Варшавѣ.	Повѣш. 26/VIII.
505. Хмельницкій.	За покуш. на убійство солдата въ Варшавѣ.	Повѣш. 28/VIII.
506. Никифоровъ.	Уб-о нач. охран. отд. въ Нижн. Новг.	Повѣш. 12/VIII.
507. Дайнего, матр.	Въ Севастополѣ.	Разстрѣл. 3/IX.
508. Кушуба, матр		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
509. Лаго, 20 лѣтъ.	За пок. на уб-о нѣжинск. пристава Крещаповскаго, 17/IX.	Замѣнена кат.
510. Зьяньянцъ.	За уб-о быв. бакинскаго губерн. кн. Накашидзе.	Замѣнена кат.
511. Майрамовъ.		
512. Саханьянцъ		
513. Артюновъ		
514. Агасеньянцъ, малолѣт. . .		Дѣло направл. къ дослѣдов.
515. Краузе		
516. Алешкеръ	За пок. на уб. город.	Повѣшенъ.
517. Орыма.	За пок. на уб. сыщика	Замѣнена кат.
	За уб-о казака.	Казненъ 30/IX въ Варшавѣ.
518. Саламъ Оглы	За уб-о страж., воор. сопротивл. 25/IX.	
519. Джорджій	Въ Баку 22/IX за уб. околот. надзир.	
520. Лупандинъ рабоч, ...	Вооруж. нападеніе; къ повѣш.	
521. Тахчогло, кандит. естест. наукъ.	Воор. сопротивл.	Замѣнена.

1906 годъ.

522. Соколовъ, инж.	Въ крѣп. Кушка	Приговоръ отмѣненъ.
523. Катинъ, раб.	Уб-о в. г. Богдановича въ Тамбовѣ.	Казнены.
524. Кузнецовъ, кр.		
525. Розенцвейгъ	Въ Варшавѣ, за принадлежность къ боевой организаціи анархистовъ коммунистовъ.	Разстрѣл. 3/I.
526. Гольшаинъ		
527. Рифкиндъ		
528. Шаеръ		
529. Пфеферъ		
530. Марковскій	За убійство начал. жел.-дор. станціи въ Люблинѣ.	Разстрѣлянъ.
531. Озоль, владѣлецъ книжной лавки	По приг. воен. суда въ Венденѣ, Лифл. губ.	Разстрѣлянъ.
532. Заславскій, 16 лѣтъ . . .	Попытка освободить арестованнаго.	Зам. безср. кат.
533. Штеймбергъ, мѣщ. 20 л. .	Приговорены 28/I къ повѣш. въ Ригѣ.	Повѣш. 28/II.
534. Задзе, мѣщ. 21 г.		
535. Струнинъ, кочегаръ (Петрунинъ).	Покуш. на убійство коменданта Кушкин. крѣп. Прасолова.	Замѣнена кат.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
536. Пулиховъ, Ив.	Покуш. на убійство минск. губ. Курлова. и полиц. Нарова, къ повѣш. 16/II.	Повѣш. 25/II. Замѣнена кат.
537. Измайловичъ, Анна. . . .		
538. Оксенкрухъ, 20 лѣтъ. . .		
539. Якуновичъ.	Покуш. на убійство окол. надз. въ Вильно.	Замѣнена кат.
540. Баташевъ, раб..	Нанесеніе раны жандарму въ Тулѣ.	Замѣнена кат.
541. Цвѣтковъ, канониръ . . .	Глав. воен. судъ 13/II.	Бѣжалъ.
542. Бушуевъ.	Покуш. на уб-во уф. в.-губ. Келеповскаго (февр.).	Замѣнена кат.
543. Борзинъ, Янъ	Уб-о казака въ Ригѣ.	Казненъ.
544. Джорбжіашвили	Уб-во генер. Грязнова въ Тифлисѣ.	Казненъ 1/III.
545. Окунцовъ, дир. реал. уч.	изд. «Революц. газеты», по 99, 100, 103 п. 3 ст. уг. ул.	Замѣнена кат.
546. Шинкманъ, докторъ . . .		
547. Мирскій, ссыльный. . . .		
548. Неизвѣстная	Уб-во ген-ад. Сахарова въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
549. Бакмановъ. (Бакшановъ?) раб.	Покуш. на уб-во в. губ. въ Саратовѣ.	Замѣнена кат.
550. Орыма.	Вооруж. напад. на патруль въ Варшавѣ, къ повѣш.	
551. Барышевичъ.		
552. Намиръ	За избраніе его революціонерами волост. старшиною въ Приб. краѣ.	Разстрѣлянъ въ январѣ.
553. Скурчко	Въ Варшавѣ за участіе въ противозаконномъ сообществѣ.	Всѣ разстрѣляны въ январѣ 1906 г.
554. Шпиро.		
555. Криштамъ		
556. Нурцангъ		
557. Кернбайеръ		
558. Грауманъ		
559. Мендзелевскій		
560. Пугачъ.		
561. Игансонъ.		
562. Блуменфельдъ		
563. Глѣбовскій, Ар.	Покуш. на уб-о. стражника.	Замѣнена.
564. Штраусъ.	Агитаторъ.	Повѣшенъ.
565. Лейбъ Вендеръ.	Покуш. на уб-о околоточнаго.	Замѣнена.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
566. Петровъ, Сергѣй	По дѣлу бобруйскаго дисципл. баталіона приговорены къ смертной к. Мартъ 1906 г.	
567. Петровъ, Николай		
568. Кошинъ, Иванъ		
569. Быстровъ, Василій		
570. Сарниковъ, Николай . . .		
571. Гребешковъ, Михаилъ . .		
572. Казанцевъ, Степанъ . . .		
573. Кодырсь, Кодіоръ		
574. Калашниковъ, Ден.		
575. Гуревичъ, Леонидъ . . .		
576. Васильевъ, Ив.		
577. Мочалинъ, Пав.		
578. Ѳедоровъ, Вас.		
579. Тицъ, студ.	Заочно приг. за агитацію въ Приб. краѣ.	
580. Григоровичъ, техникъ . .	Забастовки.	Казн. 2 марта въ 3 ч. дня въ Читѣ.
581. Цупоманъ (Цукерманъ?), пом. нач. ст.		
582. Столяровъ, раб.		
583. Вайнштейнъ, жел.-д. служ.		
584. Кузнецовъ, директ. музея въ Читѣ		Замѣнена кат.
585. Кларкъ, жел.-дор. служ. .		Замѣнена кат.
586. Кривоносенко, мѣщ. . . .		
587. Фабричный, ряд.	За у-во командира батальон. въ Вяткѣ (приг. 8/II).	
588. Шмидтъ, лейт.	Вооруж. возстаніе. 18/II.	Разстрѣляны.
589. Частникъ, кондукт.		
590. Антоненко, командоръ . .		
591. Гладковъ, машин.		
592. } Чекальскіе, братья. . . .	За пок. 21 дек. 1905 г. на уб-о земск. страж. Варш. губ.	Одинъ изъ нихъ казн. въ февр.
593. }		
594. Зерницкій	За уб-о 23/XII 1905 г. зем. стр. въ Заверцъ.	Казненъ 24 фев.
595. Бауманъ, Янъ, кр.	За уб-во городового въ Ригѣ.	
596. Темансъ (Шетантъ?), пр. п.	Заочно къ повѣш. въ Ревелѣ.	Не разысканъ.
597. Пяцъ, тов. гор. головы. .	То же.	
598. Слиндеръ, несоверш. . . .	За пок. на уб-о жанд. въ Вильнѣ.	Не разысканъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
599. Синцкъ	Въ Прибалтійскомъ краѣ.	Изъ этихъ десяти семь разстрѣляны.
600. Саулитъ		
601. Цируль.		
602. } Два брата Крапаровскіе .		
603.		
604. Кажоцинъ		
605. Андерсонъ		
606. Яунозоль.		
607. Зиланъ.		
608. Меднисъ		
609. Замошниковъ	По 51 ст. и 1 ч. 100 ст. угол. улож. (почт. забастовка).	Замѣна каторгой.
610. Хмелевъ		
611. Костылевъ.		
612. Андреевскій		
613. Рыбинъ		
614. Бергманъ.	По 51 ст. и 3 ч. 102 ст. угол. улож. (участіе въ почтов. союзѣ). Въ Читѣ.	Замѣн. каторг.
615. Розовъ (?)		
616. Дмитріевъ, Іосифъ		
617. Аѳанасьевъ.		
618. Мейлунъ.		
619. Грековъ		
620. Сосновскій.		
621. Богоявленскій		
622. Коротковъ, кр.	Въ Екатеринославѣ за участіе въ сообщ. съ цѣлью ниспроверженія существ. строя.	
623. Жуковъ, рядов. дисц. бат.	Покуш. на уб-о генер.	Замѣнена кат.
624. Финовскій	За нападеніе на патруль въ Люблинѣ.	
625. Боришевскій.		
626. Михельсонъ	Стрѣльба въ чиновъ пол., напад. на ювелирн. магазинъ.	Казненъ.
627. Конаржевскій	Выстрѣлъ въ патруль.	Повѣш. въ март.
628. Спекъ	За пок. на уб-о полиц.	Казнены.
629. Бисенокъ.	Стрѣльба въ драгуна въ Митавѣ.	
630. Берденниковъ.	За уб. надз. въ Томскѣ.	Казненъ 1/III.
631. Земгалъ.	За нападеніе на городового въ Ригѣ.	Дѣло кассировано.
632. Іогансонъ, несоверш. . . .		
633. Хойнатскій, Ив.	Разгромъ гминнаго управл. и оскорбленіе порт. Государя.	Повѣшены въ Варшавѣ.
634. Гузинскій, Владиславъ . .		
635. Случче		Разстрѣл. 6/II.
636. Пумпурь, учитель	Въ Прибалт. краѣ.	Повѣш. 30/I.
637. Кронбергъ, вол. пис. . . .		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
638. Клопи, сыроваръ.	Въ Прибалт. краѣ.	Растрѣляны.
639. Чиче.		
640. Данбергъ, сѣдельникъ . .		
641. Зарницкій		
642. Кабельяни.	Уб-о пристава.	Разстрѣлянъ.
643. Спиридонова..	Уб-о Луженовскаго.	Заменена кат.
644. Коровинъ, фельд.	Дѣло «саперовъ» въ Кіевѣ, къ разстрѣлу, апрѣль 14.	Замѣнена.
645. Квашнинъ,		
646. Рябый, у.-о.		
647. Глонти, несоверш	За уб-о кассира.	Казненъ.
648. Томасъ, кр.	Покуш. на уб-о полиц. въ Варшавѣ въ мартѣ.	
649. Рольникъ, раб..	Вооруж. нападеніе въ Варшавѣ.	
650. Талбанскій.	Покуш. на уб-о полиц.	Разстрѣл. 11/III.
651. Гольдбергъ, кр..	Пок. на уб-о двухъ городовыхъ.	Разстрѣл. 1/II 1906 г.
652. Короткій	За уб-о полиц. и пораненіе полицмейст., Вильна, къ повѣш.	
653. Гордѣевъ, раб.	Въ Верхне-Удинскѣ воен. суд. въ февралѣ.	Повѣш. 12/II.
654. Гольсобель.		Повѣш. 12/II.
655. Медвѣдниковъ, инж.-тех.		Повѣш. 12/II.
656. Малютинскій, машин. . .		Повѣш. 12/II.
657. Пашинскій, нач. стан. . .		Замѣнена кат.
658. Шульцъ		Казненъ 12/II.
659. Микишинъ.		Замѣнена.
660. Носовъ, слесарь		
661. Лиморенко, заур. прап. . .		
662. Жоховъ	За нападеніе на отдѣл. Госуд. Сбер. кассы въ Спб.	
663. Калмыковъ.		
664. Семеновъ.		
665. Третьяковъ.		
666. Кубицкій.		
667. Фидлеръ несовер.	Покуш. на уб-о жанд.	
668. Андерсенъ	Ограб. оруж. магаз. въ Либавѣ.	
669. Ротенбергъ.		
670. Краузе.	Покуш. на уб-о город. въ Ригѣ.	Казненъ.
671. Чигочизде, кр. 17 л. . . .	Уб-о капит.	Замѣнена.
672. Широковъ, инж.	Ст. Тулунъ, Сиб. ж.-д.	
673. Никаноровъ, врачъ		
674. Яроновскій, кр.	Пок. на уб-о солд.	
675. Іанстбелехъ (Гансъ Делехтъ?).	Въ Ревелѣ, разгром. помѣстья и уб-о.	Казненъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
676. Деркачъ	Анархистка; уб-о город. въ Одессѣ. Май.	
677. Ментранъ, кр.	Вооруж. сопрот. въ Варшавѣ.	Повѣшенъ.
678. Марковскій, мѣщ.	Риж. воен. судъ за грабежъ.	Казненъ 22/VII.
679. Завіановъ, Ѳед., мѣщ. . .	Одес. воен. суд. за уб-о съ цѣлью граб.	
680. Виндрезе, раб.	102 ст. Уг. Ул. и 279 ст. воен. уст.	Всѣ казнены.
681. Таркней, раб.		
682. Андрей Калей, раб. . . .		
683. Юліусъ Калей, раб. . . .		
684. Зебокъ, раб.		
685. Сиппель, раб.		
686. Мейеръ, раб.		
687. Эринъ (Эрикъ), раб. . . .		
688. Вейландъ 18 л. (учен. эл.-тех. уч.), мѣщ.	Нападеніе на купца съ треб. денегъ.	
689. Эрдельская 29 л., мѣщ. .	Вооруж. сопрот. въ Одессѣ.	
690. Глямже.	3 мая по 279 ст. св. в. п. въ Шавляхъ.	Казн. 27 мая.
691. Фоскрупникъ.		
692. Захарченко.	Вооруж. напад. въ г. Николаевѣ.	Замѣнена.
693. Марчевскій, кр.	Вооруж. сопрот. въ Варшавѣ.	Казненъ 27 мая.
694. Герштейнъ.	Вооруж. напад. въ Одессѣ.	Замѣнена.
695. Добринскій.	Вооруж. сопрот.	
696. Захаровъ 30 л., раб. . . .	Приговорены въ Ригѣ 27 мая.	
697. Шейнбергъ 20 л., раб. . .		
698. Рубинштейнъ 22 л., помощ. провизора.		
699. Верба 22 л., ж. д. служ. .		
700. Грунебергъ 21 г., раб. . .		
701. Озоль 21 г., раб.		
702. Павше 19 л., раб.		
703. Новаковскій, Андр., раб. .	Въ Варшавѣ 26—27 мая за разграбл. гминной кассы.	Замѣнена друг. наказаніемъ.
704. Зейперовичъ, Эд., раб. . .		
705. Доманскій, Алекс., раб. . .		
706. Ярошевскій, Іос., раб. . .		
707. Папай 18 лѣтъ	За убійство.	Казн. 17 іюня.
708. Сигинейшвили, кр.		Казн. въ іюнѣ.
709. Антоновичъ, Робертъ . .	Стрѣльба въ солдатъ. Воен. судъ въ Ригѣ.	
710. Гавриленко, Никол. . . .	Ограбленіе лавки.	Замѣнена.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
711. Купринъ, Тих.	Приговор. 18 іюня въ Кременчугѣ.	
712. Гольденбергъ.	Покуш. на убійство город. въ Ревелѣ.	
713. Кочаровскій, С.	19 іюня въ Варшавѣ за уб-о.	
714. Осташевскій	Ограбленіе усадьбы Варшавскій военн. судъ въ іюнѣ.	
715. Онихомицъ		
716. Боровскій, Осипъ		
717. Боровскій, Ив.		
718. Савицкій		
719. Калиновскій		
720. Файбисякъ (Гайбишакъ) .	Въ Варшавѣ въ іюнѣ за убійство стражниковъ.	
721. Ниммельманъ (Киммельманъ)		
722. Пудловскій (Подловскій) .		
723. Чечкинъ (Чичкинъ) . . .	Въ Одессѣ въ іюнѣ за вооруж. нападеніе.	
724. Лебеевъ (Лодѣевъ?) . . .		
725. Менцганъ		
726. Гештъ (Геччъ)		
727. Шуманъ, Петръ, кр. . . .	Покуш. на убійство казака Ревел. воен. с.	
728. Воицеховскій	28 іюня въ Варшавѣ за уб-о нач. Ново-Минск. уѣзда Юнацкевича.	
729. Шуба		
730. Яворскій		
731. Шалиборскій.		
732. Пирункевичъ		
733. Вольчевскій, мѣщ.	Варшава воор. нап. на вин. лавку 23 іюн.	
734. Саулытъ, Март. 63 л., кр..	Въ Митавѣ по 279 ст. св. в. п.	
735. Зѣдыня, Петръ, 53 л., кр..		
736. Рушанъ Петръ, 34 л., кр..		
737. Эзерна Як., 33 л. кр.. . .		
738. Алманъ Ив., 18 л.		
739. Курнигъ	Уб-о. Осужд. 14 іюля въ Митавѣ.	
740. Агамовъ	Въ Баку за уб-о городового.	
741. Даніэльянцъ		
742. Почаровскій, кр.	*) Варш. Уб-о страж.	
743. Зиминъ, матросъ.	Возстаніе матросовъ въ Севастополѣ.	Замѣнена.
744. Коссосимовъ, матросъ . .		
745. Кудыновскій, » . .		
746. Рыбалка, » . .		

*) Намъ неизвѣстны имена 26 писарей казаковъ Забайкальскаго полка, приговоренныхъ къ см. каз. за освобожденіе матросовъ съ Прута и имена 9 нижнихъ чиновъ, приговор. на ст. Евгеніевка, Уссур. ж. д.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
747. Емельяновъ, подпор. 27 л. 748. Коханскій, подпор. 21 года. 749. Дѣтининъ Терен., нестр. 750. Тихоновъ Вас., фейерв. . 751. Ивановъ, Мак., » . . 752. Герасимовъ Петръ, фейерв. 753. Виноградовъ Вас., фейерв.	Возстаніе въ Свеаборгѣ. Военный судъ въ Свеаборгѣ 28 іюля.	Всѣ разстрѣляны 29 іюля въ 11 ч. дня.
754. Цируля. . . . . . 755. Ровенхевдъ	28 іюля въ Митавѣ.	
756. Самойленко, у.-о. . . . . . 757. Нога, солдатъ. . . . . . 758. Голубятниковъ, солд. . . 759. Яковенко, солд. . . . . . 760. Чаусовъ, солд.	Возстаніе въ Самурскомъ полку. Судъ въ Дешлагарѣ 30 іюля.	Всѣ казнены 1 августа въ 4 ч. дня.
761. Галкинъ, раб.	Пок. на уб-о. Судъ въ С.-Петерб.	
762. *) Ивановъ, студ. . . . . . 763. Теръ-Мкрціанцъ (Теръ-Мкерчанцъ), студ. . . . . . 764. Кононовъ, крестьян. . . . 765. Дорошенко, ун.-оф. . . . . 766. Герасимовъ, ун.-оф. . . . 767. Виноградовъ, рядов. . . . 768. Текатовъ, рядов.. . . . . . 769. Филипповъ, рядов. . . . . 770. Симченовъ, рядов. . . . . 771. Рюмаевъ, рядов.	Возстаніе въ Кронштадтѣ. Приговорены 6 авг.	Всѣ казнены 7 авг. въ 5 ч. утра.
772. Рудановскій, прапор. (**)	Вооруж. напад. Пригов. 10 авг. въ Кіевѣ.	
773. Гордъ.	Уб-о. Приг. 11 авг. въ Митавѣ.	
774. Прокозевъ, крест. . . . . . 775. Пиневичъ, мѣщ.	Ограб. винной лавки. Осуждены въ Кіевѣ 11 авг.	
776. Якобсонъ . . . . . . 777. Зекке . . . . . . 778. Штрауфманъ	Разгромъ вол. правленія. Приг. въ Митавѣ; авг.	
779. Качеровскій, садов. . . .	Варшава, уб-о стражника.	
780. Рымша, кр.	Одесса.	Замѣн.
781. Прокофьевъ	Кіевъ, 11 іюля.	

*) Въ Ревелѣ по дѣлу возстанія на «Памяти Азова» приговорено и 5 авг. казнено 17 матросовъ и 1 агитаторъ.

**) Въ Свеаборгѣ 17 авг. приговорено къ см. к. 19 солдатъ и 3 штатскихъ. См. к. замѣнена другими наказаніями.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
782. Гольдбергъ..	Юрьевъ, в. о. с. 11 авг. пок. на уб-о.	
783. Ларіоновъ	Одесса, уб-о.	Замѣн.
784. Крумингъ	Митава, уб-о помощ. старшины в. пол. с.	26 ав. разстр.
785. Спарбергъ ст.		
786. Спарбергъ мл.		
787. Коноплянникова, З. . . .	Спб., уб-о командира Семеновскаго полка г.-м. Мина.	29 ав. каз. въ Шлис. крѣп.
788. Шакерманъ, мѣщ. 19 л. . .	Одесса, 28 ав. бросили бомбу.	Казненъ.
789. Мельбардъ.	Рига, 29 авг. грабежъ.	Казнены.
790. Арманьевъ		
791. Широнъ	Рига, уб-о урядника.	Казнены.
792. Шульмейстеръ от.		
793. Шульмейстеръ сынъ . . .		
794. Мазуринъ, Вл., студ.. . .	Москва, воор. сопр.	1 сен. 4 ч. у. повѣш.
795. Смоленскій	Бѣлая Церковь, нападеніе, на банкъ.	1 сен. 3 ч. ночи разстр.
796. Пашковскій		
797. Знодсъ (Знатсъ)	Митава, 2 сент. за ограбленіе, къ повѣш.	
798. Берзигъ (Берзингъ). . . .		
799. Пентъ.	Феллинъ, воор. сопр.	2. сент. разстр.
800. Линдебергъ..		
801. Звѣревъ, раб. 19 л.	Москва, воор. сопр.	3/IX повѣш.
802. Бржеснякъ, С.	Варшава., напад. на вин. лавку.	3 сент. повѣш.
803. Рудницкій, Ш.	Варшава., пок. на уб-о околоточнаго.	
804. Озоль, раб.	Добленъ, револ.	3/IX разстр.
805. Жадановскій, подп. . . .	Кіевъ, бунтъ саперовъ.	Замѣнена.
806. Сермолинъ	Митава, револ.	5 сент. разстр.
807. Силингъ.	Митава, терр.	
808. Яковлевъ, Ив., фельд. . .	Свеаборгъ, возстаніе.	Всѣ осужденные разстр.
809. Кузинъ.		
810. Неня (Навалъ).		
811. Кульбаковъ.		
812. Ягненковъ		
813. Роговицкій.		
814. Муравьевъ..		
815. Назаровъ.		
816. Парфеновъ.		
817. Елизаровъ.		
818. Цеховскій.		
819. Ермохинъ		
820. Николайчукъ.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
821. Татарченко.		
822. Соловьевъ		Всѣ осужденные разстр.
823. Большаковъ		
824. Сонцевичъ		
825. Типайнъ	Фастенъ, экспр.	6/IX разстр.
826. Тарло, Л., несовер.	Одесса, воор. сопр.	7/IX 12 ч. дня разстр.
827. Лепинъ.	Фастенъ.	
828. Цаба (Цабой).	Кѣльцы.	8/IX разстр.
829. Главацкій.		
830. Морозовъ 19л.		
831. Волковъ 20 л.	Москва, экспропр.	9/IX всѣ повѣш.
832. Смирновъ 21 г.		
833. Гавриловъ 20 л.		
834. Помогайбушкинъ.	Маріуполь, экспр.	9/IX разстр.
835. Богдановъ, кр.	Спб., уб-о город.	
836. Гуральчикъ, Я.	Варшава, разбой.	12/IX повѣш.
837. Стародубцевъ, ефр. . . .		
838. Крюковъ, ефрейт.	Вильно, декабр. возстаніе. 1905 г. на ст. Барановичи.	10 сент. разстр.
839. Фурманскій, писарь . . .		
840. Видешинъ, сол.		
841. Валигура.		
842. Болрицкій		
843. Кубацкій	Кѣльцы.	11/IX всѣ раз.
844. Москаль		
845. Мишталь.		
846. Неизвѣстный.		
847. Чернопатовъ	Луганскъ.	
848. Шарапъ, кр.	Кіевъ, уб-о пристава.	Замѣнена.
849. Грачевъ, раб.	Москва.	12/IX на разсвѣтѣ повѣш.
850. Гитисъ.		
851. Чичкинъ	Одесса, воен. о. с. 12/X.	Замѣнены.
852. Мелиштинъ.		
853. Вобеевъ.		
854. Васильевъ, Викт.	Спб., уб-о ген. Козлова.	Шлис. крѣп. 19/IX казн. въ
855. Запольскій.	Пермь, уб-о 2 казаковъ.	
856. Левковичъ.	Бендуинъ, воор. сопр. Приб. край.	13/IX разстр.
857. Гоба.		
858. Кинитъ		
859. Якобсонъ	Кіевъ, в. о. с. 15XI пок. на уб-о городового.	
860. Тедзинскій., Ив., раб. . .	Спб., уб-о городов.	
861. Покотиловъ., И. 17 л. . .	Одесса, уб-о директора фабрики.	22/IX казн.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
862. Бахъ.	Кѣльцы, грабежъ.	15/IX на разсв. казнены.
863. Беньямовичъ.		
864. Тененбаумъ.		
865. Адамусъ.	Рига, бросили бомбу въ вагонъ трамвая.	15/IX повѣш.
866. Дебальскій.		
867. Дуба., О.	Кѣльцы, экспр. уб-о.	16/IX на разсв. разстр.
868. Врона., Ф.		
869. Киладзе.	Батумъ, ограбл.	Замѣнена.
870. Фридриховскій.	Варшава, воор. напад.	17/IX казн.
871. Линторъ.	Ревель, экс.	18/IX разстр.
872. Вышинскій, С.	Варшава, тер.	18/IX повѣш.
873. Скутельминъ.	Саратовъ., рана нач. тюрьмы.	
874. 19 матросовъ.	Кронштадтъ., возстаніе, къ разстрѣлу.	Приг. утв. Ген. Адлербергомъ. Всѣ казн. 21/IX 6 ч. утра.
875. Рудановскій	Кіевъ.	19/IX повѣш.
876. Прокофьевъ		
877. Пиневичъ		
878. Пракадзе ст.	Кутаисъ, воор. сопр.	
879. Пракадзе мл.		
880. Бонковскій.	Кѣльцы.	Всѣ казнены.
881. Шукевичъ.		
882. Малиновскій		
883. Брахманъ	Митава, уб-о.	
884. Фрейманъ		
885. Руттъ	Калишъ, воор. напад.	
886. Жуковскій.	Варшава, напад. на вин. лавки.	Казнены.
887. Ткачикъ.		
888. Бропуръ		
889. Литвинскій.		
890. Голошвили.	Благовѣщенскъ, уб-о.	
891. Басовъ.	Екатеринославъ, экспропр.	21/IX 6 ч. утра казнены.
892. Николайчикъ	Гарволиь, экспр.	22/IX казн.
893. Посапъ, кр.	Холмъ, экспр.	
894. Пелите, Я.	Митава.	
895. Адамовичъ.	Митава, терр.	
896. Грингофъ.		
897. Крушкись	Сосвегенъ.	
898. Дейгель	Перновъ, экспр.	23/IX казн.
899. Иласскій.		
900. Адамсонъ		
901. Пироговъ, студ.	Москва, воор. сопрот.	Казненъ.
902. Шонія.	Зугдиды, воор. сопр.	
903. Серадзе.	Тифлисъ, ограбленіе.	29/IX казн.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
904. Смургисъ. (*)	Рига, нѣсколько воор. граб.	Замѣнена.
905. Нетте. (*)		Казнены 27/IX 4 ч. утра.
906. Красовскій. (*)		
907. Дрейманъ. (*)		
908. Бокисъ.	Приб. край.	Всѣ разстр.
909. Чуль 17 л.		
910. Берзинъ 15 л.		
911. Кажакъ 15 л.		
912. Мезисъ		
913. Вдовиченко	Варшава, воор. напад. на чиновъ полиціи.	24/IX разстр.
914. Ферепсъ.		
915. Чубашекъ	Варшава, экспр., воор. сопротивленіе.	24/IX разстр.
916. Кригеръ	Гарволинъ, вооруж. граб.	24/IX повѣш.
917. Тарасовъ.	Москва.	24/IX повѣш.
918. Кварая, Н.	Зугдиды, экспр.	25/IX разстр.
919. Наковскій (Паковскій) . .	Варшава, уб-о околот.	26/IX разстр.
920. Серанскій (Сперанскій) .	Гарволинъ.	6 ч. ут. казн.
921. Примецъ	Ревель.	6 ч. ут. казн.
922. Іобидзе	Кутаисъ.	26/IX казн.
923. Турарелидзе		
924. Плешкевичъ	Благовѣщенскъ, уб-о часовщика.	
925. Евеѣевъ		
926. Рябовъ		
927. Юдина		
928. Домбровскій	Варшава, уб-о город.	
929. Пекола (Пенкаля) 21 г. .	Лодзь.	Всѣ казнены. 27/IX $6^1/_2$ ч у.
930. Марчевскій 40 л. (Гомичевскій) 38 л.		
931. Кощорка (Косіорекъ) . .		
932. Вехно 39 л.		
933. Галишевскій 40 л. (Гомшевскій)		
934. Бембасъ, Іосифъ.	Бендинъ.	
935. Супернакъ, Францъ . . .		
936. Запонцъ, О.		
937. Енбрушекъ, Теоф.		
938. Калашниковъ, раб. . . .	Спб., ранилъ дневальнаго.	
939. Калина, кр. 17 л.	Кіевъ, уб-о урядника.	
940. Калишевскій 19 л. . . .	Лодзь, терр.	

*) При первомъ разборѣ дѣла были трое оправданы и двое приговорены къ катор. раб.
(*) Воен. пол. с. во Владивостокѣ приговоренъ 5 къ с. к. за ограбленіе Сибирскаго банка, въ Черновѣ двоихъ, Тальсенскомъ уѣздѣ за бунтъ 8, въ Бахмутѣ 6.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
941. Страутманъ	Либава, нападен. на волост. правленіе.	28 сент. казн.
942. Якобсонъ		
943. Зекке		
944. Свіонтословскій	Ленчицъ, экспр.	8 ч. 50 м. у.
945. Павлюкъ		8 ч. 50 м. у.
946. Вальденгеймъ	Рига, уб-о город.	Казн. **
947. Шпринкъ		
948. Мозеръ	Рига (Дубны.)	27/IX казн.
949. Капуснякъ.	Кіевъ. экспропр.	Казнен. 2 окт.
950. Схиладзе	Квириллы.	Казнены.
951. Тапатадзе		
952. Гуджабидзе	Тифлисъ вооружен. сопротивл.	Казненъ.
953. Рейнгольдъ	Либава, воор. напад.	Казненъ 11/X.
954. Папендикъ, мѣщ.	Елисаветградъ, террористъ.	Казненъ 11/X.
955. Кальни	Рига, экспропріат.	Разстрѣл. 12/X 4 ч. дня.
956. Арбуль.		
957. Пилютъ Гаилитъ.	Рига, вооруж. граб.	Казнены.
958. Озоль . (Озолинъ)		
959. Лусъ (Хусъ)		
960. Піотровскій, раб.	Екатеринославъ	
961. Киселевъ, раб.		
962. Алтуковъ.	Таганрогъ, экспропр.	Казнены.
963. Корниловъ.		
964. Ольшевскій (Бальшевскій)	Варшава, воор. сопр.	Разстрѣл. /IIX.
965. Бляховичъ (Кляховичъ). .		
966. Гржибовскій.		
967. Кирштейнъ	Перновъ, уб-о урядника.	Разстрѣляны.
968. Кульбергъ.		
969. Тройласъ (Трейлибъ) . .		
970. Линневарденъ		
971. Хухзикъ.	Люблин. уѣздъ.	Разстрѣляны.
972. Ривка		
973. Неизвѣстный.	Севастополь, убійств. аген. сыскн. пол.	Казн. 15 окт.
974. Горилашвили	Тифлисъ, уб-о чиновника.	Казненъ.
975. Нойгонойридзе	Кутаисъ, воор. напад.	Разстрѣл. 13/X.
976. Аренсбергъ несоверш.* .	Митава, покуш. на уб-о городового.	Разстрѣлянъ.
977. Гринбергъ.	Ташкентъ, уб-о.	Замѣненъ.
978. Джангджау	Сухумъ, воор. напад.	Казненъ.

(**) Былъ приговоренъ къ повѣшанію, но разстрѣлянъ за ненахожденіемъ палача.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
979. Венедиктова, А.		
980. Тобилевичъ, Вяч.. . . .	Кронштадтъ, приготовлен. къ взрыву.	Казнены.
981. Мамаева, Ан.		
982. Власовъ, рядов.		
983. Игнатовъ, Алексѣй, ряд.		
984. Тополь ко(Соловьевъ), В.	Спб., ограб. молоч.	Казненъ.
985. Сергѣй.		
986. Цуконь Рабиновичъ . .		
987. Эйхенбаутъ, Евгеній . .		
988. Мишинъ, Ив.	Спб., вооруж. нападеніе въ Фонарномъ пѣреулкѣ.	Всѣ казнены.
989. Кочетковъ, Ал. (онъ же Розенбергъ)		
990. Толмачевъ, Ив.		
991. Голубевъ, Сер.		
992. Дорофѣевъ, Пав.		
993. Домчукъ	Дубно, уб-о.	Разстрѣляны.
994. Ткачукъ		
995. Анскальнъ..	Тукумъ, революц.	Разстрѣлянъ.
996. Макаровъ	Вильна, по 279 св. в. п.	
997. Петруцъ..	Рига, нанес. ранъ городовому.	Казнены.
998. Титовъ (Китовъ)		
999. Лыжво, кр..	Кѣльцы.	Казненъ.
1000. Лавдонскій, кр..	Рига.	Разстрѣлянъ.
1001. Фирсановъ, Лука.. . . .		
1002. Малиновскій, Ник. . . .		
1003. Сироткинъ, Ив.	Ростовъ, на - Дону, вооруж. напад.	3 октяб. всѣ разстрѣляны.
1004. Шварцкопфъ.		
1005. Хоттъ		
1006. Штабельскій.		
1007. Калинъ	Кіевъ, покуш. на уб-о пристава.	Замѣнена.
1008. Палонскій	Житомиръ, бросилъ бомбу.	Замѣнена.
1009. Короткій..	Екатеринославль, ограб. винной лавки.	Разстрѣл. 23/x.
1010. Клоссъ, Стан.	Варшава, уб-о	24 окт. разстр.
1011. Анфиловъ	Екатеринославль, экспропр.	
1012. Абрушевичъ		
1013. Яклевичъ	Варшава, ограб. винной лавки.	Разстрѣл. 24/x.
1014. Сурда		
1015. Шамай (Шалай).	Минскъ, ограбленіе.	Повѣшенъ.
1016. Жанжоловъ.	Тифлисъ, экспропр.	Разстрѣлянъ.
1017. Левинъ 17 л		
1018. Іоффе 16 л.	Рига.	Всѣ казнены.
1019. Шафронъ (Шафремъ) 17 л.		
1020. Силинъ (Сибинъ) 19 л. .		
1021. Подзинъ.		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1022. Осиповъ 19 л.	Кутаисъ Квириллы.	Казнены.
1023. Саихорадзе.		
1024. Гвеселіани.		
1025. Завьялова, Марія.	Одесса, покуш. на уб-о городового.	Замѣнена.
1026. Юргенсонъ.	Рига, нападеніе на городового.	Разстрѣлянъ.
1027. Яблонскій	Калишъ, уб-о.	Разстрѣлянъ.
1028. Меликанъ	Тифлисъ, воор. нападеніе.	Разстрѣлянъ.
1029. Зейманъ.	Венденъ, 26 окт. за воор. напад.	Всѣ разстрѣл.
1030. Дренингъ (Древингъ) ст.		
1031. Дренингъ мл.		
1032. Смургисъ		
1033. Беркгольцъ		
1034. Зарингъ (Саррингъ)		
1035. Михельсонъ		
1036. Каспржакъ	Сосновицы, воор. нападеніе.	Разстрѣлянъ.
1037. Піорункевичъ	Варшава, уб-о (этотъ смертн. приговоръ. былъ кассированъ и при вторичномъ разборѣ Піорункевичъ оправданъ, остальные приговорены къ каторгѣ).	
1038. Вайцеховскій.		
1039. Яворскій.		
1040. Шуба		
1041. Шамборскій		
1042. Фоменко, раб.	Полтава, покуш. на уб-о.	Казненъ.
1043. Сковронскій	Лодзь, стрѣльба въ потруль.	
1044. Котелокъ.	Вильна, уб-о стражника, къ повѣш.	
1045. Осаковскій.		
1046. Шухтовичъ		
1047. Шварцъ		
1048. Войнарскій.	Кіевъ.	
1049. Варгеникъ.		
1050. Новекъ.	Горволинъ, экспр.	Казнены 3 окт.
1051. Прочекъ		
1052. Цехлякъ.	Варшава, экспр.	Разстрѣл. 3 окт.
1053. Вознякъ.		
1054. Авегикянцъ.	Эривань, покуш. на уб-о часового.	Разстрѣлянъ.
1055. Якобсонъ	Кіевъ, къ повѣш.	Разстрѣл. 30/х.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1056. Свадовскій	Иркутскъ, безпорядки въ тюрьмѣ, уб-о смотрителя.	Всѣ казнены.
1057. Смагинъ		
1058. Сѣдыхъ		
1059. Парашинъ		
1060. Калѣевъ		
1061. Бѣленькій	Кіевъ, вооруж. нападеніе.	
1062. Мариничъ		
1063. Коршунъ, раб.	Иркутскъ, покуш. на Ренненкампфа.	Казненъ.
1064. Кренгель	Рига, Тукумское возстаніе.	Повѣшены.
1065. Липпе		
1066. Виркманъ (Брикманъ) .		
1067. Багратъ ст.	Тифлисъ, воор. нападеніе.	Растрѣляны.
1068. Багратъ мл.		
1069. Меликовъ		
1070. Болтрунайсъ 17 л. . . .	Екатеринославль, обезоруж. город.	Разстрѣлянъ.
1071. Эндержевскій	Варшава, вооруж. нападеніе.	
1072. Рачикъ.	Варшава, воор. нападеніе на стражн.	Повѣшены 1 ноября.
1073. Ксіанжакъ		
1074. Сгодовскій	Ограбленіе винной лавки.	
1075. Кальникъ	Рига, воор. нападен.	Казнены.
1076. Преде		
1077. Паэгле		
1078. Мотычинскій.	Варшава, вооруж. нападеніе.	Повѣшены.
1079. Полинскій		
1080. Неизвѣстный.	Москва, бомба въ градоначальника.	Казненъ 1/IX.
1081. Казакевичъ	Одесса.	Замѣнены.
1082. Ивановъ, раб.	Спб., удары городовому.	
1083. Фрейманъ	Рига.	
1084. Фрейтъ	Рига, покуш. на уб-о.	Разстрѣляны.
1085. Экке.	Рига, нападеніе на солдатъ.	
1086. Рокке	Гольдингенъ, воор. нападеніе на почты.	Разстрѣляны.
1087. Грабовскій.		
1088. Тропидзе.	Тифлисъ, уб-о свящ.	Казненъ.
1089. Мотычинскій.	Варшава, вооруж. нападеніе.	Казнены.
1090. Повинскій		
1091. Романовскій	Сохачевъ (Варшава), вооруж. сопротивл.	Казнены.
1092. Скварскій (Сиварскій) .		
1093. Гренцъ (Грендтенъ) . .		

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1094. Урысъ Бол.	Домбрувка.	Разстрѣлянъ.
1095. Катаньянцъ	Горійск. уѣздъ.	Казненъ.
1096. Школьникъ	Тукумъ.	
1097. Апалитъ.	Нитау.	3 окт. казнены.
1098. Рудзитъ.		
1099. Зпотинъ.		
1100. Адамсонъ		
1101. Минхеръ		
1102. Предепъ.	Митава, экспропр.	4 окт. казнены.
1103. Тилинъ		
1104. Мотель (Отель).	Варшава.	Казненъ 5/x.
1105. Якубсонъ	Москва.	Казненъ.
1106. Асбергъ.	Нерфтъ.	Казненъ.
1107. Ованесовъ.	Тифлисъ.	
1108. Гаиль 19 л.	Цабельнъ.	
1109. Липманъ ст.	Екатеринославъ, экспропр.	Казнены 6 окт.
1110. Липманъ мл.		
1111. Ляпидусъ		
1112. Знотсъ	Митава, экспропр.	Казнены 6 окт.
1113. Борзинъ.		
1114. Михайловъ	Москва, экспр.	7 окт. повѣш.
1115. Трейлянъ ст.	Винадск. у.	8 окт. казнены
1116. Трейлянъ мл.		
1117. Занченко	Кіевъ.	
1118. Козьмѣевъ.	Тифлисъ.	
1119. Мелькъ Винклеръ	Варшава, воор. нап.	9 окт. повѣш.
1120. Берзинъ, Э.	Вольмаръ.	Казненъ.
1121. Барташевичъ	Бендинъ, экспропр.	Казненъ.
1122. Лазоринъ *)	Далены.	Казненъ.
1123. Мишке, 24 л..	Москва, у-бо жандарма.	Казн. 4/XI.
1124. Мыслинскій, мѣщ. . . .	Варшава 6/xi.	
1125. Содовичеръ, мѣщ. . . .		
1126. Сареевъ	Тифлисъ, у-бо.	Казнены.
1127. Клипманъ	Митава, экспропріація, нападеніе на солдатъ.	Разстр.
1128. Сеглинъ		
1129. Тиме млад.		
1130. Тиме ст.		
1131. Штейнбокъ.		

*) Намъ неизвѣстны имена приговоренныхъ въ октябрѣ къ смертной казни: *двоихъ* въ Маріенбургѣ, *троихъ* „лѣсныхъ братьевъ“ въ Фридрихштадтскомъ уѣздѣ (казн. 2 окт., (*двоихъ* казненныхъ 3 окт. въ Новой Александріи, *двоихъ*, казненныхъ 3 окт. въ Андреевѣ, Кѣл. губ., *четырехъ* въ Крагтенгофѣ, *двоихъ* въ Кириллахъ, *троихъ*, казненныхъ въ Крейцбургѣ *одного*, казн. въ Телавѣ 5 окт., *троихъ*, повѣш. въ Андижанѣ, *двоихъ*, казненныхъ въ Сигнахѣ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1132. Равусъ, кр.	Рига, Феллинскій у, ограбленіе корчмы.	Разстр.
1133. Аспе, кр.		
1134. Гаранъ, кр. (Саранъ). . .		
1135. Кооли, кр.		
1136. Эунапо, кр.		
1137. Зеринъ.	Рига, воор. напад.	Разстр.
1138. Янсонъ.		
1139. Адамовичъ.	Митава, у-бо вол. старшины.	Казн. 8/XI.
1140. Грингофъ 17 лѣтъ . . .		
1141. Ёндржейчакъ.	Варшава.	Казн.
1142. Сенджакъ (Канжакъ) . .		
1143. Рачекъ.		
1144. Гронковскій		
1145. Загодовскій		
1146. Лаксинъ		Замѣнена.
1147. Крузинъ	Тукумскіе революціонеры.	Казн. 7/XI.
1148. Крингель		
1149. Брикманъ		
1150. Рунге	Рига, ограбленіе почты.	
1151. Околинъ		
1152. Швейкзуе		
1153. Крумеръ		
1154. Погуляевъ	Александрія ограбленіе.	Казн.
1155. Мельниковъ		
1156. Шухатовичъ	Вильна, у-бо городового.	Замѣн.
1157. Оссоковскій		
1158. Шварцъ		
1159. Шмигельцъ	Варшава, XI/8 у-бо стражника.	
1160. Чеховскій	Варшава, экспропр. у-бо.	Казн. XI/9.
1161. Лискевичъ		
1162. Зюлковскій.		
1163. Самхарадзе.	Тифлисъ, разбой.	Разстр.
1164. Тверіани		
1165. Пустовайтовъ, кр. . . .	Одесса, воор. напад.	Казн. XI/II.
1166. Карниченко	Одесса, ограбленіе.	Казн. XI/II.
1167. Піотровскій	Екатеринославль, ограбленіе и у-бо.	Замѣнена.
1168. Совочкинъ		
1169. Потемкинъ		
1170. Кисель.		
1171. Ганшинъ.	Москва, экспроп.	Казн. XI/II.
1172. Грюнбергъ	Рига, за поджогъ.	Разстр.
1173. Эльмеръ.	Близъ Пабальги.	
1174. Цалекъ	Варшава, экспропр.	Казнь 13/XI.
1175. Судовичеръ		
1176. Мыслинскій		
1177. Митинъ.	Спб.	

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1178. Андерсонъ	Рига, разбой.	Казнены.
1179. Прейсъ		
1180. Лапингъ	Рига, у-бо.	
1181. Гутманъ	Рига у-бо вол. стар.	
1182. Миттельштейнъ	Варшава XI/II, экспр.	
1183. Гагулія	Сочи, вооруж. ограбленіе.	Казнены.
1184. Угренидзе (Ергванидзе)		
1185. Аркванія		
1186. Щуковскій. (Эрквалія)	Екатеринославль, ограбленіе.	Разстрѣл.
1187. Машутовъ		
1188. Кучинскій		
1189. Гостлинъ		
1190. Стольфотъ	Спб., храненіе бомбъ.	Повѣш. 13/XI.
1191. Кантаровичъ	Севастополь, возстаніе.	Замѣнена.
1192. Ціома		
1193. Барышевъ		
1194. Ивановъ, раб.	Спб., легкія раны городовому.	Замѣнена.
1195. Самохваловъ	Очаковъ, оскорбленіе офицера.	Разстрѣл.
1196. Шполянскій	Елизоветградъ, экспропр.	Разстрѣл.
1197. Тартанскій		
1198. Воротченко	Таганрогъ, у-бо казака камнями.	Разстрѣлены.
1199. Боженко		
1200. Шклярова (Шкляровъ)		
1201. Тарасенко		
1202. Горшковъ	Спб., легкія раны городовому.	
1203. Сихарулидзе	Тифлисъ, у-бо нач. ж. дор.	Казненъ.
1204. Хатанашвили	Тифлисъ, экспропр.	Казненъ.
1205. Неизвѣстный	Ѳодосія, бомба въ генералъ губерн.	Повѣшенъ.
1206. Пейцель	Бѣлостокъ, ран. окол. надзиратель.	
1207. Неизвѣстный	Бѣлостокъ, покуш. на у-бо окол. над.	Казн. 15/XI.
1208. Ихарулидзе	Тифлисъ, у-бо инженера.	Разстрѣл.
1209. Кохаузе	Тифлисъ, у-бо.	
1210. Метцъ	Одесса, анархисты (бросили бомбу).	Повѣшены.
1211. Браунштейнъ		
1212. Шерешевская		
1213. Малѣевъ	Вильно, ограбленіе почты.	
1214. Ршиманъ		
1215. Романенко	Москва, воор. нападеніе.	Разстр. 16/XI.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1216. Сазіевъ.	Тифлисъ, уб-о.	Разстрѣл.
1217. Мединскій.	Екатеринославъ, за ограблен. волостного правленія.	Разстрѣл.
1218. Зекалъ (Зеркалъ). . . .		
1219. Даниленко.		
1220. Чебанъ		
1221. Пауршъ	Рига, уб-о урядника.	
1222. Паэглитъ.	Рига. воор. ограбл. в. о с. 24/II.	
1223. Заррингъ		
1224. Сковронскій.	Лодзь	Замѣн.
1225. Котелокъ		
1226. Неизвѣстный.	Тверь, уб-о губернат.	
1227. Гудкапъ, мѣщ.	Рига, 11 ноября ограблен.	Казнен.
1228. Зхусъ, мѣщ.		
1229. Халявинъ, мѣщ.		
1230. Бленъ, мѣщ.		
1231. Ушаба	Томашевъ, ограбленіе.	Разстрѣл.
1232. Паныла		
1233. Денчукъ.	Дубно.	Разстрѣл.
1234. Конмиторская	Одесса. Анархисты.	Всѣ казнены.
1235. Мецъ.		
1236. Брунштейнъ.		
1237. Шереніевская.		
1238. Либманъ		
1239. Реведа, кр.	Варшава, 16/XI. воор. напад.	
1240. Наджежневичъ кр. . . .		
1241. Шпитальникъ.	Варшава, уб-о помощ. прист.	Казнен. 17/XI.
1242. Познеръ		
1243. Стаховичъ		
1244. Бонковскій		
1245. Лапсенъ.	Дальны (Рига).	Разстрѣл.
1246. Гульбисъ.		
1247. Гялибридко	Кіевъ, уб-о стражн.	
1248. Балковадзе.	Кутаисъ, ограбл.	Разстрѣл.
1249. Приходовъ	Севастополь, ограбл.	Разстрѣл.
1250. Дундуръ	Митава, уб-о.	Казнен.
1251. Корхоненъ	Спб., найдены бомбы.	20 ноября повѣшены.
1252. Семгинъ, Ан.		
1253. Долгисъ, Ян., кр.		
1254. Брашевскій	Варшава, уб-о окол. над.	Повѣш.
1255. Говронскій		
1256. Рустенъ отецъ.	Курляндія, у нихъ найдено оружіе.	Казнен.
1257. Рустенъ сынъ ст. . . .		
1258. Рустенъ мл.		
1259. Кнутингъ	Курляндія, уб-о.	Казнен.
1260. Талуть	Курляндія, поджоги.	
1261. Кузнецовъ	Москва, уб-о.	Отмѣн.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1262. Глоба	Варшава, ограбленіе.	Повѣшены.
1263. Коваковскій.		
1264. Урбановичъ Ольга 17 л.	Варшава, 21/XI воор. напад.	
1265. Куріевъ	Грозный, ограбл.	
1266. Берзинъ.	Митава, 22/XI.	
1267. Курнвазъ, мѣщ..	Владикавказъ, ограбленіе.	Казненъ.
1268. Колодзеякъ	Варшава, воор. нападеніе.	Повѣшены.
1269. Войцеховскій		
1270. Понятовскій.	Щучинъ, 26/XI уб-о лѣсника.	Казненъ.
1271. Головкинъ.	Спб., ограбленіе пивной.	
1272. Федотовъ		
1273. Явойсъ (Явоншъ). . . .		
1274. Крайнбергъ 24 л. . . .	Митава, воор. напад.	Казнены.
1275. Аспанковичъ 22 л. . . .		
1276. Абель, Ив..	Варшава, экспр. и уб-о.	Повѣшены.
1277. Кабошъ, А.		
1278. Засіонъ, С.		
1279. Дундуръ.	Митава.	Разстрѣл 29/XI.
1280. Кописъ	Варшава, соц-револ. 29/XI.	
1281. Дегтяревъ.	Томскъ, 29/XI уб-о казака.	
1282. Орловъ		
1283. Соколовъ.		
1284. Тараканниковъ ст. (*) .	Москва, воен. пол. судъ уб-о городового.	
1285. Тараканниковъ мл. . . .		
1286. Кабловъ ст.		
1287. Кабловъ мл.		
1288. Спрогисъ (Спроче). . . .		
1289. Домбровскій.	Митава, нападеніе на усадьбу, къ повѣш. 1 декабря.	
1290. Озоль.		
1291. Зиле.		
1292. Жвачевичъ (Шважевичъ).		
1293. Котенко.	Екатерин. за уб-о и ограбленіе.	Всѣ разстрѣляны.
1294. Шутовъ.		
1295. Кузьменко.		
1296. Лейзеръ.	Рига, ограблен. вин. лавки.	
1297. Доценко 18 л.	Екатерин., бросилъ бомбу въ участокъ.	Повѣш. 1 дек.
1298. Лашкаревъ, Вас.	Сухумъ, уб-о.	Разстр. 1 дек.
1299. Потлажанъ, мѣщ. . . .	Одесса, экспропр.	
1300. Глезеръ.	Вильна, 29/XI рана город.	
1301. Соколовъ, Мих.	Спб., экспропр.	Казненъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1302. Гесса, мѣщ.	Митава, воор. сопрот.	
1303. Каменскій.	Екатериносл., экспр.	Растрѣл. 2/XII.
1304. Станкевичъ, Ф., мѣщ. . .	Варшава, экспропр.	Разстрѣл. 2/XII.
1305. Фейгинъ.	Могилевъ, экспропр.	Разстрѣлянъ.
1306. Малѣевъ.		Разстрѣлянъ.
1307. Одноглазовъ.		Замѣнена.
1308. Слуцкій	Екатеринославль, вымогательство.	Всѣ казнены.
1309. Котлубовскій.		
1310. Груша (Грумо)		
1311. Голыговскій	Въ Ченстоховѣ экспроп. и уб-о трактирщика.	Всѣ разстрѣл.
1312. Мускала		
1313. Бембенъ стар.		
1314. Бембенъ мл.		
1315. Лучковскій		
1316. Опрогистъ (Спрогисъ) .	Венденскій у., разбой.	Разстр. 2 дек.
1317. Штейнбергъ		
1318. Михельсонъ	Добленскій у., уб-о старшины.	Разстрѣлянъ.
1319. Смирновъ	Кіевъ, нападеніе на винную лавку.	
1320. Гаврилюкъ.		
1321. Захарчукъ.		
1322. Воробьевъ, Петръ, мѣщ.	Покуш. на уб-о Дубасова, въ Спб.	Повѣш. 4/XII.
1323. Березинъ (Зоринъ). . . .		
1324. Пярнъ.	Фаллинъ, ограблен. винной лавки.	Разстрѣл. 5/XII.
1325. Заборовскій	Воен. пол. суды въ Варшавѣ.	Всѣ 8 разстрѣляны 5 дек.
1326. Бакала.		
1327. Шовинскій.		
1328. Сайковскій		
1329. Круль.		
1330. Литвуръ.		
1331. Хрусцелевскій		
1332. Сладовскій.		
1333. Зарпсицкій, кр.	Варшава, экспропріація, къ повѣш. 5/XII.	
1334. Фальковичъ, кр.		
1335. Громовъ.	Москва, покуш. на вооруж. нападен., къ повѣш.	
1336. Лунчинъ		
1337. Сикаръ.	Варшава, уб-о.	Разстрѣлянъ 3 часа ночи.
1338. Бернеръ учен. (Вернеръ).	Радомъ, уб-о полковника.	
1339. Горбуновъ.	Екатеринославль, экспропр.	Повѣш. 5 дек.
1340. Лейгезеръ	В. п. с. Венден. уѣз. за уб-о городовыхъ.	Казненъ.
1341. Власовъ	В. с. п. въ Армавирѣ за ограбленіе.	Казненъ.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1342. Мазель	Вильно, воор. напад.	
1343. Лапсенъ	Даленъ, ограбленіе.	13/XII разстр.
1344. Гульбисъ		
1345. Вальдманъ (Вайтъ) . . .	Рига, ограбленіе.	13/XII разстр.
1346. Бодхардисъ (Борхетъ) .		
1347. Оплинъ (Спилитъ) . . .		
1348. Гессъ	Митава, анархистъ.	13 дек. казн.
1349. Зарринъ	Линденбергъ, ограбл.	16 дек. разстр.
1350. Виспевскій, Ясекъ . . .	Бенденъ, воор. напад.	16/XII разстр.
1351. Кочетовъ	Томскъ, уб-о артельщ.	16/XII казн.
1352. Кекелидзе		
1353. Шахъ-Газаровъ	Асхабадъ, уб-о кассира.	17/XII повѣш.
1354. Тарантута	Одесса, брос. бомбъ	Бѣжалъ изъ тюрьмы.
1355. Фракъ (Францъ), кр. . .	Варшава, воор. напад.	Повѣш. 23/XII.
1356. Сикоръ, кр.		
1357. Трухнякъ, кр.		
1358. Бинковскій, кр. (Беньков.)	Напад. на вин. лавку.	Казн. 20/XII.
1359. Трохорецкій, кр.		
1360. Виланосъ	Вильно, ограбл. почт. отд.	
1361. Рихтеръ	Митава, уб-о управл.	Разстр. 28/XII.
1362. Вальдван	Рига, вооруж. граб.	Казненъ.
1363. Головкинъ	Спб., ограбленіе пивной (15 руб.)	
1364. Федотовъ		
1365. Яваншъ		
1366. Фрейлинъ	Бобруйскъ, ограб. почты.	Разстр.
1367. Малаевъ		
1368. Слядовскій	Варшава, воор. граб.	23/XII повѣш.
1369. Халадусъ	Бендинъ, граб.	23/XII разстр.
1370. Грушинскій, раб. . . .	Лодзь, пок. на уб. солд.	23/XII разстр.
1371. Цокъ, мѣщ.	Одесса, ограбл.	
1372. Гомаенченко	Ростовъ-на-Д. покуш. на уб-о.	
1373. Ликопъ	Рига, уб-о город.	
1374. Голованъ	Кіевъ, воор. напад.	
1375. Квавадзе	Батумъ, граб.	Казн.
1376 Громовъ, П. (*)	Москва.	Казн.
1377. Лункинъ, Я. (*)		

*) При первомъ разборѣ дѣла приговорены къ каторгѣ, но по протесту прокурора приговоръ кассированъ, и оба казнены.

Фамиліи приговоренныхъ.	За что?	Примѣчаніе.
1378. Шмигальскій	Варшава, уб-о страж.	
1379. Шурманъ	Митава, граб.	Казн. 20/XII.
1380. Кенъ		
1381. Финъ, мѣщ	Одесса, воор. напад.	
1382. Гельфонъ.	Одесса, воор. напад.	
1383. Петровскій	Варшава, уб-о	
1384. Епифановъ 19 л., учен. .	Москва, пок. на уб-о Гофм. Жедринскаго.	Казн.
1385. Силингъ	Митава, революціонеры.	Казн. 28/XII.
1386. Андерсонъ		
1387. Миллеръ		
1388. Вахманъ		
1389. Басиладзе	Кутаисъ, граб.	Замѣн.
1390. Аболинъ ст.	Мѣстечко Альтенвагъ, Риж. уѣзда, за уб-о двухъ урядниковъ.	28/XII разстр.
1391. Аболинъ млад.		
1392. Озолинъ ст.		
1393. Озолинъ млад.		
1394. Перосинскій	Ловичъ, экспр.	Казн. 31/XII.
1395. Мерцовъ		
1396. ОнчаковъДобржелинъ .		
1397. Неизвѣстный (*)	Застрѣл. главн. воен. прокурора Павлова.	Казненъ.

*) Намъ неизвѣстны имена приговорен. въ декабрѣ къ смертной казни: *одного* въ Сесвегенѣ, одного въ Лахдонѣ; троихъ казнен. въ Леневорденѣ за уб-о пастора; *троихъ* крестьянъ, приговоренныхъ въ Кіевѣ 16 дек. за нападеніе на отрядъ драгунъ въ с. Лебединѣ; *троихъ*, приговоренныхъ въ Митавѣ 16/XII за учрежденіе милиціи для нападеній на войска; *троихъ*, приговоренныхъ въ Елизаветполѣ за бунтъ саперовъ; *двоихъ* казненныхъ въ Ригѣ вмѣстѣ съ Вальдваномъ; *одного* крестьянина, казненнаго въ Ломжѣ за убійство лѣсника, *двоихъ*, разстрѣлянныхъ въ Томашевѣ за ограбленіе солдатъ; *семерыхъ*, разстрѣлянныхъ въ Митавѣ; *десяти* въ Ригѣ, *шести* въ Венденскомъ уѣздѣ и четырехъ въ Рижскомъ; *двоихъ*, казненныхъ въ Огерѣ; *шестерыхъ*, казненныхъ 29 дек. въ Калишѣ за экспропріаціи; *девяти*, приговоренныхъ 24 дек. въ Варшавѣ за ограбленіе почты около Згержа; *двоихъ* казненныхъ 26 дек. въ Телавѣ.

СТАТИСТИКА

смертныхъ приговоровъ за политич. преступленія въ Россіи въ 1826—1906 гг. *)

Годы.	Число пригов.	Годы.	Число пригов.	Годы.	Число пригов.
1826	46	1866	9	1884	10
1830	7	1862—1866	1500 **)	1885	1
1833	289	1870	1	1886	12
1839	1	1876	2	1887	12
1846	3	1877	4	1888	1
1849	21	1878	24	1889	3
1861	1	1879	22	1890 ***)	1
1862	7	1880	14	1896—900	24
1863	1	1881	10	Съ 901 до 905	5
1864	9	1882	16	1905	54****)
1865	1	1883	8	1906	1300

*) Приведенныя выше цифры, несомнѣнно, не полны. Таблица составлена на основ. источниковъ, указан. въ примѣч. на 319 стр., а также по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ: 1) проф. Таганцевымъ «Рус. уг. пр.» 2 ч. 1902 г. 2) „Объяснительной запиской къ проекту редакціонной комиссіи".

**) Эти 1500 казнены за участіе въ польскомъ возстаніи; см. „Послѣднія слова казненныхъ" 7 стр. Изд. «Современника».

***) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. Таганцевымъ, за государственныя преступленія съ 1866 по 1891 г. осуждено 134 чел., а казнено 44 (по пятилѣтіямъ 1866-70 гг.—осуж. 2, каз. 1, въ 1871-75 гг.—ни одного, 1876-80 гг.—37 осужд., 22 казн., въ 1881-85 гг.—44 осужд., 10 казн., 1886-90 гг.—51 осужд., 11 казн. Сверхъ сего за госуд. преступл. казнено по приговору военныхъ судовъ 1876 г.—2, въ 1877 г.—4, въ 1878 г.—23, въ 1879 году — 2, въ 1880 г. — 5, въ 1882 г. — 3. Въ 1891-95 гг. — не было, 1896-900—24 казн. Въ 1899 каз. 19 за андиканское возстаніе.

Кромѣ того, за убійства, разбои и др. преступленія по приговору военно-окружныхъ судовъ казнено: въ 1876-80 гг. — 68, 1881-1885 — 64 чел., 1886 — 90 — 79, всего въ 1876—1890 гг.—211 чел., а въ 1891 — 95 гг. — 48 и 1896—1900—54 чел. (Таганцевъ: наз. соч. 1122 стр.)

****) Число казненныхъ безъ суда громадно: въ одномъ декабрѣ 1905 г.—376, а въ первые три мѣсяца 1906 г.—679, по вычисленію г. Жбанкова.

По поводу смертныхъ казней.

Тяжелые страшные историческіе моменты пережило въ послѣдніе годы и переживаетъ въ настоящее время русское общество. Начиная съ кровавой японской войны и кончая современными убійствами и казнями, передъ нами прошелъ длинный рядъ событій, потрясающихъ и охватывающихъ ледянымъ ужасомъ душу. Чудится, злая, безпощадная богиня смерти, отнявъ у насъ въ теченіе войны огромнѣйшее число молодыхъ жизней и одѣвъ въ трауръ чуть не половину Россіи, не достаточно насытилась, а потому требовала и требуетъ новыхъ и новыхъ жертвъ.

Непосильную, гигантскую работу совершила за это время нервная система у всѣхъ борцовъ за свободу, у всѣхъ мыслящихъ людей, принимавшихъ горячо къ сердцу все то, что происходило въ Россіи. Но всему, очевидно, бываютъ свои предѣлы... Вслѣдствіе продолжительнаго и чрезмѣрнаго напряженія, вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ потрясеній нервная система утомилась и стала слабѣе реагировать на современныя событія; она требуетъ временнаго покоя, временнаго отдыха. Прямымъ результатомъ такого утомленія и появилось теперь то, что называютъ «упадкомъ общественнаго настроенія». Все какъ бы притихло, замерло, оцѣпенѣло... Потрясенная въ непосильной борьбѣ и полубольная нервная система временно отдыхаетъ, спитъ. Но

безпокоенъ, болѣзненно чутокъ и едва ли продолжителенъ будетъ этотъ сонъ. Нѣкоторые радуются наступившему затишью, видя въ немъ нормальное успокоеніе или «усмиреніе» общества; но они, какъ полагаемъ, ошибаются: вѣдь затишье бываетъ и передъ бурей и передъ разрушительнымъ циклономъ.

Торжествуетъ, ликуетъ при этомъ затишьѣ богиня смерти: ей приносятся обильныя человѣческія жертвы и справляются тризны, на которыхъ люди поютъ сознательно и безсознательно «вѣчную память» свободѣ.

Чуть не ежедневно выносятся смертные приговоры и совершаются массовыя смертныя казни. Къ смертной казни стали приговаривать теперь уже юношей и дѣтей-подростковъ 16-лѣтняго возраста.

По ночамъ, когда мирный обыватель спитъ или, вѣрнѣе сказать, принимаетъ мѣры, чтобы заснуть, бодрствуютъ палачи, совершая свое позорное, страшное дѣло: разстрѣливаютъ и вѣшаютъ. Чаще, кажется, вѣшаютъ. Казнь совершается у насъ очень быстро, такъ какъ палачи уже «набили себѣ руку» въ этомъ ремеслѣ. Все дѣлается cito, tuto et jucunde. Накинута петля на шею... Повисло тѣло... Появились судороги и скоро прекратились. Поболталось въ воздухѣ жалкое тѣло еще минуту, другую, его сняли, быстро уложили въ гробъ, поставили на дроги и скорымъ шагомъ или рысью отвезли и упрятали въ «мѣстѣ вѣчнаго упокоенія». «Все кончено,—думаетъ палачъ.—Казненный мертвъ; онъ не воскреснетъ. Однимъ крамольникомъ меньше!» Полагаю, что никому изъ палачей не приходилъ въ голову вопросъ: а мертвъ ли въ самомъ дѣлѣ казненный? Не живъ ли онъ? Но палачъ на этотъ счетъ спокоенъ: вѣдь при совершеніи казни присутствуетъ «по обязанности службы» врачъ; онъ констатируетъ наступленіе смерти казненнаго.

Но ошибается палачъ, думая, что врачъ можетъ опредѣлить моментъ наступленія смерти.

Наблюденія показываютъ, что снятый съ петли человѣкъ можетъ находиться болѣе или менѣе долгое время въ состояніи мнимой смерти. Такое состояніе представляетъ собою обычное явленіе у снятыхъ съ петли и возвращенныхъ къ жизни самоубійцъ и неоднократно наблюдалось у казненныхъ преступниковъ. При этомъ дыханіе вовсе отсутствуетъ; сердце же бьется такъ слабо, что не можетъ быть услышано самымъ чуткимъ ухомъ врача, а между тѣмъ на основаніи остановокъ дыханія и кровообращенія врачъ и опредѣляетъ наступленіе смерти. Сильное душевное волненіе, доводящее до обморока многихъ изъ врачей, вынужденныхъ присутствовать при ужасномъ, отвратительномъ зрѣлищѣ убійства человѣка, еще болѣе увеличиваетъ шансы на то, что живой казненный будетъ принятъ за мертваго и погребенъ въ землю. Я приведу два случая, описанныхъ профессорами судебной медицины Ed. Hofmann'омъ и P. Brouardel'емъ.

Дѣло происходило въ гор. Раабѣ (Венгрія). Преступникъ, казненный чрезъ повѣшеніе, провисѣлъ въ петлѣ болѣе 11 минутъ. Присутствовавшій при казни врачъ D-r Sicor констатировалъ полную остановку сердца у казненнаго и объявилъ его мертвымъ. Покойника помѣстили въ фургонъ и отправили въ анатомическій театръ. Послѣдній находился на довольно большомъ разстояніи отъ мѣста казни. Когда на дворѣ анатомическаго театра были открыты дверки фургона, чтобы вынуть трупъ и перенести въ секціонную залу для вскрытія, то оказалось, что «покойникъ» былъ живъ и смотрѣлъ на всѣхъ широко открытыми и удивленными глазами. Но не долго пожилъ несчастный. Черезъ 22 часа послѣ повѣшенія, несмотря на заботливый уходъ за нимъ врачей, онъ умеръ отъ отека легкихъ.

Въ другомъ случаѣ, происшедшемъ въ Бостонѣ, повѣшенный преступникъ провисѣлъ въ петлѣ отъ 10 часовъ до 10 час. 25 минутъ утра. Три врача — Clark, Ellis и Shaw — констатировали наступленіе смерти. Въ $11^1/_2$ часовъ утра тѣло казненнаго было вскрыто, при чемъ оказалось, что сердце бьется, — слѣдовательно, казненный былъ живъ. Около 12 часовъ дня обнаженное сердце билось еще со скоростью 45 разъ въ минуту. Въ 2 часа 25 минутъ дня оно остановилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и навсегда отлетѣла жизнь.

Мы могли бы привести еще нѣсколько случаевъ мнимой смерти при повѣшеніи *), но и приведенныхъ вполнѣ, какъ намъ кажется, достаточно для убѣжденія въ томъ, что врачъ можетъ сдѣлать ошибку при опредѣленіи момента наступленія смерти у казненнаго. Продолжительность же пребыванія казнимаго въ петлѣ вовсе не гарантируетъ отъ возможности похоронить въ землю живого человѣка; вѣдь казненный въ Бостонѣ провисѣлъ въ петлѣ 25 минутъ и все-таки оказался живымъ. Время, проходящее отъ момента сдавленія шеи петлею до момента наступленія дѣйствительной смерти, не можетъ быть вообще опредѣлено, такъ какъ оно находится въ зависимости отъ многихъ и различныхъ условій: отъ способа наложенія петли на шею, отъ степени сдавленія сонныхъ артерій, блуждающихъ нервовъ, дыхательныхъ путей, отъ индивидуальныхъ особенностей организма у казнимаго и др. Вполнѣ допустимо, что казнимый можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, остаться живымъ, провисѣвъ въ петлѣ не только минуты, но даже и часы.

Современная медицина не имѣетъ еще надежныхъ способовъ для опредѣленія момента наступленія дѣйствитель-

---

*) Подобные случаи описаны также проф. *Tardieu* и приведены въ статьѣ проф. *A. Haberda* „Ueber die Art des Vollzuges der Todesstrafe". Archiv f. Kriminal-Anthropologie. Bd. X.

ной смерти у мнимоумершихъ, и вполнѣ правъ профессоръ F. Strassmann, говоря: «Надо сознаться, что встрѣчаются такіе случаи, въ которыхъ отличіе дѣйствительной смерти отъ мнимой не такъ просто, и опасность преждевременнаго погребенія не можетъ быть отрицаема»... А такіе случаи, прибавимъ мы, наичаще возможны при казни чрезъ повѣшеніе, и въ особенности возможны они тогда, когда казнь совершается съ той удивительной и достойной лучшей участи энергіей и быстротой, какъ у насъ въ Россіи.

Въ вышедшей недавно въ свѣтъ статьѣ д-ра Н. Баженова «Психологія казнимыхъ» талантливый авторъ цѣлымъ рядомъ цитатъ и примѣровъ живо охарактеризовалъ тѣ ужасныя душевныя мученія, которыя испытываетъ присужденный къ смертной казни и которыя могутъ быть сравнимы лишь съ самыми тяжкими формами душевныхъ болѣзней, напримѣръ, съ рѣзко выраженной меланхоліей. Смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несравнимая съ самымъ тяжкимъ преступленіемъ. Смертная казнь не есть воздаяніе «око за око», за зло зломъ, за смерть смертью.

Дѣйствительно, жестокой, адской душевной мукѣ подвергается осужденный на смерть! Но мы поставимъ вопросъ: у всѣхъ ли изъ огромнаго числа казненныхъ у насъ въ Россіи кончились всякія страданія по совершеніи надъ ними казни? Не продолжались ли страданія, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ казненныхъ чрезъ повѣшеніе, еще тамъ... въ гробу, въ землѣ? Нѣтъ смерти ужаснѣе, чѣмъ смерть отъ медленнаго задушенія. Милліарды самыхъ жестокосердныхъ палачей не изобрѣтутъ для казнимаго болѣе ужасныхъ душевныхъ и физическихъ мукъ, чѣмъ муки задыхающагося въ могилѣ!..

Проф. П. Минаковъ.

Божеское и человѣческое.

I.

Было это въ Россіи, въ семидесятыхъ годахъ, когда происходила борьба между революціонерами и правительствомъ. Генералъ-губернаторъ южныхъ губерній, высокій нѣмецъ съ жидкими усами, рѣшительнымъ взглядомъ и выразительнымъ лицомъ, въ военномъ мундирѣ, съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, сидѣлъ вечеромъ за письменнымъ столомъ, на которомъ горѣли четыре свѣчи изъ цвѣтного воска. Онъ просматривалъ и подписывалъ бумаги, поданныя ему секретаремъ, и скрѣплялъ ихъ долгимъ росчеркомъ по мѣрѣ того, какъ откладывалъ одну бумагу за другою. Генералъ, нахмурившись, многозначительно подписалъ среди этихъ документовъ приказъ повѣсить кандидата Новороссійскаго университета Анатолія Свѣтлогуба за составленіе заговора противъ существующаго строя. Своими бѣлыми, выхоленными руками, сморщенными отъ лѣтъ и мытья, онъ аккуратно подравнивалъ края бумагъ и клалъ ихъ по порядку. Слѣдующая изъ нихъ заключала въ себѣ смѣту счета на доставку провіанта войску. Онъ тщательно прочитывалъ эту бумагу, провѣряя самъ себя, правильно ли вычислены имъ суммы, какъ вдругъ въ его головѣ промелькнула мысль о бывшемъ разговорѣ со своимъ помощникомъ по поводу дѣла Свѣтлогуба. Генералъ держался того мнѣнія, что находка динамита въ квартирѣ Свѣтлогуба еще не доказываетъ его преступнаго замысла. Помощникъ, съ другой стороны, настаивалъ, что присутствіе динамита убѣждаетъ со всею очевидностью, что Свѣтлогубъ былъ главою заговора. И, вспомнивъ это. генералъ сталъ взвѣшивать всѣ подробности, и сердце его быстро забилось подъ надѣтымъ на немъ мундиромъ, хотя и ни одна складка не появилась на его лбу. И при этомъ онъ

вздохнулъ такъ тяжело, что его большая борода, предметъ гордости и радости его превосходительства, зашевелилась на его груди.

Однако еще не поздно позвать секретаря и предписаніе, если оно не зарегистровано, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, отложено.

Позвать его, или нѣтъ?

И сердце генерала билось все сильнѣе и сильнѣе. Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга скорыми неслышными шагами.

— Иванъ Матвѣевичъ уже ушелъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, онъ въ канцеляріи.

Сердце генерала стало то замирать, то учащенно биться. Онъ вспомнилъ предостереженіе доктора, который нѣсколько дней тому назадъ изслѣдовалъ его.

— Прежде всего, — сказалъ докторъ, — какъ скоро вы почувствуете, что «имѣете сердце», должны прекратиться ваши дѣятельность и безпокойство. Волненія всякаго рода вредны для васъ. Ни въ какомъ случаѣ не доводите себя до нихъ.

— Стоитъ ли позвать его?

— Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, — сказалъ генералъ про себя.

— Да, нерѣшительность волнуетъ гораздо больше, чѣмъ что-либо. Подписано и баста. Ein jeder macht sich sein Bett und muss darauf schlafen, — прибавилъ онъ свою любимую поговорку. — Кромѣ того, не слѣдуетъ безпокоиться. Я — агентъ Верховной власти и, какъ таковой, могу стать выше всѣхъ подобныхъ разсужденій, — проговорилъ онъ, сдвигая брови, какъ будто хотѣлъ собрать у себя всю ту смѣлость, которой недоставало ему.

Глубоко вздохнувъ и потеревъ то мѣсто, гдѣ было сердце, генералъ пошелъ тяжелыми шагами по недавно натертому паркетному полу большой пустой залы въ гостиную, изъ которой слышались голоса.

У генеральши были гости: губернаторъ съ женою, незамужняя княжна — большая патріотка и гвардейскій офицеръ, помолвленный съ единственной незамужней дочерью генерала.

Генеральша, худая дама съ тонкими губами и холоднымъ выраженіемъ на лицѣ, сидѣла за маленькимъ низенькимъ столикомъ, на которомъ былъ чайный сервизъ съ серебрянымъ кофейникомъ на спиртовой лампочкѣ. Голосомъ, въ которомъ чувствовалась притворная печаль, она разсказывала губернаторшѣ, дородной и не

по лѣтамъ молодившейся дамѣ, какъ она безпокоится за здоровье мужа.

— Каждый Божій день все новыя и новыя донесенія раскрываютъ заговоры и разныя ужасныя вещи... и все это падаетъ на Базиля. А ему приходится каждое такое дѣло рѣшать.

— Ахъ, и не говорите объ этомъ, — сказала княгиня, — je deviensféroce quand je pense à cette maudite engeance.

— Да, это ужасно. Повѣрите, онъ работаетъ по двѣнадцати часовъ въ сутки при своемъ больномъ сердцѣ. Я положительно боюсь, что...

Видя, что мужъ ея входитъ, она не докончила фразы.

— Ну, да вы услышите это отъ него самого. Барбини — удивительный теноръ, — прибавила она, мило улыбаясь губернаторшѣ и мѣняя тему разговора.

Дочь генерала, здоровая, стройная дѣвушка, сидѣла со своимъ женихомъ въ гостиной за китайскою ширмою.

Они встали и подошли къ отцу.

— Милая моя, мы еще не видѣлись сегодня другъ съ другомъ, — сказалъ генералъ, цѣлуя дочь и пожимая руку молодому человѣку.

Поклонившись гостямъ, генералъ самъ сѣлъ за маленькій столъ и вступилъ въ разговоръ съ губернаторомъ о послѣднихъ новостяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите о дѣлахъ, это запрещено говорить, — сказала генеральша, прерывая слова генерала.

— Ахъ, сюда идетъ Копьевъ. Онъ непремѣнно разскажетъ намъ что-либо смѣшное. Добрый вечеръ, monsieur Копьевъ.

И послѣдній, отмѣченный общимъ вниманіемъ за свое остроуміе и юморъ, сообщалъ уже новый анекдотъ, разсмѣшившій всѣхъ.

II.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть, не можетъ, не можетъ! Пустите меня итти! — кричала мать Свѣтлогуба, пытаясь вырваться изъ рукъ сельскаго учителя, товарища ея сына, и доктора, которые пытались ее удержать.

Мать Свѣтлогуба была симпатичная, еще не старая дама съ сѣдѣющимися кудрями и морщинами подъ глазами. Учитель, другъ Свѣтлогуба, не сообщая, что смертный приговоръ уже конфирмованъ, хотѣлъ приготовить ее къ этой ужасной вѣсти,

но въ тотъ моментъ, когда онъ говорилъ ей объ ея сынѣ, она по тону голоса и робости его во взглядѣ, догадалась, что совершилось то, чего она такъ боялась.

Она жила въ маленькомъ номерѣ лучшей гостиницы города.

— Почему вы удерживаете меня? Пустите меня итти, — кричала она, стараясь вырваться изъ рукъ доктора, стараго друга ея семьи.

Онъ держалъ одною рукою ее за локоть, а другую положилъ на маленькій пузырекъ съ каплями на кругломъ столикѣ передъ кроватью. Она была въ сущности рада, что держатъ ее, такъ какъ чувствовала, что можетъ натворить что-то, но что, она не знала и боялась самой себя.

— Успокойтесь. Примите немного капель, — сказалъ докторъ, предлагая ей какую-то прозрачную жидкость въ винномъ стаканчикѣ. Она быстро смолкла и, собравшись съ силами, опустила голову на плоскую грудь, закрыла глаза и упала на софу.

Она вспомнила, какъ ея сынъ три мѣсяца тому назадъ покинулъ ее съ печальнымъ, таинственнымъ лицомъ. Потомъ она увидѣла его восьмилѣтнимъ мальчикомъ въ бархатной курточкѣ, съ маленькими голыми ножками и длинными, волнистыми кудрями свѣтлыхъ волосъ.

И это ему, ему, этому милому мальчику... они хотятъ такъ сдѣлать. Она остолбенѣла, оттолкнула столъ въ сторону, вырвалась изъ рукъ доктора, но, дойдя до двери, опять упала на портъ-шезъ.

— И говорятъ, что есть Богъ! Что есть Богъ, Который дозволяетъ это! — кричала она, то рыдая, то разражаясь истерическимъ смѣхомъ.—Они повѣсятъ, они повѣсятъ того, кто пожертвовалъ всю, всю свою карьеру, который отдалъ все свое счастье другимъ, хотя раньше всегда бранила сына за то, чему она теперь удивлялась, считая все это за достоинство и самопожертвованіе. И они сдѣлаютъ это ему? И вы говорите, что есть Богъ! — кричала она внѣ себя.

— Но я не говорю ничего, я только прошу васъ принять эти капли.

— Мнѣ ничего не нужно! Ха-ха-ха! — кричала она и рыдала, вся предаваясь отчаянію.

Къ ночи она такъ истомилась, что не могла ни говорить ни кричать и лишь устремилась въ пространство пристальнымъ, дикимъ взоромъ. Докторъ впрыснулъ ей морфій, и она заснула.

Сонъ ея былъ безъ сновидѣній, но возвращеніе къ сознанію еще болѣе ухудшило ея положеніе. Самою ужасною вещью было то, что люди могли быть такъ жестоки, и не только эти генералы съ ихъ гладко выбритыми физіономіями и жандармы, но всѣ... всѣ. И та горничная, которая пришла со спокойнымъ лицомъ убирать комнату, и тѣ сосѣди, которые весело разговаривали другъ съ другомъ и смѣялись, какъ будто бы ничего не случилось.

III.

Уже болѣе мѣсяца Свѣтлогубъ былъ въ одиночномъ заключеніи и за это время перенесъ не мало внутреннихъ испытаній.

Съ самаго дѣтства Свѣтлогубъ инстинктивно чувствовалъ всю несправедливость своего привилегированнаго положенія богатаго человѣка. Онъ пытался подавить въ себѣ это чувство, когда замѣчалъ нужду народа, но сознаніе личнаго счастья и радости отравлялось сравненіемъ своего положенія съ таковымъ крестьянскихъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, и онъ вдругъ почувствовалъ стыдъ. *Они* всѣ рождались, росли и умирали не только безъ тѣхъ удовольствій, которыми онъ наслаждался, но и никогда не избавлялись отъ работы и нужды. Желая освободиться отъ этого чувства несправедливости, онъ по окончаніи университета организовалъ на свой счетъ образцовую школу, общество бережливости и богадѣльню. Но, какъ это ни было странно, занявшись такими дѣлами, онъ почувствовалъ еще болѣе стыда, глядя на народъ, чѣмъ прежде, когда онъ кутилъ съ друзьями въ городѣ или сорилъ деньгами на дорогихъ верховыхъ лошадей. Онъ чувствовалъ, что все это было такъ несправедливо и, хуже еще того, въ этомъ было что-то худое, что-то въ нравственномъ отношеніи отталкивающее.

Въ этотъ періодъ разочарованія онъ прибылъ въ Кіевъ и встрѣтился здѣсь съ однимъ изъ своихъ наиболѣе закадычныхъ университетскихъ друзей. Послѣдній черезъ три года потомъ былъ казненъ во рву кіевской крѣпости. Это былъ живой и очень способный энтузіастъ. Онъ убѣждалъ Свѣтлогуба присоединиться къ обществу просвѣщенія народа въ дѣлѣ сознанія своихъ правъ. Общество организовало крестьянъ въ группы, намѣреваясь освободить ихъ отъ власти помѣщиковъ и чиновниковъ. Общеніе съ новыми товарищами довершило то, что Свѣтлогубъ осуществлялъ до

сихъ поръ лишь довольно смутно. Онъ теперь понялъ, что долженъ дѣлать. Свѣтлогубъ воротился въ деревню и здѣсь, поддерживая связь со своими новыми друзьями, началъ совершенно новую жизнь.

Онъ сдѣлался сельскимъ учителемъ, организовалъ взрослыхъ, читалъ имъ книги и памфлеты и изъяснялъ крестьянамъ ихъ положеніе. Кромѣ того, онъ издавалъ нелегальныя брошюры и посвятилъ весь свой доходъ, все, что онъ могъ съэкономить, на организацію подобныхъ центровъ въ другихъ деревняхъ.

Въ самомъ началѣ своей новой дѣятельности Свѣтлогубъ столкнулся съ двумя неожиданными препятствіями; однимъ изъ нихъ была индиферентность къ его пропагандѣ многихъ лицъ, которыя стали относиться къ нему подозрительно; только въ рѣдкихъ случаяхъ понимали и сочувствовали ему. Второе препятствіе исходило отъ администраціи. Его школа была закрыта, начались полицейскіе обыски въ домахъ его и друзей, его книги и бумаги были конфискованы.

Свѣтлогубъ не обращалъ большого вниманія на первое препятствіе — равнодушіе народа, но былъ слишкомъ возмущенъ преслѣдованіемъ администраціи. Это было испытано при дѣятельности и его товарищей въ другихъ мѣстахъ, и чувство ненависти къ бюрократіи, обоюдно-подогрѣваемое, достигло такой степени, что большинство изъ группы рѣшило выступить на открытую борьбу съ ней.

Иниціаторомъ этого новаго рѣшенія былъ Медженецкій, котораго всѣ считали за человѣка непреклонной воли и непобѣдимой логики и который былъ вполнѣ отданъ дѣлу революціи.

Свѣтлогубъ самъ подчинился вліянію этого вожака и отдался террористической пропагандѣ съ тою же энергіею, съ какою онъ раньше работалъ среди крестьянъ.

Эта дѣятельность была, словъ нѣтъ, опасной и манила къ себѣ Свѣтлогуба.

Онъ сказалъ самъ себѣ: или побѣда или мученичество, и если второе, то это будетъ побѣда для будущаго дѣла. И пламя, загорѣвшееся въ немъ, не прекращалось въ теченіе семи лѣтъ его революціоннаго періода жизни; оно все разгоралось, поощряемое любовью и уваженіемъ тѣхъ, среди которыхъ онъ вращался.

Свѣтлогубъ не придавалъ никакого значенія тому факту, что онъ истратилъ уже все свое состояніе, которое унаслѣдовалъ отъ

отца, и не обращалъ никакого вниманія на тѣ труды и нужду, которую онъ такъ часто испытывалъ. Только одно угнетало его: та печаль, которую онъ причинялъ своею дѣятельностью матери и молодой дѣвушкѣ, опекаемой ею, которая жила вмѣстѣ съ первой и любила его.

Въ концѣ-концовъ одинъ террористъ, преслѣдуемый полиціей, попросилъ его спрятать у себя небольшое количество динамита. Свѣтлогубъ согласился на это, хотя и долго не рѣшался, такъ какъ не любилъ этого человѣка.

На слѣдующій день полиція сдѣлала обыскъ въ его квартирѣ— и динамитъ былъ найденъ. На всѣ вопросы, какъ и откуда онъ добылъ его, Свѣтлогубъ не отвѣчалъ ничего.

Много изъ его друзей было казнено, заточено въ тюрьмы и выслано. Это побуждало Свѣтлогуба искать вѣнца мученичества для себя и въ первый періодъ ареста и допроса онъ чувствовалъ большой подъемъ духа, даже радость.

И это чувство не покидало, когда его раздѣли, обыскали, заперли въ казематъ, и желѣзная дверь захлопнулась за нимъ. Но вотъ прошелъ день, другой, третій, цѣлая недѣля, другая и еще одна недѣля. Все это время было проведено въ грязномъ сыромъ казематѣ, наполненномъ насѣкомыми, въ вынужденныхъ праздности и одиночествѣ, прерываемыми лишь сообщеніями съ помощью стуковъ съ арестантами въ сосѣднихъ казематахъ. Но сосѣди передавали лишь плохія и печальныя новости. Его одиночество прерывалось допросомъ грубыхъ и враждебныхъ людей, которые пытались вырвать отъ него доносъ на его товарищей. Его нравственная и физическая крѣпость постепенно ослабѣвала, онъ сталъ совсѣмъ угнетеннымъ и искалъ какого-либо конца этому несносному положенію. Тоска его еще болѣе усилилась вслѣдствіе возникшихъ сомнѣній. Во второй мѣсяцъ заключенія онъ боялся самъ себя.

Онъ былъ напуганъ своею слабостью и не только не находилъ въ себѣ обычайной крѣпости, но ненавидѣлъ и презиралъ себя, чувствуя еще большую печаль.

Но ужаснѣе всего было то, что въ тюрьмѣ онъ дошелъ до чувства сожалѣнія о томъ молодомъ здоровьѣ и радостяхъ, которыя онъ такъ легко принесъ въ жертву по доброй волѣ. Все это казалось ему теперь такимъ восхитительнымъ, и онъ сожалѣлъ о

потерѣ его. У него являлись мысли и о томъ, какъ хорошо было бы жить на свободѣ, въ деревнѣ, или внѣ ея въ кругу любимыхъ и любящихъ лицъ, жениться *на ней* или на другой и жить свѣтлою, простою, радостною жизнью.

IV.

Въ одинъ изъ печальныхъ и монотонныхъ дней второго мѣсяца заключенія Свѣтлогуба смотритель тюрьмы далъ ему во время обычнаго осмотра маленькую книжку въ коричневомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и сообщилъ при этомъ, что губернаторша пожертвовала нѣсколько Евангелій съ тѣмъ, чтобы раздѣлить ихъ среди арестантовъ. Свѣтлогубъ поблагодарилъ его и, улыбнувшись, положилъ книгу на маленькій столъ, привинченный къ стѣнѣ.

Когда смотритель ушелъ, Свѣтлогубъ сообщилъ стукомъ своему сосѣду о посѣщеніи смотрителя. Сосѣдъ отвѣтилъ ему, что то же самое случилось и съ нимъ.

Потомъ Свѣтлогубъ раскрылъ маленькую книгу, листы которой слиплись отъ сырости, и сталъ читать ее. Онъ никогда еще не читалъ Евангеліе, какъ обыкновенную книгу. Все то, что онъ зналъ о ней, были тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ ему законоучитель въ гимназіи и что священники и діаконы читали съ особенной интонаціей въ церкви.

«Глава I. Книга происхожденія Іисуса Христа, сына Давида, сына Авраама... Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Іакова и Іаковъ родилъ Іуду, — читалъ онъ. — И Зоровавель родилъ Авіуда», продолжалъ онъ читать.

Если бы онъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ не былъ бы въ состояніи докончить и одной страницы, но Свѣтлогубъ все-таки продолжалъ ради процесса чтенія. Онъ прочелъ первую главу отъ начала до конца, затѣмъ пророчество о томъ, что родится кто-то по имени Эммануилъ, что значитъ «съ нами Богъ». «Въ чемъ же это пророчество исполнилось?» подумалъ онъ и продолжалъ читать. Такимъ образомъ онъ прочелъ и вторую главу о появленіи звѣзды и третью объ Іоаннѣ, который питался саранчею, а потомъ и четвертую о діаволѣ, предложившемъ Христу броситься со скалы. Это все показалось ему настолько неинтереснымъ, что онъ уже былъ готовъ закрыть книгу, несмотря на скуку, и приняться за

свое обычное вечернее занятіе — спявъ рубаху, ловить въ ней вшей, но вдругъ ему пришло на умъ, какъ на экзаменѣ въ пятый классъ онъ забылъ одно изъ блаженствъ, и краснощекій, завитый попъ вдругъ разсердился и поставилъ ему плохой баллъ. Онъ не могъ теперь вспомнить, какое это было блаженство, и сталъ читать ихъ цѣликомъ. «Блаженны тѣ, которыхъ преслѣдуютъ за правду, такъ какъ ихъ царство небесное», прочелъ онъ. «Это можетъ относиться къ намъ», подумалъ онъ. «Блаженны и вы, когда будутъ поносить и преслѣдовать васъ... Радуйтесь и веселитесь, потому что такъ преслѣдовали они и пророковъ, которые были передъ вами... Вы соль земли... Но если соль потеряетъ свой вкусъ, чѣмъ ее замѣнить? Въ ней не останется ничего хорошаго, и она будетъ выброшена и попрана ногами». «И это совершенно приложимо къ намъ», подумалъ онъ и продолжалъ читать. Прочитавъ пятую главу, онъ остановился. «Не будьте злыми, не совершайте прелюбодѣянія, терпите зло, любите своихъ враговъ». «Да, если бы всѣ жили такъ, — размышлялъ онъ, — не было бы никакой нужды въ революціи».

Читая дальше, онъ углублялся въ смыслъ тѣхъ страницъ, которыя были ему понятны. Чѣмъ болѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе проникался идеей, что можно найти въ этой книгѣ нѣчто особенно важное, что-то сразу глубокое, простое и трогательное, о чемъ онъ раньше не слышалъ ничего, но съ чѣмъ, какъ онъ чувствовалъ, былъ онъ давно знакомъ.

«Потомъ сказалъ Іисусъ ученикамъ: Если кто хочетъ итти во имя Мое, отрекись отъ самого себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за мной. Такъ какъ тотъ, кто хочетъ спасти свою жизнь, потеряетъ ее, и кто потеряетъ ее ради Меня, найдетъ ее. Ибо что за польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ себѣ цѣлый міръ, а потеряетъ свою собственную душу».

«Да, да, это такъ, — вспомнилъ онъ со слезами на глазахъ.— Это именно то, что я хотѣлъ дѣлать и что мнѣ было нужно, а именно: уступить свою душу, не сохранить ее, но отдать. Въ этомъ заключается радость, въ томъ — жизнь. Я сдѣлалъ многое, — подумалъ онъ, — не для славы народа, но для того, чтобы снискать хорошее мнѣніе тѣхъ, кого я уважалъ и любилъ: Наташи, Дмитрія Щегомова, а потомъ наступили сомнѣнія и я былъ въ затрудненіи. Я почувствовалъ миръ только тогда, когда сталъ дѣйствовать просто, чтобы побудить къ этому мою душу».

Съ этихъ поръ Свѣтлогубъ проводилъ большую часть времени за чтеніемъ этой книги, обсуждая то, что было написано въ ней. Это вызвало такую дѣятельность мысли, которую раньше онъ никогда не испытывалъ. Онъ удивился тому, почему люди, всѣ люди не живутъ такъ, какъ написано въ этой книгѣ: «Жить такъ хорошо не только для одного человѣка, но и для всѣхъ». Если бъ люди жили такъ, они никогда бы не сожалѣли объ этомъ и ни въ чемъ бы не нуждались, а лишь блаженствовали. «Ахъ, если бъ все окончилось, и я могъ бы опять жить на свободѣ, — думалъ онъ неоднократно, — или бы они отпустили меня на нѣсколько дней, или послали на каторгу. Все одно и то же, гдѣ бы ни жить такъ. И я буду жить такъ. Это возможно и необходимо. Не жить такъ — безуміе».

V.

Въ одинъ изъ тѣхъ, тѣхъ дней, когда онъ находился въ радостномъ, приподнятомъ настроеніи, вошелъ въ его камеру въ необычное время смотритель и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ и не желаетъ ли чего-либо. Свѣтлогубъ изумился, не понялъ, что означаетъ эта перемѣна, и попросилъ папиросъ, ожидая въ душѣ отказа. Однако смотритель обѣщалъ прислать ихъ немедленно, и сторожъ принесъ пачку папиросъ и спички.

«Кто-то, вѣроятно, хлопочетъ обо мнѣ», сталъ мечтать Свѣтлогубъ и, закуривъ папиросу, сталъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ, обдумывая подобную перемѣну.

На слѣдующій день его повели на судъ. Тутъ онъ былъ уже много разъ, но теперь его не допрашивали. Одинъ изъ судей всталъ со стула, несмотря на него. То же сдѣлали и другіе. Первый изъ нихъ, взявъ въ руки бумагу, началъ читать громкимъ, торжественнымъ и невыразительнымъ голосомъ.

Свѣтлогубъ слушалъ и смотрѣлъ на лица судей. Они всѣ избѣгали глядѣть на него и просто слушали съ торжественнымъ и мрачнымъ видомъ.

Въ бумагѣ было сказано, что Анатолій Свѣтлогубъ за свою революціонную дѣятельность съ цѣлью ниспровергнуть, въ близкомъ или далекомъ будущемъ, существующее правительство, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Свѣтлогубъ выслушалъ и понялъ поверхностно смыслъ словъ, сказанныхъ чиновникомъ. Онъ замѣтилъ нелѣпость выраженій «въ близкомъ или далекомъ будущемъ» и о лишеніи всѣхъ правъ человѣка, который осужденъ на смерть. Однако онъ совсѣмъ не схватилъ дѣйствительнаго смысла того, что прочли ему.

Только послѣ того, какъ ему было приказано итти, и онъ отправился вмѣстѣ съ жандармомъ на улицу, онъ началъ соображать то, что ему было объявлено.

«Это что-то скверное, что-то несправедливое, безсмысленное! Этого не можетъ быть», сказалъ онъ самъ про себя, какъ только его отправили назадъ въ тюрьму.

Онъ чувствовалъ въ себѣ столько жизненной силы, что не могъ даже вообразить себѣ смерти.

Возвратясь въ тюрьму, Свѣтлогубъ сѣлъ на кровать и, закрывъ глаза, пытался нарисовать картину, что ждетъ его. Онъ совершенно не могъ представить себѣ, чтобы его желали убить.

«Меня, молодого, добраго, счастливаго, столь любимаго многими, — подумалъ онъ, и сталъ перебирать въ умѣ любовь его матери, Наташи, друзей.—И онъ можетъ быть убитымъ, повѣшеннымъ? Кто сдѣлаетъ это и почему? А потомъ что будетъ, когда меня болѣе не будетъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть».

Вошелъ смотритель.

— Что такое? Что вамъ нужно? — сказалъ Свѣтлогубъ, не узнавая его. — Ахъ, да, это вы? Ну, хорошо, когда это будетъ?— спросилъ онъ.

— Я не знаю, — отвѣтилъ смотритель и, остановившись молча на нѣсколько секундъ, сказалъ вкрадчивымъ голосомъ, — здѣсь священникъ. Онъ хотѣлъ бы васъ видѣть, васъ приготовить...

— Не нужно, не нужно. Мнѣ ничего не нужно. Уходите!— крикнулъ Свѣтлогубъ.

— Ну, а не хотите ли написать кому-либо? Это разрѣшается, — сказалъ смотритель.

— Да, да, пришлите мнѣ все, что нужно. Я напишу.

Смотритель ушелъ.

«Очевидно, завтра утромъ будетъ, — подумалъ Свѣтлогубъ.— Это обычная вещь. Завтра утромъ меня не будетъ въ живыхъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть... Вѣроятно, это сонъ».

Пришелъ сторожъ и принесъ ему два пера, чернила, почтовую бумагу, нѣсколько синихъ конвертовъ и поставилъ стулъ передъ столомъ. Все это было совершенно наяву, а не во снѣ.

— Я не долженъ думать, не долженъ... Да, да, я напишу матери, — сказалъ Свѣтлогубъ. Онъ сѣлъ за столъ и принялся писать.

«Дорогая мама, — писалъ онъ со слезами на глазахъ, — прости меня, прости мнѣ за все то горе, которое я причинилъ тебѣ. Ошибался я или нѣтъ, но я не могъ поступать иначе. Только объ одномъ я прошу тебя: прости меня. Не горюй обо мнѣ; раньше это было бы или позже, не все ли равно? Я не боюсь и не раскаиваюсь въ томъ, что я сдѣлалъ, — я не могъ дѣйствовать иначе. Только прости меня и не питай злыхъ чувствъ къ тѣмъ, съ которыми я работалъ или которые казнили меня. Ничего другого сдѣлать было нельзя. Забудь ихъ. Они не знаютъ, что творятъ, но они живутъ въ моей душѣ, возвышаютъ и утѣшаютъ меня. Прощай, я цѣлую твои дорогія, морщинистыя, старыя руки».

При этомъ двѣ слезы скатились одна за другою на бумагу и запачкали ее.

«Я плачу, но не отъ горя или страданія, не отъ раскаянія въ самый торжественный моментъ моей жизни, но отъ того, что я люблю тебя. Не осуждай моихъ друзей, люби ихъ, особенно Прохорова, за то, что онъ былъ причиною моей смерти. Какъ радостно любить того, кого порицалъ, но кого во всякомъ случаѣ я могъ бы осуждать или ненавидѣть. Любить такого человѣка, врага — такъ радостно. Скажи Наташѣ, что ея любовь была моимъ утѣшеніемъ и радостью. Легче жить, зная, что она существовала и любила меня. Ну, я сказалъ все. Прощай!»

Онъ сложилъ письмо, вложилъ его въ конвертъ и сѣлъ на постель, положивъ руки на колѣни и глотая слезы.

Свѣтлогубъ еще никакъ не могъ повѣрить тому, что онъ умретъ, и ему казалось, что все это — сонъ.

Послѣдняя мысль внушила ему другую, что вся жизнь въ этомъ мірѣ можетъ быть сномъ, пробужденіе отъ котораго — смерть. И если это такъ, то не будетъ ли сознаніе жизни этого міра пробужденіемъ отъ сна предыдущей, детали которой забылись, такъ что жизнь здѣсь представляетъ не начало, а только новую форму. И вотъ я умру и перейду въ новое состояніе.

Эта идея понравилась ему, но когда онъ хотѣлъ на ней остановиться, онъ почувствовалъ, что эта именно мысль можетъ дать возможность безбоязненно глядѣть въ лицо смерти. Напослѣдокъ онъ ослабъ. Мозгъ его болѣе не работалъ; онъ закрылъ глаза и долгое время сидѣлъ, не думая ни о чемъ.

Свѣтлогубъ перечиталъ письмо и, замѣтивъ въ концѣ имя Прохорова, быстро вспомнилъ, что письмо могутъ прочесть, даже, вѣроятно, прочтутъ и что оно можетъ погубить Прохорова.

— Боже мой, что я сдѣлалъ! — вскрикнулъ онъ и, разорвавъ письмо на длинныя полоски, тщательно сжегъ ихъ на лампѣ.

Онъ началъ писать съ отчаяніемъ въ сердцѣ, но теперь сталъ чувствовать въ душѣ миръ, даже радость.

Онъ взялъ свѣжій листъ и тотчасъ принялся за другое письмо.

Мысли одна за другой скоплялись въ его головѣ.

«Моя милая, дорогая мама, — писалъ онъ, и его глаза опять затуманились слезами. Онъ вытеръ ихъ рукавомъ, желая видѣть то, что онъ писалъ. — Какъ мало я зналъ себя и всю силу любви и привязанности къ тебѣ, которыя всегда существовали въ моемъ сердцѣ! Теперь я знаю и чувствую это и, когда я вспоминаю наши маленькія размолвки и тѣ жестокія слова, съ которыми обращался къ тебѣ, я чувствую горе и стыдъ. Прости меня и помни только лишь хорошее, если таковое было во мнѣ.

«Смерть не пугаетъ меня. Скажу по правдѣ, я не понимаю этого, но вѣрю. Если смерть существуетъ, развѣ не безразлично, умереть ли на тридцать лѣтъ или тридцать дней раньше или позже?

«Но къ чему я философствую, — подумалъ онъ. Я лучше напишу, какъ и въ томъ письмѣ, нѣчто хорошее въ концѣ».

«Да. Не осуждай моихъ друзей, — продолжалъ онъ писать, — но люби ихъ, особенно того, кто былъ невольною причиною моей смерти. Поцѣлуй за меня Наташу и скажи ей, что я любилъ ее всегда».

— Ну, а потомъ? Что будетъ? — сказалъ онъ, воротясь къ своему положенію. Ничего? Нѣтъ, немного. Но что такое?

И сразу стало совершенно ясно для него, что для живого человѣка не было и не можетъ быть отвѣта на эти вопросы.

Но почему я спрашиваю себя объ этомъ? Почему? Никто еще не отвѣтилъ на это при жизни. Когда я писалъ это письмо, я

любилъ и былъ счастливъ. Такъ мы должны жить. Возможно такъ жить всюду и всегда, на свободѣ и въ заточеніи, сегодня, завтра и такъ до конца.

Онъ почувствовалъ необходимость поговорить съ кѣмъ-либо по-душѣ. Свѣтлогубъ постучалъ въ дверь и, когда часовой посмотрѣлъ въ «глазокъ», спросилъ его, который часъ, но тотъ не отвѣчалъ ничего. Потомъ онъ попросилъ его позвать смотрителя. Послѣдній пришелъ и спросилъ, что ему нужно.

— Я написалъ письмо къ матери, передайте его, — сказалъ Свѣтлогубъ, — и при мысли о матери слезы наполнили его глаза.

Смотритель взялъ письмо и обѣщалъ, что передастъ его по назначенію, Свѣтлогубъ удержалъ его.

— Посмотрите сюда, вы — добрый человѣкъ. Почему вы поступили на эту жестокую службу? — сказалъ онъ мягко, дотрогиваясь до рукава смотрителя.

Тотъ неестественно улыбнулся и, опустивъ глаза, сказалъ: «Каждый живетъ по-своему».

— Оставьте лучше эту службу. Каждый въ состояніи найти себѣ занятіе по-душѣ, а вы такой добрый человѣкъ. Ну, я могъ бъ...

Смотритель быстро зарыдалъ, круто повернулся налѣво кругомъ и ушелъ, захлопнувъ дверь.

Его волненіе тронуло Свѣтлогуба и, сдерживая радостныя слезы, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ, не только не испытывая какого-либо страха, но находясь даже въ восторженномъ состояніи, которое возвышало его надъ міромъ. Теперь вопросъ о томъ, что случится съ нимъ послѣ смерти, на который онъ такъ тщетно пытался отвѣтить, показался ему разрѣшеннымъ. И все это ради той истинной жизни, которая была въ немъ.

И онъ вспомнилъ слова Евангелія: «Истинно, истинно говорю вамъ, если зерно пшеницы упадетъ на землю и не погибнетъ, оно принесетъ много плодовъ». «И я также упалъ въ почву. Да, истинно, истинно», думалъ онъ.

— Ахъ, если бъ я могъ спать, — сказалъ онъ, — чтобы не ослабнуть окончательно? И онъ легъ на кровать, закрылъ глаза и вдругъ почувствовалъ, что спитъ.

Онъ проснулся въ шесть часовъ утра подъ впечатлѣніемъ свѣтлаго, радужнаго сна.

Свѣтлогубъ видѣлъ во снѣ, что вмѣстѣ съ маленькой дѣвочкой со свѣтлыми волосами онъ наклонился надъ вѣтками деревьевъ, покрытыхъ черными, спѣлыми вишнями, и собиралъ ихъ въ большой мѣдный тазъ. Ягоды падали на землю, а какія-то страшныя животныя схватывали ихъ, подбрасывали и схватывали опять. И, глядя на это, маленькая дѣвочка смѣялась такъ заразительно, что Свѣтлогубъ тоже весело засмѣялся во снѣ, самъ не зная, чему. Вдругъ мѣдный тазъ сразу выскочилъ изъ рукъ дѣвочки; Свѣтлогубъ пытался схватить его, но не успѣлъ, и тазъ, цѣпляясь о вѣтви, со звонкимъ шумомъ упалъ на землю. И онъ проснулся, улыбаясь и слыша наяву продолженіе этого звука. Онъ происходилъ отъ скрипа желѣзныхъ болтовъ въ коридорѣ. Послышались шаги и бряцаніе ружей. Онъ вдругъ вспомнилъ все. «О, если бы я могъ уснуть опять», подумалъ Свѣтлогубъ, но это уже было невозможно. Шаги долетѣли до двери. Онъ услышалъ, какъ ключъ искалъ замочной скважины и какъ дверь съ визгомъ отворилась.

Вошли жандармскій офицеръ, смотритель и конвойные.

«Смерть? Ну, что же изъ того? Я иду. Это хорошо. Все хорошо», думалъ Свѣтлогубъ, чувствуя къ себѣ возвращеніе того торжественнаго состоянія, которое онъ испытывалъ наканунѣ...

VI.

Въ той же самой тюрьмѣ былъ заключенъ старый крестьянинъ, старовѣръ. Послѣдній потерялъ довѣріе къ своимъ учителямъ и искалъ «истинной вѣры». Онъ отвергалъ не только церковь со временъ Никона, но и правительство со временъ Петра. Онъ не обращалъ вниманія ни на то, что его оскорбляли конвойные, что его товарищи по заключенію смѣялись надъ нимъ. Когда онъ былъ на свободѣ, то испытывалъ лишь преслѣдованіе со стороны людей, потерявшихъ истинную вѣру. Но онъ зналъ, что истинная вѣра существуетъ. Онъ зналъ ее, такъ какъ чувствовалъ эту вѣру въ своемъ сердцѣ и каждый разъ искалъ ее. Все это онъ надѣялся найти въ откровеніи Іоанна.

Что несправедливо, то и останется несправедливымъ, что развращено, то и останется развращеннымъ, а что правильно, то и будетъ правильно, что свято, то и будетъ свято.

«Вотъ приду скоро и воздастся коемуждо по дѣламъ его».

И онъ постоянно читалъ эту таинственную книгу и каждую минуту ожидалъ «Его пришествія», Который не только «воздастъ коемуждо по его дѣламъ», но также и раскроетъ всю правду Божію людямъ.

Въ утро казни Свѣтлогуба онъ услыхалъ барабанную дробь и, вскарабкавшись на окно, увидалъ черезъ рѣшетку, какъ подкатила телѣга и какъ молодой человѣкъ съ волнистыми кудрями и блестящими глазами вышелъ, улыбаясь, изъ тюрьмы и сѣлъ въ телѣгу. Въ своей маленькой бѣлой рукѣ онъ держалъ книгу, прижавъ ее къ сердцу. Раскольникъ узналъ, что это Евангеліе, а молодой человѣкъ, кивая арестантамъ въ окнахъ, съ улыбкою обмѣнялся съ нимъ взглядомъ. Лошади тронули, и повозка съ юношей-сѣдокомъ двинулась изъ воротъ тюрьмы, окруженная конвоемъ, громыхая по мостовой.

VII.

Было пасмурное, осеннее утро. Не было видно солнца, и сырой, теплый вѣтеръ дулъ съ моря.

Свѣжій воздухъ, видъ домовъ города, лошадей и людей, смотрѣвшихъ съ любопытствомъ, — все это интересовало Свѣтлогуба. Сидя въ телѣгѣ на скамьѣ спиною къ кучеру, онъ невольно разсматривалъ лица солдатъ, сопровождавшихъ его, и жителей города, когда они проходили мимо.

Было раннее утро. Улицы, вдоль которыхъ онъ ѣхалъ, были почти пустынны и видны были лишь одни рабочіе. Нѣсколько замазанныхъ каменщиковъ въ фартукахъ, которые быстро шли по улицѣ, остановились и обернулись, наблюдая телѣгу. Одинъ изъ нихъ, сказавъ что-то, махнулъ рукою остальнымъ; они повернулись и пошли дальше. Возчики, шумно громыхая, разъѣхались по сторонамъ, чтобы дать дорогу телѣгѣ, остановились и смотрѣли на нее съ удивленіемъ и интересомъ. Одинъ изъ нихъ снялъ шапку и перекрестился. Поваръ въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ вышелъ за ворота съ корзинкою въ рукѣ, но, увидя телѣгу, быстро побѣжалъ обратно и выбѣжалъ уже съ женщиною. Оба они бѣжали за повозкою, вытаращивъ глаза, желая разглядѣть Свѣтлогуба. Плохо одѣтый человѣкъ, небритый и съ сѣдыми волосами сказалъ что-то, энергически жестикулируя и неодобрительно указывая на Свѣтлогуба. Два маленькихъ маль-

чика выбѣжали. Одинъ изъ нихъ, старшій, пошелъ быстрыми шагами впередъ, другой, маленькій, безъ шапки, держась за другого и смотря со страхомъ на повозку, едва поспѣвалъ за ней, такъ какъ спотыкался на своихъ ножкахъ. Встрѣтивъ его взглядъ, Свѣтлогубъ кивнулъ ему. Такое дѣйствіе со стороны человѣка, ѣхавшаго въ телѣгѣ, такъ испугало мальчика, что онъ чуть не заоралъ, но Свѣтлогубъ послалъ ему воздушный поцѣлуй и ласково улыбнулся. И мальчикъ неожиданно отвѣтилъ ему милою, доброю улыбкой. И все это время сознаніе того, что ожидало его, не нарушало торжественнаго настроенія Свѣтлогуба.

Только тогда, когда телѣга приблизилась къ висѣлицѣ, Свѣтлогубъ увидѣлъ столбъ съ перекладиною и тонкую веревку, болтающуюся по воздуху; онъ увидѣлъ вокругъ платформы темные ряды солдатъ съ ружьями и офицеровъ, двигающихся по фронту. Какъ только его свели съ телѣги, раздался неожиданный грохотъ барабановъ, что заставило его вздрогнуть. За рядами солдатъ Свѣтлогубъ увидѣлъ экипажи съ барами и барынями, прибывшими присутствовать на интересномъ зрѣлищѣ. Видя все это, Свѣтлогубъ почувствовалъ жалость къ этимъ людямъ. Онъ сожалѣлъ, что они не знаютъ того, что онъ знаетъ. Но они узнаютъ! Они узнаютъ это!.. Всѣ, а не я одинъ, могутъ и хотятъ быть счастливыми.

Онъ взошелъ на платформу, а за нимъ офицеръ. Барабаны перестали бить, и офицеръ прочиталъ неестественнымъ голосомъ, при чемъ его голосъ звучалъ очень слабо въ открытомъ полѣ. Онъ прочиталъ тотъ же глупый смертный приговоръ, который былъ прочтенъ и судьею, о человѣкѣ, лишенномъ правъ, когда онъ идетъ на убой. «И почему, почему они дѣлаютъ все это,— подумалъ Свѣтлогубъ. — Какъ жалко, что они этого не понимаютъ, а я не могу объяснить это имъ, но они это узнаютъ. Каждый будетъ знать».

Священникъ съ длинными, рѣдкими волосами, одѣтый въ фіолетовую рясу, приблизился къ Свѣтлогубу, держа серебряный крестъ въ своей тонкой, бѣлой, согнутой рукѣ, окаймленной чернымъ бархатнымъ поручемъ.

— Да помилуетъ васъ Господь, — сказалъ онъ, перекладывая крестъ изъ лѣвой руки въ правую и поднося его къ Свѣтлогубу.

Послѣдній вздрогнулъ и отвернулся. Онъ чуть не сказалъ что-то нелюбезное попу, присутствующему при такой сценѣ и въ то же время говорящему о милосердіи, но, вспомнивъ слова Евангелія, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и робко пробормоталъ:

— Извините меня, я не прошу этого. Простите, но я, право, не нуждаюсь въ этомъ, — благодарю васъ.

Онъ протянулъ руку попу, тотъ переложилъ крестъ въ свою лѣвую руку и, пожавъ руку Свѣтлогуба, пытаясь не смотрѣть на него, сошелъ съ платформы. Барабаны забили опять, заглушая всѣ другіе звуки.

Послѣ священника пришелъ человѣкъ средняго роста съ круглыми плечами, мускулистый, въ пиджакѣ поверхъ русской рубахи и приблизился къ Свѣтлогубу, при чемъ доски платформы сгибались подъ его тяжелыми шагами. Этотъ человѣкъ свирѣпо взглянулъ на Свѣтлогуба, подошелъ близко къ нему, распространяя кругомъ непріятный запахъ водки и пота, схватилъ своими цѣпкими пальцами его руки такъ, что онъ почувствовалъ боль, скрутилъ ихъ назадъ и крѣпко связалъ. Прикрѣпивъ руки, палачъ остановился на минуту, какъ бы любуясь дѣломъ и разглядывая вещи, которыя онъ положилъ на платформу, и на веревку, висящую на перекладинѣ. Сообразивъ все, что ему нужно, палачъ подошелъ къ веревкѣ, сдѣлалъ что-то съ нею и подтолкнулъ Свѣтлогуба ближе къ веревкѣ и къ краю платформы.

Какъ и при объявленіи смертнаго приговора, Свѣтлогубъ никакъ не могъ сообразить того, что произошло, такъ и теперь онъ не былъ въ состояніи сознать приближающійся моментъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на палача, который быстро, искусно и заботливо исполнялъ свое ужасное дѣло. Лицо палача было самое обыкновенное, не жестокое, но сосредоточенное, подобно лицу у тѣхъ, которые стараются выполнить назначенную и сложную задачу какъ можно аккуратнѣе.

— Немножко впередъ, — сказалъ палачъ спитымъ голосомъ, толкая его ближе къ концу.

Свѣтлогубъ подвинулся.

— Господи, помоги мнѣ, смилуйся надо мною, — прошепталъ онъ.

Свѣтлогубъ не вѣрилъ въ Бога, такъ какъ не могъ выразить Его словами, ни схватить Его въ мысляхъ. Но онъ чувствовалъ, что самое естественное изъ всего, что онъ зналъ теперь,

обратиться съ любовью къ Единому. Онъ также зналъ, что этотъ призывъ необходимъ и важенъ и потому, что укрѣпляетъ его.

Онъ осмотрѣлъ ряды солдатъ и изящно одѣтыхъ зрителей и еще разъ подумалъ: почему, почему они дѣлаютъ это? И онъ почувствовалъ жалость къ нимъ и къ себѣ, и слезы показались на его глазахъ.

— И тебѣ не жалко меня? — сказалъ онъ, наблюдая, какъ бѣгали глаза у палача.

Послѣдній моментально остановился, и лицо его стало суровымъ.

— Теперь такъ! Не разговаривай, — пробормоталъ онъ и, быстро нагнувшись къ доскамъ, гдѣ лежало его верхнее платье и какая-то одежда, стремительнымъ движеніемъ обнявъ Свѣтлогуба сзади, набросилъ на его голову мѣшокъ и поспѣшно стянулъ его сзади и спереди.

«Въ руки Твои предаю духъ мой», подумалъ Свѣтлогубъ, вспоминая слова Евангелія.

Его духъ не противился смерти, но крѣпкое, молодое тѣло не принимало ея, не подчинялось и хотѣло бороться.

Онъ хотѣлъ крикнуть, освободиться, но въ тотъ же моментъ почувствовалъ толчокъ, потерю точки опоры, физическій ужасъ удушенія, шумъ въ головѣ и все исчезло.

Тѣло Свѣтлогуба висѣло, качаясь на веревкѣ, и два раза его плечи поднялись вверхъ и внизъ.

Подождавъ двѣ минуты, палачъ, мрачно нахмурившись, положилъ руки на плечи тѣла и мощнымъ толчкомъ сдавилъ его.

Сойдя съ платформы, палачъ сообщилъ командиру, что трупъ можно снять съ петли и похоронить.

Вѣшатель исполнилъ то, что ему приказали и поручили сдѣлать. Но это было не легко исполнить. Слова Свѣтлогуба: «А тебѣ не жалко меня», не покидали его...

Палачъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за убійство, — совершеніе казней давало ему извѣстныя льготы и покой, но съ этого дня онъ отказался исполнять эту обязанность, которую онъ взялъ на себя, и въ эту самую недѣлю пропилъ не только деньги, но также и стоимость своего сравнительно хорошаго платья и дошелъ до такого состоянія, что его перевели въ камеру, а оттуда — въ госпиталь.

Рѣчи въ Государственной Думѣ по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни *).

Засѣданіе 3 мая.

Пренія по поводу отвѣта Государственной Думы на тронную рѣчь.

Рѣчь *Кузьмина-Караваева* (Тверская губ.). Какъ криминалистъ, я не безъ волненія вхожу сейчасъ на эту каѳедру. Я не могу говорить безъ волненія, потому что въ адресѣ, который будетъ представленъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, есть рѣшеніе одного изъ самыхъ больныхъ, самыхъ жгучихъ вопросовъ научной мысли. Здѣсь сказано: смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Эта мысль волнуетъ людей науки уже болѣе ста лѣтъ и эта мысль сейчасъ близка къ осуществленію. То сдержанное негодованіе, которымъ были встрѣчены вчера Государственною Думою слова представителя г. Екатеринослава, члена Государственной Думы, Способнаго,—это сдержанное негодованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что слова эти никоимъ родомъ не будутъ выкинуты изъ адреса, и что Государственная Дума на первую очередь поставитъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, не въ формѣ словъ, не въ формѣ заявленія и требованія, а какъ опредѣленный законопроектъ. Что мы слышали вчера отъ г. Способнаго? Мы слышали, что будто бы тѣ, кто требуетъ отмѣны смертной казни, стоятъ на почвѣ какой-то сентиментальности, что они не могутъ видѣть крови. Мы слышали здѣсь сравненіе могущественнаго государства, которое закономѣрно убиваетъ людей, которое убиваетъ ихъ рукой палача, по судебному приговору, мы

*) Изъ стенограф. отчета о засѣданіяхъ Государственной Думы, изд. канцеляріи Госуд. Думы.

слышали сравненіе этого государства съ тѣмъ гражданиномъ, который ѣстъ устрицы или употребляетъ непрожаренный ростбифъ. Но было въ словахъ г. Способнаго и нѣчто иное. Онъ говорилъ намъ: а что вы скажете, когда вамъ придется столкнуться съ измѣнникомъ отечества? Г. Способному кажется, что на измѣну отечеству нѣтъ и не можетъ быть иного отвѣта, какъ смертная казнь. Когда наступитъ такъ страстно мною желанное время, и мы будемъ разсматривать уже законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, тогда я и многіе другіе вмѣстѣ со мною, мы докажемъ г. Способному и всѣмъ сомнѣвающимся, что смертная казнь ни при какихъ условіяхъ не должна и не можетъ быть назначаема. *(Аплодисменты.)*

Мы докажемъ, что нельзя, убивая человѣка по суду, ставить вопросъ: за что?—а надо ставить вопросъ: зачѣмъ? И когда вы поставите такъ вопросъ, то вамъ станетъ ясна вся ненужность кары смертью. Я спрашиваю васъ, зачѣмъ убивать, зачѣмъ вѣшать измѣнниковъ отечества? Неужели государство такъ слабо, что оно не можетъ обезвредить ихъ на будущее время? Нѣтъ, оно безконечно сильно, и если оно вѣшаетъ, то въ немъ говоритъ только остатокъ очень, очень стараго—остатокъ кровожадной мстительности. Въ смертной казни всего отвратительнѣе кровожадная мстительность. Въ ней всего ужаснѣе безповоротность. Мстительность требуетъ безповоротной кары, и въ томъ, что смертная казнь безповоротна, въ этомъ и заключается торжество мстительнаго чувства человѣка.

Зачѣмъ людей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ? Какой въ этомъ смыслъ? Что̀ бы человѣкъ ни совершилъ, вѣдь то, что онъ совершилъ,—это уже отошло въ прошлое, въ данный моментъ онъ или уже безвреденъ или отъ государства зависитъ его обезвредить. А намъ говорятъ, что мы требуемъ отмѣны смертной казни по соображеніямъ сентиментализма. Нѣтъ, господа, лишеніе жизни вообще есть одно, а смертная казнь—другое. До тѣхъ поръ, пока будетъ война,—будутъ убійства. Но тамъ—убійство равными равныхъ, тамъ убійство тѣми, которые и сами могутъ быть убитыми. А въ смертной казни ужасно то, что властный убиваетъ своего подвластнаго. Властный уже захватилъ человѣка, онъ можетъ съ нимъ сдѣлать, что хочетъ. Онъ его убиваетъ со спокойнымъ расчетомъ, онъ его убиваетъ чрезъ палача, по судебному приговору. Какъ можно сравнивать это убійство съ какой бы то ни было иной

формой лишенія жизни? Тутъ нѣтъ аналогіи, тутъ нѣтъ никакого подобія необходимой обороны.

Всѣ эти соображенія такъ ясны и просты. Но почему же вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ? Причинъ много. Я не буду, конечно, останавливаться на изложеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Но я не могу не отмѣтить, что въ Россіи всегда смертная казнь встрѣчала отпоръ, особенно сильный отпоръ встрѣчала она, какъ наказаніе; 26 лѣтъ тому назадъ покойный философъ Соловьевъ въ свой извѣстной рѣчи сказалъ: «смертная казнь претитъ духу русскаго народа».

Да, вспомните русскую литературу, вспомните, наконецъ, то, что на Западѣ кое-когда появляются и теперь научныя теоріи, стремящіяся возродить смертную казнь, какъ правовой институтъ. Въ Россіи же съ тѣхъ поръ, какъ мы можемъ считать, что у насъ есть научное уголовное право, не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который не стремился бы вложить и свою лепту для того, чтобы въ общественное сознаніе глубже и глубже проникала мысль о необходимости скорѣйшей отмѣны смертной казни. Въ 82 году приступлено было къ составленію уголовнаго уложенія. Редакціонная комиссія, состоящая изъ 5—6 крупнѣйшихъ криминалистовъ,—между ними нѣкоторые живы еще до сихъ поръ,—единогласно признала, что наступило время, когда Россія можетъ отказаться навсегда отъ смертной казни. Но комиссія поступила такъ, какъ поступали всѣ бюрократическія комиссіи: она не рискнула построить проектъ на отмѣнѣ смертной казни. Казнь осталась, она существуетъ и она еще никогда такъ не давала себя чувствовать, какъ въ послѣднее время. Кто-то сосчиталъ, что съ декабря мѣсяца въ Россіи—не убито при вооруженномъ сопротивленіи, нѣтъ—но разстрѣляно, повѣшено и лишено жизни самымъ ужаснымъ способомъ безъ суда или по судебнымъ приговорамъ болѣе 600 человѣкъ. Это цифра—ужасающая, и эта цифра вамъ показываетъ лишній разъ, что въ смертной казни главный руководящій мотивъ, это именно кровожадная мстительность. Ея хотятъ; борющійся хочетъ сдѣлать свое рѣшеніе безповоротнымъ, а что изъ этого получается? Получается, какъ и при всякой смѣнѣ государственнаго строя, вотъ что: тотъ, кто вчера былъ убитъ, сегодня онъ не былъ бы уже преступникомъ, онъ не подлежалъ бы никакому наказанію. Вѣдь вспомните, господа, если одна сторона такъ дѣйствовала, то и другая сторона также дѣйствуетъ. Вспо-

мните французскаго короля, который во время революціи погибъ, погибъ не отъ руки убійцъ, а на основаніи формальнаго закона, погибъ отъ руки палача, погибъ въ силу и по рѣшенію той законной власти, которая была таковой въ данный моментъ.

Но намъ говорятъ: прежде чѣмъ отмѣнять смертную казнь, пусть прекратятся политическія убійства. Постоянно приходится слышать, что смертная казнь стоитъ въ причинной связи съ политическими убійствами. Я этого не оспариваю, я это признаю; но гдѣ причина и гдѣ слѣдствіе,—это еще вопросъ и вопросъ очень большой. Не причина сохраненія смертной казни въ политическихъ убійствахъ, а съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можно сказать, что причина политическихъ убійствъ въ смертной казни. Сохраняя за собою право на кровожадное мщеніе, государство при своемъ могуществѣ не можетъ не вліять на нравы общества. Оно поддерживаетъ тѣ же кровожадные инстинкты, развитые въ обществѣ. Кто долженъ начать, съ чего надо начать? Неужели же можно такъ ставить вопросъ, что пусть прекратятъ частныя лица,—люди, признаваемые закономъ преступниками, пусть они прекратятъ свои убійства, и тогда государство уничтожитъ смертную казнь. Да можно ли, господа, такъ ставить вопросъ? Государство должно дѣйствовать совершенно отъ этого независимо. Государство должно знать и помнить каждую минуту, что его опредѣленія имѣютъ воспитательное значеніе для всего общества, и если государство считаетъ, что смертная казнь не нужна, то этого уже достаточно для того, чтобы ее отмѣнить, вовсе не думая о томъ, существуютъ или нѣтъ политическія убійства.

Я крайне опасаюсь, что нашему заявленію въ адресѣ, которое, по моему мнѣнію, такъ вѣрно выражаетъ настроеніе народа, будутъ противопоставлены ссылки на недавно пролитую кровь, на недавно вновь совершонныя политическія убійства. Не потому я горячо высказываюсь за отмѣну смертной казни, чтобы я не былъ подъ впечатлѣніемъ убійства командира Петербургскаго порта, убійства екатеринославскаго генералъ-губернатора и даже, прибавлю, убійства Георгія Гапона. Нѣтъ, я нахожусь подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ пролитой крови. Я всей душой, всѣмъ сердцемъ готовъ протестовать противъ этихъ убійствъ, но съ тѣмъ большей горячностью я призываю къ отмѣнѣ смертной казни. *(Аплодисменты.)*

Въ засѣданіи 5 мая Государственной Думой былъ принятъ единогласно отвѣтъ на тронную рѣчь Государя Императора. По поводу смертной казни въ отвѣтѣ Госуд. Думы говорится:

«Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе, даже и по судебному приговору, наказанія смертью. *Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда.* Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ».

Засѣданіе 18 мая.

Пренія по законопроекту объ отмѣнѣ смертной казни.

Законопроектъ, внесенный въ Государственную Думу группой членовъ.

Докладчикъ *В. Д. Набоковъ.*

§ 1. «Смертная казнь отмѣняется».

§ 2. «Впредь до пересмотра уголовнаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ».

Объяснительная записка. «Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія редакціонная комиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія, состоявшая изъ первѣйшихъ авторитетовъ науки уголовнаго права, высказала единогласное мнѣніе, что «Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, начертанному еще съ царствованія императрицы Елисаветы, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ». Къ такому выводу комиссія пришла путемъ разбора всѣхъ доводовъ, приво-

димыхъ въ пользу сохраненія смертной казни и обнаруженія ихъ полной несостоятельности.

Событія переживаемаго нами времени краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какую огромную опасность представляетъ сохраненіе въ рукахъ государства смертной казни, хотя бы въ качествѣ исключительной мѣры. По идеѣ своей являясь самой крайней формой наказанія, примѣняемой въ рѣдкихъ случаяхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій судебнаго производства, она фактически весьма легко вырождается въ массовое убійство, не имѣющее никакихъ оправданій ни съ нравственной ни съ общественной точки зрѣнія, поражающее огромное количество жертвъ, виновность которыхъ часто не установлена съ надлежащей точностью, возмущающее все общество и плодящее новыя преступленія. Вѣра въ устрашающее значеніе смертной казни окончательно утрачена. Она осталась въ законодательствахъ лишь какъ пережитокъ стараго варварства.

Вступивъ на путь обновленія, Россія должна безъ замедленія и навсегда покончить съ этимъ наслѣдіемъ жестокихъ и кровавыхъ временъ. Она должна вступить въ число тѣхъ государствъ, которыя признали, что наказаніе смертью несовмѣстимо съ извѣстнымъ уровнемъ нравственнаго развитія народа. Государственная Дума уже высказалась единогласно за отмѣну смертной казни,—нынѣ ей надлежитъ дать формальное осуществленіе этому пожеланію».

Рѣчь *Набокова* (С.-Петербургъ). Я полагаю, что для Государственной Думы совершенно ясно, почему вносится этотъ законопроектъ сейчасъ, и почему обсужденіе его признается спѣшнымъ. Я имѣю честь предложить внести этотъ законопроектъ на разсмотрѣніе той комиссіи о неприкосновенности личности которая, у насъ уже образована. Чѣмъ же мотивируется эта спѣшность? Вы знаете, что уже нѣсколько времени тому назадъ въ томъ адресѣ, съ которымъ Дума обратилась къ Государю Императору, было выражено, что Дума сочтетъ себя счастливой въ тотъ день, когда выработаетъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни, и впредь до выработки этого закона—Дума выразила надежду—будутъ пріостановлены тѣ смертные приговоры, которые послѣдовали и которые еще послѣдуютъ. Этой надеждѣ Думы не суждено было до сихъ поръ осуществиться, и только что, въ отвѣтъ на запросъ Думы относительно смертнаго приговора надъ 8 лицами въ Прибалтійскомъ краѣ, мы узнали о томъ, что этотъ приговоръ приведенъ

въ исполненіе. Очевидно, что путемъ запросовъ намъ не удастся поставить преграды и препоны дальнѣйшимъ приговорамъ такого же рода. Мы можемъ поставить рѣшительныя препятствія только тогда, когда мы скажемъ и постановимъ, что сама эта мѣра должна быть навсегда вычеркнута изъ списка тѣхъ каръ, которыя налагаются государствомъ. И чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ вѣрнѣе и лучше мы отвратимъ возможность дальнѣйшаго исполненія смертныхъ приговоровъ; поэтому я имѣю честь просить Государственную Думу предварительно обсудить эти предположенія теперь же и направить ихъ въ комиссію 15 «о неприкосновенности личности» для дальнѣйшихъ дѣйствій. *(Аплодисменты.)*

Рѣчь *Ледницкаго* (Минская губ.). Государственная Дума опять лицомъ къ лицу столкнулась съ вопросомъ о смертной казни, съ вопросомъ не отвлеченнымъ, съ вопросомъ реальнымъ, живой жизненной дѣйствительности. Еще такъ недавно здѣсь, при обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь, Государственная Дума единодушно, единогласно высказалась противъ смертной казни. Три дня лишь прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы, узнавъ о состоявшемся приговорѣ военнаго суда въ Ригѣ, послали запросъ объ этомъ приговорѣ, и въ отвѣтъ на этотъ запросъ Государственная Дума получила 8 казненныхъ труповъ! Государственная Дума не можетъ пройти это молчаніемъ. Государственная Дума должна вновь остановиться на этомъ выдающемся событіи современной дѣйствительности,—событіи, которое имѣетъ безспорно большое политическое значеніе. Государственная Дума привела всѣ соображенія въ подтвержденіе невозможности удержанія смертной казни въ системѣ уголовныхъ наказаній. Государственная Дума осудила смертную казнь, и, невзирая на это, мы опять получаемъ приговоры со смертными казнями, не только въ Ригѣ, но, какъ сегодняшнія газеты сообщили, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Государственная Дума не можетъ по этому поводу не сказать своего собственнаго слова и не подвергнуть хотя бы краткому анализу тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ постановленіе этихъ смертныхъ приговоровъ. Намъ скажутъ: пусть смертная казнь въ системѣ уголовныхъ наказаній не можетъ найти мѣста; пусть смертная казнь осуждена уголовной наукой; пусть она возмущаетъ человѣческую совѣсть и душу,—но она является цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ, она является необходимымъ условіемъ современной дѣйствительности, она во имя и вслѣдствіе государственныхъ интересовъ должна быть оставлена

до тѣхъ поръ, пока не наступитъ умиротвореніе. Значитъ, смертную казнь слѣдуетъ обсудить только съ одной этой точки зрѣнія— съ точки зрѣнія цѣлесообразности этой мѣры. Единственное условіе, единственный мотивъ, который можетъ хоть сколько-нибудь говорить въ пользу смертной казни, какъ наказанія,—это устрашеніе. Значитъ, единственная возможность допустить смертную казнь состоитъ въ томъ, если бы мы пришли къ убѣжденію, что, благодаря смертной казни, политическія убійства прекратятся, благодаря смертной казни, государственные интересы не пострадаютъ, благодаря смертной казни, дѣйствительно наступитъ умиротвореніе и успокоеніе страны. Но можемъ ли мы сказать, что это, дѣйствительно, такъ? Развѣ мы не видимъ, что на каждую смертную казнь общество отвѣчаетъ осужденіемъ смертнаго приговора, осужденіемъ жестокимъ, безпощаднымъ, а революціонное движеніе платитъ такими же политическими убійствами? Развѣ мы не видимъ, что борьба ведется не на жизнь, а на смерть, развѣ мы не знаемъ, что смертная казнь не устрашаетъ, а ожесточаетъ, и что эта мѣра не дѣйствительна? Нужно искать другихъ условій, другихъ путей, которые могутъ привести къ успокоенію и умиротворенію страны. Какіе же это пути? Я думаю, единственная возможность—это опираться на нравственное сознаніе общества, на волю народа, опираться на то, что общество приходитъ къ извѣстному опредѣленному убѣжденію, что вопреки правосознанію и общественной мысли смертная казнь не можетъ дѣйствовать и безсильна предотвратить политическія убійства. Нецѣлесообразность смертной казни очевидна. Мы видимъ, что покушенія на генералъ-губернаторовъ продолжаются, политическія убійства не уменьшаются. Вчера казнили въ Ригѣ, а сегодня—покушеніе на Алиханова, и такъ безъ конца. Не смертныя казни остановятъ убійства, а нужно успокоить возмущенную совѣсть страны, нужно устранить тѣ условія, которыя побуждаютъ искать въ убійствахъ выраженіе своему негодованію. Во имя чего же нужно оставить эти смертныя казни, разъ онѣ нецѣлесообразны, безцѣльны? Я думаю, что правительство не можетъ не сознавать всей безразсудности этихъ смертныхъ казней съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка. Я думаю, что правительство не можетъ не видѣть всего этого. Если, тѣмъ не менѣе, оно совершаетъ эти политическія убійства, то чѣмъ же объяснить такого рода дѣйствія правительства?

Что это, безспорно, политическія убійства, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Я и каждый изъ насъ, юристъ, понимаетъ, что подъ смертной казнью нужно понимать наказаніе по одному общему, равному для всѣхъ закону. Но мы знаемъ, что въ нашемъ уголовномъ кодексѣ смертная казнь не существуетъ. Мы знаемъ, что смертная казнь вводится исключительно на основаніи статьи 18 положенія объ усиленной охранѣ. Что говоритъ эта статья? Эта статья указываетъ на невѣроятную постановку вопроса. Мы знаемъ, что преступленія лишенія жизни раздѣляются на категоріи, на различныя проявленія посягательства на чужую жизнь. Бываютъ пораненія, побои, убійства въ запальчивости, неосторожныя убійства и убійства предумышленныя; тѣмъ не менѣе за каждое изъ этихъ столь различныхъ дѣяній можетъ быть примѣнена военнымъ судомъ только смертная казнь. Въ то время, когда за отцеубійство, за самое тяжелое преступленіе съ точки зрѣнія морали, смертная казнь не примѣняется, за побои городовому назначается смертная казнь. Возможно ли видѣть въ подобной мѣрѣ осуществленіе началъ правосудія? Не есть ли это самозащита или, проще, не самозащита, а опредѣленное проявленіе политической власти, которая перестаетъ быть властью, стоящей выше опредѣленной партіи, а дѣлается исключительно военнымъ станомъ, борющимся со своими собственными врагами тѣми же средствами, которыми борются эти враги? Не есть ли это недостойная государства, именемъ котораго правительство дѣйствуетъ, месть покоренному врагу? Я полагаю, что Государственной Думѣ не зачѣмъ подробно останавливаться на всемъ ужасѣ этого положенія. Это толкаетъ прямо къ анархіи. У каждаго начинаетъ укрѣпляться сознаніе въ томъ, что государство какой-то огненный Молохъ, въ пасть котораго бросаются многія, по преимуществу молодыя жизни нашихъ гражданъ. Пусть они виноваты, но неоправдываемое никакими соображеніями убійство виновнаго не можетъ быть допускаемо. Во имя чего ихъ убиваютъ? Чтобы создать—что? Порядокъ? Нѣтъ,—для того, чтобы удовлетворить чувство мщенія опредѣленной группы людей, которая въ настоящее время держитъ власть въ своихъ рукахъ. *(Взрывъ аплодисментовъ.)* Я понимаю, что въ опредѣленную минуту государство можетъ совершать жестокія вещи, но онѣ должны быть цѣлесообразны. Оно не можетъ совершать нецѣлесообразныхъ вещей, иначе оно подрываетъ авторитетъ своей власти; тогда начинается анархія, начинается полный расколъ,

паденіе устоевъ. Тогда приходишь къ убѣжденію, что мы стоимъ лицомъ къ лицу со страшнымъ разложеніемъ государственнаго порядка. Я полагаю, что Государственная Дума не можетъ не остановиться на всѣхъ этихъ вопросахъ. Я думаю, что она скажетъ прямо и опредѣленно, что смертныя казни не могутъ найти себѣ мѣста въ системѣ наказаній. Если правительство сознаетъ это, то Государственная Дума можетъ понять его дѣйствія, единственно какъ вызовъ, сдѣланный Государственной Думѣ. Эти восемь труповъ въ Ригѣ—отвѣтъ на нашъ запросъ, это вызовъ не только Государственной Думѣ, это вызовъ народу. Я не знаю, насколько, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, подобныя вызывающія дѣйствія представляются хоть сколько-нибудь цѣлесообразными. Вѣдь это, дѣйствительно, толкаетъ на то, чтобы люди пришли въ состояніе полнаго отчаянія. Я не знаю, какой государственный умъ можетъ разсчитывать на успокоеніе страны, на приведеніе ея въ нормальное состояніе, если онъ будетъ толкать ее самъ своими собственными руками къ той безднѣ отчаянія, въ которую можетъ ринуться все общество. Еще Таллейранъ сказалъ, а Бисмаркъ повторилъ, что штыками можно завоевать все, что угодно, но штыками нельзя управлять, на штыкахъ сидѣть невозможно. Мы должны сказать правительству, которое, опираясь на эти штыки, отъ лица государства нарушаетъ наилучшія чувства человѣческаго сознанія, наилучшія стремленія народной души, что оно играетъ опасную игру и что вслѣдствіе этого, чѣмъ скорѣе прекратится эта игра, тѣмъ лучше для страны, тѣмъ больше выиграютъ отъ этого интересы народа и интересы государства. Я полагаю, что Государственная Дума, конечно, въ сознаніи своего собственнаго положенія должна сохранить свое спокойствіе, должна сохранить стойкость на занятомъ мѣстѣ. Она представляетъ организованную власть. Эта организованная законодательная власть, не увлекаясь моментомъ, должна властно заявить, что правительство ведетъ государство къ разложенію, а мы желаемъ сохранить это государство и скрѣпить его единой сильной властью, не знающей мщенія, а знающей лишь одинъ законъ. Я думаю, что настоящая минута такъ серьезна, что народные представители, въ сознаніи ея, скажутъ опредѣленное слово, что мы шагъ за шагомъ будемъ проявлять неуклонное стремленіе къ власти, насаждающей въ странѣ законъ и порядокъ, и что всѣ наши силы будутъ направлены къ

ослабленію энергіи настоящаго правительства, задавшагося, повидимому, цѣлью бросить страну въ бездну кровавыхъ столкновеній, влекущихъ не только море крови и слезъ, но банкротство страны, паденіе государства. *(Продолжительные аплодисменты. Крики «браво»!)*

Рѣчь *Кузьмина-Караваева* (Тверская губ.). Законопроектъ, представленный на обсужденіе Государственной Думы членомъ ея Набоковымъ, не былъ для Думы неожиданнымъ. Еще при обсужденіи адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь не разъ высказывалось, что законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни будетъ внесенъ въ ближайшее время. И не только въ законопроектъ предполагалось внести указаніе на необходимость немедленной пріостановки смертныхъ приговоровъ, но это же прямо было занесено въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Но, конечно, если намъ приходится обсуждать или касаться обсужденія этого законопроекта сегодня, то ускореніе внесенія его вызвано тѣмъ ужаснымъ событіемъ, которое имѣло мѣсто 16 мая около Риги. Тамъ разстрѣляно 8 человѣкъ, тамъ опять пролилась кровь по закону, по приговору суда, тамъ опять совершено закономѣрное убійство. Государственная Дума рѣшительно высказалась противъ смертной казни, и, казалось, что лишеніе жизни, если не отошло уже въ прошлое, то наступилъ какой-то перерывъ въ примѣненіи этой высшей уголовной кары. Съ 27 апрѣля ни одинъ приговоръ къ смерти не получалъ утвержденія. Напротивъ, постоянно приходилось читать, что приговоръ смягченъ, и наказаніе смертью замѣнено другимъ. А теперь, въ первый разъ послѣ 27 апрѣля, приговоръ надъ 8 лицами приведенъ въ исполненіе. Гдѣ причина этого явленія?

Мы не знаемъ подробностей дѣла, мы не знаемъ фактической обстановки дѣянія, въ которомъ признаны виновными эти 8 лицъ, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что то убійство, за которое они судились и осуждены, мало чѣмъ отличается отъ другихъ однородныхъ, совершавшихся у насъ въ Россіи. Скорѣе можно думать, что настоящая смертная казнь явилась отвѣтомъ на участившіяся за послѣдніе дни политическія убійства, что она была намѣреннымъ отвѣтомъ на политическія убійства, совершившіяся за послѣднее время въ Варшавѣ, Тифлисѣ, Кутаисѣ, Севастополѣ и еще во многихъ, многихъ городахъ. Связь тутъ существуетъ, и даже необходимость этой связи какъ будто усматривалась нѣкоторыми членами Государственной Думы, тѣми ея членами, которые

требовали включенія въ отвѣтъ на тронную рѣчь рядомъ съ амнистіей и требованіемъ отмѣны смертной казни—осужденія политическихъ убійствъ. Я позволилъ себѣ затруднить ваше вниманіе именно для того, чтобы попытаться разбить этотъ миражъ, разбить то заблужденіе, которое заставляетъ нѣкоторыхъ людей связывать оба явленія и говорить такъ: «да, пусть не будетъ смертной казни, но пусть не будетъ и политическихъ убійствъ. Пусть тогда не будетъ смертной казни, когда не будетъ политическихъ убійцъ». Глубокое заблужденіе! Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства. Это такое же глубокое заблужденіе, какъ и то, если утверждать, что Государственная Дума, вынося свои рѣшенія о томъ, что включать и чего не включать въ отвѣтный адресъ, что Государственная Дума тѣмъ самымъ не содрогалась передъ кровью, проливаемой на улицахъ всѣхъ нашихъ городовъ. Можно ли безъ содроганія читать телеграмму изъ Севастополя: было покушеніе на коменданта, брошена бомба, нѣсколько человѣкъ убито, нѣсколько ранено; убиты и ранены люди, случайно находившіеся на мѣстѣ? Можно ли безъ содроганія читать телеграмму съ Кавказа: было покушеніе на генерала Алиханова; одинъ сопровождавшій его казакъ убитъ, два казака ранены? Можно ли безъ содроганія читать извѣстія объ убійствахъ городовыхъ, низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь эти городовые—чѣмъ они повинны? Вѣдь они повинны только тѣмъ, что у нихъ тоже есть семья, что они тоже голодны, что они тоже хотятъ ѣсть. Политическія убійства, какъ мы ихъ видимъ въ настоящее время, это не то явленіе, которымъ были тѣ же убійства, длинный ихъ рядъ, начавшійся съ 60-хъ годовъ. Въ 60-хъ и до начала 80-хъ годовъ мы видѣли передъ собою рядъ отдѣльныхъ политическихъ убійствъ. Это были отдѣльные, спорадическіе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ такомъ фактѣ, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный расчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствіе. Но тѣ убійства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленія иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдата, стоящаго на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, передъ формой массоваго психоза. Какъ бываютъ эпидеміи самоубійства, такъ бываютъ эпидеміи убійствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью противъ холод-

ныхъ, расчитанныхъ, обдуманныхъ убійствъ, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидеміи, охватившей страну, вдвойнѣ нецѣлесообразно. Между тѣмъ вотъ на эту-то кровь отвѣтомъ и служитъ убійство отъ руки палача, отвѣтомъ и служатъ сплошныя смертныя казни. Устрашеніе? Да гдѣ справедливость, гдѣ правда, когда человѣка убиваютъ и наказываютъ смертью не за то, что онъ совершилъ, а для того, чтобы другіе впослѣдствіи не совершали преступленій? Гдѣ здѣсь намекъ на правду, на справедливость? Да и можно ли устрашить того, кто идетъ на политическое убійство? Напротивъ, его устрашить казнью нельзя; въ его сознаніи создается представленіе о мученичествѣ, онъ дѣлается героемъ въ своихъ глазахъ. Человѣческая психологія ясно говоритъ, что борьба съ политическими убійствами смертной казнью нецѣлесообразна до послѣдней степени.

Бороться съ ужаснымъ явленіемъ, свидѣтелями котораго бываемъ мы каждый день, бороться съ нимъ нужно инымъ способомъ: устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ это явленіе, устраненіемъ того, что обусловливаетъ собой и вызываетъ политическія убійства, что обусловливаетъ существованіе ненормальныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя, а едва ли не первая—существованіе смертной казни. Вспомните, господа, дѣло Спиридоновой! Что заставило ее убить Луженовскаго? Тѣ звѣрства и тѣ казни, которыя совершалъ Луженовскій. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, заставившимъ ее пойти на убійство. И если съ этой точки зрѣнія вы проанализируете каждый случай, вы непремѣнно всегда установите преемственную связь, зависимость; вамъ ясно представится каждое совершонное политическое убійство, какъ слѣдствіе, какъ результатъ. А говорятъ, что тогда можно отмѣнить смертную казнь, когда прекратятся политическія убійства. Да они не могутъ прекратиться, пока не будетъ отмѣнена смертная казнь!

Не въ этихъ стѣнахъ, но за стѣнами Государственной Думы поднялись и поднимаются голоса протеста противъ отмѣны смертной казни. Намъ приходится читать требованія объ ея сохраненіи. Я не буду входить въ разборъ телеграммъ, печатаемыхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Да, есть люди извѣстнаго образа мыслей, извѣстнаго настроенія, и было бы странно, если бы у насъ, въ Россіи, не было людей именно такого настроенія, такого образа мыслей. Но что жъ изъ этого? Можно ли говорить, что требованіе

страны: сохраненіе смертной казни и отказъ объ амнистіи? Можно ли это утверждать? Вся страна, которая посылала насъ, нашими устами единогласно сказала: «Долой смертную казнь! конецъ страданіямъ! конецъ мукамъ! конецъ заключеніямъ и ссылкамъ!»

Рѣчь *М. Ковалевскаго* (Харьковская губ.). Господа народные представители! Смертная казнь имѣетъ свои глубокіе корни въ томъ воззрѣніи, которое народы, едва перешедшіе отъ дикости, передаютъ еще въ поговоркахъ, въ родѣ слѣдующей: «Кровь кровью моютъ». Приблизительно то же вы найдете въ древнѣйшихъ кодексахъ и въ ветхозавѣтномъ правѣ, гласящемъ: «Око за око, зубъ за зубъ». Корни этого начала лежатъ въ законахъ вавилонскихъ царей, изданныхъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ до Рождества Христова (законы Гаммураби). Исторія отмѣны смертной казни всюду ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ однимъ явленіемъ: прежде всего смертную казнь отмѣняютъ по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Исторія же наша представляетъ нѣчто обратное. Смертная казнь отмѣнена у насъ императрицею Елисаветою Петровною для обыкновенныхъ преступленій и продолжаетъ примѣняться все чаще и чаще для преступленій политическихъ. Почему наше сознаніе такъ протестуетъ противъ такого порядка ея отмѣны, почему мы выступаемъ особенно рѣзко противъ примѣненія смертной казни къ политическимъ преступникамъ? Позвольте отвѣтить на это не своими словами, а взять художественно нарисованный образъ одного изъ нашихъ русскихъ мудрецовъ и художниковъ-поэтовъ, И. С. Тургенева. Въ одномъ изъ своихъ «Стихотвореній въ прозѣ» онъ представляетъ намъ русскую дѣвушку, переходящую предѣлъ, отдѣляющій вѣчность отъ мірской жизни; въ тотъ моментъ, когда сѣкира уже занесена, надъ нею раздаются какіе-то два голоса; одинъ изъ нихъ кричитъ: «безумная», другой отвѣчаетъ—«святая». И такъ какъ мы не убѣждены, гдѣ кончается безуміе и гдѣ начинается святость, т.-е. самопожертвованіе, то мы не рѣшаемся поднимать сѣкиру надъ головами политическихъ преступниковъ. Это нужно помнить и поставить первымъ требованіемъ нашего законопроекта, чтобы преступники политическіе освобождены были отъ смертной казни. *(Аплодисменты.)* Господа, когда мы единогласно поднимемся здѣсь и отмѣнимъ смертную казнь, мы совершимъ величайшій актъ въ новой русской исторіи, мы выразимъ сознаніе не только русскаго народа, но и всего цивилизованнаго міра. Еще недавно желая убѣдить читателей моей газеты —

«Страна»—въ томъ, что общественное мнѣніе всего міра высказывается противъ смертной казни, я попросилъ наиболѣе выдающихся иностранцевъ, ученыхъ, литераторовъ, юристовъ сообщить мнѣ свое мнѣніе по этому вопросу. Всѣ въ одно слово подали голосъ за отмѣну смертной казни. Рядомъ съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ Фредерикомъ Пасси, тѣмъ самымъ, который въ числѣ прочихъ привѣтствовалъ Императора Николая II, какъ миролюбца, во время его пребыванія въ Парижѣ, другой старикъ, извѣстный историкъ Лависъ, писалъ мнѣ, что въ настоящее время нѣтъ разномыслія между руководящими кругами по вопросу о томъ, что смертная казнь противорѣчитъ нравственному сознанію цивилизованнаго міра. Вотъ почему я, въ противовѣсъ другимъ ораторамъ, здѣсь выступавшимъ, не высказываю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда мы единогласно выскажемся противъ смертной казни, будетъ положено начало ея отмѣны въ Россіи. Я не могу представить себѣ такого собранія, которое не явилось бы выразителемъ нравственнаго сознанія пославшихъ его членовъ. Я не могу допустить, чтобы члены Государственнаго Совѣта затормозили своимъ «вето» законъ объ отмѣнѣ смертной казни, потому что ихъ нравственное сознаніе не будетъ ниже уровня нравственнаго сознанія бельгійцевъ, у которыхъ смертная казнь хотя не отмѣнена, но, какъ мнѣ пишетъ Вандервельдъ, въ теченіе десяти лѣтъ нельзя было найти палача для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Если общественное сознаніе доросло до того, что нельзя найти палача, то я увѣренъ, что въ числѣ тѣхъ людей, которые призваны подвергать критикѣ наши законопроекты, не найдется большинства, которое высказалось бы за удержаніе этой чудовищной, противорѣчащей нашему нравственному сознанію казни. *(Аплодисменты.)* Итакъ, господа, я сойду съ этой каѳедры вполнѣ увѣренный въ томъ, что близкой отмѣной смертной казни мы совершимъ великій шагъ и со временемъ заслужимъ то, чтобы наши имена занесены были въ лѣтописи исторіи. Еще недавно одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ знатоковъ Россіи, Анатоль Леруа Болье, говорилъ мнѣ: «Я Россіи обязанъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ и радостныхъ ощущеній въ моей жизни; это было въ 1861 году, когда я узналъ объ отмѣнѣ крѣпостного права; это заставило меня сосредоточить все мое вниманіе на изученіи вашего отечества». Это говорилъ извѣстный авторъ «Имперіи царей и русскаго народа». «Я слишкомъ три-

дцать лѣтъ посвятилъ изученію Россіи,—говорилъ онъ недавно на хорахъ этого же зала,—и я увѣренъ, что она готовитъ мнѣ еще большую радость». Леруа Болье присутствовалъ при составленіи нами адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь,—адреса, въ которомъ на первый планъ былъ поставленъ вопросъ объ амнистіи и отмѣнѣ смертной казни. «Я увѣренъ, что въ скоромъ времени получу отъ васъ,—прибавлялъ мой пріятель,—телеграмму о томъ, что первый русскій парламентъ высказался за отмѣну смертной казни. Этимъ онъ совершитъ великій актъ милосердія и ускоритъ на многіе десятки лѣтъ прогрессивное развитіе человѣчества». *(Аплодисменты.)*

Рѣчь *Родичева* (Тверская губ.). Господа, вопросъ рѣшенъ. Здѣсь не раздадутся голоса за смертную казнь, а если какой-нибудь голосъ и раздастся, то онъ только подчеркнетъ значеніе единогласнаго постановленія Думы.

Но мы не можемъ оставить безъ возраженія тѣхъ выраженій маловѣрія, которыя здѣсь были высказаны, тѣхъ предложеній, которыя въ основаніи своемъ имѣютъ предположеніе о безсиліи Думы. Господа, знаменіе нашей силы не доказывается вамъ въ формѣ физической. Но сила Думы прежде всего въ ея собственномъ сознаніи,—сознаніи долга передъ страной и въ сознаніи власти народа. Голосу народа, выраженному Думой, физическая сила должна, въ концѣ-концовъ, подчиниться. Мы знаемъ, что когда мы сказали физической силѣ: «удались», она можетъ еще пролить кровь, но удержаться она не можетъ. Маловѣріе, господа, неумѣстно здѣсь; не намъ задавать себѣ вопросъ, какая судьба постигнетъ наши постановленія. Наши постановленія сдѣлаются законами. *(Аплодисменты.)* Другого ожиданія и другого убѣжденія здѣсь быть не можетъ. Мы—законодатели, и противящіеся законодательной власти должны будутъ ей подчиниться. Ни на одинъ день и ни на одинъ часъ мы не должны забыть, что проявить эту силу и проявить это значеніе—не только наше право, но это обязанность наша: мы должны помнить, что мы обязаны быть властными; мы должны помнить, что воля народа, выраженная здѣсь, становится закономъ; а, кромѣ того, мы знаемъ, что правда не можетъ не восторжествовать. Намъ говорятъ: вы напишете законъ объ отмѣнѣ смертной казни, его не утвердятъ. Его не могутъ не утвердить, потому что, если намъ не удалось удержать руку палача, то неужели вы сомнѣваетесь, господа, въ томъ, что смертная казнь

лишь корчится въ предсмертныхъ судорогахъ? *(Аплодисменты.)* Быть-можетъ, безумная злоба еще отвѣтитъ на наше постановленіе пролитіемъ крови, но дни смертной казни сочтены. Быть-можетъ, болѣе всего вреда этой казни нанесло то преступленіе, которое совершено вчера. Мы у преступленій этого рода отнимемъ формальную прикрышку закона, и тѣхъ людей, которые говорили намъ, что они сами стонутъ подъ бременемъ дурныхъ законовъ, мы ихъ поставимъ лицомъ къ лицу съ правдой и зададимъ вопросъ: мы отмѣнимъ эти дурные законы, и тогда обнаружится, что вы говорили предъ лицомъ народныхъ представителей, когда жаловались на дурные законы,—лицемѣрная ли это ложь, или въ вашихъ словахъ было хоть сколько-нибудь правды? Они обнаружатся передъ страной, и завѣса лицемѣрія, висящая на насиліи, нашимъ постановленіемъ будетъ отдернута. Мы представимъ народу: вотъ гдѣ правда и вотъ гдѣ насиліе, прикрывающееся закономъ. Закону, уничтожающему справедливость, мы положимъ конецъ! И съ сегодняшняго дня начнется борьба на почвѣ закона,—борьба, въ которой мы отступать не можемъ и въ которой мы, сдѣлавшіе первый шагъ, должны итти до конца. И прежде всего, господа, мы здѣсь, въ Думѣ, единогласно протестуемъ противъ той роли ходатаевъ, противъ той роли просителей и капризныхъ протестантовъ, которую намъ предлагаютъ. Мы не просимъ, мы законодательствуемъ, и правду сказалъ одинъ изъ предшествующихъ ораторовъ: мы, расходясь, совершимъ преступленіе, которое русскій народъ простить не можетъ. Мы здѣсь должны сидѣть съ другимъ сознаніемъ: мы никогда не разойдемся сами, пока не сдѣлаемъ того, за чѣмъ насъ сюда прислали. Съ этою мыслью, господа, начата борьба за правду. Это нелегкая борьба, и не въ одинъ день свобода и право восторжествуютъ, не въ одинъ день мы добудемъ то, что требуется народу; но мы знаемъ, что въ этой борьбѣ ни отступленія ни малодушія отнюдь не будетъ. *(Аплодисменты.)*

Засѣданіе 19 іюня.

Пренія по законопроекту объ отмѣнѣ смертной казни.

Предсѣдатель. Засѣданіе возобновляется. Слушается въ порядкѣ ст. 56 учр. Гос. Думы заявленіе 54-хъ членовъ Государственной Думы, коимъ былъ предложенъ проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни. Заявленіе, поступившее 18 мая, предлагаетъ 2 статьи закона.

Ст. 1-ая. «Смертная казнь отмѣняется».

Ст. 2-ая. «Впредь до пересмотра уголовнаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ».

Подписавшіе заявленіе ходатайствуютъ о признаніи его спѣшнымъ. Заявленіе было передано на предварительное разсмотрѣніе комиссіи и своевременно сообщено подлежащимъ министрамъ. Какъ комиссія относится къ вопросу о спѣшности?

Кузьминъ-Караваевъ (докладчикъ комиссіи). Комиссія поддерживаетъ спѣшность заявленія.

Предсѣдатель. Признаетъ ли Государственная Дума настоящее заявленіе спѣшнымъ? *(Голоса: «Да»).* Кто возражаетъ, тотъ встаетъ. Заявленіе признано спѣшнымъ. Практическій результатъ такого признанія заключается въ томъ, что вмѣсто двукратнаго обсужденія проектъ будетъ обсуждаться однократно, и это однократное обсужденіе будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая часть — общее сужденіе по законопроекту, вторая часть — разсмотрѣніе по статьямъ и третья часть — общая баллотировка законопроекта въ томъ видѣ, какъ онъ будетъ принятъ по постатейному обсужденію. Слово за докладчикомъ комиссіи.

Докладчикъ. Господа народные представители. На мою долю выпала высокая честь быть докладчикомъ по первому законопроекту, разсматриваемому нами не въ порядкѣ направленія дѣла, а по существу. Намъ предстоитъ теперь высказать не предварительное сужденіе, а вынести уже окончательное рѣшеніе, то рѣшеніе, которое, пройдя черезъ дальнѣйшія инстанціи, должно вылиться въ окончательную форму закона. И этотъ законопроектъ касается

вопроса исключительной важности: исключительной важности въ научномъ, теоретическомъ отношеніи и еще болѣе въ отношеніи практическомъ. Народъ въ лицѣ нашихъ избирателей, посылая насъ сюда, говорилъ намъ: «Требуйте, добивайтесь и дайте намъ землю и волю; дайте права; установите равенство; стряхните все прежнее, всю вѣками накопившуюся пыль съ русской государственной жизни; приложите всѣ мѣры къ ея полному коренному обновленію». Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ намъ говорилъ: «Добивайтесь амнистіи и отмѣните смертную казнь».

Государственная Дума, свято помня наказъ народа, ни на іоту не отступаетъ отъ его требованій. Первое слово, раздавшееся съ этой каѳедры, было слово «амнистія». Хотя тогда не произнесено было словъ «отмѣна смертной казни», но эти послѣднія уже сами собой входили въ слово «амнистія». Затѣмъ, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Государя Императора Государственная Дума прямо указала, что считаетъ настоятельной необходимостью отмѣнить смертную казнь и пріостановить немедленно приведеніемъ въ исполненіе состоявшіеся смертные приговоры.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ, подъ впечатлѣніемъ новыхъ казней, въ средѣ Государственной Думы возникла мысль о необходимости, по своей иниціативѣ, разработать и внести законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Работа была недолгая, она была выполнена быстро, но пришлось ждать для соблюденія формальнаго срока цѣлый мѣсяцъ. Срокъ истекъ вчера, и въ первый за тѣмъ день мы приступаемъ къ разсмотрѣнію законопроекта по существу. Въ проектѣ всего двѣ статьи, онъ отличается исключительной краткостью, но эта краткость отнюдь не свидѣтельствуетъ о легкости, съ которой отнеслись къ вопросу какъ лица, внесшія первоначальное заявленіе, такъ и комиссія, разсматривавшая это заявленіе. Несмотря на краткость формулировки проекта, онъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно глубокое и чрезвычайно полное содержаніе, и моя задача сводится къ тому, чтобы выяснить и устранить всякую возможность сомнѣній въ томъ, что комиссія отнеслась къ настоящему вопросу легко, дилетантски и не обсуждала его со всѣхъ сторонъ.

Уже не разъ раздавались голоса, что Государственная Дума принимаетъ тѣ и другія рѣшенія, руководствуясь главнымъ образомъ, — а нѣкоторые говорили, что почти исключительно, — чувствомъ, что Государственная Дума поступаетъ такъ или иначе,

слѣдуя влеченіямъ сердца, а не холоднаго разсудка. Въ данномъ случаѣ, если Государственной Думой будетъ принятъ предлагаемый законопроектъ, то несмотря на то, что онъ заключаетъ въ себѣ всего двѣ статьи, это будетъ рѣшеніе, не подсказанное чувствомъ, а это будетъ рѣшеніе на основаніи спокойной, разсудочной работы. Что такое смертная казнь? Лишеніе жизни, отнятіе жизни однимъ человѣкомъ у другого—старо, какъ міръ. Человѣкъ, находящійся внѣ условій правовой жизни, имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа воздѣйствія на другого человѣка: причиненіе ему физическихъ страданій и причиненіе смерти; и внѣ условій правовой жизни человѣкъ широко пользуется этими воздѣйствіями; причиняя другому страданія и даже смерть: они даютъ торжество его внутреннему чувству, его «я»; показываютъ, что тотъ, кто причиняетъ страданія или смерть, покорилъ другого, и въ силу этого онъ, несомнѣнно, испытываетъ чувство удовлетворенія, онъ торжествуетъ, торжествуетъ его «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ эти воздѣйствія обосновываются и объективно. Причиненіемъ болевыхъ ощущеній, страданій человѣкъ, такъ сказать, отучаетъ своего врага, предупреждаетъ на будущее время возможность причиненія себѣ непріятностей, нарушенія своихъ интересовъ и т. п. Когда одинъ убиваетъ другого, онъ не только предупреждаетъ возможность причиненія себѣ вреда, но онъ совершенно прекращаетъ возможность наступленія вреда, по крайней мѣрѣ, со стороны даннаго обидчика. Государство, съ первыхъ же моментовъ своего образованія, становится на путь воспрещенія отдѣльному человѣку подобнаго рода расправъ, но этихъ расправъ государство не отвергаетъ, однако, въ принципиѣ: оно переноситъ лишь на себя право этой расправы. Оно само и причиняетъ страданія, само и лишаетъ жизни провинившихся, тѣмъ самымъ ставя себя на положеніе первобытнаго человѣка, находящагося внѣ условій правовой жизни. Вотъ тутъ-то и заключается глубокое внутреннее противорѣчіе: то, что во имя права отвергается для частнаго лица, то правовой институтъ — государство, присвоиваетъ себѣ. И въ теченіе долгихъ столѣтій развитія государственной жизни тѣлесныя наказанія въ разнообразныхъ формахъ и видахъ и смертная казнь остаются основой карательной системы. Эта система переживаетъ чрезвычайно долго, и исторія намъ показываетъ, что она на много, много столѣтій пережила христіанство, пережила Евангеліе, и въ средніе вѣка мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, когда убиваютъ массами во

имя христіанскаго ученія, во славу Божію убивали еретиковъ. По образному выраженію одного автора, «въ средніе вѣка дымъ костровъ застилалъ всю Европу», дымъ костровъ, на которыхъ сжигали еретиковъ. Только съ конца XVIII вѣка начинается мощный научный протестъ противъ смертной казни. Монтескье возсталъ противъ жестокихъ каръ вообще, указывая, что есть страны, гдѣ наказанія жестоки, есть страны, гдѣ они легки, и тамъ, гдѣ наказанія жестоки, преступленій совершается вовсе не меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ наказанія легки. Въ частности, самымъ сильнымъ противникомъ смертной казни выступилъ Беккарія. Съ тѣхъ поръ можно сказать, что смертная казнь является въ кодексахъ и въ наукѣ институтомъ вымирающимъ. Это вымираніе идетъ, но оно идетъ постепенно и чрезвычайно медленно. Еще въ началѣ XIX столѣтія въ Англіи, по подсчету одного автора, было въ законѣ 160 случаевъ примѣненія смертной казни, по подсчету другого—до 240. Сейчасъ смертная казнь сдѣлалась явленіемъ единичнымъ, и если есть еще значительное число приговариваемыхъ къ казни,— я говорю о Европѣ, а не о Россіи, — то число дѣйствительно казнимыхъ совершенно ничтожно.

Процессъ идетъ медленно и еще не законченъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время смертная казнь отмѣнена совершенно въ Румыніи, Португаліи, Италіи и Голландіи. Теоретиковъ, крупныхъ сторонниковъ смертной казни нѣтъ, но въ кодексахъ она существуетъ, и это заставляетъ и до настоящаго времени останавливаться на доводахъ, обычно приводимыхъ сторонниками этого наказанія. Прежде всего указываютъ, что единственно смертная казнь своей безповоротностью реальнымъ образомъ ограждаетъ государство отъ преступниковъ. Да, совершенно вѣрно, — что можетъ быть реальнѣе, какъ убійство вреднаго человѣка? Убитый уже никому никогда никакого вреда причинить не можетъ. Но развѣ современное государство такъ слабо, что оно должно прибѣгать къ этому средству? Развѣ въ распоряженіи современнаго государства нѣтъ тюремъ, нѣтъ органовъ исполнительной власти, нѣтъ всего того механизма, который можетъ человѣка, и не лишая жизни, обезвредить? Далѣе, отмѣчается значеніе смертной казни, какъ средства устрашенія. Много объ этомъ ужъ говорилось, упоминалось объ этомъ и съ этой каѳедры, говорилось много и о томъ, насколько это средство не дѣйствительно. Намъ сейчасъ едва ли приходится серьезно останавливаться на этомъ доводѣ. Несмотря на сплошныя казни,

которыя совершаются у насъ съ декабря или съ ноября мѣсяца, развѣ прекратились политическія убійства? Развѣ число ихъ сократилось? Развѣ эти казни кого-либо устрашили? Для насъ, я говорю, въ настоящее время этотъ доводъ слишкомъ очевидно несостоятеленъ. Далѣе, остаются доводы не серьезные, но которымъ придается тоже серьезное значеніе. Говорятъ, что смертная казнь дешева и что она совершается скоро. На это я отвѣчу словами покойнаго криминалиста Неклюдова, сказавшаго ихъ, правда, не по поводу смертной казни, но по поводу родственнаго ей тѣлеснаго наказанія. Неклюдовъ говорилъ: «Да, тѣлесное наказаніе дешево, довольно нѣсколькихъ десятинъ лѣса, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства. Да, — говорилъ онъ, — тѣлесное наказаніе быстро: легъ, отсѣкся, всталъ и ушелъ». Невозможно сильнѣе вышутить всей несостоятельности такихъ доводовъ въ пользу тѣлеснаго наказанія, какъ этимъ ироническимъ замѣчаніемъ. Совершенно то же и въ отношеніи смертной казни. Съ другой стороны, однако, остаются никѣмъ не опровергнутыми глубокіе доводы противъ смертной казни, хотя бы съ точки зрѣнія непоправимости ея, непоправимости судебной ошибки, всегда и вездѣ возможной, — за послѣднее время мы имѣли множество тому примѣровъ. Мы знаемъ, какъ на станціи Перово было разстрѣляно одно лицо, фамилію котораго сейчасъ я не припомню, и тутъ же оказалось, что желали разстрѣлять не разстрѣляннаго, а его брата. Разстрѣлянъ былъ онъ по ошибкѣ. Такія ошибки неизбѣжное дѣло рукъ человѣческихъ. Ошибки всегда возможны и нѣтъ отъ нихъ гарантій. А при смертной казни, когда человѣкъ лишенъ жизни, ошибка уже непоправима. Остается никѣмъ не опровергнутымъ еще тотъ существенно важный фактическій доводъ, что существованіе смертной казни отнюдь не уменьшило преступленій, и, наоборотъ, замѣчается даже, что, несмотря на смертную казнь, тѣ или иныя категоріи преступленій продолжаютъ расти. Но если такъ явно несостоятельны, если такъ легко разлетаются въ прахъ отъ перваго прикосновенія научной критики всѣ доводы за смертную казнь, то почему же она сохраняется еще въ кодексахъ? Она сохраняется не на основаніи доводовъ разсудка, а вотъ здѣсь-то мы и видимъ чувство, — она сохраняется на основаніи чувства, по доводамъ сердца, а не по доводамъ разума. Чтобы иллюстрировать мысль, приведу такой примѣръ: я иду по улицѣ, на моихъ глазахъ прохожій наноситъ побои женщинѣ или ребенку. Какое

первое ощущеніе я буду испытывать? Схватить его, но не только отстранить, прекративъ нанесеніе ударовъ, нѣтъ,—невольно у каждаго изъ насъ будетъ желаніе его самого ударить, причинить ему вредъ. И нужны извѣстныя усилія воли, извѣстныя усилія мысли для того, чтобы сказать себѣ, — этого не нужно, это безцѣльно, это безполезно, по меньшей мѣрѣ, и это неправильно; довольно только, если я отстраню того, кто бьетъ, и прекращу возможность дальнѣйшаго нанесенія ударовъ. Но первое ощущеніе, первый импульсъ будетъ направленъ къ причиненію зла. И государство, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своей законодательной дѣятельности, какъ показываетъ намъ фактъ сохраненія смертной казни въ кодексѣ, несвободно еще отъ такого импульса, оно не свободно отъ того, чтобы поступать не на основаніи доводовъ разсудка, и оно дѣйствуетъ на основаніи чувства.

Въ этомъ мы видимъ пережитокъ. Мы видимъ своего рода атавизмъ, что государство, сохраняя смертную казнь, руководствуется чувствомъ, а не доводами разума. Это вдвойнѣ видно изъ сохраненія казни за политическія преступленія. Здѣсь уже, несомнѣнно, смертная казнь явно несостоятельна; здѣсь уже абсолютно не можетъ быть никакого логическаго оправданія. Да, въ то время, когда политическіе перевороты имѣли династическій характеръ, когда они велись во имя одного опредѣленнаго лица или не одного, а нѣсколькихъ, но во всякомъ случаѣ лицъ, тогда, конечно, лишить жизни данное лицо или лишить жизни данныхъ лицъ — въ значительной мѣрѣ способствовало прекращенію движенія. Но теперь, когда въ основѣ движенія лежатъ идеи, не лица, а идеи, — можно ли съ идеей бороться смертью, можно ли, убивая людей, искоренять идеи? Неужели не ясно, что получаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ, скажу, получаются всегда, неизбѣжно обратные результаты, что отъ этого негоднаго средства искорененія идей, идеи получаютъ все большую и большую силу, все болѣе и болѣе крѣпнутъ, все болѣе и болѣе увеличивается число ихъ адептовъ. Государство, устанавливая для гражданъ начала права, не можетъ само себя освобождать отъ этихъ же началъ. Государство, воспрещая гражданамъ руководствоваться въ ихъ дѣйствіяхъ относительно другихъ людей импульсами и непосредственными ощущеніями, не можетъ само руководствоваться только чувствомъ. А тутъ я даже не скажу, чтобы чувство руководило государствомъ. Я позволю себѣ привести слова покойнаго Ивана

Аксакова, слова, сказанныя имъ по другому поводу. Онъ говорилъ: «Насъ упрекаютъ, что мы въ области внѣшней политики руководствуемся чувствами, а сами тѣ, которые насъ упрекаютъ, руководствуются чувствицами». Такъ и здѣсь: и здѣсь мы видимъ, что государство не руководится чувствомъ справедливости, гуманности, любви къ ближнему — всѣми тѣми широкими чувствами, которыя заставляютъ иной разъ забывать о правовыхъ началахъ, нѣтъ— государство здѣсь руководствуется мелкими чувствами —злобой, мстительностью. Вспомните, господа, съ этой каѳедры мы уже слышали одинъ разъ указанія на то, что тѣ восемь человѣкъ, которые были повѣшены въ Усть-Двинскѣ, совершили особенно гнусное преступленіе — убійство коварнымъ способомъ изъ засады. Потомъ мы слышали здѣсь, какъ будто мелькомъ сказанную фразу, о тѣхъ сотняхъ полицейскихъ чиновъ, которые за послѣднее время погибли отъ рукъ революціонеровъ. Что въ этихъ сопоставленіяхъ, въ приведеніи этихъ примѣровъ, на ряду съ требованіемъ Государственной Думы объ отмѣнѣ смертной казни и о пріостановленіи состоявшихся отдѣльныхъ смертныхъ приговоровъ, что здѣсь видно? Здѣсь видно ясно, что говорящіе руководствуются непосредственными ощущеніями, непосредственными чувствами. Убиваютъ служителей власти — и этимъ они объясняютъ сохраненіе смертной казни. Но, гг. народные представители, если такъ могутъ поступать отдѣльные люди, если каждый изъ насъ, какъ человѣкъ, конечно, слабъ, конечно, не можетъ отрѣшиться, одинъ больше, другой меньше, но абсолютно никто не можетъ отрѣшиться отъ чувствованій, то государство должно стоять выше этого. Государство не можетъ и не имѣетъ права итти за цивилизаціей, оно должно итти впереди гражданъ, ведя ихъ къ праву, правдѣ и свободѣ. Государство должно руководиться въ своей законодательной дѣятельности только доводами спокойнаго, холоднаго разсудка. Поддаваться чувствованіямъ, особенно такимъ, какъ мщеніе, оно не можетъ, оно не должно.

У насъ, въ Россіи, вопросъ о смертной казни шелъ и развивался такъ же, какъ и во всемъ мірѣ. Если у насъ не было средневѣковыхъ инквизиторовъ, то у насъ было другое, свое, мѣстное, но то другое, что давало также несмѣтное число человѣческихъ жертвъ. У насъ, въ Россіи, въ концѣ XVIII вѣка, тоже былъ проблескъ въ пользу отмѣны смертной казни; смертная казнь за общія преступленія была даже формально отмѣнена. Но

эта отмѣна имѣла бумажный характеръ и въ жизнь не вошла. По своду законовъ 1832 года въ Россіи смертная казнь полагалась за преступленія противъ двухъ первыхъ пунктовъ — такъ назывались тогда главнѣйшія изъ государственныхъ преступленій — въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные по особой важности дѣла подлежали преданію верховному уголовному суду. Если они не предавались этому суду, то имъ не назначалась смертная казнь. Вы видите, было нѣчто подобное тому, что мы имѣемъ теперь, когда подсудность военному или общему суду также опредѣляетъ примѣненіе или непримѣненіе къ дѣянію смертной казни. Далѣе, по своду полагалась смертная казнь за карантинныя преступленія и еще по законамъ военно-уголовнымъ. Въ тѣхъ же, приблизительно, предѣлахъ сохранилась смертная казнь въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 г.: за государственныя преступленія, карантинныя и по особому кодексу — сначала по военно-уголовному уставу, а потомъ по воинскому уставу о наказаніяхъ, — но только въ военное время. Нынѣ дѣйствующее по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ уголовное уложеніе 1903 г. облагаетъ смертной казнью четыре случая: ст. 99 — посягательство на жизнь, здравіе, свободу и т. д. царствующаго Императора и Наслѣдника престола, посягательство на низверженіе Императора съ престола и на лишеніе его Верховной власти; затѣмъ ст. 100 — назначаетъ смертную казнь за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленнаго основнымъ закономъ образа правленія и т. д. Засимъ опредѣляетъ смертную казнь ст. 105 — за посягательство на жизнь членовъ Императорскаго Дома и ст. 108 — въ случаѣ квалицифированной государственной измѣны, но измѣны только по отношенію къ непріятелю, т.-е., слѣдовательно, во время войны съ иностраннымъ государствомъ. Вы видите, что перечень весьма ограниченный, и, стоя на этомъ перечнѣ, пожалуй, можно утверждать, что въ Россіи существуетъ смертная казнь только за цареубійство и измѣну. Еще годъ назадъ противное положеніе приходилось доказывать. Въ 1905 г. въ январѣ въ Кіевѣ происходилъ съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ. На этомъ съѣздѣ была принята резолюція, осуждавшая смертную казнь и требовавшая ея отмѣны. Въ отвѣтъ на это въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, которая проводила ту мысль, что въ Россіи смертная казнь существуетъ только за цареубійство и измѣну, и что поэтому въ Россіи говорить противъ смертной

казни — значитъ прославлять цареубійство. Тогда, годъ назадъ, приходилось доказывать, что это неправда. Теперь этого доказывать не приходится. Мы знаемъ, что за послѣднее время не было ни случая цареубійства и не была, пожалуй, ни разу примѣнена ни одна изъ поименованныхъ мною четырехъ статей. Несмотря на это, многія сотни лицъ подвергнуты смертной казни, — смертной казни по суду, по судебнымъ приговорамъ, т.-е. на основаніи какого-нибудь закона, потому что вѣдь это не были противозаконныя лишенія жизни. Мы слышали здѣсь, въ настоящемъ залѣ, что суды, приговаривающіе къ смертной казни, дѣйствуютъ формально правильно, дѣйствуютъ на основаніи закона. Да, въ общемъ, это вѣрно: у насъ, въ Россіи, смертная казнь по дѣйствующему законодательству поставлена такъ широко, какъ нигдѣ, какъ ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ. Развѣ только Китай можетъ конкурировать съ Россіей въ отношеніи широты примѣненія по закону смертной казни. Но у насъ эта широкая постановка смертной казни прикрыта. Если вы будете читать законы, вы не найдете нигдѣ, кромѣ четырехъ статей уголовнаго уложенія, чтобы стояли слова: «назначается смертная казнь». Но вы найдете другое, вы найдете: «подвергается наказанію, положенному въ 279 статьѣ XXII книги свода военныхъ постановленій». Нашъ законодатель вообще не любитъ часто упоминать о смертной казни и вмѣсто откровеннаго признанія — виновный подвергается смертной казни — употребляетъ ссылочную санкцію. Эта ссылочная санкція стоитъ въ положеніи о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, эта же ссылочная санкція стоитъ въ законѣ 1903 года, спеціально изданномъ, впредь до искорененія разбойничества на Кавказѣ; эта же ссылочная санкція стоитъ въ цѣломъ рядѣ еще другихъ спеціальныхъ постановленій. У насъ, въ Россіи, смертная казнь существуетъ и за общія правонарушенія путемъ преданія виновныхъ военному суду для осужденія по законамъ военнаго времени, т.-е. по статьѣ 279 воинскаго устава о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ разбой, грабежъ, умышленное убійство, зажигательство, поджогъ, изнасилованіе. Вы видите, какой широкій перечень общихъ правонарушеній можетъ быть караемъ у насъ смертью. Далѣе, смертная казнь охватываетъ безконечное множество разнообразныхъ по формѣ и по содержанію преступныхъ дѣяній, за которыя она назначается по положенію объ усиленной, чрезвычайной охранѣ,

или, наконецъ, на основаніи правилъ военнаго положенія. Можно смѣло сказать, что подъ смертную казнь у насъ могутъ быть подводимы политическія преступленія въ самомъ широкомъ смыслѣ понятія — вплоть до причиненія увѣчья или нанесенія ранъ городовому, околоточному, стражнику, воинскому нижнему чину и т. д., и т. д. Мотивъ тутъ не играетъ никакой роли. Скажемъ, простой воръ, который былъ застигнутъ городовымъ на мѣстѣ преступленія, если онъ этому городовому, желая уклониться отъ задержанія, причинитъ раны, увѣчье или смерть, то, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, онъ можетъ быть преданъ военному суду и по статьѣ 18 будетъ тогда подвергнутъ смертной казни, ибо 18 статья политическихъ мотивовъ не выставляетъ.

Повторяю, такимъ образомъ, и повторяю съ полной увѣренностью, что меня нельзя опровергнуть, что нигдѣ, ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ нѣтъ такой широкой постановки смертной казни въ данную минуту, какъ именно въ Россіи. Вносимымъ въ Государственную Думу и сегодня обсуждаемымъ Думой законопроектомъ все это предлагается отмѣнить. Первою статьею, имѣющей декларативный характеръ, указывается объ отмѣнѣ смертной казни; второю статьею, которая въ сущности и заключаетъ въ себѣ законопроектъ въ техническомъ смыслѣ понятія, опредѣляется порядокъ назначенія наказаній въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ законамъ виновный подлежалъ бы смертной казни. Мы предлагаемъ этими двумя статьями отмѣнить смертную казнь въ уголовномъ уложеніи, отмѣнить въ тѣхъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ, которыя формально не замѣнены еще уголовнымъ уложеніемъ; мы предлагаемъ отмѣнить ее въ спеціальныхъ узаконеніяхъ — въ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и въ постановленіяхъ о военномъ положеніи, когда это положеніе вводится въ мирное время. Мы предлагаемъ отмѣнить также возможность назначенія въ мирное время смертной казни военнослужащимъ за нѣкоторыя нарушенія воинской дисциплины. Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ есть статья 91, которая даетъ право главнымъ начальникамъ военныхъ округовъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено хотя и въ мирное время, но по особенной важности обстоятельствъ, которыми оно сопровождалось, представляется необходимымъ, для охраненія воинской дисциплины, судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ, предавать виновныхъ суду для

примѣненія наказаній, опредѣленныхъ уставомъ для военнаго времени. Мы знаемъ, какъ широко это правило примѣняется. Еще сегодня въ газетахъ была телеграмма, если мнѣ память не измѣняетъ, изъ Кременчуга, что нижній чинъ присужденъ къ смертной казни на основаніи этого правила.

По разбираемому мною теперь вопросу необходимо прежде всего устранить возможность отвода. Въ основныхъ законахъ имѣется статья 55, которая гласитъ слѣдующее: «постановленія по военно-судебной и по военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ сводами военныхъ и военно-морскихъ постановленій». Знаніе военно-уголовныхъ законовъ у насъ развито весьма слабо и едва ли всѣмъ представляется яснымъ, что такое за порядокъ изданія законовъ, который установленъ въ военномъ и морскомъ сводахъ постановленій. Этотъ порядокъ совершенно исключительный. Онъ опредѣляетъ, что законодательные вопросы разсматриваются главнымъ военнымъ судомъ или главнымъ военно-морскимъ судомъ по принадлежности; а когда тотъ или иной вопросъ имѣетъ отношеніе къ военно-сухопутному и военно-морскому вѣдомствамъ, то — въ соединенномъ собраніи этихъ судовъ.

Порядокъ опредѣляетъ, что главные суды выносятъ заключеніе, и это заключеніе военный или морской министры, по принадлежности, представляютъ на Высочайшее утвержденіе съ ихъ заключеніемъ. Такимъ образомъ, вы видите здѣсь какія-то болѣе чѣмъ упрощенныя формы, которыя замѣняютъ собой для весьма обширной области законодательства, для тѣхъ правовыхъ нормъ, которыми живетъ цвѣтъ населенія, когда оно проходитъ черезъ ряды арміи, общій законодательный порядокъ. Эти формы — разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ судебной инстанціей, притомъ только для предварительнаго заключенія, которое потомъ военный или морской министры снабжаютъ заключеніемъ окончательнымъ. Получается даже не законосовѣщательный органъ, въ смыслѣ прежняго Государственнаго Совѣта, а просто совѣщательная комиссія при министрѣ и больше ничего. Я не сомнѣваюсь, что даже среди составителей основныхъ законовъ не всѣмъ было ясно, какой это порядокъ. Не сомнѣваюсь потому, что какъ бы они ни были радикальны, у нихъ не могло, навѣрное, возникнуть и мысли о томъ, чтобы въ отношеніи правилъ отправленія общаго уголовнаго правосудія на ряду съ Государственной Думой и Государственнымъ

Совѣтомъ поставить уголовный кассаціонный департаментъ Сената. Не могла прійти мысль о такомъ смѣшеніи судебной власти съ законодательной. Въ отношеніи же спеціальныхъ постановленій, касающихся тоже уголовнаго правосудія, только военнаго, именно эта система и принята.

Мы обязаны, однако, толкуя всякій законъ, какъ бы онъ ни былъ неудовлетворителенъ, искать въ немъ внутренній разумъ, искать смыслъ. Поэтому, толкуя ст. 55 основныхъ законовъ, мы должны помнить, что это все-таки есть изъятіе изъ общаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ, а разъ это изъятіе, то оно можетъ быть понимаемо только ограничительно. О какихъ правилахъ здѣсь говорится, что они изъемлются отъ разсмотрѣнія Государственной Думы? — О постановленіяхъ по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ. Правда, статья 1075 и послѣдующія военно-судебнаго устава — совершенно аналогичныя правила, повторены въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ, — говорятъ о законодательныхъ вопросахъ вообще, т.-е. о вопросахъ, какъ матеріальнаго военно-уголовнаго права — о преступленіи и наказаніи, — такъ и права процессуальнаго. Но что такое, спрашиваю васъ, «постановленія по судебной части» вообще? Неужели найдется юристъ, который скажетъ, что уложеніе о наказаніяхъ или уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, или новое уголовное уложеніе, что это все суть постановленія по судебной части. Такого юриста, конечно, не найдется. Всякій отлично понимаетъ, что постановленіями по судебной части можно называть только постановленія, относящіяся къ законодательству процессуальному, а отнюдь не къ матеріальному. Воинскій уставъ о наказаніяхъ — тотъ кодексъ, который содержитъ правила о назначеніи смертной казни — есть кодексъ матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ. Это не есть собраніе постановленій по военно-судебной части хотя бы потому, что этотъ кодексъ есть, въ такой же точно мѣрѣ, собраніе постановленій по судебной части общей, ибо не только военный судъ, но и судъ общій обязанъ его примѣнять при смѣшанной, напримѣръ, подсудности и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Итакъ, я утверждаю, что подъ постановленіями по военной и военно-морской судебной частямъ можно понимать только правила процессуальныя, а поэтому нѣтъ никакого формальнаго препятствія для того, чтобы Государственная Дума разсмотрѣла и

разрѣшила вопросъ о смертной казни по военно-уголовнымъ законамъ. Прошу прощенія, господа, что я, и безъ того отнявши у васъ много дорогого времени, не могу еще закончить своей рѣчи. Но вопросъ, нами обсуждаемый, исключительно важенъ. Я не могу не остановиться съ нѣкоторыми подробностями на данной части вопроса, потому что эта область законодательства наименѣе извѣстна, и, однако, именно здѣсь наиболѣе сурово и, наиболѣе послѣдовательно примѣняется смертная казнь. Въ военно-уголовныхъ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ, смертная казнь полагается только въ военное время, но понятіе военнаго времени, путемъ примѣненія исключительныхъ правилъ, распространяется и на такое время, когда никакой войны съ иностранными государствами не имѣется. Мы предлагаемъ уничтожить примѣненіе смертной казни въ мирное время, для кого бы то ни было на территоріи Россійскаго государства, въ томъ числѣ и для военно-служащихъ, а для этого отмѣнить статью 91 воинскаго устава о наказаніяхъ. Но какъ поступать во время фактической войны? Комиссія внимательно и детально обсудила этотъ вопросъ и пришла къ тому заключенію, что если бы Государственная Дума сейчасъ постановила о полной отмѣнѣ смертной казни въ военное время, т.-е. во время настоящей войны съ иностраннымъ государствомъ, то, можетъ-быть, она услышала бы указанія на нѣкоторую поспѣшность и на нѣкоторую малую продуманность. Нельзя забывать и скрывать отъ себя, что смертная казнь въ военное время существуетъ рѣшительно во всѣхъ военно-уголовныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ. Слѣдовательно, если мы встанемъ на новый путь, то мы явимся новаторами, а разъ мы являемся новаторами въ какомъ-нибудь вопросѣ, то онъ долженъ быть особо тщательно изученъ.

По вопросу о смертной казни вообще имѣется необъятная литература; по вопросу о смертной казни въ военное время почти никакой литературы нѣтъ, и занимавшіеся этимъ вопросомъ даже выдающіеся криминалисты обыкновенно либо обходятъ его молчаніемъ, либо говорятъ: «а въ военное время смертная казнь должна быть сохранена». Комиссія предлагаетъ Государственной Думѣ вопросъ этотъ разработать самостоятельно и отдѣльно, а сейчасъ никакого рѣшенія не принимать. И надобности практической нѣтъ въ немедленномъ принятіи рѣшенія: войны съ иностраннымъ государствомъ сейчасъ нѣтъ, а когда она будетъ, то выработать

законопроектъ не представитъ исключительно большихъ усилій. Но я долженъ сказать, что самъ лично держусь того мнѣнія, что и въ военное время смертная казнь не только не необходима, но совершенно не нужна. *(Продолжительные аплодисменты слѣва.)* Я держусь того мнѣнія, что смертная казнь въ военное время тоже не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія, но, повторяю, какъ спеціалистъ вопроса, обязанъ сказать, что это мнѣніе далеко не является общепризнаннымъ и что его еще нужно доказывать. Я не позволю себѣ съ большой подробностью останавливать вашего вниманія на всѣхъ деталяхъ вопроса, но въ общихъ чертахъ считаю нужнымъ его намѣтить. Въ военное время смертная казнь имѣетъ различное основаніе. Прежде всего она назначается за общія правонарушенія для огражденія гражданъ отъ произвольнаго нарушенія закона военнослужащими. Я имѣю въ виду ту самую 279 статью, которая написана въ огражденіе гражданъ и которая сейчасъ оказалась оружіемъ въ рукахъ военнослужащихъ или военныхъ начальниковъ противъ гражданъ. *(Аплодисменты.)* Дѣйствительно, при исключительныхъ условіяхъ военнаго времени нельзя не считаться съ тѣмъ, что, можетъ-быть, необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ повышать карательныя воздѣйствія, но зачѣмъ же это повышеніе доводить до смертной казни? Какая здѣсь надобность? Грабящій мѣстное населеніе военнослужащій въ военное время чрезвычайно опасенъ; онъ противенъ, его дѣйствія глубоко безнравственны. Но до какого момента онъ опасенъ? До того момента, когда онъ на свободѣ, когда онъ можетъ грабить, а когда его схватили, когда его уже судятъ, когда совершонный имъ грабежъ или разбой ушелъ въ прошлое, развѣ этотъ грабитель опасенъ? Опасности нѣтъ отъ него никакой. Почему его нельзя подвергнуть лишенію свободы самому суровому, я не говорю о мягкомъ наказаніи, но зачѣмъ, какая необходимость лишать его жизни? Точно такъ же въ отношеніи другихъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ на войнѣ военнослужащими. Нельзя отвергать, что въ военное время всякое нарушеніе воинской дисциплины можетъ быть исключительно опасно; нельзя отвергать, что отказъ исполнить приказаніе начальника, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе начальнику въ моментъ боя или во время, предшествующее бою, можетъ нерѣдко повлечь за собой проигрышъ сраженія, тысячи смертей и неисправимыя послѣд-

ствія. Этого ничего отрицать нельзя. Но опять-таки, когда является такая опасность?

Я понимаю, когда я, солдатъ, не исполняю приказанія начальника итти въ бой, отправиться туда-то, сдѣлать въ бою то-то, когда я противодѣйствую ему активно, совершаю сопротивленіе или наношу ему ударъ, причиняю насиліе, то въ данный моментъ я, дѣйствительно, совершаю дѣйствіе исключительно опасное, ибо примѣръ заразителенъ, а всѣмъ извѣстно, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ подобнаго рода примѣры на войнѣ. Но вѣдь опасность существуетъ только въ тотъ моментъ, и вотъ совершенно логично въ 5 и 6 статьяхъ дисциплинарнаго устава изложены правила, которыя не только даютъ право, но обязываютъ начальника употребить силу противъ неповинующагося подчиненнаго и въ извѣстныхъ случаяхъ даже лишить его жизни. Вотъ совершенно логичное правило, заключающееся въ 277 статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ, которое освобождаетъ отъ отвѣтственности за смертоубійство, совершонное начальникомъ при такихъ обстоятельствахъ. Но если въ данный моментъ неповинующійся не былъ убитъ, если онъ былъ схваченъ и его судятъ, —судятъ, можетъ-быть, черезъ мѣсяцъ, когда обстоятельства совершенно измѣнились, и отъ него уже опасности нѣтъ рѣшительно никакой, — какой же смыслъ примѣнять къ нему смертную казнь? Скажутъ, что здѣсь имѣется въ виду значеніе устрашающаго момента смертной казни. О теоріи устрашенія едва ли можно съ спеціальной точки зрѣнія сказать хотя бы одно лишнее слово, кромѣ того, что высказывается съ точки зрѣнія общей. Далѣе, въ военное время смертная казнь полагается за такія дѣянія, которыя въ мирное время абсолютно невозможны, — напримѣръ, бѣгство съ поля сраженія. Совершенно вѣрно, что солдатъ или офицеръ, бѣгущій съ поля сраженія, можетъ вызвать панику и тѣмъ причинить невѣроятный вредъ, невѣроятную опасность. А потому логично опредѣленіе 263 ст. воинскаго устава о нак., обязывающее начальника убить, при извѣстныхъ условіяхъ, бѣгущаго съ поля сраженія. Но когда такого бѣглеца будутъ потомъ судить — уже вреда отъ него не можетъ быть никакого. Совершенно тѣ же соображенія приложимы, по моему глубокому убѣжденію, и къ самому гнусному изъ преступныхъ дѣяній, — къ шпіонству со стороны своего подданнаго, — т.-е. къ военной измѣнѣ. Свой шпіонъ безконечно вреденъ, но онъ вреденъ только до

тѣхъ поръ, пока находится на свободѣ. Наконецъ, примѣняется смертная казнь къ непріятельскимъ шпіонамъ. Я былъ на войнѣ, былъ въ Манчжуріи и долженъ сказать, что никогда на меня не производило такого гнетущаго, тяжелаго впечатлѣнія наказаніе смертью, какъ именно въ примѣненіи къ непріятельскимъ шпіонамъ, — здѣсь есть ужасное противорѣчіе. Помню, я проѣзжалъ станцію Турчихэ, — это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, — тамъ, какъ разъ, когда подошелъ поѣздъ, только что задержали двухъ японскихъ офицеровъ, они, несомнѣнно, были шпіоны. Едва я успѣлъ пріѣхать въ Харбинъ, прошло два-три дня, какъ узнаю, что уже назначенъ судъ, и не успѣлъ я доѣхать до Мукдена, какъ оказалось, что они уже разстрѣляны. Зачѣмъ еще понадобилось нарушать законъ, зачѣмъ понадобилось отнимать дѣло отъ слѣдователя, который производилъ предварительное изслѣдованіе, зачѣмъ понадобилось предавать суду безъ слѣдствія, по телеграфу утверждать приговоръ, зачѣмъ понадобились всѣ эти нарушенія, объ этомъ не будемъ говорить... Японцы послѣ суда съ полнымъ достоинствомъ заявили, что они просятъ о помилованіи, потому что исполняли свой воинскій долгъ, приказаніе своего начальства. Скажите, развѣ это не правда? Несомнѣнно же, что правда, — они въ отношеніи своихъ исполняли долгъ... Я невольно вспомнилъ этихъ двухъ офицеровъ, когда узналъ потомъ, что нашъ русскій рядовой Рябовъ былъ казненъ японцами, будучи пойманъ въ районѣ расположенія японской арміи, посланный туда по приказанію своего, нашего русскаго начальства. Вѣдь это безконечное противорѣчіе: не попался — герой; попался — смертная казнь. Неужели мы на войнѣ не можемъ сказать: или шпіонство не должно быть допускаемо, и ни одна армія не должна пользоваться услугами шпіоновъ, или задержаннаго чужого шпіона — шпіона военслужащаго, дѣйствующаго не по найму, а по своему военному долгу, — нельзя казнить.

Итакъ, по военно-уголовнымъ законамъ необходимости въ смертной казни нѣтъ. Но сегодня мы не предлагаемъ этого принять Государственной Думѣ. Сегодня мы предлагаемъ сказать, что отмѣняется смертная казнь всегда и для всѣхъ, внѣ случаевъ дѣйствительной войны съ иностраннымъ государствомъ, а въ этихъ случаяхъ смертная казнь тоже должна быть отмѣнена, но по особому закону. Чтобы кончить мой затянувшійся докладъ, мнѣ остается отмѣтить еще одну сторону вопроса. Я до сихъ поръ

стоялъ на почвѣ соображеній юридическихъ, теперь надо сказать нѣсколько словъ о соображеніяхъ политическихъ. Надо отвѣтить, своевременно ли сейчасъ отмѣнять въ Россіи смертную казнь. Въ этомъ вопросѣ слышится старый бюрократическій принципъ, тотъ принципъ, который привелъ Россію къ нынѣшнему положенію — «сперва успокоеніе, а потомъ реформы». Вѣдь даже графъ Толстой, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не отрицалъ необходимости реформъ; онъ говорилъ, что реформы необходимы, но только онѣ несвоевременны. Онъ говорилъ: «Сперва должно наступить успокоеніе, а потомъ можно дать реформы». Вѣдь здѣсь полное отсутствіе логики! Вѣдь когда движеніе ведется во имя реформъ, то какъ же можно сказать, что вотъ вы успокойтесь, не ждите реформъ, не желайте ихъ и тогда вамъ ихъ дадутъ! Вѣдь это же совершенный абсурдъ! То же самое и по отношенію къ смертной казни. Сейчасъ движеніе въ пользу отмѣны смертной казни охватило все населеніе, все населеніе вплоть до глухой деревни. Эта мысль неотступно преслѣдуетъ каждаго русскаго гражданина. И можно ли въ это время сказать: «пусть не будетъ политическихъ убійствъ, тогда мы отмѣнимъ смертную казнь»? Я имѣлъ уже случай съ этой каѳедры говорить о той причинной связи, которая существуетъ между политическими убійствами и смертной казнью; я имѣлъ случай отмѣчать, что не политическія убійства являются причиной, а казнь слѣдствіемъ, а какъ разъ наоборотъ, что политическія убійства вызываются безудержнымъ примѣненіемъ смертной казни. Я не буду повторять этого аргумента, но я спрошу: когда же наступитъ тотъ моментъ, что будетъ своевременнѣе, чѣмъ сейчасъ, отмѣнить смертную казнь? Мы живемъ въ эпоху революціи. Что будетъ завтра, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смѣна настроеній, смѣна теченій, смѣна личнаго торжества, — она можетъ наступить каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ намъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было убійствъ по закону, закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ при всей той неизвѣстности, которая русской жизни предстоитъ, не было

уже закономѣрныхъ убійствъ, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы ни было совершено, было бы только преступнымъ дѣяніемъ.

1 декабря 1789 года французское учредительное собраніе по предложенію доктора Гильотена постановило, что отнынѣ смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную смертную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно погибнуть, расшататься, и что наступитъ анархія. Этого не наступило, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Пусть наша русская Государственная Дума начнетъ свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни. Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это гарантируетъ то, что отнынѣ смертная казнь у насъ, т.-е. лишеніе жизни закономѣрное, лишеніе жизни властнымъ безвластнаго, что такого лишенія жизни больше не будетъ. *(Громъ аплодисментовъ.)*

Рѣчь *Набокова* (г. С.-Петербургъ). Господа народные представители. Я очень жалѣю, что г. министръ юстиціи покинулъ залъ засѣданія во время перерыва. Я имѣлъ въ виду поблагодарить его за тотъ подарокъ, который онъ намъ сдѣлалъ, соглашаясь на отмѣну смертной казни за карантинныя преступленія, и спросить его, когда былъ послѣдній случай примѣненія смертной казни за карантинное преступленіе и сколько вообще, хотя бы за послѣднія 50 лѣтъ, было приведено въ исполненіе смертныхъ приговоровъ по дѣламъ карантиннымъ. Здѣсь я вижу г. товарища министра юстиціи, который, можетъ-быть, этими свѣдѣніями обладаетъ. *(Обращается къ министерской ложѣ и, повидимому, получаетъ отрицательный отвѣтъ.)* Нѣтъ? *(Аплодисменты. Предсѣдатель останавливаетъ оратора.)* Въ такомъ случаѣ я очень извиняюсь, что я, повидимому, нарушилъ нашъ наказъ, принятое у насъ правило, какъ мнѣ говоритъ предсѣдатель, обратившись съ такимъ вопросомъ. Но я преслѣдовалъ совершенно ясную цѣль, я хотѣлъ подтвердить то, что эти случаи, если они и были, во всякомъ случаѣ насчитываются единицами, и что когда говорятъ по вопросу о смертной казни, то, конечно, меньше всего думаютъ о карантинныхъ преступленіяхъ, и подтвержденіе этой мысли я вижу въ томъ, что составители уголовнаго уложенія, какъ уже указалъ министръ юстиціи, всѣ свои разсужденія и всѣ свои выводы приноравливали не къ вопросу

о карантинныхъ преступленіяхъ, и Государственный Совѣтъ, который сохранилъ, какъ извѣстно, смертную казнь въ уголовномъ уложеніи 1903 г., точно такъ же согласился съ тѣмъ, что о карантинныхъ преступленіяхъ рѣчи быть не можетъ.

Такимъ образомъ, говорю я, мы можемъ поблагодарить за этотъ подарокъ, но, введя въ нашу благодарность нѣкоторую оговорку въ зависимости отъ того, что далѣе говорилъ г. министръ юстиціи. Я долженъ сказать, что аргументація министра по существу произвела на меня угнетающее впечатлѣніе. Весь вопросъ заключается въ томъ, можно ли оставить смертную казнь, какъ мѣру наказанія, совершенно независимо отъ тяжести преступленія. Господа, вѣдь вы знаете, что у насъ давнымъ-давно, какъ говорилъ самъ министръ юстиціи, со времени Елисаветы Петровны, смертная казнь отмѣнена за общія преступленія. Развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что общія преступленія пріобрѣтаютъ иногда такія ужасающія формы, являются такими чудовищными актами, которые приводятъ въ оцѣпенѣніе, но развѣ изъ этого вытекаетъ, что за это слѣдуетъ назначать смертную казнь? Вѣдь мы аргументируемъ по существу, доказываемъ, что смертная казнь по существу во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ недопустима, не достигаетъ никакихъ цѣлей, глубоко безнравственна, какъ лишеніе жизни, глубоко позорна для тѣхъ, которые приводятъ ее въ исполненіе; указываемъ на то, что всякій человѣкъ съ непритупленнымъ нравственнымъ чувствомъ, присутствуя при исполненіи смертнаго приговора, испытываетъ это чувство стыда и позора. Лучшіе русскіе писатели—Тургеневъ, Достоевскій, Толстой—отмѣчали эту черту. Разъ она есть, то она свидѣтельствуетъ, что для нравственнаго чувства смертная казнь нѣчто недопустимое, что съ этимъ государству надо считаться. Мы говоримъ, что смертная казнь не удерживаетъ отъ совершенія преступленій. Намъ возражаютъ, что есть преступленія, съ которыми слѣдуетъ бороться крайними средствами, и вотъ почему надо сохранить смертную казнь. Да вѣдь мы говоримъ, что смертная казнь не есть крайнее средство, а что она есть дурное, безполезное и безнравственное средство. Когда въ отвѣтъ намъ говорятъ, что она — крайнее средство, то можно сказать, что наши аргументы по существу они не разсматриваютъ, а отдѣлываются общими мѣстами, давно забытыми и избитыми фразами. Тутъ была сдѣлана ссылка на Западную Европу и на профессора Листа. Я этой ссылкѣ обра-

довался; я думалъ, что это было бы хорошей привычкой для нашего правительства, если бы оно выучилось читать и цитировать профессора Листа; оно тогда прочло бы рѣчь, которую произнесъ профессоръ Листъ, какъ предсѣдатель митинга, созваннаго въ Берлинѣ для выраженія протеста противъ бѣлостокскихъ ужасовъ, произнесъ по адресу правительства и по адресу Государственной Думы. *(Аплодисменты.)* Я былъ бы радъ, если бы г. министръ юстиціи использовалъ свои досуги, остающіеся по разсмотрѣніи нашихъ законопроектовъ, для чтенія этихъ рѣчей и резолюцій. Но, дѣйствительно, фактъ, который приведенъ здѣсь, вѣренъ. Дѣйствительно, 25 лѣтъ тому назадъ профессоръ Листъ говорилъ, что въ Россіи, въ этомъ восточномъ государствѣ, гдѣ еще царствуетъ деспотизмъ, гдѣ еще есть полное порабощеніе и безправіе личности, смертная казнь есть такое явленіе, которое не особенно бы рѣзало глаза на общемъ фонѣ безправія, на общемъ фонѣ деспотизма. Намъ указывали, что въ Западной Европѣ смертная казнь тоже не отмѣнена. Въ этомъ была ошибка; было упущено то, что на западѣ Европы смертная казнь не вездѣ отмѣнена за тягчайшія общія преступленія, тогда какъ у насъ за самыя тягчайшія общія преступленія она отмѣнена полтораста лѣтъ тому назадъ; она осталась у насъ исключительно, какъ мѣра борьбы съ политическими преступленіями. *(Голоса: «Вѣрно».)* По поводу западно-европейскихъ взглядовъ на смертную казнь, которые подтверждаются цитатами, ссылками на Сѣверную Америку, я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, западно-европейскіе криминалисты въ общемъ проявляютъ нѣкоторую, такъ сказать, притупленность нравственнаго чувства, которая характеризуетъ всѣхъ защитниковъ смертной казни. Мнѣ случилось говорить съ однимъ изъ выдающихся нѣмецкихъ профессоровъ по вопросу о смертной казни и спросить его, присутствовалъ ли онъ при исполненіи смертныхъ приговоровъ, которые въ Германіи приводятся въ исполненіе однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ способовъ, а именно топоромъ. Онъ сказалъ, что присутствовалъ. Я спросилъ: «какое впечатлѣніе произвело это на васъ?» «Такое же впечатлѣніе,—сказалъ онъ въ отвѣтъ,—какъ если бы я присутствовалъ при умерщвленіи быка, теленка, коровы: впечатлѣніе гадливости, но не болѣе». Точно такъ же другой западно-европейскій криминалисъ, англичанинъ юристъ Стифенъ, въ своихъ трудахъ доказывалъ, что смертную казнь слѣдуетъ сохранить.

Когда приводили ему примѣры, что бываютъ судебныя ошибки, что казнятъ сумасшедшихъ, а это въ Англіи можетъ очень легко случиться, такъ какъ доказательство сумасшествія на судѣ обставляется большими формальностями, онъ сказалъ (я цитирую, могу указать страницы въ доказательство того, что я не выдумываю, не преувеличиваю), что, въ сущности говоря, большинство сумасшедшихъ сами виноваты въ томъ, что сошли съ ума, такъ какъ сумасшествіе является результатомъ развратной жизни и проч.; если такихъ людей умерщвлять, то это такъ и нужно. Затѣмъ итальянская антропологическая школа выставила доводъ въ пользу сохраненія смертной казни для того, чтобы улучшить человѣческую породу и удалять тѣхъ лицъ, которыя являются извергами. Ту же самую мысль преслѣдовали тѣ Сѣверо-Американскіе Штаты, о которыхъ говорилъ здѣсь министръ юстиціи. Въ одномъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ находится въ настоящее время на очереди проектъ о томъ, чтобы лишать людей дегенератовъ, закоренѣлыхъ пьяницъ, людей, страдающихъ извѣстными болѣзнями, способности дѣторожденія. Это есть такой проектъ, который для Сѣверной Америки, повидимому, мыслимъ, но если бы у насъ внесли такой проектъ, то мы сказали бы, что въ нашъ монастырь съ такими уставами ходить не слѣдуетъ, это касается Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Я подчеркиваю, я понимаю, что съ извѣстной точки зрѣнія, съ абстрактно-научной, или уже чрезмѣрно практической, итальянскіе антропологи говорятъ, что людей, привычныхъ къ порокамъ, убійцъ-дегенератовъ, пропойцъ, людей, не приспособляющихся ни къ какой общественной средѣ, государство не можетъ содержать на свой счетъ, и вотъ предлагаютъ способы разстаться съ ними. Я понимаю эту черезчуръ практическую точку зрѣнія, но когда это говорятъ по отношенію къ политическимъ преступленіямъ, когда на этомъ основаніи васъ приглашаютъ отнимать жизнь у людей, которые при измѣнившихся обстоятельствахъ, — и это доводъ, давнымъ-давно приведенный наукой, теоріей, — могли бы быть вождями народными и часто являются народными героями, то я полагаю, что эта ссылка есть недоразумѣніе или что-нибудь еще хуже. *(Аплодисменты.)* Г. министръ юстиціи указывалъ на анархизмъ и говорилъ, что надо съ нимъ бороться; прежде всего бороться съ анархизмомъ смертной казнью, это, конечно, покушеніе съ негодными средствами. У насъ, въ Россіи, есть величай-

шій анархистъ — гр. Левъ Николаевичъ Толстой, съ которымъ едва ли сталъ бы г. министръ юстиціи бороться смертной казнью. Но затѣмъ, если вы разсмотрите тѣ статьи нашихъ уголовныхъ уложеній, которыя предусматриваютъ смертную казнь, то вы должны будете согласиться, что объ анархизмѣ нечего и говорить. Я смѣю думать, что поскольку вопросъ идетъ объ общемъ нашемъ уголовномъ уложеніи, вопросъ о сохраненіи смертной казни долженъ считаться вопросомъ академическимъ. Но я думаю, что, если г. министръ юстиціи становится на точку зрѣнія борьбы съ извѣстными политическими преступленіями, то онъ долженъ имѣть въ виду то, съ чѣмъ борется. Ст. 99 говоритъ, что смертною казнью наказывается посягательство на жизнь, здравіе, свободу и вообще на неприкосновенность священной особы царствующаго Императора, Императрицы или Наслѣдника престола или на низверженіе царствующаго Императора съ престола и на лишеніе его Верховной власти или на ограниченіе его правъ. Прежде всего я долженъ указать, что эта статья написана и утверждена въ 1903 году, и если бы ее примѣняли въ 1904 и 1905 гг., то ее пришлось бы примѣнить прежде всего къ тому лицу, которое преподнесло Государю Императору манифестъ 17 октября *(аплодисменты)*, ибо это лицо совершило, несомнѣнно, посягательство на ограниченіе правъ Верховной власти. Вы скажете, что это онъ сдѣлалъ съ согласія Верховной власти, но если мы допустимъ хоть на одну минуту (чего я не думаю), что манифестъ былъ данъ по иниціативѣ этого лица, то мы должны признать, что это лицо совершило преступленіе противъ 99 статьи. Такимъ образомъ эта часть статьи, конечно, мѣняетъ совершенно особенное свое значеніе. Что же касается первой части статьи, то въ ней я вижу академичность всего этого спора. Въ то время, когда вопросъ объ особѣ царствующаго Монарха является вопросомъ о государственномъ строѣ, въ то время, когда существуетъ самодержавіе, когда въ лицѣ монарха воплощается идея государственнаго строя, то тогда такое ограниченіе, такое указаніе можетъ имѣть значеніе; когда же этого нѣтъ, когда идетъ рѣчь о конституціи, о конституціонномъ монархѣ, то академичность этого положенія, по моему мнѣнію, явствуетъ сама собою. Тѣ люди, которыхъ г. министръ юстиціи называетъ анархистами, по всей вѣроятности, въ своей борьбѣ съ существующимъ строемъ не должны будутъ и не могутъ обращать свои удары на тѣхъ, ко-

торые въ данный моментъ не являются представителями даннаго государственнаго строя. Конечно, я знаю, есть исключенія, и мнѣ могутъ указать на коронованныхъ особъ въ государствахъ конституціонныхъ. Господа, я думаю, что такого рода покушенія должны влечь за собой строгое и заслуженное наказаніе, но если бы меня спросили, является ли то обстоятельство, что виновный дѣйствовалъ подъ вліяніемъ анархическихъ теорій или что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ анархическихъ побужденій, является ли это обстоятельство смягчающимъ его вину, сравнительно съ тѣмъ, кто дѣйствовалъ на основаніи мотивовъ корыстныхъ или жестокости, я отвѣтилъ бы въ утвердительномъ смыслѣ. Поскольку вы имѣете дѣло съ преступленіемъ, съ его различными мотивами, поскольку вся наука уголовнаго права признаетъ, что мотивы должны играть извѣстную смягчающую роль и, повторяю, когда идетъ рѣчь о такомъ покушеніи, на него должно смотрѣть какъ на общее преступленіе. Статьи уголовнаго уложенія, которыя охраняютъ жизнь каждаго человѣка, должны охранять и жизнь коронованныхъ особъ. И съ этой точки зрѣнія та уголовная кара, которая налагается за убійства, должна налагаться и тутъ. Я оставляю въ сторонѣ, насколько можно, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія нашего уголовнаго уложенія, признавать здѣсь квалифицирующее обстоятельство. Укажу еще на случаи, упомянутые въ уголовномъ уложеніи, гдѣ сохранена смертная казнь за убійство членовъ Императорскаго Дома. Спрашивается, почему это — политическое преступленіе? Развѣ родство съ царствующимъ Императоромъ создаетъ изъ убійства политическое преступленіе? Это убійство можетъ вытекать изъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Мы сами хорошо знаемъ, что члены Императорскаго Дома сталкиваются съ людьми въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Они не являются носителями политической идеи, символомъ политическихъ взглядовъ, поэтому спрашивается, почему охрана ихъ жизни, вѣрнѣе сказать, посягательство на ихъ жизнь должно быть выдѣлено изъ общихъ посягательствъ и разсматриваться, какъ преступленіе политическое? Я считаю, что тутъ нѣтъ основаній говорить о политическомъ преступленіи. Что касается до наказанія смертной казнью шпіонства и государственной измѣны, то по той постановкѣ, которую они получили въ уголовномъ уложеніи, эти случаи могутъ встрѣчаться только въ военное время. Я лично держусь взгляда,

что если Государственная Дума приметъ законоположенія, которыя изложены въ представленномъ проектѣ, то этимъ отмѣняется смертная казнь безъ всякихъ исключеній: если мы говоримъ, что смертная казнь отмѣняется тамъ, гдѣ дѣйствующими законами это установлено, то, стало-быть, мы никакихъ исключеній не дѣлаемъ, а такъ какъ именно дѣйствующіе законы устанавливаютъ смертную казнь за шпіонство и покушеніе на цѣлость арміи въ военное время, то этимъ вы ее отмѣняете. Комиссія въ объяснительной запискѣ указала, что по существу она вопроса не разсматривала, а предоставляетъ окончательное рѣшеніе вопроса будущему закону, признавая, что законъ долженъ считаться съ особыми условіями и можетъ рѣшить такъ или иначе. Во всякомъ случаѣ, пока это ограниченіе не введено въ законъ, — а комиссія этого не ввела въ законъ, — до тѣхъ поръ оно законодательнымъ образомъ не существуетъ. Стало-быть, если вы примете основныя положенія, то этимъ самымъ смертная казнь вообще будетъ изъ нашего законодательства устранена. Въ этомъ отношеніи я долженъ отвѣтить на заявленіе, которое было сдѣлано представителемъ Морского Министерства, что мы совершенно не касаемся—я, по крайней мѣрѣ—вопроса о порядкѣ и формѣ измѣненія постановленій военно-морского устава и воинскаго устава о наказаніяхъ и т. д. Мы говоримъ, что разъ вообще законъ отмѣняетъ по принципіальнымъ соображеніямъ извѣстную карательную мѣру, эта мѣра изъ нашихъ законодательствъ исчезаетъ, и никакія судебныя учрежденія не могутъ эту мѣру примѣнять. Вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ измѣнять статьи воинскаго устава о наказаніяхъ или военно-морского устава, въ которыхъ предусмотрѣна смертная казнь, для меня вопросъ не существенный. Тотъ судья послѣ принятія закона, первая статья котораго гласитъ «смертная казнь отмѣняется», тотъ судья, который послѣ этого постановитъ смертный приговоръ, и исполнители, которые приведутъ его въ исполненіе, совершатъ уголовное преступленіе. На этой точкѣ зрѣнія мы должны стоять, потому что если мы на ней не будемъ стоять, то намъ скажутъ, что мы этотъ законъ принимаемъ, только предоставляемъ себѣ широкое поле дѣятельности для тѣхъ областей, до которыхъ вы дойти не можете.

По поводу указаній представители Министерства Внутреннихъ дѣлъ долженъ сказать, что это вопросъ въ концѣ-концовъ акаде-

мическій. Никто, конечно, въ Думѣ не сомнѣвается, что въ проектѣ о неприкосновенности личности, который будетъ внесенъ въ Государственную Думу на разсмотрѣніе, никакихъ ограниченій и исключеній въ пользу смертной казни ни сдѣлано ни допущено не будетъ. И если бы представитель Министерства Внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ сегодня высказаться, мы бы его выслушали, я скажу, такъ же равнодушно, какъ будемъ слушать тогда, когда онъ будетъ говорить по вопросу о неприкосновенности личности. Мы считаемъ, господа, — повторяю, повидимому, представители правительства этого не понимаютъ,—что здѣсь вопросъ принципіальный, мы считаемъ, что въ Россіи смертная казнь должна быть вычеркнута изъ всей карательной системы. Не буду повторять всѣхъ доводовъ, которые приведены противъ нея, но утверждаю, что здѣсь этимъ доводамъ ничего противопоставлено не было. Господа, напомню, что редакціонная комиссія по составленію уголовнаго уложенія писала свои соображенія еще въ 1882 году, т.-е. черезъ годъ послѣ перваго марта, но тѣмъ не менѣе редакціонная комиссія нашла возможнымъ заключить свои соображенія по вопросу о смертной казни указаніемъ на то, что, по ея единогласному мнѣнію, смертная казнь должна быть вычеркнута изъ системы уголовныхъ наказаній. Теперь, черезъ 25 лѣтъ, къ намъ являются и говорятъ: мы хотимъ сохранить смертную казнь, мы въ ней нуждаемся, она для насъ служитъ орудіемъ борьбы, безъ него мы существовать не можемъ. Министръ олицетворяетъ борьбу за свободу съ борьбой противъ теперешняго правительства. Конечно, борьба за свободу есть борьба съ правительствомъ, и при этомъ условіи борьба можетъ привести къ желанному исходу только въ томъ случаѣ, если правительство уйдетъ. Но сегодня здѣсь оно еще разъ доказало свое безсиліе въ пониманіи государственныхъ задачъ и свое непониманіе того, что называется этическими народными требованіями: оно доказало, что можетъ существовать только путемъ этого стараго, осужденнаго всѣми лучшими людьми, строя, съ помощью этого орудія борьбы. Оно доказало свою неспособность. Господа, до сихъ поръ у насъ со времени стараго юриста Баршева, — который въ 50-хъ и 40-хъ годахъ доказывалъ пользу кнута, и только послѣ шестидесятыхъ годовъ, когда ему на экзаменѣ студентъ отвѣчалъ и привелъ доводы въ пользу кнута, онъ сказалъ ему съ грустью: «Теперь такъ не думаютъ»; онъ былъ вмѣстѣ съ Лохвицкимъ единственною юридическою

окаменѣлостью, доказывавшею необходимость смертной казни — съ тѣхъ поръ всѣ голоса, принадлежащіе русскому обществу, и всѣ русскіе юристы высказывались противъ смертной казни; за нее стояли только органы типа «Московскихъ Вѣдомостей» и лица типа Грингмута. Теперь же эти лица и эти органы пріобрѣтаютъ себѣ *(обращаясь къ министерскимъ скамьямъ)* достойныхъ сотоварищей. *(Продолжительные бурные аплодисменты.)*

Рѣчь *Родичева* (Тверская губ.). Я не могу не признать по совѣсти, что жалкими доводами защищаетъ себя смертная казнь. Изъ устъ ея защитниковъ мы не слышали ни одного слова въ доказательство ея справедливости. Мы, господа, точно забыть должны, что министръ юстиціи по-русски значитъ «служитель правосудія». Изъ устъ тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрена судьба русскаго правосудія, мы слова «справедливость» не слыхали, это ихъ послѣдняя забота. Надо было имѣть мужество сказать откровенно: это вопросъ политики, это вопросъ пользы; они считаютъ смертную казнь полезной. Пойдемъ мы съ ними на эту почву и зададимъ вопросъ: кому и для чего она полезна? Она несправедлива — они это знаютъ, и мы въ правѣ обратить къ нимъ вопросъ: значитъ вы, служители справедливости, считаете для государственной власти полезнымъ защищать несправедливость? Послѣ этого мы не можемъ съ вами не согласиться, что анархическія ученія господствуютъ въ Россіи; только источникъ этого анархизма не есть соціалистическое ученіе, а есть простая утрата точки зрѣнія совѣсти. Тотъ періодъ жизни, который мы въ Россіи переживаемъ, по справедливости можетъ быть названъ царствомъ ужаса, царствомъ террора, и лица, которыя нѣсколько часовъ тому назадъ спокойнымъ голосомъ защищали отсюда смертную казнь, въ XX столѣтіи шагъ за шагомъ повторяютъ политику французскихъ террористовъ конца XVIII столѣтія. Такъ же, какъ тѣ, они жестоки, такъ же, какъ тѣ, они безумны *(аплодисменты)*, разница между ними только та, что тѣ клали прежде всего въ жертву свою жизнь и были безкорыстны, а этотъ режимъ, — онъ жертвуетъ только чужой жизнью и своею корыстью не поступается. *(Аплодисменты.)* Чего достигъ французскій терроръ? Не побѣды, потому что побѣды достигнуты помимо его. Онъ достигъ того, что чистыя идеи были обагрены невинной кровью. Эти не менѣе чистыя идеи они обагряютъ и невинной

святой кровью русскаго народа, пробуютъ оживить гнилой трупъ прошлаго режима, но имъ не спасти его. Казни, повторяющіяся одна за другой, кого онѣ устрашили? Развѣ не наоборотъ, развѣ зрѣлище смерти и зрѣлище мученичества не зажигаетъ сердецъ тѣхъ, которые послѣ этого смѣло идутъ жертвовать своей жизнью? Развѣ смертная казнь, которую они расточаютъ, не снимаетъ съ тѣхъ, въ комъ зрѣетъ преступленіе, развѣ не снимаетъ съ нихъ укоровъ совѣсти? Нѣтъ, она имъ прямо сулитъ мученическій вѣнецъ. Они изобрѣли единственный способъ оправданія убійствъ: они своей практикой убійствъ оправдываютъ передъ собственной совѣстью тѣхъ людей, которые потомъ становятся убійцами. Если бы они хотѣли въ самомъ дѣлѣ искренно водворить миръ въ Россіи, неужели же вы думаете, что они этого не поняли бы давнымъ-давно? Они поняли это, они это знаютъ, они защищаются уловкой и отводомъ. Жизнь человѣческая жертвуется приказному крючкотворству. Надо отдать справедливость русскому террору: до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствовалъ тайно, когда человѣкъ пропадалъ невѣдомо куда для другихъ, когда онъ самъ не зналъ, что̀ ему грозитъ, когда передъ нимъ стоялъ не ужасъ смерти, смотрящій въ глаза, а ужасъ неизвѣстнаго, ужасъ холодной гильотины — Сибири, той длительной смертной казни, которую въ настоящее время расточаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, — когда стоялъ этотъ ужасъ, онъ пугалъ людей; въ окружающихъ распространялась паника. Но съ той минуты, когда люди знаютъ, что значитъ введеніе военнаго положенія, что значитъ преданіе военному суду, они смѣло смотрятъ смерти въ глаза — «на міру и смерть красна».

Они устраиваютъ праздники смерти, быть-можетъ, и для успокоенія патріотическихъ сердецъ.

Они намъ говорятъ: «Достоинство Монарха должно быть ограждено», а я думаю, что приводить такой аргументъ предъ лицомъ народа, значитъ оскорблять Монарха. *(Голоса: «Вѣрно».)* Они думаютъ, что смертная казнь политическихъ убійствъ не остановитъ, но остановленіемъ ея мы кого-то почтимъ. Кого можно почтимъ перспективой пролитія человѣческой крови? Быть-можетъ короля людоѣдовъ? Но, хотя все сдѣлано для того, чтобы превратить Россію въ царство Сетивайо, короля зулусовъ, но до этого все еще далеко и это не удастся. Зачѣмъ приносятся эти жертвы? Я часто съ ужасомъ читалъ описаніе послѣднихъ дней жизни

Фридриха-Вильгельма IV, который царствовалъ нѣкоторое время, будучи безумнымъ. Безуміе его выражалось въ томъ, что онъ тщательно выискивалъ смертные приговоры и съ наслажденіемъ ихъ утверждалъ. Этотъ отживающій режимъ, который также утратилъ разумъ, въ настоящее время трясется надъ этими послѣдними смертными приговорами и хочетъ въ остаткѣ дней своихъ упиться ими. *(Аплодисменты.)* Онъ съ нѣжностью лелѣетъ ихъ. Это ли, господа, умиротвореніе народа, это ли обновленіе совѣсти? Это — отравленіе народной совѣсти, и министръ юстиціи, который съ этой каѳедры, предъ лицомъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, на всю Россію, произнесъ эти слова, сосчиталъ ли онъ, какой развратъ въ души судей внесъ онъ этими словами. *(Аплодисменты.)* Это никогда не простится, это — грѣхъ передъ совѣстью народа и передъ русскимъ правосудіемъ. Господа, какимъ малымъ количествомъ совѣсти, какимъ малымъ количествомъ ума управляется Россія *(аплодисменты)*, и скажу съ чувствомъ глубокаго національнаго униженія: мнѣ, моему патріотическому чувству, нанесено оскорбленіе. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Рѣчь *Огнева* (Вятская губ.). Господа народные представители. Еще въ первомъ обсужденіи вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ разсмотрѣнъ со многихъ сторонъ прекрасно, и я вывелъ то заключеніе, что смертная казнь должна была отмѣнена именно потому, что она по природѣ своей не можетъ быть названа собственно наказаніемъ. Это, во-первыхъ, потому, что наказаніе преступника предполагаетъ, съ одной стороны, стремленіе общества обезопасить себя отъ преступнаго лица, съ другой стороны — наложить на это лицо справедливое возмездіе, и третья сторона — этическая, предполагаетъ нѣкоторое воспитательное воздѣйствіе на преступника, чтобы онъ въ тѣхъ или другихъ условіяхъ, въ которыя будетъ поставленъ, созналъ свое преступленіе и имѣлъ бы возможность обратиться къ иному, честному пути. Такимъ образомъ, понятіе наказанія, по природѣ своей, именно предполагаетъ продленіе человѣческой жизни. Это тѣмъ болѣе важно, что вѣдь человѣческое правосудіе можетъ допускать ошибки. Нерѣдко съ Сахалина приходилось возвращать преступника послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторжной жизни. Подходитъ ли подъ это понятіе «наказанія» смертная казнь? Смертная казнь именно тѣмъ и ужасна, что она не даетъ продленія человѣческой жизни, она пресѣкаетъ человѣческую жизнь; не даетъ возможности человѣку

исправиться, стать на иной путь. Вотъ эта роковая безповоротность смертной казни и даетъ поводъ къ заключенію, что она не есть наказаніе, она не есть актъ правосудія, а вызывается «кровожадной мстительностью», какъ сказалъ одинъ изъ ораторовъ. Далѣе, во-вторыхъ, по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Можно говорить, что, по отношенію къ преступленіямъ другого рода смертная казнь, дѣйствительно, не есть актъ правосудія, но могутъ быть люди съ такой преступно-злой волей, съ такими убѣжденіями, для которыхъ всякое наказаніе недѣйствительно; это такъ называемые политическіе преступники. Ихъ не исправишь никакими наказаніями, потому что они всегда будутъ бороться противъ существующаго строя. Но, господа, мнѣ припоминается другой ораторъ, который, сказавъ, что очень трудно людей, руководимыхъ той или другой идеей, приравнять къ преступникамъ, привелъ въ примѣръ разсказъ Тургенева, гдѣ описывается, какъ одна дѣвушка, русская дѣвушка, стояла предъ роковою гранью, отдѣлявшею эту жизнь отъ жизни загробной, и когда она переступила эту роковую грань, раздались два возгласа, два суда. Одинъ возгласъ говоритъ: безумная, другой говоритъ — святая. Я еще обращу вниманіе, что передъ тѣмъ, какъ эта дѣвушка переступила роковую грань, испытующій голосъ заставилъ ее пережить мучительный искусъ. Послѣ того, какъ онъ побудилъ ее отказаться отъ всѣхъ благъ земныхъ, пожертвовать добрымъ именемъ, честью, памятью людской, ставится послѣдній вопросъ: «готова ли ты на преступленіе?» И нашъ великій писатель говоритъ, что дѣвушка поникла головой. Какая тяжкая борьба въ ней совершалась!.. И вотъ послѣдовалъ отвѣтъ: «Готова». «Иди», говоритъ голосъ, и дѣвушка переступаетъ роковой порогъ и исчезаетъ за таинственною дверью. Мнѣ, господа, въ этой дѣвушкѣ представляются знакомыя черты нѣкоторыхъ политическихъ русскихъ женщинъ. Въ лицѣ этой дѣвушки я узнаю черты и Засуличъ, и Волкенштейнъ, и Измайловичъ, и Спиридоновой, и другихъ. И эти лица соглашаются сознательно итти на преступленія! Если мы обратимъ вниманіе на ихъ личныя качества, какъ рисуютъ ихъ намъ біографы или товарищи по заключенію, то окажется, что эти политическія преступницы и другія, о которыхъ я сейчасъ не упоминаю, вовсе не злодѣи по природѣ. По натурѣ своей эти люди особенной нравственной чуткости, чуткости большей, чѣмъ у обыкновенныхъ, ординарныхъ, людей.

Если мы, ординарные, обыкновенные люди проходимъ мимо извѣстныхъ преступленій, совершающихся въ обществѣ, если, можетъ-быть, возмущаемся въ интимномъ кругу поступками насилія, то эти люди не могутъ ограничиваться интимнымъ кругомъ, они ропщутъ громко, они не могутъ слова и чувства отдѣлять отъ дѣйствій. Неправда, царящая въ обществѣ, этихъ людей волнуетъ больше, чѣмъ насъ; безнаказанность разныхъ административныхъ насильниковъ ихъ возмущаетъ, перспектива дальнѣйшихъ ужасовъ отъ какого-нибудь Луженовскаго и другихъ устрашаетъ ихъ, и, не имѣя другихъ средствъ мирнаго воздѣйствія на этихъ изверговъ, они рѣшаются на преступленія. Неужели, господа, вы думаете, что эти люди, если бы имѣли въ своихъ рукахъ какія-нибудь средства мирнаго воздѣйствія, пошли бы на преступленія, на политическія убійства? Думаю, что никогда они не пошли бы на политическія убійства. *(Аплодисменты.)*

Такимъ образомъ, смертная казнь, съ одной стороны, не можетъ считаться наказаніемъ, — она является актомъ кровожадной мстительности, съ другой стороны, она, конечно, не можетъ быть актомъ правосудія, такъ какъ совершается съ закрытыми глазами надъ лицами, о которыхъ нельзя или трудно судить, преступники ли они, или они руководствуются въ преступленіи мотивами болѣе высокаго порядка, чѣмъ движеніемъ злой, преступной воли. Но, къ сожалѣнію, господа, часть нашего общества, и главное, именно наше министерство, насколько я знаю, не убѣждаются подобными соображеніями, не убѣждаются тѣмъ, что смертная казнь въ настоящее время противна общественному сознанію, представляется вопіющимъ зломъ и не можетъ быть названа ни въ коемъ случаѣ актомъ правосудія. Какой же это высшій синтезъ пониманія жизни у нихъ примиряетъ эту кровожадную мстительность съ правосудіемъ? Я, господа, съ своей стороны, не знаю такого высшаго синтеза жизни, который примирялъ бы мстительность съ актомъ правосудія. Для меня, какъ убѣжденнаго христіанина, высшій синтезъ пониманія жизни заключается въ Евангеліи Христа. И вотъ я долженъ съ грустью сказать, что, дѣйствительно, на это пониманіе жизни и указываютъ совершенно превратно: указываютъ на то, что Самъ Богъ, будто бы, велитъ наказывать грѣшниковъ смертной казнью. Къ прискорбію, такой взглядъ приводится въ учебникахъ по закону Божію, катихизисахъ, выражается лицами, принадлежащими къ Церкви, но

являющимися выразителями не мнѣнія Церкви, а вѣдомства православнаго исповѣданія. *(Аплодисменты.)*

Я со своей стороны имѣю доказательства, что лицами, честно служащими Церкви Христовой, это мнѣніе не раздѣляется. Я отъ многихъ священниковъ, отъ цѣлыхъ группъ священниковъ моей губерніи, отъ которой я являюсь представителемъ, получаю телеграммы, гдѣ меня просятъ мои собратья, служители религіи, ходатайствовать передъ Государственной Думой объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. *(Аплодисменты.)* Теперь, господа народные представители, я въ краткихъ словахъ изложу вамъ тотъ основной взглядъ на смертную казнь, который я нахожу въ священныхъ христіанскихъ книгахъ, представляющихъ для меня, какъ убѣжденнаго христіанина, откровеніе. Еще на первыхъ страницахъ Библіи мы слышимъ вопросъ: «Каинъ, гдѣ братъ твой?» Братоубійца слышитъ этотъ вопросъ, и душа его трепещетъ. Такъ реагируетъ сознаніе первобытнаго человѣка на такое страшное преступленіе, какъ убійство. Господа, мнѣ думается, что въ первыя времена человѣчества, когда человѣчество сознало себя, для него не было болѣе страшной печати, какъ печать братоубійцы — Каина. Немного далѣе мы встрѣчаемъ другого ветхозавѣтнаго человѣка, въ словахъ котораго мы слышимъ крикъ нравственной боли, какъ будто за нимъ по пятамъ гонится нѣчто страшное, ужасное. Онъ совершилъ убійство, онъ убилъ двухъ человѣкъ. Конечно, развитіе человѣчества шло медленно, но уже нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, какъ отдаленный раскатъ грома съ дымящихся высотъ Синая, разнеслось властное для сердца человѣческаго приказаніе «не убивай». Чѣмъ дальше мы вглядываемся въ страницы Библіи, тѣмъ властнѣе и шире растетъ это повелѣніе, идетъ crescendo. Уже ветхозавѣтный человѣкъ, нѣсколько пріобщившійся къ культурѣ, трепещетъ при одной мысли, что ему, можетъ-быть, придется пролить кровь человѣка. Читавшій 50 псаломъ знаетъ стихъ: «избави меня отъ крови, Боже спасенія моего». Да, этотъ ветхозавѣтный человѣкъ трепещетъ при одной мысли о возможности пролить человѣческую кровь. Является Іисусъ, раздалась проповѣдь Евангелія, и міръ услышалъ дивныя слова: «Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, дѣлайте добро тѣмъ, кто ненавидитъ васъ». Обратите вниманіе на эти слова, на это ученіе: въ немъ, въ этихъ словахъ, отрицается самый жизненный нервъ смертной

казни, жизненный нервъ смертныхъ приговоровъ, отрицается то, что не должно болѣе существовать въ родѣ человѣческомъ. Это отрицается, какъ видно далѣе, и фактами. Напримѣръ, фактъ прощенія самарянъ, которые въ глазахъ учениковъ Христа оскорбили Его своимъ невниманіемъ, отказались принять усталаго путника въ свое селеніе. Раздается голосъ, увѣщавающій, что «Сынъ человѣческій пришелъ не губить людей». Смертная казнь рисуется уже какъ пагуба, гибель людей. И вотъ этотъ протестъ противъ лишенія жизни человѣка, усиливающійся все болѣе и болѣе, разрѣшается, наконецъ, какъ заключительнымъ аккордомъ, крестной смертью Іисуса. Стоящіе у креста друзья Его думали въ горести, что все для нихъ потеряно: пострадалъ невинный, поруганія обрушились на голову Учителя истины и любви, лишенъ жизни благороднѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ... Девятнадцать вѣковъ прошли съ того времени. И мы, господа, знаемъ, на чьей, собственно, сторонѣ нравственная побѣда. Крестной смертью Іисуса скомпрометировало себя не одно только римское правительство, гордившееся своею государственною мудростью; распятый Іисусъ отнынѣ будетъ вѣчнымъ символомъ укоризны для всякаго правительства, дѣйствующаго путемъ насилія, мучащаго людей, приговаривающаго къ смертнымъ казнямъ. И мое убѣжденіе, господа, что разъ существуетъ человѣческій судъ, возможно осужденіе невиннаго, это мое убѣжденіе, при воспоминаніи о крестныхъ страданіяхъ моего Спасителя, поражаетъ меня ужасомъ, что если въ Россіи будетъ существовать смертная казнь, всегда возможно, что будетъ казненъ человѣкъ съ богатыми возможностями къ жизни, человѣкъ, который составилъ бы честь, славу и украшеніе всего человѣчества. И вотъ этотъ носитель чести и славы, о которыхъ не узнаютъ люди, можетъ получить преждевременную смерть, и у человѣчества можетъ быть отнято дорогое существо. Не буду, господа, больше утомлять ваше вниманіе. Вѣдь изъ всего сказаннаго ясенъ приговоръ религіи Христа: что никакое правительство, никакая власть на землѣ не имѣютъ права отнимать жизни у человѣка. *(Аплодисменты.)*

По заключеніи преній и докладѣ комиссіи проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни принятъ Государственной Думой единогласно въ слѣдующей редакціи:

«Статья 1-ая. Смертная казнь отмѣняется.

«Статья 2-ая. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1.	Вл. Соловьевъ. — О смертной казни	3— 23
2.	Свящ. Гр. Петровъ. — Смертная казнь — преступленіе.	24— 30
3.	Архимандритъ Михаилъ. — Смертная казнь и убійства по долгу службы	31— 42
4.	Епископъ Антонинъ Нарвскій. — Смертная казнь	43— 44
5.	Проф. И. Громогласовъ. — Прискорбное молчаніе	45— 57
6.	Д-ръ И. А. Богословскій. — Смертная казнь и Евангеліе	58— 62
7.	В. Розановъ. — Лукавыя слова	63— 66
8.	Волжскій. — Ужасная тема	67— 70
9.	Проф. С. Булгаковъ. — О смертной казни	71— 75
10.	Н. Бердяевъ. — Казнь и убійство	76— 78
11.	А. Хирьяковъ. — Викторъ Гюго противъ смертной казни.	79— 84
12.	П. Боборыкинъ. — Законное злодѣйство	85— 94
13.	Прив.-доц. Н. В. Давыдовъ. — Смертная казнь	95—102
14.	Проф. В. Кузьминъ-Караваевъ, членъ Государственной Думы. — Вопіющее беззаконіе	103—111
15.	Проф. М. П. Чубинскій. — Смертная казнь и военные суды	112—121
16.	Проф. Энрико Ферри. — Смертная казнь и соціальный подборъ	122—125
17.	П. Крапоткинъ. — Наказаніе смертной казнью	126—129
18.	Прив.-доц. Н. Баженовъ. — Психологія казнимыхъ	130—156
19.	Б. Пруссъ. — Смертная казнь	157—160
20.	О. Пергаментъ. — Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor.	161—163
21.	В. Владимировъ. — Современныя казни	164—248
22.	В. И. Немировичъ-Данченко. — Двѣ казни	249—259
23.	И. Новиковъ. — Въ черной шапочкѣ съ поднятымъ воротникомъ	260—273
24.	Р. Н. Хинъ. — Она придетъ	274—279
25.	А. Вергежскій. — * * *	280—282
26.	Прив.-доц. М. Гернетъ. — Борьба русскаго народа противъ смертной казни	283—301
27.	В. Владимировъ. — Послѣсловіе	302—312
28.	О. Гольдовскій. — Смертная казнь предъ судомъ Европы.	313—321

Стр.

Письма, полученныя редакціей сборника отъ иностранныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей:

29. Проф. Г. Еллинекъ . . . . . 322—322
30. Эдуардъ Бернштейнъ . . . . . 322—324
31. Бьёрнстерне Бьёрнсонъ . . . . . 324—325
32. Г. Брандесъ . . . . . 325—326
33. Проф. Эмиль Бутру . . . . . 326—328
34. Л. Гавэ, членъ института . . . . . 328—330
35. Проф. А. Краузе . . . . . 330—331
36. Проф. Лависсъ . . . . . 331—331
37. П. и В. Маргеритъ . . . . . 331—332
38. Октавъ Мирбо . . . . . 332—333
39. Фредерикъ Пасси . . . . . 333—337
40. Проф. Ш. Сеньобосъ . . . . . 337—338
41. Анатоль Франсъ . . . . . 338—338
42. д'Эстурнель де-Констанъ . . . . . 338—339
43. Проф. Э. Лоранъ, депутатъ . . . . . 339—340
44. Эмиль Вандервельде, депутатъ . . . . . 341—341
45. Кейръ Гарди, членъ парламента . . . . . 342—342
46. Г. Вильсонъ, членъ парламента . . . . . 342—343
47. Э. Карпентеръ . . . . . 343—344
48. Р. Макдональдъ, членъ парламента . . . . . 344—345
49. А. Моодъ . . . . . 345—346
50. А. Уоллэсъ . . . . . 346—347
51. Э. Оржешко . . . . . 348—352
52. Письма—подлинники иностранныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей . . . . . 353—384
53. Приложеніе: Списокъ приговоренныхъ къ смертной казни. Сост. М. Гернетъ . . . . . 385—424
54. Проф. П. Минаковъ. — По поводу смертныхъ казней . 425—429
55. Л. Н. Толстой. — Божеское и человѣческое . . . . . 430—448
56. Рѣчи въ Государственной Думѣ по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни . . . . . 449—458

HV 8698 .P78 1907
Protiv smertnoi kazni.
Stanford University Libraries
3 6105 041 835 690

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-60
(415) 723-1493

All Books may be recalled after 7 da

DATE DUE

DOC MAY 01 1996

AUG 3 1999

JUN 1 2004

DEC 17 REC'D